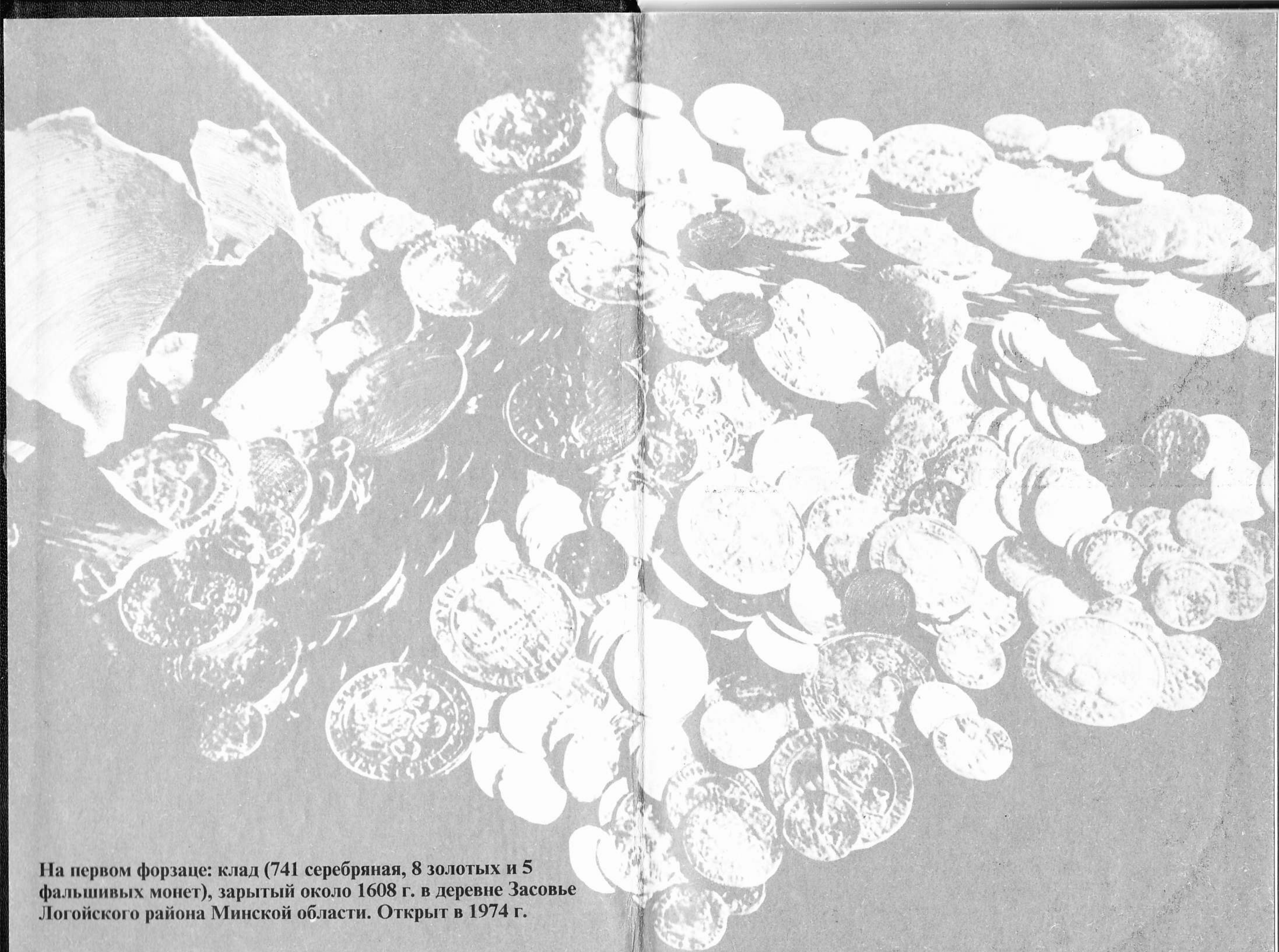

НУМИЗМАТИКА БЕЛАРУСИ

НУМИЗМАТИКА
БЕЛАРУСИ

На первом форзаце: клад (741 серебряная, 8 золотых и 5 фальшивых монет), зарытый около 1608 г. в деревне Засовье Логойского района Минской области. Открыт в 1974 г.

Н
фа
Ла

В.Н.РЯБЦЕВИЧ

НУМИЗМАТИКА БЕЛАРУСИ

МИНСК
«ПОЛЫМЯ»
1995

ББК 63.2 (4 Бен)
Р 98
УДК 737(476)(091)<02/19>

Издание осуществлено при спонсорском участии Национального банка Республики Беларусь

Оформление *П. П. КАЗЕЙ*

Рябцевич В. Н.
Р 98 Нумизматика Беларуси / Художн. П. П. Казей.— Мн.: Полымя, 1995.— 687 с.: ил.
ISBN 5-345-00737-3.

В книге рассказывается о происхождении денег, о монетах и кладах, об истории денежного обращения на территории Беларуси во II—XX вв. Монетные и геральдические таблицы помогут в определении старинных монет.

Адресуется студентам и преподавателям вузов, школьникам и учителям, музейным работникам, коллекционерам — всем интересующимся отечественной историей.

Р $\frac{7370000000-011}{М306\ (03)-95}$ 6 — 94

ББК 63.2 (4 Бен)

ISBN 5-345-00737-3

ВВЕДЕНИЕ

Возникший в средние века термин Нумизматика (**numismática** – собрание монет) — латинская модификация новогреческого прилагательного **номисматикóс** (νομισματικός — монетный), порожденного древнегреческим существительным **нóмисма** (νόμισμα — монета) восходящим к слову **нóмос** (νόμος — обычай, право, закон, законное платежное средство).

Нумизматика — специальное направление исторических исследований, занимающее промежуточное положение между археологией и историей. Если археолог имеет дело преимущественно с вещественными материалами, а историк — с письменными, то нумизмат опирается прежде всего на монеты — памятники, сочетающие в себе черты как материальных, так и письменных источников.

Нумизматика изучает историю денежно-весовых и монетных систем, характер их взаимодействия и взаимовлияния в ходе экономических, политических и культурных контактов этносов и государств; денежное обращение и его взаимосвязи с товарными рынками; организацию и технику монетного производства; становление и эволюцию монетного права; денежные реформы; процессы кладообразования и их причины.

Очень близки к ней дисциплины, связанные с исследованием медалей, жетонов и плакеток (медальерное искусство), печатей (сфрагистика), орденов и значков (фалеристика), бумажных денег (бонистика) и примитивных домонетных средств денежного обращения.

Основные источники нумизматики — комплексные монетные захоронения (клады) и отдельные монеты, инструменты монетного производства, гирьки для взвешивания монет и т. п. Важнейшие материалы нумизматических исследований, без привлечения которых невозможно достижение исчерпывающих выводов, представлены имеющими отношение к денежному производству и обращению данными летописных и актовых документов, археологии, этнографии, генеалогии, геральдики, сфрагистики, метрологии, эпиграфики, палеографии, искусствоведения, исторической географии, политической экономии и истории.

Методика современной нумизматики базируется на принципе компаративности, используемом для сравнения штемпелей и техники монетного производства различных эпох и государств, для сопоставления эмиссионных монетных дат со стратиграфическими и дендрохронологическими данными археологии, с общеисторической хронологией, с упоминаниями средств денежного обращения, платежа и накопления в письменных источниках и т. д.

К плодотворным приемам нумизматики относится картографирование монетных находок (нумизматические топографии). В последние годы все более широкой становится практика обращения нумизматов к новейшим физическим методам исследований — различным видам качественного анализа (изотопному, гамма-активационному, нейтронно-активационному) монет, к номинальной, качественной и метрологической обработке массового монетного материала с помощью компьютерной техники.

Сравнительный анализ штемпелей позволяет установить степень интенсивности и массовости выпусков конкретных монетных серий, а также их хронологическую последовательность в случае отсутствия дат чеканки.

Если на монетах не обозначено достоинство, то сопоставление их качественных и метрологических характеристик с письменными источниками позволяет «прочесть» различные номиналы и раскрыть стоимостные соотношения между ними, иными словами, «реконструировать» монетную систему.

В условиях античности, средневековья и нового времени монеты (прежде всего — из благородных металлов) не признавали государственных границ, обслуживая самых разнообразных рыночных контрагентов за пределами своей родины. Именно поэтому нумизматические топографии дают возможность очертить ареалы и хронологию бытования тех или иных средств денежного обращения, «проявить» направления не только внутренних, но и международных торговых, культурных и политических связей, датировать их возникновение, расцвет и угасание.

Таким образом, нумизматика играет существенную роль в разрешении широкого круга проблем, связанных не только с историей денежного хозяйства, но и с экономическим, культурным и политическим прошлым различных народов и государств.

Становлению нумизматики как науки предшествовал длительный период накопления фактического материала, выразившегося в коллекционировании монет, первые сведения о котором относятся к античному времени. Широкое распространение оно получило с XIV в. В XVIII в. нумизматика начинает эволюционировать от простого, механического собирательства реликтов денежного обращения к их общей классификации, историческому, экономическому, метрологическому, искусствоведческому и иным анализам.

Основоположником научной нумизматики стал венский ученый И. И. Эккель, в 1792-1798 гг. издавший восьмитомный труд «Наука о древних монетах».

В России первые опыты аналитического осмысления нумизматических данных относятся к концу XVIII в. В 1804 г. создано Московское общество истории и древностей, поставившее перед собой, в частности, и нумизматические задачи. В 1846 г. по инициативе известного нумизмата Б. В. Кёне в Санкт-Петербурге учреждено Русское археологическое общество, из которого впоследствии (официально в 1905 г.) выделилось нумизматическое отделение. В 1859 г. в Санкт-Петербурге начала работу Императорская археологическая комиссия, организовавшая систематическую регистрацию нумизматических памятников и их публикации. В комиссию поступало большинство кладов, которые после более или менее обстоятельной научной обработки распределялись по музеям, продавались коллекционерам или, что особенно касалось монет XVI-XVIII вв., передавались для сплава на Монетный двор.

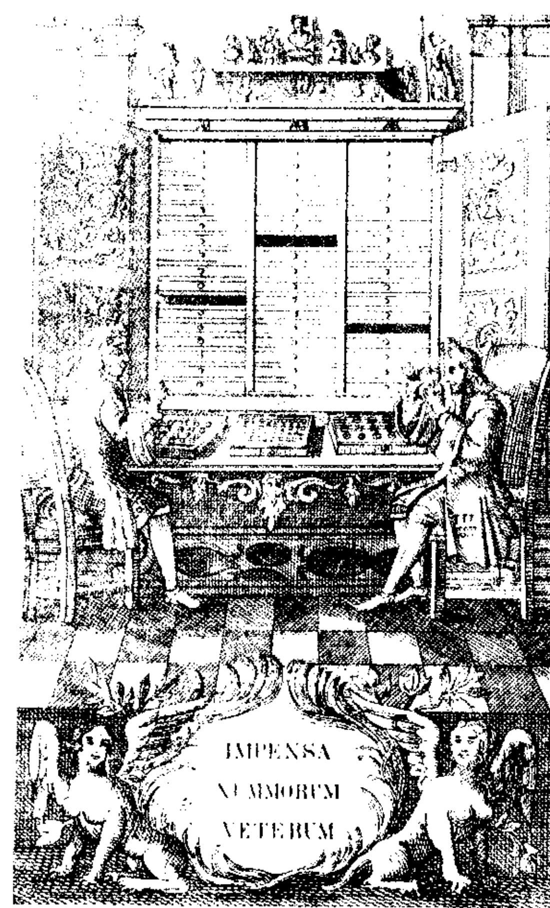

Рис. 1. **Нумизматический кабинет** (Франция, конец XVII — начало XVIII в.)

Значительный вклад в развитие нумизматических знаний внесли открытое в 1864 г. Московское археологическое общество и провинциальные церковно-археологические общества, учреждавшиеся с конца XIX в.

Как и везде, в Беларуси нумизматика начиналась с коллекционирования. Уже во второй половине XVII в. сфор-

мировалось крупное монетно-медальное собрание Радзивиллов в Несвиже. В 1812 г. 3-й Западной армией под командованием П. В. Чичагова из Несвижа изгнано французское войско. «Из числа добычей взятых» ценностей радзивилловского замка 12209 серебряных и золотых монет и медалей были отправлены в Минск, откуда в январе 1813 г. переданы Харьковскому университету.

К первой половине 1820-х гг. относится начало нумизматической деятельности крупного государственного деятеля и дипломата Н. П. Румянцева. В письме от 7 ноября 1821 г. из принадлежавшего ему Гомеля он сообщает: «На сих днях среди самого Гомеля из земли вырыт горшок с серебряными монетами... Все оне одинаковы и годов тысяча шестьсот двадцатых, монеты Польские короля Сигизмунда». В следующем, 1822 г. румянцевское собрание пополнилось найденным в Гомеле кладом монет Арабского халифата IX—X вв. 3 декабря 1822 г. Румянцев пишет митрополиту Евгению о «монетах куфийских, найденных близ нашего Могилева», и передает академику Х. Д. Френу для определения 50 арабских дирхамов из этого клада. В этом же году он пытается собрать сведения о «монетах, найденных в Витебске», и приобретает клад, открытый в Троках (ныне — г. Тракай в Литве).

В 1825 г. лишь одно восточное отделение собрания Румянцева насчитывало около 950 монет, в 1828 г. греческая часть античного отделения была представлена 524 монетами.

После смерти Румянцева (1826) его коллекции переданы в Казенное ведомство (Санкт-Петербург), в 1831 г. открыты для обозрения, а в 1861 г. перевезены в Москву, где составили основу Московского публичного музеума и Румянцевского музеума.

Генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, купивший в 1834 г. Гомель у наследников Румянцева, составил здесь очень значительное нумизматическое собрание.

В 1840—1860-х гг. крупнейшим собирателем монет был один из основоположников белорусской научной археологии Е. П. Тышкевич, обратившийся в 1854 г. к виленскому генерал-губернатору с предложением организовать исторический музей. «Для положения начала сему учреждению, — сообщало донесение губернаторской канцелярии в Министерство просвещения,— он пожертвовал собственный кабинет, состоящий из значительной библиотеки, собрания рукописей, монет... относящихся к историческим древностям Западной России (Беларуси.— *В. Р.*)». Нумизматическая коллекция, переданная Тышкевичем в создаваемый музей, состояла из 3072 монет. 29 апреля 1855 г. в Вильно учреждены Временная археологическая комиссия и Музей древностей, целью которых было «собрание в одно целое древних актов, книг, рукописей, монет, медалей... относящихся к истории Западного края России». В 1860 г. Временная археологическая комиссия преобразовывается в Виленское ученое общество с приданным ему Музеем древностей, один из отделов которого состоял из «коллекции медалей и монет отдельно каждого государства». К 1858 г. нумизматическое собрание Виленского музея содержало 3264 монеты (539 античных, 283 восточных, 426 русских, 2016 литовских, польских и западноевропейских), в 1879 — 4659 монет (319 древнегреческих, 160 римских, 720 восточных, 1318 русских, 2142 литовских, польских и западноевропейских) и 1283 медали.

С последней трети XIX в. ведущая роль в деле регистрации и хранения монетных находок переходит от частных собирателей к музеям, созданным в 1870—1880-х гг. при статистических комитетах Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний. В различных городах учреждается, помимо организованных при статистических комитетах, еще целый ряд музеев.

В 1880-х гг. в Витебске открыт музей В.П.Федоровича, фонды которого содержали монеты, найденные в Витебской, Минской и Могилевской губерниях. В 1893 г. там же создан Церковно-археологический музей (Церковно-археологическое древнехранилище) с богатым нумизматическим собранием. В 1911 г. основано Витебское отделение Московского археологического института, ведшее серьезную работу по регистрации монетных находок.

В 1907 г. учрежден Минский церковно-археологический музей, в 1912 г.— музей Минского товарищества любителей природоведения, этнографии и археологии, на основе которого вскоре был создан Минский городской музей. Оба эти учреждения, владевшие богатыми нумизматическими коллекциями, просуществовали до первой мировой войны. Фонды Церковно-археологического музея, в 1914 г. эвакуированного в Рязань, возвращены в Минск в 1922 г.

В 1918 г. в Вильно, входившем в состав Польши, краеведом И. Луцкевичем создано Белорусское научное товарищество, которое в 1921 г. основало Виленский белорусский музей его имени. В фонды этого музея поступила значительная часть богатой нумизматической коллекции археолога Г. Х. Татура.

В ноябре 1918 г. открыт Витебский музей, которому было передано вывезенное из Вильно монетное собрание Виленского войскового сбора.

20 февраля 1919 г. в Минске открыт Белорусский областной музей, экспонаты которого (включая монетное собрание) в 1920 г. были вывезены отступавшими поляками.

В 1919 г. на базе национализированных в 1917 г. коллекций (в том числе и нумизматических) Паскевичей создан Гомельский музей.

В 1919 г. открылся Могилевский музей, в основу которого легли нумизматические и этнографические материалы бывшего Могилевского церковно-археологического музея и собрания известного белорусского этнографа Е. Р. Романова.

19 ноября 1922 г. состоялось открытие Белорусского государственного музея в Минске. В него поступили нумизматические коллекции бывших минских церковно-археологического и городского музеев, музейных фондов Горок, Мстиславля и Черикова; 75 монет были получены от Торгсина, коллекция медных, серебряных и золотых монет — от ЦИК БССР. В 1927 г. отдел нумизматики музея имел около 14 000 монет.

В 1922 г. учрежден Гродненский музей, в фонды которого поступила богатая нумизматическая коллекция (преимущественно литовские и польские монеты) польского археолога и нумизмата Ю. Ёдковского.

К концу 1930-х гг. музеи Беларуси обладали крупными монетными собраниями, которые практически полностью погибли во время немецко-фашистской оккупации.

В послевоенные годы проделана огромная работа по воссозданию музеев республики. К настоящему времени они собрали и хранят более 450 монетных кладов, содержащих более 100 000 монет различных эпох. Наиболее обьемными и упорядоченными нумизматическими собраниями обладают Национальный музей истории и культуры Беларуси и нумизматический кабинет Белорусского государственного университета.

Нумизматика — одна из самых молодых исторических дисциплин Беларуси: возраст ее — менее 70 лет.

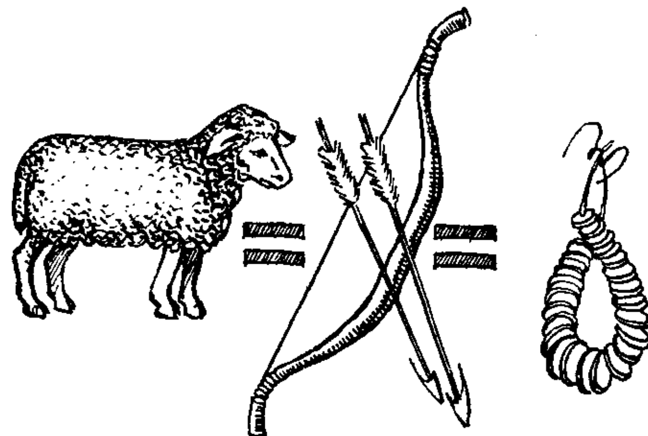
В 1927 г. были опубликованы две статьи П. В. Харламповича. Одна из них содержала перечень монетных кладов, хранившихся в Белорусском государственном музее, вторая — сводку находок на территории Беларуси чешских монет XIV-XV вв.

В 1933 г. Ю. Ёдковским введены в научный оборот клады, открытые в западных областях Беларуси с 1928 по 1930 г.

Богатое, поныне неопубликованное нумизматическое наследие оставлено Н. Н. Щекатихиным. В Государственном Эрмитаже хранятся две его рукописи — «Топография кладов с литовскими монетами на территории древнего Литовского государства (1933—1934) и «Очерк истории литовской монеты XVI—XVII вв.». Ч. I (1932—1937). В 1929 г. Щекатихин подготовил к печати статьи «Обзор монетных находок Белоруссии за 1926-1928 гг.» и «Описание монетных находок на территории Минска». Судьба их остается неизвестной.

Нумизматические исследования в Беларуси возобновились лишь в начале 1960-х гг. Ныне они представлены значительным количеством публикаций, однако история денежного обращения на территории республики еще таит в себе немало загадок.

ТОВАР И ДЕНЬГИ

Тема денег в творчестве мыслителей прошлого

Товар; его основные характеристики — потребительная и меновая стоимости, стоимость

Товарообмен — первая стадия экономических и торговых связей

Товаро-деньги, их основные виды («мычащие» деньги, соль, каури и т. д.)

Домонетные металлические средства денежного обращения

Функции денег

ГЛАВА I

«Любопытно, я никогда и нигде не слыхала, чтобы Монетному двору приходилось рекламировать свою продукцию»,— размышляет экономическая советница Минна Карлсон, героиня романа М. Ларни «Прекрасная свинарка».

Действительно, деньги — пожалуй, единственное в окружающем нас товарном мире, что не нуждается в рекламе: даже трех-четырехлетний малыш превосходно знает, что благодаря металлическим кружочкам или прямоугольникам цветной бумаги становятся доступными самые заманчивые вещи — от мороженого до яркой книжки...

Деньги настолько прочно обосновались в повседневной, ежечасной жизни, что мы не видим в них ничего необычного. А между тем они — одно из замечательнейших открытий человечества: «Каждый, сидя дома, может посредством денег приобретать и наслаждаться всем, что производится землей, животными и человеческой промышленностью. Удивительное изобретение!» (Дж. Монтанари. «О деньгах». 1683).

Задумаемся: разве в самом деле не поразительны свойства этих, казалось бы, заурядных предметов, способных поставлять их владельцам любые, самые вожделенные блага? Ведь, не представляя сами по себе сколько-нибудь значительной ценности, они не только служат мерилом стоимости всех вещей, но и обладают чудесным свойством превращаться в каждую из них:

Так странно: мне дали сметаны и сала,
Черного хлеба, яиц и масла кусок.
За что? За деньги, за смешные кружочки металла?
За звонкий символ обмена,
проходящий сквозь мой кошелек?

САША ЧЕРНЫЙ «В деревне». 1910

Широко известно выражение «Деньги не пахнут». Оно связано с историей, о которой повествует римский историк Светоний (ок. 61—141 н. э.) в «Жизнеописании двенадцати цезарей».

Императора Веспасиана (69—79 н. э.), введшего налог на общественные туалеты Рима, «...сын Тит упрекал за то, что он даже на мочу умудрился наложить пошлину». В ответ

Веспасиан поднес к его носу деньги, полученные при первом же платеже, и спросил, ощущает ли он противный запах, и когда тот ответил отрицательно, сказал: «А ведь деньги-то — от мочи!».

Действительно, по внешности денег невозможно узнать, за что они получены: «В своей денежной форме один товар выглядит совершенно так же, как и всякий другой товар,— отмечает К. Маркс.— Деньги могут представлять собой навоз, хотя навоз отнюдь не деньги... Вещи, которые сами по себе не являются товаром, например совесть, честь и т. д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму» («Капитал», 1867).

Зачастую стремление к обогащению пробуждает в человеке самые низменные инстинкты — вероломство, скупость, зависть, тщеславие, властолюбие и прочие малопочтенные качества. Неудивительно поэтому, что деньги издавна стали объектом самых яростных обличений как средоточие всяческого зла и пороков.

В библейском Ветхом завете сказано: «Кто любит серебро, тот не насытится серебром; и кто любит богатство, тому нет пользы от того. И это — суета!» («Екклезиаст», Гл. V. Ст. 9).

Афинский государственный деятель Солон (между 640 или 635 — ок. 559 до н. э.) восклицает: «Люди не знают предельной границы богатства!».

Поэт и драматург Софокл (ок. 496 — ок. 406 до н. э.) следующим образом отзывается о них:

Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дома выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить...

«Антигона»

Философ Демокрит (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) указывает: «Жадность к деньгам, если она ненасытна, гораздо тягостнее крайней нужды... Как из ран самая худшая есть болезнь рак, так при обладании деньгами самое худшее — желание постоянно прибавлять к ним» («Политика»).

Поэт и драматург Еврипид (между 480 или 484— 406 до н. э.) пишет: «У кого в доме деньги очень долго водятся, тот и благороден» («Эоль»).

Историк и философ Ксенофонт (ок. 430 — ок. 354 до н. э.) констатирует: «...когда приобретут столько утвари, сколько нужно для хозяйства, редко прикупают еще; напротив, денег никто не имеет столько, чтобы не желать иметь их еще больше» («О налогах»).

Философ Платон (428 или 427—348 или 347 до н. э.) замечает, что у каждого, кичащегося своим благородным происхождением, есть «семеро богачей дедов» («Феэтэн»).

Комедиограф Менандр (342—291 до н. э.) возмущается:

Одно богатство может стать завесою
Безродности, противному характеру
И всем порокам, человеку свойственным...

«Подкидыш, или Деревенщина»

Когда к шальным деньгам и власть добавится,
Сдуреет даже тот, кто слыл за умного...
Владею я богатством, и зовут меня
Богатым — все, счастливым — не зовет никто...

«Отрывки из несохранившихся комедий»

Великий философ Аристотель (384—322 до н. э.) единодушен с Солоном и Ксенофонтом: «Все, занимающиеся денежными оборотами, стремятся увеличить свои богатства до бесконечности» («Политика»).

Философ и писатель Плутарх (ок. 45 — ок. 127 н. э.) замечает: «Сребролюбия не угасит ни серебро, ни золото, и обладание большим богатством не прекращает стремления к большему богатству. К богатству можно обратить то, что сказано было хвастливому врачу: «Твое лекарство хвори лишь способствует» («О сребролюбии»).

Римские авторы солидаризируются с греческими. Поэт Вергилий (70—19 до н. э.) пишет об охватившей его современников «проклятой жажде золота».

Историк Плиний Старший (23 или 24—79 н. э.) заявляет: «В деньгах кроется источник скупости... постепенно она разгорается до безумия — это уже не скупость, а страсть к золоту» («Естественная история»).

Поэт-сатирик Ювенал (ок.60 — ок.140 н. э.) указывает на то, что «жадность к монете растет соответственно росту богатства».

Иудейско-римский историк Иосиф Флавий (ок. 37 — ок. 95 н. э.) пишет: «...жадность к деньгам, как видно, не боится кары; человеку врождена отвратительная любовь к наживе, и ничто не подвергает его стольким опасностям, как сребролюбие, ибо всякая другая страсть имеет свой предел и может быть обуздана страхом» («Иудейская война»).

Не утихают обличения денег в средние века и в новое время. Ими пестрит «Кармина Бурана» — знаменитый сборник поэзии вагантов (бродячих клириков и школяров-студентов), оформившийся в XII—XIII вв. Кажется, поэту Вальтеру Шатильонскому (вторая половина XII — начало XIII в.) принадлежат строки:

К кошельку набитому всем припасть охота:
Раз возьмут и два возьмут, а потом без счета.
Что считать по мелочи? Не моргнувши глазом,
На кошель навалятся и придушат разом»

«Обличение Рима»

В этом же сборнике анонимный автор пишет:

Ныне повсюду на свете
великая милость монете...
Ради возлюбленных денег
впадает в грехи и священник..
Деньги святыня имущих
и обетование ждущих.
Деньги женскую верность
легко превратят в лицемерность.
Деньги из знатных и важных
сделают тварей продажных...
Из-за денег в народе
воров — как звезд в небосводе...
Деньги — ведомо это —
глупца превращают в поэта...
Деньги спасут от недуга,
купят подругу и друга...
Деньги могучи премного,
их все почитают за бога...

«Стих о всесилии денег»

Христофор Колумб в одном из писем с Ямайки (1503) замечает: «Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай».

У. Шекспир считает деньги способными

...сделать все чернейшее белейшим,
Все гнусное — прекрасным,
Всякий грех — правдивостью,
Трусливого — отважным храбрецом,
А старика — и молодым и свежим!

«Тимон Афинский», ок. 1607 г.

Французский экономист П. Буагильбер сетует на то, что деньги превратились в «божества, которым приносили и продолжают приносить в жертву больше богатств, драгоценностей и даже человеческих жизней, чем слепая древность когда-либо приносила в жертву этим ложным богам» («Розничная торговля Франции», 1697).

Традиция обличения денег продолжает жизнь в художественной литературе XIX—XX вв. О. Бальзак вкладывает в уста героя своего романа «Гобсек» (1830) слова: «Что такое жизнь, как не машина, которую приводят в движение деньги?.. Золото — вот духовная сущность всего нынешнего общества».

Рис. 2. **Пляска смерти.**
Худ. Ганс Гольбейн Младший (Германия, 1526 г.)

Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868) — Ганя Иволгин, охваченный безудержной страстью к деньгам, откровенничает перед своим собеседником князем Мышкиным: «Вы мне говорите, что я человек неоригинальный... Нажив деньги, знайте, я буду человеком в высшей степени оригинальным. Деньги тем подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают».

В романе У. С. Моэма «Бремя страстей человеческих» (1915) мэтр Фуане поучает молодого художника Филиппа: «Деньги — это шестое чувство, без которого вы не можете как следует пользоваться остальными пятью...»

В «Голубой книге» (1935) М. М. Зощенко читаем: «...стремление к деньгам было весьма серьезным делом... Люди сильно преуспевали в этом деле... Но тут, так сказать, мораль у них сильно раскололась. С одной стороны, нужно было хапнуть деньги для того, чтобы жить честно и быть в безопасности от превратностей жизни, а с другой стороны, добыча денег была всегда тесно связана с преступлением. Тут можно было растеряться. Поэтому бедняга человек, награбив деньги и сразу забывши обо всем, лепетал высокие слова о совести и чести и писал об этом законы, а до сих пор вполне мог и был способен с легкостью зарезать родного папу, чтобы воспользоваться его имуществом».

Нетрудно заметить, что цитировавшиеся выше авторы односторонни в своих суждениях: они направляют внимание

Рис. 3. **Охота за деньгами.**
Худ. Хендрик Гольтциус (Нидерланды, 1570 г.)

читателя лишь на одну (действительно негативную) черту денег — их способность развращать и угнетать человека. Менее эмоционально, но более объективно относятся к деньгам мыслители, понимающие их общественную необходимость и пытающиеся разобраться как в отрицательных, так и в положительных их свойствах.

Ксенофонт пишет: «Когда государство процветает, граждане особенно нуждаются в деньгах: мужчины хотят покупать красивое оружие, добрых коней, великолепные дома и обстановку; женщины жаждут нарядов и золотых украшений; если же государство страдает от неурожая или войны, то деньги необходимы для приобретения продовольствия ввиду необработанных полей или для найма вспомогательных войск» («О налогах»).

Аристотель отмечает: «Деньги в качестве меры делают соизмеримыми все предметы и после этого приравнивают их. Ибо не будь обмена — не было бы общества, не будь приравнения — не было бы обмена, не будь соизмеримости предметов — не было бы приравнения» («Никомахова этика»).

Римский оратор и политический деятель Цицерон (106—43 до н. э.) определяет деньги как «нервы войны» (5-я Филиппика).

Римский поэт Гораций (65—8 до н. э.) подчеркивает: «Деньги бывают царем или рабом того, кто скопил их» («Послания»).

Регенсбургский монах Отлох Эммеранский (ок. 1010 — нач. 1070-х) призывает «повелевать деньгами, а не повиноваться им» («Книга пословиц»).

Английский экономист Э. Мисселден указывает: «Бедствия народов происходят только от того, что бывшего раба (деньги.— *В. Р.*) сделали господином или, вернее, тираном» («Свободная торговля, или средство сделать торговлю процветающей...» 1622).

Французский экономист П. Буагильбер видит основное предназначение денег в том, «чтобы служить залогом при обмене (товаров. — *В. Р.*)» («Розничная торговля во Франции», 1697).

Английский экономист У. Петти определяет деньги как «всеобщее богатство» («Политическая арифметика», 1699).

Петр I известен парафразами на цицероновскую атрибуцию денег: «Деньги суть артиллериею войны», «Деньги суть артериею войны», «Деньги суть жизнию войны» (Указы Сенату от 22 февраля, 2 марта и 19 мая 1711 г.).

Итальянский экономист П. Верри именует деньги «универсальным товаром» («Размышления о политической экономии», 1804).

Русский экономист Г. Шторх пишет: «Так как деньги являются представителями всех других богатств, то достаточно накопить их, чтобы можно было приобрести все существующие в мире богатства» («Курс политической экономии», 1823).

Английский экономист Н. У. Сениор замечает: «Деньги, по-видимому, единственный предмет, стремление к которому является всеобщим, и это происходит потому, что деньги — абстрактное богатство и люди, владея ими, могут удовлетворять все свои потребности, какого бы рода они ни были» («Основные принципы политической экономии», 1836).

Французский экономист М. де ла Ривьер указывает: «Деньги в наших руках представляют вещи, которые мы пожелаем купить, и в то же время вещи, которые мы продали за эти деньги» («Естественный и существенный порядок политических обществ», 1846).

К. Маркс пишет: «Своеобразная форма, которую товары придают своей меновой стоимости, превратилась в денежное название, в котором они объявляют друг другу, сколько они стоят» («К критике политической экономии», 1859); «Специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром или функционирует в качестве денег. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента делается его специфической общественной функцией, а следовательно, его общественной монополией» («Капитал», Т. III, 1867).

У. Ю. Гладстон, канцлер казначейства Англии (с 1852) в одном из своих парламентских выступлений заявил, что мудрствования по поводу сущности денег сделали дураками гораздо большее, чем удалось любви, число людей. Эта далеко не парламентская фраза, тем не менее, в целом верно выразила чрезвычайную сложность проблемы...

Итак, необходимо ответить на вопросы — почему, каким образом и когда появились деньги?

Незнание прошлого с неизбежностью приводит к непониманию настоящего. Следует напомнить эту общеизвестную истину, прежде чем пытаться найти ответы на поставленные вопросы. Поэтому начнем издалека...

Деньги — специфический вид ***товара.*** Но что же такое товар? Это — любой продукт человеческого труда, предназначенный не для непосредственного использования самим производителем, а для обмена на другие изделия или для продажи. Понятие «товар» неоднозначно. Это важнейшее обстоятельство было подмечено еще Аристотелем: «...двояко употребление каждого блага. Первое присуще вещи как таковой, второе — нет; так, сандалия может служить для обувания ноги и для обмена. То и другое суть потребительные стоимости сандалии, ибо даже тот, кто обменивает сандалию на что-либо, в чем нуждается,— например на пищу, пользуется сандалией как сандалией. Но это не есть естественный способ ее употребления, ибо она существует не для обмена» («Политика»).

Свойства товаров, выражающиеся в способности удовлетворять те или иные потребности человека, называются ***потребительной стоимостью.*** Например, у соли она заключается в использовании ее для приготовления пищи, у свитера — в защите от холода, у произведения искусства — в удовлетворении эстетических запросов и т. д. Таким образом, товар — продукт, жизненно необходимый (или, по меньшей мере, просто полезный) не для одного, а для всех (или многих) людей. Иными словами, он пользуется большим или меньшим спросом и поэтому пригоден для обмена. Так, за две пары обуви может быть получен один костюм, который, в свою очередь, мог бы быть обменен на дюжину рубашек; десяток школьных тетрадей равноценны полутора килограммам хлеба и т. д.

Количественное соотношение, в котором один товарный вид может быть обменен на другой, выражает их ***меновую стоимость.*** Каким же образом определяется эта соизмеримость для миллионов самых разнообразных вещей? Как, например, установить стоимостные соотношения между карандашом и пуговицей, зонтиком и автомобилем, швейной иглой и компьютером? Может быть, сравнивая полезность каждого из этих товаров? Но ведь именно поэтому они и могут быть использованы для обмена, что характеры потребительных

стоимостей не сближают, а, напротив, отделяют их друг от друга!

Необходимо найти нечто общее, объединяющее все огромное разнообразие товарных изделий качественно, но в то же время разделяющее их количественно. Этим общим является ***труд человека.*** Все товары — его плоды, различающиеся лишь объемами физической, психической и интеллектуальной энергии, затраченной на их изготовление. «Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с такою же затратой времени (следует понимать: «затратой труда».— ***В. Р.***), какая необходима для производства бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции серебра можно будет добывать так же легко, как теперь одну, то при прочих равных условиях бушель хлеба будет стоить 10 шиллингов, если раньше он стоил 5 шиллингов», — указывает У. Петти («Трактат о налогах и сборах», 1667). В этом случае серебро оказывается вдвое дешевле именно потому, что добыча его становится вдвое менее трудоемкой.

Страбон, греческий историк и географ, рассказывает о, казалось бы, невероятном: у одного арабского племени два фунта золота считались равноценными одному фунту серебра, а десять фунтов — одному фунту железа! («География». Ок. 7 н. э.). Тем не менее автору этого сообщения можно поверить: в описываемое им время добыча золотого песка требовала от отсталых арабских племен относительно небольших усилий. Дело в том, что, в отличие от других металлов, золото встречается в самородном виде, свободном от посторонних примесей, и сама природа берет на себя работу по вымыванию его из почвы речными течениями. Вспомним миф об аргонавтах, дошедший до наших дней в пересказе греческого поэта V в. до н. э. Пиндара. Он повествует о том, как герой Ясон отправился на корабле «Арго» в далекую Колхиду (ныне черноморское побережье Кавказа) за золотым руном (шкурой) священного барана. Золоторунный баран — отнюдь не плод поэтической фантазии. Рассказ о нем базируется на вполне реальной основе: уже в глубокой древности люди освоили предельно простую технологию добычи золота путем промывки содержащей его земли на овчинах; густая шерсть задерживала тяжелые золотые зерна, «отпуская» вместе с потоком воды более легкий песок. Страбоновская «География» сообщает о золотоносном промысле на Кавказе: «...золото несут бурные горные потоки ...варвары собирают его в расставленные сверху корыта и в шкуры с шерстью, отсюда и называют их золоторунными шкурами».

Сообщение Страбона подтверждается более поздними авторами. Так, римский историк Аппиан (ум. в 170-е н. э.) пишет: «...золото незаметными песчинками несет множество

речек с Кавказа, и окрестные жители, расстилая бараньи шкуры глубоко по дну реки, собирают в них задержавшийся морской песок» («Римская история»). Величайший авторитет в области металлургии XVI в. немец Г. Агрикола отмечает: «Колхида прославляется в анналах за золотое руно. Сваны (их называли иберийцами) жили на Кавказе, большие и малые реки которого несли золотой песок. Так как жители собирали его на продырявленные дощечки и овечьи шкуры, разложенные по дну, то возникла легенда о золотом руне» («О горном деле и металлургии». 1550).

«Рунный» метод добычи драгоценного металла практиковался и на Востоке. Арабский историк и географ ибн Хордадбех в 885 г. рассказывает о том, что этим же способом пользовались жители долины р. Джейхун (ныне Пяндж), т. е. юга Таджикистана и севера Афганистана: они закрепляли на берегах козьи шкуры и поливали их смешанной с песком речной водой, после чего вытряхивали из них крупинки золота.

Лишь впоследствии, когда началась разработка глубинных, наиболее богатых залежей золота, добыча его многократно усложнилась, что привело к резкому росту его меновой стоимости.

Иная картина наблюдалась при извлечении из земных недр серебра: с самого начала это было связано с тяжелыми рудокопными работами. Получению же железа в чистом виде предшествовали еще более трудоемкие разработки рудных залежей с последующей очисткой их от различных химических примесей, что требовало еще более высокой технологической подготовки.Таким образом, железо оказывалось дороже как серебра, так и золота.

В гробнице фараона Тутанхамона (ок. 1400—1392 до н. э.), открытой в 1922 г., среди несметных золотых сокровищ наиболее ценными для его современников были, несомненно, изделия из железа: их было всего три — кинжальное лезвие и два сокрытых в самом потаенном месте (пеленах, окутывавших мумию) миниатюрных амулета.

Способность товара материально олицетворять собой вложенный в него человеческий труд именуется ***стоимостью.*** Как же определить ее величину в каждом конкретном случае? Возможно ли это вообще?

...Предположим, вам предлагают приобрести одну из двух пар обуви, сделанных различными мастерами. Качество и расцветка кожи, фасон и размер их — совершенно одинаковы, но на изготовление одной из них затрачено двадцать, а другой — десять часов рабочего времени. Означает ли это, что первая пара стоит вдвое дороже второй? Разумеется, нет. Если бы сапожник, проработавший двадцать часов, пытался убеждать в этом покупателя, то его, наверняка ожидало бы разорение. Очевидно одно: уровень мастерства или трудолюбия этих людей явно неодинаковы, и поэтому на

выполнение одной и той же работы им понадобилось различное время...

При оценке товара в расчет принимаются не усилия каждого отдельного производителя, а абстрактно-однородный человеческий труд.

Таким образом, товары как потребительные стоимости и стоимости выступают в материальном, физически осязаемом обличье и различаются качественно: как меновые стоимости — в обличье идеальном, абстрактном и различаются количественно.

Итак, рыночные сделки являются ни чем иным, как обменом результатов одного вида труда на другой, причем для каждого из товаровладельцев собственный товар является лишь меновой, а чужой — потребительной стоимостью.

На ранних этапах развития человеческого общества, когда товарное производство носило случайный характер, определение стоимостей немногочисленных продуктов, предназначенных для обмена, не представляло особых трудностей.

Совершенствование орудий труда и усложнение его специализации повлекли за собой расширение ассортимента изделий. Теперь уже каждому товару, брошенному на рынок, противостояли сотни, а затем и тысячи других. В итоге процессы обмена приобретали самые неожиданные формы.

Легендарный Гомер (ок. конца VIII — сер. VII в. до н. э.), повествуя о Троянской войне (XII в. до н. э.), следующим образом описывает времяпрепровождение воинства, изнывающего от затянувшейся осады Трои:

> ...мужи ахейские меной вино покупали:
> Те за звенящую медь, за седое железо меняли,
> Те за воловые кожи или волов крутрогих,
> Те за своих полоненых...
>
> «Илиада»

Реальность подобных торговых операций подтверждается множеством фактов совсем недавнего прошлого, а порою — даже наших дней.

Д.Ливингстон, выдающийся английский путешественник, с 1840 по 1873 г. совершил несколько продолжительных экспедиций в глубь южных и центральных районов африканского континента. Занимаясь географическими, историческими и этнографическими исследованиями, он вел обстоятельные дневники, пестрящие записями такого рода:

«1 января 1868 г. Купил пять мотыг по два-три ярда коленкора за штуку... Когда придем в Буире, то сможем купить за одну такую мотыгу хорошую козу...

31 мая 1868 г. Касембе прислал мне фунтов пятьдесят мелкой рыбы... Во владениях Чикумбы мы сможем купить на нее муки...

27 июля 1868 г. Для найма каноэ у меня оставалось только собственное одеяло... Небольшое количество имеющихся в наличии бус потребуется для покупки пищи...

6 декабря 1868 г. Бин Джума... встретил африканцев с рыбой и отобрал силой десять рыб. Африканцы в отместку захватили трех рабов... и Бин Джума уплатил за рыб штраф, дав одного раба...

25 марта 1870 г. Обычным средством обмена служат железные браслеты, грубые бусы и раковины каури. За один браслет дают три большие курицы и три с половиной корзины кукурузы...

10 октября 1870 г. Здесь можно собрать много слоновой кости по цене пять-семь медных браслетов за бивень...

10 апреля 1871 г. Многие женщины идут на рынок... Все они тащат очень тяжелые грузы (сушеный маниок, глиняные горшки), которые продают очень дешево за пальмовое масло, рыбу, соль, перец и приправы к пище...

24 мая 1871 г. Какое оживленное зрелище — рынок! Продавцы рыбы носятся по рынку с глиняной посудой, полной улиток и мелкой рыбы или разных приправ; они стараются обменять эту снедь на корни маниока... на картофель, овощи или зерно, на бананы, муку или пальмовое масло, на кур, соль, перец... За одну нитку бус я купил две пористые глиняные бутыли... Всюду бегают маленькие девочки, продающие за несколько рыбок чашку воды партнерам, уставшим от словесных битв... Любопытно наблюдать за жизнью рынка. Это настоящий спектакль...»

В начале 1873 г. Лондонское Королевское географическое общество, обеспокоенное затянувшимся отсутствием вестей от Ливингстона, снарядило экспедицию для его поисков. Возглавил ее В. Л. Камерон. Помощь опоздала: спасательный отряд встретился со спутниками великого путешественника, несшими его тело...

Камерон продолжил дело Ливингстона. Он пересек Африку с востока на запад и, вернувшись на родину, поделился с читателями своими впечатлениями, рассказав, в частности, такую историю: «Забавно было видеть, как мне пришлось платить наемную плату за лодку в Кавеле, на берегу Танганайки. Агент Сай ибн Габиба требовал уплаты слоновой костью, которой, однако, у меня не было; тогда я узнал, что Мухаммад ибн Салиб располагал слоновой костью и желал иметь сукно; однако это известие принесло мне еще немного пользы, пока наконец я не услышал, что Мухаммад ибн Гаариб имел сукно и желал иметь проволоку. Эта последняя, к счастью, у меня была и, таким образом, я дал Мухаммаду ибн Гаарибу требуемое количество медной проволоки, он передал Мухаммаду ибн Салибу сукно, а этот последний дал агентам Сай ибн Габиба требуемую слоновую кость; только тогда я получил от последнего право пользоваться лодкой».

Вспоминая о путешествии 1870-1873 гг. в Центральную Азию, Н. М. Пржевальский в книге «Монголия и страна тангутов» пишет: «Тангуты ездят в город Донкыр, составляющий самое важное торговое место... Сюда они гонят скот, везут шкуры, шерсть и меняют все это на дзамбу (поджаренную муку.— *В. Р.*), табак, дабу (вид ткани.— *В. Р.*), китайские сапоги и прочее, так что торговля в Донкыре главным образом меновая».

В дневнике чешского путешественника Э. Голуба, в 1887 г. возвратившегося из Африки, имеются следующие записи: «...Человек был совершенно нагим, если не считать куска ткани в полтора квадратных метра, накинутого на плечи. Этот лоскут он приобрел... за несколько шкур антилоп...

Мы купили... кукурузу и нарезанный ломтиками сладкий картофель, расплатившись мясом антилоп гну и эланд...

Я поручил жене раздать им (носильщикам.— *В. Р.*)... по нескольку метров ситца, чтобы они смогли купить себе копья...

Еще остался платок. За него мы получили около трех литров земляных орехов».

Широкой популярностью пользуется роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». «Вы слыхали о гусаре-схимнике? — спрашивает Остап Бендер у Ипполита Матвеевича Воробьянинова.— Буланов! Не слыхали? ...Он был дерзок и смел. Он помогал абиссинскому негусу Менелику в его войне с итальянцами...»

Немногие знают о том, что «гусар-схимник» Алексей Буланов, об удивительных приключениях которого разглагольствовал Остап, имел своего реального прототипа. Им был Александр Ксаверьевич Булатович, происходивший из дворян Гродненской губернии. Судьба этого человека действительно необычна и сама по себе могла бы послужить темой как для научных исследований, так и для захватывающих приключенческих произведений.

В 1896-1911 гг. Булатович совершил четыре путешествия в почти неизвестную тогда европейцам Эфиопию (Абиссинию), где принял активное участие в борьбе эфиопского народа с итальянскими агрессорами, заслужив высшую воинскую награду — золотой щит и саблю.

Он побывал в самых глухих уголках страны, внимательно изучая природу, историю и быт ее населения. Путешествию 1896 г. он посвятил книгу «От Энтото до реки Баро», где, в частности, пишет: «Буре — важный пункт меновой торговли с негрскими племенами... На субботние базары они приносят на продажу слоновую кость, иногда свой скот и взамен этого покупают украшения, бусы, ткани... У каждого был хоть какой-нибудь пустяк с собой, чтобы обменять его на что-нибудь другое. За несколько зерен кофе продавали стакан пива, за несколько пучков хлопчатника — табаку на трубку...»

Необходимость бесконечного приравнивания друг к другу самых разнородных предметов крайне затрудняла функциони-

рование рынка. Очевидной становится необходимость в каких-то эталонах, с помощью которых можно бы было устанавливать меновые стоимости любых товаров. В конечном итоге из разнообразной товарной массы выделяются определенные продукты, которые в противоположность всем остальным, становятся стоимостными эквивалентами, а следовательно, могут быть обменены на любой товар. Так появляются «товары товаров, товары для всех» — прародители современных денег, функции которых в зависимости от конкретных места и времени выполняют различные продукты человеческого труда.

Товаро-деньги должны были прежде всего отвечать двум основным требованиям: быть достаточно (но не чрезмерно!) распространенными[1] и в то же время обладать довольно высокой и постоянной ценой, обеспеченной трудоемкостью их производства. Установление пригодности того или иного предмета к выполнению роли денег вытекало из объективных, не зависящих от людей обстоятельств. Вот почему попытки даже самых могущественных монархов вмешаться в этот процесс или подменить его своей волей с неизбежностью завершались провалом.

Нередко роль денег на одном и том же рынке играли одновременно несколько товарных видов. Обладая, естественно, неодинаковыми меновыми стоимостями, они выступали как платежные единицы различных достоинств, формируя в совокупности своей своеобразные «денежные системы».

В странах средневековой Европы отдельные поборы исчислялись в определенных весовых количествах перца, а к неимоверно богатым людям «прилипла» насмешливая кличка — «мешок перца». В XII—XIII вв. перцем брались таможенные пошлины с транзитных товаров, провозимых через Новгород. 2 июля 1388 г. Городенский и Трокский (Гродненский и Тракайский) князь Витовт направил жителям Бреста «Привилей». Этот документ содержал, в частности, перечень наказаний за различного рода правонарушения: наряду с такими штрафами, как пятьдесят слитков серебра, тридцать шелегов (серебряных монет) и т. п., в нем фигурирует «сумма» в два фунта перца...

Э. Голуб рассказывает об увиденном в юго-восточной Африке: «Украшения, привозимые европейскими торговцами, главным образом стеклянные бусы, заменяют деньги... У каждого племени есть свой излюбленный цвет. Светло- и темно-фиолетовый, желтый и розовый цвета не популярны. Наибольшим спросом пользуются голубые бусы и темно-синие,

[1] «... если бы мы вообразили себе, что золото брошено в большом количестве прямо на землю, совершенно как камни, то для кого оно будет ценным или достойным сбережения?» (греко-римский философ-скептик второй половины II в. Секст Эмпирик — «Три книги Пирроновых положений». Кн. I).

после них — ярко-красные, оранжевые, белые, черные, зеленые... Я дешево купил за желтые и синие бусы сена и опорные столбы для ограды».

Американский этнограф М. Мид, побывавшая на острове Манус (Микронезия) в 1928 г., вспоминает: «Собачьи зубы и раковины имели те же функции, что и деньги. Можно было купить любую вещь, заплатив за нее собачьими зубами или раковинами, а когда на острове появился табак, то и рулонами табака».

Г.Малиничев, корреспондент журнала «Вокруг света», в 1963 г. поделился своими впечатлениями от посещения островов Санта-Крус (северо-восточнее Австралии). Здесь, рассказывает он, бытуют своеобразные деньги: потомственные «монетчики» изготавливают из пропитанных латексом (соком каучуконосных деревьев) красных и белых птичьих перьев ровно 1500 «подушечек», которые затем сшиваются в пояс длиною более 10 метров. После этого мастерам остается лишь скатать пояс в рулон и снабдить его личным «клеймом» — прикрепить к нему ракушку, кусок черепашьего панциря или хвостик поросенка. Покупательная способность этих «монет» зависит от мастерства изготовления, яркости перьев и степени изношенности. Каждая такая новая денежная единица паритетна стоимости охотничьей собаки или откормленной свиньи.

И уже совсем диковинные деньги — «феи» и поныне обращаются на островах Яп (восточнее Филиппин). Сырьем для их изготовления служит минерал арагонит, добываемый на острове Пулау — в 300 милях от Япа. Феи представляют собой напоминающие мельничные жернова круги с круглым отверстием в центре. Диаметр их колеблется от 5 см до 2—3 м, вес — от нескольких десятков граммов до тонны. Мелкие феи — женские деньги, крупные — мужские. Ясно, что с последними на рынок не пойдешь! После заключения торговой сделки их перекатывают с места на место с помощью просунутого в отверстие бревна или, что еще проще, новый хозяин такой «монеты» помечает ее своим знаком и со спокойной душой отправляется восвояси: ведь похитить такое сокровище практически невозможно!

Бесполезно пытаться составить полный перечень предметов, служивших (а кое-где служащих и ныне) деньгами. Назовем лишь некоторое из них: меха пушных зверей (славянские племена, Скандинавия, Западная Европа — раннее средневековье); рыба (Исландия — по XV в.); бесформенные куски минерала нефрита (Китай — по XIX в.): человечьи черепа (Соломоновы острова — по XIX в.); «вампум» — кожаный пояс с нашитыми на него раковинами морских моллюсков (Северная Америка — по XIX в.); мешочки с бобами какао (Никарагуа — по XIX в.); смесь листьев чайного куста, пропитанная телячьей кровью и спрессованная в кирпич весом до полутора килограммов (Монголия — по XX в.); жемчужины (Индия — по

Рис. 4. **Домонетные виды денег.**

1—2. Греция. Бобовидный золотой слиток (XIII в. до н. э.) и четырехгранные железные прутья (оболы). *3*. Крит. Медный слиток в виде распластанной бычьей шкуры. *4*. Италия, племена этрусков. Бесформенные куски меди. *5*. Ольвия. Медный «дельфин» (конец VI — начало V в. до н. э.). *6*. Раковина каури. *7—12*. Китай. Бронзовые и каменная имитация каури, миниатюрные бронзовые колокольчик, мотыга (V—IV вв. до н. э.) и нож (IV—III вв. до н. э.). *13* Абиссиния. Брусок соли. *14*. Монголия. Плиточный чай. *15*. Яп. Фея. *16*. Океания. Связка морских раковин

XX в.); коровьи черепа (остров Борнео — по XX в.); так называемые «свиные деньги», использовавшиеся для покупки свиней или выкупа невесты, — нанизанные на шнур клыки и хвостики свиней, зубы собак, кенгуру и дельфинов, стеклянные бусины, раковины моллюсков, перья попугаев (остров Новая Гвинея — до наших дней); китовые «зубы» и тканые мужские пояса (Каролинские острова — до наших дней) и т. д.

В разнообразнейшем мире товаро-денег можно выделить несколько наиболее распространенных и «живучих» их видов — скот, соль, раковины морских моллюсков, металлы...

В этом перечне первое место по праву занимает скот, впервые выступивший в роли универсальных, присущих почти всем народам средств платежа. Отзвуки периодов их господства сохранили многие языки, в которых одним и тем же словом определялись такие понятия, как «скот», «имущество», «богатство», «деньги».

У древних греков выражение «У него бык на языке» употреблялось, когда речь шла о человеке, чье молчание было куплено деньгами.

Плутарх пишет: «Часто вспоминают, например, ответ спартанца Герада, жившего в очень давние времена, одному чужеземцу. Тот спросил, какое наказание несут у них прелюбодеи. «Чужеземец, у нас нет прелюбодеев»,— возразил Герад. «А если все-таки объявятся?» — не уступал собеседник. «Виновный даст в возмещение быка такой величины, что, вытянув шею из-за Таигета (самого высокого горного кряжа Пелопонеса.— *В. Р.*), он напьется в [реке] Эвроте». Чужеземец удивился и сказал: «Откуда же возьмется такой бык?» «А откуда же возьмется в Спарте прелюбодей?» — откликнулся, засмеявшись Герад» («Ликург»).

В латыни — языке римлян насчитывается несколько производных от слова «pecus» (скот) — «pecunia» (имущество, состояние, деньги, монета), «pecuniosus» (богатый, состоятельный) и т. д. Слова «капитал», «капиталист» происходят от «caput» (голова скота) и в буквальном переводе означают «скот», «обладатель скота».

«В ту пору, когда деньги еще не были у римлян в широком употреблении — рассказывает Плутарх — богатство измерялось числом скота. Поэтому добро они до сих пор обозначают... по названию скота, а на древнейших монетах чеканили изображения коровы, овцы или свиньи. И детям давали имена Суилий (от лат. sus: свинья.— *В. Р.*), Бубульк (от bubulcus: волопас.— *В. Р.*), Капрарий (от capra: коза.— *В. Р.*), Порций (от porcus: боров.— *В. Р.*)» («Попликола»).

Сходное явление обнаруживается и в языках германской группы: англосаксонском (skat — скот, достояние, монета), готском (skattus — скот, имущество), древнефризском (sket — скот, деньги), немецком (Schatz — скот, сокровище, клад).

В древнерусском, польском, болгарском, полабском, лужицком, сербохорватском и других славянских языках слово «скот»

вобрало в себя такие понятия, как «домашние животные», «имущество», «подать», «деньги». Русское «добыча», белорусские «здабытак», «быдла», польские «bydlo», «dobytek», чешское «dobytek», болгарское «добитькь», сербское «добытькъ», кашубское «bedlo» изначально выступают как многозначные понятия — «скот», «имущество», «деньги».

В словенском, хорватском и сербском языках слово «blago» переводится как «скот», «имущество», «добро». «Статак» в белорусском и русском (смоленский диалект) языках — синоним слов «скот», «стадо», «имущество», «богатство»; отсюда — белорусское «дастатак», русское «достаток», польское «dostatek», т. е. «благосостояние», «зажиточность». Первоначальное значение белорусского и украинского «худоба», польского «chudoba» — «скот», «пожитки», «имущество», «богатство»...

Около 1113 г. монах Киево-Печерского монастыря Нестор написал первый на Руси «учебник» отечественной истории — «Повесть временных лет». Говоря о великом князе Владимире Святославиче, около 989 г. введшем христианство в качестве государственной религии, Нестор, естественно, восхваляет его добродетели. Еще в 986 г., сообщает он, Владимир, призвав к себе нищих, не только кормил и поил их, но и одарял «от скотниц кунами (из казны деньгами.— *В. Р.*)».

В 1015 г. туровский князь Святополк Ярополчич захватил великокняжеский престол в Киеве. Ярослав Владимирович, правивший в Новгороде, рассказывает «Повесть временных лет», готовясь выступить против узурпатора, «начаша скот сбирати — от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривны, а от бояр по 18 гривны». Это сообщение интересно прежде всего тем, что совершенно определенно расшифровывает термин «скот» конкретными денежными единицами — кунами и гривнами.

В своем «Поучении» (ок. 1117) великий князь Владимир Мономах с гордостью вспоминает о том, что сумел избежать войны с половцами, «дая им скота (денег.— *В. Р.*) много».

«Послание Никифора, митрополита Киевского, к великому князю Володимеру сыну Всеволожю» (1110—1120-е гг.) также использует слово «скотница» для обозначения казны. Обращаясь к Владимиру Мономаху, Никифор восклицает: «Скотница твоя... не скудна есть и неистощима!».

В «Синодальной кормчей книге» (1280-е гг.) содержится осуждение предателей родины, сотрудничающих с монголо-татарскими оккупантами «скотолюбия ради (из-за любви к деньгам, корыстолюбия.— *В. Р.*)».

Этимология (наука о происхождении названий) позволяет, таким образом, на основании косвенных данных высказать предположение о существовании в прошлом денег-скота. Это предположение подтверждается многочисленными письменными источниками.

Основной денежной единицей гомеровской Греции был вол (бык):

> Сын же Пелеев немедленно новые, третьи награды
> Выставил сонму...
> Мздой победителю вынес огонный треножник огромный,
> Медный, — в двенадцать волов оценили его аргивяне;
> Пленную деву, — в четыре вола и ее оценили...
>
> «Илиада»

> Шла Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса;
> Куплена в летах цветущих Лаэртом она — заплатил он
> двадцать быков...
>
> «Одиссея»

В Ветхом завете содержится множество упоминаний о скоте как средстве денежных накоплений и платежа: «И сделался этот человек (Иаков.— *В. Р.*) весьма, весьма богатым, и было у него множество мелкого скота... и верблюдов, и ослов... и давал им (египтянам.— *В. Р.*) Иосиф хлеб за лошадей, и за стада мелкого скота, и за стада крупного скота, и за ослов...» (Первая книга Моисеева — Бытие; Гл. 30, Ст. 43; Гл. 47, Ст. 17); «Если кто украдет вола, или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу» (Вторая книга Моисеева — Исход; Гл. 22, Ст. 1); «...в одном городе были два человека. У богатого было очень много мелкого и крупного скота, а у бедного, кроме одной овечки, ничего не было» (Вторая книга Царств; Гл. 12, Ст. 1—2) и т. д.

Вспомним язвительные куплеты Мефистофеля из оперы Ш. Гуно «Фауст»:

> На земле весь род людской
> Чтит один кумир священный.
> Он царит над всей вселенной:
> Тот кумир — телец златой!

Ясно, что дьявол потешается над низменной страстью к деньгам. Но почему ее объект — «телец златой»? Ответ на этот вопрос дает Ветхий завет: Бог призвал пророка Моисея на гору Синай... «Когда народ увидел, что Моисей долго не сходит с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами... И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих, и принесли к Аарону... Он взял их из рук их и сделал из них литого тельца и обделал его резцом. И сказали они: вот Бог... и поклонились ему и принесли ему жертвы...» (Вторая книга Моисеева — Исход; Гл. 32, Ст. 1—8).

Любопытно, что в I в. н. э. в Селевкии (Сирия) на берегу озера Самахотинского (по Библии — Меромское)

располагался храм золотого быка (Иосиф Флавий. «Иудейская война»).

Римский историк Публий Корнелий Тацит, автор обстоятельного описания быта германских племен I в. н. э., пишет: «Германцы любят, чтобы скота у них было много: в этом — единственный и самый приятный для них вид богатства... Германцы не одержимы такой страстью к обладанию драгоценными металлами и к пользованию ими [как другие народы]; у них можно видеть подаренные их послам и старейшинам серебряные сосуды не в меньшем пренебрежении, чем глиняные. Впрочем, ближайшие [к Рейну и Дунаю] (т. е. к границам, отделяющим их от владений римлян.— *В. Р.*) ценят золото и серебро, чтобы пользоваться ими в торговле... живущие же внутри страны пользуются более простой и древней формой торговли, а именно — меновой...

У германских племен существует обычай, чтобы все добровольно приносили вождям некоторое количество рабочего скота... Вожди особенно радуются дарам соседних народов... состоящим из отборных коней... Даже убийство может быть искуплено известным количеством скота, крупного и мелкого». («О происхождении, местожительстве и нравах народов Германии», ок. 98 н. э.).

В раннефеодальных державах Европы, где денежное обращение уже достигло достаточно высокого уровня, платежи деньгами-скотом (правда, в значительно меньших, чем прежде, масштабах) продолжают фигурировать в официальных документах.

Во Франкском государстве 2-я половина VIII — 1-я половина IX в.) полное оснащение тяжеловооруженного воина оценивалось стадом в 45 коров (шлем — 6, латы — 12, меч с ножнами — 7, набедренник — 6, копье и щит — 2, боевой конь — 12).

Писцовая книга Сен-Жерменского аббатства (под Парижем), фиксировавшая размеры податей его подданных, сообщает: «...8. Вульфрами — староста и колон (полусвободный человек.— *В. Р.*) с женою колоною, именем Леутгарда, дети их... платят коня и кормят другого; дают к Рождеству Господню четырех свиней — двух побольше, а двух поменьше; также одну корову. 9. Иворий — колон с женою колоною, именем Эрмина, дети их... платят на военное дело полбыка, если имеют; если же не имеют — платят четырех баранов. Платят также через два года в третий годовалую овцу» («Полиптик аббата Ирминона»; нач. IX в.).

По законам венгерского короля Стефана I (1000—1038) компенсация за убийство свободного человека составляла 110 бычков, из которых 10 предназначались судье, 50 — родственникам убитого, 50 — королевской казне.

Деньги-скот покидают европейские рынки в X—XI вв., но продолжают функционировать в других регионах земного шара...

Из записей Ливингстона: «17 августа 1870 г. ...Из Касангайе пришел [в деревню] торговец; его убили без всякого повода, только чтобы съесть. Мохаммад приказал привести десять коз и отправить их в Касангайе в уплату за убитого...

6 декабря 1870 г. Видел очень хорошенькую женщину, вышедшую замуж... За нее дали десять коз, а через два дня она заболела... и вчера умерла. Не слышал ни слова сожаления о прелестном молодом существе, только о козах: «Ах, наши десять коз!».

Н. М. Пржевальский в «Монголии и стране тангутов» рассказывает: «...однажды какой-то юный офицер, недавно прибывший из Петербурга в Сибирь, ехал курьером в Пекин. На монгольской станции, где переменяли лошадей, монголы тотчас же стали лезть к нему с самым почетным, по их мнению, приветствием — с вопросом о здоровье скота. Получив, через переводчика-казака, осведомление своих хозяев о том, жирны ли его бараны и верблюды, юный путешественник начал отрицательно трясти головой и уверять, что у него нет никакого скота. Монголы же не хотели верить, что состоятельный человек, да еще притом чиновник, мог существовать без баранов, коров, лошадей или верблюдов... На Куку-норе и в Цайдаме даже цена вещей определяется не деньгами, но количеством баранов, идущих в обмен».

В «Очерках путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных» (1882.— *В. Р.*) супруга известного художника пишет: «В этих местах полиандрия (многомужество.— *В. Р.*) уже в полной силе. Семейство многих из братьев имеет обыкновенно одну жену... Бывают случаи, что женщина (желающая жить только с младшим братом.— *В. Р.*) откупается от старшего брата лошадью, коровою...»

А. К. Булатович в книге «С войсками Менелика II», посвященной его путешествию в Эфиопию в 1897—1898 гг., вспоминает: «Абу-Джафар кроме муки прислал мне в дар еще корову. Оказывается, что на первом моем биваке... местному начальнику было приказано предоставить мне дурго, а так как он этого почему-то не исполнил, то был оштрафован на одну корову, которая мне теперь и присылается...».

Этнограф А. Хаханов в 1888 г. вел записи в «стране грузинских горцев», где, в частности, отмечает: «...за удар кинжалом платится 5 коров; если же острием кинжала нанесена рана, тогда кровь стоит 15 коров. Рана на лице измеряется зернами ячменя: из того количества зерен, какое уложится в ране, отбрасывается два зерна, а за каждое из оставшихся уплачивается корова... За неимением коров виновный может уплатить другими животными или вещами, для чего установлена сравнительная оценка между скотом и вещами: жеребец

стоит 7 коров... корова — 4 барана, бык — 7 баранов... У пшавов... за отсечение руки — 24 коровы... за отсечение мизинца — 1 корова, за безымянный палец — 2 коровы, за средний палец — 3 коровы, за указательный — 4 коровы, за большой — 5 коров, за вышиб зуба — 1 корова...».

Современный археолог С. Ц. Умаров сообщает, что некогда в Горной Чечне «соседи при удобном случае уносили друг у друга покойников, чтобы потом за них требовать выкуп. За одного украденного покойника требовали выкуп до 30 коров».

Датчанин Й. Бьерре пишет в 1947 г. о Новой Гвинее: «Здесь еще живет далекое прошлое — забытое детство человечества...

— Что больше всего ценится в племени энга? — спросил я Денниса.

— Женщины и свиньи,— ответил он лаконично. — Чем больше жен и свиней, тем выше авторитет мужчины...

— Переводчик рассказал нам, что у Кепилы две жены, но сейчас он собирает выкуп за третью. Ему осталось отдать еще двух свиней».

Датчанин Й. Бич рассказывает об африканском племени масса, где он побывал в 1952 г.: «...похищение скота не считается у масса очень серьезным преступлением. Они рассматривают это как неизбежное зло и в какой-то мере спорт, которым занимаются молодые люди, чтобы купить жену. Жена стоит примерно восемь быков. Если же у нее уже есть ребенок, что является своего рода гарантией на будущее, ее цена достигает десяти быков...»

Американский этнограф К. Мюллер, посетивший в 1950-е гг. остров Малекула (в группе островов Новые Гебриды — северо-восточнее Австралии), вспоминает: «...у намба (местного племени.— *В. Р.*) признается лишь одна валюта — свиньи с большими загнутыми клыками (когда поросенку исполняется год, ему выбивают верхние резцы, и тогда нижние клыки вырастают большими и загнутыми). Свиньями платят за все, что в жизни важно,— за жену, за место в иерархии...»

Французский географ Ф. Бальзан в 1960-х гг. знакомился с жизнью южноафриканских племен басото и банту. «Престиж каждого басото,— пишет он,— зависит от количества принадлежащего ему скота. Иметь скот, как можно больше голов скота — вот мечта каждого из них... Социологическая роль скота первостепенна: скот дарят вождям, штрафы накладывают в головах скота...

У банту претендент предлагает своим будущим теще и тестю скот. Это — лобола. Мелкий собственник доходит до дюжины голов, принц — до шестидесяти, а король — до нескольких сот в обмен на ручку хорошенькой девушки...»

Французский этнограф К. Энер, рассказывая об африканских кочевниках рода кешерда (республика Чад), отмечает: «Основное богатство — скот, главный подвиг — угон его от соседей... Старик-отец требует со своего сына четырех коров. За что?

— Когда он отправился промышлять у соседей, я отдал ему свою кобылу, а значит, «вошел в долю на одну лапу».

То есть, иначе говоря, получил право на четверть добычи.

Даже за убийство можно расплачиваться коровами — «диа», так звучит название древней цены за кровь: сто коров или семьдесят верблюдиц.

Свято хранится и почитается устный кодекс: один палец стоит пять коров, глаз — пятьдесят, зуб — три коровы...»

Корреспондент ТАСС А. Кулик сообщает о племенах Кении 1960—1970-х гг. следующее: «У здешних нилотов скот — мерило богатства, объект почитания... Туркана утверждают, что все домашние животные произошли от пригнанного ими скота и по праву принадлежат им. Самбуру же убеждены, что коровий род ведет свою родословную от скота, принадлежащего в те далекие времена им... Так возникают бесконечные конфликты, племенные стычки, во время которых огромные, в тысячи голов, стада переходят от одного племени к другому. Академический, казалось бы, вопрос: «Кому принадлежала первая корова?» — стал сегодня чуть ли не ключом ко всем внутриполитическим событиям на севере Кении... Иногда в стычках погибают два-три человека, а иногда — восемьдесят-сто».

Девушки племени туген, продолжает Кулик, могут выходить замуж лишь при условии, если «парень может дать родителям девушки требуемый выкуп — около тридцати коз. Однако большинство родителей понимают, что такого крупного стада у молодого мужчины быть не может. Если их дочь — первая жена и, следовательно, будет в семье главной, они часто ограничиваются символическим выкупом в пять-шесть коз. Это позволяет их зятю использовать других коз для выкупа других своих жен... Если родители любят свою дочь и не хотят, чтобы она разрывалась между детьми и коровами... они помогают зятю найти вторую, третью жену...»

А вот — совсем свежий факт: «На границе Индии и Бангладеш процветает своеобразный бартер. Как заявила в Дакке дочь бывшего президента страны, недавно очередная «партия» женщин была обменена там на крупный рогатый скот. За каждую невольницу индийские торговцы давали по 6 коров или волов» (Комсомольская правда, 26 сентября 1991).

Соль — жизненная потребность людей, а следовательно, стабильность спроса на нее застрахована от любых превратностей. Неудивительно, что этот вид товара имеет многовековой «денежный стаж».

Латинское слово «Sal» (соль) легло в основу целого ряда терминов, так или иначе связанных с торговлей и деньгами. К началу нашей эры сформировалась одна из важнейших экономических артерий Римской империи — «Via Salaria»

(Соляной путь), по которой транспортировалась соль. Воины, сопровождавшие драгоценный груз, именовались «Saldare», так как получали плату в виде соляного пайка — «Salarium». Постепенно это слово приобрело более широкий, обобщенный смысл — «жалованье» и утвердилось в основных европейских языках как синоним понятиям «заработная плата», «плата», «выплата», «расплата» (англ.— salary, фр.— salaire, нем.— salair, исп. и итал.— salario).

Деньги-соль получили почти столь же широкое распространение, как и деньги-скот и оказались не менее живучими, чем последние.

«Об абиссинской соли упомянем,— писал в 1763 г. М. В. Ломоносов,— которая там вместо денег употребляется, так, что за три или пять брусков, сделанных наподобие кирпича, холопа купить можно».

В книге «От Энтото до реки Баро» А. К. Булатович сообщает: «Мелкой единицей в Центральной и Южной Эфиопии служат бруски соли 6 вершков длины и 1 толщины, весом от 3 до 4 фунтов».

В 1936 г. итальянцы, захватив столицу Эфиопии Аддис-Абебу, обнаружили в государственном банке соляные брикеты, хранившиеся, наряду с золотом, в сейфах.

Кое-где соль и поныне продолжает играть роль платежного средства. Например, в центрально-африканском племени боран ее дают в качестве выкупа за невесту...

Известны около 200 видов раковин морских моллюсков, с древнейших времен использовавшихся в качестве денег. Наиболее распространенными из них были каури (лат. «cyprea moneta»), материальные и внешние характеристики которых (относительно стандартный — в небольшую сливу — размер, прочность, естественная полировка, красивый «фарфоровый» блеск) в сочетании с трудоемкостью добычи обеспечили их успех как средства денежного обращения, платежа и накопления.

Каури имели широкое хождение в Китае, Индии, Закавказье, Африке, Полинезии и раннесредневековой Европе. Приоритет их использования в роли денег принадлежит, пожалуй, Китаю: уже в период династии Шан-Инь (1600-1027 до н. э.) они обозначались специальным иероглифом — «пей», ставшим корнем более 200 слов китайской торговой и денежной лексики.

Знаменитый венецианский путешественник Марко Поло в 1298 г. завершил «Книгу» — воспоминания о своем многолетнем пребывании в Китае. «Вместо денег, — пишет он, — у китайцев в ходу белые морские раковины... Восемьдесят таких раковин равняются одному серебряному сайе или двум венецианским грошам».

Среднеазиатский ученый ал-Бируни (973 — между 1048 или 1050) сообщает интересные сведения о технологии добычи каури в Индии: «Вад (арабское название каури.— *В. Р.*) — вид раковин, которые собирают зинджи (индусы.— *В. Р.*) на своих островах во время отлива. Они складывают их в ямы, засыпают и оставляют, пока улитки не умрут и их мясо не разложится... Они втыкают ветви в дно моря, и во время прилива раковины застревают в них; когда же при отливе вода спадает, они собирают раковины... Они пользуются ими в сделках вместо мелких денег».

В Африке каури получили распространение с XIII в., а к XVI в. «освоили» почти весь континент (во многом благодаря коммерческой активности Венеции, корабли которой транспортировали их с островов Индийского океана). В течение одного лишь XIX в. на африканские рынки было «выброшено» примерно 75 миллиардов раковин (цепочка, выложенная из них в 37 раз превысила бы длину экватора!).

В реестре экспортных товаров Мальдивских островов (юго-западнее южной оконечности Индостанского полуострова) середины 1980-х гг. каури были представлены 42 тоннами.

Каури — самый распространенный, но далеко не единственный вид ракушечных денег. Об этом, в частности, свидетельствует одна из записей путевого дневника Д. Ливингстона: «24 января 1854 г. Желая доказать мне свою дружбу, Шинте (племенной вождь.— *В. Р.*) закрыл вход в палатку, чтобы никто из его людей не мог быть свидетелем проявленной им безумной расточительности... извлек из-под полы нитку бус и срезанный конец морской раковины, которая считается огромной ценностью в областях, далеких от моря. Он повесил мне бусы и раковину на шею...

Мои люди сказали мне, что раковина эта... является в этой местности большой ценностью: за одну-две такие раковины можно купить раба, а пять раковин являются хорошей ценой за бивень слона».

Об оригинальных деньгах Соломоновых островов (восточнее острова Новая Гвинея) рассказывает современный чешский журналист-путешественник М. Стингль. Центр их производства — крошечный (менее 100 метров в диаметре) островок Ауки, сырье — раковины водящихся только здесь моллюсков.

Самые дешевые разменные деньги — черные раковины «курила», в изобилии встречающиеся на отмелях.

Более дороги белые раковины «какаду», попадающиеся сравнительно редко. Нанизанные на 90-сантиметровый шнур, они составляют «галиа» — денежную единицу, равноценную 25 австралийским центам. Связка из четырех «галиа» — «фура» паритетна одному доллару. Высшим номиналом белых денег является «исаглиа» — десятифуровая связка, стоящая десять долларов.

Элитарная валюта представлена «ронго» — красными раковинами «рому», добываемыми на большой глубине. Десятишнуровая их связка оценивается в баснословную для местных жителей сумму — более пятидесяти долларов.

«В то время как финансовые кризисы и бури сотрясают европейскую и американскую валюту, — пишет М. Стингль,— курс ракушечных денег необычайно стабилен. Я имел возможность убедиться, что соломонцы, отработавшие на плантациях, возвращаясь домой, немедленно меняют свою зарплату на раковинные деньги с острова Ауки, к которым питают доверие неизмеримо большее, чем к долларам и фунтам».

Как правило, в условиях недавнего прошлого и в наши дни «выжившие» товаро-деньги не в состоянии сохранять полную автономию в жизни рынков, самоизолироваться от представителей современного денежного обращения. Поэтому нередко наблюдается вполне мирное сосуществование их с монетами и бумажными деньгами.

Обратимся к авторам, большинство которых уже цитировалось выше...

Й. Бич (1952) вспоминает: «Масса полагали, что я поступил опрометчиво, не взяв с собой в путешествие какую-нибудь даму или девушку. Они... в конце концов заявили, что, поскольку у меня нет скота, я могу заплатить за девушку наличными. Кстати, они уже подыскали мне одну красавицу. Чтобы отказаться от нее под каким-нибудь благовидным предлогом, я заметил, что она, очевидно, на девятом месяце.

— Вот именно! — возрадовался вождь.— И теперь наверняка у нее будет ребенок. Поэтому она стоит немного дороже, чем остальные девушки. Добрые масса считали, что расходы на такую плодовитую невесту быстро оправдают себя».

К. Мюллер (1950-е гг.) рассказывает о жизни племени намба: «Всем необходимым деревня обеспечивает себя сама и может свободно обойтись без внешнего мира. Тем не менее сельчане знакомы и с новогебридскими франками, и с австралийскими долларами, которыми платят рабочим на прибрежных плантациях, и с раковинными деньгами с острова Ауки, которые в ходу у жителей побережья...

До нас дошел слух, что без видимой причины умерла девятилетняя девочка. Отец ребенка обвинил в убийстве местного «повелителя яда» (колдуна.— *В. Р.*)...

Обвиняемый — пожилой человек по имени Биало — стоял тут же. Метиак объяснил мне: отец утверждает, что видел, как Биало разбрасывал банановые листья; один из них упал ребенку на грудь. После этого девочка заболела и через несколько дней умерла...

Биало был признан виновным и приговорен к штрафу: один поросенок и десять австралийских долларов... Поникший, опустив голову, он подошел ко мне и заискивающим голосом попросил дать ему денег. Мне было настолько жаль его, что я тут же дал ему деньги. Биало передал отцу девочки деньги и связку кокосовых листьев (они символизировали поросенка, которого он должен был принести)».

Американский этнограф Дж. С. Гудейл (1970-е гг.) пишет о племенах острова Новая Британия (западнее острова Новая Гвинея): «Большинство каулонгов и сенг-сенгов с готовностью принимают австралийские и другие деньги за труд, но в торговле между собой предпочитают перламутровые раковины с золотыми каемочками»...

Рассмотренные виды денег в полной мере могли исполнять свою роль лишь в условиях слаборазвитых рыночных отношений. По мере того как эти отношения достигают достаточно высокого уровня, все более очевидными становятся слабые стороны примитивных средств платежа, обусловленные их слишком близким «родством» с «чистыми» товарами (легкость преображения из меновой стоимости в потребительную, отсутствие или крайне ограниченная способность «распадаться» на более мелкие платежные единицы, зачастую — недолговечность, неудобство транспортировки и т. д.).

Расширявшиеся экономические связи требовали новых, более совершенных денег, которые обладали бы следующими качествами:

— более или менее высокой меновой, но ограниченной по сравнению с основной товарной массой потребительной стоимостью;

— способностью дробиться на мелкие доли или, напротив, объединяться в любых количествах при полном сохранении своих природных качеств;

— компактностью, т. е. достаточно значительной меновой стоимостью при малом объеме и, как следствие этого,— удобством перевозок на дальние расстояния;

— физической долговечностью.

Всем этим требованиям наиболее соответствует металл. Действительно, его меновая стоимость намного выше, чем потребительная, он компактен, качественно иммунитетен по отношению к механическим воздействиям, изделия из него способны сохраняться в течение тысячелетий.

Римский поэт Овидий в поэме «Метаморфозы» (ок. 8 н. э.) пересказывает миф о фригийском царе Мидасе (738—696 до н. э.), вымолившем у бога Диониса чудесный дар — прикосновением к любому предмету превращать его в золото. Вскоре, однако, ликование царя перешло в отчаяние: став чудовищно богатым, он понял, что обречен на голодную смерть, ибо стоило ему притронуться к пище или вину, как они становились золотыми...

Остготский историк и писатель Кассидор (485—578) справедливо заметил: «Соль необходима всем, в то время как без золота обходятся многие».

Китайский ученый Чао Цо (?-154 до н. э.) о золоте и серебре пишет следующее:«...голодный не может их есть, зябнущий их не наденет, а между тем люди ими все дорожат...

Ведь какая же это вещь! Легкая, мелкая, легко ее запрятать. В ладони помещается вполне, и можно с ней вокруг Страны морей объехать.»

«Изо ста кроликов никогда не составится лошадь...» — говорит следователь Порфирий Петрович в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Можно сказать и обратное: из одной лошади невозможно сотворить сотню кроликов.

Одна ракушка не может быть объединена в единое органическое целое с другой, а будучи разбита превращается в груду бесформенных осколков, олицетворяющих ее исчезновение... Что же касается металла, то его тонну можно разделить на тысячу килограммов, килограмм — на тысячу граммов и т. д. или же сплавить воедино неограниченные его массы; в обоих случаях он останется самим собой: «Части золота... ничем не отличаются друг от друга и от целого, кроме как большою или малою величиною» (Платон. «Протагор»).

Первоначально платежным средством служили необработанные самородные куски металлов. Гомер рассказывает, как союзник троянцев Адрас, плененный спартанским царем Менелаем, умоляет победителя:

«Даруй мне жизнь, о Атрид, и получишь ты выкуп достойный!
Много сокровищ хранится в отеческом доме богатом,
Много и меди, и злата...»

«Илиада»

Несмотря на очевидные преимущества над иными видами товаро-денег металлы в своем первозданном виде были, тем не менее, во многих отношениях неудобными для рыночного оборота: они нуждались в постоянном взвешивании, дроблении на мелкие платежные единицы, в качественной проверке. Именно поэтому им стали придавать относительно стандартные формы, соответствующие тем или иным их массам и видам. В Египте конца III тыс. до н. э. появляются золотые кольца, в Греции XIV—XIII вв. до н. э.— золотые «блины» и железные «пироги», медные слитки в форме растянутой бычьей шкуры, в Древнем Китае — бронзовые имитации раковин каури и т. д.

Дальнейшее совершенствование металлических денег выразилось в том, что они стали помечаться клеймами — своеобразными знаками качества, удостоверявшими их полноценность. Уже в конце III тыс. до н. э. в Египте имеют хождение золотые слитки с оттиснутым на них именем фараона, а в *Вавилоне — клейменные слитки серебра*; к VII-III вв. до н.э. относятся золотые клейменные слитки Китая; серединой V в. до н.э. датируются первые ассы — медные четырехугольные слитки Рима с клеймом в виде быка, орла...

Особые разновидности древнейших денег представлены разнообразными бытовыми предметами: в Греции — медные котлы и ритуальные треножники, железные оболы — четырехгранные прутья-вертела (шесть таких прутьев составляли более крупную денежную единицу — драхму);[1] повсеместно — лопаты, мотыги, топоры, ножи и т. п. С течением времени эти виды денег превращаются в миниатюрные копии ремесленных изделий, которые в силу малых размеров уже не могли использоваться по своему прямому назначению, но зато были удобны для обращения в качестве символов стоимостей своих прототипов.

Металлические деньги вполне уживались с деньгами-скотом как параллельные им «валюты».

По возвращении из дальних странствий Одиссей, как повествует Гомер, застал в своем доме многочисленных претендентов на руку его супруги Пенелопы и начал их избиение. Женихи обращаются к нему:

«...Одиссей, пощади нас,
...*После назначишь нам цену, какую захочешь...*
То, что здесь стоят откормленных двадцать быков,
даст охотно
Медью и золотом каждый из нас...»

«Одиссея»

Несомненность взаимосвязей этих двух видов товарных денег убедительно подтверждается и другими источниками — *египетскими рисунками конца XVI — середины XIV в. до н. э.* с изображением сцены взвешивания кольцеобразных слитков золота при помощи гирь в виде быка или его головы, упомянутыми выше медными греческим слитком в форме бычьей шкуры и римским ассом с изображением быка...

Домонетные деньги-металл встречаются и в XX в. Английский писатель Г. Грин, в 1930-х гг. побывавший на юго-западе северной Африки, рассказывает: «На базаре мы разменяли деньги: пенс был здесь слишком крупной суммой, ходовой валютой служили железки. Стоимость железок постоянно менялась... В тот день по курсу давали двадцать железок за четыре пенса. Это были полоски длиной около четырнадцати дюймов, немного похожие на грубо сделанные стрелы: полагалось, чтобы острия не были затуплены и хвосты не обломаны (это, как и чеканное серебро на наших монетах, свидетельствовало, что деньги не обесценены). Люди шли на базар, неся на головах по нескольку сот железок в связках».

---

[1] Плутарх пишет: «По-видимому, обычай пользоваться в качестве денег *железными или медными палочками в форме вертела был очень древним*. Поэтому для мелкой монеты и доныне удержалось название обола (греч. «оболос»: вертел.— *В. Р.*), а шесть оболов называются драхмой (греч. «драхма»: горсть.— *В. Р.*), потому что в горсти умещалось как раз столько этих монет» («Лисандр»).

Французский этнограф П. Д. Гэсо пишет о новогвинейском племени тома, увиденном им в 1953 г.: «Тома сами не умеют добывать железо... Они получают его от своих соседей, малинке, в виде гинзэ. Эти тонкие, завитые спиралью и сплющенные с обоих концов прутки металла служат им одновременно и денежной единицей (гинзэ равен примерно 5 франкам), и сырьем для производства оружия и орудий труда».

Журналист Л. Мартынов в 1974 г. рассказал об обычаях населения некоторых районов Новой Гвинеи-Папуа: «Здешние люди не принимают монет... Для расплаты с носильщиками употребляются спички из расчета шесть коробков — десять центов. А тридцать центов (и, таким образом, восемнадцать коробков спичек) — это «кибелонглок». «Ки» — от английского слова «ключ», «лок» — «замок», а вместе — «ключ-и-замок». Это действительно замочек, вроде тех, что вешают на почтовые ящики. У папуасов невесть когда завезенные замочки, совершенно ненужные в бамбуковых хижинах, превратились в символ богатства. Ключи женщины носят на шнурке на шее, а замки, соединенные в цепь, прячут дома. Чем цепь длиннее, тем человек богаче. Замки превратились в такие же символы социального статуса, как в Европе и Америке норковые шубы или автомобили последних марок...»

Процессы завоевания рынков металлическими деньгами завершились окончательным становлением следующих их функций:

меры стоимости, выражающейся в способности оценивать любой товар;

средства обращения, проявляющегося в роли посредника при обмене одного товара на другой;

средства накопления, т. е. образования денежных запасов, временно не участвующих в обращении;

средства платежа, заключающегося в способности вступать в оборот независимо от обращения товаров (ростовщичество, уплата налогов и т. д.);

мировых денег (свободное обращение за пределами своих стран).

МОНЕТА И КЛАД

Монета

Античные авторы о причинах, месте и времени ее появления

Характеристики монеты

Нерегулярные монетные эмиссии (пробные, донативные, мемориальные, субэратные, подражательные, фальшивые), монетовидные изделия

Клад как способ хранения ценностей

Взаимосвязь между интенсивностью процессов кладообразования и уровнем развития рыночных отношений

Тема тайного сокровища в фольклоре, актовых и других источниках

Государственные законодательства о кладах

ГЛАВА II

В ходе длительной эволюции металлических денег наступает время, когда они трансформируются в универсальную дисковидную форму, наиболее приспособленную к обращению, платежам и накоплению, т. е. становятся монетами. В сравнительно редких случаях выпускались многоугольные монеты — клиппы.

Издавна люди задавались вопросами: почему, когда, где появилась монета, кому принадлежит честь ее изобретения?

На первый из них в целом верно ответили древнегреческие мыслители.

Платон пишет: «Ведь ради того мы и основали государство, чтобы люди вступали в общение.

Очевидно, они будут продавать и покупать.

— Из этого у нас возникают рынок и монета — знак обмена...

— Если земледелец или кто другой из ремесленников, доставив на рынок то, что он производит, придет не в одно и то же время с теми, кому нужно произвести с ним обмен, неужели же он, сидя на рынке, будет терять время, нужное ему для обмена?

— Вовсе нет: найдутся люди, которые видя это, предложат ему свои услуги... Они там, на рынке, только того и дожидаются, чтобы за деньги приобрести что-нибудь у тех, кому нужно сбыть свое, и опять-таки обменять это на деньги с теми, кому нужно что-то купить» («Государство»).

Аристотель рассуждает следующим образом: «По мере того как шло изменение и развитие отношений взаимопомощи — посредством ввоза тех предметов, в которых чувствовался недостаток, и путем вывоза тех предметов, которые были в излишке, — неизбежно стала ощущаться потребность в монете, так как далеко не каждый предмет первой необходимости можно было с удобством доставить из одного места в другое.

Ввиду этого пришли к соглашению давать и получать при взаимном обмене нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем сподручно в житейском обиходе: например, железо, серебро или нечто иное, тому подобное; сначала установили в общих чертах величину и вес таких предметов, а в конце концов,

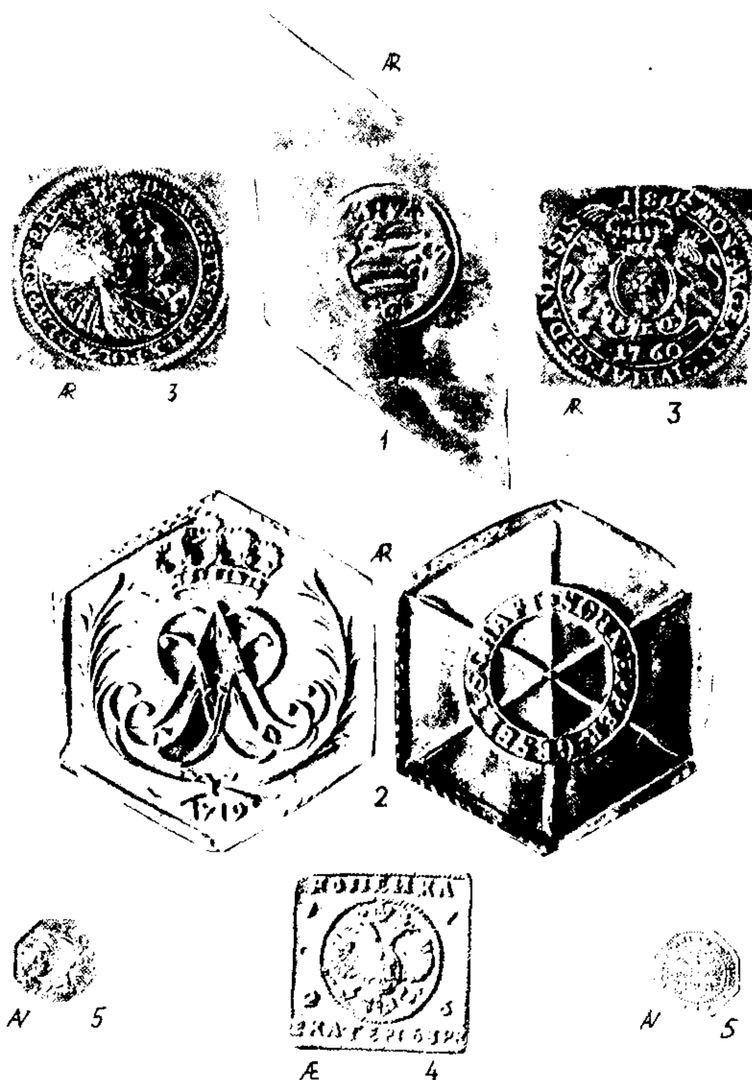

Рис. 5. **Клиппы**
1—2. Саксония. Талеры 1547 г. и 1719 г. 3. Речь Посполитая. Орт гор. Гданьска 1760 г. (проба). 4. Россия. Копейка-плата 1726 г. 5. США, Калифорния. 1 доллар 1853 г.

чтобы освободиться от измерения и взвешивания их, стали отмечать их особым знаком, служившим показателем их стоимости» («Политика»).

Первые из известных ответов на вопрос, когда появились монеты, совершенно фантастичны, так как отсылают ко временам абсолютного господства товаро-денег. Например, Плутарх рассказывает, что законодатель Ликург (IX—VIII вв. до н. э.) «вывел из употребления всю золотую и серебряную монету, оставив в обращении только железную» («Ликург»). Еврипид сообщает о другом предании, согласно которому Одисей обещал Силену (полубожеству из свиты бога Диониса) дать монету («Киклоп»)...

Создателями монеты греки называли различных мифических героев: участника Троянской войны Паламеда, в перечне различных изобретений которого (алфавит, цифры, счисление времени, меры веса и длины, факел, игра в кости) нашлось место и монете; Тесея, который, по словам Плутарха, в Афинах «чеканил монету, выбивая на ней изображение быка... Отсюда, говорят, пошли выражения «стоимостью в сто быков», «стоимостью в десять быков» («Тесей»); полулегендарного царя Фесалии (Восточный Пелопонес) Ионаса и т. д.

Римляне первооткрывателями монеты считали, как правило, богов.

Многому я уже научился...
Но отчего на медной монете
С одной стороны представлен корабль,
А с другой — двуголовое изображение? —

вопрошает Овидий («Фасты», между 2 и 8 н. э.), имея в виду первую монету Рима — асс, на котором изображены двуликий Бог «всех начал» Янус и корабельная корма.

Ответы на этот вопрос пытаются дать более поздние авторы.

Писатель Авл Персий (34—62 н. э.) пишет: «В царствование Сатурна (бог посевов и времени, изгнанный с неба сыном Юпитером и ставший царем Италии.— *В. Р.*) в Италии употреблялась медь... Эта медь с одной стороны имела знаком голову Януса, а с другой стороны — корабль, на котором приехал в Италию бежавший (с о. Крит.— *В. Р.*) Сатурн; на этой монете, таким образом, двоякий тип прекрасно передал и гостеприимство Януса и прибытие Сатурна» («Сатиры»). Итак, по Персию, монету впервые выпустил Янус в ознаменование прибытия в его владения Сатурна.

Поэт Павлин Нольский (IV в.), напротив, полагает, что изображения на ассе связаны с прибытием в Италию самого Януса:

Так как он на корабле приехал к берегам Италии,
То впервые ему была выбита монета с такой почестью,
Что одна сторона изображала голову, а другая корабль.

Рис. 6. **Рим (республика).** Квадригат 210 г. до н. э.: аверс — двуликий Янус, реверс — богиня Виктория на квадриге (4-конной колеснице)

Писатель Аврелий Виктор (1—2-я треть IV в.), видевший, судя *по цитируемому ниже высказыванию,* не асс, а его фракции в 1/2 или 1/3 (на них в отличие от асса, изображены одноликое божество и корма корабля), утверждает, что «автором» монеты был *Сатурн:* «Он... *ввел в употребление* обозначение (клеймение.— *В. Р.*) меди, на которой с одной стороны отпечатывалась его голова, а на другой стороне корабль, на котором он туда (в Италию.— *В. Р.*) *приехал.* Отсюда и теперь игроки, положив монету и закрыв ее, предлагают играющим с ними сказать, что закрыто: голова или корабль?» (ср. с современным — «Орел или решка?»)

Некоторые мыслители приписывали изобретение монеты *полулегендарному Нуме Помпилию,* второму царю Рима (715—673 или 672 до н. э.).

Греками были выдвинуты не только мифологические, но и вполне научные версии о происхождении монеты.

Философ и поэт Ксенофан из Колофона (VI—V до н. э.) высказывает предположение, что родина монеты — государство Лидия (на западе Малоазийского полуострова). Того же мнения и «отец истории» Геродот (между 490 или 480—430 или 424 до н. э.): «Они (лидяне.— *В. Р.*) первые, насколько нам известно, ввели в употребление золотую и серебряную чеканную монету...» («История в девяти книгах»).

Историк Эфор (ок. 405—330 до н. э.) *полагает,* что монета создана аргосским царем Фейдоном (сер. VII в. до н. э.) на принадлежавшем ему острове Эгина (юго-восточнее Пелопонесского полуострова). Ему вторят цитирующий его Страбон и лексикограф Юлий Поллукс («Полидевк»; конец III — нач. II в. до н. э.).

Наконец, в греческом мире бытовало представление о том, что первая монета была отчеканена Гермодикой

Рис. 7. **Древнейшие монеты**
1. Лидия. *2.* Эгина

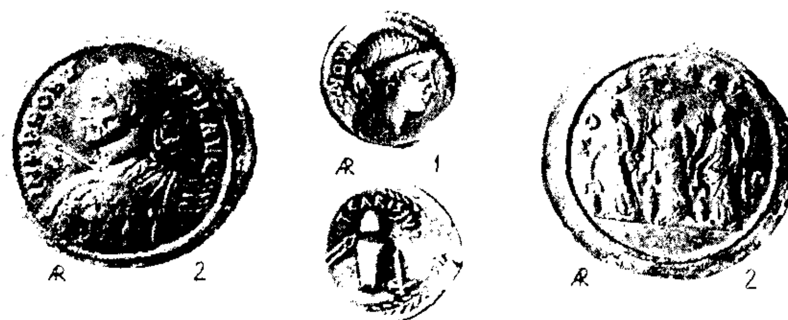

Рис. 8.
1. **Рим (республика).** Денарий ок. 45 г. до н. э.: аверс — Юнона-Монета, реверс — инструменты монетчика. 2. **Рим (империя),** Проб (276—282). Сестерций: аверс — Проб, реверс — три Юноны-Монеты с грудами золота, серебра и меди у ног

(I пол. VIII — нач. VII в. до н. э.), царицей города Кимы в *Элиде* (на юго-западе Пелопонесского полуострова).

Новейшими исследованиями установлено, что монеты появились в Лидии при царе Гигесе (685—652 до н. э.), а несколько позже, примерно в середине VII в. до н. э., их производство освоила Эгина.

С наступлением VI в. до н. э. монетные эмиссии широко распространились как в материковой Греции, так и далеко за ее пределами.

Древнегреческое название монеты («номисма») Аристотель объясняет следующим образом: «Всеобщим средством обмена деньги сделались по соглашению. Они потому и называются номисмой, что существуют не по природе, а по номосу (закону.— *В. Р.*)» («Никомахова этика»).

Наиболее ранние источники *Рима для обозначения* монеты употребляют слова numisma (латинизированный вариант «номисмы») и nummus (как производное от имени Нумы Помпилия[1]). Эти термины, однако, не прижились в латинском и более поздних европейских языках — они предпочли им слово «монета», происхождение которого традиционно связывается с богиней Юноной-Монетой. Эпитет, сопутствующий ее имени, представляет собой модификацию латинского глагола monere (предвещать, наставлять, советовать и т. п.) и может быть переведен как «предвозвестница», «наставница», «советница».

По одной из легенд, Юнона предупредила римлян о надвигающемся землетрясении. По другой — римляне, изнуренные продолжительной войной с царем государства Эпир (на северо-западе Пелопонеса) Пирром, обратились за по-

[1] В действительности nummus происходит от греческого слова «нуммос», означающего, как и «номисма», монету.

Рис. 9. **Эпир.**
Пирр (307—302, 296—273 до н. э.). Статер

мощью к богине. Результат не замедлил сказаться: в 275 г. до н. э. в битве при Беневенте Пиррово воинство, шедшее на Рим, было наголову разгромлено.

Благодарные римляне перенесли денежный двор в храм Юноны, и с тех пор его продукция стала именоваться монетой...

Слово «монета» встречается на денежных выпусках Рима с середины I в. до н. э.; в западноевропейской чеканке — с XI в.; в польской — с XIV в.; литовской — 1492 г.; российской (если не считать специфической эмиссии так называемых севских чехов 1686—1687 гг.) — с 1701 г.

Монеты, изгоняя из обращения платежные средства в виде весовых единиц металла, нередко наследовали их названия (фунт, ливр, лира, марка, гривна и т. п.). Иными словами, монетные номиналы[1] этого рода являются условными, не соответствующими их реальной, металлической «телесности».

Прогрессирующее несоответствие между массами весовых единиц и одноименных им монет — важное, но далеко не единственное выражение процессов обесценивания денег.

Экономический закон Коперника-Грешэма[2] гласит: «Хотя нарицательная и реальная стоимости монет не совпадают и все более расходятся, из-за этого их производство не прекращается. Так как средств для того, чтобы выпускаемые монеты соответствовали тем, что находятся в обращении, не хватает, каждая последующая монета, поступающая в обращение, всегда хуже предыдущей. Плохие деньги вытесняют хорошие». Это означает, что в случаях осуществления эмиссий монет, равноценных номинально, но различных качественно, более ценные из них покидают рынок, переходя в сферу накопления.

Явление это может быть определено как «порча монеты». Его результаты стали очевидны уже в глубокой древности. Об

[1] Номинал (от лат. nomen — имя, название) — нарицательная стоимость монеты.

[2] Открыт великим ученым Н. Коперником в 1526 г., окончательно сформулирован создателем Лондонской биржи Т. Грешэмом в 1560 г.

этом, в частности, свидетельствует греческий комедиограф Аристофан:

Часто кажется, что город граждан и сынов своих,
И достойных, и негодных ценит совершенно так,
Как старинную монету и сегодняшний чекан.
Настоящими деньгами, неподдельными ничуть,
Лучшими из самых лучших, знаменитыми везде...
С крепким, правильным чеканом, с пробой верной, золотой
Мы не пользуемся вовсе. Деньги медные в ходу,
Дурно выбитые наспех, дрянь и порча без цены...
«Лягушки». Ок. 405 г. до н. э.

Первостепенная роль в порче монеты принадлежала, естественно, эмитентам — обладателям монетной регалии. Изменение ими реальной стоимости средств платежа выражалось в понижении их золотого и серебряного содержания за счет увеличения лигатуры[1] (при сохранении прежней массы или даже при ее возрастании), в придании серебряным монетам курса золотых, медным — курса серебряных и, наконец, в изготовлении откровенных фальсификатов, «маскирующихся» под полноценные денежные единицы.

Суть этого права с откровенным цинизмом разъяснена королем Франции Филиппом IV Красивым (1328—1350), заслужившим у современников прозвище «Фальшивомонетчик»:«Ни у кого не должно быть сомнений в том, что только Мы и Наше королевское величество определяем порядок чеканки монет, их изготовление, вид, запасы; только Мы издаем ордонансы о том, по какой цене они поступают в обращение, исходя из своих собственных интересов и желаний».

В электровых (первоначально 40 % золота, 60 % серебра) статерах Лидии уже в VII в. до н. э. заметно понизилась доля золота.

Афинский тиран Гиппий (527—510 до н. э.) уменьшил серебряное содержание своих монет наполовину.

В 406 г. до н. э. Афины, истощенные длительной Пелопонесской войной (431—404 до н. э.), начали эмиссию медной монеты, придав ей курс серебряной. О последовавшем в послевоенные годы ее изъятия из обращения упоминает Аристофан:

...Ягоды я продал. Рот набил деньгами медными[2]
И за мукою на торжок отправился.
Но только-только развязать мешок успел,
Как заорал глашатай: «Никому не брать
Чеканки медной. Серебро одно в ходу!»
«Женщины в народном собрании»,
ок. 393 до н. э.

[1] Лигатура (от лат. ligare — связывать) — примесь неблагородных металлов.

[2] В античной Греции при посещении рынка деньги обычно хранили во рту.

В Риме для платы участникам Союзнической войны (91—88 до н. э.) была выпущена медная монета, официально паритетная серебряной.

Первоначальная масса римского денария, появившегося в III в. до н. э., составляла 4,55 г, а к I в. н. э. понизилась до 3,40 г. Серебряное содержание этой монеты (примерно 95 %) при Нероне (54—68 н. э.) упало до 90 %, при Траяне (98—117 н. э.) — до 85 %, при Марке Аврелии (161—180) — до 75 %, при Коммоде (180—192) — до 70 %, при Септимии Севере (193—211)— до 50—40 %, при Валериане (253—260) — до 20—5 %! Таким образом, полноценный серебряный номинал деградировал в практически медную монету...

Особая категория «испорченных» денег представлена уже в VI в. до н. э. фальшивыми по своей сути монетами — субэратами[1].

Геродот повествует о том, как тиран острова Самос (в Эгейском море) Поликрат (ок. 540 — ок. 523 или 522 до н. э.) хитроумно избавился от осады войска Лакедемона (государства в Пелопонесе) — «подкупил лакедемонян самосскими деньгами, будто бы приказав выбить монету из позолоченного свинца, а те, получив эти деньги, отплыли домой» («История в девяти книгах»).

Римляне выпустили первые субэраты-денарии во время второй Пунической войны (218—201 до н. э.) после того, как, будучи разгромлены карфагенянами в битве при Тразименском озере (217), ощутили острую нехватку средств для продолжения военных действий.

В 91 г. до н. э. Сенат принял решение о субэратном исполнении каждого восьмого денария. Эти эмиссии продолжались в течение всей Союзнической войны. После того как в 86 г. денарии-субэраты были изъяты из обращения, Рим начал чеканку денариев-серрат, зубчатые края которых призваны были убедить население в том, что оно имеет дело с серебряной, лишенной медной сердцевины, монетой. Тем не менее и среди серрат попадаются субэраты...

Субэратная чеканка присуща прежде всего античному (греческому и особенно римскому) миру, но не была забыта даже в XIX в.

Известны, например, подделки французского двадцатифранковика 1858 г. и английского фунта стерлингов 1872 г.: изготовленные из платины, они обтянуты золотой фольгой (в это время платина еще не находила широкого технического

---

[1] От лат. subaeratus — имеющий внутри неблагородный металл: монеты с медной (бронзовой, железной) сердцевиной, покрытой тонкой пленкой серебра или золота.

и ювелирного применения, и поэтому ценилась сравнительно невысоко).

Рассматривая причины понижения реальной стоимости денег, необходимо учитывать еще одно (в отличие от порчи, не зависящее от воли людей) обстоятельство: в ходе бесконечных рыночных странствий монета «шлифуется» (в буквальном смысле этого слова), т. е. изнашивается, теряя часть своей массы. Это явление образно проиллюстрировано английским публицистом Дж. Доддом: «Пекарь, который сегодня только получил прямо из банка совершенно новенький соверен (золотой фунт стерлингов.— *В. Р.*) и завтра отдает его мельнику, отдает не точно тот же самый соверен: он стал легче, чем был в тот момент, когда пекарь его получил» («Особенности промышленности...», 1854).

Английский экономист У. Джейкоб обнародовал результаты своих подсчетов: с 1809 по 1829 г. находившиеся в обращении 380 миллионов фунтов стерлингов в результате естественного стирания «похудели» на массу, соответствующую 19 их миллионам! («Историческое исследование производства и потребления благородных металлов», 1831).

Одни монеты стираются больше, другие — меньше, становясь, таким образом, разноценными даже в пределах одного и того же номинала. Тем не менее они продолжают «по инерции» обращаться на равных правах, полученных при выходе из-под пресса Монетного двора. Это, казалось бы, противоречащее рыночным отношениям явление убедительно разъяснил французский экономист Ж. Гарнье: «Если бы один, немного потертый экю (золотой номинал Франции.— *В. Р.*) принимался за несколько меньшую стоимость, чем совершенно новый экю, то обращение постоянно испытывало бы задержки, и не было бы ни одного платежа, который бы совершался без спора» («История денег со времени самой ранней античности...», нач. XIX).

Неуклонное падение реальной стоимости монет приводит к тому, что смысл терминов, определяющих номиналы, становится далеким от своего изначального содержания или даже противоположным ему.

«Назовите кроной то, что раньше называлось половиной кроны. Стоимость ее по-прежнему будет определяться металлическим содержанием... Все, что вы можете сделать, это снабдить меньшее количество серебра штемпелем и названием большего количества. Но ведь серебром, а не названием погашают долги и покупают товары», — пишет английский философ Дж. Локк («Некоторые соображения о последствиях снижения процентов и повышения стоимости денег...», 1691).

Общеизвестны выражения «Ни гроша в кармане (за душой)», «Грош ему (этому) цена», «Не стоит и гроша (ломаного, медного)», «Пропасть ни за грош». Суть их предельно ясна: употребляются они в случаях, когда следует указать на нечто крайне малоценное; в этом же значении применяется и слово «гроши». А между тем, появившаяся в конце XII в. серебряная монета с таким названием[1], в течение трех последующих столетий была одной из самых ценных денежных единиц Европы. Не случайно в белорусском и украинском языках слово «гроши» приобрело смысл собирательных понятий «деньги», «богатство». Со второй половины XV в. грош становится, как правило, биллонной[2] монетой, а с XVIII в. выступает уже в медном обличье.

Еще более разительны метаморфозы солида[3] (нем.— шиллинг, польск.— шелёнг, бел. и укр. — шеляг, шелег). Он появился в начале IV в. в виде золотой монеты, с XIV в. стал серебряным, а затем и биллонным, с середины XVII в. выпущены его первые медные экземпляры. В конце концов солид становится самой мелкой разменной монетой — своеобразным мерилом стоимостной ничтожности. Это, в частности, нашло отражение в белорусском выражении «А ні гарэлага шэлега няма», в духовном завещании бурмистра Могилевского Малахия Казкевича (25 ноября 1702 г.): «Впадший в нищету узнает цену не только гроша, но и шеляга».

И поныне в разговорной речи 10-копеечную монету называют гривенником. Происхождение этого слова связано с гривной — счетно-денежной и весовой (204, 756 г) единицами Древней Руси. В XI—XV вв. она выступает как реальное средство платежа в виде различного рода стандартных серебряных слитков массой от 100 до 200 г. В 1701—1866 гг. эмитируются серебряные монеты номиналом в гривну (гривенник, 10 копеек) с понижающимися из года в год пробой и массой. В 1762, 1796, 1830—1839 гг. чеканятся и медные десятикопеечники. В 1867—1931 гг. этот номинал выбивается в биллоне, с 1931 г. — в мельхиоре (медно-никелевом сплаве с повышенным содержанием никеля), с 1961 г.— в медно-никелевом сплаве с пониженным содержанием никеля...

«Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку»,— гласит латинская сентенция... Порча монеты, изначально считавшаяся вполне правомерным деянием эмитента, квалифицировалась как тяжкое преступление, если осуществлялась помимо его

[1] От лат. grossus — большой, толстый, массивный.
[2] Биллон — серебро с лигатурой в 50 % и более.
[3] От лат. solidus — прочный, цельный, истинный.

воли. Тем не менее к ней издревле «подключались» как неискусные кустари-одиночки, так и профессиональные монетчики, состоявшие на государственной службе. Эти люди, вполне естественно, не стремились к популярности и старательно конспирировали свою деятельность, но нет ничего тайного, что не стало бы явным: доказательства их активности многократно фиксируются историей.

Самой древней «специализацией» частных лиц, принимавших участие в порче монеты, была ее подделка[1].

Имена абсолютного большинства фальшивомонетчиков канули в Лету, однако многие из них все же дошли до наших дней.

Греческий писатель Диоген Лаэртский рассказывает о своем прославленном тезке Диогене Синопском (414—323 до н. э.), создавшем философскую школу киников (циников), следующее.

Молодость Диогена прошла в городе Синопе (на северном побережье Малоазийского полуострова), где его отец Гикесий имел почетную должность трапезита (менялы) и попутно занимался изготовлением фальшивых монет. Прежде чем присоединиться к нелегальной деятельности отца, Диоген отправился в город Дельфы (в Средней Греции), чтобы посоветоваться с находившимся там оракулом бога Аполлона. Оракул, по своему обыкновению, выразился весьма невразумительно: вопрошающий вправе изменять законы своего отечества («сделать переоценку ценностей»). Так как в греческом языке понятиям «закон» и «законное платежное средство» соответствует одно и то же слово («номос»). Диоген счел подпольное занятие отца вполне оправданным и присоединился к нему («О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Ок. 220).

В 1878 г. прочтена надпись на мраморной плите, высеченная во II—III вв. н. э. Она сообщает о казни Дракиона, Пантелиона и других граждан города Димы (на северо-западе Пелопонеса), «посягнувших на священное имущество и чеканивших медные монеты...»

Документы, касающиеся фальшивомонетчиков, определяют, как правило, меру их наказания.

В 594—593 гг. до н. э. Солон, введя в Афинах новые монеты, объявил о смертной казни, ожидавшей их фальсификаторов.

В Риме приговоры фальшивомонетчикам были более разнообразными, чем в Греции.

[1] От поддельных (фальшивых) монет следует отличать подражательную чеканку, копирующую (механически или творчески) популярную на местных рынках продукцию иноземных монетных дворов. Как правило, монеты-подражания не уступают своим прототипам качественно и метрологически, но выполнены на более низком художественном уровне, с искажением надписей и изображений.

По законам, введенным в 84 и 82 гг. до н. э. военным и политическим деятелем Суллой, уличенные в подделке монеты свободные граждане подлежали ссылке или отправке на каторжные работы, рабы — распятию на кресте или растерзанию дикими зверями в цирке.

При Диоклетиане (284—305) раба, донесшего на фальшивомонетчика, ожидала высочайшая награда — свобода и права римского гражданства.

Со времени Константина I (306—337) подделка монеты, квалифицировавшаяся как crimen laesae Majestatis (оскорбление Величества), каралась только смертной казнью (за фабрикацию золотой монеты предусматривалось сожжение заживо)...

В средневековой Европе фальшивомонетничество рассматривалось как causae majores (высшее преступление).

Английский хронист Флорентин Вигорненский сообщает, что в 1108 г. подделывателям монеты «выкалывались глаза и отрезались половые органы». Другой летописатель Англии XII в.— Генри Хандингтон предостерегает: «Стоит прислушаться к тому, как жестоки распоряжения короля. Он пришел к мысли, что всем мастерам монетного дела, кто тайно подделывал монеты, следует отрубить правую руку»; эта монаршая «задумка» прошла апробацию в рождественский вечер 1125 г.: 94 держателя монетных дворов, вызванные в королевский замок, покинули его однорукими...

В Германии постановлением Майнцского рейхстага 1285 г. сурово наказуемыми деяниями были объявлены не только подделка монет, их хранение и сбыт, но и укрывательство фальшивомонетчиков.

Нюрнбергский рейхстаг 1438 г. предупредил о жестоких карах, ожидающих как подделывателей монет, так и их господ. Несмотря на это фальшивомонетчики не унимались, подтверждением чему могут служить слова немецкого поэта-гуманиста С. Бранта: «Фальшивых денег — пруд пруди: берешь, так в десять глаз гляди» («Корабль дураков», 1494).

Регенсбургский рейхстаг 1532 г. утвердил единый для всего государства кодекс, более известный под популярным названием «пенькового права». Этот документ предусматривал не только сожжение и другие виды казни для фальшивомонетчиков, но и лишение их сеньоров прав на чеканку собственной монеты.

Общегосударственное законодательство, направленное на искоренение «монетных» преступлений, нередко подвергалось «творческому осмыслению» местных властей. В 1616 г. английский поэт Тэйлор стал свидетелем казни фальшивомонетчика, совершенной в полном соответствии с приговором городского суда Гамбурга: «Сварить в масле; причем не бросать сразу в котел, а подвязать его канатом под мышки и с помощью блока опускать в масло постепенно: сперва ступни, потом голени — и таким образом заживо сварить на нем его мясо...»

Рис. 10. **Казнь фальшивомонетчиков** (Россия, XVI в.)

В России начиная с 1530-х гг. фальшивомонетчикам «руки секли да олово в горло лили (т. е. заливали горло расплавленными подделками, которые обычно были оловянными.— *В. Р.*)».

В первой половине царствования Михаила Федоровича (1613—1645) эта кара была заменена «торговой казнью» — битьем кнутом на рынке, клеймением щек словом «вор» и ссылкой в «дальние городы». В 1637 г., когда деятельность фальшивомонетчиков заметно активизировалась, последовал царский указ, восстановивший прежнее наказание: «...кто воровское дело заведет, маточники и чеканы резать, или кто деланные купит и учнет воровские денги делать, или учнет воровские денги заведомо покупать в нашем государстве или за рубежом и ими торговать, и тем ворам велим заливать горло по-прежнему, без всякие пощады».

Соборное Уложение 1649 г. переносит это наказание и на профессиональных монетчиков: «Которые денежные мастера учнут делати медныя, или оловянные денги, или в денежное дело, в серебро учнут прибавляти медь, или олово, или свинец, и тем Государеве казне чинити убыль, и тех денежных мастеров за такое дело казнити смертию, залити горло».

В 1661 г. смертная казнь подделывателей денег заменена отсечением левой руки с последующими «нещадным битьем» батогами и конфискацией имущества. В 1672 г. наказание вновь ужесточается: уличенным в изготовлении штемпелей для чеканки «воровских денег» велено «сечь по левой руке да ноги обе», а приобретшим такие штемпели — «сечь левые ж руки».

Очевидно, эти меры не смогли окончательно смирить «воров», так как вскоре возобновляется практика мучительной казни расплавленным металлом. Правда, Петр I несколько «смягчил» ее указом 1723 г.: «...соизволил приказать: о ворах, которые делают фальшивые денги, за что оных казнят смертию, заливают горло; и буде такие заливающие горло (так в тексте.— *В. Р.*) скоро не умрут, то отсечь для скорой смерти голову».

Рис. 11.
«О фальшованью монеты о мынцах и о золотарох
(о монетных дворах и ювелирах.— *В. Р.*)». Статут Великого княжества Литовского 1588 г.— Раздел 1, Артикул 17

В последующее время российское уголовное право предусматривает для фальшивомонетчиков различного рода смертную казнь, каторжные работы и ссылку в Сибирь.

В Великом княжестве Литовском в соответствии со Статутами 1566 г. и 1588 г. фальшивомонетчики должны были быть «на горле огнем караны (сожжены заживо.— ***В. Р.***) без милосердия...»

Широкое распространение получила порча серебряных и золотых монет путем обрезывания их по кругу с целью накопления драгоценного металла.

«Сам Диоген (Синопский.— ***В. Р.***) в сочинении «Барс» признается, что он обрезывал монеты», — пишет Диоген Лаэртский («О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»).

В Византии времени Юстиниана I (527—565) некий монетчик по имени Александр по прозвищу «Ножницы» прославился изобретением особых ножниц: обрезанные им монеты выглядели совершенно нетронутыми.

Масштабы обрезывания порою достигали такого размаха, что приобретали характер национального бедствия (например, в России 1530-х гг., в Германии 1620-х гг. и т. д.), поэтому уличенные в нем карались не менее сурово, чем фальшивомонетчики.

Наступает время, когда монеты, окончательно приобретшие стоимостно-условный характер, уступают основные позиции в сфере денежного обращения бумажным деньгам — символам золотого и товарного фондов государства, практически лишенным стоимости.

В наши дни утеряно понимание того, что монеты, ставшие вспомогательным по отношению к бумажным денежным знакам платежным средством, обладают тем не менее более ценной материальной субстанцией, чем последние. Лишь в отдельных регионах мира, еще не достигших современного

уровня товарно-денежных отношений, рыночная котировка монет более высокая, чем у ассигнаций. Свидетельства этому — сообщения ряда авторов 1970-х гг.

Л. Мартынов (1974) рассказывает о денежном обращении на Новой Гвинее-Папуа: «Чем дальше уходят товары от побережья, тем сильнее меняются их цены, а также и деньги, которые за них платят. На побережье — австралийские доллары. Впрочем, там принимают и деньги из раковин. Чуть дальше уже в ходу только раковины и металлические монеты; бумажный доллар теряет всякую ценность. Когда несколько племен у подножия горы Хаген продали часть своей земли австралийской администрации, деньги им были доставлены на самолете в тридцати четырех гигантских мешках, туго набитых новыми монетами достоинством в один цент».

Писатель Б. Туманов (1970-е гг.) описывает казус, с которым он столкнулся в Конго:

«Девочка стоит у груды ананасов...

— Продаешь?

— Да! — отвечает девочка, показывая растопыренную пятерню.

— Пять франков?!

В Конго нет ничего дешевле коробки спичек, но она стоит целых десять франков. Девочка что-то путает. Роюсь в кармане, вытаскиваю стофранковую бумажку. Девочка ожесточенно мотает головой:

— Пять франков!

Я пускаюсь в долгие объяснения, пытаюсь уговорить ее: во-первых, у меня нет мелочи; во-вторых, пять франков за эти чудесные ананасы — абсурд!

Девочка улыбается во весь рот, но твердо стоит на своем. Наконец... на дорогу выходит мужчина. Он оказывается сговорчивее дочери, но не намного: отказывается от стофранковой бумажки, но соглашается принять десятифранковую монету.

Уже потом в Браззавиле мне объяснили: все в порядке, к «колониальному грабежу» я непричастен. Дело в том, что у жителей глухих лесных деревень существует фактически собственная денежная система, которая признает только медные монетки — они практичней быстро приходящих в негодность бумажек».

С. Кулик (1970-е гг.) вспоминает свою неудачную попытку купить ослов в кенийском племени нилотов:

«...это оказалось, однако, не так-то просто... Кто же из женщин согласится лишиться своих главных помощников в горах ради пары бумажных банкнот, на которые ничего толкового и купить-то нельзя в этих краях?

Большинство женщин сразу же отказались иметь с нами дело, другие заламывали фантастическую цену и требовали, чтобы мы обязательно платили им медными деньгами. Вес

монет, которые надо было заплатить за пять ослов, достиг бы, наверное, килограммов восемьдесят...»

Важнейшие достоинства монет как исторического документа — серийность, хронологическая непрерывность, чуткая реакция на экономические и политические общественные потрясения, выражающаяся в изменениях как внешнего вида, так и качественных показателей.

Надписи на монетах сообщают о странах, городах и государственных деятелях, часто неизвестных по письменным, археологическим или фольклорным материалам; разнообразнейшие изображения демонстрируют образцы бытовой утвари, орудий производства и вооружения, одежды и причесок, личные и государственные гербы, не дошедшие до наших дней произведения искусства и архитектуры, бесконечные портретные галереи исторических лиц, мифологические и бытовые сценки и т. д.

Монета — один из самых массовых предметов вначале ремесленного, а затем — и машинного производства, поэтому она является и памятником истории технической мысли. Нередко именно на монетных дворах претворялись в жизнь нововведения, авторами которых были выдающиеся деятели науки и культуры. Гениальный Леонардо да Винчи (1452—1519) создал станок для вырубки монетных кружков; великий ювелир, скульптор, резчик медальных и монетных штемпелей Бенвенуто Челлини (1500—1571) изобрел винтовой пресс, позволивший при минимальной затрате энергии добиваться четких изображений и надписей на монетах.

Порою техника монетного дела вторгалась в совершенно чуждые ей сферы. Так Иоганн Гутенберг, изобретший в начале 1440-х гг. книгопечатание, принадлежал к роду монетчиков и в основу своего бесценного открытия положил принцип чеканки монет...

Круг идей и понятий, заключенных в монетах, выходит далеко за пределы чисто нумизматических рамок, ставя их в ряд благодарнейших источников для исследований в областях не только истории денежного обращения, но и археологии, экономики, палеографии, геральдики, сфрагистики, метрологии, исторической географии, политической истории, этнографии, искусствоведения, филологии.

Познавательная значимость реликтов денежного обращения поэтически-образно определена поэтом О. Мандельштамом:

...Одни на монетах изображают льва,
Другие — голову.
Разнообразные медные, золотые и бронзовые лепешки
С одинаковой почестью лежат в земле.
Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы...

«Нашедший подкову», 1923

Рис. 12. **Скилур**
Изображения на монете (а) и барельефе (б); скульптурный портрет, воссозданный М. М. Герасимовым по черепу из пантеона Неаполя Скифского (в)

В 1863 г. на острове Самофракия (Эгейское море) обнаружен торс мраморной статуи и обломки ее пьедестала в виде носовой части корабля. Фрагментарность этой скульптурной композиции не позволяла определить, кому именно она посвящена. Тем не менее загадка разрешилась благодаря тетрадрахме македонского правителя Деметрия Полиоркета, выпущенной в ознаменование разгрома египетского флота в сражении у Саламина (восточное побережье острова Кипр) в 306 г. до н. э. На этой монете была отчеканена стоящая на корабельном носу Нике — крылатая богиня победы. Сходство изображения с находкой привело к однозначному заключению: статуя посвящена Нике...

Около 2500 лет назад на Акрополе — холме в центре Афин — был воздвигнут театр. Время начисто стерло следы этого фундаментального сооружения, но место его расположения установлено по древнегреческим монетам с изображением застроенного общественными зданиями Акрополя. Успешные археологические раскопки позволили осуществить реконструкцию этого уникального творения античного зодчества.

Плутарх и Страбон сообщают о Скилуре — могущественном царе скифов во II в. до н. э. Представление о его облике дают найденные в Крыму каменный барельеф и несколько монет. В 1946 г. при археологическом исследовании развалин столицы скифов Неаполя (на окраине г. Симферополя) обнаружен мавзолей с 72 захоронениями. По черепу самого богатого из них антрополог М. М. Герасимов создал скульптурный портрет, при сопоставлении которого с барельефным и монетными изображениями стало очевидным: открыто погребение Скилура!

Между 1838 и 1845 гг. в деревне Чахет Брестской области трижды найдены монеты Римской империи. Необычная для Беларуси концентрация их в одном месте привлекла внимание

археологов. В результате были обнаружены следы поселения начала I тысячелетия н. э.

В 1951 г. при сносе руин замка в гор. Быхове Могилевской области в основании одного из его углов найдена монета 1562 г.

В 1959 г. при земляных работах по улице Подгорной в Могилеве обнаружен фундамент здания, под которым оказалось 19 монет 1664—1699 гг.

В 1926 г. житель деревни Большие Мацевичи Минской области, разбирая пришедший в ветхость дом, нашел «под подрубом» монету 1809 г.

Эти находки (вспомним о поныне распространенном обычае класть под угол строящегося дома деньги!) позволяют утверждать, что быховский замок был основан не ранее 1562 г., дом на улице Подгорной построен в конце XVII в., а крестьянская хата в Больших Мацевичах служила людям около 117 лет.

Монеты имеют материальную и внешнюю характеристики. Первая из них включает в себя такие понятия, как ***металл***, из которого изготовлены монеты,[1] вес, предопределенный ***монетной стопой***,[2] и ***проба***[3] (в случаях чеканки в благородных металлах).

Внешние характеристики монеты выражены ***аверсом*** и ***реверсом*** (лицевая и оборотная стороны), ***полем*** (поверхность сторон), ***опушкой*** (круговое возвышение у края поля), ***гуртом*** (боковая поверхность, ребро), ***легендами*** (надписи), изображениями, а также типом (характер взаимного расположения легенд и изображений).

Встречаются «немые» (анэпиграфные) монеты, легенд не имеющие, или же с нечитаемыми псевдолегендами в виде бессмысленного набора букв или их имитаций (среди наиболее грубо выполненных фальшивых и подражательных монет).

Помимо средств денежного обращения (регулярных и спорадических выпусков государственных монетных дворов, современных им образцов фальшивой и подражательной чеканки) существуют монеты, никогда не бывшие деньгами,— пробные, донативные (дарственные), новодельные и антикварные подделки.

Пробы — опытные образцы-эталоны номиналов новых денежных эмиссий, представлявшиеся на одобрение эмитентов.

[1] Обозначения металлов, принятые в нумизматике, следующие: P (платина), AV (золото), Pd (палладий), AR (серебро), El (электр), Bil (биллон), Cu (медь), Br (бронза), Nic (никель), Fr (железо), Al (алюминий), Sn (олово), Pl (свинец).

[2] Монетная стопа — законодательно установленное количество монет одного номинала, которое должно быть выбито из весовой единицы сырьевого металла.

[3] Проба (от лат. probo — испытываю, оцениваю) — соотношение между массами благородного металла и лигатуры в монете или ювелирном изделии.

Рис. 13а. **Антикварные подделки**

1—2. Сребреники Владимира Святославича и Ярослава Владимировича (начало XI в.). *3.* Гривна-рубль киевского (XI—XIII вв.) типа. *4—5.* Гривны-рубли новгородского (XII—XV вв.) типа (фрагменты, увелич.) с «граффити» и клеймом. Место фабрикации — Беларусь 1980-х — начала 1990-х гг. (известны того же происхождения гривны литовского, киевского и так называемого «черниговского» типов)

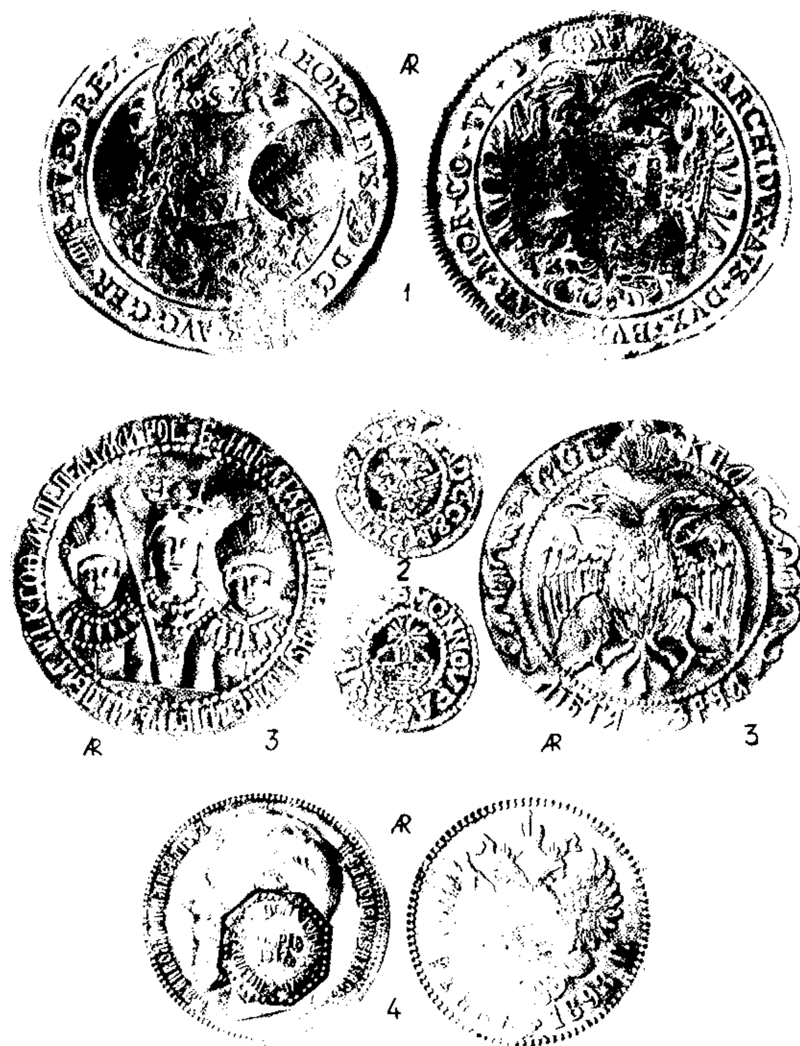

Рис. 13б. **Антикварные подделки**

1. «Ефимок с признаком» — подлинный тирольский талер 1668 г. с тремя фальшивыми контрамарками на аверсе (овальная — подделка под аверсный штемпель копейки Ивана IV, две прямоугольные — с датой «1657»). *2.* «Севский чех» 1686 г. (белый сплав). *3.* Никогда не существовавший рубль Софьи Алексеевны, Ивана и Петра Алексеевичей. *4.* Подлинный рубль 1898 г. с фальшивой контрамаркой «Низложение дома Романовых. Март 1917 г.»

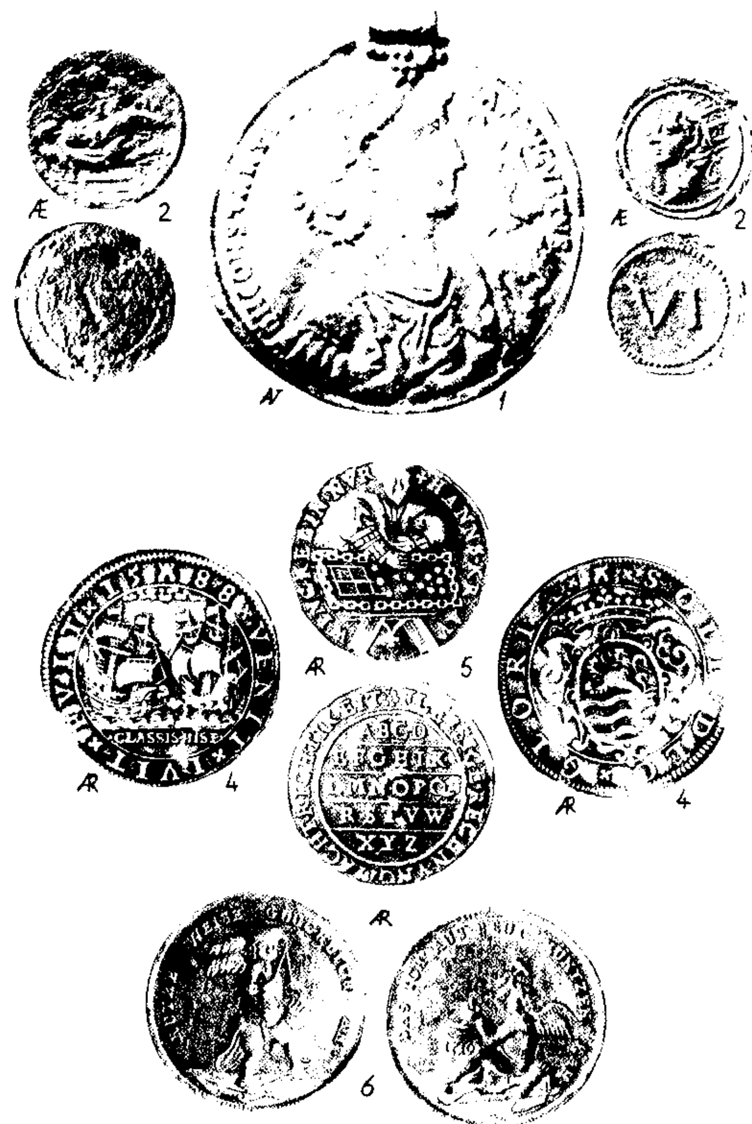

Рис. 14а. **Металлические монетовидные изделия**

1. Восточноримская империя. Константин II и Констанций (342—343 гг.). Медальон. *2—3.* Рим (империя). Жетоны-тессеры 1 пол. I в. н. э. *4.* Нидерланды. Жетон 1588 г. в память о гибели испанского флота («Непобедимой Армады»). *5.* Германия, Нюрнберг. Счетный жетон (рехенпфенниг) конца XVI—начала XVII в. *6.* Саксония. Жетон 1719 г. в память о бракосочетании кронпринца

Рис. 14б. **Металлические монетовидные изделия**

1—4. Польша, расчетные боны войсковых частей, дислоцированных в Западной Беларуси (1920—1930-е гг.). 10 грошей 83 пехотного полка в Кобрине (белый сплав); 1 злотый 25 уланского полка в Пружанах (желтый сплав); 20 грошей 29 полка полевой артиллерии в Гродно (белый сплав); 20 грошей гарнизона корпуса пограничной охраны в Клецке (желтый сплав). *5—6.* Россия. «Бородовые знаки». 1699 г. и 1705 г.— жетоны, свидетельствующие об уплате пошлины за ношение бороды. *7—8.* Россия. Мемориальные жетоны 1724 г. и 1725 г.— на коронацию Екатерины I и на смерть Петра I

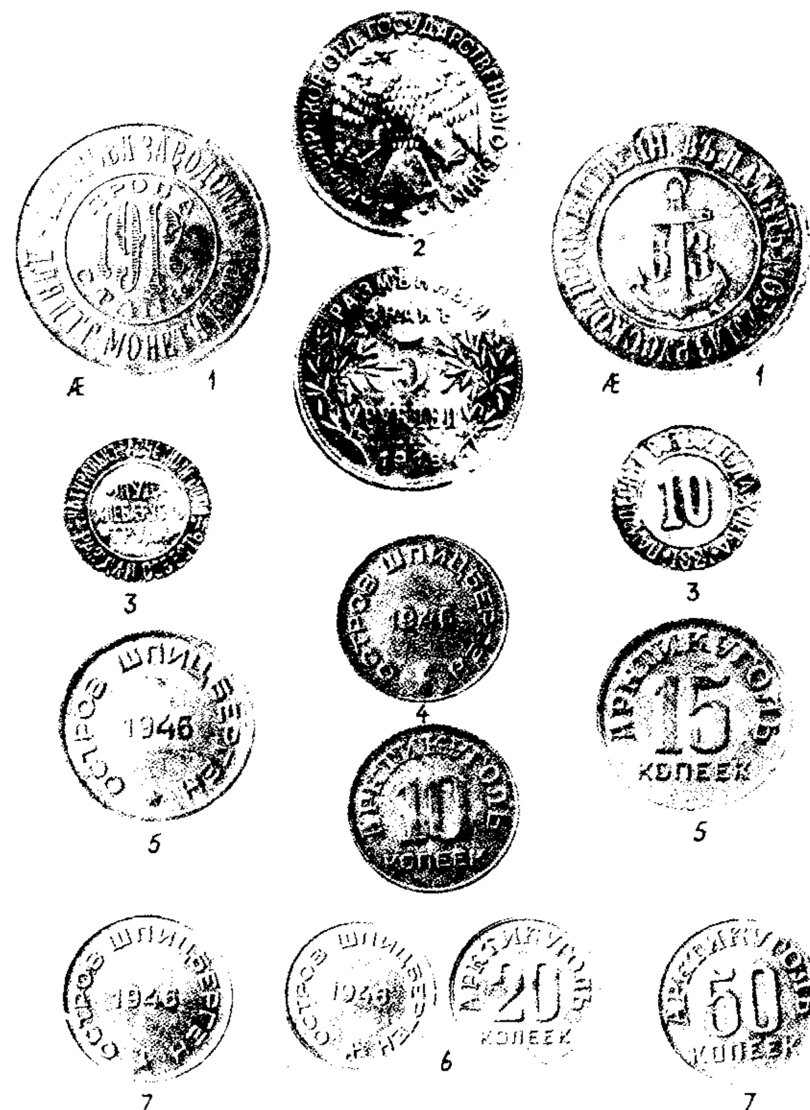

Рис. 14в. **Металлические монетовидные изделия**

1. Россия. Жетон Балтийского завода 1917 г. «В память мобилизации русской промышленности». *2.* РСФСР. 5 рублей 1918 г.— разменный знак (бона) Армавирского отделения Госбанка (белый сплав). *3.* УССР. «Пай десять сотых пудов хлеба» 1921 г.— бона киевского кооператива «Разум и совесть» (желтый сплав). *4—7.* СССР. Платежные боны «Артикугля» 1946 г. для концессии на Шпицбергене — 10 и 15 копеек (желтый сплав), 20 и 50 копеек (белый сплав)

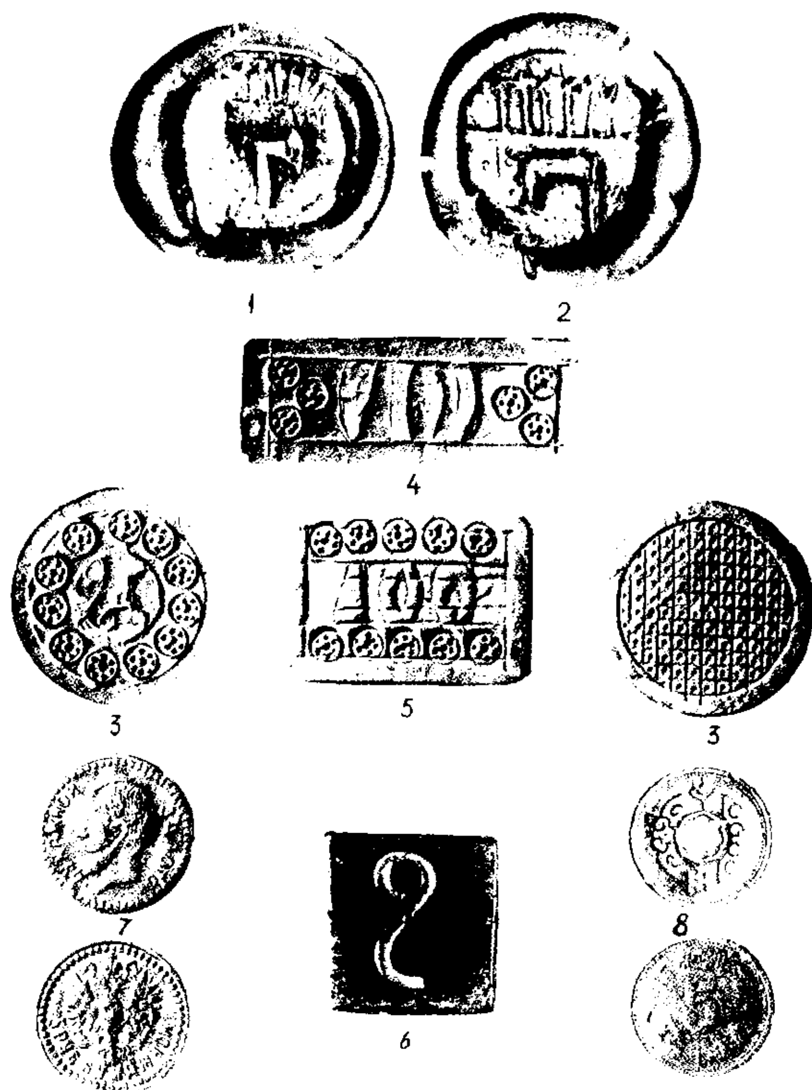

Рис. 14г. **Неметаллические монетовидные изделия**

1—2. Польша. Домениальные (частные) монеты владельцев имения Едлово Николая или Стефана Корысциньских (1-я пол. XVII в.) — зеленое стекло. *3—5*. Россия, Тобольская губерния. Расчетные знаки номиналами в «2», «10» и «100» (XVIII в., не позднее 1764 г.) — береста. *6*. Россия. Расчетный городской знак — «жеребей» (конец XVIII в.) — кожа. *7*. Россия, Лифляндская губерния. «Бумажной залотой» (квитанция для лиц, помогавших латышской революционной организации, 1905 г.) — картон. *8*. Маньчжоуго. 5 фэнь 1944 г. — фибр

Донативы — выбитые высокохудожественными штемпелями сувениры, предназначенные для пожалования узкому кругу привилегированных лиц. В донативной роли нередко выступали малотиражные памятные (мемориальные, коммеморативные, медальные) монеты.

Новоделы — специфически коллекционный материал, выпущенный Монетным двором с помощью устаревших подлинных штемпелей, иногда подвергнутых предварительной обработке (полировке поля, подправкам деформированных надписей и изображений).

Антикварные подделки — изготовленные вне монетных дворов фальсификаты, предназначенные для сбыта неопытным собирателям. Чаще всего они представляют собой более или менее удачные копии нумизматических раритетов, но имеются среди них не имеющие реальных прототипов совершенно фантастические фабрикации и подлинные монеты, «обогащенные» дополнительными надписями или изображениями.

Наряду с монетами к нумизматическим памятникам относятся медальоны и медали, счетные и мемориальные жетоны, боны (марки) и другие монетовидные изделия, нередко изготовленные из кожи, бересты, картона, стекла, фарфора, пластмассы и иных нетрадиционных материалов.

Несмотря на разнообразнейшую научную информацию, содержащуюся в старинных монетах, они сами по себе не являются основным объектом труда нумизматов. Определение и описание реликтов денежного обращения — лишь начальная стадия их работы. Главная же цель нумизматических исследований гораздо сложнее и интереснее. Связана она прежде всего с кладами[1].

Сокровище, клад... Сами эти понятия не случайно означают нечто скрытое, сокровенное, положенное в неизвестный никому, кроме его владельца, тайник. Трудно встретить человека, который оставался бы равнодушным к захватывающим историям о несметных богатствах, спрятанных некогда пиратами, разбойниками или купцами на неведомом острове, в руинах церкви, у берега глухого лесного озера или под заветным дубом. Тема клада прочно обосновалась в устном народном творчестве, стала одним из излюбленных мотивов произведений многих писателей и поэтов.

Таинственность, окутывающая древние сокровища, зачастую усугублялась верой в «нечистые силы», которые охраняют их...

---

[1] Строго говоря, использование термина «клад» (древнерусск.— скровище, сокровище; старорусск. — поклажей, поклажай, поклажа; бел., укр., польск. — скарб) правомерно лишь по отношению к тайному, неведомому сокровищу. Исследователи же имеют дело с **бывшими кладами**, превратившимися в **находку**.

В 999—1003 гг. папский престол занимал выдающийся ученый и политический деятель Сильвестр II (в миру — Герберт), поражавший современников глубокими познаниями в самых различных областях науки (ему, в частности, принадлежит честь изобретения первых в Европе механических часов).

Английский монах Уильям Мальмсберийский уделил этому понтифику довольно много места в своей «Истории английских королей» (1125).

«При содействии дьявола,— рассказывает он,— Герберт жадно ловил свою фортуну... Предметом его алчности стали даже сокровища, некогда спрятанные иудеями, которые он открыл в груде развалин с помощью некромантии»[1]. Далее повествуется о том, как, вступив в контакт с потусторонними силами, Герберт овладел кладом «императора Октавиана». Найденное золото открыло ему путь к папской тиаре...

Около 1270 г. германский проповедник Бертольд Регенсбургский заявил, что договоры с дьяволом заключаются с целью обнаружения скрытых в земле кладов. Его современник — итало-французский теолог и философ Фома Аквинский, несколько ранее высказавший подобную мысль, даже классифицировал эти договоры, разделив их на «молчаливые» (устные) и «торжественные» (оформленные юридически). В богословском трактате французского теолога Жильбера Восского (1625) приведены факсимиле подобных договоров («пактов»), сопровождаемые обстоятельными комментариями.

Архивы «Святейшей инквизиции» сохранили текст соглашения с «князем тьмы», составленного в 1676 г. неким итальянским аристократом. Этот документ («законность» его подтверждена подписью нотариуса!) состоит из 28 параграфов, выдержанных в форме обращения к дьяволу. Один из них гласит: «Если мне понадобится большая сумма денег — когда бы это ни произошло и для какой бы цели это ни было,— ты обязан доставить мне клад из потайного места или из-под земли. И где бы он ни был спрятан или зарыт, я за ним не пойду, а ты сам должен вручить его мне».

Памятник древнерусской церковной литературы «Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу» (конец XI — начало XII в.) утверждает: «Аще бо сребро или злато скровенно будет под землею, то мнози видят огнь горящь на том месте, то и то диаволу показующю сребролюбивых ради».

В «Киево-Печерском патерике» (XIII—XV вв.) повествуется о монахе Федоре и нечистой силе, пытавшейся совратить его.

Федор, раздав свое имущество нищим, поселился в Варяжской пещере монастыря и «добре подвизася на добродетель». Это, естественно, не могло оставить дьявола

[1] Некромантия — искусство вызывания на беседу умерших и духов, предсказания будущего по крови человека или животного.

равнодушным. Приняв облик схимника Василия, он пришел в пещеру и посоветовал Федору: «Проси у Бога да подаст ти злата и сребра множество».

Федор поддался искушению, после чего к нему во сне явился «злохитрый бес» в образе ангела и указал место сокрытия клада. Обрадованный монах «прииде на показанное себе во сне место и начав копати и обрете сокровище — злато и сребра множество и сосуды многоценны».

Истинный Василий, вскоре посетивший пещеру, разоблачает «бесовское действо». Федор раскаивается в своем прегрешении, а «обретенное же сокровище, ископав яму глубоку и тамо вложь, засыпа».

Нечистая сила не сдается: бес-«Василий» отправляется к Мстиславу Святополчичу[1] с доносом: «Федор обрете сокровище — много злата и сребра и сосуд многоценных».

Монах приведен к князю, который «первие ласканием начат воспрошати его, глаголя: повеждь ми отче, аще обрел сокровище?»

Федор подтверждает: «...обретох, и ныне скровище есть в пещере».

«Почто, отче, не даси его мне? — спрашивает Мстислав.— Аз бо разделю с тобою и елико ти требе будет, возмеши».

«Отьят Господь память сребролюбия от мене, и не вем (не ведаю.— ***В. Р.***), где скрых его», — отвечает Федор.

Несмотря на жестокие пытки («князь повеле его мучити крепко»), монах сошел в могилу, так и не выдав тайны сокровища, которое «от тех дний и до ныне никто же не весть, идеже сокровенно есть»...

В трагедии И. Гёте «Фауст» дьявол Мефистофель в ответ на требование императора «Денег нет, скорей же их достань!» с издевкой отвечает: «Клад недалек, но, чтобы докопаться, искусство нужно и уменье взяться».

Мефистофель приобрел широкую известность благодаря тому, что именно с ним связывались и события бурной жизни вполне реального человека — Иоганна Фауста, умершего около 1540 г.

Фауст имел среди современников репутацию темной личности, связанной с нечистой силой. Богослов Агриппа Неттесгеймский писал о нем в 1528 г.: «Этот чародей может предвидеть будущее, в его власти наколдовать неисчислимое количество войск, повозок и коней, ему открываются клады».

Слава Фауста достигла апогея уже после его смерти, когда в 1587 г. появилась книга анонимного автора под названием «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике, как на некий срок подписал он договор с дьяволом, какие чудеса он в ту пору наблюдал, сам учинял и творил, пока наконец не постигло его заслуженное воздаяние. Большей частью извлечено из его сочинений и

[1] Владимиро-волынский князь (погиб в 1009 г.).

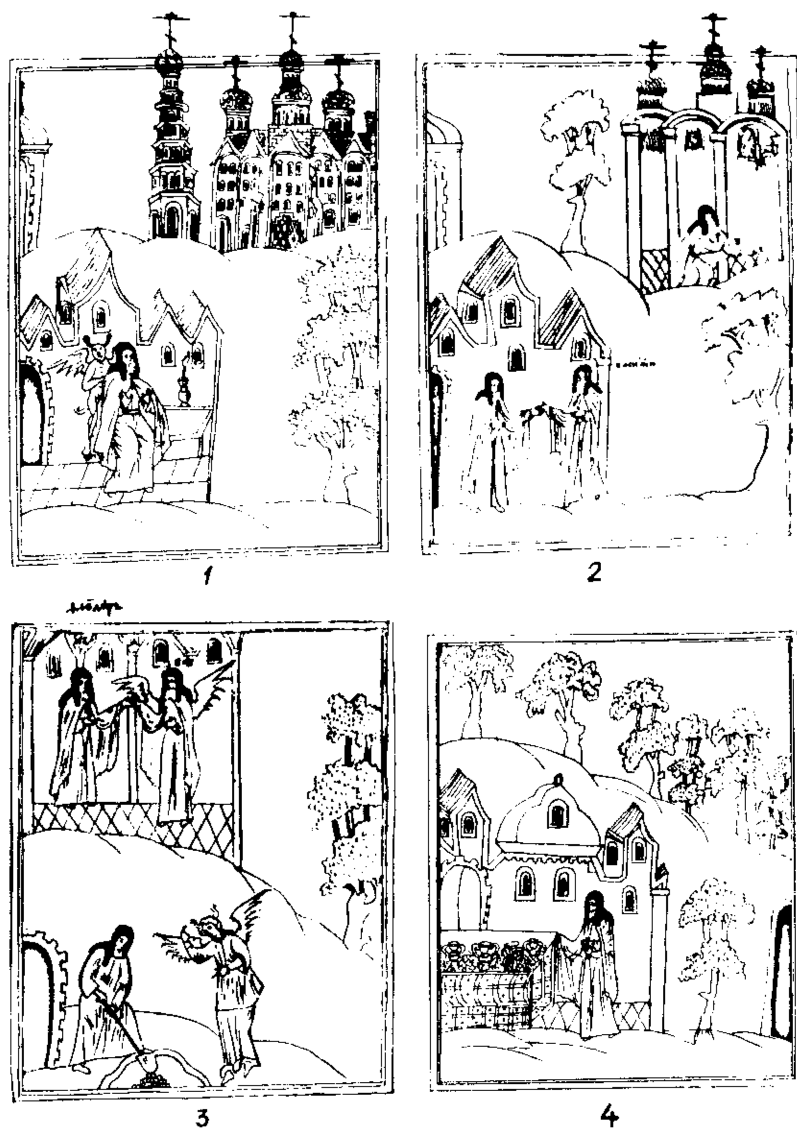

Рис. 15а. **Миниатюра Киевско-Печерского патерика** (список XVII в.)

1. «Федор живяше в пещере варяжской. Бес принесе ему расказание о розданнем богатстве». *2.* «Святый Василий се инок совершен утвержаще (поучает.— *В. Р.*) Феодора». *3.* «В небытие Василия бес во образе его прииде к Феодору советуя ему» (вверху; «Бес во образе ангела показа Феодору сокровище» (внизу). *4.* «Феодор прельщен готовяшеся из пещеры изыти»

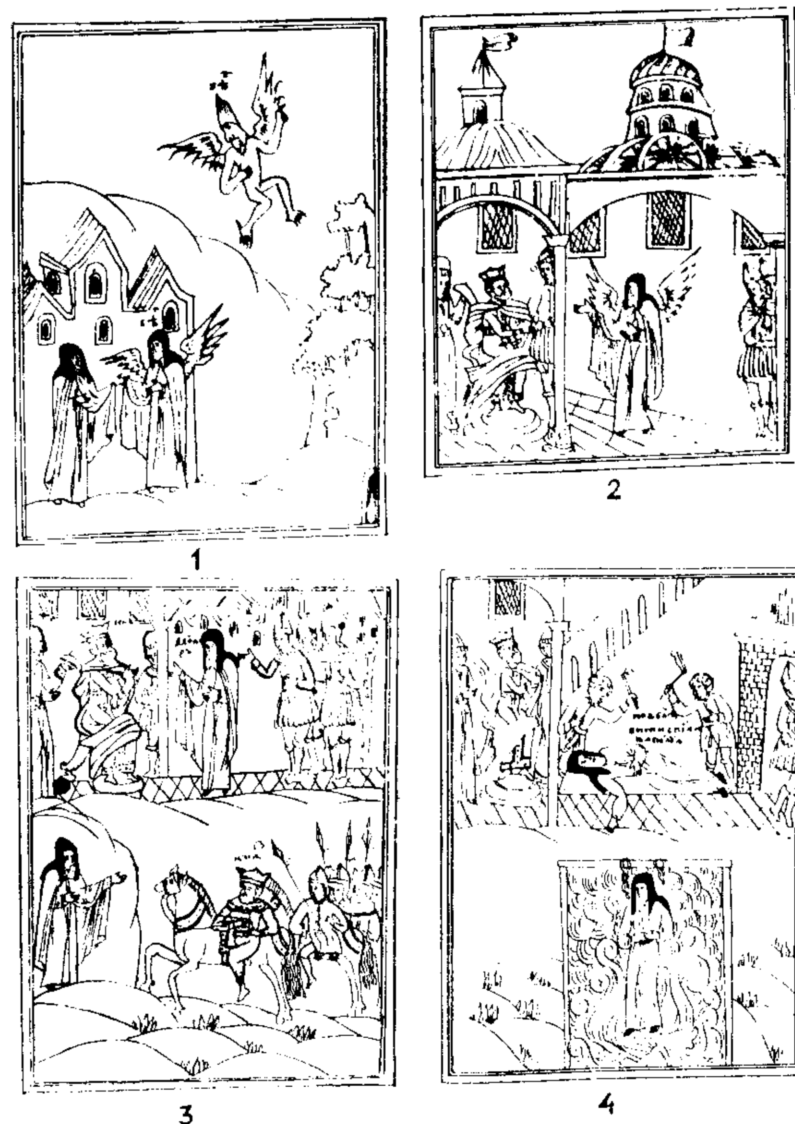

Рис. 15б. **Миниатюра Киево-Печерского патерика** (список XVII в.)

1. «Бес третие (в третий раз.— *В. Р.*) во образе Василия прельщаше Феодора». *2.* «Бес во образе Василия оклевета Феодора князю о злате». *3.* Федор приведен к князю (вверху); Князь едет к Василию (внизу). *4.* «Повеле [князь] бити спиан (сьяну.— *В. Р.*) Василия» (вверху); «Посем (затем.— *В. Р.*) в дыму и во огни повеле Феодора повесити» (внизу)

напечатано, дабы служить устрашающим и отвращающим примером и искренним предостережением всем безбожным и дерзким людям».

В ней рассказывается, в частности, следующее: «Указал дух Мефистофель Фаусту одну старую часовню, которая находилась в полумиле от Виттенберга (город в Саксонии.— *В. Р.*). В ней находился засыпанный погреб, там должен был Фауст копать и найти большой клад. Доктор Фауст послушно отправился туда. Когда он пришел на место, увидел он ужасного дракона огромной величины, лежащего на кладе, а клад сиял, как зажженный огонек. Доктор Фауст произнес заклинание, и дракон уполз в расщелину. Но когда он выкопал клад, то не нашел там ничего, кроме углей, и при этом он видел и слышал много привидений. Принес доктор Фауст домой эти угли, и они тотчас превратились в золото и серебро, которое, как сказывал его фамулус (ученик и слуга.— *В. Р.*), было оценено в несколько тысяч гульденов»[1]

В XVII—XVIII вв. появляются многочисленные сочинения, выдаваемые за записи знаменитого чернокнижника. Сами их заглавия являлись неотразимой рекламой для легковерных искателей тайных сокровищ (например, «Книга чудес, искусств и волшебства доктора Иоганна Фауста, именуемая также Черный ворон, или Тройное адское заклятие, которым я понудил духов приносить мне все, чего бы я ни пожелал — будь то золото или серебро, клады большие или малые»).

Славу, не меньшую, чем ювелирное и медальерное творчество, принесли Б.Челлини его мемуары «Жизнь Бенвенуто Челлини, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции».

22 мая 1559 г., посылая часть рукописи флорентийскому поэту и историку Б. Варки, автор пишет: «Я старался не говорить ничего такого, чтобы мне памятью идти на ощупь, а говорил чистую правду, опуская большую часть некоих удивительных происшествий». Тем не менее, в этом автобиографическом сочинении весьма обстоятельно описаны отдельные действительно «удивительные» эпизоды. К ним относится повествование о том, как Бенвенуто в начале 1530-х гг. принял участие в сеансах некромантии.

«Привелось мне через некоторые разные странности завести дружбу с некоим священником, каковой был возвышеннейшего ума,— рассказывает он.— Случилось однажды по поводу одного разговора, что речь зашла об искусстве некромантии: на что я сказал: «Превеликое желание было у меня во все время моей жизни увидеть или услышать что-нибудь об этом искусстве».

[1] Гульден этого времени — монета, содержавшая 24,62 г серебра.

Священник согласился продемонстрировать свои чародейские способности, предложив Бенвенуто и двум его приятелям прийти глухой ночью в Колизей[1]. Здесь «он, нарядившись по способу некромантов, принялся чертить круги на земле с самыми чудесными церемониями, какие только можно вообразить, и одного за другим поставил нас в круг. Длилась эта штука полтора с лишним часа; явилось несколько легионов[2] духов, так что Колизей был весь переполнен».

Через несколько дней колизейский спектакль повторен на более высоком уровне: «Начал некромант творить эти ужаснейшие заклинания, призывая поименно всех этих самых демонов, начальников этих легионов, так что в короткий промежуток весь Колизей наполнился во сто раз больше, нежели они то учинили в тот первый раз».

После этого, продолжает автор, «некромант убеждал меня, чтобы я согласился заклясть вместе с ним книгу, из чего мы извлечем бесконечное богатство, потому что мы потребуем у демонов, чтобы они указали нам клады, каковыми полна земля, и таким образом мы станем пребогаты... Этот священник-некромант несомненнейше до того убедил меня, что я охотно расположился это сделать». Однако, с сожалением замечает Бенвенуто, неотложная работа над заказанными папой медалями не позволила ему принять участие в этом заманчивом предприятии...

Народные поверья видели в кладе нечто одухотворенное, живущее своей особой жизнью, с проявлениями которой может столкнуться любой человек.

Известный русский историк и этнограф М. Д. Чулков в 1786 г. издал книгу «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений и свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.», в которой пишет: «Клад, когда покажется в ночное время или в день — одному какое животное или теплющаяся свеча, то должно по той вещи легохонько ударить и сказать аминь, аминь, разсыпся, которая и оборотится котлом или кубышкой с деньгами, а сие называется клад; котлы обыкновенно находят по появлению какого-нибудь животнаго на поле, в лесу или в саду».

Чаще всего тайное сокровище дает о себе знать вспыхивающим два-три раза и затем исчезающим огоньком; иногда оно выступает в антропоморфном (человекообразном) виде, порою в зооморфном — в облике кошки, собаки, барашка, волка, петуха или утки, цвет шерсти или перьев которых наглядно демонстрирует его содержание (желтый, рыжий — золото, белый — серебро).

В устном народном творчестве клады делятся на две группы — заклятые (заговоренные) и благополучные (добрые).

[1] Римский амфитеатр, построенный в 75—80 гг.

[2] Легион — неисчислимое множество.

Первые из них охраняются «приговорами» — произнесенными при их сокрытии труднопреодолимыми заговорами. Примерами таких «приговоров» могут служить записанные в Беларуси заклятия: «Кто на живой змее приедет, тот и деньги возьмет», «Кто будет мертвым пахать, тот эти деньги получит», «Кто тут сына убьет, тот эти деньги возьмет», «Кто в эту яму человечью голову положит, того и деньги» и т. д.

Трудность овладения заклятыми сокровищами усугубляется тем, что зачастую их сторожит нечистая сила. «Такая експедиция,— замечает Чулков,— бывает опасна и сопряжена со многим страхом, ибо в то время, как вынимают котел, выбегают из лесу черти и кричат режь, бей, губи».

В фольклоре белорусов хранителями кладов, помимо заурядных чертей, выступает целая рать разнообразных «нечистиков». Каждый из них властен лишь над строго определенной территорией.

Полевик стережет сокровища, спрятанные в поле. Появляясь в виде мрачной холодной тени или, напротив, в виде убийственного солнцепека, он пугает кладоискателя диким хохотом, эхом.

Лесовик (лешук, пущевик, леший), ведающий лесными кладами, обычно принимает облик старика с белым, как береста, лицом и огромными свинцово-синими немигающими глазами.

Багник (болотник), хранящий укрытые в болотной трясине богатства, определенного облика не имеет.

Кладник (кладовик) владеет кладами приусадебного участка. Этот «нечистик», обладающий несметными сокровищами, носит серебряную сермягу и лапти, золотые шапку и пояс, опирается на серебряную палку с золотыми навершием и острием. Его характерная черта — чрезвычайная скупость: в серебряной торбе он носит выпрошенные у людей корки хлеба. Уловив момент, когда зарывающий деньги прикрывает их первым слоем земли, кладник уносит их вглубь, после чего становится абсолютным владельцем сокровища. Время от времени он поднимает клад на поверхность и со злорадством наблюдает за ошеломленным корыстолюбцем, перед которым внезапно предстает груда золота или серебра...

Овладение кладом требовало от человека как мужества, так и незаурядного хитроумия. В Беларуси записаны следующие предания:

Старик зарывает деньги с заговором «Которая рука загребла, та и отгребет». Подслушавшая его невестка, дождавшись смерти свекра, рукой покойника раскапывает землю и становится обладательницей клада.

В аналогичной ситуации, когда, согласно заговору, сокровище могло открыться лишь в случае, если его хозяин после своей смерти перепашет тайник, невестка с мужем, надев на покойника хомут, впрягли его в соху и провели ею борозду — деньги вынырнули на поверхность.

Зять подслушал заговор тестя, укрывавшего свои сбережения, «Кто голову положит, тот мои деньги возьмет». Воспользовавшись оплошностью старика, не оговорившего, что голова эта должна быть человечьей, он обезглавил петуха и овладел кладом.

Для открытия заклятого сокровища использовалась чудесная сила некоторых растений, описанных в рукописных «Травниках».

«Есть трава ***папороть*** (она же папоротка, кочедыжник.— *В. Р.*), — указывает один из «Травников»,— растет в лесах, около болот, в мокрых местах, лугах. А цветет накануне Иванова дня (Ивана Купалы, 24 июня по старому стилю.— *В. Р.*) в полночь, одним часом отцветает, а цветет, точно как огонь горит или пылает... А сия трава самая наисильнейшая над кладами, царь над травами». Чтобы получить этот цветок, требуется, помимо исполнения ряда сложных и опасных ритуалов, преодолеть страх перед его стражами — беснующимися нечистыми силами.

Плакун-трава — «всем травам отец (мать)» — добывается на утренней заре. Она, сообщает «Абевега» Чулкова, «заставляет плакать нечистых духов; когда будешь иметь сию траву, то все неприязненные духи ей покоряются. Она одна в состоянии... открыть доступ к заклятому кладу, который стерегут нечистые духи». Стоит привязать плакун-траву к немому петуху, и он обязательно запоет на месте денежного захоронения.

Разрыв-трава (прыгун, спрыг, скакун) способна взламывать самые прочные замки и преграды. Согласно «Абевеге», она имеет «особую в колдовстве силу, и без нее кладу никакого вынять не можно». Искать ее следует на месте, где с пасущейся лошади спадают железные путы или при косьбе ломается коса. Добывают ее также, оградив колышками гнездо ужа или черепахи, замазав глиной гнездо сойки, сороки или совы; лишенные доступа к детенышам пресмыкающееся, земноводное или птица для преодоления сооруженных человеком препятствий находят разрыв-траву и приносят ее к своему жилищу.

Из других «добрых ко всякой кладовой знатной премудрости» средств, рекомендуемых «Травниками», можно назвать чертополох (чертогон); спорыш; бел-кармолец; объярь; шапец; беленький одолень; Петров крест, зацветшую в Купальскую ночь ветвь орешника и т. д.

Не меньшее, чем «Травники», распространение имели рукописные «Вызывные книги». В них чаще всего содержались словесные формулы обращения к праведным силам, способным устрашить охраняющих сокровища «нечистиков»: «Подаждь, Боже, мне приставников (стражей.— *В. Р.*) злых от

Рис. 16. **Ведьмы ищут клад в Купальскую ночь**
Худ. Давид Тенирс Младший (Нидерланды, сер. XVII в.)

поклажи отогнати, злата из земли на добрыя дела взяти, сиротам малым на утешение, Божиих храмов на построение, всей нищей братии на разделение, а мне на честну торговлю купецкую» и т.п.

Отчаявшийся кладоискатель мог найти в этих книгах и прямо противоположные рекомендации, подсказывающие, как

Рис. 17. **На охоте за зубами**
(офорт № 12 из серии «Капричос»)
Худ. Франсиско Гойя (Испания, между 1793 и 1803 гг.). Комментарий Гойя: «Зубы повешенного очень полезны для колдовства. Без этого ингредиента ничего не удается. Жаль, что народ верит в такую бессмыслицу»

вступить в непосредственный контакт с нечистой силой. Например, чтобы встретиться с лешим, следует в Купальскую ночь встать на осиновый кол и, обратившись лицом к северу, воззвать: «Кажись ни волком-зверем, ни вороном-птицей, ни древом иглистым, а таким, как я сам!»; после этого леший появится во вполне пристойном, человекоподобном виде и принесет клад в обмен на душу вызвавшего его.

Очень популярными были «Росписи», сообщавшие о конкретных ориентирах сокрытых денег. Типичным их образцом может служить следующая: «Там, где от дороги пошел поворот на зеленую поросль, по правую руку, как идти от Речицы к Хойникам, в колодце большой пивной котел, полный денег, покрытый камнем замшелым».

Фольклор знает и многие иные способы поисков завороженных сокровищ. Так, считалось, что, увидев клад-огонек, следует перебросить через него какой-либо предмет; если это будет шапка, то зарытые ценности окажутся на глубине в рост человека, если нож — на глубине в половину роста. При появлении клада в антропоморфном или зооморфном виде достаточно ударить его, чтобы он рассыпался на золотые или серебряные монеты. Необходимо дождаться минуты, когда кладник, вынув из земли деньги для просушивания, теряет бдительность и ненадолго отлучается: тогда можно, не опасаясь тяжких для себя последствий, захватить сокровище. Существенное содействие поискам оказывали «выгарок» (обожженная с обеих сторон лучина), «кутний» (коренной) зуб покойника или свеча, горевшая в церкви при его отпевании...

Благополучные клады даются только добропорядочным людям. В Беларуси этот вид тайных сокровищ связывался обычно с «Дедкой» («Дедей»), «Белуном» и «Купальским дедком».

Дедка — нищенствующий старик с огненно-красными глазами и такой же бородой. «Наведя» на встреченного бедняка глубокий сон, он оставляет рядом с ним деньги. Иногда голова дедка, издали похожая на огонек, появлялась на месте сокрытия клада; достаточно бросить на нее шапку или, за неимением ее, собственный волос, чтобы сокровище вышло на поверхность.

Белун — страдающий насморком старик, живущий в придорожной ржи. Завидев путника, он выходит на дорогу и просит утереть ему нос. Если это сделать рукой, то он дает столько золота, сколько войдет в горсть, если платком — столько, сколько поместится в нем. Случается, что Белун превращается в груду монет, если притронуться к нему со словом «аминь».

Купальский дедок бродит с лукошком, наполненным цветами и травами. На почтительно расстеленную перед ним скатерть он бросает волшебную «папараць-кветку».

Современный американский автор Ж. Конрад посвятил кладоискателям наших дней документальную книгу «Золотая лихорадка». «Есть нечто особое в слове «сокровище»,— отмечает он,— что властно и безраздельно овладевает разумом. Он, человек, в равной степени взывает к богу и проклинает его, испытывая тяжкое желание обнаружить сокровище... Он не покидает своего сумасшедшего стремления, думая только о том, что еще одно, последнее усилие, и он окажется у порога славы и богатства. Итак, это необузданное желание вместе с видением, стоящим перед его глазами, будут владеть им до самой его смерти. И нет на земле силы, которая была бы в состоянии вырвать эту болезнь, навсегда поселившуюся в душе человека...»

Иногда кладоискатели организовывали добротно оснащенные, дорогостоящие экспедиции. Об одной из них сообщает «Путешествие мессира Барбаро, венецианского дворянина, в Тану», написанное в 1450-е гг. Автор вспоминает о своем 16-летнем пребывании в Танаисе (ныне Азов). Здесь он узнал о том, что ранее «прибыл туда из Каира человек по имени Гульдебин и сказывал, что, будучи еще в Каире, слышал он от одной татарской женщины о сокровище, зарытом аланами (племенами, занимавшими в древности бассейн реки Дона.— *В. Р.*) в кургане, именуемом Контеббе, и даже получил от нее наставление, каким образом отыскать это сокровище... Гульдебин принялся раскапывать курган и продолжал безуспешно эту работу до самой кончины своей».

Безрезультативность этих раскопок не обескуражила Барбаро, для которого бесспорным было одно: у незадачливого Гульдебина попросту «недостало умения для отыскания означенного клада». Накануне дня святой Екатерины (25 ноября) 1437 г. он совместно с шестью итальянскими купцами сговаривается «употребить все возможные старания для отыскания сего сокровища». Чтобы застраховаться от неудачи, компаньоны включают в состав своей фирмы и Екатерину («Я полагал ее осьмою участницею в наших договорах и условиях»,— простодушно признается Барбаро).

Наняв 120 работников с месячным жалованьем по 3 дуката каждому (весьма значительная для того времени сумма!), искатели клада приступили к вскрытию огромного «кургана» (судя по всему, городища: Барбаро не преминул дать его обстоятельное описание) в 60 милях от города. Наступившие холода прервали раскопки.

В марте 1438 г., рассказывает Барбаро, «найдя все признаки, о которых нам говорили, и убедившись еще более в истине слышанного нами, мы, в полной надежде найти обещанное сокровище, удвоили старания свои... Мы пустились таскать носилки усерднее, чем те люди, которым мы платили, и как раз я стал мастером по носилкам».

На этот раз уже 150 рабочих 22 дня разворачивают землю. Результаты этого титанического труда оказались, естественно, неутешительными для основательно поиздержавшихся компаньонов.

Станислав Пиотровский, секретарь короля Речи Посполитой Стефана Батория, в дневниковой записи от 4 октября 1581 г. замечает: «Не знаю, откуда король с канцлером[1] узнали, что в Полоцке на пепелище зарыто серебро и несколько бочонков с деньгами... Король послал туда коморника[2], который копал на указанном месте, но денег не нашел, а староста полоцкий запретил ему рыть дальше. Король разгневался и послал коморника еще раз поискать счастия. Не знаю, будет ли в этом толк! Это делается втихомолку, чтобы не было смеха. Следовало бы о деньгах стараться как-нибудь иначе...»

Саксонец Олеарий в 1647 г. издал «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Значительная часть этого сочинения посвящена его поездке 1635—1636 гг. в Иран по Волге. Под Симбирском, рассказывает он, «с реки виден выдающийся на берегу, между двух холмов, большой камень, длиною в 10 локтей и вышиною несколько ниже этой меры. На одной стороне этого камня высечена следующая надпись: «Поднимеши ти мя, добро тебе будет». Однажды русский струг должен был стать на этом месте на якорь по причине противного ветра, и 50 человек, прочитавши надпись на камне и думая найти под ним большие сокровища, с великими усилиями подкопали и перевернули камень, но ничего не нашли, кроме следующей надписи, высеченной на другой стороне камня: «Чсто ищеш нечево положено (Что ищешь? Ничего не положено! — ***В. Р.***)».

К середине 1760-х гг. относится интересный памятник белорусской мемуаристики — «Воспоминания» брестского каштеляна[3] Марцина Матушевича. В 1696 г., рассказывает он, некий шляхтич поведал магнату Яну Сапеге, что во время русско-польской войны 1654—1667 гг. служил он у «одного генерала российского и с ним поехал до Москвы». Там в него влюбилась генеральская дочь и бежала с ним в Польшу. Прошло некоторое время, и безутешный отец простил ее — «написал ей лист (письмо.— ***В. Р.***), давая ей в посаг (приданое.— ***В. Р.***) скарб, закопаны под Ляховичами... описал место между дорогами и знак для нахождения скарбу».

Видимо, для придания вящей убедительности этой романтической истории рассказчик детализировал ее леденящими душу подробностями, основательно подрывавшими репутацию его покойного тестя: «Там в земле закопаны двенадцать трупов войсковых (солдат.— ***В. Р.***), которые тот скарб зарывали и которых тот генерал для секрету забить велел и там же закопать».

[1] Канцлер — глава королевской канцелярии, хранитель государственной печати.

[2] Коморник — помощник подкомория, управляющего королевскими дворцами.

[3] Каштелян — должностное лицо в Великом княжестве Литовском и Польше, выполнявшее административные, военные и судебные функции в пределах каштелянии — центрального уезда воеводства.

Пообещав Сапеге поделиться найденным, шляхтич добился разрешения «на выкопанне того скарбу». Вместе с ним в Ляховичи отправился отец мемуариста Ежи Матушевич и вызванный из Вильно «немец[1] — великий хиромантиста[2], который скарбы умел открывать».

Ознакомившись с местностью, хиромант пришел к выводу, что клад уже вырыл «один кушнер (скорняк, меховщик.— ***В. Р.***), который в Вильне богатым мешкает (живет.— ***В. Р.***), но... мог и не весь скарб выкопать». Затем, установив по горению свечей, что к сокровищу можно подступиться лишь через несколько недель — с появлением на небосводе Сатурна, он разъяснил спутникам, что «не каждый может скарб под той планетой выкопать: потребно, чтобы его планета или гороскоп были до выкопания счастливы». Однако шляхтич, констатировал «немец», не относится к числу таких счастливцев, и поэтому должен самоустраниться от поисков.

Возмущенный инициатор раскопок, заявив, что будет действовать самостоятельно, нанял в Ляховичах «великое множество людей до копания». Не обнаружив клада с помощью железных прутьев-щупов, они приступили к земляным работам и даже нашли несколько старинных серебряных монет. Через день вырытый котлован заполнили грунтовые воды. Кладоискатели разъехались по домам.

Спустя полгода шляхтич вновь обратился к Сапеге, сообщив, что «советовался с одной цыганкой о том серебре, которая ему казала, чтобы дитя малое на том месте, где скарб есть, забил, ежели хочет его добыть». Он, придя в ужас, отверг этот совет; тогда цыганка заявила, что вместо ребенка в жертву может быть принесена черная курица. На этот раз Сапега не дал согласия на продолжение поисков, поэтому «тот скарб доныне не добытым зостался»...

«Царевна Екатерина (сестра Петра I.— ***В. Р.***) мечтает найти клады, для этого она велит Домне Вахромеевой видеть сны про клады. Домна такие сны видит, и царевна надеется быть с деньгами»,— читаем в романе А. Н. Толстого «Петр I».

Екатерина, подтверждает С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен», в 1699 г. «предалась страстно исканию кладов» и, решив овладеть ими с помощью потусторонних сил, «завела сношения с костромским попом Григорием Елисеевым. Царевна призналась Петру, что поп Гришка был у нее для того, будто он по планетам клады узнает. Гришка признался, что планетные тетради у него были и что по планетам он клады узнает».

[1] В Беларуси этого времени, как и в России, «немцами» называли всех иноземцев.

[2] Хиромантия — искусство гадания по линиям руки.

В следующем году открываются новые факты кладоискательской активности Екатерины. Одна из ее приближенных — Дарья сообщила следствию, что «царевна ей приказывала, чтобы она такого человека проведала, у которого на дворе или где ни есть клад лежит, чтоб, приехав, тот клад взять; и такого человека она сыскала — Ваську Чернова, который сказал: от Москвы в 220 верстах на дворе у мужика в хлеве под гнилыми досками стоит котел денег, у меня-де тот клад и в руках был. И она, Дарья, для взятья того кладу с ним, Ваською, посылала для веры (проверки.— *В. Р.*) покровского дворцового сторожа Измайловского. И тот сторож, приехав к Москве один, ей, Дарье, сказал: не токмо того кладу, и двора он, Васька, ему не указал». Другая близкая к Екатерине женщина — Марья Протопопова показала: «Изволили царевна посылать меня в дозор за Ореховою, и Орехова ходила на могилу к Ивану Предтече (т. е. на церковное кладбище.— *В. Р.*), которая в Коломенском церковь, и приказала мне стоять одаль от того места, где копали они — Орехова да вдова Акулина. Они только кости человеческие выкопали, а я как пришла, так ей, государыне, стала говорить, что нет ничего, и она стала кручиниться на меня и на тое вдову Акулину».

Расследование увлечения Екатерины, проведенное по указанию Петра, было, по-видимому, вызвано тем, что незадолго перед этим он сам поддался вирусу кладоискательства. В феврале 1698 г., находясь в Англии, он получил из Москвы «цыфирное» (зашифрованное) донесение «распросных речей волошанина (молдаванина.— *В. Р.*) Михайлы, который обьявил [что] в Семиградской земле (Трансильвании.— *В. Р.*) в городе Деве[1] сокровище стародавнее». Михайло пояснил, что во сне к нему явился ангел и указал место, где Дарием и Траяном во время их войны с Александром Македонским[2] зарыты несметные богатства. Ангел предупредил: этот клад может быть взят только царем благочестивой христианской державы (т. е. Петром).

Царь серьезно отнесся к этому рассказу: вместе с Михайлом и его сыном отправил в Трансильванию «надежного человека». Дело закончилось тем, что царский посланник подвергся нападению своих гидов, которые, ограбив его, скрылись...

...чудит Калиостро —
Сам изящнейший сатана...»
(*А. АХМАТОВА*.
«Без героя», 1941)

[1] Ныне в Румынии.

[2] Персидский царь Дарий III (336—330 до н. э.) воевал с Александром Македонским (336—323 до н. э.) в 334—331 гг. до н. э., а римский император Траян правил в 98—117 гг.

Поэтесса упоминает об одной из самых загадочных личностей XVIII в. Подлинное имя этого человека, происходившего из семьи мелкого торговца сукном — Джузеппе Бальзамо. Он родился в 1743 г. в Палермо (Сицилия), окончил свои дни в 1795 г. в тюрьме Сан Лео (Франция). Жизнь этого международного авантюриста, более всего известного как «граф Калиостро», была заполнена самыми рискованными приключениями, успех которых предопределялся такими качествами, как неугасавшая пытливость ума, превосходными, по меркам того времени, познаниями в медицине, различных естественных науках, незаурядными гипнотическими способностями.

Калиостро «чудил» на высоком профессиональном уровне, умело воздействуя не столько на разум, сколько на воображение и психику окружающих — «исцелял» неизлечимо больных, «превращал» неблагородные металлы в золото, виртуозно инсценировал свои контакты с потусторонними силами, внушал слушателям представление о своей власти над тайными сокровищами.

Ранней весной 1779 г. он прибыл в Митаву — столицу Курляндии, где сумел убедить некоторых представителей герцогского двора в том, что может помочь им стать обладателями несметных богатств.

В 1787 г. в Берлине, а затем в Санкт-Петербурге опубликована книга сестры герцогини курляндской Шарлотты фон дер Рекке «Описание пребывания в Митаве известнаго Калиостра на 1779 год, и произведенных им тамо магических действий».

«Когда еще дядя мой и отец были в малолетстве,— рассказывает она,— то говорено было нечто о зарытом в лесу сокровище и о разных на том месте привидениях. Без сумнения, етот клад и с привидениями своими прежде никакого внимания не заслуживал. Но когда Калиостр всей етой сказке столь хитрой дал оборот и души наши завел в волшебный свет, то все сие весьма сильное действие произвело в моем добросердечном дяде, а особливо когда он ему с такою скоростию начертил то урочище, где в его маетностях (владениях.— *В. Р.*) вещи были зарыты, и по сему чертежу он узнал то место, на котором столь часто в робячестве игрывал и слыхал, что по причине зарытаго там кладу нечистые духи сим местом завладели».

Калиостро «выяснил» и предысторию этого клада: оказалось, что в этих местах «шесть сот лет назад жил великий магик, который там зарыл в лесу важныя магическия орудия с превеличайшими сокровищами; а их-то теперь и ищут последователи злаго начала, или яснее сказать, чернокнижники».

Успокаивая своих знатных клиентов, встревоженных этой новостью, Калиостро заверяет: «Я наложу на духов, стерегущих сии сокровища, такое заклятие, чтоб тот, кто пойдет по следам моим, ничего не мог успеть без моего ведома и без помощи моей, хотя бы я был от него за триста миль».

Вскоре «граф» объявляет, что вынужден срочно отправиться в Петербург, обещая прислать оттуда «того, которому должно вынять сокровище» или же приехать лично.

«Не удалось Калиостру исполнить в Петербурге своего главного намерения,— пишет Шарлотта,— а имянно уверить Екатерину Великую в истине своего искусства». В марте 1780 г. императрица велела ему незамедлительно покинуть Россию. Раздосадованный маг, по уверениям многих современников, не преминул преподнести столичным властям прощальный сюрприз: выехал одновременно со всех городских застав, оставив таким образом полицию в полном неведении относительно направления, в котором убыл.

«Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... им самим написанная в Могилеве и Витебске. 1752—1823» содержит рассказ о «кладорытии», в которое был вовлечен автор этих мемуаров во время службы в могилевской губернской канцелярии. Врученный ему в сентябре 1781 г. ордер губернатора Энгельгардта гласил: «Прокурор г. Полтавцев, удостоверясь от шляхтича Норкевича, донес мне секретно о немалой и немаловажной поклаже, сокрытой в известном ему месте. Я предписываю вашему благородию, отправясь с ними, вынуть оную поклажу из того места, где они покажут...»

О том, как выполнялось это предписание, Добрынин рассказывает следующее:

«Мы с Полтавцевым и Норкевичем отправились из города [Могилева] на большую дорогу, лежащую к городу Чаусам.

Спросил я у Норкевича: откуда он знает о кладе, по которой мы едем?

«Все старые люди знают и уверяют»,— отвечал он...

Прибыли мы на другой день в Смолки (ныне деревня Смольки Костюковичского района Могилевской области.— *В. Р.*)... Тут нашли наших лопатников, стоящих в шеренгу с заступами и лопатами, которых, к удивлению моему, насчитал я 40 человек, из чего уже не сомневался, что секретное дело наше, должно быть, очень обширно, если обработывать его будут сорок секретарей...

Полтавцев и Норкевич пошли по полю, пошел и я с ними...

— Да клад-та наш что?

— Треба шукаць,— отвечал Норкевич.

— Поэтому вы не можете показать, где он?

— От тутось под упадло (вот здесь, под впадиной.— *В. Р.*).— указал рукой на одно место.

— Если по упалым и бугристым местам заключать о кладах, то можно взрыть целой Чаусовский уезд, а нам, во избежание таких трудов, надобно знать точное место нашего клада, о котором знают все старые люди,— сказал я.

— Треба шукаць,— был последний ответ Норкевичов...

Начал я у Полтавцева допрашиваться: за что нам приниматься? Для чего столь великое число истребовано работников? Норкевич, говорил я, говорит, что старые люди его уверяли. Через сени против нас полна корчма мужиков разных лет; спросите их...

Полтавцев подошел к одному старику:

— Что, старинушка, давно ли на свете живешь?

— А! Ужу лет сотцо с горою (*уже больше ста лет.— В. Р.*).

— Скажи нам что добринькое.

— Ат, хвала пану Богу, коли пан даст шаговку[1], подинькую (скажу спасибо.— *В. Р.*)...

Старик наш выпил, ему повторили. Он сел на лавку, запел слабым и дряхлым голосом мужичью песню, повалился и заснул! Это было открытие нам клада...

— Показывайте ж нам место, где клад? — спросил я Норкевича.

— Тут на кладбище надобно искать.— ответствовали они оба с прокурором...

В остаток дня до вечера и назавтра в целый день наделали мы громады шанцов, апрошей, цитаделей, крепостей, гласисов в таком совершенстве, какого не производили ни медведи, ни кроты. Мы нарыли костры (груды.— *В. Р.*) костей, и даже коснулись мертвых, недавно зарытых, так что всех живущих в окрестных селениях привели в ужас...

На третий день поутру предложено было мною в общем совете на разсуждение: что кладбище все взрыто, что мы уже более не найдем, сколько нашли... что, во уважение всего того, не благоугодно ли будет секретной экспедиции, дабы оная благоволила приказать все тем же порядком зарыть, которым отрывали, и донести его превосходительству г-ну губернатору, что наш клад вниз загремел...

В Могилеве любопытные насмешники и балагуры, узнав обо всем секрете, долгое время при свидании с нами вместо вопроса о здоровье вопрошали, а особливо Полтавцева: «Скажи нам что добринькое», Норкевичу припоминали: «Треба шукаць». Мне советовали приятельски заслугу мою поместить в формальный (послужной.— *В. Р.*) список, а к губернатору Енгельгардту вице-губернатор и директор экономии приступали с требованием, чтоб он казенным работникам, четыредесятим человекам, заплатил за три дни законную на каждый день поденщину»...

В санкт-петербургской газете «Неделя» от 13 мая 1879 г. опубликована статья «Колдуны и чародеи (из уголовных архивов)». В ней обнародован документ о возникшем в 1803 г. в Твери «деле, переполошившем всю губернскую администрацию с губернатором князем Ухтомским во главе».

История эта началась с того, что мещанин Яншин «открылся» рекруту Малахову в том, что умеет ворожить и велел ему отыскать разрыв-траву. Испугавшийся рекрут донес об этом разговоре начальству.

---

[1] Шаговка (от «шаг» — популярного названия двухкопеечной монеты) — мерка вина стоимостью в 2 копейки.

Арестованный Яншин «удостоверил» губернатора, что в селе Федосеево у крестьянина Ларионова «в старом провалившемся погребе стоит сундук большой железный; к сундуку замок прибит большой и медная дощечка; на дощечке той написано, что тут положено 75 тысяч рублей, в том числе копейками 3 тысячи рублей, и образ Богоматери с весьма богатыми украшениями».

Губернатор приказал «с великой осторожностью и верным образом» провести следствие. Полицмейстер поручил приставу и исправнику отправиться «в то место, где клад скрывается, сделать самый верный осмотр, но без огласки, и не подавая повода к разглашению каких-либо суеверий».

Полицейские чины начали с того, что переоделись в штатское, угостили Ларионова и его брата вином, но, «не получа от них по расспрашиванию о кладе добровольного открытия, удалились из селения и потом через короткое время возвратились в оное, объявив себя Ларионовым настоящими уже званиями, домогаясь узнать от пьяных, где клад хранится, чрез угрозы; но Ларионовы, не ведая о кладе, отозвались, что оного у них нет, и потому выслали сих отыскивателей вон».

Пристав и исправник, арестовав братьев, сами принялись за поиски сокровища «не только в земле, но и между пожитками» и, разумеется, ничего не обнаружили.

Тверская уголовная палата приговорила Яншина «в пример другим ложнопредсказателям» к наказанию батогами, Ларионовых «за грубость, буйство и ослушание» — к плетям. Сенат изменил этот приговор: Яншина присудил к ссылке в Сибирь; Ларионовых как пострадавших велел вознаградить за счет пристава и исправника; губернатору вынес «строжайший выговор» за то, что он «ясно мог видеть нелепую выдумку Яншина», но «вопреки даже здравому рассудку» поверил в нее.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранится дело под названием «О розыске денег, зарытых французами». Оно открывается записью от 18 июля 1851 г.: «Дворянин Адам Щепковский донес г. Виленскому военному губернатору, что известны ему некоторые места в Западных губерниях, где ретировавшиеся в 1812 году французские войска зарыли в землю ящики с деньгами... По всеподданнейшему докладу Шефа Корпуса жандармов... Государь император (Николай I.— *В. Р.*) Высочайше соизволил разрешить для отыскания сих мест отправить Щепковского с одним из чиновников Виленского военного губернатора с тем, что таковые поиски могут быть проведены и в других губерниях».

Далее следует указание могилевского вице-губернатора полицейским властям оказывать предстоящим поискам сокровищ «всевозможное содействие... и о том, что будет открыто, не медля донести».

30 июля исправник Копыси (ныне городской поселок в Оршанском районе Витебской области) сообщает могилевскому губернатору, что Щепковский и сопровождающий его чиновник прибыли «для отыскания оставленных в 1812 году французскими неприятельскими войсками в двух ящиках в золоте денег, закопанных на могильнике (кладбище.— *В. Р.*)», и что «на означенном могильнике производится копка». Однако несмотря на то, что Щепковский к этому времени успел основательно «уточнить» свои первоначальные показания (речь, как видим, идет уже не просто о «ящиках с деньгами», а о «двух ящиках в золоте денег»), тот же исправник 2 августа рапортует в Могилев: «Работы окончены, и ничего не оказалось».

Многочисленные случаи кладоискательства фиксируются и в XX веке.

В 1889 г. на островке Уполу (архипелаг Самоа) поселился Р. Стивенсон. Очевидно, принадлежность его перу романа «Остров сокровищ» породила после смерти писателя в 1894 г. россказни о несметных богатствах, зарытых им под своим домом или неподалеку от него. Одна из «точных» карт с указанием места захоронения этого клада путями неисповедимыми попала в руки первогильдейного владивостокского купца Акима Седых. В 1903 г. он, снарядив судно, добрался до Уполу и купил виллу Стивенсона. Десятилетние поиски завершились, как и следовало ожидать, полным провалом. Дотла разорившийся Аким, не имея средств для возвращения на родину, умер на чужбине...

А. И. Солженицын рассказывает о случае, взбудоражившем Соловецкий концлагерь. Заключенный Иванов «на Соловки попал году в 1925 и заметался, как уйти от общих работ и гибели... Руководителей лагеря он взволновал предположениями, что здесь зарыты монахами многие клады,— и так создали под его началом Раскопочную Комиссию. Много месяцев комиссия копала, — увы, монахи обманули психологические расчеты...: никаких кладов они на Соловках не зарыли» («Архипелаг ГУЛАГ»).

В последние десятилетия невиданного размаха достиг ажиотаж вокруг зарытых или покоящихся на морском дне богатств флибустьеров или их жертв.

В 1950 г. предприимчивый американский адвокат Р. Одам издал «документ», название которого говорит само за себя: «Подлинная карта пиратских сокровищ, потерянных или спрятанных в земле и водах Флориды». Это произведение сообщает «достоверные» сведения о местах залегания «несметных сокровищ пирата Вильяма Роджерса, известного по кличке Билли Кривые Ноги... богатейших кладов, зарытых и потерянных Гаспариллой (Черным Цезарем) и другими знаменитыми пиратами, а также более честными людьми, которые оставили несметные сокровища, оцениваемые ныне в 165 000 000 долларов». Легковерным покупателям эта карта, разумеется, не принесла богатств, зато автор ее, несомненно, основательно округлил свой банковский счет.

На более серьезную основу поставил дело председатель «Поисковой ассоциации» (есть, оказывается, и такая!) Ф. Коффман. Его «Атлас сокровищ», впервые увидевший свет в

1952 г., выдержал в США и других странах много изданий. В этой книге содержится перечень около 5000 мест гибели кораблей с золотым и серебряным грузом. От страждущих стать обладателями кладов требуется немногое — приобрести этот «путеводитель» и приняться за работу.

«Легенды о кладах на дне моря — на девяносто процентов мистификация и обман: единственное золото, о котором можно тут говорить,— то, которое перекочевывает из карманов романтиков-легковеров в руки ловких дельцов»,— пишет известный исследователь морских глубин Ж. И. Кусто.

Известны, тем не менее, редкие случаи, когда бредово-навязчивые идеи, смешавшись с удивительными совпадениями различных реальных обстоятельств, приводили кладоискателей к успеху.

В Отделе нумизматики Эрмитажа хранится рукопись под названием «О золотых монетах, найденных эсаулом Пуленцовым близ Тамани». Она состоит из документов, которые излагают любопытную историю, разыгравшуюся в 1820—1840-е гг. Один из них («Список проведениям, явленным войска Черноморскаго 10 пешаго полка казаку куреня[1] Темрюковскаго Алексею Иванову сыну Тараненку о древности, сокрытой в земле при городе Тамани в старой Турецкой крепости, из собственных его слов составленный») представляет собой протоколы допросов Тараненко, который сообщил следующее:

«1819 года в июне месяце в сонном видении явился мне образ (икона.— *В. Р.*) Святага угодника Божия Николая, от котораго в радостном восхищении слышал я следующие слова: «Иди в старую Турецкую крепость в городе Тамани; там в четырех человек вы должны рыть землю и получить вещи и деньги».

В одну из последующих ночей тот же «образ» дал Тараненко наглядное представление о сокровище, ожидающем его: «Земля разступилась и показались два склепа... Первый был наполнен сверху разною серебряною большаго разбора (размера.— *В. Р.*) посудою и на исподе деньгами... А во втором склепе... большой золотой крест, стоящий на подножии с изображением распятия Спасителя, большая золотая чаша, шесть небольших ложек и золотая корона чудной работы».

Весной 1824 г. вновь явившаяся икона укорила своего избранника: «Почто ты оставил еси и почему не роешь места, тебе показаннаго? Даст Бог, ты получишь!» Окончательно убежденный этими словами святого («Ежели ему не верить, то самому Богу не верить!»), Тараненко вместе с отцом и двумя приятелями приступают к раскопкам.

«Сонные видения» не прекращаются, но теперь казака еженощно посещает ангел в облике «иерея в черной одежде», сообщающий, что именно будет найдено в каждый последующий день («глиняный кувшин о двух ушах», «три резные

[1] Курень — казачье войсковое подразделение, объединявшее несколько сот человек; каждый из куреней имел свое название (по местности дислокации или имени атамана).

камни», «статуя человека» и т. д.). Предсказания эти, уверяет допрашиваемый, неизменно сбывались.

Столь обнадеживающие успехи привели к тому, что отец Тараненко «поколебался, возымел мысль воспользоваться всем тем одному, старался двух сотоварищей удалить». К этому же времени генерал-майор Власов, «повидав лично» раскоп, прикомандировал «для разрытия того места» шестерых казаков; однако «те казаки не были к делу сему расположены, принужденно рыли, были недовольны и произносили непристойные ругательные слова».

Все это привело к печальным для экспедиции последствиям, причины которых были разъяснены Тараненко в очередном его сновидении: «У одного из вас товарищей была худая мысль, и казаки хулили имя Св. Николая, произносили непристойные слова... Напрасный труд вы оставьте, ибо хотя бы весь год рыли, то и тогда не получите, а через три года, взявши двух товарищей, приходи; тогда помолитесь Богу, ройте на сем месте, и вы получите».

В 1827—1828 гг. святой Николай четырежды напоминает о необходимости возобновления поисков клада. Наконец, в 1831 г. Тараненко «сподобился видеть во сне» не только Николая, но и Иисуса Христа с Богородицей. Последняя назвала поименно необходимых для успешного завершения дела участников — рядовых казаков Мирошниченко и Волошина, есаулов Барилко и Пуленцова. 7 апреля они приступили к работе, но через три дня их курень был направлен в действующую армию.

Лишь весною 1836 г., продолжает Тараненко, «получив, слава Богу, помощь и уважение к сему делу генерал-лейтенанта Вельяминова», его и перечисленных выше казаков и есаулов временно освободили от службы, обязав «доносить в подробностях начальству» о своих находках.

Регулярные раскопки начаты 24 мая. С этого времени главным действующим лицом становится есаул Пуленцов. Составленные им отчеты зачастую не менее поразительны, чем «видения» Тараненко. Так, 11 августа 1837 г. он сообщает Вельяминову: «Вчерашняго числа в присутствии нашем открыта оловянная старая тарелка со словами на дне оной П. и Д. и во все дно надписью: «Здесь положено золота в длину и ширину сажень (2,13 метра.— *В. Р.*) и в колено толщины Князем Павлом Далматинским», и под оною железный проржавленный и от времени попорченный ключ». Надпись была, несомненно, древнегреческой. Остается лишь удивляться тому, что есаул, не блиставший (судя по его «доношениям») образованностью, сумел прочесть ее!

В последующие годы Пуленцов, фанатично уверовавший в существование клада, нанимает работников и, несмотря на бесконечные неприятности по службе, самозабвенно продолжает поиски.

Наступило 10 октября 1845 г. В этот злосчастный для есаула день он был вызван по делам службы. Во время его

отсутствия землекопы нашли вазу, наполненную золотыми монетами. Сокровище разошлось по рукам. Спасти удалось лишь незначительную часть.

24 октября, посылая 21 монету наместнику Кавказа М. С. Воронцову, Пуленцов молит его о «дозволении заниматься дальнейшими розысками», но получает отказ.

В апреле 1846 г. директор Керченского музея древностей А. В. Ашик начинает археологическое исследование Тамани. В 1849 г. он завершает издание объемного труда «Боспорское царство», во второй части которого опубликованы «пуленцовские» монеты — 4 кизикина[1] и 17 статеров Пантикапея 2-й половины IV в. до н. э...

А. М. Горький в автобиографических «Моих университетах» вспоминает о работавшем вместе с ним в булочной пекаре Лутонине:

«...любимой темой его были рассказы о кладах и снах. Он убежденно говорил:

— Землю я вижу насквозь, и вся она, как пирог, кладами начинена: котлы денег, сундуки, чугуны везде зарыты. Не раз бывало: вижу во сне знакомое место, скажем, баню,— под углом у ней сундук серебряной посуды зарыт. Проснулся и пошел ночью рыть, аршина полтора вырыл, гляжу — угли и собачий череп. Вот оно,— нашел!.. Вдруг — трах! — окно вдребезги, и баба какая-то орет неистово: «Караул, воры!» Конечно — убежал, а то бы — избили...

В конце 90-х гг. я прочитал в одном археологическом журнале, что Лутонин-Коровяков нашел где-то в Чистопольском уезде (Казанской губернии.— *В. Р.*) клад: котелок арабских денег...».[2]

П. В. Харлампович обнародовал в 1927 г. хранившиеся в Белорусском государственном музее монетные находки. Описание клада (167 серебряных польско-литовских, западноевропейских и русских монет XVII—VIII вв.) из хутора Катейки Смолевичского района Минской области он сопровождает следующим примечанием:

«Явившись в канцелярию музея с монетами, Яновский (находчик.— *В. Р.*) рассказывал об обстоятельствах находки клада. Однажды он пришел домой и застал там цыганку, которая гадала его жене. Яновский стал кричать на хозяйку за то, что она верит выдумкам обманщицы. Цыганка пристала к хозяину, что и ему погадает и скажет правду. Чтобы отвязаться от докучливой цыганки, Яновский шутя согласился выслушать ее. И вот она сказала ему, что скоро к нему придет женщина, которую он даже не ждет, а вскоре после этого

---

[1] Монеты Кизикина — древнегреческого города на северо-западном побережье Малой Азии.

[2] Чистопольский клад (52 серебряные монеты Арабского халифата; младшая — 994—995 гг.) найден летом 1885 г., опубликован в 1887 г. во втором томе «Записок Восточного отделения Императорского Русского археологического общества».

он найдет клад серебряных денег. «Когда найдешь его — ищи бочку золота»,— добавила цыганка. На этом она закончила свой разговор.

Яновский не придал значения гаданию цыганки, но к нему пришла, действительно, одна родственница. Невольно Яновский вспомнил цыганку, когда, работая на поле, он нашел эти деньги: «Вот тогда я, жена и дети как будто ошалели — так мы искали бочку золота,— говорил Яновский.— Я-то уже отошел, а жена и дети еще и сейчас ищут золото и не могут успокоиться...»

Не следует, однако, спешить с выводом, что рассказы о кладах, за редкими исключениями, не имеют под собой реальной почвы. Они порождены широко распространенным в прошлом обычаем хранения ценностей в тайниках. Это подтверждается, начиная с глубокой древности, самого различного рода источниками. Характерно, что тема тайного сокровища как общеизвестного явления нередко составляла сюжетную основу художественных произведений и даже абстрактно-философских нравоучений.

Полулегендарный греческий баснописец Эзоп (VI—V до н. э.) рассказывает о том, как отец приохотил сыновей к земледелию. Умирая, он обратился к ним: «Обыщите весь виноградник — в нем вы найдете все, что я имел». Сыновья, решив, что речь идет о денежном тайнике, усердно перекопали весь участок. Клада они, правда, не обнаружили, но убедились в том, что хорошо разрыхленная почва дает отличный урожай («Крестьянин и сыновья»).

Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» пишет, что герой Тесей получил имя «по кладу (греч. «тесис».— *В. Р.*) с приметными знаками», сокрытому его отцом («Тесей»). После победы греков над персами у Марафона (490 г. до н. э.) плененный перс указал дадуху (жрецу-факелоносцу) Каллию место, «где было зарыто много золота. Каллий... золото взял, а перса, чтобы тот не рассказал о кладе кому-либо, убил. По этой причине, говорят, всех принадлежавших к его дому комические поэты называли «златокопателями», намекая на яму, в которой Каллий нашел сокровище» («Аристид»).

Тацит описывает разграбление римлянами города Кремоны в 69 г. н. э.. «Легионеры тащили деньги и сокровища храмов... Некоторые не довольствовались богатствами, бывшими у всех на виду, — в поисках спрятанных кладов они рыли землю, избивали и пытали людей («История»).

О кладах писали многие другие греческие и римские авторы VI в. до н. э.— III в. н. э.: Эсхил («Жертва у гроба», «Персы»), Пиндар («Вакхилид»), Еврипид («Гекуба», «Электра»), Геродот («История в девяти книгах»), Софокл («Неистовый Одиссей»), Аристотель («Политика»), Менандр («Третейский суд»), Плавт («Горшечная комедия»), Дион Хрисостом («Эвбейская речь, или Охотник»), Лукиан («Переправа, или Тиран»), Элиан («Пестрые рассказы»), Вергилий («Георгики»), Овидий («Метаморфозы»), Апулей («Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинений в магии») и т. д.

В 1952 г. в одной из пещер на берегу Мертвого моря найдены два медных свитка с выгравированными на них письменами. Расшифровка, завершенная в 1960 г., показала, что эти тексты представляют собой перечень спрятанных на территории Палестины сокровищ общей массой в 65 т золота и 26 т серебра (по другим подсчетам — вдвое больше). Записи сообщают о месте сокрытия каждого клада, его географических и топографических ориентирах, глубине залегания и содержимом. Например: «В Хореббе, что в долине Ахора, под ступенями, ведущими на восток, [копай] на сорок локтей: сундук серебра, вес 17 талантов[1]. В надгробном памятнике в третьем ряду кладки — легкие слитки золота. В большой цистерне, что во дворе перистиля, в кладке дна в углублении напротив верхнего отверстия — 900 талантов золота».

Толкования этих свитков неоднозначны. Одни исследователи полагают, что описанные клады сокрыты в период первого иудейского восстания против римлян (66—73 н. э.); другие датируют их восстанием под руководством Бар-Кохбы (132—135); наконец, третьи видят в них лишь предания о сказочных сокровищах древних царей.

Неоднократно понятие «сокровище» фигурирует во второй части Библии — книгах Нового завета (I—II н. э.).

Вспомним широко бытующее и поныне выражение «зарыть талант в землю». Оно употребляется, когда речь идет о человеке, не сумевшем проявить свои способности. Происхождение его связано с притчей, содержавшейся в Евангелии от Матфея: некий богач, уезжая, доверил на хранение трем рабам свои сбережения. Первому из них он оставил пять талантов серебра, второму — два, третьему — один. Первые два раба приумножили полученные деньги, пустив их в торговый оборот; третий же, решив не рисковать, зарыл талант и передал его вернувшемуся хозяину без прибыли, за что подвергся наказанию (Гл. 25, Ст. 14—30).

В том же (от Матфея) Евангелии понятие «сокровище» использовано еще дважды: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкопывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небесах, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкопывают и не крадут. Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Гл. 6, Ст. 19—21); «Еще подобно Царствие Небесное сокровищу, скрытому в поле, которое нашед человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то» (Гл. 13, Ст. 44).

Нравоучение из 6 главы Евангелия от Матфея, призывающее к отказу от стяжательства и к накоплению нетленных духовных ценностей варьируется в Евангелии от Марка (Гл. 10, Ст. 21—25) и Луки (Гл. 12, Ст. 15, 19—21, 33—34) и в Первом послании к Тимофею апостола Павла (Гл. 6, Ст. 19).

[1] Талант — около 26 кг.

В Коране (1-я треть VII в.) посланец Аллаха рассказывает пророку Мусе (Моисею) о полуразвалившейся стене в одном селении, которая «принадлежала двум мальчикам-сиротам, а под нею был для них клад, принадлежавший им, и отец их был человек праведный; посему владыка (Аллах.— ***В. Р.***) пожелал, чтобы они достигли полного совершеннолетия и получили свой клад» (Сура 18, Ст. 83). Этот рассказ представляет собой вольную интерпретацию текста из древнейшей части Талмуда — Пятикнижия (ок. 444 до н. э.), согласно которому появление на стене дома «проказы» в виде зеленоватых или красных пятен свидетельствует о том, что под нею зарыт клад.

Слова апостола Матфея о вечности духовного богатства неоднократно используются памятниками церковной и мирской литературы Древней Руси — «Повестью о крещении Владимира» (конец XI в.), «Житием Феодосия» (1080-е гг.), «Поучением» Владимира Мономаха (ок. 1117) и т. д.

Средневековый немецкий хронист Альберт Штаденский рассказывает, что после смерти киевского князя Святослава Ярославича (1076) его супруга Ода вместе с сыном вернулась на родину — в Германию. Перед отъездом она велела зарыть часть своих драгоценностей, а затем убить исполнителей этого приказа, чтобы сохранить тайну. Сын Оды, став взрослым, приехал на Русь и выкопал клад...

На Чигиринском съезде (январь 1668) младший сын Богдана Хмельницкого Юрий заявил: «Я все отцовские скарбы откопаю и татарам плату дам, лишь бы только не быть под рукою московского царя и короля польского».

Денежные захоронения были настолько заурядным явлением, что порою служили темой для сатирических произведений.

Бродячий украинский монах Климентий (конец XVII в.) в «вирше», озаглавленном «О оскудиниях в сие время грошовых», жалуется:

Скудно вельми на гроши стало в нашом віку...
Хоч заробить, лихими грошми заплачают...
А добрие все собі богачи позбирали,
Жеб (чтобы.— *В. Р.*) было що на той світ брать,
в землю поскрывали.

Польский поэт Д. Братковский в стихотворении «Деньги у пьяниц» (1697) иронически «обыгрывает» евангельское поучение:

Закопаешь в землю —
Это уже не твое...
А заберешь из земли —
Разбойник наготове...
Хорошо же вы, пьяницы, делаете,
Когда свои деньги прячете в глотке.

Широкое распространение обычая хранить деньги в тайниках подтверждается свидетельствами различных авторов.

Дж. Флетчер, английский посланник при московском дворе, в книге «О государстве Русском» (1591) пишет: «Чрезвычайные притеснения, которым подвергаются бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого и есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может... иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском».

А. Мейерберг, австрийский дипломат, увидевший Россию в 1661—1662 гг., рассказывает в книге «Путешествие в Московию»: «Деревенские жители, да и сами дворяне, живущие в своих деревнях и поместьях, обыкновенно зарывают свои нажитые деньги — в землю в лесах и полях по обычаю, заимствованному у предков».

Генерал Хр. Манштейн, служивший в России, в своих «Записках», охватывающих 1727—1744 гг., отмечает: «Множество купцов, нажив деньги торговлею, зарывают их в места, известные им одним, и умирают, не открыв того никому. Таким образом, в России предполагают, что в недрах ее земли заключается более денег, нежели их находится в обращении в народе».

Дж. Маккартней, чрезвычайный посланник лондонского двора при петербургском, в 1768 г. издал «Описание России». «Случается,— пишет он,— что неимущий или алчный дворянин призывает к себе того из крестьян, которого он считает более богатым, и требует от него выдачи его небольшого имущества... Таким образом, боязнь быть ограбленным часто побуждает крестьян закапывать деньги в землю, почему большие суммы ежедневно выходят из употребления».

Де ла Ривьер, французский экономист, в письме от 4 октября 1767 г., отправленном из Петербурга, характеризует положение крепостных: «Если раб, которому господин его предоставил известную часть земли для пропитания, имел скотину, которой мог бы позавидовать господин, то она тотчас была бы отнята у раба. То же самое происходит и с жатвою и вообще со всем, что может быть названо достатком. Вот почему между рабами распространен обычай прятать деньги, которые они могут приобрести...»

30 июля 1767 г. начала работу по обсуждению проекта нового законодательного свода России «Комиссия об уложении». В качестве основного руководства депутатам был зачитан «Наказ» Екатерины II, в котором 276-я статья 12-й главы констатировала: крестьяне «закапывают в землю деньги свои, боясь пустить оныя в обращение: боятся богатыми казаться; боятся, чтоб богатство не навлекло на них гонения и притеснений».

Особый интерес вызывают протоколы судебных тяжб, связанных с конкретными кладами.

20 декабря 1493 г. магистратский суд Вильно присуждает мещанина Митка Никаноровича к штрафу в «пятнадцать рублев грошей» в пользу некоего Богдана Никоновича, у которого Митка выкрал «схованье» денег в клети дома.

18 июля 1597 г. городской суд Могилева получает жалобу мещан Афанаса и Федора Свиридовичей на их слугу Яроша Евлановича. Братья сообщают, что 15 июля созвали гостей, поручив Ярошу «всякого порядку смотрети и всего догледати, разказавшы ему, абы не пил, але всего пильновал».

Под утро Ярош «гостей и всех панов прыятел наших... выпровадил и выпустил; мы есьмо теж (также.— *В. Р.*), яко люди подпилые, спатися положили...» Воспользовавшись этим, Ярош «украл шкатулу з коморы з фляшами шклеными (бутылями стеклянными.— *В. Р.*), в которой той шкатуле мели есьмы схованых пенезей (денег.— *В. Р.*)...»

Представший перед судом Ярош признается в краже, но заявляет, что совершил ее «не в надею того, абых там ведал о пенезях, але ведал есьми там о горелце, которой есьми захотело, и для горелки есьми тую шкатулу окном вытягнул». В «шкатуле» оказалось, помимо спиртного, «два мешка пенезей, — один с талярами, а другой с монетой (более мелкими номиналами.— *В. Р.*), и тые пенези сховал есьми был под дерево и, хотечи их отдати паном Свиридовичом, шукал есьми их там, где есьми их был положил, але дей есьми их там вжо не нашол».

Ярош просит суд и Свиридовичей быть «терпливыми до вечора», обещая «таляры вернути». На следующий день Свиридовичи сообщают судьям, что слуга своего обещания не выполнил: вначале он «уточнил» свое вчерашнее показание, сказав, что закопал деньги на огороде, а затем «вспомнил», что спрятал их под броваром (винокурней) соседа. Братья повели его на указанное место, где, однако, «тых пенезей самых, теж ани знаков копанья земли не нашли».

Подвергнутый пытке Ярош заявляет, что скрыл деньги «в дровах», но представители магистрата «тых пенезей в том мейсцу, под дровами» не обнаружили. Суд приговаривает обвиняемого к смертной казни...

В апреле 1678 г. в суд обратился бурмистр Полоцка Андрей Кособуцкий с жалобой на мещанина Ивана Сысу. 12 апреля, рассказывает он, Сыса «неведомо каким способом — то ли чарами, то ли какими иными гуслями (ворожбой.— *В. Р.*)» нашел на его, Кособуцкого, земле, «скарб давний старый, не малый, как в золоте, так и в серебре и в розной старой монете». Сыса, утверждавший вначале, что не ведает ни о каком кладе, а просто «копал хрен», уличен очевидцами, видевшими, что он «не хрен копал, но пенези в той яме выбирал». Клад присужден Кособуцкому.

2 июня 1712 г. игумен витебского монастыря Святого Марка Сильвестр Конарский сообщает в земский суд о «тяжкой и невыносимой обиде», нанесенной ему монахом Никитой

Якосем. Путем сбора пожертвований «разных благочестивых людей» Сильвестр сколотил довольно круглую сумму — 150 дукатов. В связи с «неспокойными и тревожными временами», опасаясь «лихих людей» или пожара, могущего возникнуть «с попущения Господня», он в 1710 г. вместе с пользовавшимся его полным доверием Никитой под монастырской стеной «те червоные злотые в шкатулке жестяной закопал в землю, абы никто из братии монастырской не знал». В мае 1712 г. Никита «ночью вышеназванные червоные злотые, выкопав из земли злодейским образом, прочь ушел, неведомо куда»...

Осенью 1742 г. мастер могилевского цеха мясников Ян Бутома обвинил мещанок Таисию Глинякову и Агафью Листовничеву в краже у него денег.

Агафья, схваченная городской стражей, утверждает, что во всем виновата Таисья, бежавшая из Могилева. 21 марта 1743 г. перед судом предстала и Таисья. По ее словам, дело обстояло следующим образом:

Агафья сообщила ей, что в клети дома Яна спрятаны деньги, и предложила похитить их. Вечером 5 сентября 1742 г., переодевшись в мужские кафтаны, они подошли к дому мясника, который в это время ужинал с семейством на жилой половине. Агафья стала «на стреме» у ворот, а «я,— рассказывает Таисья,— до клети пана Яна пошла... там шкатулку с деньгами взяла и на улицу вынесла. Тогда Агафья велела мне нести до дома своего, а сама другой дорогой пошла».

Сойдясь в доме Агафьи, злоумышленницы вскрыли шкатулку и, «взяв тридцать рублей рублями (т. е. в виде рублевой монеты.— *В. Р.*), другие деньги в сенях закопали». Вскоре между ними вспыхнула ссора: «Агафья,— продолжает свои показания Таисья,— те тридцать рублей себе взяла, а меня прочь от себя отсылала. Тогда я просила ее, чтобы мне купила хлеба; тогда она пошла хлеб покупать, а я тем временем, деньги откопавши, взяла их и пошла с Могилева».

Пытаясь замести следы, Таисья с присоединившимся к ней мужем, отправляются в Шклов, оттуда — в Дубровно, затем — в Чаусы. Здесь, отложив «на расходы» одиннадцать дукатов, они зашивают оставшиеся сто рублей в подушку и прячут ее в сено.

Хозяйка дома, в котором остановились беглецы, проведав о тайнике и забрав из него пятьдесят рублей, в свою очередь спрятала их. В ответ на требование вернуть украденное она грозит доносом. Таисья с мужем бегут в Мстиславль, где их настигает Ян Бутома. Он находит «в жите червоных одиннадцать и рублей одиннадцать», спрятанных Таисьей.

Итак, один и тот же клад менее чем за год перепрятывался несколько раз!

«Мой дед,— рассказывает в своих воспоминаниях К. А. Маньковский, племянник Витебского вице-губернатора конца XVIII — начала XIX в.,— живя в своей деревушке в Витебской губернии и имея, кажется, в виду покупку другого

имения, весь собранный им с этой целью капитал, как говорили, целковыми рублями и другою монетою, закопал, по древнему обычаю, в лесу под деревом и часто ходил на это место под предлогом прогулки, щупая каждый раз железной палочкой — цело ли его сокровище; но, увы, в одно прекрасное утро, подойдя к заветному дереву, он увидел под ним пустую яму! Клад исчез! Оказалось, что ночью, пред этим печальным для него днем, бежал его казак, подметивший его прогулки».

Самым неотразимым доказательством того, что клады — отнюдь не плоды досужих россказней, являются случаи их открытия в наши дни. Действительность оказывается более удивительной, чем самые увлекательные вымыслы. Земля Беларуси — своеобразный сейф, который, к счастью, открывается довольно часто. На ее территории зарегистрировано более 1000 кладов. «Кладовый сезон» республики, приходящийся в основном на периоды наиболее интенсивных земляных работ (весну—осень), ежегодно дает стабильный «урожай» — порядка десяти кладов и многие сотни единичных монет.

Денежные захоронения обнаруживаются при пахоте, рытье котлованов под фундаменты строящихся зданий, прокладке новых и благоустройстве старых дорог, осушении болот, корчевке пней. Порою, однако, выход древнего сокровища на дневной свет происходит и при необычных обстоятельствах...

В 1845 г. на окраине Борисова была замечена птица, носившая какие-то блестящие предметы в гнездо. В нем оказалась груда литовских, польских, прусских и русских монет XVI в. Очевидно, где-то неподалеку был выпахан клад, не замеченный людьми. Птица, привлеченная блеском серебра, стала переносить его в свое жилище.

В 1888 г. у деревни Новоселки Барановичского района Брестской области крот выбросил на поверхность земли римские монеты I—II вв.

В 1921 г. на окраине Слуцка свинья вывернула из-под земли горшок, наполненный ливонскими и нидерландскими монетами XVII в. Случай, казалось бы, неповторимый! Однако еще дважды свиньи выступили в роли удачливых кладоискателей: в 1961 г. (деревня Веска Старобинского района Минской области — литовские и польские монеты XVII в.) и в 1963 г. (деревня Отрубок Докшицкого района Витебской области — ливонские и нидерландские монеты XVII в.).

В 1964 г. размытая ливнем лесная дорога у поселка Косаляки Кормянского района Гомельской области оказалась устланной восточными монетами IX в.

В 1969 г. в урочище «Вельмово» возле деревни Гирдовки Новогрудского района Гродненской области мальчик, случайно копнув землю палкой, наткнулся на клад литовских и польских монет XVII в.

Более активно, чем обычно, люди вверяли свои сбережения земле во время сильных общественных потрясений (войн, вражеских нашествий, междоусобиц, народных восстаний). Тем

Рис. 18. **Крестьянин зарывает клад.** (Франция, XV в.)

не менее клады, сокрытые в тревожной обстановке, составляют относительно скромную часть обнаруженных денежных тайников. Основная же их масса — материальные свидетельства повседневности в прошлом этого способа хранения ценностей.

Обыденность процессов кладообразования подтверждается не только письменными источниками и многочисленностью открытых монетных захоронений, но и целым рядом иных факторов.

— Прежде всего обращает на себя внимание тщательная, требующая неторопливости упаковка абсолютного большинства кладов. За редкими исключениями, монеты заключены в каком-либо вместилище — сосуде (чаще всего глиняном), завернуты в ткань, кожу, бересту. Иногда горлышко горшка заливается воском или смолой, накрывается старательно подогнанным камнем.

— Распространенность укрытия денег в тайниках породила специфическую отрасль гончарного производства, специализировавшуюся на изготовлении разнообразных по объему и форме кубышек на любой вкус.

— Как правило, клады залегают на небольшой (20—40 см) глубине и крайне редко — глубже (до 1 м и более). В первом случае они часто пускались в оборот или, напротив, пополнялись; во втором, нетипичном,— сбережения прятались, по-видимому, без мысли об их скором изъятии. И действительно, встречаются клады, лишь частично заполняющие сосуды, на внутренних стенках которых порою видны следы патины находившихся в них ранее монет. Иногда в сосуде

оказываются предметы, обладающие незначительной стоимостью — несколько мелких монет, нож и т. п.; несомненно, в таких случаях речь может идти об изъятом сбережении и оставлении в тайнике тары для будущего вклада.

— Подавляющее большинство известных кладов представлены весьма скромными для своего времени суммами — иными словами, накоплениями низших и средних, т. е. самых широких социальных слоев населения.

— Издревле в кодексы гражданского и уголовного права, представляющие собой юридическую классификацию наиболее частых, типичных казусов, почти неизменно включались разделы, посвященные кладам.

Итак, денежные захоронения не относятся к числу особенно редких памятников истории. Тем не менее они постоянно требуют ответов на целый ряд вопросов. Почему монеты столь часто сменяли естественную для них активную рыночную жизнь на затворничество в тайниках? Чем объясняется «многонациональность» состава большинства старинных кладов? Почему многие из них остались «невостребованными» владельцами?

В ходе торговых операций деньги, реализуя цену товара, выталкивают его из сферы обращения в сферу потребления. На смену ушедшему с рынка товару приходит новый, а монета как платежное средство продолжает свои бесконечные странствия, переходя из рук в руки.

Денежная масса, требующаяся для обслуживания того или иного рынка, колеблется в зависимости от масштабов товарного производства и обращения, интенсивности процессов купли-продажи, роста или падения цен. Рынок не может привести в полное соответствие товарную и денежную массы даже на самый короткий промежуток времени, ибо в обращении всегда имеются товары, продажа которых предстоит в будущем, и деньги, представляющие товары, уже вытеснены в сферу потребления. В связи с колебаниями рыночных курсов количество денег, соответствующее потребностям товарооборота сегодня, может оказаться избыточным или, напротив, недостаточным завтра. Вследствие этого между денежной и противостоящей им товарной массами возникают диспропорции. Излишки денег оседают в тайниках, превращаясь «до лучших времен» в застывшее сокровище, которое оживает, как только рынок начинает ощущать денежный голод: монеты изымаются из кубышек и пускаются в ход. Таким образом, клады — своеобразные регуляторы нормальной работы рыночных механизмов.

Во времена, уже ставшие далеким прошлым, для монетного золота и серебра понятие государственной границы было весьма относительно. Золотой и серебряный потоки текли из стран, обладавших месторождениями благородных металлов, в страны, не имевшие их, в обмен на различные товары последних. В этих условиях монеты на время теряли свойства денег, выступая лишь как слитки благородных металлов,

являющихся объектами купли-продажи, т. е. товарами. В странах, импортирующих монету, иноземная денежная продукция вновь обретала все свойства денег и осваивала рынки на правах того или иного номинала бытовавших здесь денежно-весовых систем.

Каковы же трагические для владельцев кладов и счастливые для современных исследователей причины того, что монетные захоронения сохраняются до наших дней? Невозможно, разумеется, в каждом конкретном случае найти ответ на этот вопрос. Несомненно лишь одно: хозяин денег лишился их по самым непредвиденным обстоятельствам — из-за внезапной смерти, вынужденного бегства с места жительства, угона в плен или же просто потери ориентиров тайника.

Монетные клады — очень специфические и содержательные памятники, беспристрастно отражающие состав и закономерности денежного обращения, основные направления и степень интенсивности внутренних и международных, политических и культурных связей той или иной страны в определенный период. Содержание монетных захоронений дает представление о денежных системах государств, как экспортировавших монеты, так и ввозивших их. Каждый клад позволяет достаточно точно датировать сосуд и вещи, находимые вместе с монетами. Его качественный и количественный состав характеризует в известной мере социальное положение бывшего владельца: при преобладании сбережений, состоящих из небольшого количества низкопробных монет, встречаются и такие, чья стоимость представляла собой целое состояние.

Один или несколько кладов не в состоянии выразить всю сложность и многогранность товарно-денежных отношений рынка, памятниками которого они являются. Более того, отдельные монетные захоронения состоят из случайных, нехарактерных для данного региона монет. Поэтому в нумизматических исследованиях эффективен лишь метод, основанный на анализе многих десятков и сотен кладов, их топографировании (нанесении на карту) в сочетании с данными письменных источников и археологии.

В отличие от археологических материалов, добываемых путем планомерных раскопок, превращение клада в находку — результат совпадения целого ряда случайностей. Случайно то, что в свое время кубышка с монетами была спрятана именно в этом, а не в ином месте; случайно то, что ее владелец не смог использовать накопленные деньги; случайно, наконец, то, что лемех плуга, ковш экскаватора или лопата землекопа вывернули именно тот пласт земли, который уже однажды, века назад, был потревожен при зарытии сокровища. Именно поэтому необходимо особенно бережное отношение к этим замечательным памятникам, каждый из которых по-своему уникален.

Расхищение клада или даже «самые незначительные» изъятия из него приводят к существенному снижению его научной значимости.

«Клад такое дело: кто его нашел, тот и бери. А в чьей он земле — все равно» (М. Твен. «Приключения Тома Сойера»).

«Александр Македонский ездил по всему свету... и он попал к дикому царю... прямо в суд, и дикий царь перед ним допрашивал своих дикарей. Видите ли, один дикарь купил землю у другого дикаря, он хорошенько порылся и нашел там сверточек, может быть, с английскими бумажками (фунтами стерлингов.— *В. Р.*). Спрашивается, кому принадлежит этот сверточек? Тому, кто продал землю, или тому, кто ее купил? Дикарский царь говорит:

— У тебя есть, может быть, сын? А у тебя нет ли, кстати, дочки?

— Есть.

— Тогда ты женишь своего сына на его дочке, и сверток вы отдадите молодым.

Александр Македонский услышал это и стал в изумлении пожимать плечами: что это за дикарские выдумки? Они же не знают настоящего правосудия!

Тогда дикарский царь спрашивает:

— А разве в твоей великой стране суд поступил бы иначе?

— ...У нас? У нас нет таких дикарей, как, скажем, ты. У нас обоим отрубают на всякий пожарный случай головы... А сверточек? Сверточек берут в государственный банк, потому что деньги всегда пригодятся, если нужно каждый день резать головы и еще содержать шикарную свиту» (И. Эренбург. «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца»).

Так кому все-таки должно принадлежать найденное сокровище?

Юристы Древнего Рима придерживались по этому вопросу полярных мнений: одни считали клад безраздельной собственностью владельца земли, другие — законной добычей находчика.

Рис. 19.
«О найденью скарбу захованого в земли або в яком поклажею».
Статут Великого княжества Литовского 1588 г.— Раздел 9, Артикул 30

В Византии, согласно оформившемуся к 543 г. гражданскому кодексу императора Юстиниана I, половина клада принадлежала собственнику земли, половина — находчику.

В средневековой Европе право на открытое денежное захоронение обычно сохранялось за находчиком, если клад был обнаружен при содействии добрых духов; при малейшем же подозрении на то, что дело не обошлось без нечистой силы, находка конфисковывалась властями, а ее обладатель представал перед судом.

В Великом княжестве Литовском, согласно Статуту 1566 г., клад становился полной собственностью находчика лишь в том случае, если он открыл его на своей земле; в противном случае, найденные ценности делились поровну между находчиком (если он нашел их случайно) и землевладельцем (если земля находилась в закладе, то право на половинную долю клада получал ее держатель). Если же тайное сокровище обнаруживалось в результате сознательных поисков на чужой земле, то находчик терял право на какое бы то ни было вознаграждение. Статут 1588 г. повторяет положение Статута 1566 г., опуская лишь оговорку последнего о случаях сознательных поисков клада в чужих владениях.

В Польше королевским указом 1576 г. клад был объявлен полной собственностью землевладельца, от воли которого зависел размер вознаграждения находчика; в спорных ситуациях разрешение этого вопроса возлагалось на суд.

В России законодательство обратило серьезное внимание на клады лишь при Петре I. Царский указ, обнародованный в начале XVIII в., гласил: «Кто станет деньги в земле хоронить, а кто про то проведает и деньги вынет, доносчику из тех денег треть, а остальное на Государя». В соответствии с указами 1718 и 1728 гг. клады рассматривались как бесспорная собственность государства.

В последующее время (законоположения 1782, 1785, 1803, 1832, 1841, 1842, 1857... 1906 гг.) найденное на казенных или общественных землях денежное захоронение принадлежало государству, в частных владениях — землевладельцам.

Законодательство СССР квалифицировало клад как безусловную собственность государства. Находчик вознаграждался суммой, соответствующей четверти стоимости обнаруженных им ценностей, а при утайке их подлежал административной или уголовной ответственности.

Закон Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия», действующий с 11 октября 1992 г., предусматривает выплату находчику клада «не менее чем 25 процентов стоимости, определенной музейной экспертной комиссией».

АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ РУСИ В IX—X вв.

Монеты Римской империи

Топография и датировка их находок на территории Беларуси

«Янтарный путь»

Ограниченный характер денежных функций римских монет в среде восточноевропейских племен

Куфический дирхам

Пути его поступлений на земли Древней Руси

Периодизация обращения

Топография находок на территории Беларуси

«Отказ» Руси от импорта монетных эмиссий мусульманского мира

ГЛАВА III

Первые монеты появились на территории современной Беларуси в конце I — начале II в. Они представлены преимущественно серебряными денариями[1] в меньшей степени — медными сестерциями[2] и очень редко — золотыми ауреусами[3] Римской империи I—III вв. Известны также случаи обнаружения единичных экземпляров монет других античных государств — Боспора, Фракии и птолемеевского Египта.

Большинство находок кладов и единичных римских монет концентрируется в западных областях республики — Брестской и Гродненской. Эта топографическая особенность может быть объяснена лишь тем, что в начале I тысячелетия н. э. через территорию современной Польши проходил завершающий этап «Янтарного пути» из Рима к берегам Балтики — основному региону добычи янтаря, высоко ценившегося в империи. Вполне естественно, что какая-то часть транспортировавшихся по нему монет «выплескивалась» на смежные районы, в том числе и на запад нынешней Беларуси.

Относительно регулярные поступления денежных эмиссий Рима в Восточную Европу начались в конце I — начале II в., достигли апогея к концу II в., затем пошли на спад и, резко ослабев с первой четверти III в., окончательно угасли в IV в.

Причины прекращения римского монетного экспорта были порождены двумя обстоятельствами:

— С конца II в. Римская империя вступает в полосу глубокого экономического и политического кризиса, приведшего к ее гибели в 476 г. Нарушается стройная монетная система, ухудшается качество монет, падают их эмиссионные тиражи. Натиск «варваров» приводит к потере окраинных имперских владений, через которые осуществлялись связи с Восточной Европой.

— Производительные силы восточноевропейских племен еще не достигли уровня, при котором бы были возможны

[1] Лат. denarius (от deni — по десяти). «Десять ассов (медных монет.— *В. Р.*) были равны стоимости одной серебряной монеты, отсюда ее название — денарий» (Плутарх. «Камилл»).

[2] Лат. sestertius (от semis tertius — два с половиной). Первоначально — серебряная монета, равноценная 2 1/2 асса.

[3] Лат. aureus — золотой.

развитые товарно-денежные отношения — иными словами, у них не было серьезных потребностей в деньгах.

В IV—VIII вв. наблюдается практически полное отсутствие монетных поступлений на земли восточных славян. Тем не менее, нельзя исключать того, что в их среде существовали зачаточные формы денежного обращения, основанного на накопленных ранее запасах римской монеты.

IX—X вв. характеризуются становлением на землях Древней Руси развитого денежного обращения, связанного прежде всего с восточной направленностью ее основных экономических связей. В нумизматической литературе это время определяется как ***период куфического дирхама***[1] — по названию серебряной монеты Арабского халифата.

Истоки торговых контактов наших предков со странами Востока уходят в далекое прошлое. Уже китайская «История северных народов» (VII в.) сообщает, что в Хорезме можно купить янтарь. Совершенно очевидно, что этот товар на пути к Хорезму не мог миновать земель восточных славян и именно при их посредничестве доставлялся на среднеазиатские рынки.

В IX в. возникла раннефеодальная Русь, бесчисленные торжища которой поглощали разнообразные товары не только местного, но и иноземного происхождения.

Раннесредневековые арабоязычные авторы уделяют много внимания славянам как важным торговым партнерам и серьезным военным противникам.

Ибн Хордадбех в «Книге путей и государств» (890-е гг.), опираясь на неизвестный источник 840—850-х гг., пишет: «Что же касается русских купцов — а они вид славян — то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных частей страны Славян к Румскому (Черному.— *В. Р.*) морю, а с них десятину берет царь Рума (император Византии.— *В. Р.*), и если они хотят, то они отправляются по реке славян (вероятно, Дону.— *В. Р.*) и проезжают проливом столицы Хазар (г. Итиль в дельте Волги.— *В. Р.*)... Затем они отправляются к Джурджанскому (Каспийскому.— *В. Р.*) морю и высаживаются на каком угодно берегу... Иногда они привозят свои товары на верблюдах из Джурджана (области Ирана на юго-восточном побережье Каспийского моря.— *В. Р.*) в Мадинат ас-Салам (Багдад.— *В. Р.*), где переводчиками им служат славянские рабы».

Итиль знал купцов-славян как своих постоянных жителей. Ал-Масуди (920—950-е гг.) сообщает, что они занимали

[1] Дирхам (дирхем) — арабизированное название греческой денежной единицы драхмы; эпитет «куфический» — от письма «куфи», возникшего в иракском городе ал-Куфа в конце VII в. и применявшегося для исполнения легенд на монетах халифата.

половину города. По словам ибн Хаукаля (970-е гг.) итильские кварталы славян были вдвое населеннее Палермо (крупнейшего торгового центра Сицилии), а их обитатели пользовались особыми правами: жили по своим обычаям, избирали собственного судью и т. д. «Русы, — рассказывает этот автор, — постоянно торгуют с Хазаром (Хазарским каганатом.— *В. Р.*) и Румом... Большая часть мехов и превосходнейшие из них добываются в стране русов».

В 943 г. славяне осадили Бердаа (ныне — гор. Барда в Азербайджане.— *В. Р.*). Ибн ал-Асир в «Полной истории» (ок. 1231), основываясь на каком-то сочинении X в., рассказывает об этом событии следующее: «И прибыли мусульманские войска со всех сторон; и русы сражались с ними, и не выдержали боя с ними мусульмане... Взяли русы в плен около 10 000 душ и собрали оставшихся в соборной мечети и сказали: «Заплатите за себя выкуп, не то мы перебьем вас». За них (пленных.— *В. Р.*) постарался человек-христианин и определил с каждого мужчины выкуп в 20 дирхамов».

Таким образом, письменные источники совершенно определенно засвидетельствовали, что в IX—X вв. славяне основательно проторили дальние пути на юг (бассейн Черного моря) и на юго-восток (Каспийский бассейн).

В X в. окончательно оформилась и другая сфера предпринимательской деятельности славян — Среднее Поволжье.

Ранней весной 922 г. в столицу ханства волжско-камских болгар город Булгар (ныне — село Болгары в Татарстане) прибыло посольство багдадского халифа ал-Муктедира. Его секретарем был Ахмад ибн Фадлан, весьма образованный и наблюдательный человек. В течение почти годичного пребывания в Булгаре он вел обстоятельный дневник, в котором много места уделил взаимоотношениям болгар со славянами. Если, рассказывая о некоторых соседях болгар, он дает понять, что мало знаком с ними, и считает необходимым разъяснить, что они собой представляют (например, об огузах: «Мы выехали к племени тюрок, известных под названием гузов»), то о славянах он говорит как о людях, представлять которых арабскому читателю нет необходимости («Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам»).

Записи ибн-Фадлана показывают, что славяне имели уже ставшие традиционными торговые связи с болгарами и превосходно были знакомы с арабской монетой. Русский купец, пишет он, сойдя с ладьи, тотчас же отправляется к своему языческому идолу, «поклоняется ему, потом говорит ему: «О, мой господь, я приехал из отдаленной страны, и со мной девушек столько-то, и столько-то голов соболей, и столько-то шкур... и я пришел к тебе с этим даром»; потом

он оставляет то, что имел с собой, пред этим бревном,— «итак, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары[1] (золотые арабские монеты.— *В. Р.*) и дирхамы, чтобы он покупал у меня в соответствии с тем, что я пожелаю... Русы очень любят бусы зеленого цвета из глины и платят за каждую дирхам».

Славянские женщины, сообщает ибн Фадлан, носят ожерелья из монет, которые являются своеобразной демонстрацией состоятельности их супругов: «...если человек владеет десятью тысячами дирхамов, то он справляет своей жене один ряд мониста, а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два ряда мониста — и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к дирхамам, прибавляют ряд мониста его жене, так что на шее иной бывает много рядов монист». Правдивость этого рассказа подтверждается тем, что не только в славянских женских погребениях, но и в кладах нередко оказываются дирхамы с пробитыми у края отверстиями или приклепанными ушками для подвешивания. Очевидно, эти монеты, послужив некоторое время украшениями, затем вновь включались в денежный оборот.

Ибн Руста (ибн Даста) в «Книге драгоценных ожерелий» (ок. 923) пишет о русах, посещающих Булгар: «Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами... Когда умирает у них знатный человек, они роют ему могилу, опускают его туда, кладут с ним одежду его тела, золотые браслеты, много пищи, кувшины с вином и даже чеканную монету».

Ассортимент товаров, вывозившихся Русью на Восток, был разнообразен: мед, воск, меха (соболь, белка, выдра, песец, горностай, лиса), моржовые клыки, кожи, скот, свинец, невольники, шелк (из Византии), «франкские» мечи, кольчуги, панцири (из Западной Европы). Импорт был представлен серебряной монетой, а также предметами роскоши (ювелирными изделиями, драгоценными камнями, зеркалами и т. п.).

Эта торговля оставила следы в словарных фондах как русского, так и арабского языков. Арабы пополнили русскую товарно-торговую лексику такими словами, как «бархат», «камка» (вид ткани), «тафта», «шелк», «кика» (женский головной убор), «клобук» (монашеский головной убор), «шапка», «кафтан», «сарафан», «шуба», «кишень» (карман), «бусы», «бисер», «алмаз», «бирюза», «изумруд», «топаз», «яхонт», «яшма», «козырь», «магарыч». Арабский язык позаимствовал у русского главным образом названия мехов — «бобр», «соболь» и др.

[1] В древнерусских кладах IX—X вв. динары не встречаются.

Куфические дирхамы заложили основы древнерусской денежно-весовой системы. В кладах часто встречаются различной величины их обрезки, а также экземпляры с ножевыми разметками для последующего разрезания. Дирхамы и их фрагменты стали первыми денежными единицами Руси — ногатами, кунами, резанами, веверицами (векшами), многократно упоминаемыми в письменных источниках.

Арабская монета настолько прочно обосновалась на древнерусских рынках, что вызвала к жизни возникновение местного производства, имитирующего их чеканку. В 1891 г. у деревни Еменец Невельского уезда Витебской губернии найдена вырезанная на камне форма для отливки подражания куфическому дирхаму.

Рис. 20.
Каменная форма для отливки подражаний куфическому дирхаму, найденная в имении Еменец Невельского уезда

Обращают на себя внимание резкие колебания объемов монетных захоронений этого периода — от нескольких экземпляров до многих сотен дирхамов. 28 апреля 1972 г. школьниками из деревни Козьянки под Полоцком на поверхности свежевспаханного поля было найдено несколько монет. Поразительным оказался результат самодеятельных раскопок мальчиков: на небольшой глубине перед ними предстала огромная залежь монетного серебра. В настоящее время известны более 7660 дирхамов этого грандиозного клада, сокрытого в середине 940-х гг. (не ранее 944).

Разнообразие размеров кладов является одним из бесспорных доказательств процессов имущественной и социальной дифференциации, особенно четко проявившейся в среде восточных славян в IX—X вв.

Клады и единичные находки куфических монет, зарегистрированные в Беларуси, концентрируются вдоль течений Днепра и Западной Двины, т. е. по пути «из варяг в греки». Это вполне закономерно: знаменитая водная магистраль протяженностью 2200 км, связывавшая скандинавскую Европу с Византией и проходившая в основной своей части через Русь, обслуживалась монетами Арабского халифата.

Движение дирхама на древнерусские земли шло по двум основным путям: юго-восточному (из Хазарии) и восточному (из Волжской Болгарии).

В восточнославянском обращении арабского серебра выделяются четыре этапа:

Начало IX в.— 833 г. Клады состоят преимущественно из дирхамов династий Умайадов и Аббасидов (с преобладанием последних) африканской и в меньшей мере азиатской эмиссий.

Незначительную по объему, но очень характерную примесь составляют единичные экземпляры серебряных драхм иранской династии Сасанидов, чеканенных в V—VII вв. Эти монеты, получившие широкое распространение в Прикамье, именно там вовлекались в поток куфического серебра, шедшего на Русь, и поэтому являются памятниками древнерусского денежного обращения первой трети IX в. Клады этого времени при наличии в них обрезков дирхамов состоят в основном из целых монет.

833—900 гг. Династический состав кладов остается в основном прежним, но уменьшается количество умайадских дирхамов, а преобладавшая в предшествующий этап африканская чеканка уступает место азиатской.

Возросшая в Поволжье потребность в монете вызывает большее, чем прежде, оседание здесь дирхамов; в результате область Среднего Поднепровья получает их гораздо меньше, чем ранее.

Характерной особенностью первых 35 лет этого этапа является отсутствие в обращении фрагментированных монет. В конце 860 — начале 870-х гг. их обрезки на сравнительно непродолжительное время вновь появляются в кладах.

900 — 938 гг. Наблюдается резкое сокращение монет Аббасидов, чеканка Умайадов представлена незначительным количеством дирхамов. Ведущее положение занимают эмиссии Саманидов — среднеазиатских эмиров, формальных подданных Аббасидов. Единичными экземплярами представлена чеканка других эмирских родов.

Приток дирхамов усиливается и вновь захватывает бассейн Среднего Днепра. Клады состоят только из целых монет.

938—980-е гг. Преобладание саманидских дирхамов становится абсолютным, заметно возрастает число монет иных эмирских родов; количество аббасидских дирхамов резко падает, а умайадские встречаются крайне редко.

Концентрация кладов смещается на Верхнее Поднепровье и в Подвинье. Регулярные поступления арабского монетного серебра достигают наибольшего размаха к середине века, затем слабеют и, наконец, прерываются в 980-х гг.[1] В кладах присутствует значительное количество фрагментированных дирхамов.

Отказ древнерусских рынков от монетной продукции мусульманского мира был вызван объективными обстоятельствами внешнего порядка. На Востоке во второй половине X в. почти одновременно разразились кризисные явления политического и экономического характера, выразившиеся в бурных процессах феодального дробления и истощении интенсивно разрабатывавшихся серебряных рудников. В результате Арабский халифат теряет стабильные международные связи, резко сокращает тиражи денежных эмиссий и, в конечном итоге, фактически прекращает монетный экспорт.

[1] Самый поздний куфический клад найден в 1896 г. возле деревни Красное Миорского района Витебской области (зарыт не ранее 986—987 гг.)

Существовала еще одна область, где проявилась торговая и военная активность славян — Византийская империя. Французская монастырская хроника «Бертинские анналы» под 839 г. поместила рассказ о послах «народа Рос», прибывших в Константинополь «ради дружбы». Ибн Хордадбех пишет, что русские купцы платили «десятину» (таможенную пошлину) Византии: вполне понятно, что чиновники византийского императора могли взимать этот побор только в его владениях.

Летописи сообщают о военных походах русских дружин на Царьград (Константинополь). Все они так или иначе были обусловлены стремлением Руси восстановить прервавшиеся торговые отношения с Византией. Например, поводом для конфликта 860 г. послужило убийство в Константинополе русских купцов и отказ императора компенсировать эту обиду.

По договору 907 г. русское купечество освобождалось от уплаты пошлин на константинопольских рынках, а его тяжбы с местными торговцами должны были разбираться «по закону греческому и по закону русскому».

Соглашение 945 г. оговаривало право на прибытие в Константинополь неограниченного количества торговых судов Руси.

Договор 971 г. позволял русским привозить «в греки» помимо традиционных товаров (мехов, меда, рабов) и хлеб. Один из разделов этого документа зафиксировал давность торговых связей обоих государств: византийская сторона обязывалась принимать «русов» дружески, «как искони повелось».

Подворье русских купцов располагалось «у Мамы» — близ монастыря святого Маманта в предместье Константинополя. Местные власти предоставляли им даровые еду и баню, снабжали парусным полотном и другой корабельной снастью. На Русь вывозились шелка, золото, вина, овощи и фрукты.

«Повесть временных лет» сообщает, что еще в 944 г. многие дружинники князя Игоря исповедовали христианство, а в Киеве имелась церковь: «Хрестеяную русь водиша роте (христиан русских приводили к присяге.— *В. Р.*) в церкви святаго Илии». В 955 г. (по византийским источникам — в 957) супруга Игоря Ольга посетила Константинополь, где «крести ю (крестил ее.— *В. Р.*) царь (император Константин VII Багрянородный.— *В. Р.*) с патриархом».

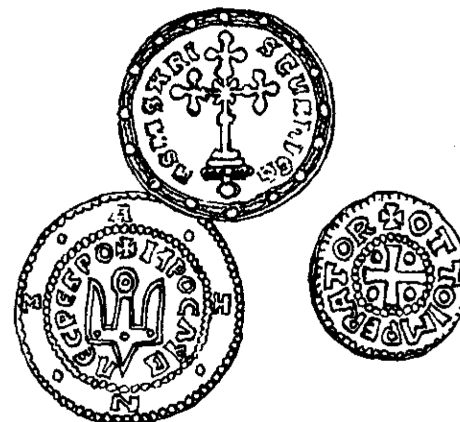
Интересы молодой феодальной Руси, остававшейся языческой, требовали новой, более совершенной, чем многобожие, государственной религии. Внук Игоря и Ольги великий князь Владимир Святославич, рассказывает «Повесть временных лет», устроил «испытание вер». Вначале он склонялся к принятию мусульманства, но, узнав, что Коран категорически запрещает есть свинину и пить вино, отказался от своего намерения.

В 980-е гг. Константинополь обратился к Киеву с просьбой о военной помощи. В ответ Владимир потребовал заключения союза, скрепленного его женитьбой на Анне, сестре императора Василия II Болгаробойцы. Византия приняла это условие. В 987 г. (или 988) Владимир крестился и вскоре (ок. 989) ввел христианство на всей Руси.

Разумеется, однако, что не гастрономические и иные вкусы великого князя явились решающим аргументом в пользу выбора им христианства. Победа этой религии на Руси объяснялась объективными социально-экономическими и политическими условиями. С одной стороны, упадок Арабского халифата в конце X в. привел к резкому ослаблению русско-арабских контактов; с другой — южный (Византия) и западные соседи древнерусской державы издавна исповедовали христианство, которое уже успело пустить довольно глубокие корни на русской почве.

Несмотря на интенсивность как экономических, так и политических связей Руси с Византией монеты последней практически отсутствуют в восточноевропейских кладах. Этот факт выглядит особенно необычным в свете существования с середины IX в. пути «из варяг в греки», который, казалось бы, должен был быть усеянным продукцией Константинопольского монетного двора. Объяснить это можно, по-видимому, тем, что масштабы денежных эмиссий Византийской империи были недостаточно широки для того, чтобы вывести ее, подобно Арабскому халифату, в ряд поставщиков монеты на международные рынки.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ РУСИ В XI в.

Западноевропейский денарий

Путь его поступлений на Русь

Периодизация обращения

Топография находок на территории Беларуси

Продолжение обращения куфического дирхама

Поступления византийских монет

Древнерусские сребреники и златники

«Отказ» Руси от импорта денария

ГЛАВА IV

К концу X в. в Древнерусском государстве наступает период особенно бурного развития городской жизни. Если летописные источники, говоря о IX—X вв., упоминают 25 городов, то для XI в. эта цифра возрастает до 89.

Крупные города были не только административными, политическими и культурными, но и экономическими центрами. Жившие в них ремесленники славились как искусные гончары, деревообделочники, кожевники, строители и оружейники. Они превосходно усвоили сложнейшую технику ювелирной обработки металлов — литье, чернь, скань, зернь, перегородчатую эмаль.

Развивалось ремесленное производство и в деревне, но, в отличие от городского, оно носило преимущественно натуральный характер, так как предназначалось в основном для удовлетворения потребностей самих производителей. На городских рынках процветала торговля, в которой ремесленным изделиям горожан противостояли привозимые из сельской местности продукты питания и различное сырье.

Окрепнув, города содействовали начавшемуся распаду Руси на ряд удельных владений. Успех этого закономерного процесса был предрешен прежде всего непрочностью экономических связей между различными регионами огромной державы и господством на подавляющей ее части натурального хозяйства.

На Западных землях Руси наиболее значительным центром стал Полоцк. При его князе Брячиславе Изяславиче (ок. 1003—1044) в Киеве обосновалось торговое подворье полочан — «Двор Брячиславль». В 1068 г. сын Брячислава Всеслав при поддержке киевлян на семь месяцев овладел великокняжеским престолом.

Несмотря на очевидные достижения, внутренние торговые связи на землях Руси не смогли сколько-нибудь существенно расшатать натурально-хозяйственные основы ее экономики. Как и в IX—X вв., внешняя торговля в это время оставалась более развитой, чем внутренняя.

Потерянный в конце X в. восточный партнер Руси в этой торговле был сменен западным. Это событие не явилось чем-то неожиданным, свершившимся в короткий промежуток времени. Связи Древней Руси с государствами Европы имели достаточно длительную предысторию.

«Бертинские анналы», повествующие под 839 г. о посольстве «народа Рос» в Византию, сообщают, что, выполнив свою дипломатическую миссию в Константинополе, оно отправилось ко двору Франкского императора Людовика Благочестивого.

Русская торговля в западном направлении начиналась с контактов со славянскими странами. Араб ал-Бекри (X в.), ссылаясь на сообщение своего соотечественника ибн Якуба, пишет о прибывших в Прагу через Краков русских купцах.

Таможенный устав моравского города Раффельштеттена (903), упоминая купцов, «приходящих из русов», подчеркивает, что пошлины, взимаемые с них, отличаются от соответствующих поборов с местных жителей.

«Повесть временных лет» содержит рассказ о походе 967 г. (или 968) русской дружины в Болгарию. Одержав победу, киевский князь Святослав Игоревич решает поселиться в городе Переяславце. Объясняя матери Ольге свое решение, он в 969 г. заявляет: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки (ткани.— ***В. Р.***), вина и овощеве разноличныя, из Чех же, из Угорь (Венгрии.— ***В. Р.***) сребро и комони (кони.— ***В. Р.***), из Руси же скора (меха.— ***В. Р.***) и воск, мед и челядь (рабы.— ***В. Р.***)». Эти слова позволяют сделать вывод, что к этому времени русские купцы уже многократно встречались в Переяславце Дунайском с западноевропейскими и византийскими.

В X в. русские торговцы осваивают многочисленные рынки Центральной и Северной, а затем и Южной Германии, где их особенно привлекал город Регенсбург на Дунае. Устанавливаются систематические контакты Древнерусской державы с другими западноевропейскими, а также скандинавскими странами.

Германский хронист Адам Бременский в «Истории гамбургских архиепископов» (ок. 1075) сообщает, что король Англии Эдмунд II Железнобокий в 1016 г. «был умертвлен ядом; дети его были осуждены на изгнание в Русь». Рассказ об этих же событиях содержится в «Хронике» (1201) английского ученого Роджера Ховеденского: «У этого вышеназванного Эдмунда был некий сын, которого звали Эдуард; он по смерти отца, страшась [Канута], бежал... в землю ругов, которую мы называем Руссией. Король этой земли, по имени Малесклод (великий князь Ярослав Мудрый; 1016—1054.— ***В. Р.***), когда услышал и понял, кто он, с честью принял его».

Скандинавские героические сказания — саги не раз упоминают Русь под названием «Гардарика» («Страна городов»). Сага о святом Олафе утверждает, что он служил «конунгу Вальдемару» (великому князю Владимиру Святославичу; 980—1015), а при возвращении с дружиной на ладьях домой был заброшен бурей в Померанию, где выдал себя за «гардского» купца. В XI в. подворья русских торговцев имелись в шведском городе Сигтуне и на балтийском острове Готланде.

Продолжают развиваться и русско-византийские отношения. В XI в. в Константинополе по-прежнему существует особый квартал — обол, заселенный купцами Руси. В 1043 г. возник конфликт между киевским и византийским дворами, вызванный избиением в столице империи русских торговцев и убийством одного из них. В многочисленных византийских монастырях оседали приехавшие из Руси монахи, усердно занимавшиеся переводами на родной язык греческих и южнославянских авторов.

«Повесть временных лет» рассказывает, что, когда посланцы Владимира, проводившего «испытание вер», возвратились из Булгара, он велел им: «Идите паки в немци, сглядайте такоже, и оттуде идете в греки».

В византийских источниках имеются сведения, что во времена князя Игоря (912—945) отряды «русов» сражались в Италии.

Выдающийся памятник французского эпоса «Песнь о Роланде» (конец XI — начало XII в.) посвящен борьбе короля франков Карла с эмиром «мавров» (арабов) Балиганом в конце VIII в. Авторы, стремясь показать трудность одержанной христианами победы, подчеркивают, что воинство Балигана состояло не только из арабов:

> «Нубийцев, русов в третий полк он свел...
> В шестой — армян и угличей свирепых».

Эти строки, вполне понятно, нельзя рассматривать как несомненное свидетельство участия русских воинов в битвах VIII в., развернувшихся за Пиренеями. Важно другое: создателям «Песни о Роланде» Русь известна очень хорошо (они не только говорят о «русах» вообще, но и называют их конкретное племя — угличей).

Экономические, политические, культурные связи Руси с государствами Европы не были односторонними: иноземцы, в свою очередь, часто посещали ее.

В 1005—1007 гг. через русские земли проезжает германский миссионер Бруно, направлявшийся для проповеди христианства к печенегам. Он сообщает о гостеприимстве великого князя Владимира Святославича: «Сеньор русов, имеющий обширные владения и большие богатства, удерживал меня месяц, стараясь убедить, чтобы я не шел к такому дикому народу... Он пошел провожать меня до границ, которые он оградил самым крупным частоколом на очень большое пространство».

«Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу», сообщая о коварном убийстве в 1015 г. ростовского князя Бориса Владимировича, отмечает, что

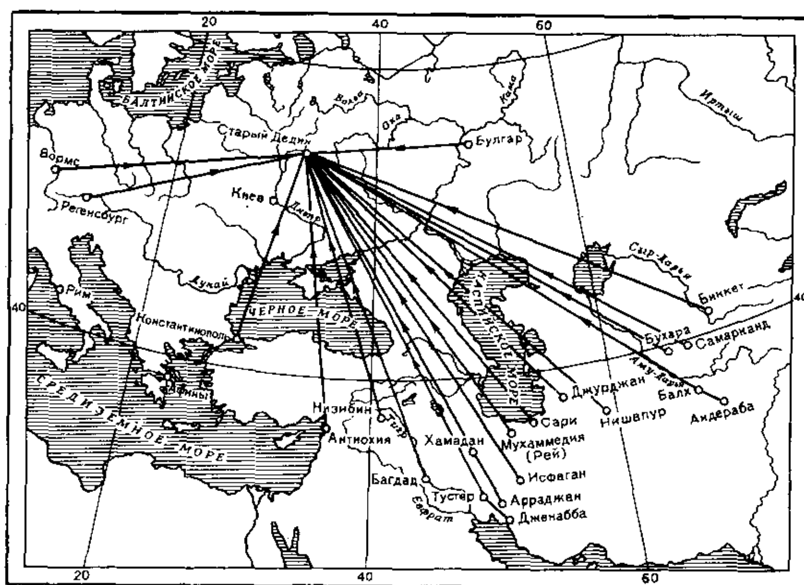

Рис. 21. **Места чеканки монет клада из деревни Старый Дедин** (по И. Г. Спасскому — Русская монетная система. Изд. 4. Л., 1970)

вместе с последним погиб и его слуга Георгий, «родом угрин (венгр.— *В. Р.*)».

Титмар Мерзебургский в хронике, охватывающей время с 919 по 1018 г., основываясь на сведениях немецких купцов, указывает, что в Киеве насчитывалось восемь рынков. Он же пишет о датчанах, помогавших киевлянам защищать город от печенегов.

Адам Бременский в «Истории гамбургских архиепископов» называет Киев соперником Константинополя, обстоятельно описывает путь к нему через Гамбург, устье Эльбы и Новгород.

В конце X — начале XI в. Киев встречает посольства из Венгрии, Польши, Чехии, Германии, Франции, Рима, Скандинавии. Заключаются династические браки между киевским и западноевропейскими престолами: дочери Ярослава Владимировича Елизавета, Анастасия и Анна выходят замуж за королей Норвегии (Гарольда), Венгрии (Андрея) и Франции (Генриха I).

Русь поставляла на запад мед, смолу, воск, пушнину, лен и льняные ткани, оружие, замки, резную кость, ювелирные (преимущественно серебряные) изделия, скот. Импорт был представлен в основном предметами роскоши, фруктами, красками, оружием (главным образом стальными клинками, рукоятки к которым монтировались в Киеве).

В условиях расширения внутреннего товарооборота и внешних экономических связей Древнерусского государства

росли потребности его рынков в деньгах. При отсутствии собственного монетного производства они могли быть удовлетворены лишь за счет внешних источников. Вполне естественно, что при переориентации русской внешней торговли с востока на запад именно европейские страны стали поставщиками на Русь средств денежного обращения.

В период становления русско-европейских связей (IX—X вв.) арабская монета играла существенную роль в обслуживании денежного хозяйства западноевропейских государств, получавших ее главным образом от русских земель. Теперь Русь и Западная Европа поменялись ролями: по путям, уже «проторенным» дирхамом, но в направлении, обратном его движению, хлынул поток европейской серебряной монеты — денария.

Самый ранний древнерусский клад, в котором «встретились» монеты Востока и Запада, открыт в 1926 г. у деревни Старый Дедин Климовичского района Могилевской области. Это денежное сбережение (201 дирхам, 2 германские и 1 византийская монеты) сокрыто между 979 — началом 980-х гг.

Поступления этой монеты, имевшие случайный характер в конце X в., становятся регулярными с начала XI. До середины XI в. в кладах преобладают германские (пфенниги) и англо-саксонские (пенни) денарии, иногда встречаются единичные денарии Чехии[1], Венгрии, Франции, Северной Италии, Скандинавии.

Клады второй половины XI — первой четверти XII в. характеризуются относительным единообразием: в них, при подавляющем преобладании пфеннигов, другие виды денария оказываются довольно редко.

Поступления денария и его обращение в различных областях необъятной Руси не были в равной мере продолжительными. Систематический ввоз его северными (новгородскими) землями осуществлялся до конца первой четверти XII в., южными (современная Украина) прекратился уже во втором десятилетии XI в. Западнорусские земли (современная Беларусь) заняли в этом отношении «золотую середину», импортируя продукцию европейских монетных дворов примерно до середины 1060-х гг. Район бытования денария на территории Западной Руси охватывал преимущественно Верхнее Поднепровье и Подвинье, в целом совпадая с топографией кладов последнего этапа обращения куфического дирхема.

Как и в предшествующий период, прекращение монетных поступлений на Русь было вызвано внешними причинами.

---

[1] Исключением из этого правила стала уникальная находка 1957 г. — клад из деревни Дегтяны Копыльского района Минской области, зарытый около 1050 г. Из 320 известных ныне его монет 123 оказались чешскими денариями, в то время как во всех остальных древнерусских кладах XI в. их насчитывается едва ли 60 экземпляров.

К середине XI в. в странах Западной Европы наблюдается бурное развитие процессов феодального дробления. Рост старых и возникновение новых городов, усиление специализации ремесла, вовлечение деревни в активные товарно-денежные отношения увеличивают потребности внутренних рынков в монете.

Резко возрастает количество монетных дворов, вследствие чего «распыляется» масса добываемого серебра, падают тиражи выпускаемых денариев. Идет распад общеевропейской денежной системы, нарушается качественное и весовое единообразие монетных эмиссий.

Спад денежного производства при одновременном оседании на местах большей части его продукции приводит к угасанию экспорта денариев на Русь.

Европейская монета так и не стала абсолютным монополистом на древнерусских рынках, что особенно отчетливо демонстрируется кладами Беларуси: среди ее нумизматических памятников XI в. лишь один состоит из образцов только западноевропейской чеканки (клад, обнаруженный в 1934 г. на хуторе Людвище Кобринского района Брестской области — 650 денариев и 1 западноевропейское подражание куфическому дирхаму; зарыт между 1060 и 1065). Остальные кладовые находки содержат значительные (до 30 %) примеси куфических дирхамов, «перекочевавших» в XI век из X.

Незначительные по объему, но очень характерные элементы древнерусского денежного хозяйства представлены чеканкой Византии X-XI вв.— золотыми номисмами, серебряными милиарисиями[1] и медными фоллисами[2] (последние встречены лишь в виде единичных, внекладовых находок).

Замечательную монетную группу составляют первые монеты Руси — золотые «златники», биллонные и серебряные «сребреники[3]».

Златники чеканены в Киеве Владимиром Святославичем в двух разновидностях. Выпуск первой из них был, по-видимому, приурочен к крещению Руси и женитьбе в 989 г. Владимира на византийской принцессе Анне. На аверсе этой монеты — изображение князя (судя по согнутым ногам — сидящего), над левым плечом которого помещен родовой знак Рюриковичей в виде трезубца, и выполненная кириллическим письмом легенда ВЛАДИМИР НА СТОЛЕ (престоле.— *В. Р.*); на реверсе — погрудное изображение Иисуса Христа и кириллическая легенда ИСУС ХРИСТОС.

[1] Лат. miliarense — тысячный: первоначально — позднеримская серебряная монета, равноценная 1/1000 золотого фунта-либры.

[2] Лат. follis — мешочек, кошелек.

[3] «Златник» и «сребреник» (от древнерусск. «злато» и «сребро») — искусственные названия, присвоенные этим монетам нумизматами XIX в.

Второй выпуск златника, осуществленный не позднее конца X в., отличается от первого аверсной легендой — ВЛАДИМИР А СЕ ЕГО ЗЛАТО.

Из 11 известных к настоящему времени златников 6 происходят из клада, открытого в 1804 г. в г. Пинске.

Сребреники Владимира представлены четырьмя разновидностями. Первая выбита, вероятнее всего, одновременно с первым златником и по тому же, что и он, поводу. На аверсе ее — изображение сидящего князя с трезубцем над левым плечом и кириллическая легенда ВЛАДИМИР НА СТОЛЕ или ВЛАДИМИР А СЕ ЕГО СРЕБРО; на реверсе — погрудное изображение Христа и кириллическая легенда ИСУС ХРИСТОС или ИС ХС.

Вторая, третья и четвертая разновидности сребреников Владимира отчеканены, вероятно, по поводу бракосочетания его (после смерти Анны в 1011 г.) на Адели (Адиле), внучке германского императора Оттона I Великого. На аверсах их — изображение князя на престоле и кириллическая легенда ВЛАДИМИР НА СТОЛЕ; на реверсах — родовой знак Рюриковичей в виде трезубца и кириллическая легенда А СЕ ЕГО СРЕБРО или СВЯТАГО ВАСИЛЯ (Василий — христианский патрон Владимира).

Племянник Владимира князь Туровский Святополк Ярополчич, ненадолго (1015—1016 и 1018) обосновавшийся на киевском престоле, успел выпустить сребреники трех видов (наиболее вероятная дата чеканки первого и второго — 1016, третьего — 1018).

На аверсе первого вида — изображение князя на престоле и кириллическая легенда СВЯТОПОЛК НА СТОЛЕ; на реверсе — родовой знак Рюриковичей в виде двузубца и кириллическая легенда А СЕ ЕГО СРЕБРО.

Аверс второго вида — поясное изображение апостола Петра (христианского патрона Святополка) и кириллическая легенда ПЕТРОС (дважды); реверс — двузубец и кириллическая легенда ОГЕОС (искаж. греч. Огиос — святой) ПЕТРОС.

Аверс третьего вида — изображение князя на престоле и кириллическая легенда ПЕТОР (далее — нечитаемое слово); реверс — двузубец и нечитаемая кириллическая легенда.

Ярослав Владимирович в бытность свою князем Новгородским (1014—1015) выпустил сребреник, исполненный на очень высоком художественном уровне. Аверс этой монеты — изображение святого Георгия (христианского патрона Ярослава) и греческая легенда О[гиос] ГЕОРГИО[с]; реверс — трезубец и кириллическая легенда ЯРОСЛАВЛЕ СЪРЕБРО (или СРЕБРО) и АМНN (Аминь).

К «Ярославлю сребру» примыкают монеты такого же типа, но очень грубой работы, меньших диаметра и веса. В реверсной их легенде вторая буква «Р» в слове «СРЕБРО» имеет латинское начертание (R). Принадлежность этих экземпляров Ярославу остается недоказанной. Они могли быть

выбиты в Новгороде, где Ярослав, бежавший из Киева после поражения от Святополка в 1018 г., собирал средства для найма варяжской дружины. Не менее вероятна возможность того, что эти монеты — скандинавские подражания новгородской чеканке 1014—1015 гг.

Бесспорными подражаниями «Ярославлю сребру» являются медные отливки в виде подвесок-украшений, зафиксированные на землях, находившихся в сфере влияния Новгорода, а также в Швеции и Германии.

Ныне известно около 330 сребреников. Находки их на территории Беларуси зарегистрированы дважды: в 1873 г. (курганное погребение близ бывшего имения Вотня в Быховском районе Могилевской области — фрагмент сребреника Владимира первой разновидности) и в 1886 г. (клад из деревни Поречье в Толочинском районе Витебской области — сребреник Владимира третьей разновидности).

Несколько сребреников открыты за пределами территории Древней Руси — в Прибалтике, Германии, Швеции и Норвегии. Это обстоятельство в сочетании с фактами подражающей им чеканки свидетельствует о широте внешнеэкономических и политических связей Древнерусской державы и ее высоком авторитете на общеевропейской арене.

БЕЗМОНЕТНЫЙ ПЕРИОД

Платежные серебряные слитки — гривны-рубли и полтины

**Виды слиткового серебра,
бытовавшие на Западных землях Древней Руси:
литовский (западнорусский), киевский и новгородский**

Топография их находок на территории Беларуси

Отсутствие в обращении монеты

Возвращение рынков к практике использования товаро-денег

ГЛАВА V

С прекращением притока западноевропейского денария Русь вступила в период, известный в нумизматической литературе под названием «безмонетного». На территории современной Беларуси он продолжался до начала XIV в. Его причины следует искать не только в потере Восточной Европой монетного поставщика, но и в ряде факторов внутриэкономического и политического характера, приведших к распаду относительно единого Древнерусского государства.

Вторая половина XI — первая половина XII в. характеризуются резким ускорением процессов феодального дробления. Успех этого закономерного явления был предрешен прежде всего непрочностью экономических связей между различными регионами огромной державы и господством на подавляющей ее части натурального хозяйства.

Первым юридическим оформлением начальных результатов децентрализации Руси стало решение шести князей, собравшихся в 1097 г. в городе Любече на Днепре. Суть решений Любечского съезда была выражена словами «Кождо да держит отчину свою» («Каждый пусть владеет отчиной своею»). Таким образом, официальное признание получило уже практически осуществлявшееся право уделов на независимость от великого князя киевского.

Многочисленные князья, радевшие только о своих узко-вотчинных интересах, ведут бесконечные распри друг с другом. Лишь немногие из них понимают неизбежность гибельных последствий междоусобиц. В 1167 г. правитель Волыни Мстислав Изяславич призывает князей к единению и совместному противостоянию нашествию кочевников: «Братья! Пожалейте о земле Руской, о своей отчине и дедине: каждый год половцы уводят христиан в свои вежи... а ныне у нас все торговые пути отнимают... и Гречьский путь и Соляный (т. е. дороги в Византию и Крым, откуда привозилась соль.— *В. Р.*)... Хорошо бы нам, братья, поискать отцов и дедов своих пути и своей чести!»

Подобные обращения не находили откликов в среде феодальной знати. Во второй половине XII в. Русь перестала существовать как единое государство.

«Уже бо, братие, не веселая година встала...— пишет автор «Слова о полку Игореве» (около 1187 г.),— Усобица князем на поганыя погыбе, рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же» (Борьба с язычниками прекратилась, ибо сказал брат брату: «Это мое и то мое же».— *В. Р.*). И начаша князи про малое «се великое» молвити, а сами на себе крамолу ковати; а погании со всех стран прихождаху с победами на землю Рускую... Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна (обильная.— *В. Р.*) тече средь земли Рускыи».

Тревожная внешняя обстановка ставит все более прочные преграды связям Руси с другими государствами. Страна оказывается в кольце врагов,стремящихся воспользоваться благоприятными условиями для агрессии.

В конце XII в. начинаются вторжения в Восточную Прибалтику германских крестоносцев. Эти военные операции, прикрывавшиеся лозунгами христианизации местных племен, преследуют цели захвата важнейших северо-восточных торговых путей. Уже в первом десятилетии XIII в. Новгород и Полоцк включаются в непосредственную борьбу с немецкими рыцарями.

В то время, когда Русь напрягает силы для отражения нашествия крестоносцев, на нее обрушиваются монголо-татарские полчища. Крупнейшие города варварски разрушаются, ремесленный люд уводится в рабство. Жизнь страны продолжается лишь за счет пахаря...

21 декабря 1237 г. войско хана Батыя овладевает Рязанью. «Во граде многих людей, и жены, и дети мечи исекоша, и иных в реце потопиша... и весь град пожгоша... и храмы Божия разориша, и во святых олтарех много крови пролияше. И не оста во граде ни един живых, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша; несть бо ту ни стонюща, ни плачуща и ни отцу и матери о чадех или чадом о отци и о матери, ни брату о брате... но вси вкупе мертвы лежаша»,— рассказывает «Повесть о разорении Батыем Рязани» (сер. XIV в.).

В 1240 г. осажден Киев. «Окружи град и остолпи сила татарская, — пишет автор «Ипатьевской летописи» (конец XIII—XIV вв.).— От гласа скрипения телег его, множества ревения вельблуд (верблюдов.— *В. Р.*) его и ржания от гласа стад конь его... человеческого голоса не слышно». Несмотря на героическое сопротивление, столица Руси пала 19 ноября (или 6 декабря).

В 1246 г. через Киев проезжает направляющаяся в ставку монгольского хана дипломатическая миссия папы римского во главе с Джовани да Плано Карпини. В своих дневниковых записях он отмечает: «Этот город был весьма большой и многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они (монголо-татары.— *В. Р.*) в самом тяжелом рабстве...

Они пошли против Руссии и произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей... Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле...

Мы ехали постоянно в смертельной опасности из-за литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю Руссии... а так как большая часть людей Руссии была перебита татарами или отведена в плен, то они поэтому не могли оказать им сильное сопротивление».

Фламандец Виллем Рубруквис в 1253—1255 гг. по поручению французского короля совершил путешествие в столицу Монголии. Как и Карпини, он не мог не обратить внимания на крайнюю степень жестокости завоевателей Руси: «Когда русские не могут дать больше золота или серебра, татары уводят их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных».

Северная и юго-западная окраины Руси ведут ожесточенную борьбу с германскими, шведскими, польскими, венгерскими и другими агрессорами.

Государственная раздробленность, создавшая благоприятные условия для междоусобиц и вторжений внешних врагов, в целом негативным образом сказалась на дальнейших судьбах Руси. Тем не менее она имела и ряд положительных следствий. При значительной разнице в уровне развития различных земель выделение их в политически, а следовательно, и хозяйственно самостоятельные образования способствовало усилению экономических связей городских центров с ближайшими сельскими округами, расширению ассортимента как ремесленной, так и сельскохозяйственной продукции.

«Житие преподобного отца нашего Феодосия», вошедшее в состав «Киево-Печерского патерика», рассказывает об игумене Феодосии. Отправившись в молодости из Курска к «Кыеву граду», он встретил «идуще путем тем купци на возех с бремены (поклажей.— *В. Р.*) тяжкы». Это же произведение, восхваляя праведную жизнь монастырской «братии», говорит о том, что монахи не гнушались трудом, а плоды его «носяще в град продати, и тем жито купяху».

Экономическим центром северорусских земель продолжал оставаться Господин Великий Новгород (с 1136 г.— боярская республика). Новгородцы сохранили торговые связи с самыми отдаленными русскими землями. Их подворья располагались в Полоцке, Витебске, Смоленске, Киеве, Чернигове, Суздале и других городах.

На Западных землях Руси экономическим и политическим ядром стало Полоцкое княжество.

Его владения включали в себя Витебск, Оршу, Усвят, Лукомль, Изяславль, Минск, Копысь, Логойск, Борисов и область по течению Западной Двины почти до Рижского залива.

Несмотря на то что уже в XII в. это могучее феодальное государство потеряло Витебск и Минск, а с XIII в., как и Витебск, само попало под контроль Смоленского княжества, оно еще долгое время удерживало за собой ведущую роль активнейшего торгового центра — имело интенсивные экономические связи с Новгородом, Смоленском, Суздалем, Волынью, Киевом. В древней столи-

це Руси по-прежнему существовало торговое подворье полочан: «двор Брячиславль» был сменен отмеченным летописью под 1147 г. «Глебовым двором» (по имени сына Всеслава — внука Брячислава).

Важнейшим материальным свидетельством развитой торговли на территории Беларуси являются находки весов и разновесов. Безмены, весы и гирьки обнаружены в Логойске, Друцке, Новогрудке, Минске и других местах.

В крупнейших городах возникали купеческие союзы. Каждый из них избирал своим патроном какого-либо святого и посвящал ему церковь, где регулярно собиралась торговая «братчина» (первое упоминание о полоцкой братчине относится к 1159 г.).

В начале второй трети XIII в. возникло Великое княжество Литовское. Основатель этой державы — Миндовг (сер. 1230-х — 1263 гг.), объединив собственно литовские земли (Аукштайтию, Жемайтию, Делтуву и др.), к концу своего правления присоединил к ним Черную Русь (белорусское Понеманье) с городами Городно (Гродно), Новогородком (Новогрудком), Волковыском, Слонимом и северо-западную часть Полоцкой земли с городом Бряславлем (Браславом).

Средоточием южнорусской торговли оставался Киев. Разнообразнейшие изделия его ремесленников пользовались большим спросом почти во всех уголках Руси. В Беларуси они найдены при археологических исследованиях Полоцка, Витебска, Мстиславля, Лукомля, Минска, Друцка, Новогрудка, Гродно, Волковыска и других городов.

Русь, оказавшаяся в чрезвычайно сложной и тяжелой ситуации, сумела сохранить многие не только внутренние, но и внешние политические, культурные и экономические связи.

Великий князь Владимир Всеволодович Мономах (1113—1125) внук византийского императора по материнской линии, был женат на Гиде, дочери английского короля Гаральда II; его сестра Евпраксия вышла замуж за германского императора Генриха IV, а дочь Евфимия — за венгерского короля Коломана.

«Некий Климент возвращался из Руссии, везя дары Софии, королеве даков (датчан.— *В. Р.*), посланные отцом ее... Он (Климент.— *В. Р.*) схвачен... властителями Винландии (части Поморья, населенной славянскими племенами вендов.— *В. Р.*) и посажен в колодки. Услышав об этом, королева обратилась с жалобой к мужу своему, королю даков Вальдемару», — рассказывает английский монах Уильям Кентеберийский в «Житии и чудесах святого Фомы» (конец XII в.).

София — дочь новгородского князя Владимира Всеволодовича, супруга правнука Владимира Мономаха по материнской линии — датского короля Вальдемара I Великого (1157—1182); в 1186 г. вышла замуж за тюрингского ландграфа Людовика V.

Поэма «Брут, или Хроника Британии» (1205) английского поэта Лайамона упоминает «короля Руси, самого сурового из рыцарей».

Английский летописец Матфей Парижский в «Великой хронике» (1259) цитирует послание некоего Ф., настоятеля монастыря святой Марии в Венгрии. Этот документ, датированный 1242 г., свидетельствует, что монастырь имел свой

филиал на Руси: «Монахов храма нашего посылаем мы из монастыря святой Марии в Русции в Гибернию (Ирландию.— *В. Р.*)... И это мы вынуждены были сделать из-за неожиданного нашествия тартар (татар.— *В. Р.*)».

Эпическая «Песнь о Нибелунгах», сложившаяся в Северной Германии около 1200 г., рассказывает о сватовстве «короля гуннов» Этцеле к бургундской королеве Кримхильде. Узнав, что она согласилась на брак и прибыла в его страну, Этцель спешит навстречу:

> «Его сопровождали бойцы из разных стран..
> Скакали русы, греки, валахи и поляки».

«Слово о полку Игореве» сообщает, что у русских воинов были «иноходцы угорьские (венгерские.— *В. Р.*), шеломы латиньские (германские.— *В. Р.*), сулицы ляцкие (копья польские.— *В. Р.*)», а поражение «полка» привело к тому, что жившие в Киеве немцы и венецианцы, греки и моравы укоряют князя Игоря.

«Слово о погибели земли Русской» (между 1238 и 1246) отмечает, что Русь знают венгры и поляки, чехи и немцы, греки и половцы, ятвяги (литовские племена) и корелы, волжские болгары и буртасы, черемисы и мордва.

Договор Новгорода с немцами и готландцами, заключенный в 1195 г., подразделяет приезжих иноземных купцов на две гильдии — морскую и сухопутную. В свою очередь, каждая гильдия распадалась на две части — «зимнюю» и «летнюю». Представители первой приезжали в Новгород осенью и оставались здесь на зимовку; второй — весной и торговали до осени.

Договор новгородцев с Любеком, Готским берегом и Ригой, подписанный в 1270 г., и последовавшее за ним торговое соглашение с немцами предоставляли зарубежному купечеству свободу передвижения по одному речному и трем сухопутным путям.

Внешние политические и экономические интересы западных земель Руси были связаны главным образом с Прибалтикой. Создатель «Хроники Ливонии» Генрих Латвийский под 1203 г. записал: «...внезапно появился король полоцкий (князь Владимир.— *В. Р.*) с войском и осадил замок Икесколу. Ливы не посмели сопротивляться и обещали дать ему денег. Получив деньги, король прекратил осаду».

В 1210 г. заключено первое торговое соглашение Полоцка с Ригой (интересно отметить, что в его редактировании принял участие немец Людольф, живший в Смоленске). В 1212 г. рижский епископ Альберт встретился с князем Владимиром, «чтобы совместно договориться о безопасности плавания купцов по Двине».

К 1229 г. относится «Смоленская торговая правда», написанная во избежание «разлюбья» между Смоленском, Полоцком, Витебском и Ригой. Этот документ детально регулирует порядок товарообмена, обстоятельно излагает права и обязанности как русских, так и «немецких» (рижских) купцов. Его 26-я статья разрешает русскому купечеству путешествия в крупнейшие цен-

тры балтийской торговли — Ригу, Любек и на остров Готланд. Статья 43-я гарантирует торговым караванам беспрепятственность передвижения по Западной Двине «от верху и до низу в море, и по воде и по берегу всему». Устанавливается должность «волоцкого тиуна»: он обязан обеспечивать помощь «гостям», преодолевшим волок между Двиной и Днепром, и защищать их от «татей» (разбойников). В свою очередь, купцы должны и сами позаботиться о своей безопасности: вопрос о том, кому из них следует первым переходить этот опасный отрезок пути, решается жеребьевкой; если же между ними оказывается русский, то он в любом случае имеет право идти последним. В Смоленске, Витебске и Полоцке официальным лицам — «весцам» поручено взвешивание серебра и золота, получаемых за проданные товары, и взимание торговых пошлин.

В 1284 г. Смоленском и Ригой подписан договор, содержавший знаменательную оговорку: обе стороны обязуются не только обеспечить оптимальные условия для взаимной торговли, но и сохранять их, даже если между смоленским князем, рижским епископом и магистром Ливонского ордена возникнут политические разногласия. Помимо представителей Смоленска и Риги подписи под этим соглашением поставили двое немецких купцов — один из Брауншвейга, другой из Мюнстера.

Рижская долговая книга за 1286—1327 гг. упоминает обещавшего расплатиться с долгами в Любеке купца, имя которого (Тимошка) совершенно определенно говорит о его русском происхождении. Здесь же зарегистрированы и немецкие торговцы, настолько основательно прижившиеся на Руси, что имена их записаны в сочетании с названиями ее городов («Люберт из Витебска», «Тидерик из Пскова»).

Около 1300 г. витебскому князю Михаилу Константиновичу посланниками рижских должностных лиц (ратманов) вручена пространная грамота, содержащая перечень учиненных их соотечественникам-купцам притеснений самим Михаилом и его администрацией.

Одна из жалоб в изложении рижан выглядит следующим образом: «...был у тебе один детина, наш горожянин... Он же хотел девки купить... Тогды, идя путем, заблудил к монастырєви, и выскочивше 3 черньчи (чернеца, монаха.— *В. Р.*)... били и рвали и мець вытезяли (мечь отняли.— *В. Р.*) силою у него. И потом, княжо, ты... оковал еси и держал его еси... а товара еси отъял на 3 берковскы (берковца — весовой единицы в 10 пудов.— *В. Р.*)».

«Другая обида» была связана с тем, что рижские купцы, «у пиру пиючи», перессорились друг с другом и один из них «заразил» другого «до смерти». Убийца, «убоявся живота (испугавшись за свою жизнь.— *В. Р.*), утекл к тобе, княжо. Немчи же, то уведавше... молися тобе: выдаи нам разбоиника. И ты, им выдав разбоиника, потом, шол еси у разбоиникову клеть, товар еси разбоиников взял; и иных людей товар был тутот, и то поимал (и его забрал.— *В. Р.*) еси, княжо».

У купца Фредерика, продавшего мешок соли, продолжают жаловаться ратманы, княжеские слуги отняли ключи от товарного склада, а Михаил, «порты с него снем, за шию оковал, руки и ногы и мучил его...», после чего отобрал весь товар.

Результатом систематических встреч прибалтийского купечества с русским явилось заимствование латышским языком ряда славянских торговых терминов — tirgus (торг), kupsis (купец), bezmens (безмен), birkavs (берковец), puds (пуд).

Многочисленные иноземные купцы посещали Киев. «Житие святого Марианна» (XII в.) сообщает, что когда у колонии ирландских монахов в Регенсбурге не хватило средств на постройку монастыря, они послали некоего Маврикия в Киев. Здесь он собрал пожертвования в виде мехов стоимостью в 100 марок (более 20 кг серебра) и, загрузив ими несколько телег, отправился в обратный путь «вместе с купцами, возвращавшимися из Киева». Во второй половине XII в. немец Гартвиг, обосновавшийся в Киеве, преподнес регенсбургскому монастырю святого Эммермана 18 фунтов серебра, обязав своих должников в Регенсбурге выплатить монахам эту сумму.

В 1203 г. половцы ворвались в Киев и обобрали его жителей до нитки, почему-то сделав исключение для застигнутых здесь зарубежных «гостей»: у них была отобрана «всего лишь» половина товаров.

Даже после 1240 г., когда древняя столица Руси была, по-существу, стерта с лица земли, купцы-иноземцы продолжали посещать ее. Плано Карпини завершает свои путевые заметки следующими словами: «И, чтобы не возникло у кого-нибудь сомнения, что мы были в земле Татар, мы записываем имена тех, кто нас там нашел... свидетелями служат Бреславльские купцы, ехавшие с нами вплоть до Киева... а равно и другие купцы из Польши, так и из Австрии, прибывшие в Киев...

Служат свидетелями и купцы из Константинополя, приехавшие в Руссию через земли Татар и бывшие в Киеве... Имена же купцов этих следующие: Михаил Генуэзский... Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры (Акки — города в Сирии.— *В. Р.*), Николай Пизанский... Было еще и много других, но имена их нам неизвестны».

Еще в XII в. в различных европейских странах возникли особые корпорации купцов, чьи интересы были связаны исключительно с рынками Руси. В Германии и Австрии их назвали «рузариями».

Не прерывались и русско-византийские контакты. В 1166 г. князь киевский и смоленский Ростислав Мстиславич дважды защищал «гречников» (византийских, а также русских купцов, ведших торговлю с Византией) от половцев, засевших в днепровских порогах. Вначале отряд во главе со служившим у него Владимиром Ляхом (поляком) проводил купеческий караван до Киева. Затем сам Ростислав с одиннадцатью братьями и сыновьями (среди них были Глеб из Гродно и Иван из Турова) встречал суда гречников у города Канева.

В следующем, 1167 г. преемник Ростислава Мстислав и двенадцать других князей (в числе их — Мстислав Гродненский и Святополк Туровский) вновь выступают против половцев, угрожающих караванам гречников.

Несмотря на то что Восток еще в конце X в. утратил значение ведущего экономического партнера Руси, арабы и в XII в. посещали ее. Уроженец Гранады Абу Хамид ал-Гарнати в 1130-е годы вспоминает о своей встрече в одном из русских городов с багдадским купцом Абд ал-Керимом.

Русские купцы, как и их зарубежные собратья, не были домоседами. В 1134 г. новгородские «гости» арестованы в Дании; в 1142 г., возвращаясь «из-за моря», они подверглись нападению шведов, а в 1188 г.— немцев.

В конце XII в. в Штирии действовал таможенный устав, определявший размеры поборов с приезжих русских торговцев. Купцов Руси видел Пешт и другие города Венгрии, где они покупали главным образом коней. В свою очередь, русские кони котировались на рынках Франции наравне со знаменитыми гасконскими, испанскими и венгерскими скакунами.

Письменные памятники сохранили свидетельства о русско-английских и русско-скандинавских связях.

Уильям Фитц-Стивен, приближенный английского короля, в «Описании Лондона» (1173—1174) отмечает: «В этом городе купцы от каждого народа, под небом живущего, радуются, что могут вести морскую торговлю. Руссы шлют беличьи меха, соболей...» Самый дорогой вид беличьих шкурок автор именует «vair»; это — русская белка, ценившаяся почти так же, как соболь и горностай. В торговой лексике Англии с XIII в. пушнина из Руси определяется как общими названиями (ruthenicale opus, russewerk, ruswerk — русские товары), так и терминами, прямо указывающими на места ее добычи (clesmes, klesem — из бассейна Клязьмы; smoling, smoleynwerk, smolenskischeswerk — из Смоленщины).

«Сага о Гисли, сыне Кислого», одно из самых драматических творений исландского эпоса, описывает события, относящиеся к правлению конунга (короля) Норвегии Хакона I (935—961) «на склоне его дней». Ее герой — личность историческая. Он жил в Исландии, куда в X в. устремился массовый поток норвежцев-колонистов. В форме, дошедшей до наших дней, эта сага была записана около середины XIII в., поэтому должна рассматриваться как источник именно этого времени. Один из ее эпизодов посвящен исландскому Народному собранию — тингу, в котором участвует брат Гисли Торкель «в русской меховой шапке». Не следует, разумеется, делать поспешный вывод о том, что русские купцы ухитрялись добираться до немыслимо далекой в то время Исландии. Гораздо правомернее предположить, что при сохранении установившихся ранее связей Руси со Скандинавией ее товары попадали на остров при посредничестве норвежцев.

Вениамин Тудельский, восточный путешественник 1160—1170-х гг., называя Русь «пространным государством», а Киев — «великим городом», клятвенно заверяет, что встречал русских торговцев не только в Константинополе, но и в египетской Александрии.

Рубруквис, посетив на пути в Монголию венецианскую торговую факторию Солдайю (ныне — поселок Судак в Крыму), оставил следующую запись: «Туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из Руссии и северных стран и желающие переправиться в Турцию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, шелковые материи и душистые коренья... Константинопольские купцы посоветовали мне взять телеги и даже купить в собственность крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха».

Таким образом, жизнь рынков Руси продолжалась. Ассортимент внутреннего товарооборота был очень разнообразен: цветные стеклянные браслеты, изготовлявшиеся в Киеве, Полоцке, Смоленске и других городах до монголо-татарского нашествия; пряслица и иные (вплоть до мельничьих жерновов) изделия из розового сланца (шифера), добывавшегося у города Овруча на Волыни; оконное стекло, стеклянная и керамическая посуда, церковная утварь, ювелирные изделия, поделки из дерева и кости, разнообразные ремесленные изделия из железа, бронзы и других материалов.

Западная Европа поставляла на Русь олово, свинец, серебро, золото, оружие и т.д.; Прибалтика — главным образом янтарь; Византия и Причерноморье — дорогие ткани, тонкостенные сосуды с золотой и эмалевой росписями, красноглиняные амфоры с виноградным вином и оливковым маслом; Кавказ — самшитовые гребни; печенеги и половцы — коней. Русь отправляла за рубеж меха пушного зверя[1], овчины, воск, мед, смолу, лен и льняные ткани, серебряные ювелирные изделия, оружие и коней.

Вынужденный отказ русских земель от монетного импорта отнюдь не означал, что они больше не нуждались в деньгах. Напротив, огромное количество серебра требовалось для удовлетворения потребностей внутреннего и внешнего товарооборотов, для выплаты дани Золотой Орде.

Золотоордынские ханы брали дань не только с захваченных территорий: ее вынуждены были платить и Новгород, и Великое княжество Литовское.

Новгород, сохранивший наиболее стабильные связи с Западной Европой, становится основным поставщиком ее серебра на Русь. Однако оно транспортировалось преимущественно на восточнорусские земли, минуя территорию современной Беларуси.

В сложившихся условиях идет резкая перестройка экономики Руси. Это отразилось, в частности, на характере и содержании средств ее денежного обращения: распространение получают очень

[1] Она была абсолютным монополистом в экспорте соболиного меха, на что уже в XII в. отреагировали западноевропейские языки, положившие в основу названия этого драгоценного товара русское слово «соболь» (sambeline, sanbeline, sembeline, sibiline, sebeline).

своеобразные деньги — серебряные слитки определенной массы и формы. Материалом для их изготовления служили, очевидно, как накопленные ранее запасы дирхамов и денариев, так и лепешкообразные германские слитки, поступавшие через Новгород.

Слитки не сразу вытеснили из обращения монеты: на Западных землях Руси часть кладов со слитковым серебром датируется последним двадцатилетием бытования здесь денария и содержит в своем составе монетную часть. Однако для последующего времени нельзя назвать монету, которая «разменивала» бы слитки, «вводила» бы их в сферу обращения. Эти огромные для своего времени денежные единицы не могли, естественно, получить столь же широкое применение, как предшествовавшие им дирхамы и денарии. И, действительно, хотя топография их находок на территории Беларуси в целом почти совпадает с ареалом распространения денария (Верхнее Поднепровье и Подвинье), общее количество их, зарегистрированное к настоящему времени, не достигает и 200 экземпляров. Характерно, что слитки в виде кладов открываются чаще, чем единичными находками. Это может служить дополнительным доказательством принадлежности их довольно узкому кругу людей. Слитковые деньги использовались только для крупных платежей.

В Беларуси чаще всего встречаются два вида слитков: «киевские» (140—165 г) и «западнорусские» или «литовские» (100—110 г); гораздо реже попадаются «новгородские» (190—210 г).

В письменных источниках слитковое серебро фигурирует под различными названиями. Чаще всего это — «гривна».

В 1161 г. ювелир Лазарь Богша, выполняя заказ полоцкой княгини Евфросиньи, изготовил шестиконечный напрестольный крест из дерева, покрытого золотыми и серебряными пластинами с цветными эмалями и драгоценными камнями. На поверхности этого шедевра Лазарь вырезал надписи, одна из которых гласит: «Чьстьное древо бесценьно есть, а кованье его, злато и сребро, и каменье, и жьнчуг (жемчуг.— *В. Р.*) в 100 гривнъ, а [работа] 40 гривнъ». Итак, золото, серебро, камни и жемчуг обошлись княгине в 100 гривен, а плата мастеру — в 40 гривен (в то время за эту сумму гривен можно было соорудить бревенчатую мостовую протяженностью до трех верст).

20 августа 1959 г. при земляных работах в Витебске найдена берестяная грамота, датируемая рубежом XIII и XIV вв., с текстом следующего содержания: «От Степана ко Нежилови. Оже еси продало порты, а коупи ми жита за 6 гривен. А ли цего еси не продело, а посли ми лицем. А ли еси продало, а добро сотворя, оукоупи ми жита» («От Степана к Нежилу. Если ты продал одежды, то купи мне на 6 гривен ячменя, а если чего-либо не продал, то пошли мне [деньги] в наличности. Если же продал, то окажи милость — купи мне ячменя»). По-видимому, это послание принадлежало новгородцу, направившему его своему торговому агенту в Витебске.

Рис. 22. **Человек с гривнами-слитками в левой руке (слева); святой Георгий, держащий в правой руке гривны, «раздавает имение свое нищим» (справа).** Миниатюра конца XIII — начала XIV в.

6 гривен — сумма, на которую можно было купить 300 овчин, 2 кобылы или 3 коровы.

Слитки-гривны стали первыми рублями, а половинные их обрубки (разрубались только новгородские и западнорусские) первыми полтинами[1].

В новгородских берестяных грамотах читаем: «А цто рубль дать Игнату, и ты дай», «Дай нам ржи на полтину» и т. д.

В применении к западнорусскому типу слитков нередко употреблялось слово «изрой».

Упоминавшаяся выше грамота рижских ратманов к витебскому князю Михаилу Константиновичу излагает следующую историю: «Как то Немчи послали свое кони из Смоленска у Витебск... Ты, княжо, тые кони обизрел (осмотрел.— *В. Р.*) и улюбил еси одиного коня... Тии люди рекли: княжо, мы коня не дамы ни продамы его... И ты, княжо, давал еси на кони 10 изроев, и они не взяли. То ты рекл, княжо: дайте вы мне конь, я вас провожю из Смоленьска и сквозе Касплю Лучаны, хочю проводити с коньми и до Полотьска, то дали тобе конь по твоему слову».

Получив коня, князь вначале как-будто выполняет свое обещание: в Смоленск прибывает его подданный — Прокопий, чтобы обеспечить охрану купцов. Они уже собрались в дорогу, но Прокопий неожиданно заявил, что не желает ехать на ночь глядя («Не могу я из света во тму ехати»), и исчезает. «Княжо, — укоряют Михаила ратманы, — аже бы (если бы.— *В. Р.*) ты у своем слове

[1] В 1979 г. у деревни Вищин Рогачевского района Гомельской области археологической экспедицией Белгосуниверситета открыт денежно-вещевой клад середины XIII в. В нем оказалось 18 слитков, представленных всеми тремя названными их видами.

Рис. 23. **Вищинский клад в момент обнаружения**

стоял, а нашю братию проводил бы, мы быхом не поминали того коня, а ны (теперь.— *В. Р.*) отдай нам коня а любо (или.— *В. Р.*) 10 изроев... или того не даси — ни коня ни сребра».

Брат витебского князя оказался столь же бесцеремонным торговым партнером рижан: «А се обиду поведаем про Ильбранта, что твой брат торговал с ним на 30 изроев. 17 изроев заплатил, а тринадесят изроев не заплатил».

Итак, *реальными* платежными единицами были по сути только серебряные слитки. Правда, существовали и гривны, *отлитые в золоте, но они употреблялись крайне редко.* Этот вид денег упомянут в «Житии преподобного отца нашего Феодосия». Эконом монастыря пожаловался игумену: «Не имам купити еже на ядь (не имею на что купить еды.— *В. Р.*) братии и на ину потребу». Феодосий обращается за вспомоществованием к богу. Результат не замедлил сказаться: в келью молящегося игумена «влезе светел отрок... И положив на стлпе (столпе.— *В. Р.*) гривну злата». Это «чудо» подтверждается и показаниями монастырского «вратаря» (сторожа), который клянется, что все двери были заперты, и обычный человек не мог пройти через них «всю нощ».

Следует отметить, что понятие «гривна» (как для серебра, так и для золота) выступало не только в роли денежного номинала, но и как весовая единица. Грамота великого князя Мстислава

Владимировича (1125—1132) новгородскому Юрьеву монастырю упоминает «блюдо серебрьно в 30 гривн серебра», а «Киево-Печерский патерик» называет «пояс, имущ веса 50 гривн злата».

«Ипатьевская летопись» сообщает о завещаниях минского князя Глеба Всеславича (1119) и его супруги (1158) следующее: «Представися блаженная княгиня Глебовая Всеславича... И положена бысть в Печерском монастыри... Глеб же вда в животе своем (при жизни своей.— *В. Р.*) с княгинею 600 гривен серебра а 50 гривен золота, а по княжи животе (после смерти князя.— *В. Р.*) княгини вда 100 гривен серебра а 50 гривен золота».

Несмотря на скудость средств рыночного обращения и платежа, безмонетный период обладал довольно сложной денежно-весовой системой. Письменные источники продолжают упоминать денежные названия, большинство из которых возникло в X—XI вв. для обозначения дирхамов, денариев и их частей: ногата, куна (куница), резана, векша или веверица (белка). Трудно сказать, что именно скрывалось за этими терминами. Скорее всего, они определяли дробные по отношению к гривне весовые и счетные понятия.

Самой мелкой единицей была векша. «Златоструй» (XII в.) говорит о ней как о совершенно ничтожной сумме: «Вельми убог есть, яко и двою векшу не имееть» («Очень беден — даже двух векш не имеет»). «Пандекты Никона Черноризца» (1296) рекомендуют для спасения души ежедневно «даяти 5 вевериц нищим».

Автор «Слова о полку Игореве», упрекая трубчевского князя Всеволода, не пришедшего на помощь брату — новгород-северскому князю Игорю, восклицает: «Аже бы ты был, то была бы чага (рабыня.— *В. Р.*) по ногате, а кощей (раб.— *В. Р.*) по резане» (т. е. сражение с половцами было бы выиграно, а пленных оказалось бы так много, что на них установилась бы низкая продажная цена).

Интересно отметить, что прибалтийские немцы восприняли слово «ногата» в качестве понятия «деньги». «Ливонская хроника» под 1210 г. сообщает: «Великий король Новгорода, а также король Пскова (новгородский и псковский князья.— *В. Р.*) со всеми своими русскими... осадили зимой замок Оденпэ... Осажденные просили мира у русских. Те согласились на мир... получили 400 марок ногат». В 1212 г., рассказывает этот же источник, «Великий король Новгорода Мстислав... осадил замок Варболэ... Осажденные обещали ему дать семьсот марок ногат, если он отступит, и он возвратился в свою землю».

«Митрополичье правосудие» (XIII в.) определяет размеры штрафов за кражу птиц и животных: «...за голубь 9 кун, за гусь 30 кун, за лебедь 30 кун, за жеравь 30 кун, за кошку 3 гривны, за собаку 3 гривны, за кобылу 60 кун, за вол 3 гривны, за корову 40 кун... за боран ногата, за порося ногата, за овцу 5 кун, за жеребца гривна» (обращает на себя внимание высокая стоимость кошки и собаки: только вол может соперничать с ними «на равных»!).

Слово «куны», еще в XI в. использовавшееся для обозначения денег вообще, к концу XII в. вытесняет конкурировав-

шее с ним слово «скот», а в XIII в. употребляется наряду с понятием «серебро». В собирательном, «денежном» смысле куны упомянуты в грамоте 1289 г.: волынский князь налагает на жителей Берестья (Бреста) «за их коромолу (непослушание.— *В. Р.*)» контрибуцию «по 4 гривны кун».

Как все же осуществлялись мелкие, т. е. самые массовые, повседневные торговые операции на Руси безмонетного периода?

Большинство исследователей считает, что в качестве разменных денег могли выступать шкурки пушных зверей. В пользу этого мнения существуют как денежные термины «куна», «векша», так и письменные источники. Ал-Гарнати отмечает поразивший его факт использования «русами» вместо монет беличьих шкурок. «Слово о полку Игореве» как бы повторяет это сообщение: «Погании сами победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле от двора» («Язычники сами, нападая победно на землю Русскую, брали дань по белке со двора»). Плано Карпини рассказывает, что наместник ханов Куюка и Батыя обложил русских данью: каждый мужчина должен был выплачивать ее медвежьей или лосьей шкурами, бобровым, соболиным или хорьковым мехами. «Ходячей монетой русских служат шкурки разных пушных зверей, горностаев и белок»,— сообщает Рубруквис. В «Великом сочинении» (1260) английского мыслителя Роджера Бэкона указывается: «Русцены (русские.— *В. Р.*)... имеют в качестве денежного знака шкурки пушных зверей».

Часть историков полагает, что роль заменителей монет могли играть и другие, более или менее распространенные стандартные товары с относительно стабильной стоимостью. Из числа их обычно называются овручские сланцевые пряслица или раковины каури.

По отношению к древним землям Беларуси эти гипотезы не находят достаточно веских подтверждений: здесь зарегистирированы лишь несколько сотен овручских пряслиц, извлеченных из культурных слоев при археологических исследованиях Минска, Полоцка и других городов, но неизвестных в виде кладовых захоронений; еще более редки единичные находки раковин каури, концентрирующиеся к тому же на ограниченной территории белорусского севера — в верхнем Подвинье. Малочисленность обнаруженных к настоящему времени как сланцевых пряслиц, так и каури делает очень сомнительными утверждения о возможности сколько-нибудь широкого их использования в качестве денег на Западных землях Руси. Вероятнее всего, в безмонетный период процессы купли-продажи выражались здесь преимущественно в форме непосредственного обмена одного товара на другой, а также в распространении пушных «денег».

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ БЕЛАРУСИ В XIV — конце XV в.

Пражский грош

Время и основной путь его поступлений

Топография находок на территории Беларуси

Счетно-денежные понятия

Первые монеты Великого княжества Литовского — денарии (пенязи), дирхамы и пулы Золотой Орды, шиллинги Ливонского ордена

Белорусские топографии их находок

«Угорские» Венгрии и «корабельники» Англии

ГЛАВА VI

В XIV—XV вв. окончательно складывается белорусская народность с ее специфическими национальными чертами. Серединой XIV в. датируется первое упоминание «Белой Руси»[1]. Процесс вхождения ее земель в состав Великого княжества Литовского, начавшийся в XIII в., приобретает необратимый характер в XIV в. и практически завершается в начале XV в.

В 1307 г. Витень (1293—1315) присоединяет к своим владениям Полоцк. Его брат Гедимин (1316—1341)[2] — основатель династии Гедиминовичей, овладевает в 1320 г. Витебским княжеством[3], в 1325 г.— Берестейской (Брестской) землей, около 1335 г.— Гомелем; с 1316 по 1341 г.— Минской и Турово-Пинской землями. При нем (около 1323 г.) столицей Великого княжества Литовского становится Вильно.

Сын Гедимина Ольгерд (1345—1377)[4] — основатель династии Ольгердовичей, расширяет границы унаследованной державы вдвое: около 1355 г. захватывает Брянское княжество; одержав в 1363 г. победу у реки Синие Воды над объединенными силами трех русских князей, вассалов Золотой Орды, овладевает в последующее время огромными территориями — от устья реки Серет до Черного моря, бассейнами Днестра, Южного Буга, Южного Поднепровья, почти всей Чернигово-Северской, Подольской, Переяславской и Волынской землями, Смоленским княжеством; сажает на престолы Киева и Пскова сыновей Владимира и Андрея.

---

[1] Термины «Беларусь», «Белоруссия» вошли в употребление позже — с XVI в.

[2] Происходил, по-видимому, из полоцких князей. Опирался на крупнейших белорусских феодалов — Василия Полоцкого, Давида Городенского и др. Его сыновья стали родоначальниками многих знаменитых княжеских фамилий: Наримунт (Глеб) — Голицыных, Патрикеевых, Хованских, Куракиных, Пинских, Булгаковых; Евнут (Иван) — Заславских и др.

[3] Путем династического брака — женив в 1318 г. сына Ольгерда на княжне Витебской Марии Ярославне.

[4] При поддержке брата Кейстута, князя Трокского, Жемайтского и Городенского, овладел великокняжеским престолом — свергнув младшего брата Евнута (между 1341 и 1342—1345). В благодарность Кейстуту сделал его в 1345 г. своим соправителем.

Сын Ольгерда Ягайло (Йогайла, Ягелло; 1377—1401 гг.),— основатель династии Ягеллонов[1], в 1387 г. завоевывает Галицкую Русь.

14 августа 1385 г. в белорусском местечке Крево между Великим княжеством Литовским и Польшей заключена личная уния[2], вызванная необходимостью объединения сил для борьбы с усилившимся наступлением Тевтонского ордена, обосновавшегося в Прибалтике.

18 февраля 1386 г. этот союз закрепляется женитьбой Ягайло на польской королеве Ядвиге. Оставаясь великим князем, он провозглашается королем Польши под именем Владислава II Ягелло.

Над Великим княжеством Литовским нависает реальная угроза потери государственной самостоятельности, так как Ягайло начинает проводить активную политику окатоличивания и полонизации белорусского, украинского и русского православного населения[3] своего домена. В 1387 г. он издает привилей, согласно которому феодалы, перешедшие в католичество, получают дополнительные привилегии.

Эти действия вызывают естественное сопротивление православных магнатов: уже в 1386 г. против великого князя выступают полоцкий (Андрей Ольгердович) и смоленский (Святослав Иванович) князья; в 1389—1392 гг. борьбу против него возглавляет князь городенский и трокский Витовт — сын Кейстута[4].

5 августа 1392 г. в имении Острово под Лидой Ягайло вынужден подписать с Витовтом соглашение, гарантирующее независимость Великого княжества и расширение прав его феодалов. Витовт объявлен наместником «верховного князя» Ягайло, т. е. фактически признан великим князем.

Это соглашение не привело к ликвидации противоречий между противоборствующими сторонами. Противостояние «верховного князя» и его наместника продолжается...

---

[1] Впоследствии представители этой могущественной династии становились обладателями венгерского и чешского тронов: сын Ягайло Владислав III Варненьчик — король Польши (1434—1444), он же как Владислав I — король Венгрии (1440—1444); Владислав II — король Чехии (1471—1516) и Венгрии (1490—1516 г.); Людовик I — король Чехии (1516—1526), он же как Людовик II — король Венгрии (1516—1526).

[2] Личная (персональная) уния — политический союз между двумя (или более) державами, олицетворяемый единым монархом. Ее участники сохраняют государственную самостоятельность во всех (за исключением внешней политики) сферах своей жизни.

[3] Собственно литовские земли до конца XIV в. оставались языческими. Христианство (в форме католицизма) объявлено здесь государственной религией лишь в 1387 г.

[4] Кейстут, боровшийся с Ягайло с 1381 г., погиб в 1392 г.

В 1401 г. заключено новое — Виленско-Радомское соглашение (ратифицировано литовской стороной в Вильно 18 января, польской — в Радоме 11 марта), объявившее о государственном и политическом союзе Великого княжества Литовского и Польши. Польские феодалы обязались избирать короля только с согласия феодалов литовских. Подтверждены юридические основы равноправия княжества и королевства как партнеров по унии. Витовт официально провозглашен великим князем Литовским.

В период своего наместничества (1392—1401) и великокняжения (1401—1430) он существенно расширил территорию Великого княжества Литовского: в 1399 г. сумел отнять у татар Южную Подолию; в 1404 г. овладел Смоленском (отделился от Великого княжества в 1401 г.); в 1408 г. после войны с Московским государством добился установления русско-литовской границы по рекам Ока и Угра.

В 1409 г. началась «Великая война» между Великим княжеством Литовским и Польшей, с одной стороны, Тевтонским орденом — с другой. 15 июля 1410 г. в битве при Грюнвальде рыцарское войско разгромлено наголову. Эта победа, нанесшая Ордену смертельный удар, пресекла его экспансию на Восток. По Торуньскому миру 1411 г. Великому княжеству возвращена Жемайтия, отнятая у него тевтонцами перед войной.

2 октября 1413 г. в городе Городле (на Западном Буге) Великое княжество Литовское и Польша заключают унию, юридически закрепленную тремя совместными грамотами Витовта и Владислава II Ягеллы. Две из них подчеркивали обязательность взаимных консультаций сторон при избрании как великого князя, так и короля. Третья — расширяла права феодалов-католиков (в частности, предоставляла им преимущественное право на занятие государственных должностей).

По смерти Витовта великим князем становится представитель рода Ольгердовичей — Свидригайло (1430—1432). В своей внутренней политике он опирался на православных белорусских и украинских феодалов. Это вызывало недовольство католической знати Литвы, которая при содействии Польши возвела на великокняжеский трон Гедиминовича — брата Витовта Сигизмунда Кейстутовича (1432—1440).

Свергнутый Свидригайло, поддержанный православными феодалами и горожанами Полоцкой, Витебской, Смоленской, Чернигово-Северской, Киевской, Волынской и Подольской земель, заключил союз с ливонским и тевтонским рыцарством и выступил против Сигизмунда Кейстутовича.

В 1434 г. Сигизмунд Кейстутович и Владислав II Ягайло подписывают привилей, расширяющий имущественные и политические права православных феодалов. Значительная часть последних покидает Свидригайлу.

В 1436 г. Сигизмунд Кейстутович овладевает Полоцком и Витебском. Свидригайло бежит на Украину, где в 1439 г. терпит окончательное поражение.

В 1440 г. на престол Великого княжества Литовского возвращаются Ягеллоны в лице Казимира Ягеллончика (1440—1492)[1].

Феодальные отношения в Беларуси, составившей ядро Великого княжества Литовского, претерпевают существенные изменения, выразившиеся, в частности, в бурном росте крупных магнатских владений (фольварков) за счет общинных крестьянских земель (дворищ) и в ускорении процессов закрепощения крестьян.

Сельское хозяйство сохраняло преимущественно натуральный характер. Преобладающими видами феодальных поборов в деревне были натуральная (оброк продуктами) и, в меньшей мере, отработочная ренты.

С конца XV в. положение стало меняться. Неуклонный прогресс в развитии товарно-денежных отношений постоянно возбуждал «денежный голод» крупных землевладельцев, что вело к изменениям в характере и методах эксплуатации крестьян. В фольварочном хозяйстве, расширяющем производство продукции стабильного рыночного спроса, усиливается отработочная рента, все чаще дополняемая рентой денежной (чиншем).

Источники конца XV в. называют 48 белорусских местечек и городов. При росте старых торгово-ремесленных центров возникают новые — чаще всего небольшие, порою из нескольких десятков домов местечки. Увеличение городского населения и расширение масштабов ремесленного производства повышают спрос на продовольственные и сельскохозяйственные продукты, что активизирует выпуск сельскохозяйственной товарной массы.

В городах Беларуси трудились объединявшиеся в цехи ремесленники 20—30 специальностей. Великокняжеская власть и феодалы были заинтересованы в развитии городской торговли, являвшейся одним из существеннейших источников их доходов.

Вследствие этого крупнейшие города получали магдебургское право — комплекс юридических норм, закреплявших за их жителями социально-экономические и политические привилегии, права на самоуправление и суд, регламентировавшие ремесленное производство и торговлю.

Основными из этих благ пользовались наиболее богатые горожане — «мужи», под непосредственной властью которых находилось большинство населения — «люди». В свою очередь, деятельность «мужей» в органах городского самоуправления контролировалась наместниками великого князя.

---

[1] Как король Польши (с 1447) — Казимир IV Ягеллончик.

Регулярными становятся городские и местечковые ярмарки, привлекавшие не только местных, но и многочисленных зарубежных купцов из Руси, Польши, Прибалтики, Валахии, Венгрии, Чехии, Германии, Крыма, Турции, Ирана. На международные рынки отправлялись меха, кожи, щетина, скот, сало, воск, лес, разнообразные ремесленные изделия. Импортировались хлеб, сельдь, соль, виноградные вина, полотно, сукно, шелк, бархат, олово, медь, серебро, золото, драгоценные и полудрагоценные камни, галантерея, пергамент, бумага.

Сохранилось значительное количество сведений, характеризующих высокую степень внешнеторговой активности Беларуси. С особой полнотой источники этого рода представлены документами, относящимися к связям Полоцка и Прибалтики.

Договор между полочанами и «немцами» (рижанами), подписанный около 1330 г., подробно излагает порядок торговых сделок обеих сторон, устанавливает весовые нормы для продажи различных товаров, размеры торговых пошлин, требует изъятия с рынков недоброкачественных продуктов: «Ажо привезет полочанин у Ригу нечистый товар... поиехати ему назад со своим товаром, а свой князь тамо казнит (накажет.— *В. Р.*) его. Аже найдут у немец нечистый товар у русской земли, поити ему назад с товаром у Ригу, там его свой князь судит».

Великокняжеская грамота от 6 марта 1399 г. велит «у Полоцку Полочаном... чинити Немцем всеу правду и ву всей торговли и во всяком торговом деле», требуя «тако же и у Ризе... Полоцаном чинити».

6 марта 1400 г. великий князь направляет рижскому бургомистру послание, подчеркивающее необходимость дружественных отношений между купцами обеих сторон: «Итож у Полоцку Полочаном, добрым людем целовати крест на том, што им чинить Немцем все управду — и у весех (весах.— *В. Р.*), и у торговли, и во всем торговом деле; а також у Ризе Полочяном целовати крест Немцем, добрым людем на том, што Полочяном чинить все управду — и у весех, и у торговли, и во всем торговом деле».

Полоцко-рижский договор, подписанный 23 мая 1405 г., указывает на необходимость «Полочаном стеречи Немечьских купцев как своя братья... Тако же... Полочаном у Ризе чинити». Здесь же подчеркивается, что политические трения между Ливонским орденом и Великим княжеством Литовским не должны нарушать торговых контактов сторон: «Потом, ажь бы какое стало нелюбье межи местеря (между магистром.— *В. Р.*) и князя великого... любо межю бояров... любо дворянов на обе стороны, в тое купьцем не уступатися: купьцеви приехати, отъехати чисто (свободно.— *В. Р.*) всегды».

Июньский договор 1405 г. устанавливает для рижан нормы оптовой торговли в Полоцке, запрещая им продавать товары в розницу. Сделки между купцами Риги, Новгорода и Москвы допускаются лишь при посредничестве полочан: «А с Новгородци Немецькому купцу торговати, а промежи има ходити нашему Полочанину. А с Москвичи торговати вашим Немцем, также нашему Полочанину межи ими ходити, торговати». Важнейший пункт этого договора — требование личной неприкосновенности полочан в Риге и рижан в Полоцке: «Аще которы Немчин извинится (провинится.— *В. Р.*) у Полотьсце, того Немчина отослати в Ригу... А же Полочанин извинится у Ризе, ино его послати у Польтеск, и тамо его свои и казнять по своей правде».

В 1407 г. между Полоцком и Ригой заключен договор о свободной торговле. Полочане на рижском, а рижане на полоцком рынках не должны заниматься «малою торговлею, которую розницею зовут». Как Полоцк, так и Рига обязуются пропускать «гостей» в какую угодно землю «сухим» или водным путем. Полочанин, совершивший преступление в Риге, должен быть отправлен для суда на родину; такая же участь ожидает и правонарушителя-рижанина в Полоцке. Как в Полоцке, так и в Риге соль следует взвешивать одними и теми же весовыми эталонами — «колоколами». Весовщики серебра допускаются к работе лишь присягнув на кресте, что будут честно выполнять свои обязанности. Для полочан в Риге и рижан в Полоцке установлены одинаковые торговые пошлины.

«Ваши пусть к нам едут чисто, а наши к вам едут чисто; а вам блюсти Полочанина как бы своего Немчина, а мы хочем вашего Немчина блюсти как бы своего Полочанина», — пишет полоцкий наместник рижскому магистрату 26 августа 1409 г. В этом же послании содержится протест против задержания в Риге полочан и их товаров. Наместник сообщает, что предпринял такую же акцию по отношению к приезжим рижанам: «И ино которые наши торговци восхотят на конях ехати, и коль к нам взъедуть, тогды мы ваш товар отпустим к вам на низ (по течению Западной Двины.— *В. Р.*), которыи поторгованыи воск а белку. А коль паки будуть наши люди в нас и вси с товаром, што на струзех (стругах, судах.— *В. Р.*) идут, мы паки тогды ваш товар отпустим. Хто паки хочет торговати — торгуй, а хто хочет поехати — поедь доброволно».

12 января, а затем 17 февраля 1465 г. полочане обращаются к рижанам. «Поветрие», от которого поумирали в Риге полоцкие купцы, «унялось», пишут они, и поэтому предлагают возобновление торговых контактов: «штобы там (в Риге.— *В. Р.*) наших Полочан пропускали доброволно... каждому бы волно ехати, кому до кого дело будет; своим Рижаном, кому

надобе до Полоцка ездити, как и прежь было, быхмо (чтобы.— *В. Р.*) промеж себе куплю мели, нехаи бы уже добровольно ездили».

2 марта 1475 г. «от бояр Полоцькых, и мещан, и всего поспольства (общества.— *В. Р.*) Полоцького места» рижанам направлено письмо: «...велите своим купцом к нам ехати и с своими куплями; а мы своим и также велим к вам ехати до Риги, как и первей перед сим было».

В ходе интенсивных торговых связей Полоцка и Риги нередко возникали конфликтные ситуации, подобные августовскому казусу 1409 г.

22 июля 1478 г. полоцкие власти, укоряя рижан, напоминают им, что еще в 1466 г. «съшли наши Полоцькыи стругы наемныи и ненаемныи, с своими товары и по свои товары... и они бурмистрове и ратманове наших товаров Полоцькых не выдали, и стругы нашы полоцькыи пошьли на гору (вернулись в Полоцк.— *В. Р.*) порожьнии».

Около 1479 г. полочане вновь жалуются рижскому магистрату: «Князь ваш мештер (магистр.— *В. Р.*) Полочаном у Ризе торговати не дал, а ещо и товар у них пограбил, и суды отоимал... что они пеши пришли к Полоцку — такую им соромоту учинил, ино (даже.— *В. Р.*) не им соромоту учинил, осподарю нашому князю великому соромоту чинит... Вы бы князю своему мештерю говорили, штобы купцом Полочаном товар их отдал; а не всхочет ли отдати, ино зде у Полоцку ваших купцов полно, и мы против велим товар у ваших забавити (отнять.— *В. Р.*)... А дасть ли пан князь ваш мештер купцом Полочаном за море путь чист, а у нас вашим купцом Ризким путь чист к Витебску и к Смоленску».

Не менее прочные, чем с Ригой, торговые отношения сложились у Великого княжества Литовского и с Русью (особенно с северо-западными ее областями). Об этом, в частности, свидетельствуют две великокняжеские грамоты 1440 г., одна из которых адресована Пскову, другая — Новгороду. Первая из них сообщает: «...послу, из нашее земли из Литовское и гостю — или Лях (поляк.— *В. Р.*), или Русин, или Полочанин, или Витблянин, или Смолнянин — тым путь чыст изо всее моее отчыны в Псковскую землю». Вторая грамота гласит: «А што моих людей — или Литвин, или Витблянин, или Полочанин, или Смолнянин, или с иных нашых Русских земль — тым путь чыст изо всее моее отчыны: торговати им в Новегороде безо всякое пакости, по старине... Також и Новгородцем изо всее Новгородское волости торговати без пакости по всей Литовской земли».

Экономическое развитие Беларуси в XIV—XV вв. привело к образованию нового фонда средств рыночного обращения и платежа, качественно и количественно отличавшегося от денежного хозяйства безмонетного периода.

XIII в. оставил такие понятия, как «гривна», «рубль» и «полтина» («пол рубля»). Гривна выступает как весовая единица серебра, иногда по традиции именуемая и рублем. Вначале бытовала пражская гривна (210—229 г), но во второй половине XV в. ее вытеснила краковская (197,68 г). Этот весовой эталон делился на 4 вярдунка (фертона), 24 скотца (скойца) или 96 кварт.

Одновременно гривна представлена и денежной единицей безмонетного периода в виде серебряных слитков и их половинных фракций — полтин (литовского и реже новгородского типов).

«Привилей», данный князем Витовтом брестским евреям 2 июля 1388 г., позволяет присягать на «Книгах Моисеевых» (Ветхом завете) лишь в случаях, когда клятва связана с вещью, стоящей не менее чем «пятдесят гривен серебра литого»[1].

В 1398 г. золотоордынский хан Тимур Кутлуг «прииде к Киеву и взя из города окуп 3000 рублев литовских».

В 1417 г. Витовт «позычил» Владиславу II (Ягайле) 500 «рублей литовских чистого серебра».

Новгород в 1427 г. выплатил Витовту 15 000 рублей, а Псков несколько ранее — 1000.

Перечень подарков, привезенных псковичами Казимиру Ягеллончику в августе 1480 г., называет как рубли, так и полтины: «...давали королю поминки от Пскова: королю пять рублев. Посадник Василей от себе дал королю рубль, Юрьи от себе дал полтину королю. Королевичом (сыновьям Казимира.— *В. Р.*) дали Василей и Юрьи по полтине... Королевой (супруге Казимира.— *В. Р.*) от Пскова рубль, а посадник дал полтину».

По-видимому, к последней четверти XIV — первой половине XV в. относятся выпуски маленькой серебряной монетки — литовского денария («пенезя», «пенязя»)[2]. На некоторых его разновидностях помещалась надпись «ПЕЧАТ» (т. е. «печать» — знак великого князя).

Эти эмиссии не отразились сколько-нибудь заметным образом на фонде денежного обращения Беларуси: до настоящего времени не зарегистрировано ни одного случая открытия клада денариев на ее территории; известны лишь единичные их находки, происходящие преимущественно из

---

[1] Словосочетание «серебро литое» повторяется в параллельном белорусскому латинском тексте этого документа (...quinquaginta marcas argenti fusi), но в польском варианте эпитет «литое» опущен (...piecdziesiąt grzywien srebra). Эта деталь, с одной стороны, доказывает, что речь идет именно о денежной (т. е. о рубле-слитке), а не весовой гривне; с другой стороны, свидетельствует, что термин «гривна» продолжает использоваться в роли синонима понятию «рубль»

[2] Мнения исследователей по вопросу о времени чеканки этих монет разноречивы. Вероятнее всего, ее начал в 1387 г. Ягелло.

могильников (жальников) на белорусско-литовском пограничье (север Гродненской области).

Таким образом, собственно литовские средства денежного обращения были представлены слишком крупными (рублями, полтинами) номиналами — с одной стороны, и слишком мелкими (денариями) — с другой. Они, естественно, не могли в полной мере удовлетворить запросы развивающегося товарооборота, требовавшего более разнообразных и «гибких» денежных единиц...

В июле 1300 г. в чешском городе Кутна Гора начата чеканка крупной серебряной монеты, получившей название ***пражского гроша*** (по реверсной легенде — GROSSI PRAGENSES). Вскоре кутногорские эмиссии завоевали общеевропейское признание. Они стали основой денежного хозяйства Великого княжества Литовского вплоть до конца XV в. (именно поэтому XIV—XV вв. определяются в нумизматике как «период пражского гроша»).

В белорусских письменных источниках пражский грош фигурирует обычно в сопровождении эпитетов, подчеркивающих его большой размер («широкий») и полноценность («добрый»), иногда — происхождение («прагский», «ческий»). Нередко, однако, термин «грош» упоминается и в «чистом», без эпитета виде.

Прямым следствием распространения в княжестве чешской монеты явилось упрочение на его рынках счетно-денежных понятий — ***копы*** и ***полукопы***, ***рубля*** и ***полтины***. Копой определялась сумма в 60 грошей. Первые три четверти XIV в. она почти соответствовала термину «рубль», так как по содержанию серебра была близка к весовой гривне-рублю. Неуклонное падение качества пражских грошей (с конца первой половины XIV в.) привело к увеличению их количества в весовом рубле до 96 (к концу века), а затем — до 100 (с 1413 г.). В конечном итоге счетным понятием «рубль» стала определяться сумма в 100, а полтиной — в 50 грошей. Копа же по-прежнему соответствовала 60 грошам.

Временем около 1377 г. датируется грамота княгини Юльяны, жалующая Успенской церкви в Озерищах (ныне — Марьиногорский район Минской области) право на взимание дани «по полу копе гроший».

В 1383 г. магистр Ливонского ордена Вильгельм фон Браймерсхайм посылает великому князю Ягайле ноту протеста, в которой жалуется на то, что княжество задерживает в плену рыцарей, отпустив лишь 21 из них, «стоящих не более чем по 4 копы грошей». Орденом же, напоминает магистр, «литовские полоненные, которые стоили 1200 коп грошей» освобождены безвозмездно.

Особый интерес представляет купчая 1392 г., оформившая продажу боярином Ошмянской волости Якубом Милошевичем «на реке Илии нивы, сеножати, гонов бобровых... за еденасце (одиннадцать.— *В. Р.*) коп добрых шероких гроши ческой

монеты личбы (счета.— *В. Р.*) польской». На первый взгляд может показаться, что копный счет в этой сделке основан на какой-то новой системе. Однако это не так: понятия «копа» и «личба польская», фигурирующие в этом документе, синонимичны[1].

28 мая 1454 г. Яцко, управитель соляных копей и откупщик таможенных пошлин Великого княжества Литовского, жалуется на неуплату ему долга в «50 без одной (49.— *В. Р.*) коп грошей широких монеты Прагской».

Великокняжеская грамота от 24 мая 1484 г. определяет общую стоимость трехлетнего откупа города Новогрудка в 230 «коп широких грошей и два сороки (дважды по сорок, восемьдесят.— *В. Р.*) соболей».

Случалось, что термин «копа» как эквивалент 60-грошовой суммы употреблялся самостоятельно — в отрыве от слова «грош». Например, 15 января 1463 г. Казимир Ягеллончик подписывает грамоту, позволяющую брестчанину Левону Шоломовичу «Неверов село держати, што у Невера (прежнего владельца.— *В. Р.*) купил за 100 коп».

Рублевый счет, менее распространенный, чем копный, нередко использовался в сочетании с последним (в этих случаях им, как правило, определялись размеры «вин» — штрафов).

В конце XIV — начале XV в. некий Миколай Довгялович продал расположенные в Василишковской волости (Гродненщина) «две нивки земли... на имя Бекришки за три копы грошей». Купчая, составленная по этому поводу, предупреждает, что сам Миколай, его родственники и потомки бесповоротно лишаются права претендовать на возврат этих земель под угрозой «вины в пять рублев грошей».

В одной из грамот Казимира Ягеллончика, относящейся к 1480-м гг., определяются стоимость питейных откупов и размеры штрафов за их нарушение: «...2 копы с корчом Лидских, а рубль вины в Браславли... 6 коп с корчом Керновских, а 6 коп с мыта Менского, а 2 рубли у Василишках з вин... полтина з вин в Городне... 10 рублев вин в Полоцку».

Рубль и полтина применялись также и вне связи с копным счетом. Грамота 1440 г. содержит перечень взимаемых князем с жителей Полотчины и Витебщины податей: «На кунице взяти мне, князю Великому, рубль, а тивуну (тиуну, должностному лицу местной администрации.— *В. Р.*) полтина. На Березовцы взяти мне, князю Великому, полтора рубли да 20 куниц... а в Сенине полрубля, а в Жабне 12 куниц да 20 белок». Этот документ, как и цитировавшаяся выше более поздняя (от

---

[1] Даже спустя столетие копа рассматривалась как образец польского, а не литовского счета: 20 января 1495 г. киевский ключник Сенко Полозович «купил селище на имя (по названию.— *В. Р.*) Бугаев... за двесте коп широких грошей Ческое монеты а Польское личбы — личачи по шестидесят грошей в копу».

24 мая 1484 г.) грамота, свидетельствует, что меха пушного зверя продолжали, как и в безмонетный период, функционировать в качестве денег и даже передали одно из своих названий («куница») денежной повинности.

В 1463 г. Троицкий собор в городе Мстиславле получил право на сбор дани по «два рубля грошей».

Во второй половине XV в. в рыночный обиход Беларуси включается еще одно счетно-денежное понятие — польская ***гривна***, определяющая сумму в 48 пражских грошей. В 1488 г. боярин Талько Некрашевич жалуется суду города Слонима на своих невесток, отказывающихся передать ему принадлежавшие его покойным братьям земельные участки. Судьи принимают решение: Талько «невесткам своим мает дати одной тридцать гривен, а другой сорок гривен [грошей], а заплативши тые пенязи (деньги.— *В. Р.*), мает именье взять все к своей руце.»

Состав белорусских кладов пражского гроша по сути однороден: порядка 96 % содержащихся в них монет принадлежат эмиссиям Вацлава IV (1378—1419), а на долю всех его предшественников на чешском престоле приходится лишь около 4 %.

Приток пражских грошей начался, очевидно, уже в первой трети XIV в. (самое раннее упоминание их в письменных источниках датируется 1337 г.). Если же обратиться к установлению времени сокрытия известных ныне кладов, то оказывается, что все они, при одном исключении[1], имеют младшими монетами гроши Вацлава IV. Таким образом, можно утверждать, что основная масса кутногорской денежной продукции поступила на территорию Беларуси между 1378 и 1419 гг.[2]

Пражский грош настолько прочно обосновался в Великом княжестве Литовском, что даже стал статьей экспорта на русские земли. Летописи Пскова и Новгорода под 1410 г. сообщают о принятии в обращение некоторых иноземных денег — в том числе и «грошей литовских». Если учесть, что первый грош княжества появился лишь в 1535 г. и что в начале XV в. самой распространенной на его рынках была чешская монета, становится ясным: псковский и новгородский летописцы приняли поступивший из «Литвы» пражский грош за литовский.

Основной путь притока пражских грошей шел из Чехии через Южную Польшу — Червоную Русь (Галицию) — Киев-

---

[1] Витебский клад 1926 г.: 792 пражских гроша — Карл I (1346—1378) — 6 экз.; Вацлав IV — 785 экз.; Георгий Подебрад (1457—1471) — 1 экз.

[2] Этот вывод находит подтверждение и в статистике письменных источников, содержащих сведения о пражских грошах: десятки их относятся к XV в., лишь единицы — к XIV в.

щину — Черниговщину. В Беларуси областью наиболее интенсивного их обращения было Поднепровье.

Прекращение Великим княжеством Литовским импорта чешского монетного серебра было вызвано внешними причинами: с 1419 г. Чехия вступает в полосу Гуситских войн и прекращает чеканку монеты. Выпуск пражского гроша, возобновленный в 1457 г., осуществлялся в значительно меньших, чем при Вацлаве IV, тиражах. Кутна Гора утратила значение крупнейшего эмиссионного центра Европы.

При господстве в денежном хозяйстве Беларуси пражского гроша здесь, помимо слитков и денариев, обращались и другие денежные единицы. Наиболее распространенными среди них были серебряные шиллинги Ливонского Ордена. Даже в официальных документах общегосударственного значения они выступают как общепризнанное платежное средство.

Впервые эти монеты упомянуты 2 июля 1388 г. «Привилеем» Витовта еврейскому населению Бреста: «...иж естли бы жид некоторый принужон был великою непригодою а часу ночного кликал бы кгвалту (и ночью звал бы на помощь.— *В. Р.*), а естли бы хрестияне не хотели помочи... каждый сусед повинен платити тридцать шелегов (шиллингов.— *В. Р.*)».

Областью наибольшего распространения этих монет были Полотчина и Витебщина.

Среди белорусских нумизматических находок XIV—XV вв. зарегистрированы несколько экземпляров серебряных (дирхамов) и медных (пулов[1]) монет Золотой Орды. Их малочисленность вполне закономерна: Беларусь избежала монголо-татарского завоевания (временной оккупации подверглась лишь юго-западная ее окраина — Брестчина). Массовый импорт пражских грошей исключал необходимость ввоза золотоордынских монет. Дирхемы и пулы встречаются преимущественно на юге современной Беларуси (Брестская и Гомельская области), т. е. на захваченных монголо-татарами землях и на граничивших с ними районах.

С последней четверти XV в. письменные источники систематически упоминают золотой венгерский («угорский», «вгорский») дукат[2].

Реестр подарков псковичей Казимиру Ягеллончику (1480), о котором говорилось ранее, отмечает, что королевой, кроме рубля и полтины, был получен и «золотой Угорский».

Грамота Казимира от 27 июля 1486 г. сообщает о сдаче в аренду ряда торговых пошлин в Гродно: «Продали есмо мостовое Городенское и бочечное... на два годы. Мают

[1] От лат. «фоллис».

[2] От лат. ducatus — герцогство. Стандартная масса этого номинала (независимо от его государственной принадлежности) — 3,5 г.

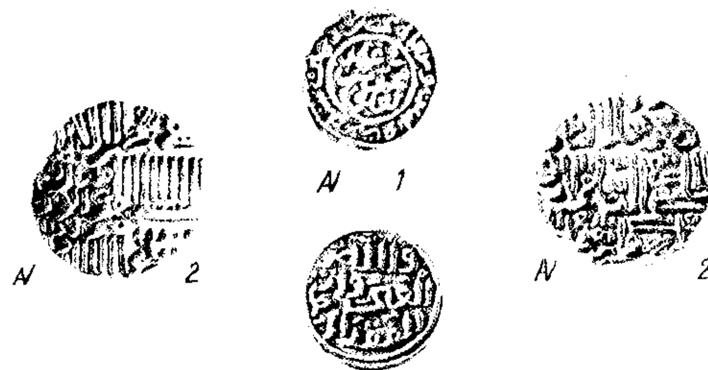

Рис. 24. **Индия,** гор. Дели. Тоглукиды, Мухаммад ибн Тоглук Мухры — *1.* 1335—1336 гг., *2.* 1341—1342 гг.

(арендаторы.— *В. Р.*) нам на год давати... по сту золотых вгорских и по сороку золотых».

Дукат в это время котировался по 21 пражскому грошу, о чем свидетельствует запись в приходно-расходных книгах Гродно за 1480-е гг.: «...а золоты тогды купован по грошу и двадцати грошей».

В денежном обращении участвует еще одна, более чем вдвое крупнее дуката, золотая монета — английский нобль, именуемый в источниках «корабельником»[1].

«Памятная запись» 1482 г. сообщает о суммах, поступивших в княжескую казну при продаже должностей наместников и старост: «Речицкое наместництво взял Квач, королю дал 8 карабелников; а старченне Речицкое взял Комар, королю дал 2 карабелники... Дано наместництво Могилевское Митку Стародубу, королю дал шестьдесят золотых вгорских... Юрко от Озерецкого наместництва дал 5 карабелник».

Среди нумизматических памятников XV в., открытых на территории Беларуси, особое место занимает уникальный клад, открытый в городе Слуцке в 1902 г.: из 20 содержавшихся в нем золотых монет известны четыре — два нобля Генриха IV Ланкастера (1399—1413) и два подражания мухрам султана города Дели в Индии Мухаммада ибн Тоглука (1325—1351).

Единичными экземплярами зарегистрированы другие монеты XIV—XV вв.: краковский грош (между 1337—1347), готландский денарий города Висби (между 1340 и 1400), мейсенский грош Саксонии времени Вильгельма I (1379—1407), медные

[1] От лат. nobilis — благородный; «корабельник» — по изображению на аверсе корабля

среднеазиатская монета Тимура (1370—1405) и турецкий мангыр города Эдирне, отчеканенный в 1452 г.

Во второй половине XIV в. слова «куны» и «серебро» как общее, собирательное обозначение денег вытесняются термином «пенези» или «пенязи» (множественное число от «пенезь», «пенязь»).

Жалованная грамота Витовта евреям-брестчанам от 2 июля 1388 г. запрещает «мынцарям» (монетчикам) задерживать лиц «с фальшивыми пенезми», предоставляя это право лишь посланцам воеводы; христианин, ударивший иудея «так, якобы криви не розлил... вдареному и ображеному (обиженному.— *В. Р.*) мает досыть вчинити яко шляхтичу (ответить так же, как за оскорбление шляхтича — *В. Р.*), а естли бы пенезей не мел, тогды за поступок, яко право найдеть (т.е. в соответствии с законом.— *В. Р.*) мает быти каран».

Великокняжеская грамота от 24 мая 1484 г. извещает об отдаче на откуп новогрудских таможенных пошлин: «Продали есьмо мыто Нашое... Илии Мойсеевичу и Рувиму Саковичу, Авраму Даниловичу и Еську Шелемовичу за двесте коп и за тридцать коп широких грошей и за два сороки соболей на три годы... А как первый год выйдет, ино им дати Нам третина пенезей; а как другой год выйдет, ино им дати Нам третина ж пенезей; а как третий год выдержат, ино им дати Нам достоль (остаток. — *В. Р.*) пенезей»

11 февраля 1489 г. Казимир Ягеллончик отдает на откуп сбор таможенных пошлин в Минске, указывая, что ежегодные откупные «пенязи» должны составлять сумму в «полтретя ста (двести пятьдесят.— *В. Р.*) коп грошей широких».

С 1480-х гг. документы фиксируют новый термин — «готовизна», использовавшийся в случаях, когда речь шла о суммах, выраженных в звонкой монете, а не товарах. Например, 30 апреля 1490 г. Казимир Ягеллончик передает «мыто Путивльское и корчму» киевлянам Мероваху, Израэлю и случанину Аврааму за арендную плату «готовизною... по сту золотых вгорских».

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XV — 2-й трети XVII в.

Основные номиналы Виленского монетного двора

Первые выпуски гроша, дуката и талера Великого княжества Литовского

Краковский монетный двор и его основные номиналы

Стоимостное различие между литовской и польской монетными системами

Пятак, осмак, четвертак. «Личбы» литовская и польская

Счетно-денежные единицы

Монеты Силезии, Ливонского ордена, Пруссии и России на рынках Беларуси

Подделка ливонских шиллингов в Полоцке

Люблинский сейм 1569 г. Создание Речи Посполитой. Закрытие Виленского и Краковского монетных дворов

Возобновление работы Виленского и Краковского монетных дворов. Открытие новых монетных дворов в Польше

Поступления монет Шведской Прибалтики, Пруссии, Бранденбурга, Нидерландов и других государств

Начало медноденежного обращения (монеты Шотландии и России)

ГЛАВА VII

Кревская уния, объединившая Великое княжество Литовское и королевство Польшу под властью одного монарха, оставалась действенной (с перерывом в марте 1401 — июне 1447 гг.) до конца правления (1492) Казимира IV Ягеллончика, которому наследовали его сыновья: Великое княжество досталось Александру Ягеллончику, Польша — Яну Ольбрахту.

После смерти Яна (1501) личная уния между двумя государствами возобновилась: Александр, сохраняя за собой великокняжеский трон, избран и на польский престол. Это событие не отразилось сколько-нибудь заметным образом на положении Великого княжества Литовского, сохранившего полную государственную самостоятельность.

В белорусских городах и в местечках заметно расширяется сеть систематических ярмарок. В них, наряду с купечеством княжества, активно участвуют иноземные «гости» — из России, Польши, Прибалтики, Германии, Валахии, Венгрии, Чехии, Италии, Крыма, Турции, Ирана.

Грамота Александра, направленная 10 марта 1502 г. Виленскому магистрату, констатирует: «Купци москвичи, новгородци, псковичи, тферичи (тверичи.— *В. Р.*) и инших земль купци чужеземци приезчают с товары своими до места (города.— *В. Р.*) Виленского... торгуют с немци и ыншими купци чужеземци гость с гостем и, торговавши так в месте несколько ден або недель, з места без ведома властей выезчают». Опасаясь, что среди них «могут быти и лазуки (лазутчики, шпионы.— *В. Р.*) або которыи иншии лихии люди», Александр велит построить в Вильно «дом гостинный»: иноземные купцы должны останавливаться только в нем, предварительно оповестив о своем прибытии магистрат.

24 ноября 1516 г. откупщик таможенных пошлин Данько Ескович посылает из Бреста своему коллеге Михелю Юзефовичу письмо, содержащее перечень «вечистых» (основных) торговых дорог, а также сведения о путешествиях белорусских купцов за границу и иноземных — в Беларусь.

Торговцы, которые «хаживали з Литвы до Прус (Пруссии.— *В. Р.*)», платили пошлины на таможнях Дрогичина и Цеханович, пинчане и кобринцы, отправлявшиеся в «Лядское» (Польшу) до Люблина, Познани, Варшавы, Гнезно и на Волынь «до Володимера», не имели права обходить таможенников

Бреста. Купцы, отъезжавшие «ку Москве або к Туркам», должны были платить поборы как при выезде, так и при возвращении с иноземными товарами.

Как мера защиты внутреннего рынка от конкуренции зарубежных торговцев пошлина на иностранные товары налагалась значительно большая, чем на местные. Так, брестчане, дрогичане, виленцы и другие купцы княжества, проезжавшие по пути в Мазовию или на Волынь таможню местечка Мосты, платили с воза по четыре гроша, а при возвращении — уже по восемь.

Из зарубежных купцов письмо Данько Есковича упоминает греков и русских, платящих мыто «от копы по три гроши», т. е. 1/20 стоимости своих товаров.

«Лист» великого князя Сигизмунда I, относящийся к 1525 г., обращается к виленскому воеводе Гаштолту: «Поведил Михель Юзефович, иж купцы Московские и иные чужеземцы приездчают с товары до Вилни, и котораго товару у Вильни не продадут, и хотели бы до инших мест с товары ездити, и мешчане того им не допускают, а в том мытном шкода великая деет. Абы мешчаном приказал, ижбы тым купцом не заборонями по иным местом с товаром ездити».

Грамота Сигизмунда II Августа от 22 августа 1551 г. отмечает: «Туркове, Татарове, Урмяне (армяне.— *В. Р.*), Москвичи и инныи гости приезчии в том месте нашом Виленском всякими куплями и товарами своими доброволне вполне торгуют, домы, склепы (подвалы, склады.— *В. Р.*) ку зложеню речей (вещей.— *В. Р.*) и товаров своих наймують»...

1 июля 1569 г. в городе Люблине между королевством Польшей (Короной) и Великим княжеством Литовским заключена государственная уния, создавшая огромную федеративную державу — Речь Посполитую. Княжество сохранило определенную самостоятельность, выразившуюся в правах на собственные законодательство, административно-судебный аппарат, войско, чеканку монеты, казну и т. д.

Речь Посполитая обладала важнейшими портовыми центрами Прибалтики — Гданьском и Эльблёнгом. После Люблинской унии в ее состав вошло Задвинское герцогство (северная часть Латвии и южная — Эстонии), а в 1581 г.— Рига. Ленниками польской короны были герцогства Курляндия и Пруссия. Таким образом, польско-литовское государство получило благоприятнейшие возможности для овладения ведущей торговой ролью в Восточной Прибалтике.

Корона и Великое княжество становятся важнейшими поставщиками на рынки Западной Европы хлеба, меда, скота, поташа, золы, мехов, овчин, льна, пеньки, леса и крупнейшими импортерами меди, железа, серебра, сукон, сельди, галантереи и других товаров западноевропейского происхождения. Одновременно ширятся экономические связи Речи Посполитой с Россией и восточными странами, откуда поступали изделия из железа и дерева, выделанные кожи, полотно, меха, шелк, бархат, бумажные материи.

С XVI в. в Беларуси, важнейшей территориальной и экономической части Великого княжества Литовского, заметно возрос объем товарной продукции. Стремление феодалов использовать развитие товарно-денежных отношений в своих интересах привело к ломке многих традиционных форм ведения хозяйства. Уже в первой половине века на территории великокняжеского домена в Западной, а в 1560—1561 гг. и в Восточной Беларуси осуществлялась замена значительной части натуральных и отработочных повинностей крестьян чиншем. Одновременно большее, чем прежде, значение приобрели натуральные поборы, выраженные в продуктах (главным образом — в хлебе), имевших устойчивый спрос на рынках.

Продолжается интенсивный рост белорусских городских центров: если в середине XVI в. их насчитывалось 150, к концу века — 382, то к середине XVII в.— уже 462 (37 городов и 425 местечек). Великокняжеская власть и магнаты поощряли создание новых торгово-ремесленных центров, предоставляя их жителям различные льготы и привилегии.

В некоторых городах сложились специфические виды экономической деятельности. Например, Полоцк, Витебск и Могилев являлись крупными портовыми центрами; Брест сочетал функции речного порта и таможни; местечки Свержень, Деревна и Бешенковичи славились производством большегрузных речных судов (стругов, витинов) и т. д.

Судебно-административные органы городов — рады (советы) регламентировали и контролировали торговлю, осуществляли сбор налогов через своих должностных лиц (шафаров и бирчих), ведали городскими доходами и расходами.

В денежном обращении Беларуси этого периода прослеживаются два этапа.

К о н е ц XV в.— к о н е ц 70-х гг. XVI в. Центром денежного производства Великого княжества Литовского является Вильно, Польши — Краков. Виленский монетный двор, открытый Александром, ведет массовую чеканку денария (пенязя) и полугроша, выпускает пробный грош. Краковский двор времени Яна Ольбрахта чеканит денарии и полугроши (квартники), а с восшествием на польский престол Александра эмитирует только полугроши (имеются, впрочем, данные о том, что однажды был выбит и пробный дукат).

Сигизмунд I, наследовавший Александру в 1506 г., продолжил чеканку как литовских, так и польских монет. Общая характерная особенность его эмиссионной деятельности выразилась в явном преобладании масштабов коронного производства над литовским.

Во второй половине 1508 г. после полуторагодичного перерыва открыт Виленский монетный двор. Начат интенсив-

ный выпуск полугрошей, продолжавшийся по 1529 г. Важнейшим нововведением в денежное хозяйство княжества стала чеканка грошового номинала. Указ, подписанный Сигизмундом I в 1535 г., повелел «в Великом князстве Литовском новую монету у мынцы (на Монетном дворе.— *В. Р.*) бити — гроши плоскии[1], которые бы были браны по два полугрошки». Эмиссия «плоских» грошей оказалась непродолжительной: она прекратилась уже в следующем, 1536 г. Во внешнем оформлении этих монет имеется довольно редкая в практике мирового монетного дела деталь — размещение под гербом княжества (Погоней) буквенных обозначений месяцев чеканки: S (лат. September — сентябрь) и N (November — ноябрь) в 1535 г.; J (Januaris, Junius или Julius — январь, июнь или июль), F (Februaris — февраль), M (Martius или Maius — март или май) и A (Augustus — август) в 1536 г.

Коронная чеканка, сосредоточенная, как и прежде, в Кракове, открылась выпуском недатированных денариев и полугрошей 1507—1511 гг. В последующие годы эмитируются тернарии[2], гроши, трояки (тройные гроши), шустаки (шестигрошовики), дукаты (в 1533 г. выпущен и двойной дукат). В 1533 и 1540 гг. выбиты талеры[3]; они имели, однако, явно донативный характер (медалеобразные штемпели, чеканка не только в серебре, но и в золоте) и деньгами, по сути, не являлись.

Работают городские монетные дворы в Гданьске (1525—1548 — номиналы от денария до шестигрошовика, дукат) и Эльблёнге (1530—1540 — номиналы от денария до шестигрошовика).

В 1545 г. Сигизмунд I, оставив за собой польский престол, передал великокняжеский трон сыну — Сигизмунду II Августу, получившему в 1548 г. и польскую корону.

Продолжительное (по 1572) правление нового монарха характеризуется прекращением коронных эмиссий. Функционируют лишь городские монетные дворы Гданьска (1549—1558 — номиналы от денария до тройного гроша, талер и дукат), Эльблёнга (1552—1557 — денарии) и Всхова (1551—1562 — денарии).

Обильно-разнообразными становятся литовские эмиссии. Виленская чеканка представлена оболами (полуденариями), денариями, трояками, чвораками (четырехгрошовиками), шостаками (шестигрошовиками), а также четвертькопками 1564 г.

[1] Эпитет «плоский» был, несомненно, позаимствован у пражского гроша.

[2] Лат. ternarius (от лат. terna — по три) — тройной денарий.

[3] Нем. Taler (по окончанию названия северочешского г. Иоахимсталя, начавшего чеканку этой монеты в 1518 г.) — самый крупный (28—31 г) серебряный номинал Европы XVI—XIX вв.

и полукопками[1] 1564—1565 гг., дукатами (с 1547) и, наконец, донативным португалом-десятидукатовиком[2] 1562 г.

Монетный двор Тыкоцина выбил в 1566 г. литовские полугрош и гроши (среди последних — редкие экземпляры, отчеканенные по польской стопе).

В 1546—1548, 1564 и 1566—1568 гг. на основе польской монетной стопы в Вильно выпущены гроши. Предназначенные для обращения в Короне, они, тем не менее, несут на себе геральдическую атрибутику и легенды, провозглашающие их принадлежность Великому княжеству Литовскому.

Очень своеобразная группа «литовских» эмиссий представлена испанско-неаполитанскими монетами, включению которых в денежное обращение Великого княжества Литовского и Польши предшествовала в равной мере интересная и запутанная история.

Бона, мать Сигизмунда II, происходившая из рода миланских герцогов Сфорца, после смерти Сигизмунда I объявила о намерении вернуться в Италию и увезти с собой значительную часть казны покойного супруга. Это решение вызвало решительные протесты окружения Сигизмунда II. Подканцлер Пжеребский заявил: «Ежели Королева выедет со скарбами (сокровищами.— *В. Р.*), то случится так, будто мы последовали совету перейти на жолуди, а хлеб выбросить... Королева в Короне эти скарбы получила, здесь они и должны остаться». Краковский епископ Зебжидовский предостерегал: если Бону в дороге или в Италии настигнет смерть, то вывезенные ею «злото, сребро, клейноты (драгоценные украшения.— *В. Р.*)... попадут в чужие руки и уйдут от Короля (Сигизмунда.— *В. Р.*)».

Сенаторы, собравшиеся на коронную раду, после долгих дискуссий все же согласились на отъезд Боны при условии — «Ежели Королева поедет до Влох (в Италию.— *В. Р.*) для укрепления здоровья своего, то, укрепив его, должна до Польши вернуться».

В 1556 г. Бона, сопровождаемая караваном из 24 возов, «наложонных сребром, злотом и дорогими клейнотами», прибыла в Неаполь — владение Испании. Вскоре она заняла испанскому королю Филиппу II 430 000 дукатов.

После смерти Боны (1557) Сигизмунд II, как ее наследник, потребовал у мадридского двора возвращения «сумм неаполитанских». Часть этого долга была возвращена в виде

[1] Полуталерами и талерами, паритетными соответственно четверти и половине копы (15 и 30 литовским грошам).

[2] Порт. portuguez — тяжеловесная (39,9 г) золотая монета, впервые выпущенная Португалией в 1499 г. С XIV в. ее название перешло на европейские монеты достоинством от 2 $^{1}/_{2}$ до 20 дукатов.

неаполитанских талеров — дукатонов[1] и полуталеров Филиппа II, полуталеров его предшественника на испанском престоле Карла V.

В условиях шедшей с 1558 г. Ливонской войны с Россией казна Великого княжества Литовского испытывала резко возросшие потребности в дополнительных денежных средствах. Это обстоятельство обусловило нецелесообразность трудоемкой и дорогостоящей работы по перечеканке полученных монет в литовские номиналы. Обращение неаполитанских талеров и полуталеров было узаконено нанесением на их реверсы круглой контрамарки (надчеканки) в виде вензеля Сигизмунда (переплетенных букв S и A) и даты (15—64).

На первый взгляд, эта операция была лишена смысла: ведь иноземные монеты в своем первозданном обличье беспрепятственно принимались на рынках княжества. Однако проведенное контрамаркирование являлось серьезно продуманной фискальной акцией, заключавшейся в придании неаполитанским монетам кредитного характера путем пуска их в обращение по явно завышенному курсу.

15 мая 1564 г. обнародован универсал Сигизмунда «О цене дукатонов неаполитанских», гласивший: «Стоимость каждой из этих монет (талера.— *В. Р.*) устанавливается в копу польскую, считая по шестьдесят грошей польских»; полуталер соответственно оценивался в 30 грошей.

Серебряное содержание неаполитанского талера было равноценно лишь 33,5 польским грошам, полуталера — 16,75. Существенная разница между официально установленной и реальной стоимостями этих монет стала источником дополнительных доходов государственной казны.

Контрамаркированные талеры и полуталеры именовались современниками «филипками» (по портрету Филиппа II на большинстве из них). 21 декабря 1565 г. по требованию Виленского сейма было объявлено об отзыве их из обращения («Филипки далей ити межи людьми не мают») путем выкупа у населения в течение тридцати недель («Абы от каждого, хто до мынцы або скарбу [на Монетный двор или в казначейство.— *В. Р.*] принесет, прыймованы и плачоны были») по соответствующей майскому универсалу 1564 г. цене («Больший филипок [талер.— *В. Р.*] по сороку и по осми грошей литовских, то ест по копе полской, а менший филипок [полуталер.— *В. Р.*] по двадцати и чотыри гроши литовских — по полкопы лядских [польских.— *В. Р.*]».

Вполне понятно, что высокая скупочная цена обеспечивала действенность изъятия контрамаркированных монет из обращения. Тем не менее, «филипки», избежавшие тиглей Виленского монетного двора, продолжали обращаться в последующие годы по рыночным курсам талера.

---

[1] Итал. ducatone — итальянская и нидерландская разновидность талерной монеты (впервые выпущена в Милане в 1551 г.)

27 июня 1577 г. могилевский купец Омельян Юшкович занял у священника Тихона Митковича 75,5 копы литовских грошей, обязавшись «тые пенези также филипками, а если не филипками, тогды монетою (более низкими номиналами.— *В. Р.*) отдати и заплатити».

1 сентября 1578 г. могилевский бурмистр Окула Пигар жалуется на мещан Тишку Личка и Дмитра Суклиенко, задерживающих возвращение долга, который они должны выплатить литовскими грошами, а «ни товаром, ни статками (имуществом.— *В. Р.*), ни филипками».

На территории Короны общегосударственные эмиссионные центры отсутствуют, функционируют лишь три городских монетных двора: в Гданьске (1549—1567 — номиналы от денария до дуката), Эльблёнге (1552—1557 — денарии) и Всхове (1550—1562 — денарии).

Прекращение Сигизмундом II коронной чеканки отнюдь не означало, что рынки лишились польской монеты: ее обращение продолжалось за счет эмиссий Александра и Сигизмунда I.

Петрковский сейм 1501 г., избравший на польский престол Александра, заявил, что польские и литовские монеты должны чеканиться «одинаковыми (качественно.— *В. Р.*) и равного веса». Это решение осталось невыполненным: как при Александре, так и при Сигизмунде I монетные системы Короны и Великого княжества Литовского, будучи в основе своей одинаковыми, существенно разнились реальными стоимостями однономинальных биллонных монет. Так, литовский денарий был паритетен 2,25 польским, литовский грош — 10 литовским или 22,5 польским денариям; польский грош соответствовал 18 польским или 8 литовским денариям, т. е. составлял 4/5 стоимости своего литовского «тезки».

Варшавский сейм 1564 г., намереваясь возобновить польские денежные эмиссии, пообещал унифицировать литовские и польские монеты путем чеканки их «равными по весу, зерну (содержанию благородного металла.— *В. Р.*), пробе, денежному счету (номиналам.— *В. Р.*) и надписям». Петрковский сейм 1567 г. и Люблинский сейм 1569 г. выступили с такими же декларациями. Однако в 1570 г. даже единственный из действовавших монетных дворов — Виленский — прекратил работу. Первое десятилетие своего существования Речь Посполитая не чеканила монеты, довольствуясь продукцией денежного производства минувших лет.

В 1565 и 1566 гг. Виленский монетный двор, как бы предсказывая тщетность усилий сторонников уравнения польской монеты с литовской, отчеканил трояк с иронической легендой, позаимствованной из Ветхого завета (Псалтырь, Псалмы Давида — Пс. 2, Ст. 4): «Qui habitat in coelis irridebit eos» — «Обитающий на небесах (Бог.— *В. Р.*) посмеется над ними». Эта выходка виленских монетчиков спровоцировала столь бурное возмущение коронных подданных Сигизмунда II,

что вынудила его официальным универсалом запретить выпуск этой монеты.

Параллельное бытование двух монетных систем отразилось на рыночной лексике, разграничивавшей великокняжескую и королевскую эмиссии уточняющими пояснениями. Например, нередко оговаривалась государственная принадлежность монеты или ее курс в литовских денариях-пенязях: «грош литовский», «грош Великого князства Литовского», «грош по десяти пенязей» или «грош польский», «грош лядский», «грош по осми пенязей».

«Лист» Сигизмунда I от 28 декабря 1506 г. устанавливает поземельный налог «по три гроши с каждое волоки руской (21,36 га.— *В. Р.*) за грош по десети пенезей, або по два полугрошки мынцы (монеты.— *В. Р.*) Великого князства Литовского».

Великокняжеская «Устава» от 5 июня 1508 г. указывает, что польский грош «мает быть отменен (должен размениваться.— *В. Р.*) за осм пенязи литовских». В этом же документе содержится перечень фиксированных рыночных цен: вол оценивается «польскими полугрошками полкопы (30 грошей.— *В. Р.*), а литовскими двадцать и чотыри гроши», баран — «польских полтретя (два с половиной.— *В. Р.*) гроша, а литовских два гроша» и т. д.

10 июля 1567 г. Гродненский сейм вводит четвертьгодичную дотацию ополченцам на содержание коня «по чотыри копы (по 240.— *В. Р.*) грошей литовских, то есть по десяти золотых (по 300.— *В. Р.*) грошей польских».

В первое двадцатилетие века документы довольно часто упоминают «пенязные» («пенежные») гроши.

13 июля 1503 г. писарь Игнат закладывает имение Овдово в Василишковском повете (Гродненщина) «в сороку копах и трех копах широких грошей, полтретядцати золотых угорских (двадцати пяти венгерских дукатов.— *В. Р.*) и в трех копах и одинадцати грошей пенязных». По контексту этой записи ясно: «широкие» (пражские) и «пенязные» гроши — различные категории монет. Иными словами, последние из них могут быть лишь счетными (по два реальных полугроша) литовскими или польскими грошами. Но какими именно?

Ответ на этот вопрос дает анализ судебного протокола 1516 г., отразивший имущественную тяжбу между мстиславльскими мещанами Миколаем и Войтехом Стибалковичами. Одним из обьектов спора братьев были три серебряные ложки стоимостью «в семидесят грошей широких». Суд обязует Миколая выплатить Войтеху «за тую семдесят грошей рубль грошей без дву грошей (98 грошей.— *В. Р.*) пенязных» — иными словами, переводит 70 пражских грошей (980 пенязей)[1] в их стоимостный

---

[1] В это время пражский грош разменивался на 14 литовских денариев.

эквивалент, составляющий 98 грошей «пенязных». Следовательно, «пенязный» грош равен 10 (980 : 98) литовским денариям, т. е. является литовским. Этот вывод находит подтверждение в записи виленского суда от 17 марта 1516 г., разбиравшего дело между боярами Тумашевичами и Мацкевичами. В этом документе одна и та же сумма определяется двояко — как «гроши литовское монеты» и как «гроши пенежные».

С конца первого двадцатилетия века письменные источники часто упоминают «сужонный» (т. е. «суженный») и «узкий» гроши.

В одном из постановлений виленского суда 1517 г. фиксируется сумма в «три копы грошей сужоных»; 8 января 1526 г. ежегодный побор с жителей Кричева в пользу великокняжеского наместника устанавливается в «15 коп грошей узких»; в 1539 г. витебляне Федько и Киприан Хорошевичи берутся соорудить городские ворота за «семнадцать коп грошей узких» и т. д.

Под эпитетами «сужоный» или «узкий» подразумевался польский грош. Об этом совершенно определенно свидетельствует грамота Сигизмунда I (конец 1535 г. или 1536 г.), в которой было заявлено, что владельцы пароконных возов за переезд через мост в Лиде обязаны платить побор в «грош узкий, у которым осм пенезей». Значит, «узкий» грош — то же, что и 8-денариевый грош польский.

7 июня 1541 г. гродненский мещанин Иван Борозна привлечен к суду за отказ вернуть заложенный ему год назад Шимоном Бенковичем серебряный пояс.

Иван, заявляет Шимон, не сдержал договорного обязательства выплачивать еженедельный «гостинец» (процент) — «по осмаку» за каждую из четырех полученных им коп литовских грошей.

Шимон возражает: установленная при заключении залоговой сделки ростовщическая ставка была намного ниже — лишь «по два пенези от каждой копы, чинить на кажный тыйдень (что составляет на каждую неделю.— *В. Р.*) по осмаку».

Таким образом, «осмак» приравнивается к 8 денариям, т. е. является польским грошем. Это подтверждается и решением суда: Шимон приговаривается к выплате Ивану, помимо 4 коп литовских грошей, 8-пенязного еженедельного «гостинца» за год (52 недели) — всего 52 «гроши лядских», т. е. 52 «осмаков».

10 апреля 1578 г. полоцкий суд составляет протокол «Кара на Аверка Семеновича о фалшивое продаване мяса». Аверка привлекается к ответственности за нарушение правил торговли. Купив у мещанина Григорка Васильевича за 55 литовских грошей бочку мяса для перепродажи, он уплатил трем посредникам этой сделки малые комиссионные — всего «один четвертак». Этим словом определяется, очевидно, монета

достоинством в половину осмака, т. е. в 4 денария. Итак, четвертак — польский полугрош.

14 декабря 1579 г. судятся полоцкие мещане Мартин Миткович и Васька Поцалуевич. Мартин сообщает, что Васька купил у него партию солода «за пятдесят грошей литовских без одного полгроша (т. е. за 49,5 гроша.— *В. Р.*)». Приведенный к присяге Мартин подтверждает правдивость своего показания в несколько иной формулировке: «Ему (Ваське.— *В. Р.*) солоду продал за пятдесят грошей без петака». Следовательно, «петаком» именуется 5-пенязный литовский полугрош.

Встречаются документы, упоминающие грош без каких бы то ни было сопутствующих пояснений. В этих случаях для установления его государственной (литовской или польской) принадлежности приходится опираться на логические построения.

3 февраля 1556 г. гродненская боярыня Настасья Домановна выступает с иском против шляхтича Павла Бельчича. Последний, жалуется она, заложил «небожчику (покойному.— *В. Р.*) мужу моему детину своего на имя Петрыка у семидесят грошей... того детину он до себе взял, а мне с тых пенезей тольки пятдесят грошей заплатил, а полукопья (полукопы.— *В. Р.*) грошей отдати не хочет».

На первый взгляд, финансовые претензии боярыни чрезмерны: получив 50 из 70 грошей, она определяет остаточную сумму не в 20, а в 30 грошей! Понятно, однако, что столь несуразная погрешность в денежных расчетах исключена. Очевидно, что 70-грошовая сумма была выплачена Павлу литовскими монетами: ведь именно они составляли в это время основу денежного хозяйства Великого княжества Литовского, а прерванные еще в 1548 г. эмиссии Короны использовались в качестве вспомогательного платежного средства. Счет, предъявленный Настасьей Павлу, оказывается вполне обоснованным лишь в том случае, если она, получив 40 литовских грошей в виде равноценных им 50 грошей польских, требовала окончательного погашения долга в 30-грошовой литовской чеканке.

Грош использовался не только как денежная единица, но и в качестве весового эталона для различного рода серебряных изделий. Так, завещанием от 12 ноября 1529 г. слонимский староста Михаил Боговитинов отписывает дочери Федоре «рукомый (рукомойник.— *В. Р.*) сребреный, который важит полтретьяста (весит двести пятьдесят.— *В. Р.*) коп грошей».

Универсал Сигизмунда II от 4 сентября 1567 г. констатирует активизацию в стране иноземных денежных эмиссий: «Многие а розные мынцы з земль посторонних в паньстве нашом входят».

Из монет предшествующего периода на рынки Великого княжества Литовского перекочевали пражские гроши, именуемые «широкими» и «плоскими». Документами конца XV — первой четверти XVI в. они фиксируются на всей территории Беларуси, в последующее время — редкими актами Полотчины и Витебщины. Их рыночный курс вначале составлял 12, затем — 14 (в редких случаях — 15) литовских денариев.

Утратив роль монополиста серебряного денежного обращения, пражский грош уже не мог, как это случалось в XIV—XV вв., обойтись без поясняющего эпитета, отделяющего его от литовских и польских грошей. Это обстоятельство превосходно иллюстрируется протоколом мстиславльского суда 1516 г. (см. выше), оценившим три серебряных ложки в 70 «грошей широких»: писарь, пропустивший слово «широких», счел необходимым исправить свою оплошность, вписав его над строкой.

То, что эта монета остается важной составной частью денежного хозяйства, доказывается появлением ее фальсификатов. Так, грамота Александра Ягеллончика от 15 марта 1498 г. указывает, что арендаторы питейных заведений Смоленска «широкими грошми мают платити, коли будут их имети», сборщики податей не должны этих «грошей браковати, нижли (если.— *В. Р.*) бы толко ни железо, ни медь, а ни фалш, штобы было сребро».

В июне 1500 г. великокняжеская «Уставная грамота», определяя виды и размеры поборов с приднепровских волостей (Кричевской, Пропойской, Речицкой, Брагинской и др.), оценивает рубль, т. е. 100 пражских грошей, в две копы, т. е. 120 грошей литовских. Каждый из последних, как уже отмечалось, разменивался на 10 денариев. Таким образом, котировка пражского гроша — 12 (10 × 120 : 100) денариев.

В 1507 г. полоцкая таможня требует от купцов уплаты пошлин «грошми — грош широкий по 14 пенезей».

Великокняжеская «Уставная грамота» от 7 апреля 1514 г. указывает, что жители Могилевской волости должны подати «давати широкими грошми, пак ли ж (если же.— *В. Р.*) широких грошей не было, тогды мают дати за грош по чотырнадцать пенязей».

7 июля 1518 г. виленский суд, обязавший мещанку Софью Роговскую выплатить долг в «десят коп широких грошей», приравнивает эту сумму к «пятнадцати копам пенязных грошей». Таким образом, пражский грош оценен в полтора литовских, т. е. в 15 денариев.

В челобитной могилевчан, направленной около 1524 г. Сигизмунду II, упомянуто «важчое от каменя воску (рыночный налог на продажу 36 фунтов воска.— *В. Р.*) по плоскому грошу — по чотырнадцати пенезей у грош».

Резкое сокращение масштабов обращения пражского гроша со 2-й четверти XVI в. и фактическое его прекращение к началу 1560-х гг. вполне закономерно:

во-первых, сложившийся еще в конце XIV — начале XV в. его основной фонд, лишенный в последующее время пополнений, стал, естественно, исчерпываться; во-вторых, становление и развитие денежного производства Великого княжества Литовского привело к использованию чешской монеты в качестве сырья для Виленского монетного двора. Например, земский подскарбий, представляя Сигизмунду I отчет о своей деятельности с 6 марта 1512 г. по 6 марта 1514 г., сообщает: «Гроши широкие до мынцы (на Монетный двор.— *В. Р.*) нашое дал бити».

По начало 1560-х гг. продолжаются поступления (как и прежде, преимущественно на Полотчину и Витебщину) шиллингов Ливонского ордена. Лучшим доказательством популярности этих монет является факт их подделки полочанами.

25 января 1493 г. магистр Ливонского ордена Иоганн Фрайтаг фон Лорингхофен направляет магистру Ревеля (ныне — Таллинн) грамоту: «...Дружески вам сообщаем, что некие русские приехали в Ригу из Полоцка, который в Литве, и имели с собой фальшивые монеты, чеканенные по образцу Вендена (ныне — г. Цессис в Латвии.— *В. Р.*)... Одного из них схватили, и он сказал, что подобных монет отчеканено 1/2 ласта (960 кг.— *В. Р.*), и они завезены к нам в страну. Итак, любезные и верные, прочтя вышесказанное, оповестите своих бюргеров, жителей и купцов и поступайте соответственно, дабы уберечь себя». Законодательно установленная масса ливонского шиллинга равнялась 1,125 г. Таким образом, на полуласт их шло примерно 834 782 штуки!

Постскриптум к этому посланию предупреждает: «И еще, любезные подданные, эти фальшивые монеты, по-видимому, посланы из Полоцка в Псков, чтобы переслать их оттуда в нашу страну... Если вам станет известно, что кто-нибудь имеет подобные фальшивые монеты, привлекайте его к ответственности».

Балтазар Рюссов, автор «Хроники провинции Ливонии» (2-е изд., 1584 г.) рассказывает об аресте в 1494 г. ливонских купцов в Новгороде. «А причиной этого,— поясняет он,— было то, что ревельцы одного русского, который в их городе чеканил фальшивые шиллинги, до смерти сварили» в котле кипящего масла.

Это сообщение, появившееся почти столетие спустя после описываемого события, не следует безоговорочно принимать на веру. Вряд ли казненный новгородец наладил в одном из центров Ордена фальсификацию его же монеты вместо того, чтобы осуществить эту крайне рискованную операцию в сравнительно безопасных условиях у себя на родине. Вероятнее всего, он лишь сбывал на ревельском рынке продукцию полоцких фальшивомонетчиков.

С конца 1510-х гг. начинается приток «свежей» иноземной монеты. Наиболее объемные ее поступления представлены полугрошовиками, битыми силезским городом Свидницей (Швайдницем) в 1517—1528 гг.[1]. Эти монеты откровенно копировали польский полугрош как материальными характеристиками[2], так и внешним оформлением. Единственное их отличие от продукции Краковского монетного двора сводилось лишь к содержанию легенд.

«Маскировка» свидницкой чеканки под польскую вызвала ожесточенное противодействие польско-литовских властей ее допуску в обращение.

Указом от 21 марта 1518 г. Сигизмунд I категорически запретил прием этой «подлой» монеты и велел выставить ее образцы для всеобщего обозрения при городских ратушах и на рынках.

Петрковский сейм 1524 г. заявил: «Большая шкода и многие обиды причиняются Силезией, особенно монетой свидницкой, удержать которую не смогли мы за все это время... Не видя иного средства для задержания этой монеты, чем прекращение торговли со всем этим соседством, закрываем все дороги в Силезию на 10 лет».

Эта радикальная мера оказалась неэффективной, о чем свидетельствует указ Сигизмунда I от 15 октября 1526 г.: «...После вывоза наших (польских.— *В. Р.*) добрых полугрошей из нашего королевства из них новая монета свидницкая выбивается и вновь ввозится в наше королевство со шкодой для наших подданных. Неопытными людьми и плебсом [она] никоим образом отличима [от польской] быть не может».

Краковский сейм 1527 г. обязал Монетный двор Кракова скупить у населения полугроши Свидницы по цене в 5 польских денариев за штуку, но попытки выполнения этого решения оказались безуспешными.

Петрковский сейм 1528 г. констатировал: «Великое множество монеты свидницкой, вопреки запрету нашему, в королевство наше и в паньства наши ввозится в такой мере, что уже мало можно найти доброй монеты».

Крайний срок изъятия силезской чеканки из обращения был продлен до 26 июня 1528 г., а выкупная стоимость свидницкого полугрошовика повышена до 8 польских денариев, т. е. приближена к курсу польского полугроша (9 денариев). Расширились масштабы скупочных операций: ими помимо Краковского монетного двора должны были заняться Торунь-

[1] Свидницкий монетный двор работал с конца 1517 г. по 26 июня 1528 г. К настоящему времени известны его полугрошовики, помеченные 1517—1527 гг. и недатированные (последние, по-видимому, выпущены в 1528 г.).

[2] По серебряному содержанию свидницкие полугроши 1517—1525 гг. не уступали польским, но в 1526 г. их качество несколько понизилось.

ский двор и специально организованные пункты в Короне и Великом княжестве Литовском.

Массовое изъятие полугрошей Свидницы затянулось на долгие годы. О размахе этой операции можно судить по тому, что лишь в 1546—1547 гг. на территории Великого княжества Литовского было скуплено 2 497 500 их экземпляров (в Гродно за август — сентябрь 1546 г.— 202 500, в Бресте за август — сентябрь, ноябрь — декабрь 1546 г. и январь 1547 г.— 658 125, в Мозыре и Полоцке за сентябрь 1546 г. — по 168 750 и т. д.).

Скупка этой монеты была достаточно выгодным делом. Неудивительно поэтому, что у властей появились серьезные конкуренты по отзыву ее из обращения. 17 октября 1547 г. управляющий Виленским монетным двором Ян Лютомирский возбудил судебное дело против некоего Авраама Турчина. Жена обвиняемого признала, что «они тую монету свидницкую отменяли (скупали.— *В. Р.*) и теперь ее мают». В ходе следствия выяснилось, что Авраам «кольки (несколько.— *В. Р.*) тысячей коп монеты свидницкое отменил», нанеся государственной казне ущерб на сумму в 2 тысячи коп литовских грошей.

Последнее документальное упоминание о свидницкой монете (в связи с ее переплавкой Виленским монетным двором для чеканки литовских тройного гроша и шестигрошовика) относится к 1562 г.

Небольшой по объему, но очень характерной частью силезского монетного экспорта на рынках Великого княжества Литовского были гроши города Глогова 1505—1506 гг. и гроши герцогства Лигниц и Бриг (Бжег) первой половины 1540-х гг.

В кладах XVI в. нередки прусские монеты — шиллинги и гроши Кёнигсбергского монетного двора, гроши и трехгрошовики Торуньского монетного двора[1].

Под 1529 г. белорусские источники впервые фиксируют талер в упомянутом выше завещании слонимского старосты Михаила Боговитинова, где помимо различных денежных сбережений в серебряных и золотых монетах особо отмечены «чотыри талеры сребреных». Совершенно очевидно, что специальное выделение этой сравнительно небольшой суммы и, более того, снабжение ее поясняющим эпитетом «сребреные» не случайно: талер — еще малоизвестная монета.

Талер не сразу прижился в денежном обращении — следующие упоминания о нем в письменных источниках появляются почти 30-летие спустя: 20 февраля 1557 г. настоятель Ожского костела в Гродно обвиняет старосту Яна Млодановского в хищении «осмидесяти талеров»; 7 апреля

[1] Кёнигсбергский монетный двор, открытый в 1526 г., был центром денежного производства герцогства Пруссии — ленника Польши. Торуньский же двор в 1528—1535 гг. чеканил монету для Восточной Пруссии, принадлежавшей польской короне.

17 Pod textem Mone: noua Argen: liberi Barona Gronsfe, z drugiey strony / Iohell: de Bronhorst Baro in Gronsfe. Szacunek iego groszy trzydziesci y ieden / pieniedzy małych Polskich siedmnascie.

57 Pod textem Guil: Co: D: Mon: Z. DñsD: B: H: BS: BH: VV: z drugiey strony / Dominus protectio vitę meę à quo trepidabo.

Szacunek iego groszy dwadzieścia y pięć / pieniedzy małych Polskich trzy.

Рис. 25. **Гравированные изображения талеров и поясняющие их тексты в универсале Сигизмунда II от 14 июня 1567 г.**

17. Гронсфельд, *Иоанн* (1508—1559): «...Цена его — тридцать один грош и семнадцать малых пенязей польских». *57.* Херенсберг, Вильгельм IV (1546—1568): «...Цена его — двадцать пять грошей и три малых пеняза польских».

1558 г. виленский мещанин Станислав Песков заявляет о пропаже у него аркебузы ценою в «чотырох талерах» и т. д.

Как в частных, так и общегосударственных документах сведения о талерной монете приобретают относительно

систематический характер лишь с середины 1560-х гг. Исчисление ее курса ведется как в литовских, так и в польских грошах.

24 июля 1565 г. слонимский шляхтич Иван Звезда жалуется суду на бежавшую от него служанку Огапицу, прихватившую с собой «таляры, которые идут по двадцати и полсема (26,5 — *В. Р.*)» литовских грошей, т. е. по 33,1 гроша польского.

14 июня 1567 г. на Петрковском сейме зачитан универсал Сигизмунда II, констатирующий усиление поступлений из-за рубежа талерных монет. Котировка «старых и важных (полновесных.— *В. Р.*)» талеров устанавливается в 33 польских (26,4 литовских) гроша, «злых (неполноценных.— *В. Р.*) и неважных» — от 31 гроша и 17 денариев до 25 грошей и 3 денариев польских (от 25,5 гроша и 0,5 денария до 20 грошей и 1,3 денария литовских).

Универсал Сигизмунда II от 4 сентября 1567 г. разделяет талеры на «старие зуполное ваги (полновесные.— *В. Р.*)» и «новые, которие зуполное ваги в собе не мают»; первые из них оцениваются, как и прежде, в 33 польских (26,4 литовских гроша), вторые — в 30,5 (23,4) гроша.

3 сентября 1578 г. виленский суд рассматривает дело между купцами Кузьмой Тишковичем и Гапоном Янциковичем. Кузьма сообщает, что Гапон уплатил ему за «козлины (козьи шкуры.— *В. Р.*) талерками левковыми»[1], оценив их по 24 литовских (30 польских) гроша, в то время как на рынке они котируются по 22 (27,5) гроша.

Талер «зуполное ваги» выполняет и роль весовой единицы. 17 июня 1566 г. слонимский подстароста Лаврин Сидоровский отнял у мещанина Михаила Резана «сыкгнет (перстень.— *В. Р.*), в котором был талар сребра»; 11 мая 1577 г. некий Каспр Дембинский ограбил виленчанку Аполлонию Коптеву, забрав у нее «жупан с кгузиками (пуговицами.— *В. Р.*) серебреными... а серебро важило таляров двох».

5 апреля 1532 г. датируется самое раннее упоминание о русской монѐте — денге[2]. В этот день витебский суд принимает к рассмотрению жалобу дьячка Куземки на «владычного человека» Степана Ильина. «Позналам (опознал.— *В. Р.*) у него,— рассказывает Куземка,— свой чолн, который от мене, кгдым с полону з заграничья (когда из русского плена.— *В. Р.*) водою с ним бег, отнят». Степан заявляет, что приобрел челн у некоего Васьки, а тот утверждает, что купил его у Куземки

[1] Северонидерландскими лёвендаальдерами.

[2] От татарск. «тенга» (звонкая монета) — серебряный номинал, равноценный двум полушкам или (после 1534 г.) половине копейки.

за «четыры денги». В конечном итоге выясняется, что Васька, приютив у себя дьячка, отнял у него, помимо челна, «шесть рублев денег Московских и десять алтын[1]».

27 марта 1533 г. полоцкий суд занят разбором прошения бежавшего из России мещанина Исая Булова, жалующегося на то, что у него отнят конь ценою в «десять рублев денег Московских».

5 октября 1537 г. Сигизмунд I направляет слуцкому князю Юрию Семеновичу грамоту. В ней сообщается об ограблении купца Еска Песаховича, возвращавшегося в Брест «из волостей руских». Узнав от «шпекгов (шпионов, лазутчиков.— *В. Р.*) своих» маршрут Еска, урядник князя Вербицкий «уночи его за горло поймал и товар и денги московскии побрал».

Следующий, упоминающий русскую чеканку, документ — протокол слонимского суда от 11 июня 1565 г.: шляхтич Михаил Резан обвиняет своего соседа Матвея Бартошевича в нанесении ему «немалых шкод», в перечне которых — «денег московских рубль».

С конца 1570-х гг. акты, фиксирующие русскую монету, становятся более частыми. Почти все они, за редкими исключениями, составлены в Могилеве в связи с конкретными эпизодами пребывания белорусов в России.

12 августа 1577 г. мещанин Герасим Максимович продал на смоленском рынке партию шелка «за кождую литру (фунт.— *В. Р.*) по полтора рубли московских».

1 сентября 1578 г. купец Мацко Васильевич, занявший в Смоленске своему земляку Увару Васковичу «два рубли денег московских», требует возвращения этого долга.

1 апреля 1579 г. могилевчанин Селивон Маркович, содействовавший побегу из Москвы в Беларусь «вязня (заключенного.— *В. Р.*) немца рыжанина», оценивает свою услугу в рубль (100 копеек.— *В. Р.*) денег московских, то ест осмдесят грошей литовских». Иными словами, в Беларуси копейка шла по курсу 4/5 (80 : 100) литовского, т. е. одного польского гроша.

В 1490-х гг. рыночный курс дуката стал паритетным 30 польским грошам. Это стоимостное выражение было официально подтверждено Яном Ольбрахтом в 1493 г. и Конституцией Петрковского сейма 1496 г. Таким образом термин «золотой» («злотый») становится двузначным: он, как и прежде, определяет реальную золотую монету (дукат) и в то же время — денежную сумму, выраженную 30 польскими счетными грошами (60 реальными полугрошовиками).

К началу XVI в. вследствие прогрессирующего падения цен на серебро реальный и счетный смыслы слова «золотой»

[1] От татарск. «алты» (шесть) — традиционное русское счетно-денежное понятие, выражавшее сумму в 6 денег или 3 копейки. Серебряная (конец XVI в. — 1718 г.) и медная (1654—1655) монета.

расходятся: им по-прежнему именуют 30-грошовую сумму в польской чеканке, а для обозначения дуката используют его лишь в сочетании с дополнительными определениями «черленый», «в золоте (в злоте)», «чырвоный (червоный)» или «угорский (вгорский)», если речь идет о венгерской чеканке.

Приходно-расходная ведомость, составленная в 1496 г. «писарем господарским» Федькой Хрептовичем в Троках (ныне — Тракай в Литве), четко разграничивает «золотой» как реальный дукат и как сумму, выраженную в серебряной монете: «...взял 30 золотых черленых, а (и.— *В. Р.*) 20 золотых грошми».

5 июня 1510 г. виленский суд выносит заключение по делу об избиении боярами Буйновичами боярыни Ядвиги, у которой вследствие побоев произошли преждевременные роды. В качестве компенсации «за бесчестье» Буйновичи должны дать пострадавшей двенадцать «золотых черленых а зекграр (и часы.— *В. Р.*)».

19 февраля 1507 г. минский староста Авраам обязуется ежегодно выплачивать за «арендоване мыта менского (сбора таможенных пошлин в Минске.— *В. Р.*) по сту золотых вгорских в золоте».

18 января 1529 г. великокняжеская грамота требует от арендаторов таможен Бреста, Дрогичина, Каменца, Гродно и других городов каждый год вносить в казну по 333 «золотых черленых добрых угорских».

2 ноября 1539 г. гродненский шляхтич Михаил Федорович соглашается отсрочить получение с некоего Мошки Хорошенького долга — «...осемь золотых в злоте».

30 июня 1578 г. купец Ждан ограбил речицкого шляхтича Адама, отняв у него «двесте золотых чырвоных».

Дукатом в абсолютном большинстве случаев измеряется масса золотых изделий.

Около 1514 г. виленский шляхтич Врублевский жалуется на ростовщика Ивашку Ясмановича: «Заставил (заложил.— *В. Р.*) есми ему сыкгнет злотый, в котором осм золотых, в двух копах грошей. И тепер даю ему пенязи, а он ми сыкгнета не отдает».

8 мая 1533 г. в полоцкий суд обращается князь Иван. Во время ужина у брата Петра, сообщает он, у него украдена золотая цепочка весом в «трыдцат золотых».

18 апреля 1553 г. виленский торговец Еска Сосович обязуется рассчитаться со своим кредитором не «пенязми», а золотой цепью «вагой в 172 и пол золотых».

10 сентября 1578 г. суд могилевского магистрата рассматривает дело об ограблении мещанином Овсеем Максимовичем оршанца Яна Солецкого, лишившегося «сыгнета золотого, который важил золотых черленых сем».

Продолжается обращение английских ноблей-корабельников, а также их половинных фракций.

6 мая 1495 г. дьяк Занько при сборе таможенных пошлин в Ковно получает «золотой корабелник».

Очень крупная сумма в ноблях упомянута судебной «справой» 1511 г. между трокским воеводой Григорием Остиковичем и неким Ольбрахтом Гоштолтовичем. Воевода заявляет: подданный Ольбрахта «забил подскарбего (казначея.— *В. Р.*) моего, и в тот час сгинули у него ключи от скарбу; ино вкрадено... тисяча да осм сот корабелников». Обвиняемый же утверждает, что подскарбий убит во время ссоры в корчме, а сообщение о хищении «тых корабелников» — вымысел.

В ноябре 1516 г. маршалок Александр Солтанович обвиняет свою бывшую опекуншу Ядвигу Литаворовую в том, что она «к своим рукам побрала» сбережения его покойного отца и представляет в виленский суд «Реестр» этим деньгам: «...пять сот золотых черленых и полтретьядцать (двенадцать с половиной.— *В. Р.*) карабелников».

14 декабря 1534 г. полоцкий суд разбирает тяжбу между витеблянином Гришей Леньковым и полоцким таможенником Пейсахом Мошковичем: последний выплатил за купленную при посредничестве первого партию воска «трыдцат полукарабелников без одного».

Высший номинал денежного обращения представлен западноевропейским португалом. Эта самая дорогая монета использовалась, естественно, только в исключительных случаях. Упоминание о ней в известных к настоящему времени документах промелькнуло лишь однажды под 1542 г. Князь Бельский, возглавлявший посольство Великого княжества в Крым, по возвращении в Вильно докладывает Сигизмунду I: «Царю Перекопскому (хану Сахиб Гирею.— *В. Р.*) дал 15 золотых пуртогалских... царевичу Перекопскому старшему в золоте дано 3 золотых пуртогалских... Али Хазию дано 2 золотых пуртугалских».

Характеристика денежного фонда рынков Великого княжества Литовского оказалась бы не полной без рассказа о включившейся в него серии необычных монет, порожденных, как и контрамаркированные талеры «наследства королевы Боны», Ливонской войной.

Город Пернов (ныне — Пярну в Эстонии) с 1556 г. формально принадлежавший Польше, охранялся наемниками-ливонцами (400 рейтарами и 100 солдатами) за ежемесячную плату в 4000 талеров. В связи с затянувшейся задержкой выплаты этого жалованья королевская задолженность достигла 1 600 000 ливонских марок (примерно 350 000 талеров). Угрозы перновского гарнизона сдать город шведам вынудили Сигизмунда II предпринять меры по погашению этого долга путем эмиссии монет по ливонской денежной системе (1 марка = 2 полумаркам = 4 фердингам = 36 шиллингам).

Королевские указы от 28 августа 1570 г., 16 июня 1571 г. и 27 мая 1572 г. объявили о предстоящем открытии Монетного двора в замке Кирххольм (ныне — Саласпилс в Латвии), но затем для этой цели избирается замок Дальхольм (Доле)

под Ригой. В августе 1572 г. здесь начата чеканка биллонного шиллинга, паритетного 1/6 литовского гроша. Вскоре она прекращается по требованию протестовавших против ее низкопробности городских властей. В 1573 г. выпускались биллонный фердинг, серебряные полумарки и марка, паритетные соответственно полутора литовским грошам, трояку и шостаку. Работа Дальхольмского монетного двора была прекращена около 15 сентября 1573 г.

Итак, основные звенья монетной системы, бытовавшей в Великом княжестве Литовском, материально олицетворялись оболом, денарием, двойным денарием, полугрошем, грошем и производными от него номиналами (двойным, тройным, учетверенным и ушестеренным грошами), талером и дукатом. Характерно, что все они (за исключением обола) выступали в двоякой роли: как реальные монеты и как счетно-денежные понятия. Например, за товар ценою в литовский денарий можно было уплатить два обола, в литовский или польский полугроши — соответственно пять или четыре литовских денария, в литовский или польский гроши — два литовских полугроша (десять литовских денариев) или два польских полугроша (восемь литовских денариев) и т. д.

Самый мелкий номинал — обол фигурирует в документах как «пенезь менший», а упоминаемый наряду с ним денарий именуется «пенезем болшим». Например, 23 декабря 1551 г. великокняжеская грамота позволяет виленскому шляхтичу Мартину Пилецкому «продавати скло (стекло.— *В. Р.*) привозное не дорожей... по шести пенезей болших, за который менших пенезей по два идет».

Денарий использовался в качестве счетно-денежного понятия как до появления в 1546 г. обола, так и после ухода последнего с рынка во второй половине 1550-х гг. Так, 21 января 1529 г. «Устава королевская и сеймовая литовским отчинникам...» объявляет сбор средств на жалованье войску и выкуп пленных «з кождое службы по 11 грошей и по полтретя (три с половиной.— *В. Р.*) пенязя»; составленное в августе 1566 г. «Описание староства Берестейского» упоминает суммы в «6 1/4 пенязя», «9 1/6 пенязя» и т. д.

Денарий олицетворяет собой самую низкую денежную единицу (обол по причине своей малораспространенности избежал этой участи), что нередко подчеркивается интонационно контекстами документов.

Грамота Александра Ягеллончика от 6 сентября 1505 г. освобождает мещан Вильно от воинской повинности за ничтожно малую, по-сути символическую сумму. Каждый из них при провозе товара на столичный рынок должен платить «с воза по пенезю», который может быть заменен необходимым для строительства крепостной стены булыжником средних размеров «как бы мог молодць тот камен узняти и понести».

Обнародованный в феврале 1509 г. «Устав королевский о пересудах» указывает, что если истец не доказал суду

основательности своего обвинения, то ответчик «не мает дати ни жадного пенязя пересуда», т. е. не обязан платить ни единого денария (ср. с выражениями «ни копейки», «ни гроша»).

20 декабря 1518 г. брестская мещанка Катерина Якубовна клятвенно заверяет, что получила от «предка» (отца) своего зятя при разделе имения Ямны «десять коп грошей... а больше того ни пенязя в него не брала».

30 января 1558 г. кревский татарин Данцевич жалуется суду на то, что был обесчещен «словы неучтивыми» и выгнан «у зашиек» из корчмы, куда заглянул с самыми благими намерениями, «хотечи за свой пенезь власны пива выпити».

Итак, в рыночном обиходе сохраняются счетно-денежные единицы предшествующего периода — копа (60 грошей) и полукопа (30 грошей), рубль (100 грошей) и полтина (50 грошей). В подавляющем большинстве случаев они используются для счета литовских монет или пражских грошей, изредка — польских монет. Широкое распространение получает новая счетная единица — золотой (злотый), соответствующая 30 польским грошам.

Преимущественно при штрафных санкциях используются вярдунок (12 польских грошей) и гривна (48 польских грошей).

29 ноября 1529 г. Сигизмунд I направляет брестскому старосте Ивану Ильиничу перечень податей с жителей местечка Воиново: «...з двора и з огорода вердунок на год...»

31 мая 1511 г. дрогичинская мещанка Мария Гинчина жалуется на великокняжеского наместника Яна Хрептовича, не выплачивающего ей «гривну грошей вины».

2 января 1578 г. могилевский мещанин Авраам Пигор продает земельный участок; при нарушении условий заключаемой сделки покупатель обязуется выплатить неустойку городскому войтовству (старосту) «гривну, а на ратуш могилевский и другую гривну».

В практике финансовых операций повсеместно используются «личбы» — системы перерасчета более или менее крупных сумм, представленных различными номиналами, на единообразной основе — рыночные курсы литовского, польского или пражского грошей. Становление личб не было спонтанным, вдруг свершившимся событием. Об этом свидетельствует, в частности, завещание земского подскарбия Авраама Юзефовича (28 сентября 1519 г.). Упомянув остающийся за великим князем долг, он не исключает возможности того, что названная им сумма может измениться, если «теперь новая личба будет — при мне або по моему животу (после моей смерти.— *В. Р.*)».

Личбы, опирающиеся на литовский грош, выступали в четырех разновидностях: ***дробной, литовской, полугрошковой*** и ***широкой***.

13 января 1502 г. виленчанин Онко Грицкевич и смольнянин Иван Новокрещенный арендуют на три года минские

корчмы за ежегодную плату «в полтораста коп грошей дробное личбы — за грош по два полугрошки або по десети пенезей». Этот вид личбы оказывается недолговечным: последнее из известных ее упоминаний датируется октябрем 1504 г., когда шляхтич Михаил Скепьевский взял городские корчмы Полоцка на пятилетний откуп за «две тысечи коп грошей дробное личбы — за грош по два полугрошки або по десети пенезей».

Литовская личба, удержавшаяся до конца XVII в., впервые фиксируется 13 июля 1507 г.: некий ротмистр Грек присуждается к уплате шляхтичу Заранку суммы в «двадцать коп грошей Литовское личбы — по десети пенезей у грош».

Известен только один случай применения полугрошковой личбы. 29 сентября 1529 г. Сигизмунд I подписывает грамоту, подтверждающую, что мстиславльский князь Михаил Жеславский завещал дочерям приданое в «две тысячи коп грошей Литовское монеты полугрошковое личбы».

Лишь однажды источники упоминают базирующуюся на литовском гроше личбу широкую. 19 июня 1523 г. Сигизмунд I направляет старосте дрогичинскому Петру Станиславовичу «лист», в котором цитирует жалобу мещан Дрогичина на «новины», вводимые местной администрацией. Одно из этих нововведений заключалось в том, что дрогичане принуждались «личбою широкою торговати — по десети пенязей у грош».

Личбы, основанные на польском гроше, представлены тремя вариантами: ***польской*** (лядской), ***узкой*** и ***полугрошковой.***

Польская надолго, по меньшей мере, на полвека, вошла в широкое употребление с 1510-х гг. В 1517 г. бельский землевладелец Березинский и шляхтич Минцовский ведут тяжбу из-за «лядское личбы полторы копы грошей». То, что упомянутая личба опирается на польский грош, подтверждает не только ее название, но и ряд других документов. Например, в завершившемся 4 февраля 1526 г. судебном разбирательстве между кёнигсбергским купцом Ганусом и тыкоцинцем Боской. Ганус утверждает: Авраам, подрядившийся поставить «жита пятдесят лаштов (96 тонн.— ***В. Р.***), жита оного сполна мне не дал. Шкодуючи в том за его причиною (понеся убытки по его вине.— ***В. Р.***) не додал есми ему за жито тридцать золотых монеты и личбы Польское». Суд констатирует, что Ганус выплатил «осмдесят и пять коп личбы Польское» и остался должен Аврааму «сорок коп Польское личбы». Общая стоимость поставленного жита определяется в «сто коп грошей литовских». Таким образом, 125 коп грошей польских приравнены к 100 копам грошей литовских — иными словами, грош «польское личбы» составляет 4/5 литовского, т. е. действительно является польским.

Первое упоминание узкой личбы относится к 1516 г., последнее — к 1535 г. В 1516 г. протокол брестского суда, разбиравшего имущественную тяжбу между князьями Вяземским и Федором Соколинским, называет различные

вещи стоимостью в «двадцать коп пенязных грошей на узкую личбу»[1].

Подтверждением тому, что этот вид личбы связан с польской монетной системой, может служить упомянутая выше жалоба от 19 июня 1523 г.: в ней жители Дрогичина мотивируют свой бойкот литовской «личбы широкой» тем, что «здавна личбою узкою торговали — по осми пенязей у грош».

Полугрошковая личба, как и в случае использования ее для литовского счета, зарегистрирована только один раз: в 1516 г. имение Остромечино на Брестчине оценено в 110 «коп грошей Польских полугрошковое личбы».

Широкая личба базировалась на пражском гроше (исключение — жалоба дрогичан от 19 июня 1523 г.). Ее появление относится к началу XVI в. Например, около 1509 г. жалованная грамота Сигизмунда I Пустынскому монастырю в Мстиславле налагает на село Любковское ежегодную подать в пользу монахов — «по тры рубли грошей широкое личбы». Этот вид денежного счета сходит на нет к середине 1560-х гг.— времени, когда пражский грош утрачивает сколько-нибудь существенное значение в рыночной жизни Великого княжества Литовского.

Для обозначения денежных сумм в серебре применяются переведенные во множественное число слова «пенезь (пенязь)» и «грош» — «пенези (пенязи)» и «гроши».

31 декабря 1501 г. Александр Ягеллончик велит краковянину Лерину Герешу создать соляные таможни в Луцке, Бресте и Дрогичине «за свои пенези».

В 1514 г. мытник Михель Юзефович предлагает Сигизмунду I построить за свой счет в Дрогичине мост, оговаривая при этом получение монопольного права на взимание на нем пошлины «от купецкого воза по пети пенезей». Сигизмунд, «бачачи таковую годную речь», позволяет Михелю «мост справити на его пенези, и на том мосту брати от купецкого воза по полугрошью, а от животины продажное (с головы скота, перегоняемого на продажу.— ***В. Р.***) по два пенези». Принципиальная разница между терминами «пенезь» (денарий) и «пенези» (деньги вообще) подтверждается этим документом совершенно однозначно.

20 апреля 1521 г. каштелянша Агафья Пясечинская подписывает в Бресте завещание в пользу Тороканского монастыря и церкви Святой Троицы. В нем упомянута сумма в «сто коп пенязей белых (серебряных.— ***В. Р.***) гроший литовских» (т. е. в виде серебряной монеты Великого княжества Литовского.— ***В. Р.***)».

---

[1] Этот документ интересен прежде всего тем, что при счете литовских (пенязных) грошей исходит из польской (узкой), а не литовской личбы: в нем 20 коп или 1200 грошей (12 000 денариев) Виленского двора при переводе их на стоимостный эквивалент, выраженный в чеканке Краковского двора, трансформировались в 1500 (12 000 : 8) грошей.

2 ноября 1539 г. суд потребовал от гродненского мещанина Мошко Хорошенького незамедлительного возврата долга шляхтичу Михайлу Федо́ровичу — «пенязей сумою шестдесят коп и пол осмы (семи с половиной.— *В. Р.*) копы в монете».

13 мая 1573 г. королевская грамота определяет стоимость села Рогачи на Брестчине в «пенезей пятисот коп грошей личбы литовское».

Более разнообразной, чем в XV в., становится лексика, определяющая суммы в звонкой монете: помимо термина «готовизна» используются слова «пенязи» и «гроши» в сочетании с эпитетами «рукоданые» (рукодайные), «готовые», «при́носные», «одличоные» (отсчитанные.— *В. Р.*).

8 сентября 1508 г. мытник Васька Костюшкович представляет подскарбию земскому Федору Хрептовичу отчет о таможенных доходах. В числе названных им сумм упомянуты «готовизною 200 коп без десяти грошей».

В 1511 г. жительница Трок Богдана Лобжина жалуется на своего должника Небогеля: «...виноват ми пять коп грошей рукодайных, и он ми тых пенязей не хочет платити».

1 апреля 1540 г. боярин Герасим Самострельникович сообщает виленскому суду, что урядник Жорославский со своими слугами нанесли ему побои: «...били, как хотели, у которого ж бою сгинул у ми пояс с калитою (кошельком.— *В. Р.*), а в калите было готовых осмнадцать грошей».

28 февраля 1553 г. витебская игуменья Мариамна обвиняет священника Иосифа в том, что он завладел принадлежавшими ее покойному мужу вещами и деньгами, в числе которых «приносных пенязей десять коп грошей широких».

9 марта 1579 г. могилевский мещанин Тишко Адамович занял у подскарбия Офанаса Яковлевича «готовых рукоданных и одличоных гроши коп двадцат две монеты и личбы литовское», обещая вернуть их «грошми готовыми».

Несмотря на высокий уровень развития денежного хозяйства Великого княжества Литовского, его рынки продолжают широко использовать такую архаичную практику торговых сделок, как обычай расплачиваться товаром, а не монетой. Наиболее употребительными товаро-деньгами являются меха пушного зверя, названия которых позаимствованы некоторыми видами податей (куница, куничное; бобровщизна, бобровничое).

16 июля 1503 г. грамотой Александра Ягеллончика подтверждается традиционная подать на «всей земле Витебской»: «Ино нам куница шерстию (в виде шкурки.— *В. Р.*) с мирщины... а закладная куница — по десяти грошей».

7 апреля 1514 г. грамота Сигизмунда I определяет размеры поборов с Могилевской волости: «На первей (прежде всего.— *В. Р.*) наш государский приход: триста коп грошей, чотыри рубли грошей бобровщизны... а бобров шерстию шесть, а куниц полтораста».

7 августа 1527 г. между брестчанами Акзаком и Михелем Юзефовичами с целью погашения взаимных претензий произведен расчет «сукны (сукнами.— *В. Р.*) дорогими и дешевыми... и зверем мохнатым — куницами, лисицами, горностаи... пенезми готовыми».

18 января 1529 г. упомянутый выше Акзак Юзефович берет в держание таможни Бреста, Дрогичина, Гродно и других городов и местечек за ежегодную плату в «две тысечи и по шести сот коп грошей монеты Великого князства Литовского...— половину тое суммы сукны, а половину пенязми».

19 июля 1540 г. на жителей Свислочской волости налагается дань — «бобры шерстию, або (или.— *В. Р.*) за бобра по сороку и по пяти грошей, а за куницу данную — по шести грошей».

1 апреля 1557 г. одна из дополнительных статей к «Уставе на волоки» подтверждает размеры предсвадебного налога с невесты, покидающей родные места: «Куница за девкою и вдовою, коли до другое волости идет, грошей 12».

17 февраля 1578 г. виленчанка Овдотья Романовна жалуется на своего брата, который из имущества ее покойного супруга дал ей только «шестнадцать грошей перцом».

Со второй половины XVI в. экономическое (а следовательно, и финансовое) положение Великого княжества Литовского и Польши стало заметно ухудшаться. Шла интенсивная утечка полноценных польско-литовских монет за границу. На Петрковском сейме 1559 г. земские послы представили «мемориал», указывающий на прогрессирующий дефицит в стране полноценной монеты из-за вывоза ее в Германию.

Сеймовое решение 1565 г. запрещает купечеству зарубежные поездки и объявляет вне закона «талеры злые и неважные» (низкопробные и легковесные.— *В. Р.*). Однако даже столь решительные меры уже не могли устранить кризисные процессы, подтачивающие финансы. Неуклонное падение реальной стоимости разменных денежных номиналов продолжалось: рыночный курс талера, составлявший в 1528 г. 24 литовских (30 польских) грошей, к 1545 г. повысился до 24,8 (31), 1551 г.— до 25,6 (32), 1567 г.— до 26,4 (33), 1578 г.— до 28 (35) грошей. Если в 1501 г. дукат котировался в среднем по 25,6 литовских (32 польских) грошей, то в 1528 г.— по 36 (45), 1545 г.— 42,4 (53), 1578 г.— по 45,8 (50) гроша.

80-е гг. XVI в.— 50-е гг. XVII в. Смерть Сигизмунда II Августа (1572) пресекла династию Ягеллонов. В Речи Посполитой наступает безкоролевье, ознаменовавшееся яростной грызней разномастных магнатских групповок,

каждая из которых стремилась усадить на пустующий трон своего ставленника. Наконец, 22 февраля 1574 г. Краковский сейм короновал представителя королевского рода Франции Генриха Валуа. Эта компромиссная акция не смогла примирить враждующие стороны. Менее чем через четыре месяца — 17 июня напуганный анархическим разгулом своих новых подданых Генрих тайно бежал на родину. На Варшавском сейме 1589 г. выступил белорусский шляхтич Иван Мелешка: «...Помню я короля Генрика, который з заморской стороны был, да зрозумел, што мы и ему немного давали шыбинковаты (безобразничать.— *В. Р.*)... так он, познавши, што то не шутка, да и сам, никому не сказавшися, проч поехал аж у свою сторону, аж за море скикнул».

В 1576 г. на престол Речи Посполитой избран семиградский (трансильванский) воевода Стефан Баторий, сумевший поставить государственные финансы на прочную основу.

Варшавский сейм 1578 г. заявил: «Крайне необходимо бить монету как в Литве, так и в Польше; что же касается иноземных монет, то одни следует изъять, а другие переоценить».

Краковский сейм 1579—1580 гг. объявил об унификации литовской и польской монетных систем, установив единые качественные и метрологические нормы для их эмиссий.

После длительного перерыва стали функционировать центры монетного производства в Великом княжестве Литовском (Вильно — с 1579) и Польше (Олькуш — с 1578, Познань и Мальборк — с 1584). Продолжает чеканку вольный город Гданьск. В 1581 г. Стефан овладел Ливонией, Монетный двор которой (Рига) переключается на выпуск выдержанных в польско-литовской стопе монет. В целом польско-литовское монетное производство представлено довольно широким набором номиналов в биллоне, серебре и золоте — от денария до дуката. До конца правления Стефана (1586) работает Монетный двор в г. Наги Бане (Семиградье). Чеканящиеся здесь талеры и дукаты активно участвуют в денежном обращении Речи Посполитой.

После смерти Стефана Батория вновь развернулась борьба между различными претендентами на освободившийся трон. В 1587 г. его занял под именем Сигизмунда III шведский принц Сигизмунд Ваза. При нем финансы Речи Посполитой достигли невиданного (как в предыдущей, так и в последующей ее истории) расцвета.

В Великом княжестве Литовском действует лишь один (Вильно) Монетный двор, но в Польше насчитывается уже семь общегосударственных дворов (Олькуш и Познань — с 1587, Быдгощ и Мальборк — с 1592, Всхов — с 1594, Люблин — с 1595, Краков — с 1598). Открываются три новых городских (Всхов — в 1588, Познань — в 1601, Торунь — 1629) и два частных монетных двора (Быдгош — в 1594, Лобженица — в 1612).

По-прежнему работают дворы Гданьска (1588—1632), Риги (1587—1621) и Эльблёнга (1614). Чеканятся денарии, тернарии, солиды, гроши, полуторагрошовики[1], трехгрошовики, шестигрошовики, орты[2], полуталеры, талеры, дукаты и португалы.

Производство низкопробной биллонной монеты приобрело настолько широкие масштабы, что стало подрывать курс полноценных номиналов, поэтому Варшавский сейм 1627 г. принял решение о прекращении ее чеканки, оговорив, однако, право всех выпущенных ранее монет на свободное обращение: «Постановляем, дабы на монетных дворах наших как в Короне, так и в Великом княжестве Литовском ни одна мелкая монета бита не была... Запрет этот не должен вредить прошлой монете: каждый должен давать и брать ее в соответствии с нынешней ее ценой».

В 1627 г. Виленский монетный двор, выпустив солид и грош, был закрыт. В Польше остался лишь Быдгощский двор, спорадически чеканивший небольшое количество полноценной серебряной и золотой монеты, и частный Монетный двор в Лобженице, бивший по 1630 г. крайне низкопробные денарии и тернарии. Относительно активно работают городские дворы в Гданьске и Торуни.

При Владиславе IV (1632—1648) ограниченное количество серебряных и золотых номиналов чеканят лишь два государственных монетных двора — Быдгощ (трояки, шустаки и орты — 1635, полуталеры — 1633—1634, 1640—1642, талеры — 1633—1636, 1638, 1640—1644, дукаты — 1639—1642) и Краков (полуталеры и талеры — 1644—1647, дукаты — 1644, 1647).

Виленский монетный двор напомнил о себе лишь однажды, выпустив в 1639 г. португал.

Продолжают действовать городские монетные дворы Гданьска (полуталеры — 1639—1641, 1646, талеры — 1636—1648, дукаты — 1633—1636, 1638—1648, двойной дукат — 1642), Торуни (полуталеры — 1640, 1642, талеры 1633—1648, дукаты 1633—1648) и Эльблёнга (мемориальный талер — 1636).

Систематические денежные эмиссии возобновляются со вступлением на престол (1649) Яна Казимира. Оживает Виленский монетный двор: в 1652 г. им отчеканены грош, трех- и шестигрошовик, в 1652—1654 гг.— солиды. В Польше продолжил работу Краковский двор, в 1650 г. открылись дворы Быдгоща и Познани, в 1656 г. — Львова[3]. Выпускается разнообразный набор денежных единиц: с 1649 г.— талер и

---

[1] Польск. pultorak, czech; бел., укр. — полторак, чех. Начало эмиссии — 1614 г.

[2] Нем. Ort (четверть) — серебряная монета в 1/4 (XVII в.), 1/5—1/6 (XVIII в.) талера.

[3] Работал с 1 марта 1656 по 30 апреля 1658 г., используя в качестве сырья серебряную утварь городских костелов. Выпустил шестигрошовики и орты на общую сумму в 102 464 злотых 15 грошей, предназначенную для частичной оплаты долга войску.

дукат, в 1650 г. впервые выбит медный солид и начата эмиссия единичного, двойного и тройного грошей, шестигрошовика и орта, в 1652—1653 гг. в значительном количестве выпущены биллонные солиды, с 1654 г. чеканятся полуторагрошовики.

В 1655 г. шведская армия, оккупировав значительную часть Польши, овладела Краковом. Захватив здесь оборудование Монетного двора, шведы по 1658 г., используя подлинные штемпели, вели чеканку низкопробной монеты.

С каждым годом все более активно-регулярный характер приобретают поступления иноземных (преимущественно — низкопробных) денежных эмиссий. Постановлением Варшавского сейма 1598 г., подтвержденным универсалом Сигизмунда III 1599 г., генеральным пробирером Польши назначен Каспар Рыткер. Ему поручается провести качественную апробацию обращающихся в стране зарубежных монет и установить их стоимостные соотношения с польскими номиналами. Рыткер оперативно справился с этим сложным заданием: уже в 1600 г. появилась его брошюра «Изображение и оценка монет всяческих иноземных...» В ней, в частности, германский трехкрейцеровик оценен 4 шелёнгами и 1,5 денариями польскими, в то время как формально паритетный ему польский пулторак котировался по 4 шелёнга и 3 денария.

В белорусских кладах начиная с 1580-х гг. появляются венгерские денарии и значительно чаще, чем прежде, встречаются российские копейки. Обращение этих монет не встречало противодействия властей. Так, Варшавский сейм 1616 г., требуя изъятия на рынках «злых» зарубежных монет, сделал исключение «для старых грошей чешских (пражских.— *В. Р.*), шелёнгов (денариев.— *В. Р.*) венгерских и старых денег (копеек.— *В. Р.*) московских».

Российские монеты упомянуты в книге полоцкой ратуши за 1643 г. в связи с грандиозным пожаром, уничтожившим большую часть города. 29 июля в два часа пополудни вспыхнул дом купца Василия Паука. Пламя, стремительно набирая силу, обратило в пепел «дома и маентности (имущество.— *В. Р.*) панов обывателей, замок верхний и нижний, коллегиум (ордена иезуитов.— *В. Р.*), костелы, церкви, ратушу, вежи (сторожевые башни — *В. Р.*)...»

В поджоге обвинена «девка» Федóра Моргунова, находившаяся в услужении у Паука. Отец ее, представший перед судом в качестве свидетеля, показал: у дочери были «две денги сребрные Московские, которые почала она гнуть на корали (сгибать в трубочки, чтобы использовать их как бусины для ожерелья.— *В. Р.*) и уронила оные денги, которые из рук ее чрез помост ганковы (сквозь щель пола.— *В. Р.*) вниз на землю упали». Федора начала поиски пропажи с зажженной лучиной, искра от которой попала на солому, сложенную в сенях...

Рис. 26. **Гравированные изображения тройных крейцеров («пултораков») Германии в брошюре Каспара Рыткера.**

Пояснительный текст: «Цена изображенных выше пултораков составляет четыре шелёнга и полтора пеняз. Если же принимать их по полтора гроша польских, то убыток на каждые сто злотых составит 5 злотых 16 грошей 2 шелёнга».

2 сентября приведен в исполнение судебный приговор: «Дабы впредь злоба людская и своеволие людей безбожных не ширились, ту девку Федору Моргунову в поле живо (заживо.— *В. Р.*) в прах спалить».

24 октября 1620 г. магистратский суд Могилева приговаривает мещанина Ивана Калачникова к смертной казни — «на шубеницу (виселицу.— *В. Р.*) за горло обвесить». Основанием для этого решения послужил возбужденный райцей (членом магистрата) Ярошем Казаном иск, сводившийся к следующему: «потаемным и злодейским способом» Иван ограбил его лавку, из которой, помимо значительной суммы в серебряной монете, похитил «копеек золотых чотыри»[1].

[1] Копейки и денги, выбитые в золоте, предназначались в России для монарших пожалований за ратную доблесть. Награжденные обычно пришивали их на шапку или рукав, поэтому они, как правило, пробиты. В 1610 г. царь Василий Шуйский, а в 1610—1612 гг. овладевшие Москвой польские интервенты из-за недостатка серебра выпустили в денежное обращение золотые копейки и денги по курсу вдесятеро дороже, чем одноименные серебряные монеты.

Клады первой четверти XVII в. (особенно к концу ее) нередко содержат серебряные восьмискиллинговики (восьмишиллинговики) и марки Дании, биллонные драйпёлькеры[1] различных областей Германской империи (Вестфалии, Ганновера, Рейнланда, Саксонии, Силезии, Франконии и др.). Эти монеты составляют относительно скромный, но очень характерный процент денежного импорта Беларуси.

Примерно с середины 1620-х гг. клады фиксируют три категории иноземных монет: биллон Прусско-Бранденбургского государства и Шведской Прибалтики, серебряная и золотая эмиссии стран Западной Европы.

Пруссия (Монетный двор Кёнигсберга) поставляла биллонные шиллинги и драйпёлькеры 1619—1627, 1633 гг., Бранденбург (Монетный двор Кёльна)[2] — драйпёлькеры и серебряные орты 1620-х гг. Шиллинги и орты составляли небольшую часть прусско-бранденбургского экспорта, о количестве же ввезенных драйпёлькеров можно судить хотя бы по тому, что они встречаются даже в кладах начала XVIII в.

Вторым, еще более крупным поставщиком монетного биллона стала перешедшая в 1621 г. под власть Швеции Прибалтика. В Риге периода шведского господства действовали два монетных двора: городской с 1621 г., выпускавший монету с гербом Риги (два скрещенных ключа под крестом), и с 1644 г. государственный, осуществлявший чеканку с гербом Ливонии (шагающий на задних лапах гриф). С 1632 г. к ним присоединился Монетный двор Эльблёнга. Поступления прибалтийских монет на территорию Беларуси состояли вначале преимущественно из драйпёлькеров, к которым в 1632—1633 гг. присоединились шиллинги.

В отличие от прусского в прибалтийском экспорте драйпёлькеры отошли на второй план, уступив ведущую роль шиллингам. Наплыв этого биллона был настолько значительным, что сеймы 1631 и 1633 гг., борясь с чрезмерным распространением низкопробной монеты, обрушились прежде всего на «злую монету эльблёнгскую и рижскую» и потребовали ее безотлагательного «загубленья и вынищенья».

Особый интерес представляет довольно объемная группа драйпёлькеров 1633—1635 гг. с обозначением их принадлежности Эльблёнгу и именем шведского короля Густава Адольфа (погиб в 1632 г.), а также еще большее количество шиллингов 1655—1656 гг. с гербом Рижского монетного двора и именем королевы Кристины Августы (отреклась от престола в 1654 г.).

---

[1] Нем. Dreipölker (три половинки, т. е. три полугроша) — грошены Германии 2-й пол. XVI—XVII вв., тип которых был воспринят польскими полуторагрошовиками.

[2] Речь идет не о Кёльне на р. Рейн, а об одноименном городе на острове между двумя рукавами р. Шпрее (в 1709 г. он слился с расположенным на левом берегу этой реки Берлином).

Странности этих монет не ограничиваются совершенно недопустимым с точки зрения государственной эмиссии несоответствием дат чеканки и имен монархов. Необычен и характер топографии их находок: в кладах Прибалтики, где, казалось бы, их должно быть намного больше, чем на других территориях, они встречаются гораздо реже, чем в Беларуси и на Украине. Это обстоятельство объясняется тем, что действительным местом их выпуска были отнюдь не Рига и Эльблёнг, а город Сучава (ныне — в Румынии). Здесь функционировал подпольный Монетный двор, специализировавшийся на фальсификации монет, широко бытовавших в соседних странах. Резчики штемпелей этого серьезно поставленного производства вовсе не обязаны были знать, когда в далекой Швеции один правитель сменял другого... Следует полагать, что сучавские фальшивомонетчики оказали существенную «помощь» Рижскому и Эльблёнгскому дворам в эмиссиях шиллингов и драйпёлькеров и с «законными» датами.

Третьей важной группой иноземных монет, вошедших в денежное хозяйство Беларуси, были западноевропейские талеры и дукаты. В кладах 1620—1630-х гг. талеры представлены чеканкой Брауншвейга, Саксонии, различных германских городов, Нидерландов, Швейцарии, Монако и других государств.

Начало особенно широкого талерного обращения на белорусских рынках следует, по-видимому, отнести примерно к первой половине 1640-х гг., когда начались массовые поступления патагонов[1], полупатагонов и четвертьпатагонов Испанских (южных) Нидерландов, лёвендаальдеров[2], полулёвендаальдеров, риксдаальдеров[3] и полуриксдаальдеров Республики Соединенных провинций (Северных Нидерландов). Дукаты были представлены в это время преимущественно северонидерландской чеканкой.

Прусско-бранденбургский биллон пополнился в первой половине 1650-х гг. значительным количеством шиллингов.

Прибалтийский монетный экспорт, достигший апогея между 1649 и 1653 гг., более чем вдвое сократился к концу 1650-х гг.

Импорт нидерландских монет заметно ослабел между 1650 и 1659 гг.

В целом максимальный приток в Беларусь прусско-бранденбургского и прибалтийского биллона, западноевропейского серебра и золота относится к середине века. Именно к этому времени создается основа огромного денежного фонда, который оказался в состоянии удовлетворить значительную

---

[1] От исп. pata (лапа): на аверсе этих монет — изображение так называемого «бургундского» креста в виде двух расположенных крест-накрест стволов деревьев, стилизованных таким образом, что окончания их напоминают птичьи лапы.

[2] Фламанд. leeuwendaalder — львиный талер.

[3] Фламанд. rijksdaalder — королевский талер.

часть запросов белорусского денежного хозяйства до конца XVII — начала XVIII в.

Что же помимо высокого уровня развития рыночной жизни Беларуси обусловило столь интенсивный ввоз иноземных монет на ее территорию? Важнейшей причиной этого явилось, безусловно, резкое сокращение денежного производства Речи Посполитой в последнее пятилетие правления Сигизмунда III и еще большее его ослабление при Владиславе IV.

Образование Прусско-Бранденбургского государства (1618) привело к усилению монетной чеканки обеих его частей. Так как Пруссия находилась в ленной зависимости от Речи Посполитой, продукция Кёнигсбергского и Кёльнского дворов имела особенно благоприятные условия для проникновения и на территорию Беларуси.

Швеция после захвата Ливонии с ее центром в Риге (1621—1625) и Эльблёнга (1626) стала непосредственным соседом Речи Посполитой. Закономерным следствием весьма активной деятельности Рижского и Эльблёнгского дворов явилось «выплескивание» массы отчеканенного ими биллона на смежные земли, в том числе и в Беларусь.

С конца 1640 — начала 1650-х гг. в кладах появляется необычная примесь в виде не имеющей даты чеканки маленькой медной монетки с изображением цветка чертополоха, окруженного латинской легендой «NEMO ME IMPUNE LACESSET» («Никто не прикоснется ко мне безнаказанно»).

Удивительна не столько «национальность» этой монеты, оказавшейся выпущенным Шотландией в 1632—1633 гг. торнером (двойным пенни), сколько тот факт, что именно она стала первой представительницей медноденежного обращения белорусских рынков[1].

Каким же образом попала в Беларусь эта, казалось бы, совершенно чуждая для нее как по металлу, так и по государственной принадлежности монета? Поиски ответа на этот вопрос позволили прочесть небольшую, но очень интересную страничку отечественной истории...

Начиная со второй половины XVI в. актовые источники Польши и Великого княжества Литовского часто упоминают шотландцев (шкотов, шотов), выступающих в двух совершенно несхожих обличьях — как мирные мелочные торговцы и как профессиональные воины-наемники.

Петрковский сейм 1563 г. в числе купцов-иноземцев упоминает «шкотов» и запрещает тем из них, кто не имеет постоянного места жительства, заниматься предпринимательской деятельностью. Жалоба на ущерб, причиняемый конкуренцией шотландцев местной торговле, содержится в Конституции Петрковского сейма 1567 г. «Бродячим шотам» в 1594 г. было запрещено торговать вне ярмарок.

[1] Медный польский солид 1650 г. практически не принял участия в денежном обращении на территории Беларуси.

Сигизмунд III, в 1598 г. пытавшийся овладеть шведской короной, снарядил для этой цели отряд из 300 человек. Флот, подготовленный для переброски этих сил к берегам Швеции, состоял из шести судов, крупнейшее из которых (галион — корабль с экипажем до 1500 человек), предназначалось лишь для шотландцев.

Предок М. Ю. Лермонтова «шкоцкий немец» Георг Лермант, погибший под Смоленском в конце 1633 или в начале 1634 гг. в звании ротмистра московского рейтарского полка, начинал военную службу в Беларуси. В 1613 г. он оказался в составе польско-литовского гарнизона, осажденного в крепости Белой (ныне — районный центр Смоленской области), и вместе с отрядом соотечественников перешел на сторону российского войска. В связи с этим становится понятным упоминание о нем в московской книге как о «белском немчине».

Со второй четверти XVII в. число шотландцев-иноземцев, покидавших родину, резко возрастает. Это явление находит объяснение в конкретных событиях англо-шотландской истории.

После заключения в 1603 г. унии между Англией и Шотландией английское правительство начало гонения пресвитерианской церкви Шотландии. Приняв особенно широкий размах при Карле I (1625—1649 гг.), они вынуждали многих шотландцев покидать родину. Одним из мест, наиболее привлекательных для изгнанников, стала Речь Посполитая, и в частности Великое княжество Литовское, где Радзивиллы, могущественнейшие магнаты этого времени, исповедовали близкий к пресвитерианству кальвинизм и усердно насаждали его в своих владениях[1]. Лишь в Беларуси кальвинистские храмы и школы имелись в Брестском воеводстве, Витебске, Лидском уезде, Ошмянском земстве, Новогрудке, Минске, Копыле, Койданове, Слуцке, Шклове и в ряде других мест.

В реестре купцов Пинска, составленном в 1620-е гг., перечислены четыре шотландца: «Томило Олешкович шот, Петр Шимкович шот, Олешко Охремович шот, Луцъя Литвинович шот». В столь славянском звучании этих имен нет ничего удивительного: упоминавшийся выше Георг Лермант в русских источниках «перекрещен» в Юрия Андреева; в приводимом ниже деле Виленского суда за 1629 г. один из шотландцев в протоколе на польском языке именуется Морденом, а в следующем, составленном на белорусском языке, — уже «Морденовичем».

К 1630-м гг. относится появление шотландских ремесленников и торговцев в Слуцке. Они основали здесь пресвитерианскую общину и, как единодушно отмечают упоминающие

[1] Первый кальвинист в роду Радзивиллов — Николай Рыжий (1512—1584), последний — Богуслав (1620—1669).

о них источники, значительно оживили местную торговлю, вывозя товары в Россию, Польшу, Германию и Голландию.

В первой четверти XVII в. шотландцы прочно обосновались в Вильно. Запись Виленского смешанного суда от 26 мая 1619 г. указывает, что один из домов, невдалеке от кальвинистского собора, принадлежит некоему «доктору шкоту».

Колоритную сценку из быта виленских горожан и шотландцев рисуют протоколы тяжбы, разбиравшейся трибуналом Виленского тюремного замка в 1629 г.

8 января из Амврозианской бурсы поступила жалоба на портного Матиаса Лукашевича и его постояльца шотландца Вильгельма Мордена. В ней сообщалось, что бурсак Андрей Скипор «с другими бурсаками Амврозианскими и студентами Академии Виленской, согласно с давними звычаями, в Вильно, по нескольким улицам ходя со звездой, учтиво пели, а затем к дому.., недалеко от собора евангельского (кальвинистского.— *В. Р.*) находящемуся, где тот Матыяш Кравец, яко хозяин, и тот шкот, яко сосед, живут, прийдя, под окном пели. Тогда тот пан Матыяш Кравец и тот Вильгельм Морден шкот... пана Скипора, при звезде поющего, подстрелили; из-за которого то здрадливого (предательского.— *В. Р.*) подстреленья пан Скипор на смертном одре лежит и неведомо, жив ли будет».

Оба обвиняемых впредь до особого разбирательства посажены под стражу. В протоколе, датированном 10 января, появляется новый персонаж — «шкот Карел Стынжин, слуга и товарыш шкота Якуба Окгульба». Он жалуется на то, что его «невинне тут осадили», ибо был он «з некоторым товарыством своим... у пана Вильгельма Морденовича, приятеля своего, для поседенья учстивого и забавы», когда пришли студенты, отмечающие Коляды, и, по рождественскому обычаю, начали славить хозяев пением «Щодрого вечора». «Мы,— продолжает Карел,— не маючы чого на тот час им дати, откладали до часу иншого, леч (но.— *В. Р.*) они, не слухаючи того от нас, але одеходечи, лаяли и соромотили нас. Зачым (поэтому.— *В. Р.*) я з пистолету своего у гору стрелил. За которым то выстреленем пан Матыяш Лукашевич, прыбегши з мешкання (помещения.— *В. Р.*) своего... почал нас всих лаяти и строфовати (укорять.— *В. Р.*). А за тым, товарыство мое, будучи подпилыми, перве пана Матыяша почали лаяти и соромотити, а потом... его били и мордовали (избивали.— *В. Р.*) и, замок отнявши от ворот, с того дому прочь есьмо уси пошли».

К сожалению, остается неизвестным конец этого трагикомического дела, в котором «невинне осаженным» оказался «измордованный» портной Матиас Лукашевич.

В XVII в. шотландцы разворачивают еще более активную, чем в XVI в., торговую деятельность, что вынуждает сеймы обстоятельно оговаривать суммы их налогового обложения.

Один из разделов поборного универсала Краковского сейма 1603 г. указывает, что «шкоты», носящие товары в «опалках» (плетеных корзинах), обязаны платить по злотому, а имеющие конный воз — по два злотых. Различные варианты этого постановления неизменно фигурируют во всех последующих сеймовых решениях — вплоть до конца 1660-х гг.

Не освобождались «шкоты» и от чрезвычайных поборов, налагавшихся на купцов Речи Посполитой. Например, Варшавский сейм 1649 г., объявивший о сборе 60 000 злотых, оговаривает, что в выплате их должны участвовать и шотландцы.

Решив собрать средства для субсидии английскому правительству, Варшавский сейм 1650 г. прибегнул к довольно оригинальному способу: разложил всю необходимую для этого сумму на шотландских и английских купцов, во «всех провинциях Речи Посполитой живущих».

Виленское купечество неоднократно выступало против поселения в столице княжества шотландцев, которые представляли серьезных конкурентов для местных торговцев, «нося в коробах мелкие товары по всему краю». О размахе деятельности этих «коробейников» можно судить, например, по тому, что она даже послужила поводом к жалобе виленских купцов, данной в инструкции послу, направленному 24 апреля 1658 г. к царю Алексею Михайловичу.

Документы сообщают, как правило, о шотландцах как о бродячих торговцах, настолько примелькавшихся на землях Речи Посполитой, что сам термин «шкот» становится синонимичным словам «перекупщик», «мелочный торговец». Неудивительно, что поэт XVII в. Д. Братковский в одной из эпиграмм использует для характеристики городского судьи, дремлющего при исполнении служебных обязанностей, понятие переметной сумы странствующего шотландца как вещи, хорошо знакомой и не требующей комментариев для читателя:

> Отчего вы, ваша милость, пан судья гродский
> Уши опустили, будто мешок шоцкий?

В сеймовых постановлениях галантерейные и другие мелкие изделия, подлежащие при продаже налоговому обложению, начинают выделяться в раздел «Товары шкоцкие». Очень примечателен в этом отношении один из параграфов Конституции Варшавского сейма 1650 г., в котором называются самые разнообразные виды галантереи — полотенца и рукавицы, веники и ножи, белила и бусы, гребни и иглы, нитки и наперстки, чулки и т.п. Обстоятельно перечисляются места их производства — Германия, Силезия, Голландия, Франция, Венеция, но нет среди них ни одного, происходящего из Шотландии. Тем не менее, все они объединены общим названием — «вещи шкоцкие».

Разносная торговля предполагает, прежде всего, платежи в монете самых мелких номиналов. Вполне оправданным поэтому представляется допущение, что торнеры, открываемые лишь в кладах низкопробной монеты, вполне могли служить

при мелких расчетах дробной частью по отношению к самым низким, чеканенным в биллоне номиналам.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в денежных захоронениях на территории Речи Посполитой зафиксированы двойные пенни лишь одного, битого в 1632—1633 гг. типа. Следует полагать, что имело место какое-то единовременное (или весьма ограниченное во времени) их поступление. Вероятно, принесенные иммигрантскими волнами 1630-х гг., они вышли на местные рынки в 1640-е гг.

Таким образом, пионерами медноденежного обращения Речи Посполитой стали монеты Шотландии.

В ходе русско-польской войны 1654—1667 гг. войско царя Алексея Михайловича оккупировало Вильно и Восточную Беларусь. Оно принесло с собой значительную массу российских денег. Это были не только номиналы традиционного, хорошо известного белорусам образца — серебряные копейка, денга (1/2 копейки) и полушка (1/4 копейки), но и новые, порожденные денежной реформой 1654—1663 г. монеты — серебряные рубль и полуполтина — «четвертак» (чеканились в 1654 г. на целых и разрубленных начетверо талерах с предварительно сбитыми изображениями и легендами), «ефимок» и «полуефимок» с нанесенными на них «признаками» (талер и его половинный фрагмент, контрамаркированные двумя клеймами: круглым — с изображением конного царя с копьем, прямоугольным — с датой «1655»), медные копейка и денга (выпускались в 1655—1663 гг.), грош (двухкопеечник), алтын и полтинник (чеканились в 1654 г.).

Для счета монет достоинством не выше копейки использовался арсенал российских счетно-денежных единиц — алтын (3 копейки), гривна (10 копеек), полтина (50 копеек) и рубль (100 копеек).

Термин «копейка», как ни странно, письменные источники этой поры обычно игнорируют: одна копеечная монета именуется двумя денгами, две — четырьмя денгами и т. д. Именно поэтому «выловить» в том или ином документе реальные копейки и денги (упоминания о полушке в актовых материалах Беларуси этих лет не встречены) оказывается возможным лишь в случаях, когда называемая сумма выражена нечетным числом денег. Например, три денги могли быть представлены копейкой и денгой, пять денег — двумя копейками и денгой, алтын и три денги — четырьмя копейками и денгой, гривна и пять денег — двенадцатью копейками и денгой и т. д.

Следует, впрочем, иметь в виду, что и «круглые» копеечные суммы вполне могли (по крайней мере, частично) состоять не только из копеечников: например, две денги — из двух «денговых» монеток или четырех полушек, четыре денги — из одной копейки и двух денег (четырех полушек) или четырех денег (восьми полушек), алтын — из двух копеек и двух денег (четырех полушек) или шести денег (двенадцати полушек) и т. п.

Серебряная часть этой волны российских денежных эмиссий была принята белорусским рынком довольно настороженно. Что же касается медных монет, то они с самого начала были встречены решительным бойкотом.

12 ноября 1655 г. царская грамота, адресованная Витебскому воеводе Ф. Ф. Долгорукову, сообщает: «Били челом Нам, Великому Государю, драгунскаго строю Лаврентьева полку Скрымзера начальныя люди — маеор Афонасий Дубасов с товарыщи, а сказал: дают де им Наше жалованье кормовыя денги ефимками серебряными и медными алтынники и грошевиками, а тех де серебряных и медных ефимков[1] и алтынников и грошевиков в Витепске всяких чинов люди за товары и за харчи и за конский корм не емлют».

27 июля 1656 г. мещане Минска жалуются Алексею Михайловичу: «У нас, сирот твоих, покупают салдаты хлебы и всякий харч, а дают нам, сиротам твоим, медныя денги и медныя тарели (полтинники.— *В. Р.*) и четвертины. А у нас, Государь, медных денег и медных тарелей и четвертин в ыных городех и в Менску не емлют и в уезде нихто. И на те медныя денги и тарели и на четвертины нам, сиротам твоим, ничего не продают. И в Менеск, Государь, за теми медными денгами и за медными тарели и за четвертинами нихто ничего на продажю не везет».

В 1657 г. челобитная сходного содержания направлена в Москву полоцкой шляхтой, просящей, «чтоб шли одне денги серебряныя, понеже для медных денег дороговизнь всякого хлеба... для чего убогия люди не токмо до нищеты, и к смерти приближаются...»

Несостоятельность российской медной монеты особенно отчетливо проявляется в начале 1660—х гг., что, очевидно, в значительной мере явилось следствием неблагоприятного для России хода военных действий.

Отписка воеводы Б. А. Репнина, посланная Алексею Михайловичу 26 января 1661 г., сообщает: «...могилевские мещане и всяких чинов жилецкия люди медными денгами не торгуют, за хлеб и за харч и за иное ни за что не емлют, и хлебными де запасы в Могилеве скудно... А твои де ратныя люди, которые в Могилеве оставлены, а те от хлебной скудости многие разбежались, а иные с голоду померли».

Высшим серебряным номиналом остается талер (таляр, талар, талиар, тарель)[2]. На эмиссии Речи Посполитой прихо-

[1] «Медные ефимки» — полтинники 1654 г., метрологические параметры которых (диаметр, масса) были близки к талерным.

[2] Русское название талера («ефимок») использовалось преимущественно в документах 1654—1667 гг., адресованных российской администрации, и вышло из употребления с уходом из Беларуси армии Алексея Михайловича.

дится лишь небольшая часть находящейся в обращении талерной монеты, представленной преимущественно чеканкой западноевропейских стран. Тем не менее, источники, упоминающие талеры, опускают указания на их государственную принадлежность, что, несомненно, объясняется относительной качественно-весовой стандартностью денежных единиц этого достоинства. Правда, иногда это правило нарушается.

В духовном завещании полоцкого мещанина Якова Ходыки, составленном 11 ноября 1626 г., названы «талеры шведские — триста сорок семь и полталяра».

19 мая 1632 г. гетман Великого княжества Литовского Лев Сапега формирует пеший отряд из 100 человек с ежемесячной платой ротмистру — двадцать, поручику — десять, хорунжему и десятникам — по пять, солдатам — по четыре «таляра венгерских».

В отдельных случаях «национальность» фигурирующих в документах талеров можно установить благодаря местным их названиям.

Риксдаальдеры северных Нидерландов именовались «мечовыми» или «палашниками» (по изображению на них воина с мечом). 4 апреля 1634 г. городской суд Вильно рассматривает дело об избиении евреев-ремесленников. Один из истцов — Марк Самуэлович «сказал, что у него взято пенязей — мечовых таляров два». 27 марта 1649 г. витеблянин Мишко Боженок с двумя спутниками, ехавшие по торговым делам в Великие Луки, подверглись нападению некоего «боярина Царского Величества», который «разбойным способом взял у них таларов палашников десеть».

Лёвендаальдеры северонидерландских провинций назывались «левками», «талярами левковыми», «левиками» (по изображению на них льва). Последнее из этих названий, в отличие от двух первых, встречается очень редко. Примером его использования может служить имущественная опись могилевчанина Семена Мартынова от 30 декабря 1650 г., сообщающая о сумме в «три тысячи левиков».

Патагоны Испанских Нидерландов определялись как «крыжовые» или «крестовые» (по изображению на них бургундского креста в виде двух скрещенных боевых палиц Геракла). В мае 1651 г. могилевский купец Осипка Иванов приобрел в Сибирском приказе Москвы партию соболиных мехов, отдав за них «117 ефимков крестовых».

Талеры (8 реалов) Испании именовались «реелами», «рееловыми», «рыеловыми», «рыяловыми». 3 июня 1625 г. витебский мещанин Филон Гром подписывает завещание, среди денежных сумм которого фигурируют «готовых грошей рыяловых талеров двадцать осм и полталера».

Если государственная принадлежность того или иного талера не имела в сделках купли-продажи значения, то его материальные характеристики (проба, вес) играли, естественно, главенствующую роль.

Большинство талерных номиналов соответствовало сложившимся в Западной Европе качественно-метрологическим стандартам. Тем не менее нередко проводились эмиссии, существенно отклонявшиеся от этих стандартов в худшую сторону. К ним относились, прежде всего, лёвендаальдеры, неизменно отделявшиеся от «твердых», полноценных талеров.

Например, 3 февраля 1580 г. шкловский мещанин Иван Буткович обращается к могилевским властям с жалобой на свою жену Масюту, которая, воспользовавшись его отлучкой, «з жолнерами (солдатами.— *В. Р.*) проч утекла, забравшы тарелей пятдесят, а монеты десет коп грошей, левков двадцать». В этом документе «левки», будучи отнесенными к менее ценной части взятых Масютой денег, совершенно определенно противопоставлены «тарелям».

Различные виды неполноценных талеров получают общее имя — «злотовые» («золотковые», «злотковые»)[1]. Официально этот термин был введен Варшавским сеймом 1620 г. при определении курса различных крупных номиналов: «...таляры старые — по злотых четыре, талеры злотовые — по грошей тридцать и семь».

Иван Калачников, ограбивший лавку Яроша Казана (см. выше — приговор суда могилевского магистрата от 24 октября 1620 г.), через несколько дней явился к своей жертве с просьбой «таляр разменити на монету». Ярош опознал в этом талере один из похищенных у него, что позволило уличить Ивана и изъять у его жены «готовых золотковых талярей пять».

В завещании судьи Пинского уезда Дадибога Масневича, составленном 23 марта 1651 г., в перечень неполноценных монет включены десять «таляров злотковых».

Талер, как и прежде, служит весовым эталоном для серебра. Например, 14 января 1595 г. витебский мещанин Влас Дорошкович обвиняет некоего Василия Ляскина в том, что тот, ворвавшись в его дом, забрал деньги и «сыгнет серебреный, в который управлено было полтоляра».

Большинство из обслуживавших рынки дукатов было, как и талеры, представлено западноевропейскими эмиссиями. В отличие от талеров, они практически не имели различий в реальных стоимостях, поэтому указания на их происхождение становились совершенно ненужными. Лишь в отдельных, редких случаях исключения традиционно допускались для венгерской чеканки.

22 января 1580 г. торговец из Познани Лазарь Шмирлович дает обязательство вернуть могилевскому купцу Мартину Василевичу долг «не фантами, а едно (не

[1] Происхождение этого названия связано с выпущенными Польшей в 1587, 1620—1622 гг. «злотовыми» (паритетными 30 польским грошам) талерами.

движимым имуществом, а только.— *В. Р.*) чирвоными злотыми венгерскими».

11 апреля 1580 г. виленский портной Дешко просит судебные власти начать поиски сбежавшего от него ученика, унесшего с собой «чырвоных золотых вєнгерских шесть».

В 1612 г. стоявшему под Москвой воеводе Яну Сапеге посылаются «золотыми угорскими 1428 золотых с полузолотыми (полудукатами.— *В. Р.*)».

В апреле 1651 г. могилевчанин Ерофей купил в Сибирском Приказе Москвы 80 соболиных мехов, «а вместо денег (копеек.— *В. Р.*) дал 14 золотых угорских с полузолотым...»

Дукат остается основной единицей, определяющей вес золотых ювелирных изделий.

10 июля 1582 г. в Дубровно татарин Обрахман Ойдаревич, избив мещанина Павла Горла, забрал его «полторы копы грошей и два перстенки золотых, у которых было золотых черленых тры».

29 октября 1598 г. виленский татарин Айса Шабанович избил и ограбил купца Ключатого, отняв у него «сыгнет золоты, в котором было полпета (пять с половиной.— *В. Р.*) золотого чырвоного».

4 февраля 1617 г. виленчанин Павел Ботевич требует у ростовщика Герша Мойжешковича возвращения отданных под залог двух золотых цепей весом в «червоных венгерских сто осмнадцат и пол».

10 июля 1641 г. брестская мещанка Александра Степанова жалуется суду на мужа, пропившего ее приданое: «...потратил перстенков два по дву червоных в каждым...»

5 июня 1654 г. оршанский суд оформляет завещание скарбника Якова Ломского, поручающего жене использовать «сто червоных злотых» на изготовление церковной утвари для Кутеинского монастыря, где он рассчитывает быть погребенным.

Наиболее существенные изменения в содержимом денежного хозяйства свелись к практически полному исчезновению из обращения денариев и полугрошовиков, к фактическому прекращению (после 1627 г.) эмиссий грошовиков. В то же время появляются новые номиналы — солиды (шелег, шеляг); полуторагрошовик (полторак, чех), орт; гораздо более широкое распространение получают монеты достоинством от трехгрошовика до дуката.

Несмотря на то что общегосударственная монетная система, введенная при Стефане Батории, уравняла реальные стоимости денежных единиц Великого княжества Литовского и Польши, исчисления сумм, как и ранее, ведутся по литовской и польской «личбам», в которых польский грош оценивается на 1/5 ниже литовского.

Самой мелкой (на этот раз — уже чисто счетной) денежной единицей становится денарий (пенезь, пенязь). Чаще всего он фигурирует в документах, связанных с различного рода налоговыми обложениями.

«Мытная (таможенная.— *В. Р.*) книга» Бреста за первую половину 1583 г. отмечает, что везущий «до Люблина товар свой» брестчанин Левко Бендич 11 февраля уплатил пошлину в «коп 2 и грошей 30, а недодал пенезей 7 1/2»; от пинского купца Данилы Милковича, отправлявшегося в Познань, 24 марта получено «коп 7, грошей 4, пенезей 1 1/2» и т. п.

«Инвентарь» Кобринского староства за 1597 г. сообщает, что с обывателей Пружан собрано 11 коп 55 грошей и 2 1/2 денария в счет налога за 1430,5 прутов (прут — 237,3 м^2) земли — по 5 «пенезей» с прута. Итак, пружанцы выплатили 7152,5 (5 × 1430,5) денариев, т. е. 715,25 десятиденариевых счетных литовских грошей. При переводе этой суммы на копный счет (715,25 : 60) оказывается, что она действительно соответствует 11 копам 55 грошам и 2 1/2 денариям.

16 марта 1620 г. земский суд Витебска регистрирует сумму налога, собранного с повятовых (уездных) жителей,— 1562 злотых 12 грошей и 1/2 денария.

«Инвентарь» Бобруйского староства за 1639 г. перечисляет поборы с горожан: «...улица Подольна — грошей 15 и пенезей 2 1/2... завулок. Безносовки — грошей 3 и пенезей 8 1/3...»

При наложении различного рода штрафов традиционно используется польская гривна.

18 июля 1591 г. могилевский цех солодовников требует, чтобы «жаден товарыш (т. е. никто из его членов.— *В. Р.*) не смел солоду продавати гостю, корчмаром и кормчихам (купцу, кабатчикам и кабатчицам.— *В. Р.*) без ведомости старостиное (не поставив в известность старшину-цехмистра.— *В. Р.*)» под угрозой «вины в две грывни грошей».

26 марта 1638 г. брестский лавник (присяжный заседатель) Диспут подает в суд жалобу на старшин портняжного цеха, взыскивающих непомерно высокий (50 злотых) вступительный взнос. Старшины, в свою очередь, обвиняют Диспута в том, что, получив звание мастера, он уклонился от устройства, согласно обычаю, праздничной «коляции» (ужина). Судьи признают виновными обе стороны и обязуют цех уменьшить вступительный взнос до 10 злотых и уплатить штраф в 1 гривну, а Диспута — организовать «коляцию».

Изредка гривна переходит в категорию литовских счетно-денежных единиц, иными словами, определяет сумму в 48 литовских, т. е. в 60 польских счетных грошей. Например, составленный 20 января 1635 г. «Порадок (устав.— *В. Р.*) цеху меховницкого и рукавишницкого» в Могилеве предупреждает: «Если бы кто из чужих мейсц (городов.— *В. Р.*) з товарами ремесел наших прыезджал и кто бы без ведома цехмистра нашого продавати одважился, таковой кождый мает заплатити по пяти грывен литевских».

Основой исчисления сумм, выраженных в литовских грошах, остается копа, в польских — злотый.

Постановление гродненского земского суда от 16 января 1615 г. по делу об убытках, нанесенных шляхтичем Станиславом Толочкой помещику Якобу Ейсмонту, констатирует, что у пострадавшего были отняты шапка, которая «коштовала полкопы грошей литовских... шабля за пять золотых польских...». Обвиняемый за грабеж, «подвакротный бой киевый» (двукратное избиение палкой.— *В. Р.*) и «вырване волос» у Ейсмонта присуждается к выплате «сорока коп грошей литовских».

Иногда как копа, так и злотый опираются не на гроши, а на иные реальные монеты с последующим переводом их на грошовые курсы.

23 июня 1623 г. земский суд Витебска запротоколировал закладную сделку воеводы Егора Нешийки, получившего за свое имение Коромиды «грошми добрыми... талярами старыми коп семдесят — кождый талар по золотых тры польских, талярами левковыми коп семнадцать — кождый по копе литовской, а червоными золотыми коп десеть — кождый червоный по копе две грошей литовских, ортами коп трыдцать чотыры — кождый орт по грошей петнадцать литовских, полтораками былгоскими (Быдгощского монетного двора.— *В. Р.*) и шелегами — коп семдесет чотыры, ортами даньскими (марками датскими.— *В. Р.*) и кгданьскими (гданьскими.— *В. Р.*) коп шестнадцать литовских: орт даньский — по грошей шестнадцать, а орт кгданьский — по грошей чотырнадцать литовских... а реелами коп две — кождый реел по копе литовской[1]; а до того монетою (различными мелкими номиналами.— *В. Р.*) коп петдесят».

С конца 1580-х гг. на копу начинают считаться не только польско-литовские монеты, но и копейки. 20 октября 1589 г. в селе Борисове на Брестчине разграблен дом земянина Веремея — «...з скрынки (сундучка.— *В. Р.*) взято... денгов московских, личечи на монету (в пересчете на гроши.— *В. Р.*), десять коп грошей литовских».

4 апреля 1634 г. ограблен виленчанин Марк Самуелович — «взято у него пенезей... денег москевских коп тры и седм копеек».

31 октября 1640 г. священник брестской Пречистенской церкви Михаил Ярошевич обвиняет мещанина Ивана Бельке-

[1] Речь, очевидно, идет о макукинах (от арабск. «макук» — неправильный) — разновидности восьмиреаловых талеров Испании, чеканившихся в американских владениях испанской короны с 1572 г. Она выбивалась на неправильной формы пластинах, имевших меньшую, чем талерная норма, массу. Именно этим, следует полагать, и объясняется то, что в этой записи «старые» талеры оценены по 90 польских (72 литовских) грошей, а «реелы», как и второсортные «левки»,— лишь по 60 литовских (75 польских) грошей.

вича в том, что тот «доходы той церкви побрал — денег москевских коп тры...»

Порою злотый, как и гривна, теряет свою исключительную принадлежность к польской системе счета, а копа — к литовской. Первый используется для исчисления денежных сумм в литовском гроше, вторая — в гроше польском.

В 1653 г. могилевчанин Ефим Хомутовский дает князьям Николаю и Юрию Головчинским под залог их вотчины «денег тринадцать тысяч коп золотых литовского счету». Фигурирующие в этой записи злотые содержат уже не по 30 польских, а по 24 паритетных им литовских гроша. Этот документ интересен и тем, что злотые в нем теряют свою «независимость»: их количество исчисляется в копах.

В сентябре 1654 г. оршанец Карп Тимофеев сообщает могилевскому суду, что «должен ему жидовин Енох Якубов 176 коп полским числом (счетом.— *В. Р.*)... и он де из Могилева утек». Копа в этом случае представлена уже не 60 литовскими, а 72 равноценными им польскими грошами.

Рубль, как и прежде, соответствует ста литовским грошам. В этом легко убедиться, проанализировав содержание приговора, вынесенного в Гродно 14 июня 1621 г. земянам Ивану Богатыровичу и его супруге за избиение и ограбление боярина Адама Батюшкевича: «Навезки (штрафа.— *В. Р.*) им... самому пять коп грошей, а жоне его десеть коп грошей — за грабеж вола осм коп грошей, за сани осм грошей, за бочку грошей дванадцать, за дежу грошей осм, вины тры рубли грошей; усего сумою коп двадцать осм и грошей двадцать осм литовских». Итак, 1408 грошей (23 копы 28 грошей) + 3 рубля = 1708 (28 коп 28 грошей) литовским грошам. Отсюда — 3 рубля = 300 (1708—1408), т. е. 1 рубль = 100 литовским грошам.

Понятие «рубль» расширяется за счет его российского варианта, используемого не только для копеек, но и для пересчета на них польско-литовских и западноевропейских номиналов.

Челобитная могилевского войта Николая Кгельда «со товарищи», направленная Алексею Михайловичу, сообщает: «Во [7] 164 (1654.— *В. Р.*) году маия против 16 числа в ночи... воровские люди покрали погреба, взяли мирских ратушных (магистратских.— *В. Р.*) денег семь сот пятьдесят рублев, да моих и Ермошкиных тарелей и левков (талеров и лёвендаальдеров.— *В. Р.*) и ортов и чехов и шелегов и мелкой рухляди на тысячю на тридцать пять коп... А тот вор Артюшка Туленин пойман в той татбе (в том разбое.— *В. Р.*) и винился с пытки, что он тот погреб и денги крал с товарищи своими... и разделили денги на трое по пол чети (по три с половиной.— *В. Р.*) талери, и левки отдали салдату, по прозвищо Пешехону, для того, что (чтобы.— *В. Р.*) он их перепустил через меншой вал, через городовую стену... А тот тать Артюшка отдал мелких денег триста десять рублев, и те я денги отдал в ратушу, а

моих чехов вернул мне на девяносто на полтора рубли на десять денег...»

13 ноября 1655 г. воевода В. П. Шереметев сообщает царю, что в Верхнем городе Полоцка сооружены новые сторожевые башни, на что потрачено «руских денег три рубли да шелягами сем рублев, а в рубль считано по двесте осмаков, а осмак считано про 3 шелега». Итак, 100-копеечный счетный рубль соответствовал 200 польским грошам-осмакам, на каждый из которых шло по 3 солида-шелега. Следовательно, серебряная копейка шла по курсу 2 польских грошей или 6 солидов. При переводе этих соотношений на литовскую систему счета копейка оказывается равной 1 3/5 (2 × 4/5) литовского гроша, паритетного 3 3/4 (6 : 1 3/5) солида.

3 декабря 1655 г. приходно-расходная книга Полоцкого магистрата зарегистрировала поступившие в городскую казну «рускими денгами семдесят три рубли и одиннадцать алтын три денги, да сто три червоных золотых, да семнадцать яфимков, да шездесят три левка, да денег литовскими денгами тридцать коп шелегами, а рускими денгами будет тех шелегов в тридцати копах одинадцать рублев восм алтын две денги». Этим документом подтверждается сообщение предыдущего: 1125 копеек (11 рублей 8 алтынов 2 денги) равноценны 1800 (60 × 30) литовским грошам или 6750 (3 3/4 × 1800) солидам. Таким образом, копейка выступает как паритет 1 3/5 (1800 : 1125) литовского гроша или 6 (6750 : 1125) солидов.

Для обозначения абстрактных денежных сумм (безотносительно к их размерам и конкретному монетному содержанию) продолжают использоваться термины «пенязи» и «гроши». К ним в середине 1650-х гг. присоединяется пришедшее из России слово «денги»; как и «ефимок» в применении к талеру, оно не прижилось в Беларуси и практически полностью исчезло из ее торговой лексики с завершением войны 1654—1667 гг.

В конце XVI в. начинают проявляться тревожные симптомы нарушения благополучия государственных финансов Речи Посполитой. С одной стороны, расширяющийся характер приобретает вывоз полноценной монеты за пределы страны, с другой — активизируется приток иноземных низкопробных эмиссий. Эти процессы, особенно усилившиеся с середины 1620-х гг., вызывают прогрессирующее падение покупательной способности разменных номиналов при одновременном вздорожании полноценных монет.

Уже в 1598 г. Варшавский сейм забил тревогу. В разделе «О монете как своей, так и чужой» принятой им Конституции заявлено: «Большой урон наносится державам нашим (Великому княжеству Литовскому и Польше.— *В. Р.*) повышением, вопреки решениям нашим, цен на червоные злотые и таляры... Постановляем поэтому, дабы никто впредь не осмеливался червоный злотый оценивать дороже, чем по пятьдесят и восемь грошей (польских.— *В. Р.*), а таляр — дороже, чем по тридцать шесть грошей... Мелкие монеты чужеземские, множество которых в державы наши ввозится, могут быть принимаемы только в соответствии с установлениями нашими».

То, что это заявление осталось гласом вопиющего в пустыне, доказывается появлением почти полвека спустя (7 декабря 1645 г.) «Листа» Владислава IV: «...В Великом княжестве Литовском разных сословий люди различными способами скупают монету стародавнюю — червоные злотые, таляры твердые и реаловые, также орты быдгощские и гданьские, монету старую Великого княжества Литовского и вывозят за границы держав наших, а взамен таляры злотовые и левковые ввозят. Повелеваем, дабы никто из держав наших за границу таляров твердых, реаловых, червоных злотых, также полтораков быдгощских вывозить, а талеров левковых и злотовых ввозить не смел под угрозой конфискации таковых монет и кары по законам Речи Посполитой.»

С первого же года правления Яна Казимира предпринимаются отчаянные попытки упорядочения денежного хозяйства страны. Они, как правило, выражаются в суетливо-непоследовательных, зачастую противоречащих друг другу решениях и действиях.

Коронационный Варшавский сейм 1649 г. сформировал специальную комиссию для выработки программы денежной реформы. Эта комиссия, собравшаяся во Львове 6 мая 1650 г., подготовила «Ординацию», основные рекомендации которой сводились к следующему:

— понизить рыночные котировки талера (с 3 до 1,5 злотого) и дуката (с 6 до 3 злотых);

— в трехмесячный срок изъять из обращения низкопробную иноземную чеканку и выплавить из нее серебро для собственного монетного производства;

— усилить эксплуатацию отечественных серебряных рудников;

— ввести единую для всех серебряных монет пробу;

— запретить монетчикам под угрозой смерти перечеканку полноценных монет в низкопробные разменные номиналы;

— начать эмиссию медного солида с реальной стоимостью в 1/4 гроша;

— ужесточить кару за подделку монеты (конфискация имущества — для шляхты, смертная казнь — для простолюдинов и иноземцев).

Большинство этих рекомендаций так и не были претворены в жизнь. Универсал Яна Казимира от 14 января 1651 г. заявил, в противоположность львовской «Ординации», о повышении рыночных курсов монет: дукат должен был котироваться по 7 злотых; «твердый», «левковый» и «золотковый» талеры — соответственно по 3,5, 2,5 и 1,5 злотых; орт, шестигрошовик и трехгрошовик — по 21,7 и 3,5 грошей; двухгрошовик и грош — по 7 и 3,5 солидов.

Менее чем через полтора месяца (24 февраля) новый королевский универсал объявляет об отмене предыдущего.

В 1654 г. *принимается решение о возвращении* к качественным и весовым нормам монет времени Сигизмунда III, но уже 1 марта следует резкое понижение серебряного содержания шестигрошовика и орта, в 1657 г. и 1658 г.— вновь орта.

Война со Швецией (1654—1660), потребовавшая огромных денежных средств, пробила очередную брешь в истощенных государственных финансах...

Итак, инфляционные процессы оказались непреодолимыми: если в 1586 г. полноценный талер разменивался на 28 литовских (35 польских) грошей, то к 1600 г. его курс поднялся до 29,6 (37), к 1611 — до 35,2 (44), к 1623 —до 72 (90), к 1660 — до 84 (105) грошей; дукат, в 1586 г. стоивший 40 литовских (50 польских) грошей, к 1600 г. подорожал до 48 (60), к 1619 — до 64 (80), к 1632 — до 132 (165), к 1648 — до 144 (180) грошей.

В конце 1650-х гг. финансы Речи Посполитой балансировали на грани полного истощения.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ 2-й ТРЕТИ XVII — СЕРЕДИНЕ 90-х гг. XVIII в.

Монетные дворы Речи Посполитой и их продукция

Денежная реформа 1659—1666 гг.

Брестский монетный двор

Солиды-«боратынчики» и тридцатигрошовики-«тымфы»

Переход рынков Речи Посполитой на биметаллическую денежную систему

Причины слабой акклиматизации русской монеты на рынке Беларуси

Севский чех

Прекращение деятельности общегосударственных монетных дворов Речи Посполитой

Чеканка польских монет в Саксонии

Гродненский монетный двор

Московские шестаки и тинфы

Возобновление деятельности Краковского и открытие Варшавского монетных дворов

Денежные реформы 1752, 1787 и 1794 гг.

Начало бумажноденежных эмиссий Речи Посполитой

Поступления монет Пруссии, Нидерландов и России. «Куренция» (тутэйшая, белорусская, наша, русская, копейчаная) — система белорусского денежного счета

Гривна тутэйшая. Злотый русский. Разделы Речи Посполитой

Переход ведущей роли в денежном хозяйстве Беларуси к российской монете

ГЛАВА VIII

Социально-экономическое и политическое развитие Речи Посполитой этого периода, в отличие от большинства европейских держав, не завершилось сменой сословно-представительной монархии абсолютистской. Крепнет фольварочно-барщинная система, разоряется крестьянство; хиреют города, так как обнищание деревни приводит к снижению ее покупательной способности и ослаблению связей с внутренним рынком. Магнаты, получающие большие доходы от внешней торговли, все чаще предпочитают вести ее сами, минуя посредничество горожан.

Не последнюю роль в подрыве городской торговли сыграло и развитие сельского ремесла: феодалы поощряют создание при фольварках очагов ремесленного производства, основанного на труде крестьян. Это приводит к еще большему сужению внутреннего рынка, так как продукция сельских ремесленников реализовывалась преимущественно в пределах владений того или иного магната. Таким образом, города подвергались заметным ограничениям в сфере не только внешней, но и внутренней торговли.

Разрушительное действие на экономику страны оказывают ее продолжительные войны с Россией и Швецией, народные восстания.

Закономерным следствием хозяйственной разрухи Речи Посполитой становится глубокий кризис ее политической жизни. Если власть монарха была основательно подорвана еще в конце XVI — первой половине XVII в., то теперь теряет прежнее значение и основной орган государственного управления — сейм, дееспособность которого была по сути парализована практикой «либерум вето»[1].

---

[1] Лат. liberum veto (свободно запрещаю) — право каждого депутата, не утруждая себя аргументацией, отвергнуть любое сеймовое решение. В результате заседание сейма прекращалось, а все уже принятые им решения объявлялись недействительными. Введенное в 1589 г. для общегосударственных сеймов, «либерум вето» в 1666 г. распространилось на повятовые (уездные) и воеводские сеймики. В 1764 г. оно несколько ограничено — не распространялось на вопросы, связанные с экономикой; отменено лишь в 1791 г. С 1652 по 1762 г. использование этого права привело к срыву 48 сеймов!

Местные органы власти — повятовые и воеводские сеймики — становятся полями сражений (нередко — в буквальном смысле этого слова) сил соперничающих магнатов.

«Диариуш (дневник.— *В. Р.*) жизни» писаря скарбового Игната Лопатинского описывает заседание Мстиславльского сеймика 1733 г., которое автор наблюдал в костеле, где оно происходило: «Пан Лявон Илинич, гродский писар из партии Валовича, маючи в руках сякерку тонкой работы, хотел ею ударить в лоб подстаросту Шпилевского, но тот убежал. Станислав Волович вскочил на стол и выхватил шаблю...

Обе партии не ленились: сеча продолжалась около часа. Члены партии валовичевой выбежали из костела и сеймиковали на улице возле корчмы...

В той сече в обеих партиях было множество побитых... двое от тяжких ран сразу же умерли».

Король Станислав Август в «Воспоминаниях» рассказывает, как в юные годы участвовал в работе Брестского сеймика 1753 г.: «Необходимо было перед сеймиком несколько дней подряд вести с утра до ночи переговоры с этим сборищем (депутатами.— *В. Р.*), восторгаться нелепицами и скверными шутками, заключать в объятия грязные, вшивые фигуры.

Для передышки следовало десять или двадцать раз «советоваться» с повятовыми вожаками, то есть выслушивать овеянные величайшей таинственностью подробности их никчемных семейных свар, учитывать их взаимную зависть, ходатайствовать о назначении их на повятовые должности и обсуждать с ними, сколько и кому из выборщиков шляхетского рода дать наличными...»

Брестский каштелян Марцин Матушевич вспоминает о победе своей «партии» на Брестском сеймике 1755 г. Депутаты, собравшиеся в костеле, рассказывает он, после словесных баталий перешли к делу: «Чотырнадцать человек з того боку посекли, а з нашого боку — тольки одного Куявского, музыканта брата моего полковника».

Феодалы совершенно открыто игнорировали и без того призрачную королевскую власть. Их ничем не сдерживаемое самовластие в своих владениях отражено, как в зеркале, словами крупного магната Я. Яблоньского: «Кто я? Князь — этого мало, богатырь и министр — еще мало, король польский — и этого мало, епископ и кардинал — мало, император — мало, папа — но и этого мне мало. Если бы существовали еще какие-нибудь высокие звания и должности, то и те принадлежали бы мне».

Кароль (Карл) Радзивилл (1734—1790), более известный современникам как пане Коханку, выразился более кратко, но не менее определенно: «Король себе королем в Кракове, а я — в Несвиже». Подобные заявления отнюдь не были пустым бахвальством высокомерных феодалов: они отражали действительное положение вещей...

Пане Коханку ежегодно получал со своих необъятных владений до 20 млн. злотых, что в полтора раза превышало сумму поступлений в государственную казну Речи Посполитой. Неудивительно, что очевидец писал: «Было нечто монархическое в несвижском имении Радзивилловского дома. Умолчу о пирах, на которые собиралась почти вся Литва, умолчу даже о театре, оркестре, милиции, достигавшей до 8000 различного вооружения. Охотников было такое множество, что даже мало кто из королей имел столько гайдамаков и казаков».

Другой современник, говоря о безудержном, не признающем никаких пределов магнатском разгуле, с едкой иронией замечает: «...съедаются и пропиваются фольварки, села и поветы. Погреб, кухня, кондитерская так хорошо организованы, что если бы такой порядок был в управлении Польшей (Речью Посполитой.— *В. Р.*), то мы были бы самым могущественным народом в Европе».

Общий упадок Речи Посполитой нашел яркое отражение в условиях жизни ее составной части — Беларуси. Особенно стремительными темпами шло здесь разорение городов и местечек. Так, в Бобруйском старостве, в 1639 г. насчитывавшем 847 домов, к 1671 г. их осталось только 361. Брест в 1660 г. «дошел до крайнего разорения и опустошения, превратившись в пустыню», где ютилась «очень малая горсточка людей». Не лучшей оказалась участь и других населенных пунктов — Пинска («Не имея, где приютиться, горожане разбрелись по разным местечкам и селам» — 1660), Гродно («Город, когда-то неплохой, лежал в развалинах; от него, кажется, только и остался городской мусор» — 1678; «мещане, за исключением лишь весьма немногих, живя за городской чертой, занимаются не торговлей, а исключительно хлебопашеством» — 1680), Могилев («В прошлом красивый и богатый город превратился в нестройную кучу мазанок» — 1708), Мира («Жители так бедны, что невозможно достать самых обыкновенных припасов» — 1779) и т. д.

Чрезвычайный Варшавский сейм 1712 г. в постановлении, касающемся Беларуси, констатирует: «Наблюдается скорбное зрелище обезлюдевших по большей части земель, диких пустошей и заросших полей».

В 1724 г. С. Г. Долгорукий, резидент петербургского двора в Варшаве, направляет Петру I секретное донесение с переводом документа королевской канцелярии: «Коронные и Великаго княства Литовскаго городы, внутре государства обретающиеся, також и другие все пограничныя, понеже ради непреставаемых воинских отягчений и налогов и вымышленных сверх силы прав чоповаго и шележнаго поборов (налогов с продажи спиртного и денежных повинностей.— *В. Р.*) и другия нещетныя имея тяготы, к последнему и всеконечному толикому пришли разорению, что не токмо купецкия, но и всякия

майстеровые и суконных заводов люди одне вовсе разорились, а иные за границу повыходили».

Варшавский сейм 1776 г. оказывается перед необходимостью официального признания катастрофического состояния белорусских городов. Он объявляет о лишении магдебургского права и переводе на статус сел большинства из них, мотивируя это решение тем, что «мещане предпочли кое-как заниматься земледелием, к ремеслам же и торговле не оказывают никакой склонности». Самоуправление сохранили лишь Брест, Гродно, Новогрудок, Лида, Волковыск, Пинск, Мозырь и Минск.

Сложившаяся ситуация предопределила неизбежность полного развала Речи Посполитой. Уже в начале 1760-х гг. Пруссия и Австрия начинают захватывать граничившие с ними ее территории. Вскоре к ним присоединяется Россия.

5 августа 1772 г. значительная часть Речи Посполитой отходит к Пруссии, Австрии и России. В результате этого первого раздела Восточная Беларусь с Гомелем, Могилевом, Витебском и Полоцком оказывается в составе Российской державы.

23 января 1793 г. по акту второго раздела, заключенному между Пруссией и Россией, последняя овладевает центральной частью Беларуси с Минском, Слуцком и Пинском.

24 октября 1795 г. осуществлен третий раздел, в котором приняли участие Пруссия, Австрия и Россия. На этот раз к Российской империи, помимо других территорий, отходят западнобелорусские земли с Гродно, Брестом и Новогрудком.

Итак, менее чем за четверть века обессилевшая Речь Посполитая была стерта своими соседями с политической карты Европы.

История финансов, как и всех других сторон государственного организма Речи Посполитой рассматриваемого периода, свелась к необратимому процессу агонии.

В денежном обращении на территории Беларуси выделяются два основных этапа. Первый из них длился с конца 1650-х гг. по конец XVII в., второй охватил весь XVIII в.

К о н е ц 1650-х гг.— к о н е ц XVII в. При Яне Казимире, правившем по 1668 г., в Великом княжестве Литовском функционируют монетные дворы Вильно (по 1666), Бреста (1665—1666) и Ковно (1665—1666), в Польше — Познани (по 1662), Кракова (по 1668), Львова (1660—1663), Быдгоща (1660—1668), Уяздова (1659—1661, 1663—1665), Оливы (1663) и Мальборка (1666); продолжают действовать городские монетные дворы Гданьска (по 1668), Торуня (по 1668) и Эльблёнга (1660—1668).

Литовские эмиссии в этот период представлены медным солидом, биллонным пробным тридцатигрошовиком, серебряными трехгрошовиком, шестигрошовиком и ортом, золотыми полудукатом и дукатом. Еще более разнообразен набор польских монет — медный солид, биллонные полуторагрошовик

и тридцатигрошовик, серебряные трехгрошовик, шестигрошовик, орт и талер, золотые полудукат, дукат, двойной дукат и португал.

В этом перечне обращают на себя внимание прежде всего медный солид и биллонный тридцатигрошовик. Правда, первый из них не был совершенной новостью для денежного хозяйства Речи Посполитой, познакомившегося в 1650 г. с небольшим количеством выбитых в меди польских солидов. Тридцатигрошовик же впервые выступил в роли не только традиционного счетного понятия — злотого, но и в виде реальной монеты. Эти два номинала наиболее наглядно выразили бездонность финансовой пропасти, в которую стремительно падала Речь Посполитая. Именно поэтому следует, по возможности, обстоятельно рассмотреть причины, ход и масштабы их выпуска.

С конца 1650-х гг. наблюдается резкое усиление спада товарного производства, обнищание основной массы населения, ослабление жизнедеятельности рынков и как прямое следствие этого — прогрессирующее сокращение налоговых поступлений в казну Речи Посполитой. В 1658 г. государственные доходы составили примерно 12 млн. злотых, в то время как задолженность одному лишь войску превысила эту сумму. Армии Великого княжества Литовского и Короны (Польши), заявив о своей решимости получить причитающиеся им деньги силой оружия, заключают «Братский мир».

Правящие круги находятся в полной растерянности. Но когда, казалось бы, были безуспешно испробованы все средства для стабилизации финансов, появляется их «спаситель» — итальянец Тит Ливий Бураттини[1]. Эта колоритнейшая личность заслуживает того, чтобы познакомиться с нею поближе...

С 1641 г. осевший в Польше Бураттини был «своим человеком» в европейском ученом мире. Серьезно занимаясь архитектурой, горным делом, физикой, оптикой, механикой, гидравликой, метрологией, гравировкой на меди, он создал в Уяздовском замке под Варшавой крупнейшую в Европе обсерваторию, изобрел сложную гидравлическую машину, сконструировал настолько чуткие весы, что даже волос выводил их из равновесия... выдвинул предложение замены бесчисленного множества европейских мер длины единой метрической системой.

В феврале 1648 г. секретарь супруги Владислава IV де Нуайер пишет парижскому астроному Марино Марсене, что Бураттини продемонстрировал «модель с хвостом 4 или 5 стоп длины, которая с помощью шнура, размещенного под

[1] С 1658 г. Тит Ливий выступает в документах под видоизмененной фамилией — Боратини.

хвостом, поднимается в воздух: шнур приводит в действие пружину и колесико, находящееся внутри ее. Эта модель поднимает посаженного в нее кота».

В мае де Нуайер сообщает тому же адресату, что неутомимый итальянец на основе описанной модели соорудил «воздушный корабль», способный поднять человека, и заявил о готовности его к испытанию...

Неудивительно, что вскоре вся Европа была взбудоражена слухами о том, что при дворе польского короля изобретен «летающий дракон», способный перенести трех человек из Варшавы в Константинополь за 12 часов!

В Польше Боратини приобщается к совершенно новой для него деятельности — финансам. 23 марта 1658 г. он совместно со своим соотечественником дель Боно берет в держание Краковский монетный двор за годовую арендную плату в 35 000 злотых. Ординация Скарбовой (казначейской) комиссии сейма от 24 марта предоставляет им право на чеканку в золоте и серебре с оговоркой, что номинальная стоимость серебряных номиналов должна быть выше реальной на 25 %, биллонных — на 37,5 %. Таким образом, свой дебют на поприще денежного производства Боратини начинает с выпуска неполноценных монет.

В августе 1658 г. он представляет Варшавскому сейму необычный проект, суть которого изложена в одном из писем де Нуайера от 18 августа: «...Бураттини предложил выпускать монеты, которые невозможно подделать. Они должны стоить (иметь номинальное обозначение.— *В. Р.*) 10 и 20 талеров. Всем должно быть велено принимать их, а через определенное время их примет (скупит.— *В. Р.*) казна».

К сожалению, автор не вдается в детали, но из контекста этого письма явствует, что имеются в виду откровенно кредитные денежные суррогаты с непомерно высоким принудительным курсом обращения. Это доказывается, в частности, тем, что населению должно было быть приказано безоговорочно принимать эти «монеты», довольствуясь лишь весьма расплывчатым обещанием казны скупить их в будущем по номинальному курсу. Судя по всему, речь идет об ассигнациях[1].

То, что де Нуайер употребляет слово «монета», а не «ассигнации», вполне понятно: термин «ассигнат» появился значительно позже — в 1790 г. (во Франции).

Претворение в жизнь этой идеи Боратини действительно привело бы в состояние шока фальшивомонетчиков, поставленных перед необходимостью оперативной переквалификации на совершенно непривычный для них, лишенный традиций вид творчества..

---

[1] Ассигнации (от фр. l'assignat — платежное обязательство) — бумажные денежные знаки.

Mennica W. X. Litew.

15. NAleży to do porządku y pożytku powfzechnego, aby Mennica erygowana była, w W.X.Lit: ofobliwie w teraźnieyfzych Rzeczypofp: potrzebach, obmyślaiąc fpofoby do wypłacenia woyfkom Nafzym winnego długu. Zaczym za zgodą powfzechną uchwalamy, żeby w Brześciu Litewfkim założona, y iako nayprędzey wyftawiona była. Co zlecamy Wielmożnemu Adminiftratorowi ná ten czas Skarbu W.X.Lit. żeby to *ad effectū* przywiodł, kofztem z podatkow Rzeczypofp: A żeby to tym porządniey y fkuteczniey ftać fię mogło, zlecamy Deputatom do Trybunału Skarbowego na tym Seymie naznaczonym, żeby tamże w Grodnie pod czas tego Trybunału namowili, y doftatecznie poftanowili, iakoby Mennica W.X.L. w fwoie ryzę wprawiona była, ftofuiąc fię *ad uniformitatem* Mennice Koronney. Y naypierwey pozwalamy wybić Million ieden fzelągami.

Рис. 27. **Сеймовое постановление от 22 марта 1659 г. об открытии Монетного двора в Бресте**

Отвергнув это предложение, сейм поручает Скарбовой комиссии к 28 января 1659 г. разработать программу возвращения к монетной стопе 1654 г. и принять меры к тому, чтобы ежегодный доход от деятельности монетных дворов составлял не менее 150 000 злотых. Сведений о деятельности этой комиссии не сохранилось (по-видимому, она так и не приступила к работе). Итак, насущнейшая финансовая проблема остается неразрешенной...

В марте 1659 г. собирается очередной Варшавский сейм. Боратини выдвигает на нем новый план, сулящий предельно простое разрешение всех финансовых трудностей государства путем эмиссии медных солидов с официальным курсом обращения чеканившихся ранее биллонных, т.е. по цене в 1/3 серебряного гроша.

Принятое 22 марта сеймовое постановление «О битье монеты» объявляет о предстоящей денежной реформе. Серебряные монеты возвращаются к качественным и метрологическим нормам, установленным в 1654 г.; что же касается медных солидов, то их эмиссия определена суммой в 2 млн. злотых — по одному для Польши и Великого княжества. Таким образом, запланированный тираж новой монеты составлял 180 млн. экземпляров (1 серебряный грош = 3 солидам; 1 счетный злотый = 30 грошам = 90 солидам; 2 млн. злотых = 180 млн. солидов).

Специальный раздел этого решения — «Менница (Монетный двор.— *В. Р.*) Великого княства Литовского» — обязывает администратора Земского скарба (казны) кня-

жества Адама Саковича незамедлительно учредить для чеканки литовских солидов Монетный двор в Бресте, так как в Вильно, занятом российской армией, это сделать невозможно. «Да будет ведомо всем, — гласит этот документ, — что Менница будет установлена в Великом княжестве Литовском на нынешние Речи Посполитой потребы для выплаты войскам нашим долга. Посему со всеобщего согласия, постановляем, дабы в Бресте Литовском заложона и как можно спешнее установлена Менница была. А дабы это исправным и успешным стать могло, поручаем депутатам, в Трибунал Скарбный назначенным, в Гродно под час того Трибунала постановить, дабы Менница Великого княжества Литовского по своей стопе (монетной.— *В. Р.*) в соответствие с Менницей коронной приведена была. Найпервей дозволяем выбить Миллион (злотых.— *В. Р.*) шелягами».

Сейм избирает специальную комиссию в составе 30 комиссаров, которая должна к 9 июня разработать конкретную программу денежной реформы. 10 июня комиссия публикует рекомендации, подтверждающие названный выше тираж медных солидов, и поручающие выпуск их польского варианта Боратини. 2 июля 1659 г. он официально становится держателем «шеляжных менниц» Польши.

7 июля обнародована сеймовая ординация. Одобрив рекомендации от 10 июня, она указывает, что «шеляги из чистой меди должны идти по 3 на грош, а на [краковскую] гривну[1] — 150 штук». Итак, в соответствии с установленной стопой новая монета должна иметь массу в 1,346 (201,89 : 150) г, т. е. почти вдвое меньшую, чем шедший по курсу в 1/4 гроша польский медный солид 1650 г. (2,622 г — 77 штук из краковской гривны). Тем не менее, официальный курс ее обращения устанавливался в 1/3 гроша.

Цена фунта (двух гривен) меди составляла в это время 15 грошей (45 солидов). При перечеканке в монету этот фунт превращался в 100 грошей (300 солидов). Таким образом, реальная стоимость солида составляла лишь 15 % номинальной.

Обращает на себя внимание практически полное совпадение материальной («чистая», т. е. красная медь) и метрологических (масса, диаметр) характеристик нового солида и двойного пенни Шотландии (см. Главу VII), выдержавшего к этому времени более чем десятилетнюю апробацию на рынках Речи Посполитой. Эти обстоятельства позволяют предположить, что именно шотландская монетная медь 1632—1633 гг. послужила эталоном для задуманной в 1659 г. польско-литовской «шеляжной» эмиссии.

---

[1] До 16 мая 1650 г. масса краковской гривны (марки) — 197,68 г, после — 201,89 г.

Из каждых 300 выпущенных монет 171 экземпляр должен был поступать в казну, 45 — на оплату сырьевой меди; оставшиеся 84 солида шли на производственные расходы, жалованье монетчикам и в доход арендатора Монетного двора.

В силу финансовых трудностей (практического отсутствия налоговых поступлений с разоренного края) и сложной военно-политической обстановки открытие Брестского монетного двора было отложено на неопределенное время. Собравшиеся в Гродно депутаты Скарбового трибунала, не найдя источников доходов, возложили решение этой проблемы на Адама Саковича. Последнему после долгих переговоров удалось, преодолев яростное противодействие гетмана Павла Сапеги, заключить договор с Боратини: Тит Ливий согласился наладить производство литовских солидов в Уяздове.

Уяздовский монетный двор был открыт 19 ноября 1659 г. (в этот день здесь выбиты первые польские солиды); чеканка литовских начата с наступлением 1660 г.

2 июня 1661 г. Боратини представляет сейму «Рахунок» — отчет о своей деятельности. Уяздов выполнил план эмиссии литовских солидов (на 1 млн. злотых), выпустив к этому же времени польских солидов на 817 708 злотых и 20 грошей (на оставшуюся сумму в 182 291 злотый и 10 грошей чеканка была осуществлена Краковским монетным двором).

Вопреки ожиданиям сейма, эмиссия 180 млн. медных солидов отнюдь не укрепила государственные финансы, а напротив, усилила инфляционные процессы.

Уже в 1660 г. анонимный автор брошюры «Способ внезапного получения Речью Посполитой денег через медную монету, вниманию добропорядочных и любящих Отчизну обывателей представленный» жалуется: «Червоного злотого в Кракове не увидишь, а как только появляется, сразу же за него 7 злотых в шелёнгах дают»[1]. Он же обвиняет Боратини в использовании своих арендных прав для личного обогащения.

Всеобщая неприязнь к медному солиду порождает самые нелепые слухи о нем: «Те шеляги из стекла сделаны, а в песок зарытые, превращаются в шлак», «Смазанные маслом шеляги в какую-то муку обращаются». Население поняло, что от этих обесцененных денег не следует ждать добра: «Шеляг — маленькая монетка, но ведь искра еще меньше, а целый дом может сжечь», «Прошло серебряное время, а настало медное» и т. п.

К маю 1661 г. относится первая попытка привлечения Боратини к ответственности за причиненный государственной казне ущерб. Тит Ливий, представший перед сеймом, клятвенно заверяет, что не имеет за собой никаких злоупотреблений и лишь честно выполнил порученную

---

[1] Официальный курс дуката этого времени — 6 злотых в серебряной монете.

ему чеканку солидов на 2 млн. злотых. Поддержанный восемнадцатью свидетелями, он добивается своего оправдания.

Заметно активизируются армии Польши и Великого княжества Литовского: заключенный ими ранее антиправительственный «Братский союз» сменяется «Святым союзом», 6 февраля 1662 г. подготовившим для предстоящего сейма две «Инструкции».

В первой из них утверждается, что Боратини выбил солидов не на 2, а на 4 млн. злотых и должен быть привлечен к суду как человек, который «душу и нерв войны из Отчизны вырвал, скупив всю добрую монету». Во второй «Инструкции» содержится требование суда над высшими представителями финансовой администрации страны, «которые нищими до скарбу пришедши, вскоре имели миллионы и имения купили». Не ограничиваясь этими декларациями, армия устраивает демонстрацию своей силы, прислав к открытию чрезвычайного сейма в Варшаве 4000 солдат.

Сейм начал работу 20 февраля. Боратини предложено представить новый «Рахунок» Генеральной комиссии, которая должна собраться во Львове 7 августа для окончательного разрешения вопроса о расплате с войском.

Во Львове Тита Ливия ожидали наиболее, пожалуй, серьезные неприятности: «Приехал до Львова пан Анджей Тымф,— вспоминал он впоследствии, — арендатор менниц коронных, предлагая бить монеты серебряные подлой пробы».

Прежде чем продолжить рассказ о дальнейших событиях, необходимо сказать несколько слов об этом, ставшем непримиримым врагом и соперником Боратини, человеке.

Андрей Тымф происходил из рода профессиональных германских монетчиков. Около 1650 г. он прибыл в Польшу, где получает в аренду монетные дворы Познани и Всхова; к июню 1660 г. достигает высокой должности генерального вардейна (пробирера), а затем — суперинтенданта польских монетных дворов; по окончании срока аренды Краковского монетного двора Титом Ливием становится держателем (с 1 октября 1661 г. по 1 июля 1662 г.) этого крупнейшего в стране центра денежного производства, затем совместно с братом Томасом арендует Монетный двор Быдгоща, а в 1663 г.— и Львова.

Воспользовавшись тем, что незыблемый ранее авторитет Боратини явно пошатнулся, Тымф представил Львовской комиссии свой рецепт оздоровления финансов — выпуск монеты достоинством в 30 грошей, продемонстрировав предусмотрительно изготовленные пробные образцы.

Боратини резко выступает против этого предложения, утверждая, что с введением монеты — злотого неизбежно падет реальная стоимость полноценных серебряных и золотых номиналов. Один из эпизодов разгоревшейся дискуссии дает ему повод составить обстоятельную справку «О монетах злотовой и шелёнжной». На вопрос, какая из них лучше, он отвечает, что плохи и та и другая, но «ежели из двух зол выбирать», то следует отдать предпочтение солиду. Реакция слушателей на это утверждение была столь бурной, что он, заявив: «Не могу одним языком дать всем сатисфакцию», обещает обосновать свое мнение письменно.

В конечном итоге, Боратини проиграл: 4 марта 1663 г. с Тымфом заключен двухгодичный контракт на выпуск в Быдгоще и Львове предложенной им монеты тиражом в 6 млн. экземпляров. 15 июня, после утверждения этого документа королем и сеймом, начата чеканка тридцатигрошовика по стопе в 30 штук из краковской гривны восьмилотового серебра — иными словами, массой в 6,729 (201,89 : 30) г. Неся на себе надпись «XXX грошей польских», он содержал лишь 3,364 г. серебра, соответствовавшего цене 12 грошей. Таким образом, его реальная стоимость составила лишь 40 % от официально провозглашенной номинальной. По существу родился «смягченный» вариант медного солида, пытавшийся прикрыть свою немощь серебряным блеском.

В качестве единственной компенсации за низкопробность этой монеты населению была предложена легенда ее лицевой стороны — «DAT PRETIVM SERVATA SALVS POTIOR Q3 METALLO EST» («Желание спасения Отечества превышает цену металла»). В условиях политической и экономической анархии, раздиравшей Речь Посполитую, эта нравоучительная сентенция не могла, разумеется, даже в малейшей степени содействовать популярности «злотовки». Отношение к ней современников превосходно выразила своеобразно едкая расшифровка помещенной в поле ее лицевой стороны монограммы ICR[1] (Ioanes Casimirus Rex — Ян Казимир король): Initium Calamitatis Regni — Начало гибели государства.

Боратини не сдается. В 1663 г. он, выполняя данное годом ранее во Львове обещание, публикует «Дискурс и соотношение между серебряной злотовой монетой подлой пробы и шелёнгами новыми». «Орты злотовые» (именно так были названы тридцатигрошовики в мартовском 1663 г. постановлении Львовской Генеральной комиссии), указывает автор, номинальная стоимость которых соотносится с реальной как 2,5 : 1, с неизбежностью вызовут вздорожание полноценных монет примерно в той же пропорции: цена талера возрастет если не до 7,5 злотых, то,

---

[1] Львовские тридцатигрошовики отличаются от быдгощских более крупным размером буквы R в этой монограмме.

по меньшей мере, до 6 злотых[1], дуката — до 12 злотых; все более мелкие серебряные номиналы подорожают не менее чем вдвое. В итоге Речь Посполитая понесет невозместимые убытки на экспорте хлеба и других продуктов, резко сократится ее товарный импорт и, как следствие этого, упадут таможенные доходы, а монетные дворы вынуждены будут заняться перечеканкой полноценной монеты в низкопробную. Помимо этого, злотые, несомненно, станут фабриковаться как отечественными, так и зарубежными фальшивомонетчиками.

Аргументация Боратини в пользу «своей» монеты свелась к следующему:

— медный солид, в отличие от тридцатигрошовика, неспособен содействовать повышению курса полноценных номиналов;

— на его производство требуется сравнительно небольшое количество серебра для закупки сырьевой меди;

— солиды не могут заинтересовать зарубежных фальшивомонетчиков, так как по сравнению с риском контрабанды фальсификатов в Речь Посполитую выгода от их производства окажется непомерно малой: например, партия солидов весом в 12 центнеров будет представлять сумму всего лишь в 4000 злотых, в то время как те же 12 центнеров поддельных тридцатигрошовиков — 72 000 злотых;

— с наступлением благополучных для Речи Посполитой времен из ее денежного обращения будут изъяты низкопробные иноземные монеты (прежде всего — рижские шиллинги), после чего курс медного солида, необходимого для массовых повседневных платежей, поднимется[2].

Эти доводы в части, касающейся «ортов злотовых», не поколебали оппонентов Боратини, но, по-видимому, сыграли определенную роль в расширении медных эмиссий. Еще 23 февраля 1663 г. Львовская Генеральная комиссия совместно с Радой сената принимают решение о выпуске солидов на сумму по 5 250 000 злотых для Польши и Великого княжества Литовского.

3 марта польские монетные дворы предоставляются в аренду Боратини. Литовскую чеканку берет на себя гданьчанин Андрей Георг Горн. Между ним и администратором земского скарба княжества Белозором 28 мая заключается соглашение, согласно которому в здании монастыря Олива под Гданьском в течение двух лет должно быть выбито литовских солидов на 5 818 764 злотых и 21 грош.

---

[1] Официальная котировка талера этого времени — порядка 3,5 злотых, дуката 6—6,5 злотых в серебряной монете.

[2] В 1664 г. Боратини издал «Информацию о меннице шелёнговой», в которой опровергал выдвинутые против него обвинения в развале финансов. «Дискурс» вошел в эту публикацию как ее составная часть.

Оливский монетный двор, открывшийся 19 июня 1663 г., проработал неполных четыре месяца — по 10 ноября, когда Горн был арестован по обвинению в злоупотреблениях. Олива успела отчеканить солидов всего на 460 389 злотых и 6 грошей.

Возобновляются армейские выступления. Белозор вынужден дать клятвенное заверение в том, что к 6 января 1664 г. погасит государственную задолженность великокняжескому войску, выплатив ему 4 млн. злотых плюс 600 000 злотых за переход на сторону короля. В день истечения срока этого, так и не выполненного обещания армия переходит в открытое наступление, требуя привлечения к ответственнности инициаторов закрытия Оливского монетного двора, освобождения Горна и учреждения «меннницы шеляжной» в Вильно. 15 февраля противоборствующие стороны подписывают соглашение, согласно которому полный расчет с войском Великого княжества должен быть завершен не позднее 9 мая 1664 г.

1 июня 1663 г., а затем 1 июня 1664 г. Боратини заключает новые контракты на выпуск польских солидов, обещая казне доход в 600 000 злотых. 24 января 1664 г. его доверенное лицо Ангел Мария Бандонелли подписывает в Вильно два договора с представителями казначейства. В первом из них речь идет о чеканке литовских солидов, во втором — об ограниченном выпуске серебряной и золотой монет.

Вскоре Боратини открывает Монетный двор на территории Нижнего замка в Вильно. 4 июня 1664 г. здесь начато производство солидов.

В это время освобожденный из-под стражи Горн выступает с претензиями к казне Великого княжества Литовского, требуя возмещения убытков, понесенных им в результате нарушения арендного контракта от 28 мая 1663 г.

6 июля 1665 г. в Вильно встречаются литовский подскарбий Иероним Кришпин Киршенштейн, Бандонелли и Горн. В этот же день между ними достигнута договоренность о практических мерах по дальнейшему увеличению эмиссионных тиражей медного солида. На территории княжества решено открыть два новых монетных двора — в Бресте (во исполнение решения Варшавского сейма от 22 марта 1659 г.) и Ковно. Помимо этого, предусматривается организация литовской чеканки на одном из польских монетных дворов — в Мальборке. Брестский двор отдается в держание Боратини, Ковенский — Горна. Последнему поручено осуществление и мальборкского производства.

Брестский монетный двор функционировал с 4 декабря 1665 г. по 16 декабря 1666 г., Ковенский — с 17 октября

1665 г. по 15 января 1667 г., Виленский — по 30 декабря 1666 г., Мальборкский — с 5 марта по 8 октября 1666 г.

Монетные дворы, специализировавшиеся на выпуске медных солидов для Великого княжества Литовского (Уяздов, Олива, Вильно, Брест, Ковно, Мальборк) и Польши (Уяздов, Краков), оказались не в состоянии справиться с выполнением всех заказов. Так, если контракты на одну только литовскую эмиссию оперировали суммой в 22 556 366 злотых, то производство смогло осилить менее ее половины — 9 753 726 злотых и 6 грошей, т. е. выпустить 877 835 358 солидов. Судя по официальным отчетам, Уяздовский двор отчеканил 90 000 000 их экземпляров (на 1 000 000 злотых), Оливский — 41 435 028 (на 460 389 злотых и 6 грошей), Виленский — 404 344 800 (на 4 492 720 злотых), Брестский — 240 684 150 (на 2 674 268 злотых и 10 грошей), Ковенский — 40 378 338 (на 448 648 злотых и 6 грошей), Мальборкский — 60 993 042 (на 677 700 злотых и 14 грошей). Сходная ситуация сложилась и в производстве польских солидов.

Следует подчеркнуть, что отчеты монетных дворов дают, несомненно, основательно заниженные цифры. Дело в том, что сам процесс чеканки велся без строгой выверки массы каждой из выпущенных монет: от монетчика требовалось лишь одно — выбить их из гривны меди ровно 150 штук. Предполагалось, что этим будет обеспечена гарантия выдержки каждого солида в пределах установленной весовой нормы. Такой порядок предоставлял мастерам монетных дворов удобную лазейку для личного обогащения: уменьшая толщину монетных кружков, они «выжимали» из каждой гривны дополнительные десятки солидов. Клады как нельзя лучше доказывают это: толщина (а следовательно, и масса) этих монет колеблется в очень широких пределах.

В стороне от столь выгодного производства не могли, разумеется, оставаться и фальшивомонетчики. Несмотря на жесточайшие кары (отсечение правой руки с последующим вывешиванием ее на городских воротах и публичное обезглавливание на ратушных площадях), они с каждым годом расширяли свою деятельность. Плоды их трудолюбия — самое обычное явление в открываемых монетных захоронениях. От отечественных фальсификаторов не отставали (вопреки утверждениям «Дискурса» Боратини) их зарубежные собратья — мастера Монетного двора в Сучаве.

Чеканка медных солидов была настолько прибыльным делом, что фальшивомонетчики порою не утруждали себя понижением их массы, установленной законом. Таким образом, реальная стоимость поддельных монет зачастую оказывалась не ниже (иногда — выше!) подлинных, и поэтому рынки фактически признали их полноправными партнерами продукции государственных монетных дворов.

Медные солиды получили у современников уничижительно-уменьшительное имя — «боратынчики»[1].

Если установление точной цифры осуществленного тиража «боратынчиков» к настоящему времени представляется невозможным, то в отношении тридцатигрошовиков дело обстоит проще: известно, что их было выпущено порядка 9 млн. штук. Как и медные солиды, они уже в 60-е гг. XVII в. именовались по имени их творца — «тымфами» («тынфами»).

В отличие от медного солида тридцатигрошовик выбивался только в польском варианте. Виленский монетный двор ограничился в 1666 г. лишь пробной чеканкой его литовской разновидности.

Будучи кредитными деньгами, «боратынчики» и присоединившиеся к ним «тымфы» явились материальным олицетворением облеченного в монетную форму косвенного налога, тяжким бременем легшего на плечи широких масс. Их обращение пагубным образом сказалось на финансах и экономике страны. Таким образом, денежная реформа 1659—1666 гг. пришла к своему логическому эпилогу: ее результаты оказались прямо противоположными ожидавшимся.

30 сентября 1666 г. Брестский сеймик утверждает «Инструкцию», которую его послы должны огласить на предстоящем сейме. Она, помимо иных, содержит следующие пункты-требования:

— Должен быть прекращен выпуск «монеты злой, то есть шелегов грубых»[2], и проведено изъятие их из обращения.

— «Так как пан Боратини, Горн и иные контрагенты (арендаторы.— *В. Р.*) от менниц большие доходы имели, присваивая себе лучшую золотую и серебряную монету, а нам медь оставляли, должны они из собственных средств определенную квоту доброй монетой скарбу Речи Посполитой отдать».

— Боратини и Горн должны присягнуть, что не выбили солидов более, чем было оговорено в контрактах, и не занимались перечеканкой «давней (старинной.— *В. Р.*) доброй монеты» на новую по заказам частных лиц.

— «Впредь ни один влох (итальянец.— *В. Р.*) монетчиком не должен быть, ибо сами влохи во Влохах (Италии.— *В. Р.*) следят за тем, дабы никогда влох менницей не заведовал».

Содержание этого документа и сам его тон (едва завуалированные обвинения Боратини и Горна в хищениях полноценной монеты и превышении контрактных тиражей медной, приеме частных заказов на перечеканку золотых и серебряных

[1] С начала 1890-х гг. в практике любительского коллекционирования, а затем и в нумизматике за этими монетами закрепилось название «боратинки».

[2] Грубый (толстый, большой) — эпитет, определявший крупную полноценную монету — прежде всего, талер и его фракции. В данном случае, этот термин применен к медным солидам, существенно превышавшим биллонные толщиной монетного кружка и массой.

номиналов и, наконец, курьезно-безапелляционное утверждение о том, что итальянцы не допускают своих соотечественников к руководству монетным делом) красноречиво свидетельствует о прочно установившемся крайне враждебном отношении не только к медному солиду, но и к исполнителям его выпусков.

Собравшийся в декабре 1666 г. Варшавский сейм потребовал полного прекращения монетных эмиссий, привлечения к суду Тымфа и Боратини. Тымф, не доплативший казне 4 млн. злотых, бежал в Германию; Боратини же блестяще воспользовался многовековой аксиомой военной тактики — «Лучший вид обороны — наступление». Категорически отвергнув предъявленные ему обвинения в обогащении за счет казны, он предъявляет ей счет на 1 500 000 злотых как сумму личного ущерба, понесенного им в бескорыстной борьбе за спасение государственных финансов.

Ян Казимир отреагировал на требование сейма указом от 28 декабря: «...Следуя горячим просьбам всех сословий, охотно соглашаемся на то, дабы все менницы — как сребрные, так и медные — в Паньствах наших немедля закрыты были...

Урожденный Боратини все суммы, по контрактам Речи Посполитой установленные, выплативши, себе и кредиторам своим на полных полтора миллиона (злотых.— *В. Р.*) не добил. Следует удовлетворить урожденного Боратини в справедливых претензиях его...»

Очередной сейм, открывшийся в Варшаве 7 марта 1667 г., объявляет о закрытии всех монетных дворов. Исключение сделано для Быдгощского и Краковского дворов, отданных Боратини в держание на год для покрытия «не добитых» им полутора миллионов злотых.

Вскоре после отречения Яна Казимира от престола (16 сентября 1668 г.) Варшавская Генеральная конфедерация прекращает монетное производство как в Быдгоще, так и в Кракове, заявив, что долг Боратини будет выплачен в будущем — при возобновлении денежных эмиссий.

В краткое (1669—1673) правление Михаила Корибута Вишневецкого монетные дворы страны фактически бездействуют: их продукция представлена лишь битыми в Быдгоще польскими злотым (без обозначения номинала) и дукатом 1671 г., а также городскими выпусками — биллонным солидом и двойным дукатом Торуня 1671 г., биллонным солидом 1670 г., дукатом 1670, 1672, 1673 гг. Гданьска, биллонным солидом 1671—1673 гг., талером 1671 г., дукатом 1671—1672 гг., недатированным двойным дукатом Эльблёнга.

В 1674 г. на престол Речи Посполитой избирается Ян III Собесский, но коронация его проведена лишь в феврале 1676 г. Прибывшие на коронационный сейм послы Брестского воеводства требуют открытия в Великом княжестве Литовском Монетного двора для чеканки серебряной монеты «одинакового достоинства с таковою же в странах соседних». Вопрос о возобновлении денежных эмиссий становится одним из главных в программе работы сейма. Принятая на нем Конституция гласит: «Так как с великой шкодой для Речи Посполитой менницы и поныне стоят закрыты, а многие люди посторонние свои (монетные дворы.— *В. Р.*) отворивши, не только коммерцией серебра и золота овладели, но и державу нашу подлейшей монетой своей наводнили, постановляем, абы менница серебряная и золотая открыта была».

Варшавский сейм 1677 г. обнародовал постановление «Менница коронная», согласно которому должны были открыться монетные дворы в Быдгоще и Кракове для чеканки «единой во всем (т.е. качественно и метрологически.— *В. Р.*) монеты для одного и другого народов (т. е. для Польши и Великого княжества Литовского.— *В. Р.*)». Постановлением «Менница литовская» решено начать подготовительные работы к открытию монетных дворов Великого княжества: «Менницы Великого княжества Литовского в ведение вельможного подскарбия княжества отдаем, дабы всячески старался серебряную и золотую менницы отворить»[1].

Быдгощский и Краковский Монетные дворы отданы в держание Боратини (управляющим первого из них стал итальянец Санти де Урбанис Бани). Эмитировались номиналы от тройного гроша до двойного дуката. Из этих монет в Беларуси наибольшее распространение получили шестигрошовики и орты.

Боратини остается арендатором вплоть до своей кончины, последовавшей в 1682 г. Уход его из жизни не означал, однако, прекращения многолетней тяжбы с казной Речи Посполитой — она затянулась, по меньшей мере, еще на тридцать лет: в 1711 г. его сын жалуется властям, что не может, как наследник, добиться получения остаточной суммы, причитавшейся покойному отцу.

Любопытно, что монеты Краковского двора, выпущенные после 1682 г., продолжают нести на себе инициалы Боратини — TLB.

Варшавский сейм 1685 г. потребовал полного прекращения монетной чеканки: «Так как менница сребрная, в Короне отворенная, плохо плодоносила, закрываем ее нынешним авторитетным собранием в интересах державы». Тем не менее, двор Быдгоща продолжал функционировать в 1686 г., а Кракова — и в 1687 г.

---

[1] Это решение так и не было проведено в жизнь. Правда, известен пробный литовский шестигрошовик 1679 г., но он выбит, очевидно, в Кракове. В последующее время можно назвать только один случай литовской эмиссии (Гродно, 1706—1707).

В последние восемь лет (1688—1696) правления Яна Собесского монета не выпускалась. Рынки, захлебывавшиеся в море «боратынчиков» и «тымфов», особенно высоко ценили «добрые старые» монеты первой половины века и относительно высокопробную продукцию быдгощского и краковского производства 1670—1680-х гг.

Продолжаются поступления иноземных монет — биллона Прибалтики, талерных и золотых эмиссий Нидерландов. Прибалтийский экспорт, шедший преимущественно за счет шиллингов Риги и Ливонии, фактически сошел на нет уже к середине 1660-х гг. Приток нидерландских патагонов, лёвендаальдеров, риксдаальдеров и дукатов, слабея из года в год, угас к концу века. Новинкой монетного импорта стали зехсгрошеры (шестигрошовики) и орты Пруссии, часто встречающиеся в белорусских кладах 1670—1690-х гг.

В обращении заметно возрастает число российских монет, среди которых абсолютно преобладают серебряные копейки. Тем не менее, как и прежде, они количественно намного уступают не только польско-литовским, но и западноевропейским монетам. Причины этого явления, противоречащего, на первый взгляд, общеизвестным традиционным белорусско-российским торговым контактам, объясняются двумя обстоятельствами.

Во-первых, монетная система России вплоть до начала XVIII в. была самой отсталой в Европе: она обладала весьма скудным, хотя и высокопробным, набором крохотных серебряных монеток неправильной оваловидной формы — копейкой, деньгой и полушкой. Неудобные для счета и обращения, они не могли стать сколько-нибудь серьезными конкурентами разнообразнейшему набору номиналов, обслуживавших рынки Беларуси.

Во-вторых, Россия, практически не имевшая собственных разработок серебра, покупала его в виде западноевропейских талеров, использовавшихся в качестве сырья для денежного и ювелирного производства. В прямой связи с этим вывоз серебра за пределы страны был строжайше «заповедан».

Во второй половине 1650 — первой половине 1660-х гг. монетные поступления из России ненадолго расширились и стали более разнообразными за счет серебряных и медных номиналов, эмитированных в ходе денежной реформы, проведенной при Алексее Михайловиче. Почти полный их перечень содержится в «Росписи денежной казны» Полоцка, составленной 20 июля 1661 г.: «...ефимков с признаком и рублевиков и полтинников и четвертин и грошевиков и алтынников — на 11 рублев на 17 алтын на 2 денги...»

«Ефимки с признаком» (контрамаркированные талеры) и рублевики (перечеканенные из талеров) были восприняты белорусским рынком спокойно — как привычные «таляры».

Серебряные же копейки, алтыны и четвертины принимались неохотно.

Непопулярность в Беларуси копейки с лихвой компенсировалась широким использованием ее в качестве детали женских украшений и сырья для ювелирного дела. 7 февраля 1665 г. брестская мещанка Устинка Костюковичева жертвует церкви св. Симеона «денгов московских на шнурку тридцать».

6 июня 1679 г. оршанский купец Иван Дурасевич отписывает церкви «лампаду сребрную, з копеек зробленную».

Документы предоставляют возможность проследить динамику курса обращения серебряной копейки и соответственно более низких и более высоких, чем она, российских номиналов.

30 июля 1660 г. князь Б. А. Репнин посылает в Московский Приказ тайных дел весть о разгроме российского войска гетманом Павлом Сапегой под Ляховичами: «...побито Великаго Государя ратных людей с 5000, а Государеву денежную казну, которая взята в обозе — серебряныя и медныя денги, в Сапегине и во всех полках польские люди дают серебряную копейку за чех (полуторагрошовик.— *В. Р.*), а медную за шелех». Таким образом, серебряная копейка приравнивалась к полутора грошам, медная — к боратынчику.

22 апреля 1676 г. полоцкий городской суд предъявляет мещанам Стефану Гавриловичу и Стефану Кривицкому иск на «сумму пенезей трыста рублев копеек сребрных московских... которая сумма на шележную монету учинит (составит.— *В. Р.*) злотых три тысячи польских (90 000 грошей.— *В. Р.*)». Итак, паритетная полутора биллонным грошам серебряная копейка при исчислении ее в медных солидах вдвое «дороже» — (90 000 : 30 000) гроша.

Курс этот не был стабильным. В приходно-расходной книге могилевского магистрата под 15 января 1687 г. отмечено поступление налоговой суммы в копейках, каждая из которых оценена «по осмаков чотыри на шелеги», т. е. по 4 гроша польских в медных солидах.

6 апреля 1689 г. этой же книгой фиксируется расход «копеек сто пять — чини (составляет.— *В. Р.*) на шелеги злотых одиннадцать (330 грошей.— *В. Р.*)», т. е. стоимость серебряной копейки при пересчете на медные солиды определена в 3,14 гроша.

25 июня 1665 г. виленский магистрат инкриминирует мещанину Ивану Дроздовичу ограбление монастыря Святого Духа. Признавшись в краже четырех перстней, обвиняемый утверждает, что «пенезей не крал, то есть червоных злотых двесте два и копийку злотую». Спрошенный, на какие же деньги он начал вдруг «гандлёвать и банкетовать (торговать и кутить.— *В. Р.*)», Иван отвечает, что украл их у русского

боярина, «когда Москва в наших краях была», и до поры до времени зарыл под папертью монастырской церкви.

Рынок Беларуси был знаком и с фальшивыми копейками. В 1687 г. в городской казне Могилева обнаружены «двадцать семь копеек подлых».

Если серебряная копейка кое-как прозябает на рынке, то репутация медной остается крайне незавидной. Следует, впрочем, заметить, что она, как ни странно, на первых порах принимается по втрое завышенному, по сравнению с ее массой, курсу: имея (как и серебряная) вес в 0,45—0,46 г, она обменивается на медный солид, весящий 1,346 г (см. выше — донесение Репнина от 30 июля 1660 г.).

Для окончательной дискредитации российской монетной меди не потребовалось много времени. Репнин в «Отписке», посланной в Москву 26 января 1661 г., сообщает: «Могилевские мещане и всяких чинов жилецкия люди медными денгами не торгуют, за хлеб и харчи и за что иное ни за что не емлют».

13 февраля 1661 г. к царю обращаются стрельцы и солдаты могилевского гарнизона: «...велено нам быть на твоей службе в Могилеве городе, а твое жалованье и месячные кормы дают нам медныя денги, а в Могилеве мещаня медными денгами не торгуют и не емлют у нас медных денег за хлеб и за всякий харч и за одежное, и мы их, мещан, от такого бунтовства вконец помираем голодное смертию».

Около 23 октября этого же года шляхтой Полоцка в Приказ княжества Смоленского представлена «Инструкция сиречь пункта», требующая, «чтоб Великий Государь пожаловал шляхту — велел давать жалованье серебряными денгами, потому что за медные деньги корму запасов и лошадей и служилой рухляди купить не мочно для ради того, что город Полоцк ныне стал место пограничное и мещаня нигде за медныя денги ничево купить не достанут».

Относящаяся примерно к тому же времени челобитная полковника Полоцкого воеводства И. И. Кисаревского является своеобразной эпитафией медной российской монете в денежном хозяйстве пограничных с Россией земель Беларуси: «А что по твоему Великого Государя указу и по грамотам давано нам, холопем твоим, твое Великого Государя денежное жалованье для нашего большого разорения на прокорм медныя денги, и то, Государь, твое Великого Государя жалованье медныя денги мещане и торговые и всяких чинов люди емлют за бесценок и почитают ни во что и всякого хлеба, и товаров, и коней, и конского корму, и ружья, и запасов на те медныя денги у себя не сказывают... И нам, холопем твоим, в том твоем Государеве жалованье убытки большие. И на те медныя денги не добудем ничего купить — только нам, холопем твоим, будучи на твоей Великого Государя службе, от тех больших убытков голодом помереть».

Столь же отчаянные сообщения поступают в Москву из Быхова, Борисова, Шклова, Кричева, Мстиславля и других белорусских городов...

Говоря о российской монете в денежном обращении Беларуси конца XVII в., нельзя обойти молчанием так называемые «севские чехи», типологически «маскировавшиеся» под польские полуторагрошовики. Они отличались от последних лишь содержанием легенд (выполненных, как у полуторагрошовиков на латыни) и тем, что вместо герба Речи Посполитой на них помещен двуглавый орел.

По мысли московских властей, эта эмиссия должна была содействовать внедрению российских монет в денежное хозяйство Левобережной Украины, с 1654 г. находившейся в составе России. Одновременно вынашивался замысел ее распространения и на территорию Беларуси: царская грамота от 3 июня 1686 г. предписывает воеводе города Севска (ныне — районный центр Брянской области России) организовать чеканку «чехов», выпустив их в широкое обращение лишь после предварительной апробации: «...послать тех чехов на 500 рублев (50 000 штук.— *В. Р.*) с торговыми людьми в наши малороссийские городы, а где будет мочно, и в литовские городы, которые к Севску и к малороссийским городам близки (т. е. в Беларусь.— *В. Р.*)».

Считалось, как само собой разумеющееся, что севский чех будет принят рынками как паритет польскому, т. е. по курсу в 1 копейку.

Систематическая работа Севского двора длилась менее года — с ноября 1686 г. по сентябрь 1687 г.[1] Крайне низкопробные (практически медные) севские чехи, намного уступавшие качественно своим польским «тезкам», были решительно отвергнуты рынками. Это вынужден признать именной царский указ от 16 сентября 1687 г., объявивший о закрытии Севского монетного двора: «...всяких чинов люди приезжие торговые за всякие товары и за хлеб новых чехов против серебряных денег (копеек.— *В. Р.*) и польских чехов в равенстве не берут...»

О том, что какая-то часть севских монетных тиражей все же просочилась на белорусский рынок, свидетельствуют магистратские книги Могилева за май — сентябрь 1692 г. Они содержат протоколы судебного следствия по обвинению «учтивого» мещанина Лариона Уваровича как «принципала» (главного действующего лица), его отца и братьев — как

[1] Все чехи Севска несут на себе дату «1686», но подавляющее их большинство выпущено в 1687 г.

пособников в ограблении и убийстве «актора» (торгового посредника) Матвея Круглика.

Суть этого дела заключалась в следующем: обвиняемые вместе с Матвеем отправились в Витебск. При возвращении Матвей и Ларион, опередившие своих спутников, останавливаются 16 мая на ночлег у села Слободка (ныне — в Шкловском районе Могилевской области). Ночью в слободскую корчму вбегает окровавленный Ларион и рассказывает, что какой-то человек, «в руце секеру маючий» зарубил Матвея; он же, Ларион, едва избежал гибели.

Матвей скончался, так и не придя в сознание. Ларион отправлен в Могилев и заключен в тюрьму. «Инквизиция» (расследование) случившегося поручена специальной комиссии могилевского магистрата.

12 июля наместник Копыси сообщает, что отец и брат Лариона «потаемне за Шклов на то место, где Матвей Круглик забит, поехали и там пенези забитого, которые пенези Ларион в земле сховал, выкопали».

После этого Лариону предъявлено обвинение в том, что, инсценировав разбойное нападение, он ограбил и убил Матвея Круглика.

Семи витебским купцам задан один и тот же вопрос: какими именно монетами они расплачивались с «актором»? Все семеро называют только талеры и солиды или же суммы в злотых и копах. Один из них, Матвей Рында, заявляет: «...о полтораках, про которые ваши милости пытаете, не ведаю».

Интерес следователей именно к полуторагрошовикам выглядит, по меньшей мере, странно: ведь размеры похищенной суммы определялись, прежде всего, полноценными монетами!

Все становится на свои места при ознакомлении с заключительной частью допроса витеблян: «Когда мы (следователи.— *В. Р.*) выведывали, была ли у Матвея Круглика монета украинская, то ест чехи, купцы тамошние (витебские.— *В. Р.*) в один голос поведали, что у Матвея Круглика о таковой сумме в таковой монете, яко вышей помянута, не ведаем, тылько несколько разов у Матвея видывали, когда пенези личил (считал.— *В. Р.*), чехов десеть альбо дванадцать».

«Украинские» чехи могли быть только севскими. Это подтверждается и признанием Лариона в том, что во время остановки в местечке Нерейше (ныне — деревня в Сенненском районе Витебской области) Матвей пытался обменять «шестьдесят полтораков на шеляги». Нерейшане, однако, выдвинули слишком невыгодные условия размена — «тылько пять грошей за два» (иными словами, за пять «матвеевских» чехов предложили два польских полуторагрошовика), т. е. оценили предложенные им монеты лишь в 40 % их номинальной стоимости.

Вывод из этой истории напрашивается сам собой: убитый комиссионер рассматривался следствием не столько как жертва преступления, сколько как преступник, «избежавший» кары за сбыт фальшивой монеты, которой его снабжали витебские купцы (только этим может быть объяснена уклончивость их ответов на вопросы следствия).

Таким образом, попытки внедрения неполноценных российских монет в денежное обращение Беларуси завершились полным провалом.

Такое же, как и к медной копейке, отношение наблюдается не только к медным, но и к биллонным солидам. Власти все чаще вынуждены требовать от населения обязательности их приема.

7 августа 1665 г. представители всех воеводств Великого княжества Литовского, собравшиеся в Гродно, приняли постановление: «...Видя постоянное, вопреки универсалам Его Королевской Милости, збракованне (неприятие.— *В. Р.*) старых (битых в биллоне литовских и польских.— *В. Р.*) и Рижских шелягов, в народе распространенное, объявляем, что как старые, так и Рижские, Прусские шеляги, опроч волоских (кроме сучавских.— *В. Р.*), безо всякого брака браны быть должны».

Депутаты Брестского воеводства в январе, а затем в июле 1670 г. предупреждают сеймы о недопустимости возобновления «менниц шележных» и жалуются на «впровадженне з розных паньств шелягов, якобы нашим штемплем битых», требуя принятия «суровейшего закона» против фальшивомонетчиков.

2 декабря 1685 г. обнародован универсал Яна Собесского: «Со всех сторон доходят до нас известия о подделке шеляжной монеты, которая затрудняет и покупающих и продающих до такой степени, что нередко на рынках дело доходит до пролития крови по вине этих шелягов. Все это происходит от накопления этих шелягов, которые, вопреки ясному и суровому закону, осмеливается чеканить и распространять чья-то бешеная злоба. Повелеваем урядам (органам власти.— *В. Р.*) ...по селам и городам чинить строгое наблюдение, оных (фальшивомонетчиков.— *В. Р.*) лапать и тяжко на горло карать (хватать и предавать жестокой смерти.— *В. Р.*)».

«Могилевская хроника» под 1686 г. сообщает: «...клепачи — эта дьявольская монета фальшивая пришла, сила которой торговле и здоровью вредила немало».

Одним из способов борьбы со сбытом фальшивой монеты становится ее демонстрация в людных местах — у ратуш, на рынках.

30 мая 1686 г. приходно-расходные книги могилевского магистрата фиксируют сумму, потраченную на «прибивеня (прибивание.— *В. Р.*) злых шелегов», рядом с которыми, для пущей наглядности, были прибиты и образцы «добрых»

(последняя деталь — лишнее свидетельство их ничтожной стоимости).

О размахе деятельности фальшивомонетчиков определенное представление дает следующий факт: 24 января 1689 г. городской казной Могилева оприходовано «шелегами добрыми золотых триста, а клепачов — золотых двесте». Иными словами, из собранной 500-злотовой суммы в солидах на долю «клепачей» пришлось 200 злотых!

Обилие низкопробной и фальшивой монет по-своему отражало бедственное состояние экономики и разорение основной массы населения.

В августе 1665 г. Полоцкое, Витебское и Мстиславльское воеводства, Мозырский и Речицкий поветы из-за крайнего обнищания наотрез отказались от выплаты налогов.

Указ подскарбия Киршенштейна, датированный 16 ноября 1665 г., упрекает «господ и обывателей» Брестского воеводства в крайне неохотной выплате податей. Одни из сборщиков налогов, отмечает этот документ, вообще не появляются в казначействе, другие же, внося слишком малые суммы, жалуются на налогоплательщиков, которые, по их словам, предпочтя занятие обменом одной монеты на другую, отдают им только старую и фальшивую или же вообще не дают ничего. Подскарбий требует вносить в казну деньги, а не донесения о недоимках и откладывает крайний срок выполнения податных платежей до октября следующего года.

С другой стороны, инструкция, составленная шляхтой Брестского воеводства для депутатов январского сейма в Варшаве 1672 г., фактически обвинила самого подскарбия в присвоении налоговых сумм, заявив, что он должен отдавать казне именно те серебряные монеты, которые ему сдаются, а не подменять их другими, менее ценными.

Содержание денежного хозяйства Беларуси этого времени можно условно разбить на две составные части, тесно переплетавшиеся друг с другом. Это, во-первых, реальные и реально-счетные номиналы, выступающие как в виде конкретных монет, так и в роли счетно-денежных единиц — солид, полуторагрошовик, трехгрошовик, шестигрошовик, орт, талер и дукат. Во-вторых, это чисто счетные понятия — денарий, грош, злотый, копа, гривна и рубль.

Самой распространенной из монет стал солид. В актах 1660—1670-х гг. он не упоминается в связи со сколько-нибудь крупными платежами, что вполне понятно: рынки еще обладали достаточным количеством биллонных, серебряных и золотых монет, «боратынчиками» же проводились лишь самые мелкие денежные выплаты. Правда, в редких случаях это правило нарушается. Например, в составленном 28 октября 1664 г. завещании виленского мещанина Кондрата Парфиановича фигурируют «готовых грошей три тысечи девятсот (счетных злотых.— *В. Р.*)» шелягами червоными (красными, т. е. медными.— *В. Р.*); 2 марта 1669 г. крупный сановник — великокняжеский референдарий Казимир Нарушевич закладывает бургомистру Орши Каспру Холевичу имение Яковлевичи в Оршанском повете «за сумму злотых чотыре тысячи монетой на этот час громной (от «громада» — множество, масса.— *В. Р.*) — шелягами червоными».

В последнее двадцатилетие века при ограниченном, а затем и вовсе прекращенном производстве серебряной монеты положение медного солида становится совершенно иным. Теперь именно им, а не серебряными и золотыми номиналами, зачастую осуществляются крупные платежи.

3 июля 1683 г. конюшенный Великого княжества Литовского Франциск Сапега завещает брестскому костелу «10 000 злотых шеляжною монетою», а ченстоховскому (в Польше) — «3000 злотых шеляжною монетою».

Приходно-расходная книга могилевского магистрата под 12 июня 1686 г. содержит следующую запись: «...шляхетному пану Захариушу Автушкевичу, бурмистру могилевскому, отдали за калмыка, купленного на Москве, у столицы на подарки ясновельможному его милости пану гетману Великого княжества Литовского Пацу шеляжной монеты злотых 198».

Медный солид, естественно, был самым малоценным номиналом. В 1691 г. городская казна Могилева, оприходовав 23 740 злотых, прямо противопоставляет его доброкачественной монете, подчеркивая, что сумма эта «порахована (подсчитана.— *В. Р.*) в монете доброй и шеляжной».

При выплатах медными солидами более или менее значительных сумм использовались приготовленные заранее мешочки, содержавшие их на 10 или 100 злотых (первые из них весили 1,21 кг, вторые — более 12 кг!).

На рынках складываются две параллельные денежные системы, одна из которых основывается на серебре, вторая — на меди. Это приводит к довольно сложной практике финансовых расчетов — «наддачам». Например, если долг, взятый серебряной монетой, возвращался в виде медной, то доплачивалась определенная сумма сверх занятой (не считая процентного прироста). В 1662 г. «наддача» составляет 12 %, в 1664 г. возрастает до 20%, в 1665 г.— до 30 %, в 1666 г.— до 70 %, продолжая расти в последующие годы. Пытаясь остановить этот процесс, Краковский сейм 1676 г. устанавливает предельный размер «наддачи» в 70 %. Это решение, естественно, игнорируется рынком.

До середины 1680-х гг. курс медного солида по отношению к серебряному грошу непрерывно колеблется. Самый низкий его уровень фиксируется в 1670 г.: 23 января и 31 июля 1670 г. Брестский сеймик требует наложить запрет на

установившееся «личенне (счет.— *В. Р.*) шелягов нынешних в грош по шести».

Запись приходно-расходной книги могилевского магистрата от 6 апреля 1684 г. сообщает: «Купили свинины...— за злоты и асмаков дванадцат; курей двое — асмаков двадцат шесть; ситниц чотыри (четыре булки ситного хлеба.— *В. Р.*) — асмаков дванадцать, пирогов — асмаков шестнадцат, пива кгарцов (кгарнец, гарнец — мера жидкостей.— *В. Р.*) пять — асмаков семнадцат, слугам на пиво — шелегов пять». Итак, сумма, в которую магистрату обошелся праздничный обед, составила 113 (30 + 12 + 26 + 12 + 16 + 17) польских грошей-осмаков «на харч» и 5 солидов «слугам на пиво». Она же в сводной графе расходов определена в 114 грошей. Таким образом, 113 грошей + 5 солидов = 114 грошам; значит, на грош шло 5 солидов.

Параллельно с «боратынчиками» обращались дореформенные биллонные литовские и польские солиды. Их рыночный курс оставался неизменным — 1/3 гроша.

Связующим звеном между солидами и серебряными номиналами были биллонные польские (в незначительной мере — и литовские) полуторагрошовики (полтораки, чехи), хотя со времени эмиссий подавляющего их большинства (1610—1620-е гг.) минуло немало лет. В категорию этих монет входили также драйпёлькеры Германии конца XVI — первой трети XVII в. и Шведской Прибалтики 1620—1660-х гг.

12 декабря 1668 г. Ян Казимир дает оршанскому хорунжему Самуилу Кмиту привилей на взимание мостовой пошлины за переправу через реку Западную Двину — «по полтораку» с одноконного воза.

Порою полуторагрошовиками выплачиваются весьма значительные суммы. Например, 20 декабря 1682 г. могилевскому райце (магистратскому советнику) дано на служебную поездку «таляров сорок чехами».

Как и солиды, полуторагрошовики не избежали симпатий фальшивомонетчиков. Так, 13 мая 1690 г. при пересчете налоговых поступлений в городскую казну Могилева обнаружено «пултораков фальшованых и гладких...— усих ликом золотых (в пересчете на злотые.— *В. Р.*) 72». В этом документе под эпитетом «гладкие» подразумевается плохая сохранность (потертость), вполне естественная для монет, находившихся в обращении не одно десятилетие.

В отличие от медных солидов, рыночный курс полуторагрошовиков был стабильным, полностью соответствовавшим их номиналу.

19 марта 1679 г. на ремонт моста у местечка Дубровно куплены 22 бревна, каждое из которых стоило «по три чеха». Общая их цена составила «злотых три и осмаков девять» (99 грошей); следовательно, чех равнялся 1,5 (99 : 66) грошам.

16 февраля 1683 г. счетные книги могилевского магистрата регистрируют покупку крупы на «20 чехов», приравниваемых к одному злотому; как и в предыдущем случае, чех оказывается паритетным 1,5 (30 : 20) грошам.

Полуторагрошовик составлял половину тройного гроша (потройного, трояка) — самого младшего из реальных серебряных номиналов, обращение которого осуществлялось преимущественно за счет эмиссий последней четверти XVI — первой четверти XVII в.

Духовное завещание, составленное брестским мещанином Афанасием Коровкой 13 ноября 1667 г., упоминает «старые пенязи потройные».

24 сентября 1668 г. могилевский магистрат требует от горожан «трояк заплатить попрутщизны» за каждый утаенный от налогообложения прут земли.

Тройной грош, подобно полуторагрошовику, вполне оправдывал свое имя: его реальная стоимость оставалась неизменной.

5 июня 1684 г. могилевский магистрат выдает некоему Ваське Москалю «потройных шесть», приравненных к «18 осмакам»; следовательно, «потройный» равен 3 (18 : 6) грошам.

К такому же результату приводит и ознакомление с записями приходно-расходных книг того же магистрата за 14 сентября 1688 г. и 1 января 1689 г. В первом случае четверым поденщикам выплачено по шесть «потройных» — всего 2 злотых и 12 осмаков (72 гроша); во втором — на 310 гарнцов меда, каждый из которых оценен «по шесть потройных», потрачено 186 злотых (5580 грошей). Простейшие расчеты (72 : 24 и 5580 : 1860) подтверждают трехгрошовый курс «потройного».

21 августа 1695 г. семи землекопам могилевчанам уплачено 42 «потройных», пересчитанных в «4 злотых и 6 осмаков» (126 грошей); потройный остается равным 3 (126 : 42) грошам.

С конца 1670-х по начало 1690-х гг. восточнобелорусские письменные источники фиксируют необычные термины — «пятак» и «полпятак».

В апреле 1678 г. полочанин Иван Сыса нашел «скарб давний старый» содержавший, помимо иных монет, «пятаки и полпятаки».

31 мая 1690 г. в казну Могилева поступила денежная сумма, представленная как полноценными монетами, так и «пятаками гладкими, спижовыми (медными, т. е. фальшивыми.— *В. Р.*) — мало добрыми».

21 декабря 1692 г. могилевчанин Тимофей Бизевич внес в городскую казну долг в 121 злотый «розной монетою», среди которой оказались и «пятаки».

Попытаемся разобраться, что же скрывается под терминами «пятак» и «полпятак»?

В 1678 г. они обнаружены в кладе «давнем, старом» — иными словами, пролежавшем в земле много лет.

В 1690 г. речь идет о неполноценных «пятаках» — «гладких» (истершихся, т. е. достаточно почтенного возраста) и фальшивых (возможно, «свежих»).

Документ 1692 г. ограничивается сухим фиксированием «пятаков» как общеизвестной монеты.

Вспомним: в XVI в. «пятаком» назывался литовский полугрош, чеканка которого прекращена в 1566 г. Письменные источники и клады с полной определенностью свидетельствуют, что ко второй половине XVII в. полугроши окончательно покинули рынок. Следовательно, в это время термин «пятак» переходит на какую-то иную, активно участвующую в обращении монету. Ею может быть только трехгрошовик 1570—1620-х гг., паритетный трем серебряным, но пяти инфляционным (выраженным в медных солидах) грошам. На роль «полпятака» единственно бесспорным претендентом оказывается, таким образом, полуторагрошовик.

Изредка тройной грош именуется пришедшим с Украины словом «шаг». 17 июня 1687 г. в приходно-расходную книгу могилевского магистрата записывается поступление «шагов одиннадцати».

Широко распространенные в Беларуси польские и прусские шестигрошовики (шостаки, шастаки, шестаки) относились к монете «доброй». Иногда они характеризуются эпитетом «широкие», подчеркивающим их больший, чем у соподчиненных им номиналов, диаметр. Например, в феврале 1687 г. могилевское казначейство получает от мещанина Прозора Лукинича «шостаки широкие».

Рыночный курс польского шестигрошовика был, как и у трехгрошовика, двойственным — в зависимости от того, в каких (медных или биллонных) солидах он выражался. Так, счетные книги Могилева 15 января 1687 г. оценивают «шостак» в 12, а 14 ноября в 6 грошей. В первом случае речь идет о его стоимости, пересчитанной на медные солиды, во втором — на биллонные.

В отличие от польских шестигрошовиков, проба которых была существенно снижена еще в 1656 г., прусские монеты этого же номинала (зехсгрошеры) были более высокого качества, и поэтому ценились дороже.

Под 1 февраля 1689 г. и 21 декабря 1690 г. в приходно-расходных книгах могилевского магистрата упомянуты «десятники». Какая же монета скрыта под этим именем? Прежде всего на ум приходит польский шестигрошовик, равный двум «пятакам» трехгрошовикам. Однако расчеты показывают, что эта денежная единица соответствовала 10—12 грошам, выраженным не в медной, а в серебряной чеканке. Таким образом, она оценивается значительно выше, чем польский шестигрошовик. Следует полагать, что речь идет о зехсгрошере.

Орты (польские и прусские) относились к наиболее устойчивым денежным единицам, неизменно выступавшим в роли «твердой монеты».

В начале XVII в. орт, размениваясь на 10 грошей, составлял 1/4 часть 40-грошового талера. В результате обесценивания разменных монет стоимость талера, повысившаяся к середине века до 90 грошей, продолжала расти. Орт, серебряное содержание которого, как и шестигрошовика, было понижено в 1656 г., все же остается полноценной монетой, но становится уже 1/5, а затем 1/6 фракцией талера. Варшавский сейм 1677 г. определяет его курс в 18 грошей. О том, что рынок, этот самый беспристрастный оценщик действительной стоимости монет, согласился с этим решением, свидетельствуют многочисленные письменные источники.

20 мая 1663 г. с челобитной на имя Алексея Михайловича обращается мещанка из Старого Быхова Богданина Мордахаева, жалующаяся на ограбивших ее «салдат шквадрона (эскадрона.— *В. Р.*) маиора Матвея Чюровского»: «ходила я по рынку купить запасцу, и было у меня в мошонке (мешочке.— *В. Р.*) денег серебряными копейками сем рублев, да литовских денег восем червоных золотых, да два тареля ценою по двадцати алтын серебряными денгами, да два левка, а левкам цена рубль серебряными ж денгами, да пять вертов (ортов.— *В. Р.*) — цена верту по четыре алтына серебряными ж денгами...» Итак, орт оценен Богданиной в 4 серебряных алтына, т. е. в 12 копеек. В это время копейка стоила полтора гроша. Таким образом, цена орта — 18 (1,5 × 12) грошей.

9 августа 1684 г. могилевский магистрат выплачивает пятерым «гребцам» (уборщикам сена.— *В. Р.*) три злотых в виде 5 ортов: курс орта остается 18-грошовым (90 : 5).

Названная котировка орта основывалась на серебре (6 трехгрошовиках или 3 шестигрошовиках) или биллоне (54 солидах или 12 полуторагрошовиках). При исчислении в медных солидах она резко возрастала. Например, 15 января 1687 г. могилевский райца Молчанович сдает в казну 2 орта стоимостью «по золотому и осмаков шесть», т. е. по 36 грошей; 29 декабря этого же года магистратская книга Могилева определяет цену орта в 35 «осмаков».

Тридцатигрошовик, будучи неполноценной монетой, не смог удержаться на уровне приданного ему в 1663 г. курса в 30 грошей. Уже в первые годы своего существования он котировался, в лучшем случае, как орт, хотя имел более низкое серебряное содержание. Именно поэтому, в отличие от орта, он именовался «ортом тымфовым» или «тымфом» («тынфом»).

В цитировавшейся выше инструкции Брестского сеймика своим представителям на январском сейме 1672 г. отвергается замысел Михаила Корибута Вишневецкого понизить сложив-

шийся на рынке курс тридцатигрошовика: «...учитывая тяжкие для Речи Посполитой времена, на снижение цены... ортов тымфовых, как предлагает их Королевская Милость, согласиться нельзя, ибо понесли бы мы большой ущерб, если бы, иной не имея монеты, эту понизили».

Орт и тридцатигрошовик, несмотря на их относительное стоимостное равенство, четко отличаются друг от друга. Так, проведенная 20 октября 1690 г. ревизия денежной наличности городской казны Могилева регистрирует «ворек» (мешочек), содержащий «орты, тынфы на злотых триста тридцать».

Самым ценным серебряным номиналом остается «битый» (в виде реальной монеты) талер. Документы нередко упоминают и его фракции в 1/2 («полталяра») и 1/4 («чвертка», «чверка»).

16 декабря 1667 г. полочанин Абрам Ицикович обвинен в присвоении «по полталяра» от питейных податей. 17 апреля 1681 г. могилевские мещане Устин Синебрюхов и Авраам Парфенович уплачивают вступительный взнос в цех прасолов (оптовых торговцев скотом, мясом и рыбой) — «полталера битого» и «талера полтора битого (т. е. талер и полуталер или три полуталера.— *В. Р.*). В октябре 1684 г. магистрат Могилева выделяет «на окрещение дитяти знойденного (подкидыша.— *В. Р.*) полталяра».

29 декабря 1689 г. могилевский «дозорца кабацкий» Молчанович вносит в казну «готовых грошей тарелов битых чотыриста тридцат два и чверка одна». 29 января 1690 г. отправляющиеся из Могилева на Варшавский сейм войт (староста) Стефан Хомутовский и шафар (писарь) Тарас Тишкович получают «готовые суммы, то ест таляров битых штук тры тысечы, до того чвертками таляров битых сто».

Талеры по-прежнему подразделяются на полноценные — «твердые», «твардые» и второсортные — «злотовые», «злотковые» или «левковые», «левки» (если речь идет о лёвендаальдерах).

«Твердый» талер котировался в среднем по 3—3,5 злотых в серебре или биллоне, по 6 и более злотых — в меди.

В упоминавшейся выше челобитной Богданины Мордахаевой от 23 мая 1663 г. полноценный «тарель» оценен в 20 серебряных алтынов (60 копеек), т. е. в 3 злотых (90 грошей).

26 января 1667 г. полоцкий воевода Александр Скорень закладывает свое имение Климовщизну за 600 коп литовских грошей «в доброй монете белой (серебряной.— *В. Р.*), то ест талярами битыми тризлотовыми (трехзлотовыми.— *В. Р.*)».

15 апреля 1684 г. могилевский магистрат покупает у мещанина Левона Шевни «горелку», оговаривая стоимость «таляра битого» в 3 злотых серебряной монетой, но в 6 злотых 15 грошей в медных солидах.

13 февраля 1687 г. виленский бурмистр Ян Огурцевич завещает Святотроицкому монастырю «три тысячи таларов битых, рахуя (считая.— *В. Р.*) талар по злотых шесть в шележной монете».

В отдельные годы «шележная» стоимость полноценного талера резко поднимается, но затем вновь возвращается к своему «нормальному» уровню: так, приходно-расходные книги могилевского магистрата, отметив дважды его необычно высокий курс — в 8 злотых и 18 грошей (1686) и в 7,5 злотых (1687), в последующие годы возвращаются к его оценкам в 6—6,5 злотых.

Самая низкая котировка «злотовых» талеров зарегистрована магистратом Могилева 24 января 1690 г.: 120 их штук оценены лишь в 220 злотых (6600 грошей), т. е. по 55 (6600 : 120) грошей или 1,5 злотого и 10 грошей. Очевидно, в этом случае речь идет о низкопробных разновидностях талерной монеты очень плохой сохранности.

Наиболее распространенный из неполноценных талеров — лёвендаальдер проходит по сравнительно низкому курсу. В мае 1663 г. две его штуки оцениваются в «рубль серебряными денгами», т. е. по 50 копеек или по 75 серебряных грошей (2,5 злотых) каждая.

9 февраля 1679 г. могилевский магистрат определяет размер «наддачи» при обмене «левка» на «твердый» талер в «14 осмаков». Таким образом, стоимость «левка» оказывается на 14 грошей ниже среднего курса (3 злотых) полноценного талера, т. е. составляет 2,5 злотых и 1 грош.

Медная котировка лёвендаальдера выражается, естественно, иными — более высокими цифрами. 4 января 1686 г. в городскую казну Могилева поступило «левков семнадцать — по злотых пять и осмаков шесть»; 29 декабря 1687 г.— «семнадцать левков — по злотых шесть и осмаков семь и пол».

Качественно-метрологическая стандартность полноценных талеров обусловила отсутствие необходимости разграничения их по государственной принадлежности, но изредка она все же фиксируется. Например, 7 мая 1680 г. «Реестр» цеха могилевских прасолов сообщает, что мастер Денис Пинчуков «дал до скрынки братарской (в цеховую казну.— *В. Р.*) три талера празких (пражских, т. е. чешских.— *В. Р.*)».

Иногда талерные монеты именуются (подобно лёвендаальдерам, несущим на себе изображение льва) по присущим им характерным изображениям — «кристинкой» (южнонидерландский патагон с отчеканенным на нем «бургундским крестом»), «орлянкой» (серебряный гульден — крупная германская монета талерного типа с изображением двуглавого орла).

В счетных книгах могилевского магистрата под 4 января 1686 г. записано денежное поступление, содержавшее «орлянки чотыри», в октябре — «талеры битые с крыстинками».

Изредка в документах мелькают упоминания о поддельной талерной чеканке. Так, 6 января 1689 г. лавник (присяжный

заседатель) городского суда Могилева Евхим Кошенко уличен в том, что среди сданных им в казну денег «знайдовалось полтора таляра битого фалшованного». Полуроталерный номинал не чеканился, поэтому эти фальсификаты могли быть представлены только талером и полуталером или же тремя полуталерами.

Талер используется как весовой эталон для серебряных изделий. 5 июня 1668 г. шляхтичи Тяпинские разграбили местечко Чашники (на Витебщине). В обстоятельном перечне причиненных ими убытков фигурируют «кубок сребрный и чарка, важачие (весящие.— *В. Р.*) таляров шесть».

Основной золотой номинал — дукат («червоный злотый») применяется, естественно, при наиболее крупных платежах. Знакомясь с его рыночными котировками, следует иметь в виду, что под лексемой «червоный злотый» далеко не всегда скрывались качественно и метрологически равноценные монеты, и то, что основной критерий их оценки — разменные серебряные, биллонные и медные номиналы — подвергался неуклонному воздействию девальвационных процессов.

15 апреля 1666 г. мещанка Теофила Менжинская представляет городским властям Мстиславля заявление об утрате ею имущества во время захвата города российским войском. Этот документ называет, в частности, «червоный злотый [ценою] по злотых шесть».

Инвентарь имущества виленского купца Афанасия Ивановича, составленный 8 февраля 1673 г., упоминает «червоны злоты по злотых седм и гроши петнасце».

Оба процитированных документа выражают дукатовые курсы в биллоне или серебре. В меди же они выглядели по-иному, о чем особенно обстоятельно сообщают приходно-расходные книги могилевского магистрата.

В июле 1676 г. в них записаны «13 червоных злотых по злотых 11 и грошей 15»; 16 апреля 1682 г.— «чирвоных злотых штук сто, кождый чирвоный по золотых дванадцать»; 4 января 1686 г. — «один червоны злотый за злотых дванадцать и осмаков пятнадцать»; в декабре 1687 г.— «червоных золотых двадцать два, рахуючи на шеляги кождый червоный золотой по золотых пятнадцать и осмаков семь и пол»; 6 июля 1691 г.— «чирвоных злотых штук десять, кождый чирвоный шелегами по золотых чотырнадцать».

Особый интерес представляет запись от 6 июня 1691 г., свидетельствующая об одновременном бытовании различных курсов дуката: «...дали до скарбу Короля Его Милости чирвоных золотых штук сто тридцать шесть, чирвоный кождый по золотых тринадцать и осмаков пятнадцать... червоных золотых два по золотых штук дванадцать, червоный по золотых тринадцать... червоных два по золотых дванадцать и осмаков пятнадцать». Итак, в одной партии монет фиксируются дукаты, «шележный» курс

которых составляет 13,5 злотых (405 грошей), 13 злотых (390 грошей) и 12,5 злотых (375 грошей).

Не единообразна котировка дуката и в последующее время: 26 марта 1695 г. она соответствует 13 злотым, 9 июня того же года — 12 злотым.

Иногда стоимостный курс дуката определяется талером в сочетании с грошем. В этих случаях он остается стабильным.

24 февраля 1690 г. казна Могилева пополняется крупной суммой — «червоных золотых штук 150, которые червоные золотые раховали на таляры — таляры два и осмаков по двадцати одному». Этот же курс фиксируется 13 декабря 1692 г. при выдаче «шафарам мейским (городским писарям.— *В. Р.*) сто штук червоных злотых — кождый червоный злотый про два талеры и гроши двадцать один».

Как и талер, дукат служит единицей весового измерения ювелирных изделий.

18 апреля 1660 г. городской суд Пинска рассматривает жалобу торговца Якова Мойсеевича на мещан Докторовича и Головку, разграбивших его дом, унеся, помимо прочего, «...перстней злотых з каменями дорогими — важили червоных злотых еденасце, а коштовали злотых сто...»

28 октября 1664 г. виленский мещанин Кондрат Парфианович завещает супруге «...ланцух (цепь.— *В. Р.*) злоты вагой трыдцать и дву червоных злотых...»

7 июня 1670 г. завещание полоцкого митрополита Селявы упоминает «крыж злотый, в котором ваги червоных злотых сто двадцать, а други крыж ваги злотых тридцать».

Упомянутый выше имущественный инвентарь виленского купца Афанасия Ивановича от 8 февраля 1673 г. называет «ланцужок злота коронного (цепочку, изготовленную из польских дукатов.— *В. Р.*) вагой шесть червоных злотых» и «обренчку венгерского злота (кольцо, изготовленное из «угорских».— *В. Р.*) вагою червоных два».

Самой мелкой из счетно-денежных единиц остается денарий, «разменивающий» счетные же гроши.

Грамота Яна Казимира от 22 января 1663 г. упоминает поземельный налог для жителей Кричева — «по пети пенезов», т. е. по половине литовского гроша.

Приходно-расходная книга могилевского магистрата 14 декабря 1684 г. регистрирует выдачу «на труну (гроб.— *В. Р.*) Пятрушки пушкаря золотых два, осмаков семь и пенези чотыры», т. е. 67 с половиной польских грошей.

Документами многократно фиксируется употребление и дробных частей денария.

Отчет Скарбовой комиссии Великого княжества Литовского за 1661 г. сообщает, что казна израсходовала «миллион шестьдесят шесть тысяч четыреста пятнадцать злотых, грошей двенадцать, пенезей шесть и шостачок пенезный»; далее следует обозначение этой же суммы в цифрах — «1066415

[злотых], 12 [грошей], 6 [пенезей], 1/6 [пенезя]». Следовательно, «шостачок пенезный» — шестая часть денария.

Грамота Яна Собесского, направленная бобруйчанам 17 февраля 1682 г., подтверждает действенность введенного еще в 1639 г. поземельного налога — «...с прута рынкового — по пенезю и пол, с прута уличного — по пенези два и пол».

Со второй половины XVII в. практика денежного счета, базирующегося на стоимостной разнице литовского и польского грошей, постепенно изживает себя, что вполне закономерно: во-первых, она была реальной лишь до осуществления унификации литовской и польской монетных систем в конце 1570 — начале 1580-х гг.; во-вторых, в обращении фактически отсутствуют как литовские, так и польские монеты номиналом в грош.

Таким образом, разделение грошовиков на литовские и польские попросту теряет смысл. Это превосходно доказывается реестром расходов могилевского магистрата за 1691 г.: в нем 228 злотых и 6 литовских грошей приравниваются к 228 злотым и 6 «осмакам» — иными словами, «грош литовский» означает то же, что и «осмак», т. е. грош польский. Неудивительно поэтому, что в последующие годы «осмак» становится основной единицей исчисления денежных сумм в различного рода финансовой отчетности и торговых сделках, вытесняя из них упоминание гроша литовского.

Гривна, как и прежде, в подавляющем большинстве случаев сохраняет свою «штрафную» функцию.

Устав могилевского цеха пекарей, составленный 21 октября 1660 г., значительное внимание уделяет защите от конкурентов: «...ежели бы который, не вписавши до реестру и цеху (т. е. не зарегистрировавшись в цехе.— *В. Р.*) пироги, обаранки албо хлеб без ведомости цехмистра печь почал, тогды таковый каждый вины на урад (магистрат.— *В. Р.*) заплатити мает грывны тры, а до скрынки братской (в цеховую казну.— *В. Р.*) грывны две».

6 сентября 1669 г. оршанский земский суд обвинил могилевский магистрат в том, что тот осудил на сожжение за чародейство мещанку, оказавшуюся, как выяснилось после приведения приговора в исполнение, невиновной. Магистрату предложено выплатить «...вины тысечу грывен, при том золотых сто двадцать — всего суммою в тысечу семсот двадцать пять золотых польских». Этот документ убеждает в том, что содержание счетной гривны не изменилось: 1000 гривен + 120 злотых = 1725 злотых; следовательно, 1000 гривен = 1605 (1725 — 120) злотым, а одна — 1,6 злотого, т. е. 48 грошам.

Самыми распространенными счетно-денежными единицами остаются *злотый* и *копа* (последняя, впрочем, употребляется значительно реже, чем ранее). По-прежнему опираясь на соответственно польский и литовский гроши, они, однако, нередко применяются и для счета солидов «напрямую» — без предварительного их перевода в грошовые эквиваленты.

8 апреля 1669 г. городской суд Бреста признает мещанина Стефана Шумского виновным в нападении на имение Скоки, где он похитил «...шелягов нынешних медзяных седм злотых, а рыжских шелягов около десятка коп злотых».

11 августа 1692 г. витебский купец Федор Иванович платит за товар «шележной монетой коп девяносто».

На злотый и копу иногда считаются и копейки, получившие, как уже отмечалось, относительно широкое распространение.

22 мая 1662 г. Пинский городской суд разбирает жалобу минских купцов Золотаревичей на шляхтича Яна Здановского, отнявшего у них под Слуцком «готовых пенезей денгами злотых шестдесят».

В протоколе заседания Полоцкого городского суда от 18 апреля 1660 г. упомянуты «коп сто копейками сребрными».

Случается, что злотый используется для счета не польских, а литовских грошей.

17 июля 1664 г. солдаты «реквизируют» у мстиславльского земянина (сельского шляхтича) Стефана Адамовича партию пшеницы, купленную им за «злотых шесть грошей литовских».

16 июня 1676 г. Трибунальный суд в Вильно завершает рассмотрение дела об ограблении струга смольнянина Юрия Млендского, перевозившего из Риги в Витебск соль, сельдь и другие товары на сумму в «3000 золотых польских монетою Великого княязства Литовского».

Иногда при выплатах сумм, превышающих 60 злотых, количество последних выражается в копном счете.

5 июня 1668 г. земский суд Полоцка протоколирует похищение шляхтичами Тяпинскими при нападении их на имение Чашники «соли на 15 коп злотых».

16 июня 1680 г. оршанская земянка Анна Комар завещает священнику церкви св. Илии Пророка «коп. 50 золотых».

Рубль выступает в двойственном обличье — как российская счетная единица, соответствующая 100 копейкам, и как единица счета польско-литовских монет.

1 октября 1663 г. цыган Петр Лукашевич «з великим и незносным жалем плачливе оповедал» суду Мстиславльского воеводства, что некий Марк Рosланкович отнял у него «грошей готовых копейками рублей десет».

В июле 1664 г. полоцкий мещанин Тит Иванов посылает царю Алексею Михайловичу челобитную с жалобой на воеводу Никиту Вельяминова: «...было у меня захоронено поклажишко от пожарного времени на своем дворе — 30 рублев и пол осма (семь с половиной.— *В. Р.*) рубли розных литовских грошей... И как я, сирота твой, то свое поклажишко учал из земли выкапывать, и он, Микита Ондреевич, ко мне приставил каравул, а велел то мое поклажишко принесть к себе на двор...»

24 февраля 1679 г. могилевский купец Николаев жалуется Посольскому Приказу Москвы на своего российского собрата Ивана Солодова: «...занял он, Иван, у меня в Стародубе 50 рублев чехами... И он, Иван, тех денег мне не платит».

Итак, для рассмотренного этапа характерны авантюрно-радикальные финансовые преобразования, выразившиеся не только в резком ухудшении пробы серебряных монет, но и, что главное, в проведении откровенно кредитных эмиссий — медных солидов 1659—1666 гг. и биллонных тридцатигрошовиков — злотых 1663—1666 гг.

Денежное хозяйство страны впервые перешло на двойную — медно-серебряную систему, существенно усложнившую практику сделок купли-продажи.

В полном соответствии с законом Коперника-Грешэма чрезмерно тиражированные неполноценные монеты, вытесняя из рыночного оборота монеты доброкачественные, создали благоприятнейшие условия для бурной инфляции.

Меры, предпринятые при Яне Собесском, смогли лишь несколько смягчить пагубные последствия реформаторской деятельности Яна Казимира. К предверию XVIII в. финансы Речи Посполитой пришли в далекое от благополучия состояние.

Конец XVII в.— конец XVIII в. Речь Посполитая обретает нового монарха. Им становится «по совместительству» курфюрст Саксонии Фридрих Август I Сильный (Красивый), принявший, как король, второе имя — Август II.

Вступив в русско-шведскую Северную войну (1700—1721) на стороне Петра I, он потерпел в 1706 г. сокрушительное поражение и вынужден до середины 1709 г. расстаться с королевской короной, уступив ее ставленнику Карла XII — познаньскому воеводе Станиславу Лещинскому.

Общегосударственное денежное производство Речи Посполитой в продолжительное (по 1733 г.) правление Августа II так и не было возобновлено. Только городские монетные дворы эпизодически подают слабые признаки жизни: Торунь выбивает пробный дукат в 1702 г.; Гданьск — дукат в 1698 г., двойной дукат в 1698 и 1699 гг., медный солид — в 1715 г.; Эльблёнг — медный солид в 1713 г.

Рынки страны довольствуются эмиссиями предшествующих правителей и резко сократившимися поступлениями зарубежных монет, изредка получая скудные «дотации» в виде чеканившихся Лейпцигским монетным двором Саксонии польских номиналов — шестигрошовиков 1698, 1702 и 1706 гг., ортов (тымфов) 1698 и 1704 гг., талеров 1702 г., дукатов 1702 и 1703 гг., полудукатов 1703 г. (последняя «польская» продукция — пробный медный солид 1720 г.— уже не вышла за пределы Лейпцигского двора).

Эти малотиражные и к тому же нерегулярные эмиссии по сути своей были лишь перенесенными на металл декларациями, оповещавшими европейский мир о новом высоком титуле курфюрста.

Во время вынужденных «каникул» Августа II литовский подскарбий Людвиг Поцей ухитрился организовать в Гродно Монетный двор, где в 1706 г. отчеканил пробный трехгрошовик, в 1706 и 1707 гг. — шестигрошовики, оказавшиеся последними монетами Великого княжества Литовского. На аверсе их помещен профильный портрет Августа с соответствующей королевско-великокняжеской титулатурой, на реверсе — литовская «Погоня» (у трояка), гербы Речи Посполитой и Саксонии (у шостаков) в обрамлении легенд, провозглашающих принадлежность этих номиналов Великому княжеству, миниатюрный личный герб Поцея («Waga» — «Весы») и его инициалы — LP. Последняя деталь внешнего оформления этих монет послужила поводом к зубоскальству современников, расшифровавших ее как «L[udu] P[łacz]» («Горе народу»). Эта немощная эмиссия не имела какого бы то ни было экономического значения: по сути своей она явилась своеобразной материализацией политической акции, демонстрирующей убежденность Августа в предстоящем возвращении на отнятый у него трон.

Анархия, воцарившаяся в денежном хозяйстве Речи Посполитой, принимает настолько откровенные формы, что открывшаяся в Варшаве 4 февраля 1710 г. Вальная рада (Всеобщий совет) констатирует: «Скарб Короны за время прошлых несчастий к такой депрессии пришел, что различные наглые узурпаторы и грабители им словно общей добычей пользуются — осмеливаются доходы Речи Посполитой на свои приватные нужды обращать и обогащаться, нанося убытки державе».

Однодневный (уникальный в истории Речи Посполитой случай!), «немой» Варшавский сейм, 1 февраля 1717 г. посвятивший основные дебаты состоянию государственных финансов, предпринимает отчаянную попытку стабилизации рыночных курсов золотых, серебряных и биллонных монет: объявляет, что дукат должен приниматься по 18, талер — по 8 злотых, тымф (тридцатигрошовик Яна Казимира, орт) — по 1 злотому и 8 грошей, шестигрошовик — по 12 грошей и 2 солида в «монете шеляжной», т. е. в медных солидах 1659—1666 гг.

В поисках выхода из финансового тупика выдвигаются порою самые нелепые проекты. Так, послы Брестского воеводства на чрезвычайных Варшавских сеймах 1732 (сентябрь—октябрь) и 1733 (январь—февраль) гг. выступили со следующими предложениями: в первом случае потребовали незамедлительного возобновления переговоров с Испанией о полном возвращении Речи Посполитой «сумм неаполитанских»; во втором — представили проект закона, согласно которому «дамы польские», выходящие замуж за иностранцев, лишаются прав на приданное, «дабы никакие суммы за границу вывошоны не были».

В 1733 г. Августа II на престоле Речи Посполитой сменяет его сын — Август III (как курфюрст — Фридрих Август II). При нем производство польских монет (ведущееся опять-таки только в Саксонии) характеризуется, прежде всего, возвратом (после почти столетнего перерыва) к чеканке в меди.

Медноденежные выпуски открываются в шестнадцатый год правления Августа III: в 1749 г. их проводит Монетный двор Дрездена, в 1750—1751 гг.— Губина, в 1751—1755 гг.— Грюнталя.

В 1752 г. к чеканке польских монет в биллоне, серебре и золоте приступает Монетный двор Лейпцига.

Городские монетные дворы Польши долгое время бездействуют (лишь в 1734 г. Гданьск выпускает дукат), но затем начинают функционировать довольно активно. Между 1753 и 1763 гг. Гданьск чеканит медные солиды, биллонные трех- и шестигрошовики, серебряные орты, злотые и двойные злотые; между 1760 и 1763 гг. Торунь выбивает медные солиды, биллонные трех- и шестигрошовики, а Эльблёнг — медные солиды, биллонные трех- и шестигрошовики, серебряные орты, золотые дукаты и двойные дукаты.

В 1752 г. проведена денежная реформа, возвратившая Речи Посполитой «краковскую» монетную систему, которой она была лишена при Августе II. Правда, система эта была модернизирована сближением (качественным и метрологическим) польского талера с саксонским и введением неведомых ей ранее монет — медного грошовика, серебряного восьмигрошовика, золотых полуавгустдора[1] (двух с половиной талеров), августдора (пяти талеров) и двойного августдора (десяти талеров). Для обозначения некоторых биллонных номиналов впервые, вместо традиционной латыни, применен польский язык[2].

В конечном итоге монетная система Речи Посполитой и стоимостные соотношения ее звеньев приобретают следующий вид:

Медь:

Солид = 1/3 *гроша.*

Грош = 3 солидам.

Биллон:

Пулторак = 3 грошовикам = 9 солидам.

1/2 шустака (3 гроша) = 2 пулторакам = 6 грошовикам = 18 солидам.

Шустак (6 грошей) = 2 трехгрошовикам = 4 пулторакам = 12 грошовикам = 36 солидам.

---

[1] От франц. August d'or (золотой Августа).

[2] 1 1/2 гроша (1753, 1755—1756) — PULTORAK, 3 гроша (часть тиража 1753 г.) — 1/2 Sz[óstaka], 6 грошей (часть тиража 1753 г.) — Sz[óstak], 18 грошей (1752 г., часть тиража 1753 и 1755 гг.) — T[ymf].

Тымф (18 грошей) = 3 шестигрошовикам = 6 трехгрошовикам = 12 пулторакам = 36 грошовикам = 108 солидам.

Серебро:

8 грошей = 1 2/3 тымфа = 5 шестигрошовикам = 10 трехгрошовикам = 20 пулторакам = 60 грошовикам = 180 солидам.

Полуталер = 2 восьмигрошовикам = 3 1/3 тымфа = 10 шестигрошовикам = 20 трехгрошовикам = 40 пулторакам = 120 грошовикам = 360 солидам.

Талер = 2 полуталерам = 4 восьмигрошовикам = 6 2/3 тымфа = 20 шестигрошовикам = 40 трехгрошовикам = 80 пулторакам = 240 грошовикам = 720 солидам.

Золото:

Полудукат = 1 1/8 талера = 2 1/4 полуталера = 4 1/2 восьмигрошовика = 7 1/2 тымфа = 22 1/2 *шустака* = 45 *полушустакам* = 90 *пулторакам* = 270 грошовикам = 810 солидам.

Дукат = 2 полудукатам = 2 1/4 талера = 4 1/2 полуталера = 9 восьмигрошовикам = 15 тымфам = 45 шустакам = 90 полушустакам = 180 пулторакам = 540 грошовикам = 1620 солидам.

Двойной дукат = 2 дукатам = 4 полудукатам = 1 4/5 полуавгустдора = 4 1/2 талера = 9 полуталерам = 18 восьмигрошовикам = 30 тымфам = 90 шустакам = 180 полушустакам = 360 пулторакам = 1080 грошовикам = 3240 солидам.

Полуавгустдор = 1 1/9 дуката = 2 2/9 полудуката = 2 1/2 талера = 5 полуталерам = 10 восьмигрошовикам = 16 2/3 тымфа = 50 шустакам = 100 полушустакам = 200 *пулторакам* = 600 грошовикам = 1800 солидам.

Августдор = 2 полуавгустдорам = 1 1/9 двойного дуката = 2 2/9 дуката = 4 4/9 полудуката = 5 талерам = 10 полуталерам = 20 восьмигрошовикам = 33 1/3 *тымфа* = 100 *шустакам* = 200 полушустакам = 400 пулторакам = 1 200 грошовикам = 3600 солидам.

Двойной августдор = 2 августдорам = 4 полуавгустдорам = 2 2/9 двойного дуката = 4 4/9 дуката = 8 8/9 полудуката = 10 талерам = 20 полуталерам = 40 восьмигрошовикам = 66 2/3 тымфа = 200 шустакам = 400 полушустакам = 800 пулторакам = 2400 грошовикам = 7200 *солидам*.

Явная недостаточность для рынков огромной Речи Посполитой тиражей польских монет, эмитировавшихся Саксонией, и хронические колебания рыночных курсов разменных (прежде всего — биллонных) номиналов стимулировали деятельность фальшивомонетчиков.

25 октября 1755 г. датируется судебное определение по делу могилевчанина Максима Хромцовича, который «фалшованые монеты — тымфы под штемплем новой монеты найяснейшего Короля его милости Августа III под роками (с датами.— *В. Р.*)... робил, а потым на торгу (рынке.— *В. Р.*) выдавал».

Антон, старший брат Максима, показал: «...в року нынешнем, 1755, вжо тому недель пять и более, як от Юстины Яновой Хромцовичовой, матки своей родной, слыхал, иж (что.— *В. Р.*) сына своего млодшего Максима, при ней мешкаючого (вместе с нею живущего.— *В. Р.*), подстерегши, иж он тынфы циновы одлил..., мовила тые формально (буквально.— *В. Р.*) словы: «Сынку, лепей в попел омочившись жить, а того не чинить». На кторе напомненне матце одповедал: «Ты матка, свое гляди — тобе дела нема».

Максим, вначале категорически отрицавший предъявленное ему обвинение, после очной ставки со свидетелями признается в подделке тымфов.

Как и во времена Яна Казимира, «польская» монета фабриковалась и за пределами Речи Посполитой. Новое в деятельности зарубежных фальшивомонетчиков на этот раз заключалось в том, что они действовали вполне легально, не утруждая себя конспирацией...

Еще в 1753 г. король Пруссии Фридрих II организовал в Кёнигсберге, Бреславле и Штеттине чеканку низкопробных монет штемпелями, типологически очень сходными с лейпцигскими. В 1756 г. разразилась Семилетняя война (1756—1763), в которую оказалась втянутой и Речь Посполитая. Пруссаки вторглись в Саксонию и захватили оборудование Лейпцигского монетного двора. Фридрих II использовал этот трофей для фабрикации уже откровенно фальшивых монет, поручив ее берлинским банкирам Эфраиму, Изаону и Ицику.

Вначале «фирма» Эфраима била только серебряные монеты с датой «1753», но затем, перейдя и на золото, отказалась даже от этой чисто формальной маскировки: в 1761—1762 гг. чеканка велась уже с действительными датами. Качество этих монет было намного более низким, чем у подлинных: например, в 1756—1758 гг. «эфраимовские» талеры были вдвое, а в 1759—1762 гг. уже вчетверо низкопробнее подлинных; августдоры потеряли более трети золотого содержания.

Фальшивомонетчики прусского короля не брезговали и медью: в 1758 г. ими осуществлена массовая эмиссия «польских» грошовиков.

В Пруссии об этих «Kriegsmünzen» («военных монетах») было сложено двустишие:

«Снаружи прекрасны, внутри — дрянь;
Снаружи — Фридрих, внутри Эфраим».

В Речи Посполитой за этими монетами утвердились названия «ефраимков», «эфраимитов». Большими массами, в которых преобладали тымфы, они переправлялись из Саксонии как в Польшу, так и в Великое княжество Литовское.

«Дневник» полоцкого Софийского монастыря в одной из августовских записей 1761 г. сообщает: «В этот год причинен огромный ущерб и урон новой фальшивой монетой, изготовленной в Саксонии... Эти тынфы не были отлиты из серебра, но чеканились из железа, затем из меди и отбеливались (серебрились.— *В. Р.*) так, что их нельзя было отличить от настоящих. Заполнив всю Польшу, Русь (Беларусь.— *В. Р.*) и Литву, они поразили королевскую и государственную казну, приватные сбережения. Ими полны города, полны сельские хижины... От века не слыхана и не сохранилась в памяти коррупция денег в таких размерах».

25 августа 1762 г. сеймик Брестского воеводства утверждает для своих послов на предстоящем Варшавском сейме «Инструкцию», содержащую требование решительного искоренения фальшивой монеты. Варшавский сейм, собравшийся в октябре, уделил обсуждению мер борьбы с «эфраимитами» много времени, но та́к и не смог прийти к сколько-нибудь действенному решению.

После смерти Августа III (5 октября 1763 г.) наступает почти годичное безкоролевье.

В мае 1764 г. депутаты Брестского воеводства убеждают Варшавский сейм в необходимости открытия монетных дворов на территории Речи Посполитой. Сеймовое постановление «О меннице и монете», принятое 7 мая, поручает Скарбовой и Менничной комиссиям разработать конкретную программу оздоровления государственных финансов.

7 сентября 1764 г. Варшавский сейм избирает на престол уроженца Брестчины, недавнего (по 1762 г.) польско-саксонского посла в Санкт-Петербурге Станислава Августа Понятовского, вменив ему в обязанность контроль за ходом подготовки денежной реформы.

20 декабря этого же года Скарбовая комиссия заявляет, что в производстве серебряной монеты должны сочетаться две системы — германская (среднеевропейская), основанная на талере и его фракциях, и исконно польская, опирающаяся на счетный злотый.

В 1765 г. открываются «медный» Монетный двор в Кракове (чеканка — только в меди) и «серебряный» — в Варшаве (чеканка в меди, биллоне, серебре и золоте).

21 июня 1768 г. Барская конфедерация — союз шляхты и магнатов, выступивший против Станислава, овладевает Краковом и захватывает весь запас отчеканенной здесь монеты. После изгнания конфедератов оборудование Краковского двора, закрытого 20 августа, перевозится в Варшаву, ставшую единственным центром денежного производства Речи Посполитой до конца ее существования.

Монетная ординация от 10 февраля 1766 г. оповещает о начале денежной реформы. Курс дуката устанавливается в 16 3/4 злотого (502 1/2 медного гроша) вместо прежних 18 злотых (540 медных грошей). Котировка

талера остается неизменной — 8 злотых (240 медных грошей), но несколько понижены его серебряное содержание и лигатурная масса. Прекращен выпуск биллонных пулторака, полушустака и шустака, золотых полудуката и, естественно, полуавгустдора, августдора и двойного августдора. Вводятся новые виды монет — медные полугрош и трехгрошовик, биллонные грош и двугрошовик, серебряный четырехгрошовик. Тираж медноденежной эмиссии был определен суммой в 6 млн. злотых (180 млн. грошей).

Объявлено об изъятии из обращения иноземных и «старых» польско-литовских монет. Медь Яна Казимира и Августа III объявлена вне закона и подлежит обмену на новые медные монеты. Обменные операции осуществлялись на очень выгодных для государственного фиска условиях: за четыре старых солида, весивших 5,2—5,3 г, выплачивались три новых (3,9 г). В результате казна основательно пополнила запас сырьевой меди.

Введенная февральской ординацией монетная система в медной, биллонной и серебряной частях не имеет существенных расхождений со своей предшественницей, но заметно беднее последней в золотой чеканке:

Медь:

1 солид = 1/3 гроша.

1/2 гроша = 1 1/2 солида.

1 грош[1] = 2 полугрошовикам = 3 солидам.

Грош тройной[2] = 3 грошовикам = 6 полугрошовикам = 9 солидам.

Биллон:

1 грош = 2 1/2 трехгрошовика медного = 7 1/2 грошовика медного = 15 полугрошовикам = 22 1/2 солида.

2 гроша = 2 грошовикам биллонным = 5 трехгрошовикам медным = 15 грошовикам медным = 30 полугрошовикам = 45 солидам.

Серебро:

4 гроша = 2 двугрошовикам = 4 грошовикам биллонным = 10 трехгрошовикам медным = 30 грошовикам медным = 60 полугрошовикам = 90 солидам.

8 грошей = 2 четырехгрошовикам = 4 двугрошовикам = 8 грошовикам биллонным = 20 трехгрошовикам медным = 60 грошовикам медным = 120 полугрошовикам = 180 солидам.

---

[1] На части грошовиков 1786 г., выбитых из меди рудников под гор. Кельцами, латинское обозначение номинала (I GROSSUS REG[ni] POL[oniae] M[agni] D[ucatus] L[ituaniae] — I грош королевства Польского [и] Великого княжества Литовского) вытеснено польским (GROSZ Z MIEDZI KRAIOWEY — Грош из отечественной меди).

[2] На части трехгрошовиков 1786 г., выбитых из меди келецких рудников латинское обозначение номинала (GROSSUS POLON[icus] TRIPLEX — Грош польский тройной) вытеснено польским (TROIAK Z MIEDZI KRAIOWEY — Трояк из отечественной меди).

Полуталер = 2 восьмигрошовикам = 4 четырехгрошовикам = 8 двугрошовикам = 16 грошовикам биллонным = 40 трехгрошовикам медным = 120 грошовикам медным = 240 полугрошовикам = 360 солидам.

Талер = 2 полуталерам = 4 восьмигрошовикам = 8 четырехгрошовикам = 16 двугрошовикам = 32 грошовикам биллонным = 80 трехгрошовикам медным = 240 грошовикам медным = 480 полугрошовикам = 720 солидам.

Золото:

Дукат = 2 3/32 талера = 4 3/16 полуталера = 8 3/8 восьмигрошовика = 16 3/4 четырехгрошовика = 33 1/2 двугрошовика = 67 грошовикам биллонным = 167 1/2 трехгрошовика медного = 502 1/2 грошовика медного = 1005 полугрошовикам = 1507 1/2 солида.

Реформа 1766 г. в целом справилась с задачей упорядочения государственных финансов, но не смогла добиться их стабильности: во-первых, пониженный (по сравнению с общеевропейским стандартом) курс дуката и относительно высокая проба серебряных номиналов способствовали утечке полноценных монет за границу; во-вторых, из-за непрерывного повышения цен на импортируемые медь, серебро и золото себестоимость продукции Варшавского монетного двора росла из года в год.

Скарбовая и Менничная комиссии видят единственный выход из создавшегося положения — повышение официального курса серебряных и биллонных монет при одновременном понижении их качества.

В октябре 1786 г. Варшавский сейм заявляет о необходимости восстановления 18-злотовой котировки дуката.

В январе 1787 г. Скарбовая и Менничная комиссии завершают разработку новой стопы для серебряных и биллонных номиналов.

Ординация от 15 марта 1787 г. объявляет о проведении очередной денежной реформы. Стоимость дуката определена в 18 злотых. Талер остается 8-злотовым, но его серебряное содержание и лигатурная масса уменьшены (соответственно падают эти показатели и у более низких серебряных и биллонных номиналов). Весовые нормы медных монет не меняются. Прекращена чеканка биллонных грошовика и двугрошовика (последний, правда, фигурирует в Ординации, но эмиссии его, прерванные еще в 1782 г., так и не возобновлены). Вводится новая биллонная монета, паритетная 1 1/3 уже несуществующего биллонного гроша или 1/3 реального четырехгрошовика, с необычным (на польском языке) обозначением нарицательной стоимости — 10 GR[oszy] MIEDZ[iane] (10 грошей медных).

Новая монетная система выглядит следующим образом:

Медь:

1 солид = 1/3 гроша.

Рис. 28. **Талер Тарговицкой конфедерации, отчеканенный в Гродно. 1793 г.**

1/2 гроша = 1 1/2 солида.

1 грош[1] = 2 полугрошовикам = 3 солидам.

Грош тройной[2] = 3 грошовикам = 6 полугрошовикам = 9 солидам.

Биллон:

«10 грошей медных» = 3 1/3 трехгрошовика = 10 грошовикам = 20 полугрошовикам = 30 солидам.

Серебро:

4 гроша = 3 «10 грошам медным» = 10 трехгрошовикам = 30 грошовикам = 60 полугрошовикам = 90 солидам.

8 грошей = 2 четырехгрошовикам = 6 «10 грошам медным» = 20 трехгрошовикам = 60 грошовикам = 120 полугрошовикам = 180 солидам.

Полуталер = 2 восьмигрошовикам = 4 четырехгрошовикам = 12 «10 грошам медным» = 40 трехгрошовикам = 120 грошовикам = 240 полугрошовикам = 360 солидам.

Талер = 2 полуталерам = 4 восьмигрошовикам = 8 четырехгрошовикам = 24 «10 грошам медным» = 80 трехгрошовикам = 240 грошовикам = 480 полугрошовикам = 720 солидам.

Золото:

Дукат = 2 1/4 талера = 4 1/2 полуталера = 9 восьмигрошовикам = 18 четырехгрошовикам = 54 «10 грошам медным» = 180 трехгрошовикам = 540 *грошовикам* = 1080 *полугрошовикам* = 1620 солидам.

С 6 октября 1788 г. по 29 мая 1792 г. в Варшаве заседает самый продолжительный в истории Речи Посполитой «четырехлетний» сейм. 3 мая 1791 г. он принимает

[1] На части грошовиков 1787—1788 гг.(как и на одном из выпусков 1786 г.)— польскоязычное обозначение номинала — GROSZ Z MIEDZI KRAIOWEY.

[2] На части трехгрошовиков 1787—1788, 1791—1792 гг. (как и на одном из выпусков 1786 г.) — *польскоязычное обозначение номинала* — TROIAK Z MIEDZI KRAIOWEY.

Конституцию, провозглашающую радикальную программу перестройки как правовых, так и социальных институтов страны: укрепление централизации государственного управления, запрет «либерум вето» и конфедераций, предоставление политических прав городской верхушке и т. д. Перед Речью Посполитой открывается единственная возможность избежать гибели путем перехода на путь буржуазного развития, по которому уже давно следуют державы Западной Европы.

Против объявленных реформ выступают консервативные шляхетско-магнатские круги. 14 мая 1792 г. в местечке Тарговицах они обнародывают акт создания конфедерации и программу ее антиконституционных действий. В этот же день призванная ими 100-тысячная армия Екатерины II переходит границу Речи Посполитой.

Тарговицкая конфедерация устанавливает свою резиденцию в Бресте, но вскоре переносит ее в Гродно, где в 1793 г. (вероятно, в конце зимы — начале весны) использует Монетный двор[1] для малотиражного (6—10 тыс. экз.) выпуска талера. Полное отсутствие на нем изображений позволило заполнить все монетное поле велеречиво-многословными легендами откровенно пропагандистского толка:

Аверс — CIVIBUS QUORUM PIETAS CONIURATIONE DIE III MAI MDCCXCI OBRUTAM ET DELETAM LIBERTATE POLONA TUERI CONABATUR RESPUBLICA RESURGENS. GRATITUDO CONCIVIBUS EXEMPLUM POSTERITATI. (Гражданам, коих любовь к Отчизне подвигла возродить разрушенную и погребенную заговором дня 3 мая 1791 [года] свободу воскресающей Речи Посполитой. Признательность гражданам — пример потомкам).

Реверс — DECRETO REIPUBLICAE NEXU CONFEDERATIONIS IUNCTAE DIE V XBRIS MDCCXCII STANISLAO AUGUSTO REGNANTE. 10 7/16 EX MARCA PURA COLONIENSI. 1793. (Декретом Речи Посполитой, сплоченной узами конфедерации, дня 5 декабря 1792 [года][2] — в правление Станислава Августа. 10 7/16 [штуки] из марки чистой кёльнской. 1793 [год]).

Объединенные действия конфедератов и российского войска подготовили почву для очередного расчленения Речи Посполитой. Российско-прусскую конвенцию о ее втором разделе ратифицирует 17 августа и 23 сентября 1793 г. Чрезвычайный Гродненский сейм.

24 марта 1794 г. в Кракове провозглашено общенародное восстание, возглавленное «высшим начальником вооруженной силы народной» генералом Тадеушем Костюшко. 25 апреля он передает государственные финансы в

[1] Несостоявшееся его открытие было задумано еще в 1767 г. (выделено специальное здание, завезено оборудование).

[2] Дата принятия решения об этой эмиссии.

ведение Высшей Народной Рады — главного исполнительного органа революционного лагеря, а 3 мая направляет ей инструкцию: «1. Сформировать Директорат монетного двора, состоящий из трех особ... 2. Приказываю, дабы монета в своей цене (реальной стоимости.— *В. Р.*) понижена была до пробы, предотвращающей утечку ее из страны. 3. Дабы только злотувки, пулзлотки и гроши сребрные (биллонные четырехгрошовики, двугрошовики и грошовики.— *В. Р.*) были биты; что же касается монеты более крупной, выбить ее некоторое количество для памяти (т. е. незначительным тиражом.— *В. Р.*) приказываю. 4. Штемпель этих монет имеет быть: с одной стороны обычный герб Речи Посполитой с указанием цены (номинала.— *В. Р.*), с другой — слова «СВОБОДА, ЕДИНСТВО И НЕЗАВИСИМОСТЬ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. 1794».

8 июня Рада издает манифест о денежной реформе, основанной на прусско-бранденбургской монетной стопе. Этот документ конкретизируется ординацией от 14 июня. Проба, лигатурная масса и курс дуката (18 злотых) остаются неизменными. Резко уменьшены серебряное содержание, лигатурная масса и котировка (с 8 до 6 злотых) талера. Прекращена чеканка медных номиналов[1] и полуталера. Проигнорированы требования майской инструкции Костюшко о возобновлении эмиссии биллонных двугрошовика и грошовика, помещении на монетах девиза «Свобода, единство и независимость Речи Посполитой». Введены новые номиналы — биллонный шестигрошовик[2], золотые полустаниславдор[3] (полуторный дукат) и станиславдор — (тройной дукат).

Распоряжением Костюшко проведена реквизиция серебряной монастырской и костельной утвари, переданной Варшавскому монетному двору, который уже в июне приступает к работе, чеканя предписанные июньской ординацией номиналы:

Биллон:

6 грошей = 3/5 «10 грошей медных».

«10 грошей медных» = 1 2/3 шестигрошовика.

Серебро:

4 гроша = 3 «10 грошам медным» = 5 шестигрошовикам.

8 грошей = 2 четырехгрошовикам = 6 «10 грошам медным» = 10 шестигрошовикам.

---

[1] Выпущенные в меди трехгрошовик (1794) и грошовики (1794, 1795) запланированы не были.

[2] Обозначение номинала по-польски (6 GROSZY).

[3] От франц. Stanislav d'or (золотой Станислава).

Талер = 3 восьмигрошовикам = 6 четырехгрошовикам = 18 «10 грошам медным» = 30 шестигрошовикам.

Золото:

Дукат = 3 талерам = 9 восьмигрошовикам = 18 четырехгрошовикам = 54 «10 грошам медным» = 90 шестигрошовикам.

Полустаниславдор = 1 1/2 дуката = 4 1/2 талера = 13 1/2 восьмигрошовика = 27 четырехгрошовикам = 81 «10 грошам медным» = 135 шестигрошовикам.

Станиславдор = 2 полустаниславдорам = 3 дукатам = 9 талерам = 27 восьмигрошовикам = 54 четырехгрошовикам = 162 «10 грошам медным» = 270 шестигрошовикам.

Растущий изо дня в день дефицит сырьевого металла все более ограничивает производственные возможности Варшавского монетного двора, в то время как боевые действия повстанцев поглощают непрерывно возрастающие денежные суммы.

Выход из этой кризисной ситуации Высшая Народная Рада находит в ассигнационных эмиссиях. 13 августа она принимает решение о создании Дирекции Скарбовых Билетов, поручив ей в предельно сжатые сроки организовать выпуск бумажных денег на общую сумму в 74 млн. злотых (на 60 млн.— казначейских билетов достоинством в 5, 10, 25, 50, 100, 500 и 1000 злотых; на 14 млн.— разменных номиналов в 5 и 10 грошей, 1 и 4 злотых). Дирекция оперативно справилась с этой задачей: первые бумажноденежные выпуски осуществлены в этом же месяце[1].

10 октября в сражении при Мацеёвицах тяжело раненный Костюшко взят в плен. 8 ноября капитулирует Варшава. Бумажные деньги объявляются недействительными, но чеканка монет продолжается.

9 января 1795 г. российская армия уходит из Варшавы, ее место занимают пруссаки. В этот день закрыт Варшавский монетный двор.

Городские монетные дворы, функционирующие в правление Станислава Августа, выпускают монеты по нормам, установленным реформой 1752 г. Гданьск чеканит медные солиды (1765—1766, 1793), биллонные трехгрошовики (1765—1766) и шестигрошовики (1764—1765), Торунь — медные солиды (1765), биллонные трехгрошовики (1764—1765) и шестигрошовики (1765).

Поступления иноземных монет представлены преимущественно эмиссиями Пруссии, Нидерландов и России.

Особенно заметную роль в денежном обращении вплоть до середины 1760-х гг. играли прусские зехсгрошеры и в

---

[1] Всего казначейских билетов выпущено на 6 649 500 злотых, разменных — на 4 233 937 злотых.

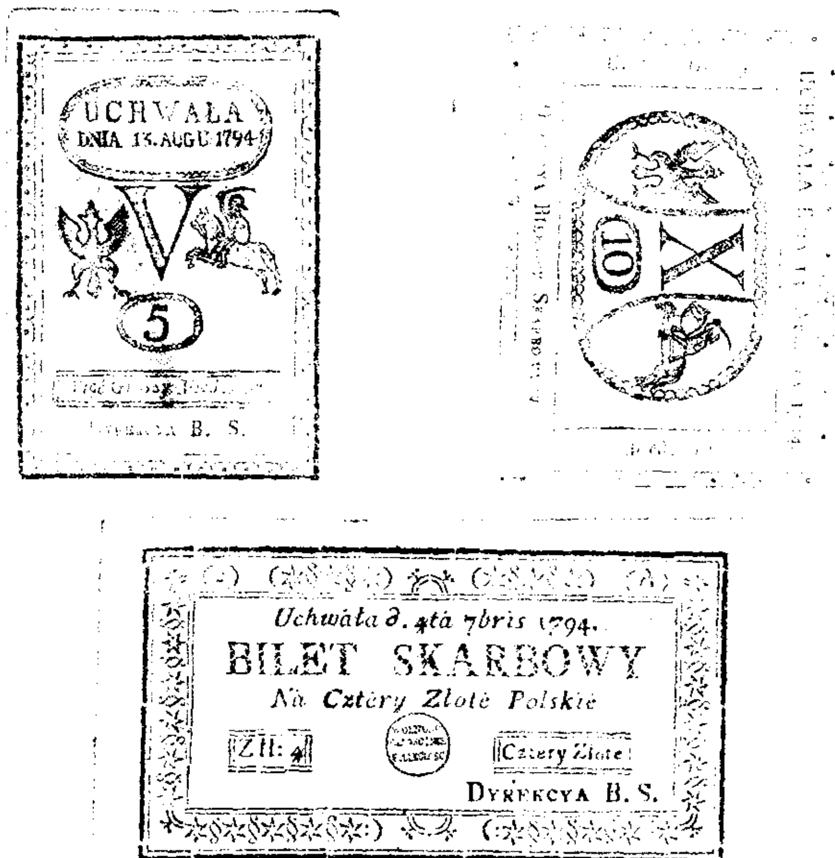

Рис. 29. **Ассигнации восстания 1794 г.**
Разменные купюры в 5 и 10 медных грошей.
Казначейский билет в 4 злотых

меньшей мере орты (тымфы). О популярности этих монет свидетельствует, в частности, следующее обстоятельство: документы чаще всего считают излишним называть их номиналы, ограничиваясь лишь эпитетом «прусские».

15 сентября 1697 г. могилевский магистрат регистрирует выдачу «командировочных» своим представителям, посылаемым в Варшаву на торжества по случаю коронации Августа II: «Отобрали грошей на коронацию панам послам...— прусской монеты талеров сто осемдесят (т. е. на сумму в 180 талеров.— *В. Р.*)»

25 ноября 1706 г. могилевский бурмистр Малахий Казкевич подписывает завещание, в котором 580 злотых, т. е. 17 400 (30 × 580) грошей, «в доброй прусской монете» приравнены к 966 злотым и 20 грошам, т. е. к 28 980 (30 × 966 + 20) грошам в монете польской. Таким образом, 1 злотый в прусской чеканке оценивается в 1 3/5 (28 980 : 17 400) злотого в чеканке польской.

8 мая 1724 г. рескрипт Августа II требует взимать таможенные пошлины с импортируемых товаров «только в прусской доброй монете».

7 апреля 1755 г. составлена опись движимого имущества виленского купца Гавриила Котельницкого. В ней «новые прусские 116 тымфов и шостак 1» оценены в «злотых 147 грошей 10 и шеляга 2». Зная, что шестигрошовик составлял 1/3 орта-тымфа, а солид — 1/3 гроша или 1/90 злотого, нетрудно вычислить котировку в это время названных монет Пруссии: 116 ортов и 1 зехсгрошер соответствовали 349 (3 × 116 + 1) зехсгрошерам; в переводе на польские монеты эта сумма паритетна 13 262 (90 × 147 + 3 × 10 + 2) солидам. Отсюда — зехсгрошер равен 38 (13 262 : 349) солидам или 12 2/3 польского гроша, а орт — 38 (12 2/3 × 3) грошам.

Монетная ординация от 10 февраля 1766 г., объявив о «редукции (отзыве из обращения.— *В. Р.*) шостаков заграничных в Великом княэстве Литовском», сообщает, что прусские шестигрошовики будут выкупаться у населения по цене от 8 грошей до 8 грошей и 2 солидов в польской монете. В 1770-х гг. на смену уходящим с рынка зехсгрошерам и ортам Пруссии приходят ее талеры.

Слабеющий из года в год приток нидерландских талерных (лёвендаальдер, риксдаальдер, патагон и их фракции) и дукатовых монет угасает к началу 1710-х гг.

Все более весомой частью денежного хозяйства Беларуси становятся монеты России. К началу XVIII в. они представлены преимущественно «проволочной» серебряной копейкой.

Усиленному ее распространению во многом содействовало то, что восточнобелорусская территория стала одной из основных арен событий первого десятилетия Северной войны. Армия Петра I, естественно, «расширила» привычные русско-белорусские торговые дороги: огромные суммы в московской чеканке расходовались ею на закупки продовольствия и фуража.

Любопытно, что однажды серебряные копейки упомянуты в прямой связи с именем Петра, посетившего Оршу в феврале 1706 г. «Могилевская хроника» рассказывает: «При бытности делегатов наших могилевских в Орше пришли до царя два бернандына (монаха католического Бернардинского ордена.— *В. Р.*), прося о милостыне и поведав перед царем: «Мы, убогие монахи, не имеем с чего жить...» Спросил царь: «Много ли вас?» Ответили, что всех шестеро. Сказал [царь] на это: «Тьфу ты, растакая мать! Бог всю вселенную питает, а вас шестерых пропитать не может?!» и, доставши горсть копеек

с кешени (кармана.— *В. Р.*), дал бернандыну, а давши, сказал: «Поди к чорту!».

Этот же источник под 1707 г. повествует об администраторе Могилевской экономии Кристофоре Синицком, переметнувшемся на сторону шведов и засевшем в Быхове. Один из его лазутчиков сообщает, что из Борисова транспортируется «казна царская, то ест кильканасце фасек (более десяти бочонков.— *В. Р.*) копеек[1], а те копейки везут... на плату жалованья войску московскому... при очень малой ассистенции (охране.— *В. Р.*)». Внезапным налетом всадники Синицкого овладевают этим обозом. Несколько бочонков разбиты на месте, и «кто хотел, тот собе копейки хватал; радуясь такой большой добыче, те все копейки, в бочках будучие, до замку Быховского препроводили».

В июне россияне овладевают Быховом и отправляют плененного Синицкого в Москву. При проезде через Могилев он обращается к магистрату с просьбой купить ему «шапку для спанья» (ночной колпак). Магистрат, «купивши для него шапку и памятуя присловье «Когда пана вешать ведут, кланяйся ему, ибо, ежели сорвется с шубеницы (виселицы.— *В. Р.*), одпомстит [за непочтительность], вложил в ту шапку пенези — злотых двесте копейками».

Копейка становится вполне официальным средством платежа, что однозначно подтверждается приходно-расходными книгами могилевского магистрата. Например, 22 декабря 1709 г. «копейками злотых 30» выдается войту Чортку для поездки на сеймик в Оршу; в марте 1714 г. войт Казанович получает на поездку в Толочин «копейками злотых 40»; 5 февраля 1724 г. фиксируется выплата городскому бурмистру «копеек серебряных на злотых 10» и т. п.

Обосновавшись на восточнобелорусских землях, «проволочная» копейка начинает продвигаться на запад — вплоть до Польши. Ею, наряду с талерами, дукатами и «подчиненными» им номиналами, снабжаются направляемые в Варшаву делегации могилевского магистрата: 26 декабря 1713 г. городская казна отпускает для такой поездки «...копейками злотых сто», 8 августа 1741 г.— «...злотых двадцать копейками» и т. д.

Рыночный курс серебряной копейки не был постоянным: вначале он составлял 2, затем — 3 польских гроша. 7 января 1716 г. Людвик Поцей (подскарбий, а затем гетман Великого княжества Литовского) приказывает при взыскании податей считать копейку не по два, как раньше, а по три гроша.

К концу первого — началу второго десятилетий XVIII в. масштабы обращения серебряной копейки начинают сокращаться под натиском новых монет России, появившихся в результате проведенной в 1700—1704 гг. Петром I денежной реформы. Это радикальное преобразование государственных

---

[1] По имеющимся сведениям, эта казна содержала от 3 до 4 млн. копеек.

финансов в полной мере материализовало традиционный в русском денежном счете десятиричный принцип соотношения основных номиналов (рубль = 10 гривенникам, гривенник = 10 копейкам) с последующим делением их надвое (рубль = 2 полтинникам, полтинник = 2 полуполтинникам, гривенник = 2 пятикопеечникам, копейка = 2 денгам, денга = 2 полушкам).

Новые российские монеты не только правильной дисковидной формой, но и качественно-метрологическими показателями ничем не уступали лучшим образцам польской и западноевропейской эмиссий (например, рубль соответствовал талеру, червонец — дукату). Набор их номиналов выглядел следующим образом:

Медь:

Полполушки — 1700 г., полушка и денга — с 1700 г., копейка — с 1704 г.;

Серебро:

Алтын (3 копейки) — с 1704 г., *десять денег* (пять копеек), *гривенник* (10 копеек), *полуполтинник* (25 копеек, четвертак), *полтинник* (50 копеек, полтина) — с 1701 г., *рубль* — с 1704 г.;

Золото:

Червонец и двойной червонец — с 1701 г.

Важнейшим преимуществом системы, которую олицетворяли эти монеты, был ее десятичный строй — наиболее удобный в повседневной рыночной практике (единственным номиналом, не «вписывающимся» в эту систему, был алтын). Неудивительно поэтому, что денежная продукция России, не в пример прошлым временам, без особого труда осваивает рынок Беларуси и, более того, начинает теснить с него другие монеты.

Уже после завершения реформы эмитируются круглые серебряные копейки (1713—1714, 1718), медные пятикопеечник (с 1723) и грош (2 копейки; 1724), золотой двухрублевик (с 1718)[1].

В этих условиях масштабы обращения серебряной копейки старого образца начинают сокращаться: в 1718 г. прекращена ее чеканка, окончательное же изъятие затянулось по 1754 г. В отличие от крупной медной копейки мелкая проволочная нередко начинает именоваться уменьшительно — «денежкой».

21 ноября 1753 г. могилевчанин Иван Подлобок признается городскому суду в хищении «семи шостаков, денежками полосма копеек (семи с половиной серебряных копеек.— *В. Р.*) и двух грошовых (медных двухкопеечников.— *В. Р.*).

---

[1] Наиболее существенные новации в российской монетной системе послепетровского времени представлены серебряным пятнадцатикопеечником (пятиалтынным) и двадцатикопеечником (двугривенным) — с 1760 г., золотыми пятирублевиком и десятирублевиком (с 1755 г.).

16 сентября 1765 г. тот же суд объявляет приговор — отсечение уха, битье плетьми и изгнание из города — мещанкам Парасе Шевцовой и Матрене Рыпнянке, уличенным в краже денег «рублями цалковыми двадцать чотыри и пол (24 рублевиками и полтинником.— *В. Р.*) и денежками копеек девятнадцать».

Если речь заходит о медной копейке, используются эпитет «медная» или прямое противопоставление ее серебряным монетам.

28 декабря 1724 г. могилевский магистрат санкционирует выдачу из городской казны «копейками медными злотых 200». Его же решением от 7 сентября 1728 г. налоги должны «выбираться монетой серебряной, а не копейками».

Трехгрошовая котировка серебряной копейки перешла на копейку медную. Это странное, на первый взгляд, обстоятельство объясняется тем, что в связи с прогрессировавшими инфляционными процессами в финансах Речи Посполитой при Августе II, а затем массовыми медноденежными эмиссиями при Августе III и Станиславе Понятовском реальная стоимость тяжеловесной медной копейки Петра достигла относительного соответствия утроенной стоимости медного польского гроша.

Медная копейка становится в Беларуси настолько популярной,что пробуждает к себе активный интерес местных фальшивомонетчиков.

11 января 1711 г. в Преображенском приказе Москвы допрошен Михайло Марков, крестьянин, доставленный из Глухова (ныне — Сумская область Украины), сказавший «за собой Государево слово». Он, в частности, показал: «...в маетностях (имениях.— *В. Р.*) гетмана Сапеги в местечке Холмичах... Нохим Юдка Лезарь да в деревне Избыни войта Микифора сын Клим, да крестьянина Якова Семенова сын же Ефрем делают московския медныя воровския мелкия денги. И в тех (о тех.— *В. Р.*) денгах извещал он, Михайло, съехався на дороге, стольнику Григорию Павлову... и тот Григорий в Холмичах в Лезарев двор ездил и взял жену его для того, что Лезаря дома не изъехал (не застал.— *В. Р.*), и та про то, что муж ея денги делает, тому Григорию сказала ж». Стольник, продолжает Михайло, арестовал допрошенную, но затем за взятку в 400 рублей отпустил.

8 июля 1720 г. на ратушной площади Могилева вывешен «Декрет криминальный», обвиняющий мещанина Матвея Стефановича в том, что «он копейки робит медзяне».

На следующий день Матвей, «у слупа (позорного столба.— *В. Р.*) в рынку могилевским прывязаны, на трыкроть мистром (трижды палачом.— *В. Р.*)» пытан раскаленным железом: «За приложеннем мистром первый раз шины (обруча.— *В. Р.*) розпаленной, признал, что сам и Борис Петрович робил со мною копейки медзяне; за приложеннем другий раз той же розпаленной шины железной, тое ж самое признал и мовил то, что жиды робили копейки, але они з места (из города.— *В. Р.*) поутекали; за приложеннем третий раз шины признал, что тых копеек робить учился у немца в Шклове, а как онего звано, не ведает, а прошло уже лет седмь.., а з Борисом пять недель робил...»

16 июля обнародовано постановление суда, оповещающее горожан, что в соответствии со Статутом Великого княжества Литовского 1588 г. фальшивомонетчики «мают быть на горло (насмерть.— *В. Р.*) огнем караны и живо (заживо.— *В. Р.*) спалены».

Пытаясь смягчить свою участь, Матвей обращает внимание судей на то, что «та монета не под именем короля Его Милости (Августа II.— *В. Р.*), але иншого монарха (Петра I.— *В. Р.*) роблена», и признается, что умышленно оговорил Бориса. Суд, квалифицировав эти заявления как смягчающие обстоятельства, решает «проявить милосердие»: вместо сожжения Матвей приговаривается к отсечению головы.

Приготовления к казни, назначенной на 18 июля, завершились неожиданным — как для судей, так и для многочисленных зрителей — финалом: «Кгды мистр добыл з похв (из ножен.— *В. Р.*) меч и хотел злочинце голову снять, тогды их милости кармелиты з их милостями бернандынами, прорвавшись и варту (стражу.— *В. Р.*) розепхавши, до клаштору (в монастырь.— *В. Р.*) их милостей бернандынов Матвея запровадили».

Дело Матвея Стефановича интересно в нескольких отношениях: во-первых, оно свидетельствует, что российская монетная медь уже прочно обосновалась на восточнобелорусском рынке; во-вторых, фабрикация ее подделок не была случайным эпизодом — ею занимались, вероятно, и евреи-могилевчане, и «немец из Шклова» (который, следует полагать, обучил своему искусству не одного Матвея); в-третьих, деятельность этой группы фальшивомонетчиков длилась продолжительное — порядка семи лет — время; наконец, в-четвертых, поведение клириков Бернардинского и Кармелитского орденов, продемонстрировавших недюжинные воинские таланты и буквально «снявших» осужденного с плахи, невольно наводит на мысль, что и они в какой-то мере были причастны к его творчеству...

9 декабря 1723 г. И. Рудаковский[1] направляет в Москву «реляцию»: «В Литве (Беларуси.— *В. Р.*) делаютца копейки медныя под именем Его Императорскаго Величества... о чем говорил он с управители того места, також и со шляхтою, что чрез то чинится великое предосуждение чести Его Императорскаго Величества, и оныя ему, Рудаковскому, в

[1] Игнатий Рудаковский — переводчик Коллегии иностранных дел, назначенный именным указом Петра «комиссаром» при православном епископате Беларуси «для предотвращения обид и гонений греческаго исповедания веры»; резиденцию имел в Могилеве.

ответ обьявили, что не имеют доброй монеты, и ежели эту безделную монету заказать (запретить.— *В. Р.*), то люди помрут голодом».

19 января 1724 г. Петр, ознакомившись с этим письмом, велит своему посланнику при Варшавском дворе князю Долгорукову «накрепко жаловатца, что в Государстве Полском российския деньги делаютца, и требовать в том запрещения».

Этим дипломатическим демаршем дело не было исчерпано, чему, несомненно, способствовало основное содержание «реляции» Рудаковского: «...российския медныя копейки тамо (в Беларуси.— *В. Р.*) в великом почтении, но малое число оных находитца... и притом (потому.— *В. Р.*) он, Рудаковский, представляет, что, ежели б Его Императорское Величество соизволил повелеть с тысячу рублев медных копеек секретно к нему переслать, на оныя б можно також секретно ефимков и червоных (талеров и дукатов.— *В. Р.*) достать или их на серебро променять, и чрез то помянутая худая (фальшивая.— *В. Р.*) монета пропадет; а ежели повелено будет мало что у рубля уступить — яко по копейке или по две — тогда возможно в краткое время червоных и ефимков достать: понеже-де, когда [менялы] увидят малый себе прибыток, то вскоре учинят чрез сей способ, что можно все золото и серебро из того государства в Империю Российскую вывести, и медныя денги чрез курс свой паки возвратятца до центра своего».

Идея эта вызвала живой интерес царя: в этот же день он «указал ради пробы Рудаковскому до 1000 рублев медных денег отправить».

28 января Коллегия иностранных дел посылает смоленскому вице-губернатору Алексею Панину грамоту, требующую безотлагательно собрать «в Смоленску и той провинции в ближних к Смоленску городех медных денег тысячу рублев... К приему тех медных денег выбрать из смоленской шляхты добраго и искуснаго человека и отправить те денги с ним секретно, придав ему пристойное число провожатых за границу в Литву, в город Могилев — к обретающемуся тамо при епископе Белорусском князе Четвертенском нашему комиссару Игнатию Рудаковскому, которому велеть те все денги отдать на некоторыя потребности в интересах наших... Приказать помянутому шляхтичу, чтоб он в пути и нигде о тех посланных с ним денгах никому не объявлял, но при случаях сказывал бы о себе, что едет в Литву для своих нужд».

28 марта Панин сообщает в Петербург, что «...отослал к нему, Рудаковскому, в Могилев 1000 рублев медных денег с шляхтичем Михайлом Колечицким марта 26 дня 1724 года. Дано ему, Колечицкому, до рубежа на 4 подводы прогоны да от рубежа до Могилева на наем подвод денег 5 рублев».

Месяц спустя — 27 апреля — Панин доносит Коллегии иностранных дел: «Шляхтич Колечицкой из Могилева в Смоленск возвратился, с которым Рудаковский писал, что он

медных денег 927 рублев 10 копеек принял, а явилось недочету 9 рублев 92 копейки да плохих (бракованных.— *В. Р.*) копеек 62 рубли 98 копеек».

Закупка на полученную комиссаром медь полноценных монет продолжилась до осени. 26 ноября Рудаковский докладывает, что «600 ефимков, купленныя на медныя денги — по рублю ефимок, отправил во Смоленск, а на достальныя (оставшиеся копейки.— *В. Р.*) купит и во Смоленск отправит». Одновременно он просит, «чтоб еще 1000 рублев медных денег к нему прислано было секретно и вскоре для выменивания на ефимки».

Результаты этой операции скрупулезно проанализированы Коллегией иностранных дел, пришедшей к заключению, что, с учетом транспортных и иных расходов, каждый талер обошелся российской казне в 1 рубль 22 копейки 1 денгу и 1 полушку.

Таким образом, на медные копейки, в самой России уже изъятые из обращения[1], т. е. ставшие ломом, приобретено полноценное монетное серебро. Имела ли эта история продолжение, остается неизвестным.

Рубль как реальная, в виде монеты, денежная единица обретает в Беларуси дополнительные названия — «рубельник», «рублевик», «монета рублевая», «цалковый рубль», «рубль рублем». Полный набор этих терминов содержится в приходно-расходных книгах могилевского магистрата.

30 октября 1724 г. каноники Кармелитского ордена получают из городской казны «170 злотых талерами и рубельниками».

9 апреля 1731 г. «дозорцам (надзирателям.— *В. Р.*) кабацким» выплачиваются «рублевиками рублев семь».

13 июля 1742 г. в аренду некоему Трофиму Сиволапу сдается «поле на той стороне Днепра за злотых двесте монетой рублевой».

23 июня 1758 г. повешен мещанин Янка Козлов и утоплена в Днепре его подруга Ульяна за то, что «ночью злодейским способом добывши (забравшись.— *В. Р.*) до канцелярии в ратуше могилевской выкрали в рублевой монете рублев пять».

6 июля 1765 г. приговорен к повешению мещанин Гришка Голодов за кражу значительной денежной суммы, в которую, наряду с другими монетами, входили «цалковых рублев три».

16 сентября 1766 г. магистратский суд рассматривает дело по обвинению мещанок Параси Шевцовой и Матрены Рыпнянки в ограблении войта Коробанки. Помимо прочего, они похитили у него «рублями рублей 11».

В зависимости от рыночной коньюнктуры, курс рубля мог равняться талерному, быть выше или ниже его. Котировки

[1] Регулярная их чеканка прекращена в 1718 г., возобновлена лишь в 1755 г.

рубля и копейки определяли курсы обращения остальных российских номиналов...

15 февраля 1714 г. сеймик Брестского воеводства принимает решение «скасовать (запретить.— *В. Р.*) тынфы Московские». Под этим совершенно чуждым русской денежной лексике названием скрываются чеканившиеся Москвой монеты — «шестак» (1707 и, возможно, 1708 г. штемпелями 1707 г.) и «тинф» (1707—1709).

Их прототипами стали соответственно польский шустак и саксонский зехстельталер (1/6 талера). Типологически копируя названные польский и саксонский номиналы Августа II, они, тем не менее, не являются их буквальными репликами: несут на себе портрет Петра I, российский герб и легенды на русском языке (обозначение достоинства отсутствует).

Официальный курс обращения шестака был определен в 4, тинфа — в 12 копеек. Чеканка этих монет имела, как и в случае с севскими чехами, изначально целенаправленный характер: запрещенные на российском рынке, они предназначались для обеспечения платежеспособности войск Петра на театре военных действий (прежде всего — в Беларуси и на Украине).

Укрепление позиций российской монеты на восточнобелорусском рынке приводит к тому, что на нем обосновывается локальная система денежного счета — «тутейшая» (она же — «наша»), «русская», «копейчаная», «белорусская». Ее существенное отличие от общегосударственной («конституционной») системы заключалось в следующем: во-первых, опиралась она не на официальные, а на местные рыночные котировки того или иного номинала; во-вторых, в основу ее расчетов, наряду с традиционным грошем, была положена и копейка. Многочисленные упоминания этой системы содержатся в приходно-расходных книгах могилевского магистрата.

2 июня 1725 г.: «...злотых 10 800 грошей 23 и шелегов 2 конституцийной монеты, что чинит (составляет.— *В. Р.*) на куренцию[1] тутэйшу злотых 12 790 и грошей 15». Таким образом, 972 071 (90 × 10 800 + 3× 23 + 2) солидов официального курса обращения паритетны 1 151 145 (90× 12 790 + 3× 15) солидам в «куренции тутэйшей» — иными словами, сумма, исчисленная по установленному сеймом курсу, в пересчете на курс «тутейший» возрастает в соотношении 1 : 1,18 (1 151 145 : 972 071).

28 июля 1729 г.: «Попретщизна (налог на землю.— *В. Р.*) с прута жилого — по злотых два куренции тутэйшей, то ест половице (наполовину.— *В. Р.*) рублями и копейками, а друга половица тынфами и шостаками».

---

[1] От лат. curare (платить, выплачивать). Смысловые значения слова «куренция» — «выплата в соответствии с рыночной конъюнктурой», «обращение».

1758 г.: Подать с «779 дымов (домов.— *В. Р.*) по 3 злотых и грошей 15 монетой конституцийной, что на монету тутейшу чинит 3 678 злотых 23 гроши». В этом случае 81 795 (105× 779) грошей «конституционных» равноценны 110 363 (30× 3678 + 23) грошам «тутэйшим». Стоимостное соотношение между ними — 1 : 1,35 (110 363 : 81 795).

16 июня 1752 г.: «300 злотых конституцийной монеты, что учинит нашей монетой 356 злотых 8 грошей». Итак, 9000 (30× 300) грошей «конституционных» приравнены к 10 688 (30× 356 + 8) грошам «нашим». Соотношение между ними — 1 : 1,19 (10 688 : 9000).

24 мая 1726 г.: «...монеты конституцийной злотых 1061 чинит на нашу куренцию русскую злотых 1260». Соотношение между официальным и «нашим русским» курсами обращения — 1 : 1,18 (1260 : 1061).

3 декабря 1767 г.: «...злотых сто русской куренции».

4 апреля 1744 г.: «250 злотых шостаковой монетой чинит 289 злотых 15 грошей на куренцию копейчану». Соотношение официального и «копейчаного» курсов — 1 : 1,16 (289,5 : 250).

1 января 1731 г.: «Тынфов 820 — 1230 злотых куренции белорусской». Тынф «белорусский» — 1,5 (1230 : 820) злотого.

1 февраля 1743 г.: «Злотых 400 в монете шостаковой белорусской».

20 января 1750 г.: «Десеть тысяч злотых куренции белорусской, рахуя (считая.— *В. Р.*) талер битый по тынфов шесть и шостаку едному, а кожды шостак по гроши петнасце; 350 злотых в доброй монете куренции белорусской, рахуя талер битый по полдесята (девять с половиной.— *В. Р.*) злотого».

Одним из счетно-денежных элементов «тутэйшей куренции» становится гривна.

4 апреля 1714 г. городской суд Витебска протоколирует убытки имения Савино, разграбленного шляхтичем Львом Реутом. В перечне похищенных вещей упомянуты пороховницы стоимостью в «гривны две — злотых 2». Таким образом, гривна «тутэйшая», в отличие от польской, определяет сумму не в 48 грошей, а в один злотый (30 грошей) или в российский гривенник (10 трехгрошовых копеек).

6 июля 1752 г. могилевский мещанин Николай Чернобровка, не выполнивший магистратского решения о выплате 44 рублей, приговорен к штрафу в «гривен сто».

На основе этой гривны возникает счетная единица «русский злотый».

21 мая 1751 г. в магистратскую книгу Орши внесена запись, обязующая мещанина Адама Немировича к выплате 50 000 «злотых русских».

3 августа 1771 г. магдебургия Кричева фиксирует цены на зерно: «Осмина (примерно 51 литр.— *В. Р.*) ржи — 40, ячменя — 28, гречихи — 24, овса — 16, конопли — 16, пшеницы лучшей — 60 злотых русских».

Какая же сумма выражалась этой счетной единицей?

13 апреля 1761 г. приходно-расходная книга могилевского магистрата регистрирует 2452 тымфа, равноценных 3678 русским злотым. «Тутэйший» курс тымфа этого времени — 1,5 злотого. Следовательно, 3678 русских злотых равны 3678 (1,5× 2452) злотым польским.

28 октября 1762 г. в книге магдебургии Ушач отмечено, что русский злотый стоит «шостаков битых два». «Тутэйшая» котировка шестигрошовика — треть тымфа, т. е. половина злотого. Как и в предыдущем случае, русский злотый оказывается паритетным польскому.

Итак, понятия «русский злотый» и «польский злотый» соответствуют одной и той же сумме — 30 грошам. Тем не менее, они не являются абсолютно синонимичными.

26 августа 1771 г. протокол земского суда Орши ставит знак равенства между 80 копейками и 8 русскими злотыми.

19 марта 1779 г. могилевский купец Гирш Юдович уплачивает за партию товара 72 рубля, составляющих 720 русских злотых.

Таким образом, русский злотый, как и породившая его «тутэйшая» гривна, выполнял двойную функцию: им определялась сумма в 30 грошей или в 10 равноценных им копеек трехгрошового курса.

В рассматриваемое время «литовский» рубль (100 грошей) сменяется счетным российским рублем (100 копеек), используемым для исчисления сумм не только в русских, но и в польских и западноевропейских номиналах. Так, в декабре 1706 г. он паритетен 1,25 талера, в июле 1714 г. — 10 злотым, в апреле 1727 г. — 9,5 злотого, в декабре 1738 г. — 1 талеру, в январе 1758 г. — 5 тынфам 2 шостакам и т. д. В качестве половинной фракции счетного рубля изредка выступает полтина.

Рынок продолжает пользоваться традиционными польско-литовскими счетно-денежными единицами. Самой мелкой из них остается пенязь (денарий). Во множественном числе этот термин по-прежнему соответствует понятию «деньги», в единственном — восьмой части польского гроша. Одно из последних упоминаний о нем встречено в приходно-расходной книге могилевского магистрата под 18 июля 1741 г.: «...пенезей — грошей пятьдесят три и пенезей чотыри (т. е. 53,5 гроша.— *В. Р.*)».

Низшая из реальных денежных единиц — шеляг (солид) выступает как счетное понятие в треть гроша. Например, в упомянутой выше описи движимого имущества виленского купца Гавриила Котельницкого (7 апреля 1755 г.) фигурируют «1 1/2 шелега», т. е. 0,5 гроша.

Довольно часты упоминания счетного полугроша (как реальная монета он вводится денежной реформой 1766 г.). 10 января 1722 г. завершен подсчет недоимок жителей местечка Островное Витебского воеводства, составивших «таляров седм, тынф один, грошей двадцать и пол»; 16 сентября 1734 г. в Могилеве вводится налог «з пустоши (необрабатываемого земельного участка.— *В. Р.*) по грошей полосма (семь с половиной.— *В. Р.*) монетой копейчаной», т. е. по 2,5 (7,5 : 3) копейки.

До начала 1710-х гг. в обычном для него значении польского гроша бытует счетный осмак. Последнее из известных сообщений о нем находится в приходно-расходных книгах могилевского магистрата за весну — лето 1711 г. Записи эти связаны с содержанием невесть как оказавшегося в магистратском хозяйстве верблюда: «Марта 26 купили сена вязку верблюду — асмаков 11; ...мая 5 за варту (стражу.— *В. Р.*) верблюда Шпилю и Тригубу за неделю двум дали асмаков 14; мая 30 для верблюда купили повроэь (недоуздок.— *В. Р.*) — асмаков 4; ...июля 31 Чапцу, пастуху верблюдову, дали асмаков 32».

Широко применяются счетные тымф (орт) и шостак (шестигрошовик), находящиеся в неизменном стоимостном соотношении — 1 : 3. Курсы их обращения неоднократно меняются: соответственно 30 грошей и 10 грошей (декабрь 1706 г.), 45 грошей и 15 грошей (декабрь 1725 г.), 38 грошей и 12 грошей 2 солида (август 1744 г.) и т. д. С начала 1750-х гг. рыночная котировка этих номиналов в большинстве случаев составляет 45 и 15 грошей.

Польский злотый, соответствующий, как и прежде, 30 грошам, с середины века в документах Великого княжества чаще всего именуется «литовским». Так, 5 августа 1750 г. витеблянка Текла Огинская занимает у иезуитской коллегии «готовой, рукоданой суммы пенезей десять тысяч злотых литовских»; 31 января 1761 г. землевладелица Сабина Левицкая жертвует приходской церкви Лепеля «одну тысячу злотых литовских, а не русских, рахуя на кождый злотый по шостаков два и гроши пять без шеляга (т. е. 4 гроша 2 солида.— *В. Р.*), а шостак — по трынадцать гроши без шеляга (т. е. 12 грошей 2 солида.— *В. Р.*)». Таким образом, «литовский злотый» оказывается, как и польский, равноценным 30 грошам (12 грошей 2 солида × 2 = 24 гроша 4 солида = 5 грошей 1 солид; 25 грошей 1 солид + 4 гроша 2 солида = 30 грошей). Это подтверждается и более поздними документами. Например, в книгах могилевского магистрата за 1767 г. содержатся прямые указания на паритетность «литовского злотого» 30 грошам: «Монета литовская, рахуючи в злотый литовский по гроши трыдцать», «Кождый злотый рахуя по 30 грошей литовских» и т. п.

Обретение злотым эпитета «литовский» вполне правомерно: в условиях XVIII в., когда чеканка собственно литовской монеты уже отошла в далекое прошлое, отпала необходимость в двойственном значении этого термина (30 грошей польских или 24 гроша литовских), поэтому на рынке княжества он, естественно, становится «литовским».

Традиционная счетная единица — копа с появлением «литовского злотого» применяется значительно реже, чем прежде. Одно из последних ее упоминаний (с эпитетом «литовская»)

относится к 27 июня 1763 г.: в судебном постановлении по тяжбе между Барколабовским и Кутеинским монастырями отмечена сумма в «коп 48 литовских».

Счетную функцию продолжают выполнять талер и дукат. Варьирование их рыночных курсов (порою — весьма существенное) было связано с различиями реальных стоимостей (пробы, сохранности), а также с процессами девальвации разменных монет.

Талер оценивался в 1706 г. в 7,5—8 злотых, в 1716 г — в 8 злотых, в 1727 г.— в 9,5—9,6 злотых, в 1736 г.— в 9,5—10,5 злотых, в 1744 г.— в 10,5—11 злотых, в 1754 г.— в 9,5—11 злотых, в 1761 г.— в 11 злотых и т. д.; дукат разменивался в 1706 г. на 13 злотых, в 1717 г.— на 20 злотых, в 1726 г. — на 20,3—20,5 злотых, в 1736 г.— на 20,5 злотых, в 1745 г.— на 23 злотых, в 1754 г.— на 20—20,2 злотых, в 1761 г.— на 20—20,5 злотых и т. д.

Уже во второй четверти XVIII в. русская монета начинает активно вытеснять с рынка как польские, так и западноевропейские монетные эмиссии; с конца последней трети века она становится преобладающей на рынке вначале восточной, а в последующее время — центральной и западной Беларуси.

5 мая 1794 г. генерал-майор российских войск Цицианов направляет минскому генерал-губернатору Тутолмину «Ведомость, коликое число взято в городе Гродне разных ведомств контрибуционной казны».

Заключительный раздел этого документа сообщает:

«Различность монет есть следующая:

2652 червонца (дуката.— *В. Р.*) на 7976 рублев.

Галанскими талерами на 285 рублев.

Прусскими талерами на 117 рублев.

Польскими злотыми и полузлотыми на 1846 рублев.

Целковыми рублями на 20 211 рублев.

Русскою мелкою монетою на 71 137 рублев.

Всего на 101 552 рублев».

Итак, в собранной с гродненчан контрибуции собственно российская монета составила 91 348 рублей, т. е. 89,5 %. Если учесть, что на западе Беларуси она осваивала рынок гораздо медленнее, чем в центре и, тем более, на востоке, то становится совершенно очевидным, что до полного слияния белорусского денежного хозяйства с российским оставался лишь последний шаг.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ БЕЛАРУСИ С КОНЦА XVIII в. по 1917 г.

Попытка открытия Монетного двора в Полоцке

Фальшивомонетчики в Беларуси

Парижские фабрикации российских ассигнаций на рынке Беларуси

Монеты герцогства Варшавского и Королевства (царства) Польского

«Мятежные» монеты польского восстания 1830—1831 гг.

«Известная» монета и серия платиновых номиналов Петербургского монетного двора

Денежная реформа 1839—1843 гг.

Полное слияние фонда денежного хозяйства Беларуси с общероссийским

Преобразования 1867 г. в монетном производстве России

Прекращение выпуска «известной» монеты

Денежная реформа 1895—1897 гг.

Кризис финансов Российской империи в период первой мировой войны

Последние выпуски разменных и полноценных монет

Февральская революция 1917 г. и эмиссионная деятельность Временного правительства

«Керенки» и «думские»

ГЛАВА IX

Беларусь, оказавшаяся в результате разделов Речи Посполитой в составе Российской империи, в соответствии с территориально-административной системой последней была разделена на губернии и наместничества[1].

В 1772 г. появилась Могилевская губерния (с 1778 г.— наместничество), в 1778 г.— Полоцкое наместничество, в 1793 г.— Минская губерния (с 1795 г.— наместничество), в 1795 г.— Виленская и Слонимская губернии.

Могилевское и Полоцкое наместничества в 1796 г. объединены в Белорусскую губернию, Виленская и Слонимская губернии в 1797 г.— в Литовскую.

В 1801 г. на основе ликвидированной Литовской губернии учреждены Виленское наместничество и Гродненская губерния; в 1802 г. Белорусская губерния преобразована в Витебскую и Могилевскую губернии.

Таким образом, с начала XIX в. Беларусь была разделена на Могилевскую (в 1823—1856 гг.— наместничество), Витебскую (в 1823—1856 гг.— наместничество), Минскую (в 1831—1834 гг.— наместничество), Виленскую (по 1912 г.— наместничество) и Гродненскую губернии.

Денежное обращение на территории Беларуси прошло два этапа.

Конец XVIII в. — 50-е гг. XIX в.

В поисках дополнительных источников пополнения государственной казны правительство Екатерины II сочло необходимым изменить стопу медноденежных эмиссий с 16 на 32 рубля из пуда сырьевого металла. Эту операцию предполагалось провести путем изъятия из обращения медных монет и перечеканки их на вдвое большие номиналы: полушку — в денгу, денгу — в копейку, копейку в двухкопеечник, двухкопеечник — в четырехкопеечник, пятикопеечник — в десятикопеечник. Исчезающий в результате этой перечеканки пятак решено

---

[1] Наместничество (генерал-губернаторство) — чрезвычайная административно-территориальная единица (от 1 до 3 губерний) преимущественно на «беспокойных» окраинах империи. Возглавлялась «государевым наместником» — генерал-губернатором, осуществлявшим административную и военную власть.

выпускать под специально изготовленным штемпелем нового образца.

Основные положения именных указов императрицы, обнародованных 26 апреля и 8 мая 1796 г., сводились к следующему:

— Предстоящая эмиссия, рассчитанная на 4 года, составит сумму в 50 млн. рублей.

— «Для лучшаго течения сей операции» в помощь штатным монетным дворам будут учреждены временные дворы в ряде городов (в числе последних назван Полоцк).

Открытие Полоцкого монетного двора планировалось на октябрь 1796 г. «Препорция» производительности первого года его работы определена в 1 млн. рублей. Решено, что предназначенные для перечеканки монеты «на сей монетный двор присылать будут Казенные палаты: Полоцкая, Рижская, Курляндская, Виленская, Слонимская, Минская, Псковская и частию Могилевская... Ежели годового дохода медной монеты в приписных Казенных Палатах будет недостаточно, то дополнить из Петербургскаго банка».

Штат двора был определен в 43 работника (3 резчика штемпелей, 16 монетчиков, 1 пробирер и т. д.) с общим годовым жалованьем в 30 997 рублей 75 копеек. Вскоре доставлено оборудование: «воротяг железных к печатным станам для 5-копеечников — 4, воротяг к стану мелочному — 1, ...коромысло весовое с медными чашками — 1, пил литерных 1-го сорта — 4, микроскопов — 6, цыркуль с пружиной — 1, стали для пунсонов — 2 ф[унта]., котлов чугунных — 2» и т. д.

Смерть Екатерины II (6 ноября 1796) прервала практически завершенную подготовку к перечеканке медной монеты: взошедший на престол Павел I именным указом от 11 декабря объявил о ее отмене и закрытии временных монетных дворов.

Таким образом, Полоцкий монетный двор так и не приступил к работе. Большая часть его оборудования осталась на месте. В сентябре 1810 г. витебский губернатор Сумароков направляет министру полиции Балашову запрос — что делать с имуществом несостоявшегося Монетного двора? Балашов переадресовывает это письмо в Министерство финансов... В январе 1819 г. витебский губернатор сообщает в Департамент горных и соляных дел: «Полоцкий полицмейстер от 17 минувшего декабря доносит мне, что о монетных документах собирал он справки в Полоцком городском магистрате и Городской Думе, которые... дали ему знать, что в 1811 году были проданы оставшиеся в Монетном дворе вещи, какие именно, какою ценою и куда вырученные деньги обращены — за уничтожением архива сделать невозможно: а только на Монетном дворе находятся 4 воротяга по 40 пудов, а пятый по 50 пуд железный; в Гостинном дворе — чугунные 4 натиснений медной формы, 4 винта...»

Российская монета, ставшая для Беларуси основным официально узаконенным средством денежного обращения,

привлекает намного большее, чем прежде, внимание фальшивомонетчиков. Свидетельства этому — многочисленные дела Национального архива Республики Беларусь.

28 июля 1797 г. завершается начатый 28 ноября 1795 г. судебный процесс против шляхтича из деревни Егерды Ошмянского повета Виленской губернии Николая Лосицкого, «оказавшегося в делании фальшивой из аглицкаго олова монеты и о употреблении оной». Вещественные доказательства представлены «осьмью оловянными рублями и гипсовою формою». Приговор гласит: «По лишению шляхетства наказать кнутом и послать в работу на Нерчинские заводы».

В октябре 1810 г. на рынке Несвижа крестьянка получает за проданный холст два рублевика, оказавшихся фальшивыми. По подозрению в их изготовлении арестован 17-летний ученик Доминиканского монастыря Якуб Колоша. Допрошенный 26 октября, он показывает, что «тому назад три недели вздумалось ему... попробовать зделать оловянные рубли в двух формах деревянных... Зделав прежде два рубли, опиловал оные напильником... которые два рубли во время торгу в Несвиже за пол штуки холста отдал. А потом вздумалось ему еще вылить два рубли подобным способом, как выше сказано, и один двадцатикопеешник. По отделке ж оный двадцатикопеешник понес в Несвиж и намерен был купить орехов, но еврейка, у которой орехи покупал, узнав (убедившись.— *В. Р.*), что фальшивой, объявила на то время проходящему сотскому...» Суд выносит приговор: «Наказать в городе Несвиже с кнутом, дав ему двадцать ударов, и, вырвав ноздри, послать в каторгу в Нерчинск».

1 апреля 1819 г. комендант Бобруйской крепости полковник Берг рапортует минскому губернатору: «Крепостной арестант Степан Алексеев 24 числа декабря 1818 г. в крепости Бобруйской был пойман с фальшивой оловянною монетою»; в ходе следствия «выяснилось, что купил он из лавки на Глуском форштадте олово на 30 копеек медью для того, чтобы делать фальшивую монету, которую и зделал сам таким образом: взявши мелу, растер, зделал форму с серебрянаго пятнадцатикопеешника и пятидесятикопеешника и, спустя три дня, когда были высланы арестанты все на работу и никого не было, то он, истопив оное олово, вылил один 15-ти, а другой 50-копеешник». Алексеев приговорен к смертной казни.

23 мая 1824 г. в Минский поветовый суд поступают материалы завершенного следствия «о делании в городском остроге арестантами, по случаю слабаго смотрения караулом, фальшивой монеты». Поводом к началу этого расследования послужило изъятие фальшивого полтинника у солдата караульной службы Юрковца, который «сказал, что таковую полтину дал ему арестант Валицкий». Такая же монета обнаружена у заключенного Корныша, показавшего, что получил ее от арестанта Шумского.

О том, что «смотрение» за заключенными было, действительно, «слабым», подтверждается протоколом допроса солдата Нарковца, признавшегося, что в декабре 1823 г. «перед праздником Рождества Христова, когда уже все спали, он был в ночной на карауле в середине палаты (камеры для арестантов-дворян.— *В. Р.*); тогда Шумский и Валицкий вдвоих, раздувши уголья, на оных в лошке [из] красной меди топили олов; и имел Шумский две дощечки, которые складаются одна к другой плотно, и во оныя дощечки, наклавши мелу или крейды, нечто отливали — двузлотый[1] или полтинник. Шумский потом ножом отлитую монету обрезывал (подравнивал края.— *В. Р.*)...» Таким образом, страж арестантов, перед которым они продемонстрировали весь цикл изготовления фальшивой монеты, утаил увиденное от тюремной администрации! Оба обвиняемых приговорены к лишению дворянства и ссылке в Сибирь.

20 октября 1858 г. губернской канцелярией Могилева получен анонимный донос, сообщающий, что житель города Беленький подделывает монету.

Агент полиции, сумевший завоевать доверие Беленького, уже 22 октября получил у него письменное обязательство, в котором фальшивые рублевики законспирированы словом «серьги»: «Я, нижеподписавшийся, выдаю сей документ, чтобы он служил доказательством в руках предьявителя сего — Берки Натансона в том, что я обязывался изготовить для него четыреста пар серебряных серег сообразно с данной мною пробой. Работа должна быть хороша и изрядна; цена за каждую штуку 60 копеек.

Я получил о него, Берки, в задаток 70 рублей. Он же, Берка, обязан принимать от меня еженедельно, сколько будет изготовлено штук... В случае же, когда вышеупомянутый Берка не исполнит этого контракта, то я имею право продавать другому упомянутые штуки...»

При обыске у Беленького изъяты бесспорные вещественные доказательства его деятельности:

«...10. Два рубли серебряных, в одном куске вылитые в неизвестном металле, необделанныя.

11. Два рубли серебряных по одиночке из того же металла, необделанныя.

12. Одна монета из того же металла в 75 копеек 1829 г., необделанная («Двуязычные» 3/4 рубля / 5 злотых Королевства Польского.— *В. Р.*).

13. Разбитая половина рубля серебряного из металла...

14. Два штемпеля для выбивания пробы...

21. Две железные формы круглопродолговатые, по две половины.

---

[1] 2 злотых Королевства (царства) Польского.

22. Пять форм деревянных четвероугольных разной величины и две [их] половины.

23. Четыре горшечки небольшой величины — так называемые тыгели (тигли.— *В. Р.*) для расплавливания металла, а четвертый с глиной...

26. Четырнадцать кусков из мелкой глины, на которых вытеснены формы рублевой монеты...

38. Инструменты для полировки».

Приток на территорию Беларуси зарубежных денежных эмиссий прекращается не сразу: до начала второго десятилетия XIX в. поступают монеты Нидерландов (талеры и дукаты) и Варшавского герцогства[1] (медные, биллонные, серебряные и золотые номиналы от 1 гроша до дуката), до начала 1830-х гг.— Пруссии (преимущественно талеры).

8 марта 1804 г. издан именной указ Александра I: «...с некоторого времени появилась в Литовских (белорусских.— *В. Р.*) губерниях разного сорта прусская серебряная мелкая монета... которая хождение имеет выше своего достоинства. Повелеваем сию прусскую монету ввозом в Россию из-за границы ныне же запретить, оставляя хождение оной, до сего времени ввезенной, токмо до 1 сентября сего 1804 года, а с того времени хождение той монеты внутри государства вовсе уничтожить и запретить». Указ этот оказался действенным: в последующее время импорт прусской монеты в Беларусь представлен почти исключительно талерами.

Широкое распространение в Беларуси получают монеты Королевства Польского, созданного решением Венского конгресса от 3 мая 1815 г. на части упраздненного Варшавского герцогства и присоединенного к Российской империи. 27 ноября 1815 г. Александром I подписана Конституция, придающая Королевству статус конституционной монархии, возглавляемой российским императором, имеющей свою армию, сейм, монетный двор и другие автономные государственные институты.

По ноябрь 1815 г. Варшавский монетный двор чеканит 1/6 и 1/3 талера штемпелями Варшавского герцогства с датой «1814». С 1816 г. он, в соответствии с именным царским указом от 1 декабря 1815 г., приступает к выпуску традиционно-польских номиналов[2]. На монетах медных (1 и 3 гроша) и биллонных (5 и 10 грошей) помещалось изображение

---

[1] Создано в результате франко-российских (7 июля) и франко-прусских (9 июля) переговоров 1807 г. в Тильзите. Его территориальную основу составили польские земли, отошедшие к Пруссии по разделам Речи Посполитой. Это государственное образование было соединено личной унией с курфюршеством Саксонией. Ликвидировано как бывший союзник наполеоновской Франции решением Венского конгресса от 3 мая 1815 г.

[2] Подобного рода региональные эмиссии, стоящие вне общегосударственной денежной системы, инициировались российскими властями и прежде. Это — севские чехи Ивана и Петра Алексеевичей, шестаки и тинфы Петра I, прибалтийская и прусская серии Елизаветы Петровны, сибирские и таврические монеты Екатерины II.

двуглавого российского орла с одноглавым польским орлом на груди, на серебряных (1, 2 и 10 злотых) и золотых (25 и 50 злотых) место герба занял профильный портрет Александра I; легенды выполнены на польском языке. Номиналы от 1 гроша до 2 злотых выбивались по польской стопе, остальные — по российской.

Со вступлением на престол Николая I (1825) выпуск этих монет продолжен с сохранением их внешнего оформления, включая портрет Александра I на серебряных и золотых номиналах.

29 ноября 1830 г. в Польше вспыхнула национально-освободительная революция; уже на следующий день восставшие овладели Варшавой.

9 декабря обнародовано одно из первых постановлений возглавившего восстание Временного Правления (правительства):

«...Монетный Двор присоединяется к Польскому Банку и отдается в заведование оного Банка.

...Польский Банк составит правила по производству монетного дела и внутреннему устройству оного, которые со сметою на 1831 год в самом непродолжительном времени представить Министру финансов и Казначейства...»

25 января 1831 г. сейм, созванный по инициативе Национального Правительства, сменившего Временное Правление 18 января, объявляет о детронизации Николая I. 2 февраля принимается решение о прекращении Варшавским монетным двором выпуска монет прежнего образца и разработке новых монетных штемпелей с гербом Речи Посполитой. Проектные их рисунки были готовы 10 февраля.

23 марта принято правительственное решение о чеканке «крупной серебряной монеты в соразмерном количестве с мелкой».

24 марта дирекция банка предписывает Монетному двору «...приступить безотлагательно к вырезке штемпеля для чеканки Голландских червонцев (дукатов.— *В. Р.*), на которых вместо знаков монетного двора с кадуцеем (жезлом.— *В. Р.*) Меркурия, находящихся на червонцах Петербургского монетного двора (см. ниже), имеет быть оттиск маленького (одноглавого польского.— *В. Р.*) орла...» 29 марта на эту эмиссию отпущены 2400 кёльнских марок (561 кг) золота, привезенного из-за границы.

В апреле Варшавский монетный двор приступает к работе. До середины августа бьются номиналы в меди (3 гроша), биллоне (10 грошей), серебре (2 и 5 злотых) и золоте («голландский» дукат). Штемпели для 5 грошей (биллон) и 1 злотого (серебро) в серийном производстве использованы не были: ими отчеканены лишь пробные экземпляры монет.

В условиях острого дефицита сырьевого металла типография банка в июле выпускает бумажные банкноты достоинством

в 1 злотый, общий тираж которых к августу 1831 г. составил 735 000 штук.

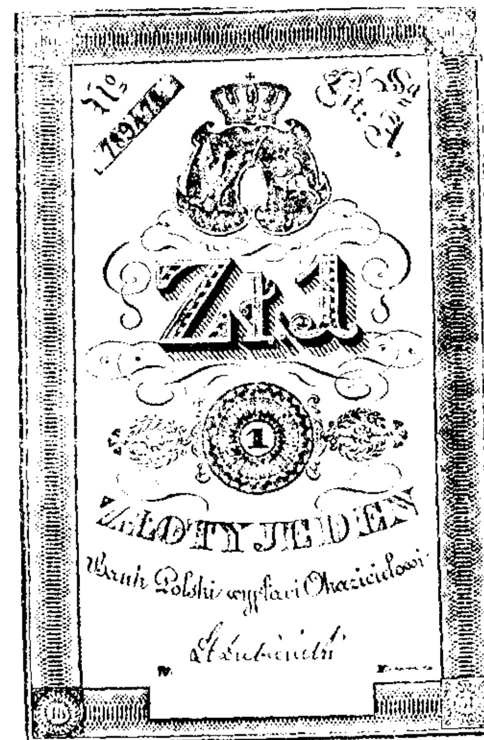

Рис. 30. **Ассигнация восстания 1831 г. в 1 злотый**

6 сентября 1831 г. российская армия штурмом овладевает предместьем Варшавы; в ночь с 7 на 8 сентября представители восставших подписывают капитуляционный акт.

3 декабря созданное российским правительством «Временное Правление Царства Польского» принимает решение «о воспрещении хода серебряной и мелкой (медной и биллонной.— *В. Р.*) монеты, во время мятежа чеканенной», потребовав «принимать таковую в податях и сборах казенных для скорейшего изъятия оной из обращения без насильственной меры и отправлять из Казначейства для надлежащего перелития (переплавки.— *В. Р.*) на Монетный Двор». Предложение полицейских властей о распространении этого постановления и на «мятежный» дукат отвергается, «поелику подати Государственные взимаются не золотом, но и трудно вывести монету сию, подобно серебряной, из потребления, а даже и не предвидится крайней в том надобности как потому, что монеты сей выпущено мятежническим правлением малое количество, так и потому, что она не имеет на себе революционного (Речи Посполитой.— *В. Р.*) герба, подобно серебряной и медной монете, которая по сей только причине не должна быть оставлена в обращении».

26 февраля 1832 г. Николай I скрепляет своей подписью «Органический статут Королевства Польского», объявляющий о прекращении действия ноябрьской Конституции 1815 г. Польша лишается основных прав автономии (армии, сейма и т. д.) и по сути превращается в территориально-административное подразделение Российской империи.

Изъятие и перечеканка повстанческих монет затянулись на долгое время.

18 мая 1835 г. статс-секретарь императора сообщает наместнику Польши о «Высочайшем дозволении перечеканить биллон (десятигрошовики.— *В. Р.*) с революционным гербом, имеющийся в Польском Банке на сумму в 572 609 червонцев».

26 мая 1837 г. Совет управления Королевством Польским обращается в Сенат: «Как однако же упомянутая монета до сих пор замечается в обращении и Казначейства все еще должны заниматься приемом и отделением ее от прочей монеты, то... не угодно ли будет Сенату... дать разрешение на изъятие из обращения монеты с революционным гербом с тем, чтобы оная не далее как только по исходе нынешнего года была Казначействами в податях принимаема или вымениваема».

6 февраля 1838 г. Совет управления констатирует: «До сего времени из всей выбитой с революционным штемпелем биллоной и медной монеты на сумму 2 123·839 злотых поступили в Казначейство и перечеканены на Монетном Дворе только на 1 002 246 злотых 9 грошей; следовательно, остается еще в обращении на 1 121 646 злотых 21 грош». В связи с этим «Правительственная Комиссия Финансов испрашивает разрешения на продолжение срока изъятия до 1 июня текущего года с дозволением вымена монеты в Польском Банке»...

Повстанческие монеты, около десятилетия усердно изымавшиеся из обращения, изредка встречаются в наши дни только в виде единичных экземпляров.

Летом 1965 г. в городском поселке Хойники на Гомельщине при сносе кладбищенского холма обнаружен склеп с женским погребением, среди инвентаря которого оказался стеклянный сосуд с исписанным листом пергамента, двузлотовиком и дукатом 1831 г. Открытию этому предшествовала в равной мере романтическая и трагическая история более чем полуторастолетней давности.

16 января 1783 г. состоялась свадьба княжны Людвики Шуйской, принесшей за собой приданое — Хойники, с сыном витебского воеводы Каролем Прозором.

Весной 1787 г. Кароль избран маршалком Главного Литовского трибунала[1]. В начале 1794 г. он, продав часть своих имений, жертвует около миллиона злотых на организацию сопротивления надвигающемуся третьему разделу Речи Посполитой. Его единомышленники предлагают ему стать во главе восстания, но он убеждает генерала Костюшко взять эту роль на себя.

Во время восстания Кароль — высший полномочный представитель генерала на землях Великого княжества Литовского. Поражение вынуждает его к эмиграции. Находясь в Париже, Венеции, Вене, он пытается сформировать легионы для освобождения польских земель, отошедших к Австрии по первому и третьему разделам Речи Посполитой.

[1] Маршалок — высшее должностное лицо в Великом княжестве Литовском. Главный Литовский трибунал — высший апелляционный суд княжества, к которому с 1726 г. перешла часть функций Скарбового трибунала (в частности, контроль за доходами государственной казны).

В 1802 г. Кароль, амнистированный царем, приезжает в Хойники. К активной политической деятельности он возвращается с приходом наполеоновской армии: становится министром финансов Временного правительства Великого княжества Литовского. После изгнания французов вновь эмигрирует (на этот раз — в Краков). Амнистия 1814 г. позволяет ему вернуться на родину.

В 1819 г. Кароль становится членом созданной в Варшаве тайной организации «Национальное масонство», преобразованной в 1821 г. в «Патриотическое общество». Последнее поручает ему установить контакты с декабристами.

В июле 1826 г. он арестован и привезен в Минск, в августе отконвоирован в Варшаву, где ведется следствие по делу о связях «Патриотического общества» с декабристами. Вскоре его увозят в Петербург и заключают в Петропавловскую крепость.

Людвика, уверенная, что супруг находится в варшавской тюрьме, спешит в столицу Королевства Польского. Задержанная властями в Бресте, она неоднократно обращается с письмами к императорскому наместнику в Польше Великому князю Константину, но, так и не дождавшись ответа, умирает. Ее хоронят под Хойниками — в селе Великий Бор.

Весной 1829 г. освобожденный из заключения Кароль перезахоранивает супругу в Хойниках, положив в ее гроб написанную 9 мая эпитафию в виде обращения к покойной: «Тираническая тюремная судьба, державшая меня за любовь к Родине в жестокой неволе, не позволила мне ранее отдать тебе последний долг. Утратив тебя, я и дети охвачены вечной и бесконечной печалью...»

Очевидно, в 1831 или 1832 г. Кароль открывает склеп и оставляет в нем «мятежные» монеты...

28 мая 1971 г. при рытье котлована возле автобусного вокзала Рогачева найден клад в несколько сотен медных со следами серебрения монет — крайне неискусных подделок под 10 грошей Варшавского монетного двора и 1/12 прусского талера 1766 г.

Все десятигрошовики несут на себе дату «1831»; большинство из них подражают «мятежной» эмиссии (т. е. чеканке с гербом Речи Посполитой), остальные — последнему выпуску этого номинала с изображением двуглавого российского орла, грудь которого украшена одноглавым польским орлом.

Открытые в Рогачеве монеты изготовлены, вероятнее всего, после подавления польского восстания. Несомненно, они — дело рук одного человека (об этом свидетельствует своеобразно-индивидуальный «почерк» исполнения их штемпелей). Остается лишь гадать, что же вдохновило безвестного фальшивомонетчика на столь бессмысленный экономически и крайне рискованный политический экперимент: ведь он

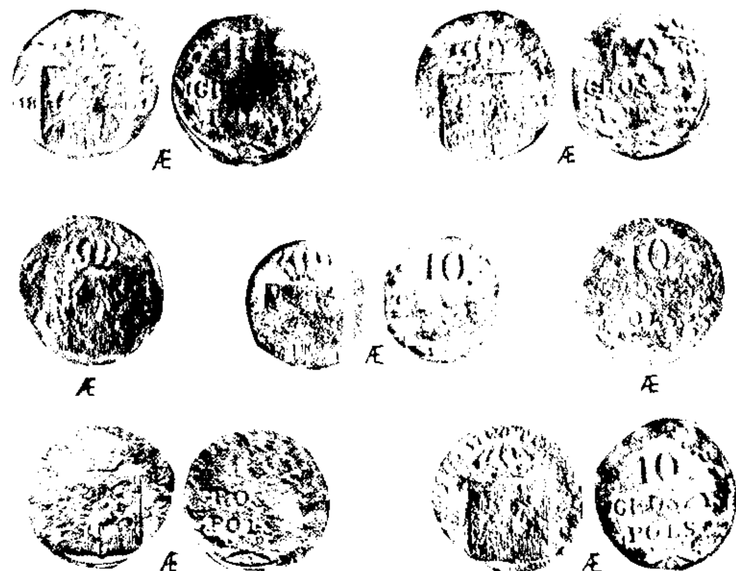

Рис. 31. **«Мятежные» монеты Рогачевского клада**

фабриковал монеты, квалифицировавшиеся официальными документами как «мятежные» и «революционные»!

Варшавский монетный двор, не включенный февральским «Органическим статутом» 1832 г. в число закрываемых учреждений Королевства Польского, продолжает чеканку монет по типу, установленному в декабре 1815 г.: 1 и 3 гроша — по 1835 г., 5 грошей — по 1832 г., 1 и 5 злотых — по 1834 г., 25 злотых — по 1833 г. Выпуск 10 злотых прекращен в 1827 г., 50 злотых — в 1829 г., 2 злотых — в 1830 г., 10 грошей — в 1831 г.

С 1835 г. выпускаются только медные и биллонные номиналы: по 1841 г.— 1 и 3 гроша, по 1840 г.— 5 и 10 грошей; во внешнее оформление их аверсной стороны внесена существенная корректива — польский орел на груди российского сменен изображением Георгия Победоносца, поражающего змия.

По именным указам Николая I от 15 октября 1832 г., 27 января 1833 г., 1 мая 1834 г. и утвержденному 21 марта 1841 г. докладу министра финансов Петербургский и Варшавский монетные дворы приступили к чеканке по российской стопе монет с двуязычно-двойным реверсным обозначением номинала (по-русски — в копейках или рублях, по-польски — в грошах или злотых), реверсной или аверсной русской легендой, указывающей на содержание в них серебра или золота[1].

Набор номиналов этой серии выглядит следующим образом.

Серебро: 5 КОПЕЕК / 10 GROSZY и 10 КОПЕЕК / 20 GROSZY (Варшава, 1842 г.; обе эти монеты — пробные), 15 КОПЕЕК / 1 ZŁOTY (Петербург, 1832—1841; Варшава, 1834—1841), 20 КОПЕЕК / 40 GROSZY и 25 КОПЕЕК / 50 GROSZY (Варшава, 1842—1848, 1850), 30 КОПЕЕК / 2 ZŁOTE (Варшава, 1834—1841), 3/4 РУБЛЯ / 5 ZŁOT[ych] (Петербург, 1833—1841; Варшава, 1834—1841), 1 1/2 РУБЛЯ / 10 ZŁOT[ych] (Петербург, 1833—1841; Варшава, 1835—1841).

Золото: 3 РУБЛЯ / 20 ZŁOTYCH (Петербург, 1834—1841; Варшава, 1834—1840).

Варшавский монетный двор выпускает монеты и общероссийских образцов: в 1842—1857 гг. (с перерывами) — серебряные, в 1842—1849 гг. (с перерывами) — золотые, в 1848, 1850—1864 гг.— медные.

В середине 1830-х гг. начинается выпуск мемориальных и донативных монет России.

В 1834 г. отчеканен рубль с изображением Александровской колонны на Дворцовой площади Петербурга; в 1835—1836 гг.— «фамильный» полуторарублевик Николая I, (аверс — профильный портрет Николая и русско-польское обозначение номинала (1 1/2 РУБЛЯ / 10 ZŁOT[ych]), реверс — профильные портреты его супруги Александры Федоровны и детей: Александра, Марии, Ольги, Константина, Николая, Михаила, Александры); в 1839 г.— рубль и полуторарублевик с изображением памятника-часовни на Бородинском поле; в 1841 г.— донативный рубль в память бракосочетания наследника престола Александра Николаевича с принцессой Гессен-Дармштадской Марией Александровной (без обозначения номинала); в 1859 г.— рубль с изображением памятника Николаю I на Исаакиевской площади Петербурга. К числу мемориальных монет вполне может быть отнесен и золотой полуимпериал (5 рублей) 1832 г., легенда которого сообщает о происхождении его металла: «ИЗЪ РОЗС[ыпей] КОЛЫВ[анских]».

24 апреля 1828 г. в Сенат направляется именной императорский указ: «Между сокровищами хребта Уральских гор открыта платина, которая пред сим находилась почти исключительно в Южной Америке. Для удобнейшего сбыта сего драгоценнаго металла желательно ввести употребление оного для монет... Повелеваем:

1. Новую монету из платины чеканить ценою в три рубля, весом в два золотника сорок одну долю[2] чистой платины.

---

[1] Три номинала (5 КОПЕЕК / 10 GROSZY, 10 КОПЕЕК / 20 GROSZY, 20 КОПЕЕК / 40 GROSZY) лишены такой легенды.

[2] Золотник — 4,265 г, доля — 44,434 мг.

2. Монет сих на первый раз выпустить умеренное количество из казенной платины, а заводчикам, имеющим собственную платину, отпускать по желанию их выделанные на монетном дворе таковые монеты...

3. Трехрублевая монета из платины... должна иметь хождение в Государстве по добровольному согласию, и никто не обязывается оную принимать против желания... Выпуск сей торговой монеты за границу и употребление оной в изделия не запрещается, но подделка оной подлежит тем же узаконениям, как и прочих Государственных монет...

Монета трехрублевая из платины имеет величину ровно против серебряного двадцатикопеечника, а вес ее ровен с лигатурным серебряным полтинником.

Цена платины в новой монете... принята примерно впятеро против чистаго серебра».

Указами от 30 ноября 1829 г. и 12 сентября 1830 г. последовательно введены в обращение платиновые 6 и 12-рублевики, соответствовавшие по диаметру серебряным полтиннику и рублю, массой — вдвое и вчетверо больше, чем 3-рублевик (4 золотника 82 доли и 9 золотников 68 долей).

Номинальные обозначения этих монет подчеркивают, что курс их обращения определяется серебряным рублем («3 рубли на серебро», «6 рублей на серебро», «12 рублей на серебро»).

16 февраля 1845 г. Особый Комитет Финансов, объявив о прекращении платиновых эмиссий, постановил:

«1. Воспретить вывоз платиновой монеты за границу.

2. Привоз платиновой монеты оттуда оставить свободным в продолжение четырех месяцев...»

В целом платиновая эмиссия «освоила» сумму в 4 251 843 рубля — 1 373 691 трехрублевик (на 4 121 073 рубля), 14 847 шестирублевиков (на 89 082 рубля), 3474 двенадцатирублевика (на 41 688 рублей).

Этот необычный в практике мирового денежного дела эпизод объясняется тем, что платина еще не находила технического применения. Ценясь выше серебра, но ниже золота, она могла быть использована лишь монетным производством для создания «промежуточного звена» между серебряными и золотыми номиналами. Этот (вместо децимарного) принцип соотношения платиновых номиналов был обусловлен двумя причинами: во-первых — существовавшей в то время стоимостной пропорцией между серебром и платиной, во-вторых — установлением полного соответствия размеров платиновых монет с диаметрами крупных серебряных номиналов.

В 1768 г. Петербургский монетный двор, заключив с ювелиром Иоганном Гастом контракт на «вырезывание секретных штемпелей», приступает к выпуску золотой монеты, искусно копирующей общепризнанную мировую валюту — дукаты Утрехтского монетного двора Голландии. Эта монета ни в коей мере не может квалифицироваться как фальшивая.

Она — классический образец подражательной чеканки, выполненной на государственном уровне. При едва заметных внешних деталях, отличающих ее от голландского дуката, она выдержана в тех же, что и он, метрологических (лигатурная масса, диаметр) и качественной (проба) нормах.

Цель этой, нарушающей нормы межгосударственных отношений эмиссии заключалась в финансировании Архипелагской экспедиции — пяти эскадр, готовившихся к походу в Средиземное море для открытия морского театра военных действий в войне с Турцией (1768—1774).

6 мая 1769 г. Екатерина II сообщает генерал-адмиралу Г. А. Орлову, назначенному главой экспедиции: «...сверх двухсот тысяч [рублей], кои вам ассигнованы, я еще триста держу для вас в готовности; морских (ассигнований для флота в походе.— ***В. Р.***) — не в счет: для них о с о б ы е (разрядка моя.— ***В. Р.***) деньги будут».

Первой крупной партией «особых» денег («червоных на сто тысяч рублей») снабжена вторая эскадра, покинувшая Кронштадт 28 сентября 1769 г. Вплоть до прекращения военных действий «червоные» продолжали поставляться средиземноморскому флоту.

Завершение войны не остановило подпольную деятельность Петербургского двора, если не считать кратковременного ее перерыва в 1796—1801 гг., напротив, она с каждым годом приобретает все больший размах, обеспечивая львиную долю расходов дипломатического корпуса, выплату жалованья офицерам гарнизонов в Польше, на Кавказе и других окраинах империи. Например, в 1829 г. спровоцированная мусульманским духовенством толпа, разгромив российское посольство в Тегеране, похитила из его денежных запасов более 20 000 «голландских червонцев». В Грузии, присоединенной к России в 1801 г., содержание армии обходилось ежегодно в 187 000 дукатов.

С 1849 г., когда Голландия временно (до 1872) прекратила выпуск дукатов, Россия продолжает их чеканку с последней «законной» датой — «1849».

В официальном делопроизводстве «голландский» дукат Петербургского двора кодировался словами «известная монета», «червоный (червонец)», «золотой». Он, как и утрехтский, прочно обосновался и во внутригосударственном обращении под порожденными его аверсным изображением (стоящий рыцарь) популярными названиями — «лобанчик», «арапчик», «пучковый». Первое из них связано с представлениями о «залобаненном» (с «забритым» лбом), т. е. призванном на военную службу, рекруте: второе — с необычным видом закованной в броню фигурой, выглядевшей в глазах простолюдинов как диковинный «арап»; третье — с пучком стрел в ее руке.

Массовое производство «известной монеты» не могло, естественно, остаться тайной за семью печатями. Уже в XVIII в. оно превратилось в секрет Полишинеля. Так, в ноябре

1799 г. посланник Мальтийского ордена аббат Жоржель, будучи в Вильно, услыхал от местных менял не только о свободном обращении голландских дукатов, но и о том, что «русский император велит их чеканить».

В Беларуси «лобанчик» становится настолько распространенным, что Александр I 7 мая 1802 г. направляет в Государственное Казначейство указ: «...Усматривая, что в Литовской губернии платеж Государственных разного рода податей по узаконению происходит Российскою серебряною монетою, но что по причине недовольно достаточного обращения оной в том краю, где по большей части имеет хождение разная иностранная монета, платеж таковой (российской.— В. Р.) сопряжен с некоторыми неудобствами для тамошних обывателей, повелеваем впредь в Литовской губернии (в это время — Виленское наместничество и Гродненская губерния.— В. Р.) взнос государственных податей... чинить, кто пожелает, по прежнему серебряною Российскою монетою, а кто хочет — голландскими червонцами и ефимками (талерами.— В. Р.)». Идентичный по содержанию указ появился 10 апреля 1809 г. К производству «лобанчиков» не преминули подключиться и фальшивомонетчики. 15 декабря 1803 г. минский Главный суд завершает рассмотрение «Дела по обвинению Дисненских мещан Л. Мовшовича и А. Израилевича в изготовлении фальшивых денег». В качестве вещественных доказательств преступной деятельности подсудимых фигурируют тринадцать изъятых у них «фальшивых голландских червонцев». Приговор гласит: «Дать пятьдесят ударов кнутом и поставить на лбу и на щеке железныя знаки (выжечь клейма раскаленным железом.— *В. Р.*), сослать [на]вечно на каторжные работы». В этот же день минская Казенная Палата обращается в суд с просьбой передать в казначейство Дисны одну из фальшивых монет «для предосторожности казначея, дабы он не мог между настоящими червонцами, в Казну поступающими, принять тем подобных».

О том, что «лобанчик» играл серьезную роль в денежном хозяйстве страны, свидетельствует явное беспокойство, проявленное властями при получении известий о случаях порчи этой монеты населением. Специальный сенатский указ от 23 июня 1834 г. сообщает: «Правительствующий Сенат слушал представление Г. Министра Финансов, что, по дошедшим до него сведениям, внутри Государства... начали появляться в обращении легковесные червонцы, простонародно арабчиками называемые, в которых разными способами уменьшен вес, но доселе еще неизвестно, где и кем порча сия производится. Заключить следует, что к таковому чрезвычайному уменьшению веса употреблены, кроме обыкновенных способов стирания и обрезывания, другие сильнейшие средства кислот и иных химических составов».

Сенатским указом от 22 января 1840 г. курс «полновесного Голландского червонца» установлен «на Российское серебро в два рубли девяносто три копейки и одну треть [копейки]».

Многочисленные упоминания этой монеты содержатся в мемуарной и художественной литературе XIX в.

А. И. Герцен в «Былом и думах» вспоминает о том, как крестьяне одного из сел Владимирской губернии, принадлежавшего его отцу, решили сдать в солдаты вместо молодого и здорового мужика, на которого выпал жребий рекрута, «плохонького и ледащего». Опасаясь, что их жертва будет забракована при медицинском освидетельствовании, они собрали деньги на взятку и отправили старосту во Владимир. «К рекрутскому набору, — продолжает Герцен,— был прислан граф Эссен. Староста сунулся к нему со своими лобанчиками и арапчиками...»

Рассказ Н. С. Лескова «Интересные мужчины» содержит следующий эпизод. В номере тверской гостиницы офицеры сидят за картами. Коридорный сообщает о прибытии нового постояльца, выразившего желание присоединиться к ним. «Что же нам все свои-то лобанчики из кошелька в кошелек перелобанивать,— решает один из игроков.— Пусть придет свежий человек...»

Война 1768—1774 гг. «спровоцировала», наряду с чеканкой «известной монеты», выпуск бумажных денег — ассигнаций, которым было придано право свободного размена на медную монету.

21 декабря 1768 г. обнародован императорский манифест об учреждении в Петербурге и Москве Ассигнационных банков, предназначенных для обменных операций. 29 декабря этого же года последовал именной указ Екатерины II, дипломатично обосновывающий цель предстоящей эмиссии (на сумму в 1 млн. рублей) необходимостью «отвратить тягость медной монеты, затрудняющей ее оборот и перевоз».

Первые ассигнации выпущены в 1769 г. номиналами в 25, 50, 75 и 100 рублей. Вначале спрос на них был столь активен, что банки получили возможность удерживать от 1/4 до 1/2 % монетных сумм, приносимых для обмена на купюры. Вскоре, однако, государственные финансы ощутили первые тревожные симптомы бумажноденежного обращения: скопление в банках медной монеты привело к росту ее дефицита на рынке; вдобавок к этому, уже в 1771 г. зарегистрировано появление фальшивых ассигнаций.

Бумажноденежные эмиссии стремительно набирали силу: к 1775 г. их общая сумма составила 20 млн. рублей, к 1786 г.— 46 млн. Тем не менее, главный директор Ассигнационного банка П. И. Шувалов представляет на «Высочайшее усмотрение» докладную записку: доказывая невозможность проведения внутреннего займа, он обосновывает единственный, на его взгляд, способ избежать финансового тупика — увеличение ассигнационной эмиссии до 100 млн. рублей.

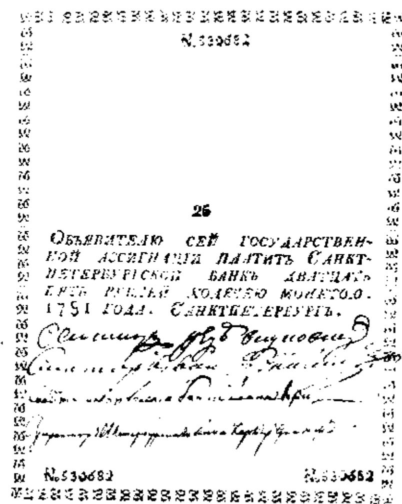

Рис. 32. **Двадцать пять рублей — ассигнация 1781 г.** (уменьш.)

26 июня 1786 г. манифестом Екатерины II объявлено о пуске в обращение 100-миллионной массы ассигнаций, «ибо число оных, доселе выпущенное, не удовлетворяет в полной мере нуждам и хотению людей общему иметь их более». Императрица торжественно заверяет подданых, «что число банковых ассигнаций никогда и ни в коем случае не долженствует простираться в Нашем Государстве выше 100 миллионов рублей». Согласно этому манифесту набор ассигнационных номиналов был пополнен 5 и 10 рублями. Эта декларация, как и указ от 29 декабря 1768 г., осталась пустым звуком: к 1796 г. рынок наводнен 156 млн. ассигнационных рублей.

До 1786 г. бумажный рубль был относительно стабильным, так как его тиражи соразмерялись с медноденежной массой, на которую он опирался. С расширением бумажноденежных эмиссий курс ассигнаций покатился вниз, увлекая за собой и монетную медь: если в 1786 г. ассигнационный рубль, паритетный 100 медным копейкам, соответствовал 98 копейкам серебром, то в 1787 г.— 97, 1788 г.— 92 5/9, в 1789 г.— 91 3/4, в 1790 г.— 87, в 1791 г.— 81 3/10, в 1792 г.— 79 1/3, в 1793 г.— 74, в 1794 г.— 71, в 1795 г.— 68 1/2. Таким образом, установилось сосуществование двух — ассигнационной и серебряной — денежных систем.

Стремясь смягчить пагубные последствия непомерно массовых бумажноденежных эмиссий, правительство Екатерины II принимает решение об удвоении номинальной стоимости медных монет путем их перечеканки.

Павел I, попытавшийся изъять обесценившиеся ассигнации, натолкнулся на непреодолимое препятствие — недостаток в казне монеты для выкупа их у населения. Печатные станки вновь пущены в ход...

В 1801 г., когда ассигнационная масса возросла до 212 млн. рублей, генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский предупреждает правительство: «Никакое государство не может долго стоять, имея внутри себя такой яд».

В марте 1812 г. Генеральный контролер Главного управления ревизии государственных счетов Б. Б. Кампенгаузен обращается к Александру I: «...Войны императрицы, Вашей бабушки (Екатерины II.— *В. Р.*), были игрушкой в сравнении с Вашими войнами. У нее была полная мошна, а Вам она досталась пустой; она могла выпускать новые ассигнации... а Вы должны остановить эмиссию; она могла занимать за границею, а Вы должны платить ее долги...»

Эти трезвые голоса остались неуслышанными. 13 июня 1812 г. Александр I конфиденциально обращается к председателю Государственного Совета Н. И. Салтыкову: «Касательно сделания новых бумажек нельзя ли так учинить, чтобы иметь наличными знатныя суммы в Казначействе прежде поступления податей. По мере же поступления сих последних исподволь истреблять («бумажки».— *В. Р.*), чтобы число их не умножать и не нарушить оным данного слова (об ограничении ассигнационных выпусков.— *В. Р.*)».

Если в XVIII в. подделка ассигнаций была относительно редким явлением, то в XIX в. она становится для государственных финансов истинным бедствием...

Наиболее, пожалуй, выдающимся представителем армии фальшивомонетчиков был уроженец Гродненской губернии Игнатий Юлиан Цейзик (Цейзиг). Его земляк О. А. Пжелацкий в «Калейдоскопе воспоминаний»[1] пишет об этой личности: «Он родился превосходным артистом во всех родах искусства — был музыкант, рисовальщик, скульптор, гравер, неподражаемый каллиграф...» Арестованный осенью 1814 г., рассказывает Пжелацкий, Цейзик, «видя себя окончательно погибшим, уже был вполне откровенен и даже позволял себе сарказмы... Когда его спросили, как различать его кредитные билеты от настоящих, отвечал, что по наружному осмотру он и сам не в состоянии найти какую-нибудь разницу, но качество его бумаги лучше казенной... Он прибавил: «Правительство истратило два или более миллиона на устройство машины, печатающей новые ассигнации — деньги, брошенные даром». Он же делал следующее предложение: если его простят и обеспечат хорошим содержанием, то он устроит снаряд (станок.— *В. Р.*) своего изобретения с известным ему одному секретом и будет делать такие кредитные билеты, что

[1] Опубликован в 1872 г. под псевдонимом «Ципринус».

правительство может не опасаться никакой подделки. Когда ему возразили, что то, что сделал один человек, может быть повторено другим, то он с улыбкой невообразимой самонадеянности сказал: «Вы не так говорите — скажите, что сделал Цейзиг, может сделать другой Цейзиг, и будете правы; только дело в том, что этого другого придется долго ждать».

Мемуары, написанные Пжелацким многие годы спустя после этого события, страдают, естественно, неточностями или невольными искажениями фактов, чего нельзя сказать о хранящемся в Национальном архиве Республики Беларусь объемном «Деле по обвинению посессора (арендатора.— *В. Р.*) фольварка Старинный Слуцкого повета (Минской губернии.— *В. Р.*) И. Цейзика в изготовлении фальшивых ассигнаций».

«Начата сия нещасная работа», показывает Цейзик, в 1804 г., «когда с болезнию сердца, со страхом и печалию вырезал я на мраморе часть литер для печатания и основал сторублевую форму... Употребил я всю телесную силу, трудясь беспрерывно по ночам и частию днями даже до истощения сил, на составление новых форм — одной на сто и другой на двадцать пять рублей... Выдавал (изготовлял.— *В. Р.*) единственно копии настоящих ассигнаций... с примечанием (копированием.— *В. Р.*) даже дир и пятен...»

О размахе этой — «даже до истощения сил» — деятельности Цейзика известное представление дают его же показания (следует, впрочем, учитывать, что он отнюдь не был заинтересован в раскрытии истинных ее масштабов): «В 1810—1811 годах, сколько помнить могу, выпущено ассигнаций десять тысяч или более, в 1814-м, может статься, и в 1813-м выдано тридцать или сорок тысяч, а может и более... в последних числах сентября (1814 г.— *В. Р.*) дал для размена до 12 000...»

5 августа 1815 г. Минский Главный суд огласил приговор Цейзику и его брату Феликсу (как соучастнику): «Наказать в городе Слуцке кнутом по пятьдесят ударов и, вырвав ноздри, послать в каторжную вечную работу».

Оказавшись в Тобольске, Цейзик не угомонился: ухитрился и здесь наладить выпуск ассигнаций. Приговором повторного суда сослан на Акатуйский рудник Нерчинских заводов.

В 1810—1812 гг. с ведома Наполеона I и очень узкого круга его приближенных в Париже налажено печатание фальшивых ассигнаций с целью «нанести своим исключительным врагам удар, который должен совершенно подорвать их финансы, парализовать со временем главную силу их военных действий...»

Этими, выполненными на высокопрофессиональном уровне, подделками была снабжена «Великая армия», вторгшаяся 24 июня 1812 г. в Россию. При отступлении Наполеон приказал уничтожить неиспользованные фальсификаты, но значительная их масса, уже пущенная в обращение, нанесла

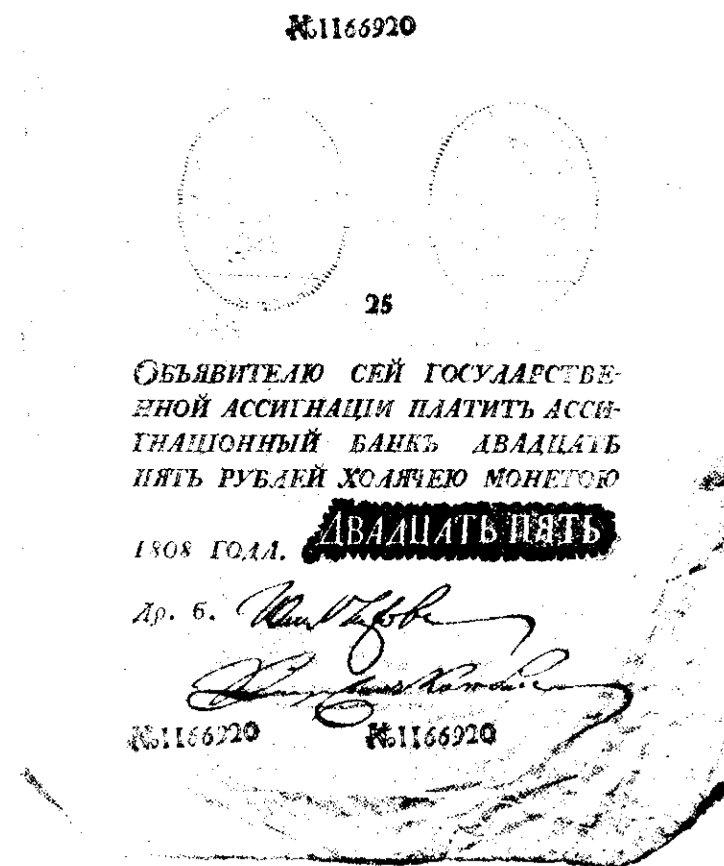

Рис. 33. **Двадцать пять рублей 1808 г. парижской фабрикации** (уменьш.)

определенный ущерб и без того обесценившемуся ассигнационному рублю, курс которого упал до 25 копеек серебром.

Имеются признаки, позволяющие отличить подделки от подлинников: подписи чиновников Министерства финансов выполнены на них не от руки, а типографскими факсимиле, случаются искажения имен в этих подписях («Павив», «Спиридот» — вместо «Павелъ», «Спиридонъ») или путаница букв («госуларственной», «холячею» — вместо «государственной», «ходячею»), цвет бумаги — голубоватый (вместо чисто белого) и т. д.

Изъятие подделок парижской фабрикации, к которому энергично приступили власти после изгнания наполеоновской армии, оказалось делом нелегким: французские ассигнации еще несколько лет удерживаются в обращении.

25 апреля 1813 г. виленский гражданский губернатор А. М. Римский-Корсаков сообщает в Петербург: «...усмотрены между сторублевыми ассигнациями фальшивые, но оныя так искусно сделаны, что при самых подробных рассматриваниях едва можно заметить, что подписи на них сделаны не пером, а гравировкою».

Протоколами следствия по делу И. Цейзика зафиксирован следующий эпизод: «Отец Цейзиков... купил в Минске две тысячи рублей французских ассигнаций, которые Игнатий взял с собой в Вильно (30 августа 1814 г.— *В. Р.*), но тут не разменяв [их], оставил у Дамеля[1], а сей одну тысячу отдал было Межутовичу (приятелю Цейзика.— *В. Р.*) для размена, а одну оставшуюся у него тысячу отослал обратно к Игнатию».

В 1818 г. введены купюры усложненного, затрудняющего их подделку рисунка. В 1819—1821 гг. из обращения изъято более 240 млн. рублей старых ассигнационных выпусков. С 1823 г. правительство самым решительным образом отказывается от традиционной практики систематического усиления бумажноденежных эмиссий. Эти меры замедлили, но не остановили падение курса ассигнационного рубля: если в 1824 г. он составлял 37,4 копейки, то в 1829 г.— 36,9 копейки, в 1834 г.— 35,9 копейки, в 1839 г.— 35 копеек серебром.

Стало совершенно очевидным, что для упрочения государственных финансов требуются более радикальные преобразования. Они были осуществлены под руководством министра финансов Е. Ф. Канкрина.

1 июля 1839 г. обнародован манифест «Об устройстве денежной системы», сообщающий о предстоящей реформе:

«Убеждаясь в необходимости положить, без всякого отлагательства, конец колебаниям, нарушающим единство и стройность нашей монетной системы, мы признали за благо принять решительные меры к пресечению происходящих от сего неудобств...

1. Серебряная Российскаго чекана монета отныне и впредь устанавливается главною государственною платежною монетою, а серебряный рубль...— главною, непременяемою законною мерою (монетною единицею) обращающихся в Государстве денег, соответственно этому все подати, повинности и сборы, а также разные платежи и штатные расходы в свое время имеют быть исчислены на серебро.

2. При таком установлении серебра главною платежною монетою государственные ассигнации, согласно их первоначальному назначению, остаются вспомогательным знаком ценности, с определением им отныне впредь единажды навсегда постоянного непременяемого на серебро курса, считая серебряный рубль, как в крупной, так и в мелкой монете, в три рубля пятьдесят копеек ассигнациями...

9. За сим присвоение ассигнациям какого либо курса, кроме выше постановленного, равно надбавка на серебро и на ассигнации какого либо лажа (превышения номинального курса.— *В. Р.*)... строжайше воспрещается...»

Таким образом, ассигнационному рублю был присвоен курс, сложившийся на бирже к моменту издания манифеста — 35 копеек серебром. Цена рубля, выраженного в золоте, была определена в 103 копейки серебром.

Одновременно с манифестом — 1 июля 1839 г.— издан указ «Об учреждении Депозитной (сберегательной.— *В. Р.*) кассы серебряной монеты при Государственном Коммерческом Банке». Она должна была «принимать от приносителей, для хранения, вклады серебряной монетою Российскаго чекана», выдавая взамен так называемые депозитные билеты на равную вкладу сумму.

Эти билеты, обеспеченные серебром на 100 %, были объявлены законным платежным средством, равноправным с серебряной монетой. В соответствии с указами Сената начат их выпуск номиналами в 5 и 25 рублей (с 20 декабря 1839 г.), 3 рубля (с 27 февраля 1840 г.), 10 рублей (с 3 июля 1840 г.), 50 рублей (с 10 сентября 1840 г.) и 100 рублей (с 18 июня 1841 г.).

Депозитные билеты выпускались в обращение строго дозированными суммами, соответствовавшими накоплениям полноценных монет в Депозитной кассе. Это ограничение не позволяло довести их тираж до масштабов, полностью удовлетворяющих запросы рынка. Стоимостная паритетность депозитных билетов серебряным монетам лишала казну привычных доходов от бумажноденежного производства и объективно способствовала усилению процесса обесценивания ассигнаций. Необходимы были более «гибкие» купюры, приносящие государственную прибыль и в то же время способные эффективно вытеснять из обращения ассигнационную массу. 1 июля 1841 г. манифест «О выпуске в народное обращение кредитных билетов на 30 миллионов (рублей.— *В. Р.*) серебром» объявил о начале эмиссии 50-рублевых кредитных билетов, которым «присвояется хождение по всей империи наравне с серебряной монетою». Первоначально эти деньги выступали как разновидность депозитных билетов, так как разменивались на серебро по своему номинальному курсу; позже их металлическое покрытие стало неполным. Тем не менее, кредитные билеты сохранили за собой роль устойчивых

[1] Ян (Иван) Дамель (1780—1840) — известный в свое время художник, автор картин на исторические темы. В 1809—1820 гг.— профессор кафедры рисунка и живописи Виленского университета, с 1820 г.— ссыльнопоселенец в Сибири («за необъявление начальству о взятых от Цейзика для размена ассигнаций, что оне были французской работы, и отдачу их Цейзику обратно»), с 1822 г. до кончины жил в Минске, где и похоронен на Кальварийском кладбище.

денежных знаков, чему в немалой степени способствовала ограниченность их тиражей (в 1843 г. в обращении находилось лишь 10 млн. выраженных в них рублей, вместо запланированных июльским манифестом 1841 г. 30 млн. рублей).

Реформа, оставив без изменений серебряную и золотую монеты, существенно (в 2 1/4 раза) повысила реальную стоимость медных номиналов изменением стопы их чеканки с 36 до 16 рублей из пуда меди[1]. Эти, выпускавшиеся в 1839—1848 гг. монеты[2], стали вспомогательным средством размена серебряного рубля.

Стабильность кредитных билетов создала условия для унификации бумажноденежного обращения. 1 июня 1843 г. издан манифест «О замене ассигнаций и других денежных представителей кредитными билетами», сообщивший о прекращении печатания депозитных и кредитных билетов. Они, как и ассигнации, подлежали обмену на новые государственные кредитные билеты, вскоре поступившие в обращение (3, 5, 10 и 25 рублей — 21 сентября 1843 г., 1 рубль — 2 октября 1843 г., 50 рублей — 23 февраля 1844 г., 100 рублей — 4 октября 1844 г.).

Обмен ассигнаций завершен к 13 апреля 1851 г., депозитных и кредитных (старого образца) билетов — к 1 марта 1853 г.

Реформа 1839—1843 гг. перевела денежную систему России на серебряный монометаллизм, при котором роль всеобщего денежного эквивалента играл серебряный рубль. Правительство сумело разрешить две сложные задачи — укрепление государственных финансов и достижение существенных доходов за счет бумажноденежных эмиссий.

Стабильность кредитных билетов оказалась недолгой в связи с увеличивавшимися из года в год их эмиссионными тиражами. Так, если в 1844 г. в обращении находилось 30.4 млн. бумажных рублей, а разменный металлическйи фонд составлял сумму в 35,9 млн. рублей, то в 1849 г. соответственно — 306,6 и 117,1 млн. рублей, в 1853 г. — 311,4 и 123,7 млн. рублей. Таким образом, меньше чем за десятилетие бумажноденежная масса возросла более чем в 10 раз, в то время как металлическая — менее чем в 3 раза.

Крымская война 1853—1856 гг. разрушила денежную систему, созданную этой реформой. К 1 января 1858 г. количество кредитных билетов в обращении достигло 735,9 млн.

---

[1] Таким образом, произошло возвращение к стопе, введенной в 1757 г. (в 1810 г. она заменена 10-рублевой стопой, которая в 1830 г. уступила место 36-рублевой).

[2] 1/4, 1/2, 1, 2 и 3 копейки, в обозначение номинала которых включено слово «серебро» («1/4 копейки серебром»... «3 копейки серебром»). Выпуск их прекращен с введением в 1849 г. для медноденежных эмиссий 32-рублевой стопы.

рублей. Наступил период широкого инфляционного бумажноденежного обращения.

60-е гг. XIX в. — 1917 г.

С 1860 г. резко возрастают эмиссионные тиражи разменных серебряных номиналов (5, 10, 15 и 20 копеек) при одновременном уменьшении их лигатурных масс и содержания чистого серебра (с 86,8 до 75 %).

В 1867 г. монетная система подвергается еще более серьезным трансформациям, нормы которых остаются действенными до конца монетного производства Российской империи:

— медноденежные эмиссии переведены с 32 на 50-рублевую стопу;

— вновь понижены лигатурные массы разменных серебряных номиналов и доля содержащегося в них серебра (с 75 до 50 %);

— изменены монетные типы.

Серебряное содержание номиналов в 25 копеек[1], полтинник[2] и рубль (соответственно 4,50, 9 и 18 г) не меняется, но в 1886 г., вследствие уменьшения лигатурных масс, повысилась их проба.

Удельный вес драгоценного металла в золотых монетах (3[3], 5 и 10[4] рублях), остающийся неизменным по 1885 г., с 1886 г. понижается (с 1,20 г до 1,16 г в 1 рубле).

Важнейший итог нововведений 1867 г. — включение в обращение неполноценных, кредитных по своей сути денежных единиц: вдвое облегченных медных номиналов и биллонных (вместо прежних серебряных) 5, 10, 15 и 20-копеечников.

Если серебряное содержание рублевой суммы, выраженной в разменной монете, в 1810—1812 гг. составляло 18 г, то с 1813 г. — 17,90 г, с 1860 г. — 15,30 г, с 1867 г. — 9 г (т. е. половину реальной стоимости полноценного рубля).

Продолжается выпуск мемориальных рублевиков: в 1883 г. — на коронацию Александра III, 1896 г. — на коронацию Николая II, 1898 г. — к открытию памятника Александру II в Москве, 1912 г. — к открытию памятника Александру III в Москве, 1912 г. — к 100-летию Отечественной войны 1812 г., 1913 г. — к 300-летию царствования дома Романовых, 1914 г. — к 200-летию победы российского флота над шведским в сражении у мыса Гангут.

---

[1] Чеканка — с 1827 г. (до этого, по 1810 г., выпускались под названием «полуполтинник»).

[2] С 1886 г. — 50 копеек.

[3] Выпускались в 1869—1885 гг.

[4] Чеканка 5- и 10-рублевиков, прерванная в 1806 г., возобновилась соответственно в 1817 и 1886 гг.

С 1876 г. единственным центром монетного производства в стране становится Петербургский двор[1] (если не считать Гельсингфорский монетный двор, выпускавший в меди, серебре и золоте региональные монеты для «Великого княжества» Финляндии).

Время от времени правительство прибегает к заказам на чеканку российской монеты за рубежом — во Франции, Бельгии, Англии, Японии. Париж в 1861 г. выпускает 10, 15 и 20 копеек, в 1896 г.— 25 копеек, в 1896, 1897 и 1899 гг.— 50 копеек, в 1896 и 1898 гг.— рубль, в 1896 и 1908 гг.— донативные 25 рублей (в золоте), в 1902 г.— донативные 37 рублей 50 копеек / 100 франков (в золоте); Страсбург в 1861 г. чеканит 10, 15 и 20 копеек; Брюссель в 1897—1899 гг.— рубль; Бирмингем (частный монетный двор фирмы «Ралф Хитен и сыновья») в 1896—1898 гг.— медные 1/4, 1/2, 1, 2 и 3 копейки; Осака в 1916 г.— 10 и 15 копеек. В 1899—1901 гг. завод Розенкранца (Петербург) выполняет заказ на выпуск 1/4, 1/2, 1, 2 и 3 копеек.

Тайное Петербургское производство «известной монеты» прерывается в год своего 100-летнего «юбилея» — после неприятного дипломатического инцидента, случившегося 24 августа 1868 г. В этот день голландский посланник при российском дворе барон Геверс вручил министру иностранных дел А. М. Горчакову ноту: «...Неоднократно в Нидерландах пускались в обращение дукаты, чеканенные не в Голландии — по-видимому, русского происхождения. Королевское правительство желало бы быть осведомленным, изготовляются ли в России такого рода дукаты?»

23 ноября этого же года министр финансов М. Х. Рейтерн докладывает Государственному Совету: «С давних пор на С.-Петербургском монетном дворе чеканятся золотые червонцы 94 пробы ценностью в 2 рубля 93 1/3 копейки, по весу и наружному виду вполне схожие с голландскими, причем в делах Министерства не найдено следов начала этого странного обычая... Принимая во внимание, что приготовление в России этой монеты, обратившее на себя внимание нидерландского правительства, находится в противоречии с основными началами международного права и что монета эта утратила свое международное значение, министр финансов полагает приостановить дальнейшую чеканку этой монеты, носившей официальное название «известной».

Эмиссия «голландских» дукатов прекращается. 77 657 их экземпляров, не успевших уйти за стены монетного двора, перечеканены в трехрублевики.

В 1895—1897 гг. министром финансов С. Ю. Витте осуществлена новая денежная реформа.

---

[1] После переименования Санкт-Петербурга в Петроград (август 1914 г.) с продукции его монетного двора исчезло обозначение места чеканки (СПБ).

Законом от 8 мая 1895 г. стоимость империала (золотого 10-рублевика) определена в 15 рублей кредитными билетами, полуимпериала — в 7 рублей 50 копеек.

24 мая 1895 г. Государственному банку и его подразделениям предоставлено право размена кредитных билетов на золотую монету по курсу, установленному 8 мая.

3 января 1897 г. опубликован закон «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет», приведший в соответствие обозначение номинальной стоимости золотых монет с их курсом в кредитных купюрах: «...чеканить таковую (золотую монету.— *В. Р.*) с означением на империалах цены 15 рублей и на полуимпериалах цены 7 рублей 50 копеек...» Следовательно, золотое содержание рубля было понижено на 1/3: если империал в 1896 г. содержал 11,61 г чистого золота, то с 1897 г.— лишь 7,74 г. Вследствие этого империалы и полуимпериалы прежних лет стали равноценны выпущенным (только в 1897 г.) номиналам в 15 рублей и 7 рублей 50 копеек; с 1897 по 1911 г. эмитировались 10 и 5-рублевики, паритетные соответственно 2/3 и 1/3 нового империала.

Об интенсивности этой чеканки свидетельствуют следующие цифры: если к 1 января 1897 г. золото в обращении было представлено суммой в 36 млн. рублей, то к концу 1899 г.— 451,4 млн.

Итак, финансы Российской империи перешли на золотой монометаллизм: основой государственной денежной системы стал золотой рубль (в качестве счетно-денежной — не монетной! — единицы), соответствующий стоимости 0,77 г чистого золота.

29 августа 1897 г. принят закон о выпуске кредитных билетов нового образца и свободном их размене на золото. Указом от 27 марта 1898 г. серебряному рублю придано значение лишь разменной монеты.

С конца XIX в. особенно массовый характер приобретает приток в Россию иностранных капиталов, резко возрастают ее внешние долги, вновь начинают проявляться признаки приближения очередного кризиса государственных финансов. Лишь крупные заграничные займы дали правительству возможность справиться с расходами в войне 1904—1905 гг. с Японией и с революцией 1905—1907 гг.

Первая мировая война привела к краху золотого монометаллизма и полному развалу финансов России. 27 июля 1914 г.— за четыре дня до начала военных действий против Германии и ее союзников — объявлено о прекращении размена банками бумажных денег на золото. Мера эта оказалась запоздалой: к 1 января 1917 г. из обращения изъято лишь 50 млн. золотых рублей, в то время как население припрятало 436 млн.; помимо этого, около 452 млн. рублей в золоте оказалось за границей. Сходная судьба постигла медную, биллонную и полноценную серебряную монеты: «кубышки» поглотили первой на 23, второй — на 172 и третьей — на 114 млн. рублей.

Если 1 июля 1914 г. общая сумма обращавшихся в стране металлических денег составляла 705,4 млн. рублей, то к 1 января 1917 г. она уменьшилась до 54 млн.

Прекращается чеканка монет: в 1914 г. выпущен последний 50-копеечник, в 1915 — биллонный 5-копеечник и стандартный рубль, в 1916 г.— медные 1/4, 1/2, 1, 2, 3 и 5 копеек, в начале 1917 г.— биллонные 10, 15 и 20 копеек.

Рубль 1915 г. можно, в принципе, отнести к категории донативно-мемориальных монет: отчеканенный по заказу Военного ведомства мизерным (всего 600 штук!) тиражом, он предназначался не для обращения, а для раздачи в качестве памятного подарка нижним чинам двух воинских подразделений, отмечавших свой столетний юбилей (размещавшейся в Одессе 15-й артиллерийской бригады и 1-й роты Новогеоргиевской крепости). Сувениры эти до юбиляров так и не дошли: остались на монетном дворе[1].

В этом же году выбиты 300 экземпляров-новоделов «гангутских» мемориальных рублевиков 1914 г., первоначальный тираж которых (30 000 экз.) так же, как и рубли 1915 г., не покинул Монетный двор (за исключением 135—150 штук, розданных высокопоставленным коллекционерам в год выпуска)[2].

Таким образом, рынки фактически лишаются не только полноценных, но и особенно необходимых для наиболее массовых сделок купли-продажи разменных монет. Правительство вынуждено пойти на выпуск бумажных суррогатов мелких достоинств.

На западных территориях империи, оккупированных германской армией, довольно широкое распространение получают отчеканенные в Берлине и Гамбурге монетовидные железные боны в 1, 2 и 3 копейки. На аверсе их — строчная легенда GEBIET DES OBERBEFEHLSHABERS OST (Ведомство Верховного главнокомандующего Востока) и знак Монетного двора, на реверсе — обозначение номинала (по-русски) на фоне креста и дата «1916».

В соответствии с постановлением Совета Министров от 25 сентября 1915 г., «ввиду стеснения населения от возрастающей недостачи разменной серебряной и медной монеты и невозможности для Монетного двора немедленно изготовить ее в достаточном количестве», начата эмиссия почтовых марок с исполь-

[1] В 1927 г. при Деткомиссии ВЦИК создана Советская филателистическая ассоциация (СФА), занявшаяся торговлей предметами филателии, бонистики и нумизматики. Она выпустила на антикварный рынок не только весь тираж рублевика 1915 г., но и изготовленную по ее инициативе новодельную партию этой монеты, не отличимую от подлинной.

[2] В начале 1920-х гг. эти монеты использованы как сырье для советской чеканки; несколько позже СФА организовала выпуск некоторого количества их новодельных экземпляров.

Рис. 34. **Разменные денежные знаки — марки юбилейной серии 1913 г.**

зованием клише части серии, выпущенной в 1913 г. к 300-летию царствования дома Романовых. Эти деньги печатались на полукартоне; на оборотных их сторонах — изображение двуглавого российского орла и надписи «Имеет хождение наравне с медной монетой» (у номинала в 1 копейку — с портретом Петра I, 2 копейки — с портретом Александра II,[1] 3 копейки — с портретом Александра III) или «Имеет хождение наравне с разменной серебряной монетой» (у номиналов в 10 копеек — с портретом Николая II, 15 копеек — с портретом Николая I, 20 копеек — с портретом Александра I).

1, 2 и 3-копеечные марки выпускались только в ноябре 1915 г.; 10, 15 и 20-копеечные — с октября 1915 г. по февраль 1917 г. Общий их тираж составил сумму в 111,73 млн. рублей.

По решению Совета Министров от 6 декабря 1915 г. с декабря этого же года по февраль 1917 г. проводятся эмиссии казначейских разменных знаков достоинством в 1, 2, 3, 5 и 50 копеек (3-копеечные номиналы не печатались в декабре 1915 г. и в июне 1916 г.). К концу февраля 1917 г. они «покрыли» сумму в 67,7 млн. рублей.

Стремительно растут тиражи государственных кредитных билетов в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 и 500 рублей: 1 млрд. 281,9 млн. рублей, представленных ими в рыночном обращении к концу 1914 г., в 1915 г. пополнились 2 млрд. 670,2 млн., в 1916 г.— 3 млрд. 480,6 млн., в январе—феврале 1917 г.— 750 млн. рублей.

В феврале 1917 г. бумажноденежная масса в обращении перевалила за 10 млрд. 41 млн. рублей, обусловив невиданную инфляцию. Если к середине 1916 г. покупательная способность рубля упала до 42 копеек, то в феврале 1917 г.— до 27 копеек.

23 февраля (8 марта по новому стилю) 1917 г. буржуазно-демократическая революция покончила с монархией. Возглавившее страну Временное правительство заявило о неизменности союзнических обязательств России и продолжении ею войны «до полной победы».

Пытаясь устранить бюджетный дефицит, новая власть прибегла к дальнейшему расширению масштабов бумажноденежного производства, лишенного золотого и товарного обеспечения. В ход пущены клише эмиссий свергнутой монархии. В течение марта—октября «романовских» («николаевских») государственных кредитных билетов отпечатано на 6 млрд. 302 млн., казначейских разменных знаков — на 38,9 млн., марок (1, 2 и 3-копеечные номиналы выпускались только в октябре) — на 96,2 млн. рублей.

[1] На лицевой стороне части тиража номиналов в 1 и 2 копейки — выполненные черной типографской краской крупные, дублирующие обозначение достоинства, надпечатки в виде цифр «1» и «2».

На обороте этих марок, в отличие от их прежних образцов, отсутствует изображение двуглавого орла Российской империи (на его месте — цифирное обозначение номинала).

27 марта Временное правительство объявило о выпуске долгосрочного (на 49 лет) внутреннего «Займа свободы». Широко пропагандировавшаяся кампания по подписке на него успеха не имела. В сентябре облигации этого займа, наряду с некоторыми другими видами ценных государственных бумаг, были узаконены в качестве денежных знаков.

Временное правительство эмитировало и новые образцы денег. Во исполнение его указа от 26 апреля отпечатаны государственные кредитные билеты достоинством в 250 (сентябрь—октябрь) и 1000 (июнь—октябрь) рублей. Их внешнее оформление приведено в соответствие с идеями и эмблематикой демократической России: двуглавый орел лишен монархических регалий (корон, скипетра, державы), появилось изображение местопребывания Государственной думы (Таврического дворца в Петрограде) и свастики[1]. Общая сумма этих «думских» билетов, выпущенных в обращение, составила 2 млрд. 187,3 млн. рублей.

В соответствии с указом от 22 августа в сентябре—октябре выпущены казначейские знаки номиналами в 20 и 40 рублей на сумму в 798,6 млн. рублей. Небольшие (чуть крупнее этикетки спичечного коробка), выполненные на крайне низком полиграфическом уровне, они не имеют обязательных атрибутов полноценных бумажных билетов — факсимильных подписей должностных лиц Министерства финансов, даты эмиссии, номеров. Бесспорная очевидность того, что эти убогие имитации денег обречены на непопулярность, вызвала появление в 158-м номере «Вестника Временного правительства» следующего официального заявления: «...новые деньги имеют совершенно такую же силу, как и прежние, к которым все привыкли. Министерство финансов приглашает не верить тем злонамеренным людям, которые, пробравшись к нам из неприятельских стран и стараясь всячески запугать народ, ввести его в заблуждение и смущать его покой, будут стремиться вселить недоверие к новым денежным знакам».

Как и следовало ожидать, эта декларация не возымела успеха: 20- и 40-рублевые знаки, к которым поначалу «прилипло» безобидное прозвище «керенки» (по фамилии главы правительства А. Ф. Керенского), вскоре получили в народе и второе, уничижительное название — «от кваса ярлыки».

Итак, сумма в 10 млрд. 41 млн. рублей бумажных денег, курсировавшая в рыночном обороте к моменту свершения Февраль-

[1] Свастика — солярный знак, издревле обозначавший жизненное благополучие во всех его проявлениях; в один из самых зловещих в истории человечества символов превращена избравшим ее своей эмблемой германским фашизмом.

ской революции, возросла за 8 месяцев существования Временного правительства почти вдвое — до 19 млрд. 463,9 млн. рублей (без учета находившихся в обращении облигации «Займа свободы» и других бумаг). Неудержимо набирал силу подъем цен: если в марте его темпы опережали рост денежных эмиссий в два, то в июне — уже в четыре раза и т. д.

Государственный долг России, составлявший к началу войны 9 млн. золотых рублей, к октябрю возрос до 36 млрд. 200 млн.; за это же время золотой запас страны с 1 млрд. 528 млн. золотых рублей уменьшился до 1 млрд. 260 млн. рублей.

Превосходной иллюстрацией к плачевности состояния государственных финансов может служить хранящееся в Нацинальном архиве Республики Беларусь дело о попытке администрации Минска добиться от правительства денежного вспомоществования.

18 июля 1917 г. член Городской управы В. Ф. Цывинский направил в Петроград письмо: «Господину Министру финансов прошение. Имею честь покорнейше просить не отказать в выдаче пособия городу в 500 000 рублей и ссуды в 1 миллион рублей в возмещение понесенных городом на нужды войны расходов в сумме около 3 миллионов рублей, так как город исчерпал уже все средства и находится в абсолютно безвыходном положении, а между тем в нем на 50 000 оставшегося после эвакуации населения размещено до 150 000 людей разных штабов, канцелярий, лазаретов и казарм Западного фронта и нескольких армий, и все бремя этого ложится на город».

На совещании, проведенном в министерстве 22 июля, «...выяснилась безотрадная картина финансового положения Минска, однако товарищ (заместитель.— *В. Р.*) Министра финансов указал на 1). Полное отсутствие средств в казне, 2). На полное исчерпание военного фонда.., 3). На то, что Экспедиция заготовления бумаг не успевает печатать бумаг, 4). На то, что если придется дать Минску, то придется давать и другим городам...»

В октябре 1917 г. реальная стоимость рубля упала до 6—7 копеек.

В университетской библиотеке Осло (Норвегия) хранится ныне дневник анонимного автора-петроградца, 20 октября 1917 г. записавшего «замечание одного простого вагоновожатого про обесценивание денег: «Скоро придется кредитки носить в корзине, а провизию в портмоне».

СОВЕТСКАЯ ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА

Октябрьская революция 1917 г.
Денежное обращение на территории Беларуси в 1917—1922 гг.

Бумажноденежные и монетные эмиссии РСФСР. Образование СССР

Денежная реформа 1922—1924 гг.
Первые монеты и бумажные купюры СССР

Свободно конвертируемая советская валюта — бумажный червонец

Отказ СССР от выпуска монет в меди и серебре,
переход на чеканку в бронзе и никеле.
Новые виды советских бумажных денег конца 1920—1930-х гг.

Установление валютного исчисления рубля на основе французского франка и последующий его перевод на долларовую основу

Монетные и бумажноденежные эмиссии
в годы Великой Отечественной войны

Денежная реформа 1947 г.

Новые виды бумажных купюр.

Переход рубля на золотое исчисление. Денежная реформа 1961 г.

Изменение типов монет и бумажных денег

Распад СССР

Расчетные денежные знаки
Национального банка Республики Беларусь

ГЛАВА X

25 октября (7 ноября н. ст.) 1917 г. Октябрьская революция свергла Временное правительство. В этот же день II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов объявил о создании Российской Советской Республики[1], избрал ее высшие органы власти — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) и Совет Народных комиссаров (СНК).

Уже 30 октября (12 ноября) СНК принимает «Постановление об открытии банков», предписывающее директорам и правлениям банков немедленно возобновить работу. Завершающий раздел этого документа пояснял, что «все слухи, распространяемые буржуазией о конфискации капиталов, ложны. Ничего, кроме мер, обеспечивающих интересы вкладчиков путем строжайшего учета и контроля над деятельностью банков, не предполагается».

Банки дружно саботировали это постановление. В ответ на это 16 (29) ноября отряды красногвардейцев заняли Государственный банк, а 14 (27) декабря — частные коммерческие банки.

14 (27) декабря ВЦИК принимает «Декрет о национализации банков»:

«...1. Банковое дело объявляется государственной монополией.

2. Все ныне существующие частные акционерные банки объединяются с Государственным банком.

3. Активы и пассивы ликвидируемых предприятий перенимаются Государственным банком.

4. Временное управление делами частных банков передается совету Государственного банка.

Интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены».

Одновременно ВЦИК утвердил «Декрет о ревизии стальных ящиков в банках», предусматривающий достижение двоякой

---

[1] III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший 10—18 (23—31) января 1918 г., принял решение о переименовании Российской Советской Республики в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (РСФСР).

цели: во-первых, конфискацию хранящихся в сейфах монетных и слитковых золота и серебра; во-вторых, перевод этих ценностей на счета ставшего единственным Государственного банка.

В январе 1918 г. на основе слияния частных банков с Государственным создан Народный банк РСФСР.

11 (24) января 1918 г. В. И. Ленин заявил: «Мы поступили попросту: не боясь вызвать нареканий «образованных» людей или, вернее необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания, мы сказали:— у нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки... И после того, как они это сделают, когда уже власть будет в наших руках, лишь после этого мы обсудим, какие нам принять меры. И утром банки были заняты, а вечером ЦИК вынес постановление: «банки объявляются национальной собственностью»,— произошло огосударствление, обобществление банкового дела, передача его в руки Советской власти».

Овладев Государственным банком, Советская власть получила в свое распоряжение менее половины золотого фонда Временного правительства — 600 млн. рублей из 1 млрд. 260 млн.

Половина этого запаса хранилась в Москве, половина — в Казани; казанское хранение оказалось недоступным для реквизиции.

Весной 1918 г. «денежный голод», вызванный невиданным ростом товарных цен, вынуждает СНК к принятию решения о допуске в обращение облигаций и купонов «Займа свободы» 1917 г., около ста разновидностей купонов различных государственных ценных бумаг царского и Временного правительств. Эти денежные суррогаты оказались не в состоянии спасти положение.

Всеобщая хозяйственная разруха, ограниченность золотого запаса и фактическое отсутствие резервного товарного фонда оставляют перед новой властью только один выход — возобновление массовых бумажноденежных эмиссий на основе клише монархической и буржуазной России.

За ноябрь 1917 г.— декабрь 1918 г. это производство «освоило» сумму в 42 млрд. 754,9 млн. рублей (кредитные билеты и казначейские разменные знаки царского правительства — на 7 млрд. 673 млн.; Государственные кредитные билеты [«думские»], казначейские разменные знаки [«керенки»] и почтовые разменные марки [юбилейной серии 1913 г.] Временного правительства — на 35 млрд. 81,9 млн. рублей).

К 1 декабря 1918 г. общая сумма находящихся в обращении бумажных денег составила 57 млрд. 370,6 млн. рублей (всего лишь годом ранее — 1 декабря 1917 г. — она была представлена 26 млрд. 295 млн. рублей).

Не остались в бездействии и монетные штемпели дореволюционной России. Из хранящихся в Центральном историческом архиве России в Санкт-Петербурге «Сведений об изготовлении монеты за 1918 г.» явствует, что в феврале они были использованы для чеканки полных серий серебряных, биллонных и медных номиналов на общую сумму в 135 млн. 241,746 рублей:

Монеты, отчеканенные в 1918 г.

Металлы (номиналы)	Сумма (в рублях)
Серебро	
Рубль	2 060 496
50 коп.	4 110 000
Биллон	
20 коп.	59 534 000
15 коп.	32 548 000
10 коп.	28 208 000
5 коп.	425 000
Медь	
5 коп.	475 000
3 коп.	2 345 000
2 коп.	2 605 000
1 коп.	2 420 000
1/2 коп.	507 000
1/4 коп.	4250

В «Сведениях...» отсутствуют данные о датах использованных штемпелей. Учитывая, однако, что последние выпуски полных комплектов серебряных и биллонных монет были проведены в 1914 г., а медных — в 1916 г., следует полагать, что в дело были запущены штемпели именно этих лет.

Вскоре Народный комиссариат финансов (Наркомфин) предложил приступить к чеканке монет номиналами в 1, 2, 3 и 5 рублей, но для Петроградского монетного двора эта задача оказалась непосильной.

Со второй половины 1918 г. Советское правительство переходит к политике военного коммунизма — штурмовым методам политической и экономической борьбы за становление нового общественного строя.

Декретом СНК от 5 августа введен обязательный товарообмен в сельских местностях, 30 октября крестьянство обложено натуральным налогом, 21 ноября объявлено о конфискации частных оптовых торговых складов и национализации торговых фирм.

Начинает осуществляться продовольственная разверстка — вначале в «производящих» (Тульской, Калужской, Витебской и др.) губерниях а с 11 января 1919 г. — повсеместно. Крестьянина обязывают сдавать государству «излишки» продуктов, оставляя для себя только прожиточный их минимум и посевной фонд, по твердо установленным ценам. В условиях галопиру-

ющей инфляции эта повинность превратилась по сути в безвозмездное изъятие властями сельскохозяйственной продукции у производителей. Поначалу разверстка распространялась лишь на хлеб и хлебофураж, но в заготовительную кампанию 1919—1920 гг. она перешла также на картофель и мясо, а с конца 1920 г. — практически на все виды продовольствия.

Если летом 1918 г. были национализированы лишь крупнейшие фабрики и заводы, то с осени 1920 г. — не только средние, но и мелкие.

Запрещена частная торговля продовольственными и промышленными товарами; организовано распределение продуктов по карточной системе, основанной на классовом принципе: рабочие обеспечиваются лучше, чем другие категории населения, а «нетрудящиеся» (не связанные с материальным производством) снабжаются лишь при условии выполнения обязательной трудовой повинности; бесплатными становятся коммунальные услуги, транспортный проезд, общественные бани, почта, телеграф, телефон и т. д.

Заработная плата трансформируется в натуральный паек. Единственным местом для приобретения необходимых товаров становится «вольный» рынок, бурно расширяющийся вопреки официальному его запрету. Именно поэтому государство вынуждено «разнообразить» пайковое жалованье денежными суммами, но они не в состоянии угнаться за спекулятивными ценами.

Натурализация рыночных отношений достигает уровня, роднящего их с глубокой древностью — «Безмонетным периодом». Функции денег начинают выполнять отдельные, пользующиеся наибольшим спросом виды товаров (хлеб, соль, мыло, спички и т. д.). Все более распространенной формой сделок купли-продажи становится непосредственный обмен одного товара на другой[1].

Резкое сужение сферы действия денег создает благоприятную почву для роста иллюзий об их неизбежном отмирании, о реальной возможности прямого перехода к коммунистическому производству и распределению жизненных благ.

17 декабря 1920 г. «Правда» публикует статью: «...Испокон веков обыватель привык к мысли о деньгах как о само собой разумеющемся устое жизненных отношений, данном чуть ли не самой природой. Еще на страницах библии не раз упоминается знаменитый золотой телец, по сию пору воспеваемый Шаляпиным в опере... И вот тысячелетние устои товарного строя рушатся, как карточные домики, после первых же лет усилий победившего пролетариата... Наши дети, выросши, будут знакомы с деньгами только по цветным картинкам в учебниках истории».

[1] А. Н. Толстой в романе «Хождение по мукам» описывает рынок Гуляй-Поля — «столицы» Н. И. Махно: «...На базаре шла преимущественно меновая торговля, чистейшее варварство, где стоимость определялась одной потребностью: за две иголки давали поросенка и еще чего-нибудь впридачу, а уж за суконные штаны без заплат продавец пил кровь у покупателя...»

В сложившейся ситуации финансово-эмиссионные органы страны оказываются в положении никому ненужных учреждений. 19 января 1920 г. упраздняется Народный банк.

Несмотря на многочисленные декларации, подобные правдинской, государство оказывается не в состоянии преступить неподвластные ему законы экономики: денежное производство как важнейший источник доходов и покрытия бюджетного дефицита остается жизненно необходимым.

Правительство не только не прекращает эмиссионную деятельность, а, напротив, отказывается от каких бы то ни было ее ограничений: еще 17 мая 1919 г. бумажные купюры решено тиражировать «в пределах действительной необходимости народного хозяйства в денежных знаках».

С января 1919 г. по декабрь 1921 г. эмитировано 45 млрд. 173,7 млн. рублей дореволюционных образцов: по клише царской России — кредитных билетов и казначейских разменных знаков (последние выпускались только в январе — июне 1919 г.) на 6 млрд. 453,5 млн. рублей; по клише Временного правительства — кредитных билетов («думских»), казначейских разменных знаков («керенок»; с января 1921 г. выпускались только в 40-рублевом номинале) и почтовых марок юбилейной серии 1913 г. (выпускались только в январе—июне 1919 г.) на 38 млрд. 720,2 млн. рублей.

Начинаются эмиссии денег новых, советских образцов. С марта 1919 г. на основании декрета СНК от 4 февраля печатаются недатированные купюры в 1, 2 и 3 рубля, имеющие на себе надписи «Расчетный знак Р.С.Ф.С.Р.», герб РСФСР и лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Эти одноразмерные (34 × 43 мм) знаки выпускались неразрезанными листами по 25 штук.

Декретом от 21 октября 1919 г. введены расчетные знаки достоинством в 15, 30 и 60 рублей. В отличие от номиналов в 1, 2 и 3 рубля, они имеют номера, факсимильные подписи Главного комиссара и кассира Народного банка, надпись «Обеспечивается всем достоянием республики».

Эти купюры стали первой регулярной денежной эмиссией Советского государства. Второй с полным правом может быть названа эмиссия, открывшаяся в мае 1919 г.

Декрет СНК от 15 мая гласил: «...В целях постепенной замены имеющихся в обращении кредитных билетов ныне существующего образца (царского и Временного правительств.— *В. Р.*), как совершенно не соответствующего по своей форме началам нового государственного строя России, а также извлечения из оборота разного рода денежных суррогатов... Совет Народных Комиссаров постановляет выпустить в обращение кредитные билеты ***нового образца***

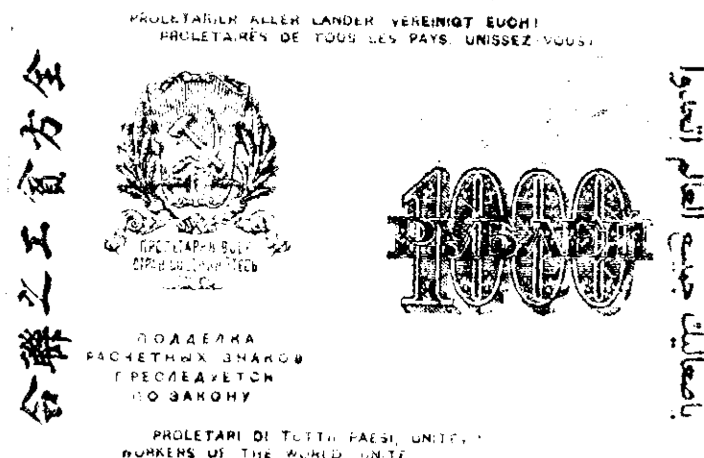

Рис. 35. **РСФСР. 1000 рублей — расчетный знак образца 1919 г.** (уменьш.)

1918 года (выделено мною — *В. Р.*)...» достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 и 250 рублей.

Почему же этот «новый» вид денег должен был быть помеченным 1918 годом? Ведь сама собой «напрашивается» соответствующая майскому декрету дата — «1919»!

Дело объясняется достаточно просто. Стране безотлагательно требовались огромные денежные суммы: гражданская война и иностранная интервенция выдвинули на первый план активную оборону, которую практически нечем было субсидировать (продолжавшиеся эмиссии денег по клише монархической и буржуазной России не покрывали всех потребностей республики, а выпускавшиеся с марта 1919 г. советские мелкокупюрные расчетные знаки имели более политическое, чем экономическое значение). В этих условиях было решено использовать клише, заготовленные «впрок» (с датой «1918») Временным правительством. Основной их внешний реквизит (декоронованный двуглавый орел без скипетра и державы, олицетворяющий демократическую Россию) не противоречил провозглашенным Советской властью «началам нового государственного строя».

Использование готовых клише позволило в фантастически короткий (всего две недели!) срок организовать не только печатание, но и выпуск к концу мая в обращение кредитных билетов на 6 млрд. 726,9 млн. рублей.

Во исполнение декрета от 21 декабря 1919 г. в этом же месяце начат выпуск высших номиналов серии кредитных билетов образца 1918 г. — 5000 и 10 000 рублей, поступивших в обращение в январе 1920 г. Характерная особенность этих билетов — изображение на них, помимо двуглавого орла, свастики.

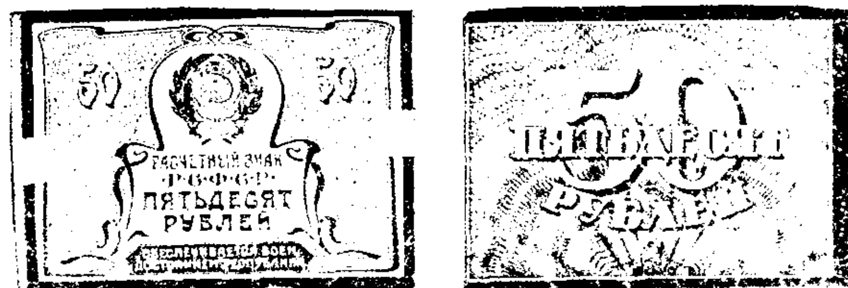

Рис. 36. **РСФСР. 50 рублей — расчетный знак 1920 г.** (уменьш.)

Кредитные билеты образца 1918 г. — своеобразный переходный вид советских денежных знаков, воспринявших атрибутику демократической России, но не обретших еще специфически советской символики. Лишь две внешние детали определяют их принадлежность к Советскому государству: дата «1918» и факсимильные подписи представителей Народного банка РСФСР — управляющего[1] (Главного комиссара) Г. Пятакова и кассира вместо подписей финансовых чиновников Временного правительства.

К 1 декабря 1919 г. в обращении находилось 192 млрд. 452,3 млн. бумажных рублей.

В соответствии с декретом от 4 марта 1920 г. семейство расчетных знаков образца 1919 г. пополнилось крупными номиналами — 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 рублей. Элементы их внешнего оформления те же, что и у купюр в 15—60 рублей (лишь первая факсимильная подпись выполнена от имени Народного комиссара финансов).

Декретом от 26 ноября 1920 г. объявлено о выпуске в обращение расчетных знаков нового упрощенного образца (без подписей, номеров и даты) достоинством в 1, 3, 5, 10, 25 и 50 рублей[2].

К 1 декабря 1920 г. на рынках находилось 995 млрд. 636,6 млн. рублей.

Всеобщее недовольство продолжавшейся политикой военного коммунизма вылилось в ряд антисоветских восстаний («Антоновщину», «Махновщину», Кронштадтский «мятеж» и др.).

---

[1] Клише сохранило прежнее название этой должности, Народному Банку РСФСР не присущей.

[2] Номиналы в 1, 10 и 25 рублей выпущены не были.

Рис. 37. **РСФСР. 100 000 рублей — расчетный знак 1921 г.** (уменьш.)

X съезд Российской Коммунистической партии (большевиков) [РКП(б)], проходивший 8—12 марта 1921 г., вынужден провозгласить переход на Новую экономическую политику (НЭП).

НЭП, в целом завершившаяся к концу года, выразилась в замене продовольственной разверстки фиксированным продовольственным налогом, в допущении аренды земли и наемного труда, в частичной денационализации мелкой промышленности, в разрешении производственной, торговой и предпринимательской деятельности, в пооощрении кустарно-ремесленного производства, потребительских, кредитных и сбытовых кооперативов, в использовании отдельных форм государственного капитализма в виде концессий с участием иностранных капиталов, в смене натуральной оплаты труда денежной и, наконец, в основательной перестройке финансовой системы.

Уже в апреле 1921 г. Комиссия денежного обращения при Институте экономических исследований Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) заявила о необходимости введения твердой, «привязанной» к золоту бумажноденежной единицы (предлагались различные ее названия — «федерал», «целковый», «гривна», «червонец»). Претворение этой идеи в жизнь требовало огромных средств, поэтому ее осуществление было отложено на будущее.

По декрету от 16 июня 1921 г. эмитированы расчетные знаки в 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 рублей с датой «1921». Оформление номиналов от 100 от 1000 рублей упрощено (они — односторонние, лишены номеров, подписей, лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»); купюры в 5000 и 10 000 рублей — усложненного рисунка (номерные, с подписями, лозунгом) и предупреждением «Подделка расчетных знаков преследуется по закону».

Декрет от 30 июля 1921 г. оповестил о выпуске высших номиналов расчетных знаков — 25 000, 50 000 и 100 000 рублей. Основные детали внешнего оформления те же, что и у купюр в 5000 и 10 000 рублей образца этого же года.

Итак, к середине 1921 г. расчетные знаки РСФСР (в быту, а затем и в официальной документации именовались «совзнаками») были представлены набором номиналов от 1 до 100 000 рублей.

В марте 1921 г. Наркомфин заявил о необходимости незамедлительно наладить производство серебряных монет РСФСР. В апреле проектные рисунки этих монет одобрены Президиумом ВЦИК.

29 апреля 1921 г. Совет Труда и Обороны (СТО) республики издал постановление об открытии Петроградского монетного двора (Медально-аффинажного завода), входившего в систему Горного Совета ВСНХ. Вскоре Петроградский двор перешел в ведение Валютного управления Наркомфина.

Чеканка начата 29 августа выпуском биллонных 20 копеек, серебряных 50 копеек и 1 рубля; с 1 октября этот набор номиналов пополнился биллонными 10 копейками и 15 копейками. На аверсных их сторонах — герб РСФСР, окруженный лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Все эти монеты выдержаны в качественно-метрологических нормах соответствующих номиналов царской России; в обращение они не выпускались в связи с необходимостью создания запаса, достаточного для полного удовлетворения рыночных потребностей.

Декретом СНК от 15 сентября 1921 г. объявлено о выпуске срочных беспроцентных «Обязательств Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» достоинством в 1, 5 и 10 млн. рублей. Они получили право на «повсеместное хождение в РСФСР в течение 1921 и 1922 гг. наравне с существующими в стране кредитными билетами и расчетными знаками республики». Это были односторонние купюры, одна

из надписей которых гласила: «Настоящее обязательство подлежит обмену на расчетные знаки вне всякой очереди».

Огромный размах денежного производства потребовал воссоздания общегосударственного эмиссионного центра.

4 октября 1921 г. ВЦИК принимает решение об учреждении в составе Наркомфина Государственного банка РСФСР.

Рубль как платежная единица к этому времени окончательно превратился в нулевую величину. Стало совершенно очевидным, что дальнейший рост эмиссионных тиражей неизбежно завершится полным крахом государственных финансов.

Поиски выхода из этого критического положения привели к решению об осуществлении деноминации[1] посредством выпуска новых видов бумажных денег.

3 ноября обнародован декрет Совнаркома:

«1. Новые денежные знаки выпускаются под названием «Государственные денежные знаки РСФСР образца 1922 года»[2].

2. Рубль государственного денежного знака приравнивается к 10-ти тысячам рублям кредитных билетов и расчетных знаков всех прежних выпусков, а также обязательств, имеющих хождение наравне с ними.

3. Новые знаки выпускаются достоинством в 50 коп., 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 рублей[3].

4. Государственные денежные знаки образца 1922 г. имеют повсеместное в РСФСР хождение наряду с существующими кредитными билетами и расчетными знаками...»

К 1 декабря 1921 г. общая сумма обращавшихся бумажных денег достигла 9 триллионов[4] 3845 млрд. 194 млн. рублей.

В 1922 г. продолжается чеканка биллонных (10, 15 и 20 копеек) и серебряных (50 копеек и 1 рубль) монет, по-прежнему оседающих в запасниках Петроградского монетного двора.

В соответствии с декретом СНК от 19 апреля открыта эмиссия беспроцентных «Обязательств Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». По внешнему оформлению они сходны с обязательствами образца 1921 г., но имеют другие достоинства — 5000 и 10 000 рублей; следо-

[1] Деноминация (лат. denominatio переименование) — уменьшение номинальных обозначений денежных знаков нового образца с последующим их обменом на деньги старых образцов (обычно в пропорции — 1 : 10, 1 : 100 и т. д.) с целью изъятия из обращения обесценившейся массы денег.

[2] Приданные этим знакам новые («государственный денежный») эпитеты вместо прежнего («расчетный») должны были символизировать их повышенную стоимостную весомость, хотя они остались вне какого бы то ни было реального обеспечения.

[3] 50-копеечная купюра напечатана не была, но уже с декабря 1921 г. выпускались номиналы от 1 до 50 рублей (исключая 5 рублей).

[4] Триллион — тысяча миллиардов (миллион миллионов).

Рис. 38. **РСФСР. Один червонец 1922 г.** (уменьш.)

вательно, в переводе на денежные знаки, выпущенные до ноябрьской деноминации 1921 г., эти «Обязательства» обладали нарицательной стоимостью соответственно в 50 и 100 миллионов рублей.

Расширяется ассортимент государственных денежных знаков образца 1922 г.: при продолжении эмиссии номиналов, выпускавшихся с декабря 1921 г., в обращение включаются 100 рублей (с января), 5 рублей (с февраля), 1000 рублей (с апреля), 500 рублей (с мая) и 250 рублей (с ноября). По дополнительному декрету от 19 июня начат выпуск относящихся к этой же серии купюр в 5000 и 10 000 рублей.

Летом 1922 г. СНК возвращается к выдвинутой ВСНХ в апреле 1921 г. идее о выпуске твердой валюты. Декретом от 25 июля Госбанку предоставлено право на эмиссию банковских билетов. 11 октября это решение конкретизируется: билеты, нарицательная стоимость которых должна выражаться в паритетных золотому 10-рублевику царской России червонцах, подлежат размену на золото (1 червонец — на 1 золотник 78,24 доли [7,742 г] чистого золота); на 25 % они обеспечиваются серебром, золотом, платиной и иностранной валютой, на 75% — массой, легко реализуемых товаров, кратковременными векселями и другими государственными обязательствами. Предусмотрен выпуск купюр в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев (номиналы в 2 и 50 червонцев выпущены не были).

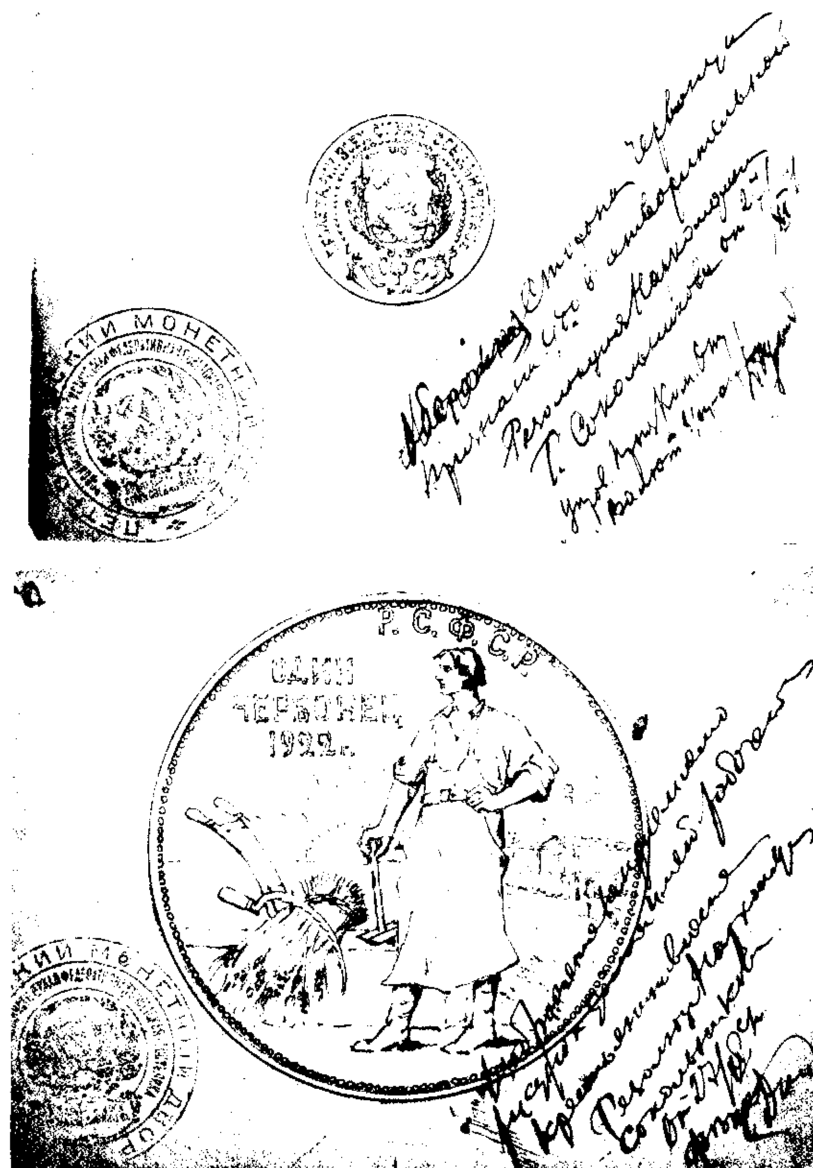

Рис. 39. **Проектные рисунки аверсной и реверсной сторон золотого червонца РСФСР с резолюциями Народного Комиссара Финансов Г. Я. Сокольникова от 27 ноября 1922 г.**

28 ноября Госбанк РСФСР определяет официальную котировку червонца в 11,4 тысячи рублей дензнаками образца 1922 г., т. е. в 114 млн. рублей в дензнаках образца 1921 г.

В конце ноября в обращение пущены купюры в 5 и 10 червонцев, в декабре — в 1 и 3 червонца с изображениями и надписями только на одной стороне.

Еще 11 августа 1922 г. валютное управление Наркомфина выступило с предложением о чеканке равноценного дореволюционному 10-рублевику золотого червонца, а 17 августа представило Совнаркому пять его проектных рисунков (с изображением крестьянина на фоне фабрик и заводов, рабочего у станка и т. п.).

26 октября Совнарком поручает Наркомфину организовать эту эмиссию. В ноябре Петроградский монетный двор подготовил еще четыре эскизных рисунка (по два аверсной и реверсной сторон). 27 ноября Наркомфин утвердил один из них — с гербом Российской Федерации, аббревиатурой «РСФСР» и лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на аверсе, изображением крестьянина, обозначением номинала («Один червонец») и датой («1923») на реверсе.

24 октября 1922 г. Совнарком РСФСР принял решение «О выпуске в обращение денежных знаков образца 1923 г.», после чего Наркомфин приступил к подготовке этой эмиссии.

По циркуляру Наркомфина от 7 декабря начато печатание государственных денежных знаков РСФСР образца 1922 г. нового вида — типа гербовых марок номиналами в 1, 3, 5, 10, 25 и 50 рублей. В обращение этого года они выпущены не были.

К 1 декабря 1922 г. в рыночном обороте находилась бумажноденежная масса общей номинальной стоимостью (в переводе на знаки образца 1922 г.) в 1 квадриллион[1] 479 триллионов 219 млрд. 306 млн. рублей. Относительно небольшую часть этой суммы (537 млрд. 763 млн. рублей) представляли купюры дореволюционного периода и кредитные билеты образца 1918 г.

Государственные кредитные билеты царской России в 1922 г. эмитированы только двумя номиналами (в феврале — 100 рублей; в январе — феврале, апреле и июле — 500 рублей) на общую сумму в 40,9 млн. рублей. В этом же году 18 млрд. 841,4 млн. рублей в купюрах этой серии (от 1 до 500 рублей) были изъяты из обращения, но 29 млрд. 489,9 млн. рублей остались в нем.

«Думские» и «керенки» в 1922 г. не выпускались. После изъятия из обращения 56 млрд. 309,2 млн. выраженных в них

[1] Квадриллион — тысяча триллионов (миллион миллиардов, миллиард миллионов)

рублей («думских» — 26 млрд. 377,9 млн., «керенок» — 29 млрд. 931,3 млн. рублей) в обращении осталось 75 млрд. 636,1 млн. рублей («думских» — 37 млрд. 439,7 млн., «керенок» — 38 млрд. 196,4 млн. рублей).

Государственные кредитные билеты образца 1918 г. были отпечатаны в феврале 1922 г. номиналами в 1000 и 10 000 рублей на общую сумму в 571,5 млн. рублей. В этом же году 339 млрд. 144,5 млн. рублей в купюрах этой серии (от 1 до 10 000 рублей) изъяты из обращения, но 432 млрд. 637 млн. удержались в нем.

Денежный фонд белорусского рынка 1917—1922 гг. основывается, как и прежде, на российских эмиссиях, что вполне закономерно: бывшие Западные губернии рухнувшей в 1917 г. империи вначале оказываются в составе буржуазной России, а затем формально суверенные по-существу становятся частью Советской России.

Уже 25 октября (7 ноября) 1917 г. Исполнительный Комитет Минского Совета рабочих и солдатских депутатов приказом № 1 «К населению гор. Минска и окрестностей» объявляет об установлении Советской власти.

26 ноября (9 декабря) Северо-Западный областной комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) формирует высший государственный орган на территории Виленской, Витебской, Могилевской и Минской губерний — Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзап).

15—17 (28—30) декабря в Минске проходит Всебелорусский Съезд представителей различных партий и организаций. Он высказывается за автономию Беларуси в составе России, заявляет о неправомочности Областного исполнительного комитета Советов и принимает резолюцию о создании нового высшего органа власти — Всебелорусского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) объявляет о роспуске Всебелорусского съезда. В ответ на это решение депутаты, уйдя в подполье, избирают из своей среды Раду (Совет) и ее Исполнительный комитет.

18 февраля 1918 г. немцы начинают наступление по всему фронту. Облискомзап покидает Минск. Что же касается Всебелорусского Съезда, то он 21 февраля публикует «Уставную грамоту»: «Где теперь власть, которая была здесь, неизвестно; мы стоим перед тем, что наша страна может быть занята немецкими войсками...

Мы должны взять свою судьбу в собственные руки. Белорусский народ должен осуществить свое право на полное самоопределение, а национальные меньшинства на национально-персональную автономию...

Исполнительный комитет Рады Первого Всебелорусского съезда объявляет себя временной властью на Беларуси для руководства и созыва, как можно скорее, Всебелорусского Учредительного Сойма (сейма.— *В. Р.*)...

Временную народную власть... будет осуществлять созданный нами Народный Секретариат Беларуси».

25 февраля Минск занят германской армией, о степени жесткости оккупационного режима которой свидетельствуют многочисленные документы Национального архива Республики Беларусь:

«...По предложению германских властей каждый обязан до 15 апреля письменно заявить о количестве запасов (продовольствия.— *В. Р.*), имеющихся у него...

Найденные незаявленные пищевые продукты будут реквизироваться без оплаты. За неисполнение этого постановления будет взиматься штраф до 20 000 марок; кроме того, виновные могут быть приговорены к тюремному заключению до 5 лет» (Сообщение городского головы Минска на заседании Думы 2 апреля).

«Всякие мужчины — здешние жители — должны кланяться немецким офицерам, сняв шапки; за неисполнение такого приказания виновные будут подвергнуты денежному штрафу или отосланы в обоз пленных» (Приказ немецкого коменданта — Старое Село, 10 апреля 1918 г.).

«1. Домашний скот, зерно, сено, солома и картофель могут продаваться только с разрешения офицера хозяйственной части.

2. Еженедельно с каждой курицы доставить по 2 яйца, которые собирают старосты деревень и отдают по воскресеньям в 3 часа дня при явке на совещание у хозяйственного офицера.

3. С каждой коровы доставляется к 9 часам утра 1,5 л молока в молочное заведение к казарме гор. Дисны...» (Объявление немецкого коменданта — г. Дисна, 28 сентября).

«...Беру город Минск и губернию... Все и всюду находится под контролем. Во всех правительственных и частных учреждениях господствуют, в большинстве случаев произвольно, немецкие представители... Немцам же все подотчетно. Все назначения, перемещения также санкционируются, и далеко не безболезненно, немцами...» (Доклад помощника Отдела беженцев Белорусскому национальному комиссариату — Минск, 29 сентября).

3 марта в Бресте РСФСР заключает с Германией и ее союзниками (Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией) договор, признающий правомерность пребывания немцев на занятых ими территориях.

Беларусь на эти переговоры приглашена не была. Тем не менее, ее делегация прибыла в Брест, но к заседаниям не допущена.

...Исполнительный комитет Рады Всебелорусского Съезда продолжает действовать. 9 марта он утверждает вторую «Уставную Грамоту»:

«1. Беларусь объявляется Народной Республикой.

2. Основные законы Белорусской Народной Республики утвердит Учредительный Сойм Беларуси...

3. До времени пока соберется Учредительный Сойм Беларуси, законодательная власть в Белорусской Народной Республике принадлежит Раде Всебелорусского Съезда, пополненной представителями национальных меньшинств Беларуси.

4. Исполнительная и административная власть в Белорусской Народной Республике принадлежит Народному Секретариату Беларуси, который назначается Радою...»

5—8 пункты этого манифеста провозгласили права граждан республики — свободу слова и печати, митингов и забастовок, безвыкупное получение земли крестьянами, 8-часовый рабочий день, равноправие с белорусами представителей всех национальных меньшинств и т. д.

Совершенно очевидно, что в условиях оккупационного режима этот демократический по своей сути документ имел чисто декларативный характер (тем более, что в соответствии с Брестским договором Германия обязалась не признавать каких бы то ни было новых государственных образований на территории бывшей Российской империи).

Между членами Рады разгорается ожесточенная идеологическая борьба. Ее результатом стала принятая 24 и обнародованная 25 марта третья «Уставная грамота», заявившая о полном разрыве отношений Беларуси с РСФСР:

«Утрачивают силу все старые государственные связи, которые дали возможность чужому правительству подписать за Беларусь в Бресте трактат, который убивает насмерть белорусский народ, деля его землю на части. В силу этого правительство Белорусской Народной Республики должно войти в сношение с заинтересованными сторонами, предложив им пересмотреть ту часть Брестского трактата, которая касается Беларуси...

Белорусская Народная Республика должна охватывать все земли, где живет и имеет количественное преобладание белорусский народ, а именно: Могилевщину, белорусские земли Минщины, Гродненщины (с Гродно, Белостоком и др.), Виленщины, Смоленщины, Черниговщины и приграничных частей соседних губерний, заселенных белорусами».

Телеграммой, направленной Вильгельму II, Рада продекларировала свою однозначно прогерманскую ориентацию:

«Рада Белорусской Народной Республики... обращается к Вашему Императорскому Величеству со словами глубочайшей признательности за освобождение Беларуси немецкими войсками...

Рада... просит Ваше Императорское Величество о защите ее действий по укреплению государственной независимости и неделимости страны в союзе с Германской империей.

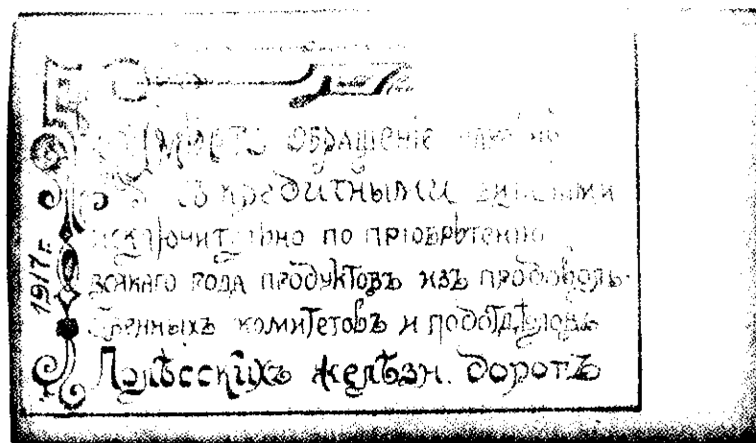

Рис. 40. **5 рублей — бона Продовольственного комитета Полесских железных дорог (Гомель), 1917 г.** (уменьш.)

Только под защитой Германской империи видит страна свою добрую долю в будущем».

Вместе с немцами в Беларусь пришли новые виды денег — собственно германские монеты (пфенниги) и бумажные купюры (марки), оккупационные «острубли».

Столь существенное пополнение средств денежного обращения нарушило сложившиеся на рынке относительно стабильные котировки рублевых единиц монархической и буржуазной России.

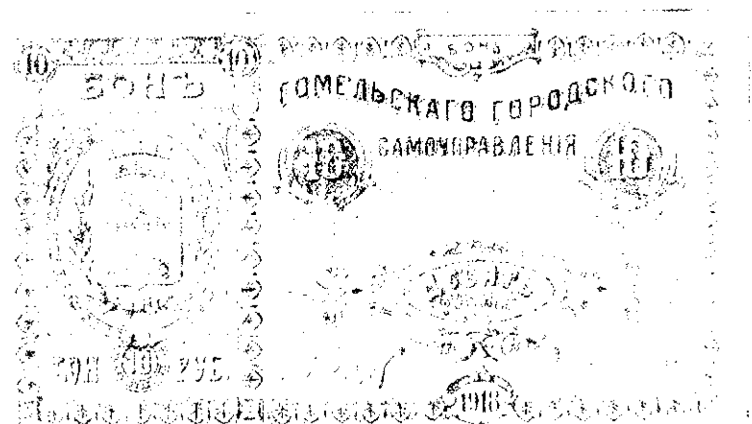

Рис. 41. **10 рублей — бона Гомельского городского самоуправления, 1918 г.** (уменьш.)

14 марта 1918 г. городской голова Минска П. Кащенко обращается к военному коменданту Пильцу: «Важно и срочно... Прошу не отказать сообщить, когда сегодня могла бы быть принята Вами делегация представителей города, биржевого общества и банков по вопросу о курсе рубля...»

Вскоре Минская городская управа направляет коменданту обстоятельное прошение: «Получение необходимых средств для покрытия городского бюджета возможно будет лишь путем предполагаемого внутреннего займа в виде выпуска городских

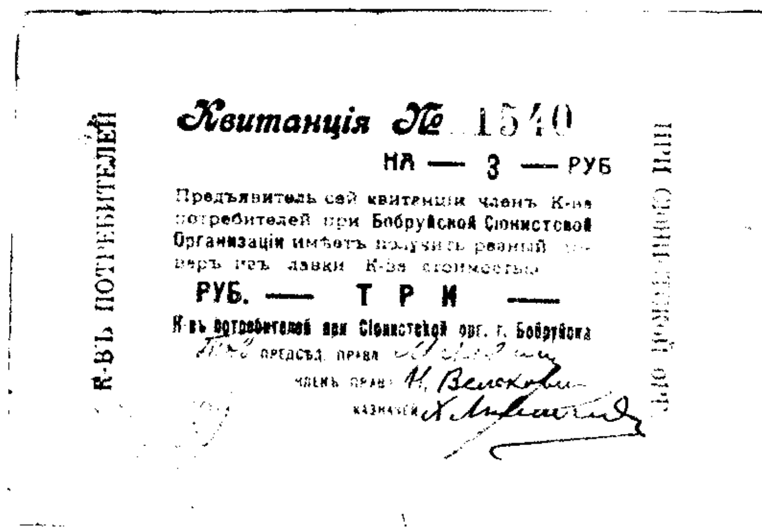

Рис. 42. **3 рубля — товарная квитанция Бобруйской Сионистской организации, 1918 г.** (уменьш.)

бон. Для этого город должен получить разрешение властей надзора (оккупационного.— *В. Р.*)...

Городская община возьмет на себя обязательство оплачивать из городских касс их (бон.— *В. Р.*) полную номинальную стоимость, считая рубль равным 2 немецким маркам оккупационными деньгами или немецкими деньгами, или другими, еще имеющими хождение, средствами (городской рубль = острублю = 2 немецким маркам)...

Предоставление такого плана и пробного образца городских бон ожидается немедленно, а доклад об установлении сметы и потребности займа — до 20 июля 1918 года...»

Боны и другие суррогаты городского и местечкового «деньготворчества» получили к этому времени уже довольно широкое распространение в Беларуси. Тем не менее, оккупационные власти категорически отвергли эту просьбу городской управы Минска.

3 июля 1918 г. главнокомандующий 10-й армией генерал фон Фалькегнейм подписывает постановление, согласно которому в Беларуси до 10 июля «основной платежной единицей считается царский рубль (1 налоговый рубль = 1 царскому рублю). При уплате другими деньгами (рублями) делается надлежащее перечисление согласно тому курсу, как относится платежный рубль к царскому...

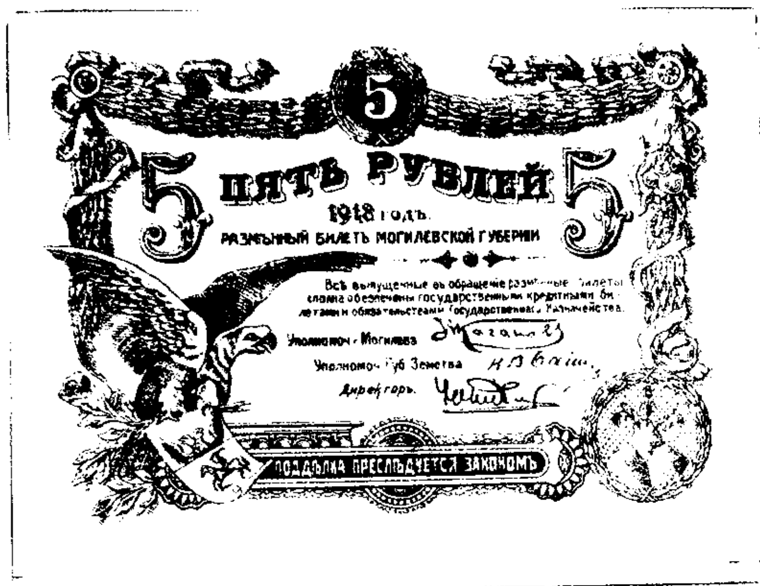
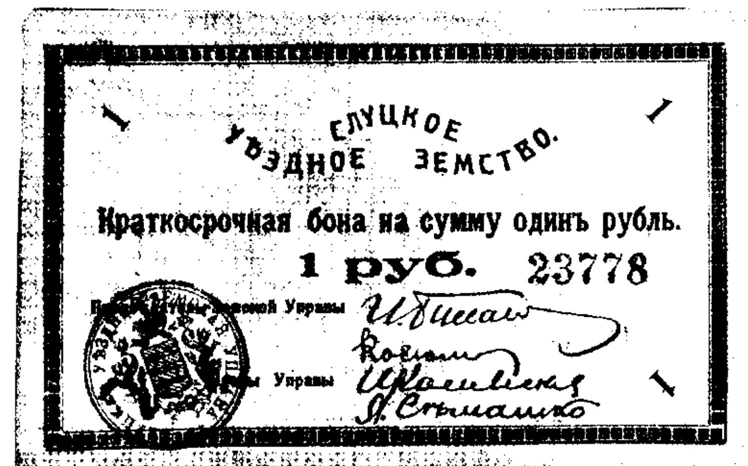

Рис. 43. **5 рублей — разменный билет Могилевской губернии, 1918 г.** (уменьш.)

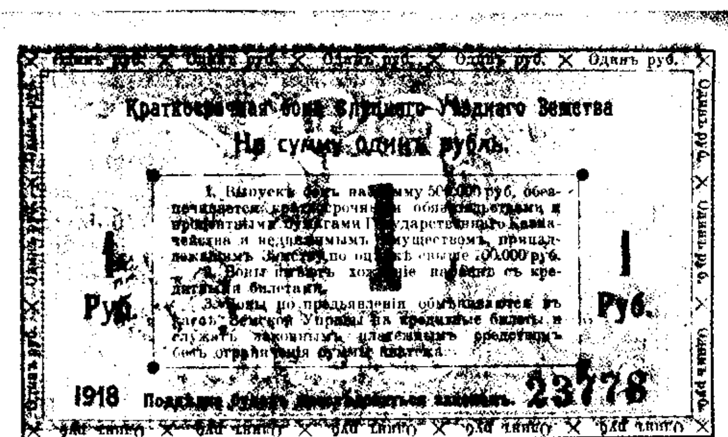

Рис. 44. **1 рубль — краткосрочная бона Слуцкого уездного земства, 1918 г.** (уменьш.)

Все налоги и подати, которые подлежат раскладке или будут установлены после 10 июля 1918 года, должны быть определяемы в оккупационных рублях.

От 10 июля все обязательства должны быть заключаемы в оккупационных рублях».

В этом же документе устанавливаются и соотношение курсов различных рублей:

До 10 июля

«1 царский рубль = 100 пфеннигам = 100 копейкам.

1 думский рубль = 100 пфеннигам = 100 копейкам.

1 керенский рубль = 90 пфеннигам.

1 оккупационный рубль = 200 пфеннигам = 200 копейкам»
с 10 июля
«1 царский рубль = 110 пфеннигам = 100 копейкам.
1 думский рубль = 110 пфеннигам = 100 копейкам.
1 керенский рубль = 80 пфеннигам = 72,7 копейкам.
1 оккупационный рубль = 200 пфеннигам = 182 копейкам».

О том, что германские денежные единицы становятся важнейшим платежным средством, свидетельствует письмо городского головы Минска военному коменданту от 7 июля: «Рассмотрев в заседании Управы с представителями банков 5 июля 1918 г. года вопрос о выпуске городских бон, пришли все участники к такому мнению, что выпуск бон без принудительного приема и курса в настоящий момент не может рассчитывать на успех. Если это несколько месяцев назад представлялось возможным, то только потому, что в городе отсутствовали мелкие денежные знаки; ныне же этого недостатка нет ввиду обилия германских мелких денег».

9 августа комендатура направляет магистратским властям Минска директивное письмо: «До 14 сентября 1918 года считать основной платежной единицей 3/4 оккупационного рубля — 150 пфеннигов, а с 15 сентября 1 оккупационный рубль — 100 пфеннигов...

Допущенная до сего времени гарантия русским ценным бумагам впредь не будет допущена.

Курс до изменения (до 14 сентября.— *В. Р.*): царский рубль — 100 пфеннигов, думский — 100 пфеннигов, керенский — 80 пфеннигов».

Таким образом, немцы, осуществляя планомерно-целенаправленные действия по установлению денежной системы германского образца в Беларуси, явно собирались прочно обосноваться на ее землях...

9 ноября 1918 г. революция в Германии свергает Вильгельма II. 13 ноября Совнарком РСФСР заявляет об аннулировании Брестского договора. 10 декабря в Минск вступает Красная Армия.

1 января 1919 г. в Смоленске созвана VI Северо-Западная конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Она объявляет себя I съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии [КП(б)Б] и формирует Временное Советское Социалистическое Правительство, провозглашающее в этот же день Беларусь Советской Социалистической Республикой.

7 января Временное правительство переезжает в Минск, где передает свои полномочия I Всебелорусскому съезду Советов (2—3 февраля).

На съезде приняты декларации об установлении федеративной связи с РСФСР и об объединении БССР с Литовской Советской Социалистической Республикой. Такое же решение принято съездом Советов Литвы (18—20 февраля).

Столицей Литовско-Белорусской ССР избран Вильно. Территория этого государственного образования включила в себя Виленскую, Минскую и неоккупированные поляками части Ковенской и Гродненской губерний[1].

21 апреля польские войска занимают Вильно. Правительство Литовско-Белорусской Республики переезжает в Минск...

В Беларуси (как, впрочем, и в Литве, России, на Украине) население отдавало предпочтение царским деньгам и «думским» Временного правительства; «керенки» же, преобладавшие в обращении, ценились значительно ниже.

7 февраля правительство БССР издает декрет: «...денежные знаки «керенки» всякого достоинства имеют одинаковое хождение с кредитными билетами старого образца (царскими и думскими денежными знаками). Виновные в нарушении сего подлежат преданию Революционного Трибунала».

Газета «Звезда» от 12 февраля сообщает: «С 11 февраля воспрещен прием оккупационных (германских.— *В. Р.*) денег всем — как Советским, так и частным учреждениям, кроме Казначейства. Принятые уже до того числа должны быть обменены в местном Казначействе».

14 февраля «Звезда» публикует воззвание Минского городского совета «Преследуйте денежных спекулянтов»: «С каждым днем все ощутительнее становится недостаток в разменных денежных знаках, а между тем их у нас уже вовсе не так мало. Стоит только вскрыть сундуки мелких и крупных спекулянтов денежными знаками, как появятся в обращении мелкие деньги...

Бессовестные кассиры копят царские бумажки, чтоб их выгодно обменять потом у скупщиков-спекулянтов...»

Редакционный комментарий к этому воззванию отмечает: «Спекулянты собираются почти открыто и до прохожих то и дело доносятся словечки «ост», «царские», «керенки» и т. д.

...Получая за труд большей частью керенками, рабочие и служащие могут купить на них гораздо меньше продуктов, ибо немцы и спекулянты «установили» основным знаком оплаты «царские» деньги, а керенки считают на 20—30 процентов ниже».

27 февраля «Звезда» помещает статью своего специального корреспондента: «В местечках, граничащих с Виленской губернией — Заславле, Ивенце и других, сейчас ничего нельзя купить за керенку, несмотря на грозные

[1] Польская буржуазная республика уже на первой стадии своего формирования (конец 1918 — начало 1919 г.) захватила западные земли Беларуси, Литвы и Украины.

объявления местных властей о штрафах за отказы менять керенки».

В этот же день газета «Бедняк» рассказывает о ситуации, сложившейся в Молодечно: «В здешнем районе, а пожалуй, и по всему нашему западному краю можно найти сколько угодно шкурников, спекулянтов и мародеров, которые не стесняются брать у местных бедняков «керенки» 20-рублевого достоинства за 15 «царских». Вот почему мужичок отказывается брать «керенки». Он откровенно заявляет: «Мы «керенок» брать не будем, потому что у нас их не берут».

Крестьяне-бедняки раз и навсегда должны запомнить, что «керенки» в Советской Республике идут рубль за рубль, а потому тех, которые отказываются от взятия «керенок», нужно задерживать и направлять в милицию для предания суду, ибо они есть спекулянты, контрреволюционеры».

Газета «Минский пролетарий» от 18 апреля сообщает:

«Не так давно в Минске расстреляли некоего Колгграда за спекуляцию денежными знаками. После такой меры минские спекулянты поспешили прекратить спекуляцию на улицах и ушли в подполье. Между тем, в некоторых местных учреждениях «работают», не подвергая себя риску, спекулянты горше Колгграда.

Это кассиры, забронированные кассами советских учреждений. Приходится много слышать жалоб, что они присваивают себе разменные деньги — главным образом «царские».

Так как контроля в этом отношении нет, то здесь со стороны кассиров возможны комбинации. Припрятывая царские деньги, кассиры способствуют падению «керенок» и спекуляции денежными знаками».

Республика испытывала острый недостаток денег. Из Минска в Москву одна за другой следуют просьбы о поставке денежных сумм: «Огромные потребности Белорусской республики, развертывающей советскую работу по всем направлениям, не удовлетворены отсутствием денежных знаков. Четвертый раз просим выслать 150 миллионов рублей» (телеграмма от 16 февраля); «Обещанного не получили, касса пуста. Из-за отсутствия наличности вынуждены остановить оборонительные работы. Положение критическое» (телеграмма от 24 мая)...

1 июня 1919 г. издан декрет ВЦИК РСФСР «Об объединении Советских республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом».

26 июля Советская власть на остающихся не занятыми поляками землях Беларуси сконцентрирована в руках Минского губернского Военно-революционного комитета.

8 августа польская армия овладевает Минском, а затем и основной частью Минской губернии. Военно-революционный комитет обосновывается в Смоленске.

На рынок Беларуси хлынули деньги новых оккупантов — монеты и бумажные купюры «Королевства Польского»[1], купюры республики Польша[2].

25 апреля 1920 г. начинается широкомасштабная война между Польшей и Советскими республиками. Красная Армия, освободив 11 июля Минск и 14 июля Вильно, к концу месяца выходит к этнической границе Польши.

31 июля собрание представителей партийных, советских и профсоюзных организаций Минска и Минской губерний принимает декларацию о независимости БССР. К этому времени Литва денонсировала договор об объединении с Беларусью и объявила себя независимой республикой.

Власти БССР предпринимают самые решительные меры по упорядочению денежного обращения в республике.

31 августа 1920 г. обнародован приказ Минской Чрезвычайной Комиссии: «Многие торговцы... продают нелегальным способом исключительно только за николаевские деньги и тем самым не дают возможности приобрести товар рабочей и крестьянской семье; бывают даже случаи, когда требуют от покупателей польских марок, в то время, когда уже все марки должны быть сданы в Казначейство». За игнорирование советских дензнаков, хранение и сбыт польских купюр устанавливаются суровые, вплоть до расстрела, кары.

20 октября издан приказ Военно-революционного комитета: «Замечается, что в некоторых торговых предприятиях города Минска не принимают советских денег, а также расценивают их ниже денежных знаков старого образца, что ставит в чрезвычайно трудное положение трудовое население. Военно-революционный комитет подтверждает, что в Советской Белоруссии денежные знаки старого и нового образца имеют одинаковое хождение.

Все лица, отказывающиеся принять советские денежные знаки, должны немедленно предаваться в Чрезвычайную Комиссию Белоруссии по борьбе с контрреволюцией и

---

[1] «Королевство Польское» — Польша, оккупированная германской армией в годы первой мировой войны. В Германии выпускались специальные денежные серии для обращения на занятых ею польских землях — железные монеты (1 пфенниг 1918 г., 5 , 10 и 20 пфеннигов 1917—1918 гг.) и бумажные купюры (1/2, 1, 2, 5, 10, 20, 50, 100, 500, 1 000 марок 1916—1917 гг.). Эти платежные единицы поступали в Беларусь со времени немецкой оккупации; с приходом поляков приток их резко усилился.

[2] Возникла после ухода немцев в конце 1918 г.; до конца апреля 1924 г. «по инерции» придерживалась денежной системы, введенной оккупантами (1 марка = 100 пфеннигам). В 1919 г. выпущены купюры в 1, 5, 10, 20, 100, 500 и 1000 марок, в 1920 г.— в 1/2 и 5000 марок.

спекуляцией, которая применит к ним самые строгие меры наказания, вплоть до расстрела».

Рынок бойкотирует эти приказы. 7 ноября 1920 г. «Звезда» констатирует: «Город Минск находится в исключительных условиях по сравнению с городами Р.С.Ф.С.Р...»; хозяйственная разруха и боязнь новой оккупации вызывают у населения «сильное желание сбыть их (советские дензнаки.— *В. Р.*) с рук и получить «романовские». Все это дало возможность легкой наживы, содействовало появлению денежной спекуляции и образованию группы спекулянтов валютой».

Тиражируемые астрономическими количествами, выполненные на крайне низком полиграфическом уровне советские денежные знаки 1919—1922 гг. пришли к логическому финалу — фактически утратили способность соизмерять меновые стоимости товаров и, более того, сами перешли в категорию наименее ценных образцов товарного производства.

Так, в марте 1920 г. реальная стоимость 10 000-рублевого совзнака составляла лишь 59 копеек по курсу 1914 г.

Нередко неразрезанные листы купюр совзнаков мелких (от 1 до 60 рублей) достоинств использовались в качестве писчей бумаги или переплетного материала, для печатания на них продовольственных карточек и т. п.

К. Паустовский (автобиографическая «Повесть о жизни») вспоминает о своей службе в Одессе весной 1920 г.: «В Опродгубкоме над окошком кассы было написано синим карандашом: «Товарищи! Сумму пишите прописью и не утруждайте кассира резанием денег. Режьте сами! (Основание: Приказ по Опродгубкому № 1807)».

Эта загадочная и несколько устрашающая надпись «Режьте сами» объяснялась просто: кассир получал деньги большими листами и поневоле тратил много времени на то, чтобы разрезать их на отдельные купюры. Это занятие кассиру надоело, и он начал выдавать заработную плату просто большими, неразрезанными листами...

Не всегда кассир мог расплатиться одними цельными листами. Иногда ему приходилось выкраивать ножницами из листа нужную сумму. Против этого кассир не восставал: в конце концов такая операция не брала много времени. Скандалы вспыхивали из-за того, что некоторые заносчивые сотрудники отказывались брать деньги целыми листами, а требовали расплаты нарезанными купюрами.

В таких случаях старый и желчный кассир захлопывал фанерное окошечко кассы и кричал изнутри:

— Что!? У вас руки отсохнут, если вы порежете деньги? Не хотите сами, так дайте вашим деткам. Пусть они получат удовольствие!..

С целью просветить сотрудников Опродгубкома в области денежного обращения кассир приклеил к фанерной перего-

К ОТКРЫТИЮ ВОЗДУШНОГО СООБЩЕНИЯ

МОСКВА—НИЖНИЙ-НОВГОРОД.

Все билеты в Нижний-Новгород по 31 июля включительно

РАСПРОДАНЫ.

Кроме перевозки пассажиров, в Нижний будут доставляться московские газеты и почта.

Приняты меры, дабы в случае вынужденного спуска в пути пассажиры смогли следовать на первом отходящем поезде в ту или другую сторону (БЕСПЛАТНО)

Доставка пассажиров в Нижнем производится на автомобиле за незначительную плату (3—5 мил. р.)

Спуск самолетов в Нижнем и посадка пассажиров будет производиться в Кунавине, у дер. Ратманиха, а в Москве — на Ходынке.

В Москве билеты продаются в Бюро [illegible] 1-я Тверская-Ямская, 46

Рис. 45. **«К открытию воздушного сообщения Москва — Нижний Новгород», 15 июня 1921 г.**

родке около кассы образцы советских денег, имеющих хождение в стране, а рядом образцы денег, хождение не имеющих...

В то время почти все деньги носили прозвища. Тысячные ассигнации назывались «кусками», миллионы — «лимонами». Миллиардам присвоили звучное прозвище «лимонардов»...

Наша стена около кассы Опродгубкома выглядела живописно. Почти каждый сотрудник, получая деньги, проделывал с ними одну и ту же операцию: он прижимал к фанере денежный лист, накладывал сверху кусок бумаги и изо всей силы тер по ней, чтобы убрать с денежного листа лишнюю краску.

После этого деньги отпечатывались на бумаге и на фанере с такой четкостью, что, как уверяли остряки, с них можно было делать оттиски и пускать их в обращение наравне с настоящими деньгами.

После получки все покрывалось оттисками липких денег. На пальцах, на столах, на бумагах и книгах мы находили номера денежных серий и подпись Народного комиссара финансов».

М. Булгаков 17 ноября 1921 г. пишет матери из Москвы: «Мое казенное место было хорошо лишь постольку, поскольку я мог получить на нем около 1/2 милл. за прошлый месяц.

На казенной службе платят туго и с опозданием, и поэтому дальше одним таким местом жить нельзя... В Москве считают только на сотни тысяч и миллионы...»

В письме сестре Надежде от 24 марта 1922 г. он рассказывает: «Кроме Н.Г.К. (Научно-технического комитета, где автор заведовал издательской частью.— *В. Р.*) я служу сотрудником новой большой газеты... На двух службах получаю... около 40 миллионов в месяц, т. е. 1/2 того, что мне требуется для жизни (если только жизнью можно назвать мое существование за последние два года) с Тасей (Татьяной Николаевной, женой.— *В. Р.*). По счастью, для меня этот кошмар в 5-м этаже, среди которого я 1/2 года бился за жизнь, стоит дешево (за март около 700 тыс.)».

Газета «Савецкая Беларусь» от 24 октября 1922 г. сообщает: «На медицинском факультете Белорусского Государственного Университета имеется 20 платных мест. Плата за полгода установлена в 250 000 000 рублей».

Многолетний (1938—1961) министр финансов СССР А. Г. Зверев в мемуарных «Записках министра» немалое место уделил состоянию финансов страны в 1922 г.: «На денежных знаках, не имевших почти никакой цены, мелькали гигантские цифры: миллион, миллиард. Нормальной единицей стал, шутка сказать, миллион рублей, или в просторечии «лимон».

Возвращаясь из Смоленска в Клин через Москву, я зашел в столовую у Охотного ряда. За чай с кусочком хлеба и пятью изюминками (вместо сахара) заплатил внушительное число «лимонов», которые и за настоящие деньги-то не считались...

Обыватели напевали куплеты «на злобу дня»:

Прибегаю я в буфет
(Ни копейки денег нет):
Разменяйте десять миллионов!..

Предельная интенсификация бумажноденежных эмиссий должна была, казалось бы, привести деньги к утрате важнейшего качества — дефицитности (в разумных пределах). Этого, однако, не случилось: чем большие суммы выбрасывались на рынки, тем острее ощущалась их нехватка, так как в попытках «угнаться» за предопределенным низким уровнем товарного производства, стремительным ростом цен они лишь «подстегивали» его. Неудивительно поэтому, что в удаленных от центра местах активизировались внегосударственные денежные микроэмиссии, приносившие порою самые диковинные плоды...

В. Иванов («Портреты моих друзей») и А. Алданов-Семенов («Красные и белые») вспоминают голодную зиму 1921 г. в Омске. Писатель и художник А. Сорокин, рассказывают они, созвал гостей, прельстив их обещанием

Рис. 46. **РСФСР. 50 копеек 1923 г.— бумажный монетовидный денежный знак**

накормить необыкновенным обедом. Обед оказался превосходным, но... в чем же его «необыкновенность»? Отвечая на этот вопрос, Сорокин пояснил: «А в том, что он куплен на мои собственные деньги», и продемонстрировал пачку купюр, нарисованных и отпечатанных им самим. На них были помещены надписи — «Король писателей Антон Сорокин, Директор Государственного банка Всеволод Иванов», «Денежные знаки обеспечены полным собранием сочинений А. Сорокина. Подделыватели знаков караются сумасшедшим домом, а не принимающие их — принудительным чтением рассказов А. Сорокина».

А. А. Семенов, возглавивший в 1922 г. финансы только что созданной Якутской АССР, писал: «...Я очутился в новой должности Наркома финансов в самый трудный момент перехода от натурального товарообмена к денежному обращению. Нашлепав в одно из воскресений денег на 30 млн. рублей, мы сносно вышли из положения».

А. М. Горький (очерк «О единице») более подробно рассказывает об этом эпизоде: «Из всех бумажных денег, которые выпускались в оборот на безграничном пространстве Союза Советов, самые оригинальные выпустил Алексей (Семенов.— В. Р.). Он взял разноцветные этикетки для бутылок вина, своей рукой написал на «Мадере» 1 рубль, на «Кагоре» — 3 рубля, «Портвейне» — 10 рублей, «Хересе» — 25 рублей, приложил печать Наркомфина, и якуты, тунгусы очень хорошо принимали эти деньги как заработную плату или как цену продуктов»...

30 декабря 1922 г. в Москве состоялся I Всесоюзный съезд Советов, представленный делегациями РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР (Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики).

Съезд принял два документа — «Декларацию об образовании Союза ССР» и «Договор об образовании Союза ССР». Так на политической карте мира возникло новое государство — Союз Советских Социалистических Республик.

В 1923 г. наблюдается последний всплеск активности эмиссионной деятельности Госбанка РСФСР. В январе семейство банковских билетов образца 1922 г. (1, 3, 5 и 10 червонцев) пополняется купюрой в 25 червонцев; в обращение выпущены дензнаки образца 1922 г. типа гербовых марок (1, 3, 5, 10, 25 и 50 рублей) и денежные знаки образца 1923 г. (50 копеек, 1, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей[1]); выбит золотой червонец[2]; продолжается чеканка биллонных монет (10, 15 и 20 копеек), удерживаемых, как и в два предшествующих года, на Монетном дворе.

1 января 1923 г. проведена вторая деноминация, приравнявшая рубль дензнаками образца 1923 г. к ста рублям образца 1922 г., т. е. к миллиону рублей в дензнаках, эмитированных по 1921 г. Купюры дензнаков типа гербовых марок образца 1922 г. (от 1 до 50 рублей) трансформировались,таким образом, в разменные номиналы от 1 до 50 копеек.

Курс бумажного червонца был определен 175 рублями образца 1923 г., что соответствовало 17,5 тысячам рублей образца 1922 г. или 175 млн. эмитированных по 1921 г. советских рублей.

К середине года червонные банкноты, составившие более 80 % суммы внутригосударственного денежного обращения, выходят на международную арену в качестве прочной конвертируемой валюты. Еще в феврале их начал приобретать германский «Хандельсгезельшафт», вскоре его примеру последовал английский «Ллойдсбанк» и т. д. С августа по декабрь зарубежные банки приобрели червонцев на 28,5 млн. рублей.

Решениями СНК печатаются денежные знаки РСФСР образца 1923 г. номиналами в 250, 500 и 1000 рублей (декрет от 9 февраля), 5000 рублей (декрет от 29 сентября). Купюры в 250 рублей выпускались в обращение в феврале—октябре,

---

[1] 50 копеек (в виде монетовидных изображений на бумажном квадратике) выпускались на рынок в мае—октябре, 1 рубль — в январе—ноябре, 5 рублей — в январе—октябре, 10 рублей — в январе, марте—ноябре, 25, 50 и 100 рублей — в январе—декабре.

[2] К 1 октября 1923 г. этой монеты выпущено на сумму в 4 751 500 рублей, т. е. 475 150 экз.

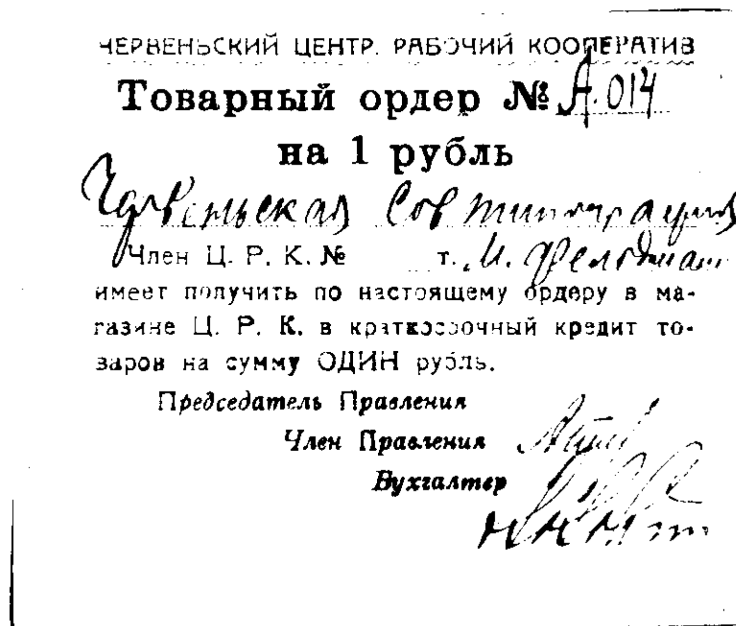

Рис. 47. **СССР. 25 000 рублей — Государственный денежный знак 1923 г.** (уменьш.)

500 и 1000 — в марте—декабре, 5000 рублей — в сентябре—декабре.

С сентября 1923 г. в денежное обращение поступают беспроцентные обязательства Народного Комиссариата путей сообщения (НКПС) РСФСР — транспортные сертификаты нарицательной стоимостью в 5 рублей золотом, т. е. в получервонец. В течение года осуществлены три их выпуска (каждый — на сумму в 5 млн. рублей) в соответствии с постановлениями СТО РСФСР от 27 июля, 23 ноября и 8 декабря.

13 ноября 1923 г. Наркомфином СССР одобрены проектные рисунки медных (1, 2, 3 и 5 копеек), биллонных (10, 15 и 20 копеек) и серебряных (Один полтинник, Один рубль) монет с гербом Советского Союза и лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

ЧЕРВЕНЬСКИЙ ЦЕНТР. РАБОЧИЙ КООПЕРАТИВ

Товарный ордер № А 014

на 1 рубль

Член Ц. Р. К. № т.

имеет получить по настоящему ордеру в магазине Ц. Р. К. в краткосрочный кредит товаров на сумму ОДИН рубль.

Председатель Правления

Член Правления

Бухгалтер

Рис. 48. **1 рубль — товарный ордер Червеньского Центрального Рабочего кооператива, 1923 г.**

Конец 1923 г. ознаменовался появлением первых бумажных денег СССР: по декрету от 18 декабря в обращение вошли купюры денежных знаков достоинством в 10 000 и 15000 рублей. С этого времени Госбанк РСФСР прекращает эмиссионную деятельность, исключительное право на которую перешло к Госбанку СССР.

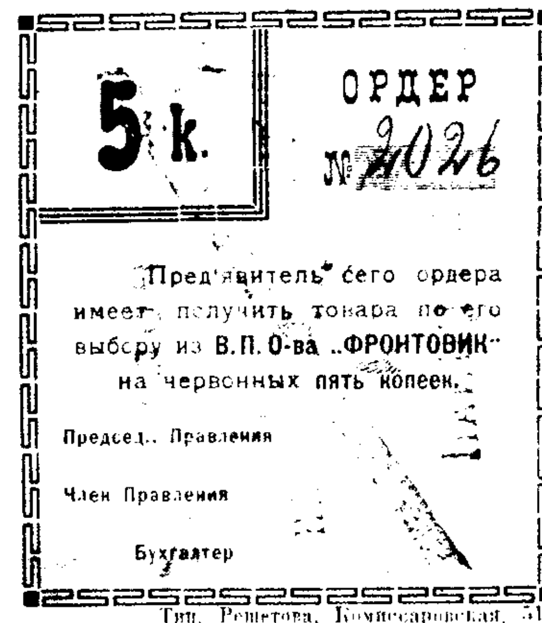
В денежном обращении 1923 г. купюры царской России и Временного правительства уже не участвуют.

К 1 декабря 1923 г. обращающаяся бумажноденежная масса составила, без учета эмиссий разнородных денежных суррогатов на местах, 115 квадриллионов 664 триллиона 409 млрд. 476,55 млн. рублей (в переводе на дензнаки образца 1923 г.).

5 февраля 1924 г. издан декрет Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) и СНК СССР о выпуске «привязанных» к червонцу казначейских билетов в 1, 3 и 5 рублей золотом.

Декретом от 7 февраля в обращение выпущен денежный знак достоинством в 25 000 рублей.

Декрет от 14 февраля объявил о прекращении эмиссий совзнаков и уничтожении их запасов в фондах Наркомфина.

5 к.

ОРДЕР

№ 2026

Предъявитель сего ордера имеет получить товара по его выбору из В.П.О-ва „ФРОНТОВИК" на червонных пять копеек.

Председ. Правления

Член Правления

Бухгалтер

Тип. Решетова, Комиссаровская, 51.

Рис. 49. **5 червонных копеек — товарный ордер Военно-потребительского общества «Фронтовик» (Слуцк), 1923 г.**

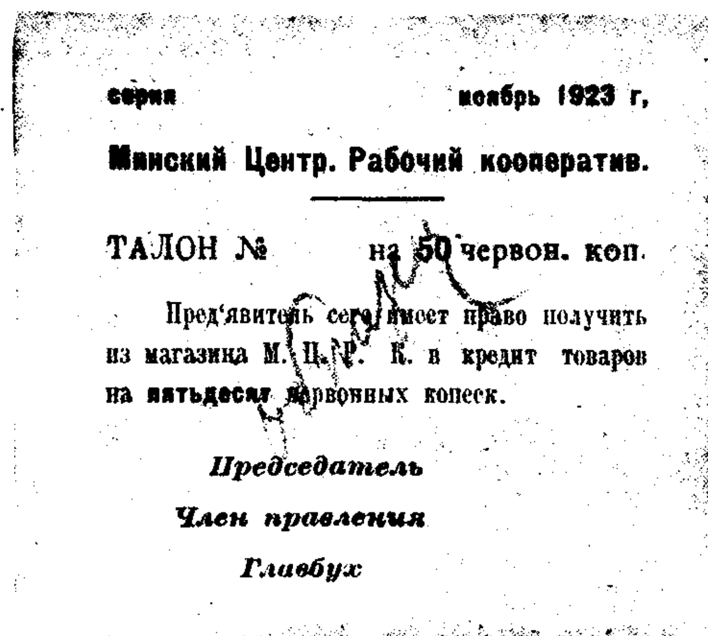
29 февраля постановлением СТО строжайше запрещены выпуски денежных суррогатов во всех союзных республиках.

С 10 марта начат выкуп у населения совзнаков[1], по курсу 1 рубль золотом в казначейских билетах за 50 000 рублей знаками образца 1923 г., 5 млн. рублей дензнаками образца 1922 г. или 50 млрд. рублей дензнаками образца 1921 г.

Таким образом, реальная стоимость рубля 1924 г. составила более половины рубля 1914 г., покупательная способность которого была такой же, как у 96,3 млрд. советских рублей доденоминационных эмиссий.

Последний выпуск транспортных сертификатов РСФСР проведен по решению СТО и НКПС от 26 марта на сумму в

[1] Крайний срок их обращения был установлен вначале по 30 апреля, затем продлен до 10 мая, а выкуп кассами Наркомфина и Госбанка — по 30 мая.

серия ноябрь 1923 г.

Минский Центр. Рабочий кооператив.

ТАЛОН № на 50 червон. коп.

Пред'явитель сего имеет право получить из магазина М. Ц. Р. К. в кредит товаров на пятьдесят червонных копеек.

Председатель

Член правления

Главбух

Рис. 50. **50 червонных копеек — кредитный талон Центрального рабочего кооператива (Минск), 1923 г.**

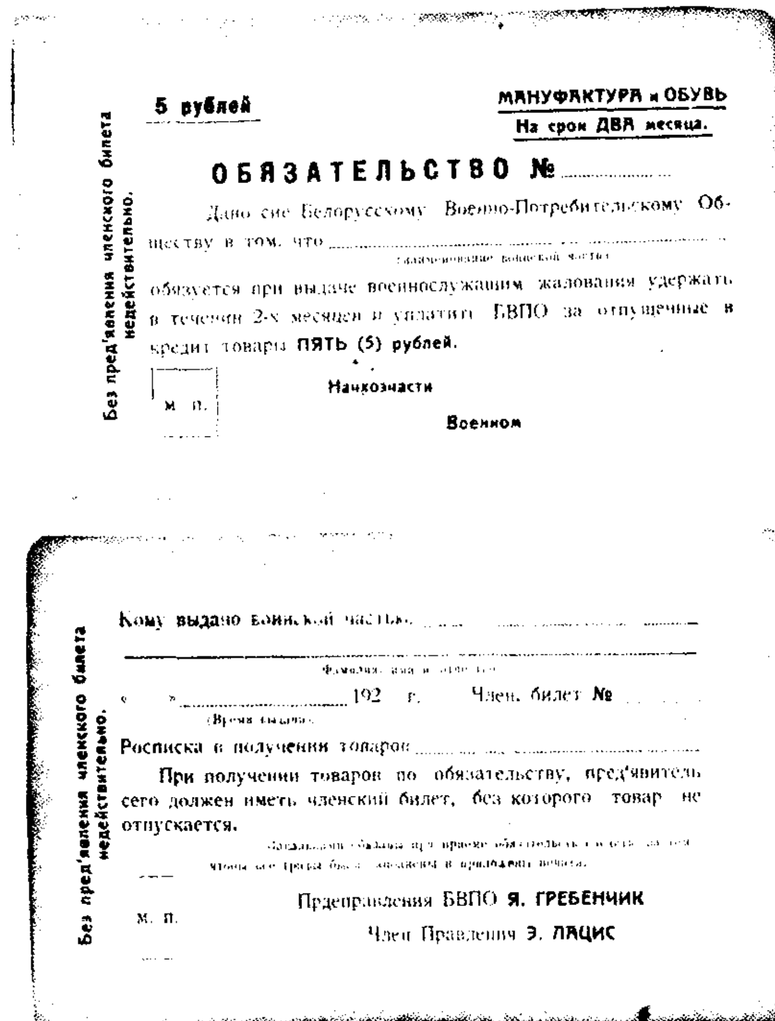
9 млн. рублей. 2 июля Коллегия Наркомфина объявила о полном их изъятии из обращения в этом же месяце.

Продолжаются эмиссии банковских билетов РСФСР образца 1922 г., в полной мере сохраняющих твердый курс (в марте 1924 г. на нью-йоркской бирже червонец котировался выше всех, включая английский фунт стерлингов, европейских валют — по 5 долларов 14,5 цента).

С 15 августа в обращении пущена односторонняя банкнота Госбанка СССР номиналом в 3 червонца.

К 1 января 1924 г. Монетный двор отчеканил биллонной и серебряной монет РСФСР на сумму в 22,4 млн. рублей, что было явно недостаточно для насыщения рынка. Поэтому декрет ЦИК и Совнаркома СССР от 22 февраля потребовал от Наркомфина активизировать монетное производство, чтобы к 1 января 1925 г. оно освоило сумму не менее чем в 100 млн. рублей.

Это предписание содержало существенную оговорку: «В случае если количество серебряной и медной монеты, которое будет возможно отчеканить в ближайшие месяцы, окажется недостаточным для полного обеспечения потребности денежного оборота в упомянутой монете, Народному

Без пред'явления членского билета недействительно.

5 рублей

МАНУФАКТУРА и ОБУВЬ

На срок ДВА месяца.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО №......

Дано сие Белорусскому Военно-Потребительскому Обществу в том, что ......

(наименование воинской части)

обязуется при выдаче военнослужащим жалования удержать в течении 2-х месяцев и уплатить БВПО за отпущенные в кредит товары ПЯТЬ (5) рублей.

М. П.

Начхозчасти

Военком

Без пред'явления членского билета недействительно.

Кому выдано воинской части ......

(Фамилия, имя и отчество)

« » ...... 192 г. Член. билет № ......

(Время выдачи)

Расписка в получении товаров ......

При получении товаров по обязательству, пред'явитель сего должен иметь членский билет, без которого товар не отпускается.

М. П.

Председатель Правления БВПО Я. ГРЕБЕНЧИК

Член Правления Э. ЛАЦИС

Рис. 51. **5 рублей — обязательства Белорусского Военно-потребительского общества (Минск), 1923 г.**

Комиссариату Финансов Союза ССР предоставляется право, с особого разрешения Совета Труда и Обороны, выпускать боны достоинством от одной до пятидесяти копеек, имеющих хождение наравне с монетой, с тем, чтобы не позднее 1 января 1925 г. приступить к изъятию выпущенных временных бон путем беспрепятственного их

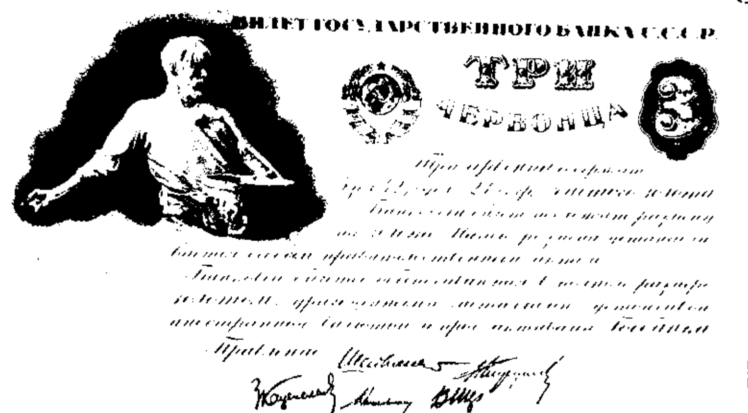

Рис. 52. **СССР. Три червонца 1924 г.** (уменьш.)

обмена по нарицательной стоимости на звонкую монету соответствующих достоинств».

26 февраля в обращение выпущены биллонные 10, 15 и 20 копеек, в марте — серебряные 50 копеек и Рубль РСФСР. Выпуск этих монет продолжался по 1925 г. с прежними (1921—1923) датами.

22 марта СНК утвердил проектные рисунки монет СССР, разработанные в ноябре 1923 г. (изменению подверглось лишь реверсное изображение полтинника: место крестьянина со снопом и серпом занял рабочий-молотобоец). По качественным и метрологическим параметрам они, подобно монетам РСФСР, должны были соответствовать эмиссиям дореволюционной России.

В апреле Наркомфин, опираясь на декрет от 22 февраля, пустил в обращение бумажные боны достоинством в 1, 2, 3, 5 и 50 копеек.

За январь—сентябрь выбито 2 276 050 штук золотых червонцев РСФСР с датой «1923».

Как и в 1923 г., абсолютное большинство этих монет было использовано для заграничных платежей.

Производственные мощности Монетного двора, работавшего в три смены, оказались слишком слабыми для выполнения правительственных заказов в установленные сроки. На помощь ему решено было привлечь другие предприятия.

Для медной чеканки вначале предполагалось использовать Одесское объединение электрометаллических заводов и ряд заводов Тулы, но в конечном итоге Наркомфин заключил договор с ленинградским телефонным заводом «Красная заря».

Выпуск монет СССР начат весной с биллона (10, 15 и 20 копеек) и серебра (Один полтинник и Один рубль)[1]. Чеканка в меди открылась в октябре: Монетный двор выбивал номиналы в 1 и 5 копеек[2], «Красная заря» — в 2 и 3 копейки, освоив в 1925 г. производство 1 и 5 копеек[3].

Заказы на монетную чеканку СССР были размещены и за границей. Первоначально планировалось заключение контракта в Германии (на заводах Круппа), но затем решено было остановиться на Великобритании.

11 июня 1924 г. в Лондон выехал начальник цеха монетных переделов Ленинградского монетного двора П.Л. Латышев. Данная ему письменная инструкция гласила: «Вам надлежит путем совместного обсуждения с торговым представительством в Лондоне и Великобританским монетным двором установить технические условия приемки полтинников от Великобританского монетного двора...

Определение внешнего вида принимаемой монеты надлежит производить путем сличения с полтинником того же образца, отчеканённого на Ленинградском монетном дворе. Незначительные отступления в изображениях внешнего вида лондонской монеты от ленинградской, незаметные для невооруженного взгляда, допустимы, но лишь в сторону улучшения внешнего вида монеты».

К приезду Латышева Лондонский двор изготовил образцы полтинников в двух вариантах. Первый из них был выбит штемпелями английского изготовления, второй — ленинградского. Латышев признал лучшим последний.

Заключенный договор определил тираж предстоящей эмиссии в 40 млн. экземпляров. Ответственным за ее осуществление был назначен главный пробирер Лондонского двора Томас Роуз.

Торговое представительство СССР закупило у трех английских фирм («Сэмуэл Монтегю и К°», «Джонсон, Маттей и К°», «Шарж и Вилкинс») 21 976 пудов[4] 33 фунта[5] 90 золотников 75 долей серебра и 2 443,86 пуда меди для лигатуры.

Лондон начал чеканку 1 июля, изготовив в этот день 15 680 монет. 5 июля представителям СССР передана первая партия полтинников — 60 000 штук. К 1 ноября лондонские монетчики полностью выполнили взятые на себя обязательства.

---

[1] 10, 15 и 20 копеек типа, утвержденного 22 марта, чеканились по начало 1931 г., полтинник — по 1927 г., рубль — только в 1924 г.

[2] 1 копейка выпускалась Монетным двором по февраль 1925 г., 5 копеек — только в 1924 г.

[3] Все (кроме 1 копейки) монеты, выбитые «Красной зарей» в 1925 г., датированы 1924 г.

[4] Пуд — 16,380 кг.

[5] Фунт — 409,512 г.

Латышев оформил также контракт на чеканку 40 млн. медных пятикопеечников. Лондонский монетный двор передал выполнение этого заказа Монетному двору в Бирмингеме и частной бирмингемской фирме «Кингс Нортон Металл Корпорейшн Лимитед». Завершающие поставки пятаков в СССР осуществлены в начале 1925 г.

В отличие от лондонских полтинников, имеющих на гурте инициалы Томаса Роуза, бирмингемские пятикопеечники лишены отличительных признаков.

К 1 мая 1924 г. денежные знаки РСФСР и СССР были представлены в рыночном обороте суммой в 739 квадриллионами 732 триллионами 234 млрд. 167,2 млн. рублей (в переводе на дензнаки образца 1923 г.)

Через пять месяцев положение резко изменилось в лучшую сторону: радикальные преобразования, начало которым было положено в РСФСР эмиссией банковских билетов — червонцев (ноябрь 1922 г.), завершились уже в СССР полным изъятием из обращения обесценившихся совзнаков (конец мая 1924 г.), прекращением безудержного бумажноденежного производства как средства для покрытия бюджетного дефицита, прочным внедрением обеспеченных товарным и золотым запасами бумажных денег (банковских и казначейских билетов) и монет.

Рубль, лишенный в течение десятилетия достоинств твердой денежной единицы, вновь обрел высокую покупательную способность.

Для подтверждения этого достаточно сопоставить две разновременные публикации «Савецкай Беларусі». Первая из них (от 21 октября 1922 г. — см. выше) сообщила о введении Белгосуниверситетом платы в половину миллиарда рублей за годичный курс обучения на медицинском факультете; вторая (от 21 октября 1924 г.) объявила: «Центральная стипендиальная комиссия при Главном управлении Профессионального Просвещения БССР установила следующее количество стипендий: для Белорусского государственного университета — 1000, Горецкого сельско-хозяйственного института — 200, Горецкого рабфака — 210 и Оршанского рабфака — 280. Каждая стипендия установлена в 12 рублей».

III съезд Советов СССР (13—20 мая 1925 г.), подводя итоги денежной реформы 1922—1924 гг., констатировал: «...реформа денежного обращения Союза удалась полностью. Будучи подготовленной всем предшествовавшим хозяйственным и финансовым строительством Союза ССР, она, в свою очередь, является основой дальнейшего ускоренного и более уверенного подъема во всех отраслях народного и государственного хозяйства».

13 марта 1925 г. Ленинградский монетный двор выполнил указание Валютного управления Наркомфина от 2 марта — разработал проектные рисунки самого мелкого в истории советской денежной системы номинала — полукопеечника.

20 мая опубликован декрет Совнаркома «О чеканке и выпуске в обращение медной полукопеечной монеты».

Уже 18 июня Госбанк получил первую партию полукопеечников — 2 млн. штук. В обращение эта монета поступила осенью 1925 г.

Производство полукопеечников велось по конец 1928 г. В 1926 г. они чеканились штемпелями 1925 г. Общий их тираж составил 98,392 млн. экземпляра.

На фоне дореформенной денежной системы с ее «лимонами» и «лимонардами» эта эмиссия приобрела значимость бесспорного свидетельства добротности нового денежного хозяйства страны.

4 мая 1925 г. Наркомфин поручил Ленинградскому монетному двору разработку более дешевого, чем медь, сплава для номиналов от 1 до 5 копеек и предложил провести конкурс проектных рисунков этих монет.

30 мая ленинградская «Красная газета» сообщила: «По условиям конкурса... орнаментация монеты должна состоять из следующих элементов:

1. Обозначение достоинства монеты;
2. Дата монеты;
3. Герб СССР;
4. Фигуральное или эмблематическое изображение одной из народностей союзных республик со следующим расположением: на 5-копеечной монете — Кавказ, на 3-копеечной — Восток, на 2-копеечной — Украина, на 1-копеечной — Белоруссия».

К началу июля художники-конкурсанты представили разнообразные проектные рисунки, нередко дополненные деталями, условиями конкурса не предусмотренными. Например, на копеечнике предлагалось поместить надпись «Не трать попусту», на двухкопеечнике — «Владыкой мира будет труд». 7 июля Валютное управление Наркомфина забраковало все вынесенные на его суд эскизы; безрезультатными оказались и последующие конкурсы.

Постановление ЦИК и Совнаркома от 6 января объявило о выпуске монет прежнего типа, но в бронзе (95 % меди и 5 % аллюминия) и существенно (более чем втрое) пониженной массы.

1 копейка в меди весила 3,27 г, 2 копейки — 6,55 г, 3 копейки — 9,80 г, 5 копеек — 16,38 г; эти же номиналы в бронзе — соответственно 1, 2, 3 и 5 г.

К началу 1925 г. Ленинградский монетный двор настолько расширил масштабы производства, что в состоянии был выполнять даже заказы зарубежных стран. С июня по декабрь он чеканил монеты для Монголии, затем заключил контракт на производство монет для Персии; в феврале 1929 г. выпускал монеты для Западного Китая.

Рис. 53. **Один из конкурсных проектов серии бронзовых монет СССР 1926 г.**

Отпала необходимость в продолжении параллельного с монетным обращения казначейских разменных бон достоинством от 1 до 50 копеек, эмитированных в соответствиии с февральским декретом 1922 г. 21 августа 1925 г. ЦИК и Совнарком установили крайний срок их платежеспособности до 31 августа 1926 г.

Таким образом, завершилось формирование четкой структуры денежного хозяйства СССР, оставшейся неизменной до конца его существования. Она была представлена основными (банковские и казначейские билеты) и вспомогательными (металлические монеты) платежными единицами.

Червонцы-банкноты на протяжении 1925 г. продолжают сохранять высокую котировку на биржах крупнейших государств Европы, Америки и Азии.

В этом же году задуман выпуск золотых монет СССР номиналами в один и два червонца, но дело ограничилось лишь изготовлением пробного червонца.

Во второй половине 1920-х гг. в Германии осуществлена широкомасштабная фальсификаторская акция по подрыву финансов СССР.

В ее организации активное участие приняли голландский миллиардер Генри Детердинг (глава мощного международного нефтяного концерна «Ройал Датч Шелл»), шведский миллионер Эммануил Нобель (племянник учредителя Нобелевской премии Альфреда Нобеля), Уинстон Черчилль (в то время — министр финансов Великобритании), генерал Макс Гоффман (в 1916—1918 гг.— начальник штаба Главнокомандования Восточного фронта, член германской делегации на Брестских переговорах 1918 г.), герцог Лейхтенбергский, генерал П. В. Глазенап (руководитель белоэмигрантского «Союза офицеров армии и флота» в Данциге), Национал-социалистская (фашистская) партия Германии.

Непосредственными исполнителями этой авантюры стали эмигранты Карумидзе и Садатарашвили, уже обладавшие солидным опытом фальшивомонетчиков[1], а также Кедия (председатель белоэмигрантского «Кавказского комитета» в Париже).

Весной 1926 г. при посредничестве герцога Лейхтенбергского Карумидзе встретился близ Гааги с Детердингом. Последний, в свою очередь, в начале июня организовал свидание того же Карумидзе с Черчиллем в Лондоне. На этих переговорах обсуждались общий план и детали предстоящей финансовой диверсии против СССР.

10 июня в лондонском «Таймсе» появилась заметка Детердинга, предсказывающая, что в ближайшее время «Советская Россия рухнет в результате невиданной инфляции».

Осенью 1926 г. в Мюнхене изготовлена первая партия банкнот достоинствами в 1, 3 и 10 червонцев — всего 15 тысяч купюр. Несколько позже их производство перекочевало во Франкфурт-на-Майне. Готовая продукция складировалась в Берлине.

В начале августа 1927 г. в одном из берлинских банков задержан национал-социалист Беккер, пытавшийся разменять фальшивые червонцы на марки. Вскоре арестованы Карумизде и Садатарашвили. Результаты обыска во франкфуртской типографии оказались ошеломляющими — обнаружены высококвалифицированно выполненные клише, 120 тысяч полуфабрикатов червонных купюр, запасы бумаги и краски, достаточные для изготовления 1,2 млн. банкнот! До склада готовой продукции руки берлинской полиции не дотянулись...

В сентябре 1928 г. генерал Глазенап направляет в СССР незаурядную личность — штабс-ротмистра Шиллера[2], снабженного тысячью купюр франкфуртской фабрикации. Побывав в Ленинграде, он благополучно возвратился в Данциг.

Второй визит Шиллера в Ленинград (на этот раз он имел при себе три тысячи фальшивых банкнот) оказался последним: 16 ноября его арестовали агенты Главного Политического Управления (ГПУ)...

[1] В конце 1916 г. были судимы в Тбилиси за подделку российских денежных купюр; первый был приговорен к смертной казни, второй — к 12-летней каторге. Оба избежали кары благодаря Февральской революции.

[2] А. Х. Шиллер (он же — Домбровский, Гринберг, Алексеев, Дернов), происходивший из крестьян западных губерний России, прошел в первую мировую войну путь от рядового солдата до офицера; стал кавалером Георгиевского креста всех четырех степеней.

Век твердой денежной системы, созданной реформой 1922—1924 гг., оказался недолгим. В 1926 г. наложен запрет на вывоз банковких билетов за границу, в 1928 г.— на обратный их ввоз в СССР, после чего советская валюта утратила конвертируемость. Причины этого были порождены, прежде всего, грубыми нарушениями НЭП, а затем и полным отказом от нее.

Уже в 1924 г. стала явственной диспропорция в уровне развития города и деревни, порожденная чрезмерным увлечением банковским кредитованием промышленности и мизерностью дотаций на сельское хозяйство. Стремительно расширяются «ножницы цен» (высокая стоимость промышленных товаров при непомерно низких ценах на сельскохозяйственные продукты). Закономерным следствием этого становится усиление товарного голода в сельских местностях и сокращение ими поставок своей продукции в города. Расстройство хозяйственных связей между городом и деревней усиливает инфляционные процессы в денежном обращении.

С сентября 1929 г. становятся систематическими рецидивы политики «военного коммунизма». Государственное управление народным хозяйством переходит на административно-приказные рельсы. Преобразования в народном хозяйстве приобретают характер безумной гонки, сметающей на своем пути достижения НЭП.

В начале 1930-х гг. окончательно ликвидированы частное предпринимательство, государственно-капиталистические предприятия и валютный рынок, проведена сопровождавшаяся «раскулачиванием» крестьянства насильственная коллективизация сельского хозяйства, свернуты рыночные отношения. Возобновляются усиленные бумажноденежные эмиссии[1], приведшие к ощутимому преобладанию денежной массы над товарной. В 1929 г. вводится карточная система распределения продовольственных и промышленных товаров в городе, оплата сельскохозяйственных поставок промышленными товарами в деревне.

В первой половине 1930-х гг. предпринимается ряд мер по оздоровлению расшатавшихся финансов: расширяется производство товаров народного потребления, организуется коммерческая торговля по ценам неорганизованного рынка, широко практикуются принудительные (формально — добровольные) государственные займы у населения.

К середине 1930-х гг. кризисные явления в денежном обращении приостановлены. В 1935 г. отменена карточная система распределения продовольственных товаров, в 1936 г.— промышленных. Введена свободная государственная торговля, основанная на более низких, чем до 1929 г., ценах.

[1] Если в 1929 г. на рынок поступили 800 млн. бумажных рублей, то в 1930 г.— 1,4 млрд. рублей, в 1932 г.— 2,7 млрд. рублей и т. д.

19 апреля 1933 г. валютный курс рубля установлен в 13,15 французского франка, 1 апреля 1936 г. он понижен до 3 франков. Золотое содержание рубля стало официально соответствовать 0,176850 г чистого золота, т. е. уменьшилось по сравнению с 1922 г. почти в 4,4 раза.

19 июля 1937 г. оно понижено до 0,167674 г, т. е. на 5,18 % по сравнению с 1936 г., а валютное исчисление рубля переведено на доллар США (1 доллар = 5 рублей 30 копеек).

Для бумажноденежного производства второй половины 1920-х — конца 1930-х гг. и чеканки монет первой половины 1930-х гг. характерны довольно разнообразные новации.

В обращение вошли казначейские билеты, обозначение номинала которых лишилось слова «золотом»: в 1925 г.— 3 и 5 рублей, в 1937 г.— 1, 3 и 5 рублей нового образца.

В 1927 г. эмитированы банковские билеты в 1 червонец (образца 1926 г.), в 1928 г.— 2 и 5 червонцев, в 1932 г.— 3 червонца (образца 1928 г.).

В 1938 г. выпущены купюры в 1, 3, 5 и 10 червонцев (образца 1937 г.). На них отсутствуют текст «Банковый билет подлежит размену на золото» и указание на размеры золотого содержания, впервые появляется портрет В. И. Ленина, исчезают факсимильные подписи должностных лиц Госбанка и Наркомфина.

Последнее обстоятельство, мотивировавшееся необходимостью «улучшения художественного оформления», имело явственную политическую подоплеку: к этому времени большинство лиц, чьи подписи фигурируют на банкнотах предшествующих лет, были репрессированы; очевидно, в предвидении неизбежности обнаружения в среде крупных финансовых деятелей очередных «врагов народа» решено отказаться от связанной с их именами детали внешнего оформления купюр. С той поры банкноты СССР оставались, в противоречие с международными нормами, анонимными.

В 1931 г. Советский Союз отказался от производства биллонных монет (небольшое их количество все же было отчеканено в первой половине этого года), начав чеканку никелевых 10, 15 и 20 копеек, вышедших в обращение с 1932 г. Аверсная сторона их сохранила прежний тип (с нее лишь убрана аббревиатура «СССР»), реверсная же стала совершенно иной: на ней появился сюжетный рисунок (рабочий с молотом в руке, опирающийся на геральдический щит с обозначением номинала) и размещенное по окружности полное название государства («Союз Советских Социалистических Республик»). Бронзовые монеты изменений не претерпели.

В 1935 г. со всех монет убран аверсный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (часть бронзовых монет 1935 г. выбита, однако, по прежнему образцу). Реверсный тип бронзовых монет остался прежним, а у никелевых изменились обе стороны: на аверс возвращено аббревиатурное название государства, на реверсе появилось изображение квадрата с усеченными углами, несущего на себе обозначение номинала.

Монетные типы 1935 г. сохранялись на протяжении последующих 25 лет. Лишь по мере изменения числа союзных республик варьировалось число витков ленты, опоясывающей колосья Государственного герба. В 1935—1936 гг. их было семь, в 1937—1946 гг.— одиннадцать, в 1948—1956 гг.— шестнадцать, с 1957 г.— пятнадцать.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. стала тяжелым испытанием для советского денежного хозяйства. Оборонная промышленность, армия и тыл поглощали огромные суммы. С целью покрытия дефицита государственного бюджета резко сокращается производство товаров народного потребления. С июля по октябрь 1941 г. страна переводится на карточную систему продовольственного и товарного распределения. Расширяются бумажноденежные эмиссии: уже в первый военный год количество денег в обращении выросло в 2,4 раза. На занятых германской армией территориях параллельно бытовали две валюты — советская и оккупационная. Последняя обращалась по принудительному курсу, приравнявшему 1 оккупационную марку к 10 рублям.

Монетный двор, эвакуированный в г. Краснокамск Пермской области, занят преимущественно изготовлением орденов и медалей. Производство монет отошло на второй план.

10-, 15- и 20-копеечники выпускались сравнительно небольшими тиражами непрерывно. Что же касается 1-, 2-, 3- и 5-копеечников, то они вообще не чеканились в 1942 и 1944 гг., а в 1943 г. были выбиты номиналы только в 3 и 5 копеек.

Преобладание денежной массы над товарной вызвало бурный рост рыночных цен: к 1943 г. они увеличились в 17 раз.

Крах германской наступательной стратегии летом 1943 г. привел к коренному перелому хода военных действий в пользу СССР, создал условия для сокращения бумажноденежных эмиссий, укрепления рубля и оживления товарного производства. С июля 1943 г. замедляется, а к июлю 1944 г. прекращается повышение цен.

Рубль вышел из войны сильно ослабленным: в 1945 г. его товарное покрытие оказалось втрое меньшим, чем в 1940 г. Денежная масса в обращении втрое превышала довоенную.

В 1946 г. государственный бюджет достиг устойчивой сбалансированности: его доходы на 18,6 млрд. рублей превысили расходы. Во второй половине 1947 г. промышленное производство вышло на довоенный уровень, собранный урожай оказался на 58 % больше прошлогоднего. Таким образом, сложились условия, позволявшие осуществить задуманную еще в 1942 г. денежную реформу, подкрепленную товарной интервенцией на рынок.

14 декабря 1947 г. опубликовано постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»: «...Денежная реформа 1947 г. призвана ликвидировать последствия второй мировой войны в области денежного обращения, восстановить полноценный советский рубль и облегчить переход к торговле по единым ценам без карточек...»

В обращение выпущены денежные купюры нового образца двух, как и прежде, категорий — казначейские (1, 3 и 5 рублей) и банковские (10, 25, 50 и 100 рублей[1]) билеты. Обмен их на деньги старых образцов[2] начат 16 декабря. На большей части страны он завершился к 22 декабря, в наиболее отдаленных ее регионах — к 29 декабря.

Находившиеся в обращении наличные деньги выкупались по соотношению 10 : 1 (10 рублей старого образца за 1 рубль нового).

Вклады населения в сберегательных кассах на сумму до 3000 рублей перерасчету не подлежали, свыше 3000 рублей переоценивались в соотношении 3 : 2, свыше 10 000 рублей — 2 : 1.

На облигации нового 3-процентного государственного займа 1948 г. выменивались облигации прежних массовых займов (3 : 1) и облигации свободно реализуемого займа 1938 г. (5 : 1). Облигациям 1947 г. была оставлена их нарицательная стоимость.

Суммы расчетных и текущих счетов колхозов, кооперативных предприятий и организаций пересчитывались на новые деньги в пропорции 5 : 4. Денежные суммы государственных предприятий и организаций не переоценивались.

Сфера металлического денежного обращения реформой затронута не была: в нем оставлены все, выпущенные с 1924 г. монеты.

Монетный двор в 1947 г. чеканку не проводил, а в 1948 г. возобновил производство монет по типу 1935 г.

---

[1] С этого времени наименование «червонец» на банкнотах не появлялось.

[2] Включая остававшиеся в обращении червонцы РСФСР 1922 г. и все денежные купюры СССР, выпущенные с 1924 г.

Государственные розничные цены в 1948 г. стали на 17 % ниже предреформенных, а рыночные упали более чем в три раза. Тем не менее, средний уровень цен был втрое выше предвоенного.

Устойчивая тенденция повышения покупательной силы рубля продержалась немногим более десятилетия. К началу 1950-х гг. в полной мере возродилась созданная в 1930-е гг. система управления экономикой, базирующаяся на необоснованно экстенсивном развитии одних отраслей народного хозяйства за счет других. В результате возобновляются инфляционные процессы. Попытка остановить их выразилась в законе от 26 февраля 1950 г., противоречившем действительному состоянию денежного хозяйства: золотое содержание рубля совершенно безосновательно определено в 0,222163 г, т. е. увеличено, по сравнению с прежним (0,167674 г) на 32,51 %; столь же неправомерно повышен на 24,53 % валютный рублевый курс — до 4 рублей вместо прежних 5 рублей 30 копеек за 1 доллар.

Мировой рынок признал это нововведение лишь в части, касающейся нормы золотого содержания рублевой единицы, что вполне понятно: именно золотом, а не купюрами реализуются международные торговые операции; по этой же причине объявленная валютная котировка неконвертируемого рубля была им проигнорирована.

В апреле 1957 г. Советское правительство вынуждено пойти на неофициальную корректировку валютного паритета рубля в сфере нетоварных операций (туризма, культурного обмена и т.п.) с государствами, обладающими конвертируемыми денежными единицами: при обмене советской валюты на иностранную введена рублевая надбавка (как правило, 150-процентная). Например, доллар разменивался уже не на 4, а на 10 рублей, каждый из которых, таким образом, шел по курсу в 2,5 раза более низкому, чем официальный. Золотое же содержание рубля, в котором проводились расчеты по товарному импорту, оставалось неизменным.

Стоимостная двойственность советской валюты самым негативным образом сказывалась на финансах СССР, его статусе в мировой экономике.

Отсутствие серьезного прогресса в народном хозяйстве последующих лет и усиливавшиеся из года в год денежные эмиссии влекли за собой быстрое падение покупательной способности рубля. В попытках воспрепятствовать инфляционным процессам была осуществлена очередная пропагандистская акция, не имевшая под собой экономической основы.

4 мая 1960 г. Совет Министров принял постановление о введении денег нового образца и изменении с января 1961 г. масштаба цен.

5-я сессия Верховного Совета СССР 5-го созыва (5—7 мая) одобрила это постановление.

15 ноября Совет Министров объявил о предстоящем повышении в 4,4 раза валютного курса рубля (90 копеек = 1 доллару) и его золотого содержания (до 0,987412 г) на «основе реального соотношения покупательной способности валют (рублевой и долларовой.— *В. Р.*)».

Таким образом, неконвертируемый рубль был внезапно «превращен» в ведущую мировую валюту!

С 1 января 1961 г. в обращение выпущены новые образцы бумажных и металлических денег — казначейские билеты в 1, 3 и 5 рублей, банковские билеты в 10, 25, 50 и 100 рублей, монеты в 1, 2, 3 и 5 копеек (желтый медно-цинковый сплав), 50 копеек и 1 рубль (белый медно-никелевый сплав).

Монеты этого типа выпускались по 1991 г. (50 копеек и 1 рубль не чеканились в 1962—1963 гг.; 3, 5, 10, 15 и 20 копеек — в 1963—1964 гг.).

Пятидесятикопеечник и рублевик 1961 г. имели гладкий гурт, что облегчало их подделку; поэтому в этом же году они были изъяты из обращения. С 1964 г. на них помещалась гуртовая легенда.

В 1965 г. чеканкой медно-никелевого рублевика в память 20-летия победы в Великой Отечественной войне возобновилась дореволюционная традиция выпуска мемориальных монет. В 1967 г. появилась монетная серия, посвященная 50-летнему юбилею Октябрьской революции — 10, 15, 20 копеек, Пятьдесят копеек и Один рубль, в 1970 г.— Один рубль в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина, в 1975 г.— 1 рубль на 30-летие победы в Великой Отечественной войне.

В 1977—1991 г. выпуск памятных монет велся непрерывно. В медно-никелевом сплаве чеканились рублевики, к которым в 1987, 1989 и 1991 гг. присоединились трехрублевики, в 1987—1991 гг. пятирублевики (две разновидности 5 рублей 1991 г.— биметаллические: в их медно-никелевый диск заштампован диск марганцовистой латуни).

Началась мемориальная чеканка и в драгоценных металлах: в 1977—1980 гг. выпускались серебряные 5 и 10 рублей, золотые 100 рублей и платиновые 150 рублей, в 1988—1991 — серебряные 3, 10 (только в 1990) и 50 (только в 1991) рублей, палладиевые 5 (только в 1991), 10 (только в 1991) и 25 рублей, золотые 10 (только в 1991), 25 (только в 1991), 50 и 100 рублей, платиновые 150 рублей.

Всего выпущено 159 видов мемориальных монет: в ***медно-никелевом*** сплаве — 76 (по одному виду 10, 15, 20 и 50 копеек, 54 вида рублевика, 3 трехрублевика, 15 пятирублевиков), в ***серебре*** — 42 (12 трехрублевиков, 14 пятирубле-

виков, 15 десятирублевиков, 1 пятидесятирублевик), в ***палладии*** — 13 (1 пятирублевик, 1 десятирублевик, 11 двадцатипятирублевиков), в ***золоте*** — 18 (1 десятирублевик, 1 двадцатипятирублевик, 5 пятидесятирублевиков, 11 сторублевиков), в ***платине*** — 10 стопятидесятирублевиков.

Эти беспрецедентно обильные выпуски мемориальных монет[1] предназначались (за исключением, пожалуй, чеканки 1965, 1967, 1970 и 1975 гг.) прежде всего для коллекционеров. Их тиражи (в медно-никелевом сплаве — в значительной мере, в драгоценных металлах — полностью) реализовывались по антикварным ценам на международном и в меньшей степени на союзном нумизматическом рынках.

11 декабря 1990 г. опубликован Закон о Государственном банке СССР, заявивший об отмене уже давно ставшего анахронизмом золотого содержания рубля:

«...официальное соотношение между рублем и золотом или другими драгоценными металлами не устанавливается.

...Госбанк СССР регулирует курс рубля к денежным единицам иностранных государств путем установления официальных котировок курса и совершения операций по продаже и покупке иностранной валюты за рубли на свободном валютном рынке...»

В ночь с 8 на 9 декабря 1991 г. главы Российской Федерации, Беларуси и Украины, собравшиеся в Вискулях (Беловежская пуща), объявили о роспуске Союза Советских Социалистических Республик.

В 1991—1992 гг. осуществлены последние денежные эмиссии от имени СССР.

6 апреля 1991 г. в обращение вошли 10 копеек (желтая марганцовистая латунь), 29 декабря — 50 копеек, 1, 5 рублей (белый медно-никелевый сплав) и 10 рублей (комбинированная субстанция: белый медно-никелевый диск с заштампованным в его центре диском желтой марганцовистой латуни)[2]. На этих монетах герб СССР сменен изображениями зданий Верховного Совета СССР и Спасской башни Московского Кремля, окруженными легендой «Государственный Банк СССР».

30 октября 1991 г. денежное обращение пополнилось банкнотой в 200 рублей, 26 декабря — в 500 рублей (обе — образца 1991 г.); 4 марта 1992 г. — модифицированными банкнотами образца 1991 г. в 50, 100 рублей и 19 марта — в 1000 рублей; наконец, 1 июля — банкнотами образца 1992 г. в 50, 200, 500 и 1000 рублей.

---

[1] Для сравнения: в Российской империи с 1834 по 1914 г. было выбито всего 13 их видов.

[2] Судя по всему, выпуск этой серии предполагалось продолжить и в последующие годы: в обращение неведомо как «просочилось» несколько десятков тысяч 10-рублевиков с датой «1992».

На всех этих купюрах — герб СССР и надпись «Государственный Банк СССР».

Таким образом, большая часть (как металлических, так и бумажных) эмиссий 1991—1992 гг. была проведена от имени уже не существовавшего государства.

Во второй половине 1992 г. началась эмиссионная деятельность Центрального банка Российской Федерации. 3 августа в обращение пущены монеты номиналами в 1, 5, 10, 20, 50 и 100 рублей образца 1992 г., 29 декабря — банкнота в 10 000 рублей образца 1992 г.; 26 января 1993 г. — банкноты в 100, 200, 500, 1000 и 5000 рублей, 12 марта — в 10 000 рублей, 19 мая — в 50 000 рублей образца 1993 г.

В Беларуси при продолжавшемся обращении монет (образца 1961 г.) и купюр СССР имеющими законную платежную силу были объявлены и купюры РФ.

Систематические срывы Гознаком РФ поставок денежной наличности вынудили Совет Министров Республики Беларусь к принятию 8 мая 1992 г. постановления № 270, гласившего: «...с июня 1992 г. в республике выпускаются в обращение в качестве самостоятельного платежного средства расчетные билеты Национального банка... При этом соблюдается масштаб 1 билет (рублевого достоинства.— ***В. Р.***) : 10 рублям (СССР, а затем и РФ.— ***В. Р.***)...

В июне появились расчетные билеты нарицательной стоимостью в 50 копеек, 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей, а с 8 декабря — в 250 и 500 рублей; с 8 декабря 1993 г. — в 1000 рублей (образца 1992 г.) с 7 апреля 1994 г. — в 5000 рублей.

Номиналы от 50 копеек по 1000 рублей одноформатны — 105 × 53 мм, 5000 рублей — 105 × 61 мм.

Лицевая сторона — Государственный герб («Погоня»), расположенные слева и справа от него цифирные обозначения номинала (исключение — 50-копеечная купюра, достоинство которой обозначено цифирно-словесно), надписи «Разліковы білет Нацыянальнага банка Беларусі», «Падробка разліковых білетаў Нацыянальнага банка Беларусі праследуецца па закону» и дата «1992»;

Оборотная сторона — цифирное (дважды) и словесное обозначения номинала (на 50-копеечной купюре — цифирное, словесное и цифирно-словесное), двухбуквенная серия и семизначный номер красного (билеты от 1 до 100 рублей), красного и черного (200 и 500 рублей) цветов. На 50 копейках серия и номер отсутствуют, на 1000 рублях они обозначены дважды — в красном и черном цветах.

Помимо нарицательных стоимостей различия между расчетными билетами заключаются в их цветовых гаммах и изображениях оборотных сторон: Пяцьдзесят капеек — коричнево-бордовый и розовый цвета, Белка; Адзін рубель — бирюзовый, голубой и бордовый цвета, Заяц; Тры

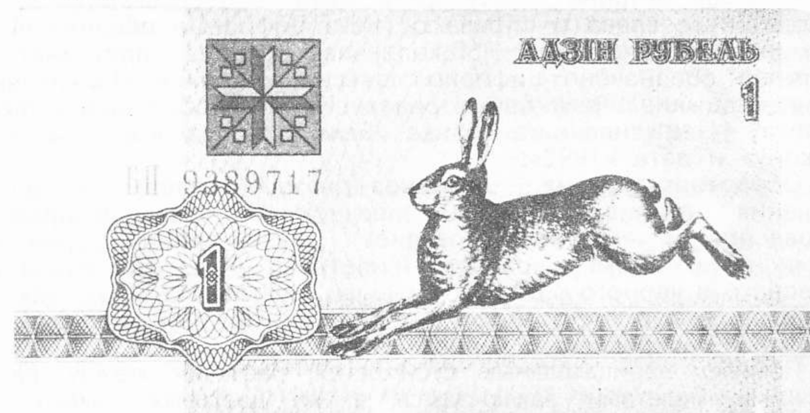
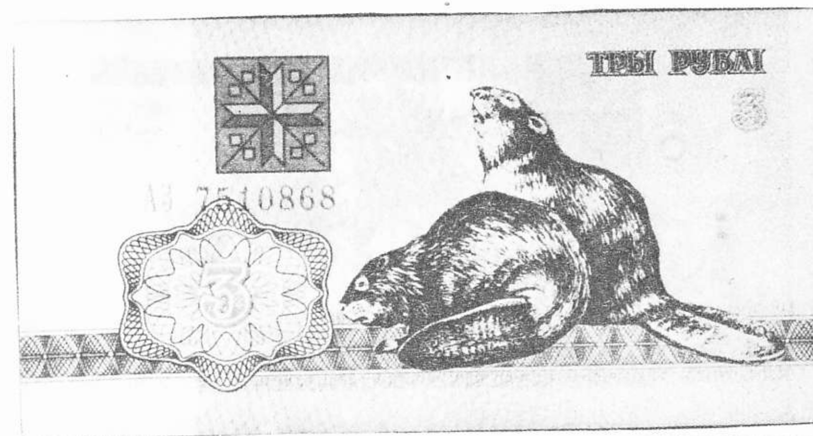

Рис. 54. **Республика Беларусь.** Расчетные билеты — 50 копеек (лицевая и оборотная стороны), 1 рубль (оборотная сторона)

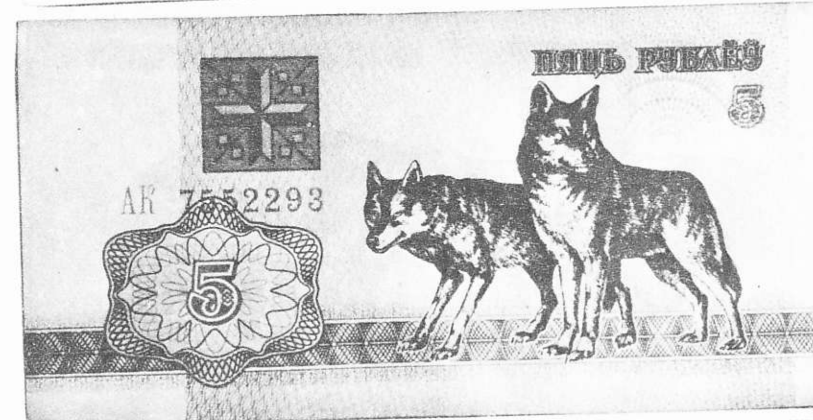

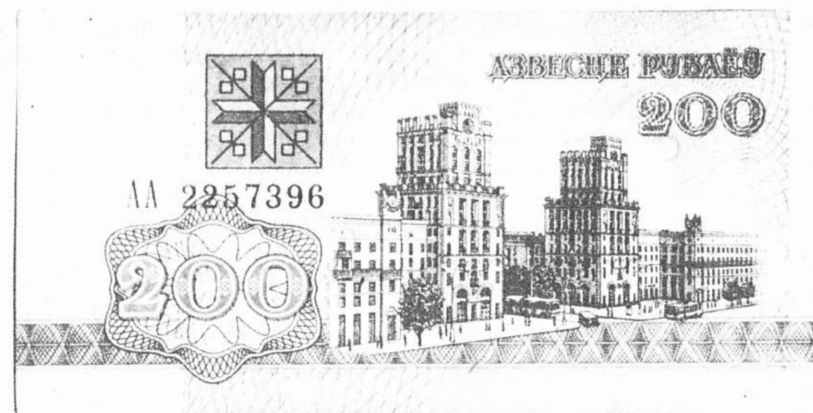
Рис. 55. **Республика Беларусь.** Расчетные билеты (оборотные стороны) — 3 рубля, 5 рублей, 10 рублей

Рис. 56. **Республика Беларусь.** Расчетные билеты (оборотные стороны) — 25 рублей, 50 рублей, 100 рублей

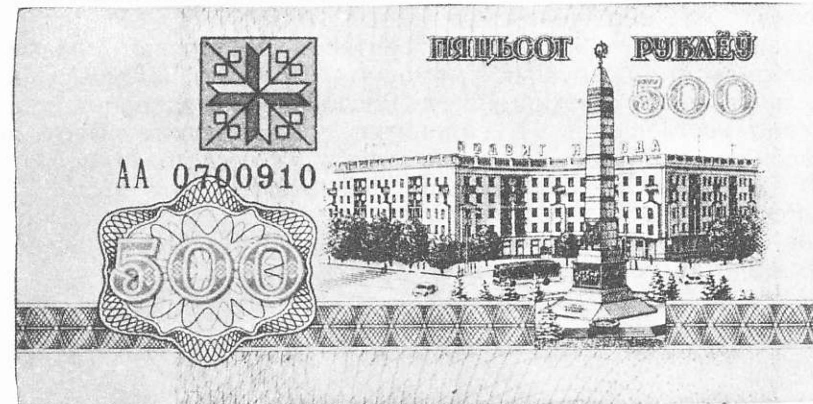

Рис. 57. **Республика Беларусь.** Расчетные билеты (оборотные стороны) — 200 рублей, 500 рублей, 1000 рублей

рублі — зеленый и светло-коричневый цвета, Бобры; Пяць рублёў — сине-голубой и розовый цвета, Волки; Дзесяць рублёў — зеленый, сине-голубой и светло-коричневый цвета, Рысь с детенышем; Дваццать пяць рублёў — розово-коричневый и салатный цвета, Лось; Пяцьдзесят рублёў — фиолетовый и розовый цвета, Медведь; Сто рублёў — розовый и зелено-коричневый цвета, Зубр; Дзвесце рублёў — голубой, коричневый и серый цвета, Привокзальная площадь в Минске; Пяцьсот рублёў — розово-сиреневый цвет, Площадь Победы в Минске; Тысяча рублёў — синий, зеленый и розовый цвета, здание Президиума Академии Наук РБ; Пяць тысяч рублёў — бордовый, зеленый и желтый цвета, Троицкое предместье Минска.

К концу июля 1993 г. Центральный банк России отозвал из обращения денежные купюры СССР и РФ образцов 1961—1992 гг. 7 сентября в Москве главами правительств республик Армении, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Российской Федерации подписано соглашение о принятии практических мер по созданию рублевой зоны нового типа — на базе валюты РФ. Соглашение это осталось невыполненным.

Республика Беларусь вступила в период монобумажного денежного обращения, основанного исключительно на расчетных билетах ее Национального банка.

СПРАВОЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

Монетный каталог

Геральдические изображения, вензели, монограммы
и другие аббревиатуры на монетах

Инициалы должностных лиц монетных дворов
Великого княжества Литовского, Польши и Саксонии

Монетные дворы Великого княжества Литовского,
Польши и Саксонии

Инициалы и имена должностных лиц монетных дворов России

Монетные дворы России и зарубежных стран,
чеканивших российские монеты

Монетные дворы РСФСР, СССР и Великобритании
(чеканка по заказам Советского правительства)

Уход за старинными монетами
(чистка и консервация)

МОНЕТНЫЙ КАТАЛОГ

ТАБЛИЦА 1

Рим (империя). *Веспасиан* (69—79). *1.* Сестерций 71; *2.* Денарий 75—79; *3.* Ауреус 69—70. *Тит* (79—81). *4.* Сестерций 80—81; *5.* Денарий 80; *6.* Ауреус 79 (23 июня — 1 июля). *Домициан* (81—96). *7.* Сестерций 88—89; *8.* Денарий 88; *9.* Ауреус 88—89.

ТАБЛИЦА 2

Рим (империя). *Нерва* (96—98). *1.* Сестерций 97; *2.* Денарий 97; *3.* Ауреус 97. *Траян* (98—117). *4.* Сестерций 115(?)—116; *5.* Денарий 112—117; *6.* Ауреус 98—99. *Адриан* (117—138). *7.* Сестерций 119—138; *8.* Денарий 118; *9.* Ауреус 119—122.

ТАБЛИЦА 3

Рим (империя). *Антонин Пий* (138—161). *1.* Сестерций 140—143(144?); *2.* Денарий 139; *3.* Ауреус 140—144. *Фаустина Старшая (супруга Антонина Пия).* *4.* Сестерций 139—141; *5.* Денарий 141; *6.* Ауреус 141 (или ближайшие к нему гг.). *Марк Аврелий* (161—180). *7.* Сестерций 169 (декабрь) — 170 (декабрь); *8.* Денарий 161; *9.* Ауреус 173 (декабрь) — 174 (декабрь).

ТАБЛИЦА 4

Рим (империя). *Фаустина Младшая (супруга Марка Аврелия).* *1.* Сестерций 161—176; *2.* Денарий 161—176; *3.* Ауреус 161—176. *Коммод* (180—192). *4.* Сестерций 181 (январь — 9 декабря); *5.* Денарий 190; *6.* Ауреус 180 (после 17 марта). *Криспина Августа (супруга Коммода).* *7.* Сестерций 180—183; *8.* Денарий 181 (декабрь) — 182 (декабрь); *9.* Ауреус 181 (декабрь) — 182 (декабрь).

ТАБЛИЦА 5

Рим (империя). *Септимий Север* (193—211). *1.* Сестерций 196; *2.* Денарий 193 (начало июня — конец года); *3.* Ауреус 196—197. *Каракалла* (211—217). *4.* Сестерций 213; *5.* Денарий 216; *6.* Ауреус 215. *Элагабал* (218—222). *7.* Сестерций 220; *8.* Денарий 220—222; *9.* Ауреус 221.

ТАБЛИЦА 6

Иран (царство). Сасаниды, драхмы. *1.* *Варахдан V* (420—438). *2.* *Иездигерд II* (438—457). *3.* *Пероз* (457/459—484). *4.* *Кавад I* (1-е правление. 488—496).

ТАБЛИЦА 7

Иран (царство), Сасаниды, драхмы. *1. Хосров I* (531—579). 29 год правления. *2. Хормизд IV* (579—590) — 8 год правления. *3. Хосров II* (591—628) — 29 год правления. *4. Иездигерд III* (637—651) — 13 год правления.

ТАБЛИЦА 8

Арабский халифат, дирхамы. Умайады (халифы): *Ал-Валид ибн Абд-ал-Малик* (705—714). *1.* Гор. Васит, 711—712. *Хишам ибн Абд-ал-Малик* (724—743). *2.* Гор. Ифрикия, 731—732; *3.* Гор. Васит, 739—740 (с приклепанным ушком для подвешивания). Аббасиды (халифы): *Ал-Мансур ибн Мухаммад* (754—775). *4.* Гор. ал-Куфа, 759—760; *5.* Гор. Ардешир-Хурра, 761—762 (обрезок 4/5); *6.* Гор. Арминия, 770—771. *Ал-Махди ибн ал-Мансур* (775—785). *7.* Гор. Ифрикия, 778—779.

ТАБЛИЦА 9

Арабский халифат, дирхамы. Аббасиды (халифы): *Ар-Рашид ибн ал-Махди* (786—809). *1.* Гор. Арминия, 806—807; *2.* Гор. Арран, 806—807; *3.* Гор. Мадинат ас-Салам, 795—796. *Ал-Мамун ибн ар-Рашид* (810—833). *4.* Гор. ал-Мухаммедия (старый штемпель аверса — 767); *5.* Гор. ал-Мухаммедия, 811—812; *6.* Гор. Мерв, 813—814; *7.* Гор. ар-Рафика, 823—824.

ТАБЛИЦА 10

Арабский халифат, дирхамы. Аббасиды (халифы): *Ал-Мамун ибн ар-Рашид* (810—833). *1.* Гор. Самарканд, 813—814 (аверс; по диаметру ножевая разметка для разрезывания); *2.* Гор. Мааден Баджунейс, 824—825 (обрезок 1/2); *3.* Гор. ал-Басра (?), дата не сохранилась (обрезок 2/3). *Ал-Мутазз биллах ибн Мутаваккиль* (866—869). *4.* Гор. Самарканд, 866 (граффити: аверс. стрела и ладьеобразное изображение, реверс. стяг). Саманиды (эмиры): *Исмаил ибн Ахмад* (892—907). *5.* Гор. Самарканд, 894—895 (у края. 3 круглых отверстия для подвешивания); *6.* Гор. аш-Шаш, 896—897. *Ахмад ибн Исмаил* (907—914). *7.* Гор. аш-Шаш, 908—909. *Наср ибн Ахмад* (914—943). *8.* Гор. Балх, 926—927 (у края заклепка от ушка для подвешивания). *Нух ибн Наср* (943—954). *9.* Гор. Самарканд, 945—946.

ТАБЛИЦА 11

Арабский Халифат, дирхамы. Саманиды (эмиры): *Мансур ибн Нух* (961—976). *1.* Гор. Бухара, 962. Саффариды (эмиры): *Амр ибн Лайс* (878—900). *2.* Гор. Шираз, 896—897 (у края ножевое отверстие для подвешивания). Буиды (Бувайхиды; эмиры): *Рукн ад-даула* (950—967). *3.* Гор. ал-Мухаммедия, 965—966. Укайлиды (эмиры): *Нур ад-даула* (1000—1007). *4.* Гор. ал-Маусил, 1002—1003.

Волжская Булгария (эмират), дирхам. *Микаил ибн Ахмад* (918—921). *5.* Гор. Сувар, 920—921 (с приклепанным ушком для подвешивания; край обломан).

Подражания куфическим дирхамам: *6.* Прототип не установлен; *7.* Прототип саманидский дирхам *Исмаила ибн Ахмада,* чеканенный в аш-Шаше(?).

ТАБЛИЦА 12

Византия (империя). *Аноним. 1.* Фоллис 976(?)—1030/1035. *Роман I Лакапин, Константин VII Багрянородный, Стефаний и Константин Лакапин* (931—944). *2.* Милиарисий. *Константин VII Багрянородный и Роман II Лакапин* (945—959). *3.* Милиарисий; *4.* Номисма. *Константин VII Багрянородный* (913—959). *5.* Милиарисий двойной; *6.* Номисма. *Константин VIII* (1025—1028). *7.* Номисма.

ТАБЛИЦА 13

Древняя Русь (Вел. княжество Киевское). *Владимир Святославич* (980—1015). *1—8.* Златники.

ТАБЛИЦА 14

Древняя Русь (Вел. княжество Киевское). *Владимир Святославич* (980—1015). *1—2.* Сребреники ок.989; *3—6.* Сребреники последних лет княжения (не ранее 1011).

ТАБЛИЦА 15

Древняя Русь (Вел. княжество Киевское). *Святополк Ярополчич* (1015—1016, 1018). *1—4.* Сребреники ок. 1016, *5—7.* Сребреники ок. 1018.

ТАБЛИЦА 16

Древняя Русь (Новгород). *Ярослав Владимирович* (1014—1015). *1—4.* Сребреники 1014—1015 (*2, 4* — у края по два круглых отверстия для подвешивания).

ТАБЛИЦА 17

Королевство (с 800 — империя) франков. *Карл Великий* (768—814). *1.* Денарий.

Германия (с 843 — Королевство восточных франков, с 962 — Священная Римская империя). Денарии (пфенниги): *2. Конрад I* (911—918). Гор. Регенсбург. *3. Генрих I* (919—936). Гор. Мец. *4—7. Оттон I* (936—973). Гор. Камбрэ; Страссбург; Кёльн; Магдебург. *8. Оттон II* (973—983). Гор. Майнц (у края круглое отверстие для подвешивания). *9—10. Оттон III* (983—1002). Гор Кёльн; Дортмунд.

ТАБЛИЦА 18

Германия (Священная Римская империя). Денарии (пфенниги): *1. С именами Оттона и Адельгейды* (991—1040; остатки приклепанного ушка для подвешивания). *2—4. Генрих II* (1002—1024). Гор. Утрехт (приклепанное ушко для подвешивания); гор. Страссбург (остатки приклепанного ушка для подвешивания); гор. Регенсбург. *5. Конрад II* (1024—1039). Гор. Шпейер (у края круглое отверстие для подвешивания). *6—8. Генрих III* (1039—1056) гор. Шпейер (*7* — у края круглое отверстие для подвешивания). *9—10. Генрих IV* (1056—1106). Гор. Дуисбург; Майнц.

ТАБЛИЦА 19

Германия (с 843 — Королевство восточных франков, с 962 — Священная Римская империя). Денарии (пфенниги): *1. Бруно* (архиепископ; 953—965). Гор. Кёльн. *2. Бурхард II* (герцог; 954—973). Гор. Цюрих. *3. Виллигис* (архиепископ; 975—1011). Гор. Майнц. *4. Генрих II* (герцог; 985—995). Гор. Регенсбург. *5. Генрих IV* (герцог; 995—1002). Гор. Зальцбург. *6. Эрхард* (маркграф; 985—1002). Гор. Мейсен. *7. Арнульф* (епископ; 996—1023). Гор. Гальберштадт. *8. Адельгейда* (аббатиса; 999—1044). Гор. Кведлинбург. *9. Бруно* (архиепископ; 1006—1029). Гор. Аугсбург. *10. Герман фон Кальвелаге* (граф; 1020—1051). Гор. Эмден (у края круглое отверстие для подвешивания).

ТАБЛИЦА 20

Германия (Священная Римская империя). Денарии (пфенниги): *1. Титмар* (архиепископ; 1025—1041). Гор. Зальцбург. *2. Готтфрид II* (герцог; 1039—1056). Гор. Буйон. *3. Дитрих* (епископ; 1046—1089). Гор. Верден. *4. Эберхард* (архиепископ; 1047—1066). Гор. Кобленц. *5. Анно* (архиепископ; 1056—1073). Гор. Кёльн. *6. Ордульф* (герцог; 1059—1071). Гор. Евер. *7. Эгберт II* (граф; 1068—1090). Гор. Ставорен (колечко для подвешивания). *8—9. Вендки* (Саксония).

Венгрия (королевство). *Стефан I* (1000—1038). *10.* Денарий.

ТАБЛИЦА 21

Англия (королевство). Денарии (пенни): *1. Этельред II* (978—1016). *2. Канут* (1016—1035).

Чехия (княжество). Денарии: *3. Болеслав III* (999—1003). *4. Ольдржих* (1012—1034). *5. Бржетислав I* (1034—1055).

Польша (княжество, королевство). Денарии: *6. Мешко I* (князь; ок. 963—992). *7. Болеслав I Храбрый* (князь; 992—1025). *8. Болеслав II Смелый* (король; 1076—1079). *9. Владислав I Герман* (князь; 1079—1102).

ТАБЛИЦА 22

Русь (княжества). Платежные слитки: *1.* Гривна (рубль) киевского типа, XI—XIII вв. (вид со «спинки»). *2—3.* Гривна (рубль) и полтина новгородского типа, XII—XV вв. (вид сбоку). *4—5.* Гривна (рубль, изрой; вид со «спинки») и полтина (вид сбоку и со «спинки») литовского типа, XIII—XV вв.

ТАБЛИЦА 23

Чехия (королевство). Пражские гроши: *1. Вацлав II Пржемыслович* (1278—1305), чеканка 1300—1305. *2. Ян I Люксембург* (1310—1346). *3. Карл I Люксембург* (1346—1378). *4. Вацлав IV Люксембург* (1378—1419).

Золотая Орда (ханство). Д ж у ч и д ы: *5. Джанибек* (1340—1357). Гор. Сарай ал-Джадид, пул 1351—1352. *6. Токтамыш* (1376—1391). Гор. Сарай ал-Джадид, дирхам 1389—1390.

Англия (королевство). *7. Эдуард III Плантагенет* (1327—1377). Нобль («корабельник») 1344. *8. Эдуард IV Йорк* (1461—1483). Нобль (розенобль).

ТАБЛИЦА 24

Великое княжество Литовское. *1—12.* Денарии 2-й пол. XIV — 1-й трети XV вв.

ТАБЛИЦА 25

Великое княжество Литовское. *Александр Ягеллончик* (1492—1506). *1.* Денарий; *2.* Полугрош. *Сигизмунд I Старый* (1506—1545). *3.* Полугрош 1509; *4—5.* Гроши 1535, февраль 1536. *Сигизмунд II Август* (1545—1572). *6—7.* Оболы (полуденарии) 1546, 1546; *8.* Денарий 1559; *9.* Денарий двойной (двуденар) 1570; *10—11.* Полугроши 1565, 1566.

ТАБЛИЦА 26

Великое княжество Литовское. *Сигизмунд II Август* (1545—1572). *1.* Грош 1556; *2.* Грош двойной (двояк) 1565; *3—6.* Гроши тройные (трояки) 1562, 1562, 1563, 1565; *7.* Четыре гроша (чворак) 1569; *8.* Шесть грошей (шостак) 1547.

ТАБЛИЦА 27

Великое княжество Литовское. *Сигизмунд II* Август (1545—1572). *1.* Шесть грошей (шостак) 1562; *2—3.* Талеры (полукопки, 30 грошей) 1564, 1565[1]; *4.* Дукат (червоный злотый) 1561.

ТАБЛИЦА 28

Великое княжество Литовское. *Сигизмунд II* Август (1545—1572). *1—2.* Контрамаркированные (1564) неаполитанские полуталеры Карла V (1516—1556) и Филиппа II (1556—1598); *3.* Контрамаркированный (1564) неаполитанский талер Филиппа II.

ТАБЛИЦА 29

Польша (королевство). *Казимир III Великий* (1333—1370). *1.* Грош краковский 1337—1347. *Владислав II Ягелло* (1386—1434). *2—3.* Денарии 1386—1393, 1393—1396; *4.* Тернарий (тжетяк) 1396—1403; *5.* Полугрош 1399—1406. *Владислав III Варненьчик* (1434—1444). *6.* Денарий 1431—1440. *Казимир IV Ягеллончик* (1447—1492). *7.* Денарий 1456—1479; *8—9.* Полугроши 1468—1479, 1479—1492. *Ян Ольбрахт* (1492—1501). *10—11.* Полугроши 1492—1499, 1499—1501.

ТАБЛИЦА 30

Польша (королевство). *Александр Ягеллончик* (1501—1506). 1. Полугрош. *Сигизмунд I Старый* (1506—1548). *2.* Денарий; *3.* Тернарий (тжетяк) 1527; *4.* Полугрош 1507; *5.* Грош 1546; *6.* Грош тройной (трояк) 1528; *7.* Шесть грошей (шустак) 1528; *8.* Талер 1533; *9.* Дукат (червоный злотый) 1529.

ТАБЛИЦА 31

Польша (королевство). *Сигизмунд I Старый* (1506—1548). *1.* Солид (шелёнг) гор. Гданьска 1547; *2—3.* Гроши гор. Гданьска 1533, 1540; *4.* Грош гор. Эльблёнга 1534; *5.* Грош для «земель прусских» 1533; *6—7.* Гроши тройные (трояки) для «земель прусских» 1529, 1535. *Сигизмунд II Август* (1548—1572). *8—9.* Гроши литовского типа, чеканенные по польской монетной стопе, 1547, 1566.

ТАБЛИЦА 32

Речь Посполитая (королевство). *Стефан Баторий* (1576—1586). *1.* Денарий двойной (двуденар) литовского типа, чеканенный в Митаве (Курляндия), 1579; *2—3.* Солиды (шеляги) литовские 1582,1583; *4.* Грош литовский 1580; *5—9.* Гроши тройные (трояки) литовские 1580, 1581, 1581, 1582, 1583.

ТАБЛИЦА 33

Речь Посполитая (королевство). *Стефан Баторий* (1576—1586). *1—2.* Гроши тройные (трояки) литовские 1585, 1586; *3.* Шесть грошей (шостак) литовские 1585; *4.* Талер литовский 1580; *5.* Дукат (червоный злотый) литовский 1586; *6—9.* Солиды (шелёнги) польские 1580, 1580, 1582, 1586.

---

[1] Полуталер (четвертькопка), отчеканенный в 1564, имеет такое же, как и талер 1564, внешнее оформление, но на аверсе под вензелем Сигизмунда — цифра «XV».

ТАБЛИЦА 34

Речь Посполитая (королевство). *Стефан Баторий* (1576—1586). *1.* Грош польский 1580; *2—10.* Гроши тройные (трояки) польские 1579, 1580, 1583, 1583, 1584, 1584, 1585, 1586, 1586.

ТАБЛИЦА 35

Речь Посполитая (королевство). *Стефан Баторий* (1576—1586). *1.* Полуталер польский без даты; *2.* Талер польский 1580; *3.* Талер трансильванский 1585; *4.* Дукат трансильванский 1586; *5.* Солид (шиллинг) для «земель прусских» 1584.

ТАБЛИЦА 36

Речь Посполитая (королевство). *Стефан Баторий* (1576—1586). *1.* Солид (шелёнг) гор. Гданьска 1579; *2.* Грош гор. Гданьска 1578; *3—5.* Солиды (шиллинги) гор. Риги 1582, 1585, 1586; *6.* Грош гор. Риги 1583; *7—10.* Гроши тройные (драйгрошеры) гор. Риги 1581, 1583, 1584, 1585.

ТАБЛИЦА 37

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—3.* Денарии двойные (двуденары) литовские 1607, 1611, 1620; *4—6.* Солиды (шеляги) литовские 1589, 1618, 1624; *7—11.* Гроши литовские 1607, 1608, 1612, 1625, 1627; *12.* Полтора гроша (полторак, чех) литовские 1619.

ТАБЛИЦА 38

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—10.* Гроши тройные (трояки) литовские 1589, 1590, 1590, 1591, 1592, 1593, 1593, 1594, 1595, 1595.

ТАБЛИЦА 39

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* (1587—1632). *1—10.* Гроши тройные (трояки) литовские 1596, 1596, 1596, 1597, 1597, 1598, 1598, 1599, 1601, 1601.

ТАБЛИЦА 40

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* (1587—1632). *1—2.* Гроши тройные (трояки) литовские 1601, 1608; *3.* Полупортугал (5 дукатов) литовский 1621; *4—6.* Тернарии (тжетяки) гор. Лобженицы 1624, 1625, 1627; *7—8.* Тернарии (тжетяки) гор. Познани 1615, 1626; *9.* Тернарий (тжетяк) польский 1619.

ТАБЛИЦА 41

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза (1587—1632).* *1—7.* Солиды (шелёнги) польские 1592, 1592, 1595, 1597, 1613, 1623, 1626; *8—9.* Гроши польские 1605, 1611; *10—11.* Полтора гроша (пултораки, чехи) польские 1614, 1617.

ТАБЛИЦА 42

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* (1587—1632). *1—2.* Полтора гроша (пултораки, чехи) польские 1619, 1625; *3.* Крейцер (круцеж) тройной 1617 (для торговли с Силезией); *4—10.* Гроши тройные (трояки) польские 1588, 1588, 1589, 1590, 1590, 1591, 1592.

ТАБЛИЦА 43

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—10.* Гроши тройные (трояки) польские 1592, 1592, 1593, 1593, 1594, 1594, 1594, 1594, 1595, 1595.

ТАБЛИЦА 44

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—10.* Гроши тройные (трояки) польские 1595, 1595, 1595, 1595, 1595, 1595, 1596, 1596, 1596, 1596.

ТАБЛИЦА 45

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—10.* Гроши тройные (трояки) польские 1596, 1596, 1596, 1596, 1596, 1596, 1597, 1597, 1597, 1597.

ТАБЛИЦА 46

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—10.* Гроши тройные (трояки) польские 1597, 1597, 1597, 1597, 1597, 1597, 1597, 1597, 1597, 1597.

ТАБЛИЦА 47

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—10.* Гроши тройные (трояки) польские 1597, 1598, 1598, 1598, 1598, 1598, 1598, 1598, 1598, 1598.

ТАБЛИЦА 48

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—10.* Гроши тройные (трояки) польские 1598, 1598, 1598, 1598, 1598, 1598, 1598, 1599, 1599, 1599.

ТАБЛИЦА 49

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—10.* Гроши тройные (трояки) польские 1599, 1599, 1599, 1599, 1600, 1600, 1600, 1600, 1600, 1600.

ТАБЛИЦА 50

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—10.* Гроши тройные (трояки) польские 1600, 1600, 1600, 1601, 1601, 1601, 1601, 1601, 1602, 1602.

ТАБЛИЦА 51

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—8.* Гроши тройные (трояки) польские 1603, 1604, 1605, 1606, 1610, 1618, без даты, без даты; *9.* Шесть грошей (шустак) польские 1596.

ТАБЛИЦА 52

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* **(1587—1632).** *1—7.* Шесть грошей (шустаки) польские 1596, 1599, 1599, 1599, 1599, 1601, 1601.

ТАБЛИЦА 53

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* (1587—1632). *1.* Шесть грошей (шустак) польские 1627; *2.* Орт польский 1623; *3.* Полуталер польский 1628; *4—5.* Талеры польские 1623, 1627.

ТАБЛИЦА 54

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* (1587—1632). *1.* Дукат (червоный злотый) польский 1592; *2.* Португал (10 дукатов) польский 1612; *3.* Грош гор. Гданьска 1627; *4—5.* Орты гор. Гданьска 1616, 1623; *6.* Талер гор. Торуни 1632.

ТАБЛИЦА 55

Речь Посполитая (королевство). *Сигизмунд III Ваза* (1587—1632). *1—3.* Солиды (шиллинги) гор. Риги 1592, 1609, 1621; *4.* Полтора гроша (драйпёлькер) гор. Риги 1620; *5—10.* Грош тройной (драйгрошер) г. Риги 1589, 1592, 1594, 1597, 1598, 1600.

ТАБЛИЦА 56

Речь Посполитая (королевство). *Безкоролевье* (1.V — 18.VIII.1632). *1.* Талер польский 1632. Владислав IV Ваза (1632—1648). *2.* Грош тройной (трояк) польский 1635; *3.* Шесть грошей (шустак) польские 1635; *4.* Полуталер польский 1634; *5.* Талер польский 1635; *6.* Дукат (червоный злотый) польский 1641.

ТАБЛИЦА 57

Речь Посполитая (королевство). *Ян II Казимир Ваза* (1649—1668). *1—3.* Солиды (шеляги) литовские 1652, 1652, 1661; *4.* Грош литовский 1652; *5.* Полтора гроша (полторак, чех) литовские 1652; *6.* Грош тройной (трояк) литовский 1664; *7—8.* Шесть грошей (шостаки) литовские 1652, 1664; *9.* Орт литовский 1664; *10.* 30 грошей (злотый, тымф) литовские 1666 (проба).

ТАБЛИЦА 58

Речь Посполитая (королевство). *Ян II Казимир Ваза* (1649—1668). *1.* Полудукат (половина червоного злотого) литовский 1665; *2.* Дукат литовский 1666; *3—4.* Солиды (шелёнги) польские 1650, 1660; *5.* Полтора гроша (пулторак, чех) польские 1661; *6.* Грош двойной (двояк) польский 1651; *7.* Грош тройной (трояк) польский 1662; *8.* Шесть грошей (шустак) польские 1661; *9.* Орт польский 1657.

ТАБЛИЦА 59

Речь Посполитая (королевство). *Ян II Казимир Ваза* (1649—1668). *1—2.* 30 грошей (злотый, тымф) польские 1663, 1664; *3.* Полуталер польский 1649; *4.* Талер польский 1649; *5.* Полудукат (половина червоного злотого) польский 1660; *6.* Дукат (червоный злотый) польский 1649.

ТАБЛИЦА 60

Речь Посполитая (королевство). *Ян II Казимир Ваза* (1649—1668). *1.* Орт гор. Гданьска 1662; *2.* Орт гор. Эльблёнга 1662. Михаил Корибут Вишневецкий (1669—1673). *3.* 30 грошей (злотый) польские 1671; *4.* Дукат (червоный злотый) двойной польский 1671; *5.* Солид (шелёнг) гор. Торуни без даты. Ян III Собесский (1676—1696). *6.* Шесть грошей (шостак) литовский 1679 (проба); *7.* Грош тройной (трояк) польский 1684; *8—9.* Шесть грошей (шустаки) польские 1682, 1684.

ТАБЛИЦА 61

Речь Посполитая (королевство). *Ян III Собесский* (1676—1696). *1—2* Орты 1677, 1684; *3.* Талер без даты; *4.* Дукат (червоный злотый) 1683. Август II Сильный (1697—1733). *5.* Шесть грошей (шостак) литовские 1706; *6.* Шесть грошей (шустак) польские 1702.

ТАБЛИЦА 62

Речь Посполитая (королевство). *Август II Сильный* (1697—1733). *1—2* Орты (тымфы) 1698, 1704; *3—4.* Талеры 1702, 1702.

ТАБЛИЦА 63

Речь Посполитая (королевство). *Август II Сильный* (1697—1733). *1.* Талер 1702; *2.* Дукат (червоный злотый) 1702. Август III (1733—1763). *3.* Солид (шелёнг) 1749; *4.* Грош 1753; *5—6.* Полтора гроша (пултораки) 1753, 1755; 7. Грош тройной (трояк) 1753; *8.* Шесть грошей (шустак) 1755; *9.* 8 грошей (двузлотувка) 1753.

ТАБЛИЦА 64

Речь Посполитая (королевство). *Август III* (1733—1763). *1—2* Орты (тымфы) 1753, 1755, 3. Полуталер 1753; *4.* Талер 1755; *5.* Дукат 1752; 6. Августдор (5 талеров) 1754; *7.* Августдор двойной (10 талеров) 1756.

ТАБЛИЦА 65

Речь Посполитая (королевство). *Станислав Август Понятовский* (1764—1795). *1.* 1 Солид (шелёнг) 1766; *2* 1/2 гроша 1766; *3.* Полгроша (проба) 1786; *4.* 1 грош 1765; *5.* 1 грош 1766; *6.* 2 гроша (пулзлотка) 1767; 7. Грош тройной (трояк) 1766; *8.* Трояк (грош тройной) 1786; *9.* 6 грошей (шустак) 1794; *10.* 4 гроша (злотувка) 1786.

ТАБЛИЦА 66

Речь Посполитая (королевство). *Станислав Август Понятовский* (1764—1795). *1.* 10 грошей медных 1788; *2* 4 гроша (злотувка) 1787; *3—4.* 8 грошей (двузлотувка) 1766, 1767; *5.* Полуталер 1784.

ТАБЛИЦА 67

Речь Посполитая (королевство). *Станислав Август Понятовский* (1764—1795). *1—2* Талеры 1766, 1794; *3—4.* Дукаты (червоные злотые) 1766, 1786; *5.* Станиславдор 1794.

ТАБЛИЦА 68

Варшавское герцогство (княжество). *Фридрих Август I* (1807—1814). *1.* 1 грош 1810; *2* 3 гроша (трояк) 1810; *3.* 5 грошей (пёнтек) 1811; *4.* 10 грошей (десёнтек) 1812; *5.* 1/6 талера (злотувка) 1814; *6.* 1/3 талера (двузлотувка) 1814; *7.* Талер 1814; *8.* Дукат 1812.

ТАБЛИЦА 69

Польша (восстание в ноябре 1830 — сентябре 1831). 1831. *1.* 3 гроша (трояк); *2* 5 грошей (проба); *3.* 10 грошей; *4.* 1 злотый (проба); *5.* 2 злотых; *6.* 5 злотых; *7.* Дукат (червоный злотый).

ТАБЛИЦА 70

Испанские Нидерланды. *Альберт и Изабелла* (1599—1621). *1—2.* Брабант, четверть патагона без даты и полупатагон 1616; *3—4.* Турнэ, четверть патагона без даты и патагон 1618.

ТАБЛИЦА 71

Испанские Нидерланды. *Филипп IV* (1621—1665). *1—2* Фландрия, четверть патагона 1624 и патагон 1622; *3.* Турнэ, полупатагон 1623; *4.* Брабант, соверен двойной 1646.

ТАБЛИЦА 72

Испанские Нидерланды. *Карл II* (1665—1700). *1.* Брабант, полупатагон 1667; *2.* Фландрия, полупатагон 1667; *3.* Турнэ, патагон 1666.

ТАБЛИЦА 73

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Провинция Вестфризия. *1.* Полулёвендаальдер 1651; *2.* Лёвендаальдер 1642; *3.* Полуриксдаальдер 1622; *4.* Рикcдаальдер 1623; *5.* Дукат 1670.

ТАБЛИЦА 74

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Провинция Фризия. *1.* Лёвендаальдер 1650; *2.* Полурикcдаальдер 1631; *3.* Рикcдаальдер 1659; *4.* Дукат 1629.

ТАБЛИЦА 75

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Провинция Гельдерн. *1.* Полулёвендаальдер 1641; *2.* Лёвендаальдер 1641; *3.* Полурикcдаальдер 1620; *4.* Рикcдаальдер 1648; *5.* Дукат 1659.

ТАБЛИЦА 76

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Провинция Голландия. *1.* Полулёвендаальдер 1648; *2.* Лёвендаальдер 1649; *3.* Полурикcдаальдер 1622; *4.* Рикcдаальдер 1621; *5.* Дукат 1649.

ТАБЛИЦА 77

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Провинция Зеландия. *1.* Полулёвендаальдер 1648; 2. Лёвендаальдер 1649; *3.* Полурикcдаальдер 1647; *4.* Рикcдаальдер 1637; 5. Дукат 1599.

ТАБЛИЦА 78

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Провинция Оверэйссел. *1.* Полулёвендаальдер 1641; *2.* Лёвендаальдер 1685; *3.* Полурикcдаальдер 1620.

ТАБЛИЦА 79

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Провинция Оверэйссел. *1.* Рикcдаальдер 1611; *2.* Дукат 1661. Провинция Утрехт. *3.* Полулёвендаальдер 1640; *4.* Лёвендаальдер 1614.

ТАБЛИЦА 80

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Провинция Утрехт. *1—2* Рикcдаальдеры 1623, 1693; *3.* Дукат 1645; *4.* Дукат двойной 1652.

ТАБЛИЦА 81

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Гор. Девентер, республиканская чеканка. *1* Лёвендаальдер 1640; *2* Рикcдаальдер 1662. Гор. Девентер, имперская чеканка. *3.* Флорин 1621; *4.* Дукат 1632.

ТАБЛИЦА 82

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Гор. Зволле, республиканская чеканка. *1* Полулёвендаальдер 1652; *2* Лёвендаальдер 1650. Гор. Зволле, имперская чеканка. *3.* Рикcдаальдер 1650; *4.* Дукат 1668.

ТАБЛИЦА 83

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Гор. Зволле, имперская чеканка. *1.* Флорин без даты (1612—1619). Гор. Кампен (республиканская чеканка.). *2* Лёвендаальдер 1648; *3.* Рикcдаальдер 1659.

ТАБЛИЦА 84

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). Гор. Кампен, имперская чеканка. *1* Рикcдаальдер 1653; *2.* Дукат 1655; *3.* Талер без даты (1576—1612).

Шотландия (королевство, в унии с Англией). *Карл I* (1625—1649). *4—5.* Торнеры (пенни двойные) без даты (1632—1633 и 1642). *Карл II* (1660—1684). *6.* Торнер (пенни двойной) без даты (1664—1675).

ТАБЛИЦА 85

Испания (королевство; южноамериканские владения). *Имя правителя не читается. 1.* 8 реалов (макукина) 2-я пол. XVI — 1-я пол. XVII в. *Филипп IV* (1621—1665). *2—3.* 8 реалов (макукина) 1622, 1644.

ТАБЛИЦА 86

Германская (Священная Римская) империя. Силезия: *1.* Гор. Глогов (княжество), *Сигизмунд* (наместник; 1499—1506), грош 1506. *2.* Гор. Свидница (Швайдниц), *Людовик II Ягеллончик* (1516—1526), полугрош 1526. *3—4.* Лигниц и Бриг (герцогство), *Фридрих II* (1488—1547), гроши 1541, 1544. *5.* Мюнстерберг-Эльс (герцогство), *Карл II* (1587—1617), крейцер тройной 1615. *6.* Лигниц, Бриг и Волув (герцогство), Георг, *Людовик IV* и *Христиан Пястовичи* (1653—1663), талер 1657.

ТАБЛИЦА 87

Германская (Священная Римская) империя. Силезия: *1—2* Тешен (герцогство) — *Адам Вацлав* (1579—1617), грош тройной 1596; Елизавета Лукреция (1625—1653), обол 1653. Померания: *3—4.* Померания (герцогство) — *Франциск I* (1617—1620), крейцер тройной 1617; Богислав XIV (1620—1637), драйпёлькер 1620. *5.* Вольгаст (герцогство), *Филипп Юлий* (1611—1625), драйпёлькер 1611. *6.* Каммин (епископство), *Ульрих* (1618—1622), драйпёлькер

1620. Франкония: *7.* Барби (графство), *Вольфганг II* (1565—1615), драйпёлькер 1611. Каринтия (эрцгерцогство): *8. Карл* (1564—1590), дукат 1576. Бавария: *9.* Зальцбург (архиепископство), Парис Лодрон (1619—1653), талер 1626.

ТАБЛИЦА 88

Германская (Священная Римская) империя. Брауншвейг: *1—2.* Брауншвейг-Вольфенбюттель (герцогство), *Генрих Юлий* (1589—1613), талеры 1593, 1600. Ганновер: *3.* Гор. Гамбург, талер 1607. *4.* Гор. Хамельн, драйпёлькер 1614. *5.* Гор. Гёттинген, драйпёлькер 1606.

ТАБЛИЦА 89

Германская (Священная Римская) империя. Ганновер: *1.* Хильдесхайм (епископство), Эрнст (1573—1612), драйпёлькер 1606. *2.* Гор. Хильдесхайм, драйпёлькер 1601. *3.* Гор. Эймбек, драйпёлькер 1614. *4.* Гор. Эмбден, флорин без даты (1637—1657). Вестфалия: *5—6.* Льеж (архиепископство) — *Максимилиан Генрих* (1650—1688), талер 1663; Иосиф Клеменс (1694—1723), талер 1696.

ТАБЛИЦА 90

Германская (Священная Римская) империя. Вестфалия: *1.* Липпе (графство), *Симон VI* (1563—1613), драйпёлькер 1600. *2.* Минден (епископство), *Герман Шаумбургский* (1566—1582), драйпёлькер 1578. *3.* Падерборн (епископство), *Теодор* (1585—1618), драйпёлькер 1616. *4.* Ритберг (графство), *Иоанн III* (1601—1625), драйпёлькер 1616. 5. Шаумбург (графство), *Эрнст* (1601—1622), драйпёлькер 1602. *6—7.* Ольденбург (графство), *Антон Гюнтер* (1603—1667), недатированные талер (1619—1637) и флорин (1637—1657).

ТАБЛИЦА 91

Германская (Священная Римская) империя. Верхний Рейнланд: *1.* Пфальц-Цваибрюккен (графство), *Иоанн II Младший* (1604—1635), крейцер тройной 1610. Рейнланд: *2.* Юлих, Клеве и Берг (графство), *Иоанн Вильгельм* (1592—1609), драйпёлькер 1606. *3.* Сольмс-Верхний (графство), *Филипп Рейнхард* (1613—1636), крейцер тройной 1616. *4.* Сольмс-Лихтенштейн (графство), Эрнст (1590—1619), крейцер тройной 1613. *5—6.* Кёльн (архиепископство) — *Максимилиан Генрих* (1650—1688), талер 1657; *Иосиф Клеменс* (1688—1723), талер 1698.

ТАБЛИЦА 92

Германская (Священная Римская) империя. Рейнланд: *1.* Гор. Кёльн, талер 1577. Нижняя Саксония: *2.* Шлезвиг-Гольштейн-Готторп (герцогство), Иоанн Адольф (1590—1616), драйпёлькер 1601. Саксония: *3.* Штольберг (графство), Генрих XXII и Вольфганг Георг (1612—1615), драйпёлькер 1614. *4.* Хальберштадт (епископство), Христиан (1616—1624), драйпёлькер 1617. *5.* Гор. Магдебург, драйпёлькер 1616. *6.* Саксония (курфюршество). Альбертинская линия (гор. Дрезден), Август (1553—1586), талер 1570.

ТАБЛИЦА 93

Германская (Священная Римская) империя. Саксония (курфюршество). Альбертинская линия (гор. Дрезден). *1. Христиан I* (1586—1591), талер 1589; *2—4. Христиан II, Иоанн Георг I и Август* (1591—1611), талеры 1594, 1603, 1605.

ТАБЛИЦА 94

Германская (Священная Римская) империя. Саксония (курфюршество). *1.* Эрнестинская линия (г. Альт—Гота), *Иоанн Казимир и Иоанн Эрнест* (1572—1633), талер 1593; *2—3.* Эрнестинская линия (г. Альтенбург), *Иоанн Филипп, Фридрих Иоанн, Вильгельм и Фридрих Вильгельм II* (1601—1625), талеры 1605, 1623.

ТАБЛИЦА 95

Тевтонский (Немецкий) орден. *Мартин Трухзес* (гроссмейстер; 1477—1489). *1.* Солид (шиллинг) без даты.

Пруссия (герцогство — ленник Польши). *Альберт II* (1525—1568). *2.* Солид (шиллинг) 1552; *3—4.* Гроши 1537, 1544.

Пруссия (герцогство — ленник Речи Посполитой). *Иоанн Сигизмунд* (1618—1619). *5.* Драйпёлькер 1619. Георг Вильгельм (1619—1640). *6.* Солид (шиллинг) 1627; *7.* Драйпёлькер 1625. Фридрих Вильгельм (1640—1657). *8.* Солид (шиллинг) 1654.

Пруссия (герцогство). *Фридрих Вильгельм I* (1657—1688). *9—10.* Шесть грошей (зехсгрошеры) 1674, 1684.

ТАБЛИЦА 96

Пруссия (герцогство). *Фридрих Вильгельм I* (1657—1688). *1.* Орт 1685. *Фридрих III* (1688—1701). *2.* Шесть грошей (зехгрошер) 1698; *3.* Орт 1698.

Пруссия (королевство). *Фридрих I* (1701—1713). *4.* Шесть грошей (зехгрошер) 1709.

Бранденбург (маркграфство, в унии с Пруссией). *Георг Вильгельм* (1619—1640). *5.* Драйпёлькер 1623; *6.* Орт 1623.

ТАБЛИЦА 97

Ливонский орден (филиал Тевтонского ордена в Прибалтике). Гор. Венден (ныне — Цесис): *1. Вольтер* Плеттенберг (гроссмейстер 1494—1535), солид (шиллинг) без даты. Гор. Дерпт (ныне — Тарту): *2. Иодок фон Рекке* (епископ; 1543—1551), солид (шиллинг) 1543; *3.* Герман II фон Везель (епископ, 1552—1558), солид (шиллинг) 1554. Гор. Ревель (ныне — Таллинн): *4. Гроссмейстерская чеканка,* артиг середины XIV в. — 1390; *5. Герман фон Брюггеней* (гроссмейстер, 1535—1549), солид (шиллинг) 1539; *6. Готхард Кеттлер* (гроссмейстер, 1559—1562), солид (шиллинг) 1561. Гор. Рига: *7. Вольтер Плеттенберг* (гроссмейстер, 1494—1535), солид (шиллинг) 1535; *8. Герман фон Брюггеней* (гроссмейстер, 1535—1549), солид (шиллинг) 1538; *9. Иоанн фон Рекке* (гроссмейстер, 1549—1551), солид (шиллинг) 1549; *10. Томас Шеннинг* (архиепископ, 1528—1539), солид (шиллинг) 1535; *11. Вильгельм фон Бранденбург* (архиепископ, 1539—1563), солид (шиллинг) 1540; *12. Вильгельм фон Бранденбург* (архиепископ) и *Иоанн фон Рекке* (гроссмейстер), солид (шиллинг) совместной чеканки без даты; *13. Вильгельм фон Бранденбург* (архиепископ) и *Готхард Кеттлер* (гроссмейстер), солид (шиллинг) совместной чеканки без даты (между 1559 и 1562).

ТАБЛИЦА 98

Ливония, з а м о к Д а л х о л м. Чеканка для расплаты с немецкими наемниками гарнизона гор. Пернова (ныне — Пярну). *1.* 1 шиллинг (солид) 1572; *2.* Ферцинг 1573[1].

Курляндия (герцогство — ленник Речи Посполитой). *3. Готхард Кеттлер* (1562—1587), грош тройной 1586; *4—5. Фридрих и Вильгельм* (1594—1617), гроши тройные 1597, 1606.

Шведская Прибалтика. *Густав II Адольф* Ваза (1621—1632). *6.* Солид (шиллинг) гор. Риги 1621; 7. Драйпёлькер гор. Риги 1624; *8.* Солид (шиллинг) гор. Эльблёнга 1630; *9.* Драйпёлькер гор. Эльблёнга 1628. *Кристина Августа Ваза* (1632—1654). *10.* Солид (шиллинг) гор. Риги 1650; *11.* Драйпёлькер гор. Риги 1648.

ТАБЛИЦА 99

Шведская Прибалтика. *Кристина Августа Ваза* (1632—1654). *1—2.* Солиды (шиллинги) ливонские 1644, 1651; *3.* Драйпёлькер ливонский 1647; *4.* Солид (шиллинг) гор. Эльблёнга 1634; *5.* Драйпёлькер гор. Эльблёнга 1634. *Карл X Густав* (1654—1660). 6. Солид (шиллинг) гор. Риги 1654; *7.* Солид (шиллинг) ливонский 1656. Карл XI (1660—1697). 8. Солид (шиллинг) гор. Риги 1665; *9.* Солид (шиллинг) ливонский 1660; 10. Драйпёлькер ливонский 1669.

ТАБЛИЦА 100

Венгрия (королевство). *Ласло (Владислав) V* (1444—1457). *1.* Дукат без даты. *Янош (Иоанн) Запольяи* (Восточная Венгрия; 1526—1540). *2.* Дукат без даты. *Фердинанд I Габсбург* (Западная Венгрия; 1526—1564). *3.* Денарий 1540. *Максимилиан II Габсбург* (Западная Венгрия; 1564—1576). *4.* Денарий 1570; *5.* Дукат 1567. *Рудольф II Габсбург* (Западная Венгрия; 1576—1608). *6.* Денарий 1588; *7.* Дукат 1597. *Жигимонт (Сигизмунд) Баторий* (князь Трансильвании; с перерывами 1588—1602). *8.* Грош тройной 1597. *Иштван (Стефан) Бочкаи* (князь Трансильвании и Венгрии; 1605—1606). *9.* Грош тройной 1608. *Габор (Габриэль) Баторий* (князь Трансильвании; 1608—1613). *10.* Грош тройной 1609. *Дьёрдь (Георг) Ракочи I* (князь Трансильвании; 1631—1648). *11.* Грош тройной 1637.

ТАБЛИЦА 101

Дания (королевство). *Христиан IV* (1588—1648). *1—2.* VIII скиллингов (шиллингов) 1608, 1608; *3.* 1 марка 1616; *4—10.* Денниги (для торговли с пограничными областями северо-запада России; начало чеканки — 1619).

ТАБЛИЦА 102

Швейцария (конфедерация). *1.* Гор. Б а з е л ь, талер 1624. *2.* Ш а ф х а у з е н (кантон), талер 1620. *3.* Ц у г (кантон), талер 1620.

ТАБЛИЦА 103

Швейцария (конфедерация). *1.* Гор. С а н к т - Г а л л е н, талер 1622.

Монако (княжество). *2. Онорато II* (1604—1662), талер (скудо) 1653.

Франция (королевство). *3. Людовик XIV* (1643—1715), талер (экю блан) 1652.

---

[1] В таком же, как ферцинг, типе чеканились полумарка и марка.

ТАБЛИЦА 104

Великое княжество Московское. *Иван IV* (1533—1547). *1.* Полушка; *2.* Денга; *3.* Копейка (денга копейная); *4.* Копейка.

Россия (царство). *Иван IV* (1547—1584). *5—6.* Денги; *7.* Копейка; *8.* «Золотой» (1/4 «угорского»). *Федор Иванович* (1584—1598). *9.* Денга; *10.* Копейка; *11.* «Золотой» («угорский»). *Борис Федорович (Годунов;* 1598—1605). *12.* Денга; *13.* Копейка; *14.* «Золотой» («угорский»). *Федор Борисович (Годунов;* 1605). *15.* Копейка. *Дмитрий Иванович (Лжедмитрий I;* 1605—1606). *16.* Копейка. *Василий Иванович (Шуйский;* 1606—1610). *17.* Денга; *18.* Копейка.

ТАБЛИЦА 105

Россия (царство). *Василий Иванович (Шуйский;* 1606—1610). *1.* Копейка. *Владислав Жигимонтович (Сигизмундович;* 1610—1612). *2—3.* Копейки. *Шведская оккупация Новгорода* (1611—1617). *4.* Копейка. *Второе (Нижегородское) земское ополчение* (1612—1613). *5.* Копейка, чеканенная в Ярославле, с именем Федора Ивановича. *Михаил Федорович (Романов*[1]; 1613—1645). *6.* Полушка; *7—8.* Денги; *9—10.* Копейки; 11. Копейка, чеканенная в Ярославле между 1619 и 1626 (подражание копейкам, чеканенным в Москве с 1613 по 1626; вес и проба понижены); *12.* «Золотой» (3 «угорских»); *13.* «Золотой» (4 «угорских»). *Алексей Михайлович* (1645—1676). *14.* Полушка; *15—16.* Денги.

ТАБЛИЦА 106

Россия (царство). *Алексей Михайлович* (1645—1676). *1—6.* Копейки; *7.* Алтын 1655(?); *8—9.* Полполтины («четвертины») 1654; *10.* Полтинник 1654.

ТАБЛИЦА 107

Россия (царство). *Алексей Михайлович* (1645—1676). *1.* Полтинник 1654; *2—3.* Рубли 1654.

ТАБЛИЦА 108

Россия (царство). *Алексей Михайлович* (1645—1676). «Полуефимки с признаком» 1655: 1. И с п а н с к и е Н и д е р л а н д ы, Филипп IV (1621—1665), талер (патагон) Бургундии; 2. Р е с п у б л и к а С о е д и н е н н ы х п р о в и н ц и й (Г о л л а н д с к а я р е с п у б л и к а), провинция Утрехт — риксдаальдер (дата за обломом); «Ефимки с признаком» 1655: 3. Даальдер 1603 с портретом Вильгельма Молчаливого; 4. Ш в е й ц а р и я (к о н ф е д е р а ц и я), гор. Санкт-Галлен, талер 1622.

ТАБЛИЦА 109

Россия (царство). *Алексей Михайлович* (1645—1676). «Ефимки с признаком» 1655: Г е р м а н с к а я (С в я щ е н н а я Р и м с к а я) и м п е р и я. *1.* Мюнстер (епископство), Франциск фон Вальдек (1532—1553), талер 1541; *2.* Гор. Нюрнберг, Фердинанд II (1619—1637), талер 1628. *3.* Гор. Гамбург, Фердинанд II (1619—1637), талер 1632.

---

[1] Все последующие монархи России представляли династию Романовых.

ТАБЛИЦА 110

Россия (царство). *Алексей Михайлович* (1645—1676).«Ефимки с признаком» 1655: Германская (Священная Римская) империя. *1.* Мансфельд (графство), Старшая линия в Артерне, Фольрат VI, Вольфганг и Иоанн Георг II (1619—1627), талер 1623; *2.* Брауншвейг (герцогство), Средняя Брауншвейгская линия в Вольфенбюттеле, Фридрих Ульрих (1613—1634), талер 1616; *3.* Брауншвейг (герцогство), Новая Брауншвейгская линия в Вольфенбюттеле, Август II Молодой (1636—1666), талер 1652.

ТАБЛИЦА 111

Россия (царство). *Алексей Михайлович* (1645—1676).«Ефимки с признаком» 1655: Германская (Священная Римская) империя. *1.* Нижняя Саксония, Средняя Люнебургская линия в Данненберге, Юлий Эрнст (1598—1636), талер 1624; *2.* Саксония (курфюршество), Альбертинская линия, Иоанн Георг I (1615—1656), талер 1624. Речь Посполитая (королевство). *3.* Ян II Казимир Ваза (1649—1668), талер г. Гданьска 1649.

ТАБЛИЦА 112

Россия (царство). *Алексей Михайлович* (1645—1676).«Ефимок с признаком» 1655: Швеция (королевство). *1.* Кристина Августа Ваза (1632—1654), талер (сальватордалер) 1640.

«Золотые»: *2.* 2 «угорских»; *3.* 3 «угорских»; *4.* 10 «угорских» (португал).

ТАБЛИЦА 113

Россия (царство). *Федор Алексеевич* (1676—1682). *1.* Копейка. *Иван и Петр Алексеевичи* (1682—1696). *2—3.* Чехи севские 1686—1687 (дата — 1686); *4.* «Золотой» (1 1/2 червонца); *5.* «Золотой» (2 червонца); 6. «Золотой» (4 червонца); *7.* «Золотой» (9 червонцев).

ТАБЛИЦА 114

Россия (царство). *Иван Алексеевич* (совместно с Петром Алексеевичем, 1682—1696). *1—2.* Денги; *3—5.* Копейки; *6.* Алтын. Петр Алексеевич (совместно с Иваном Алексеевичем: 1682—1696; с 1696 — самостоятельное правление). *7—8.* Денги; *9—10, 20.* Копейки; *11—12.* Копейки 1699; 13. Копейка 1707; *14.* Копейка 1711; *15.* Копейка 1712; *16.* Копейка 1713; *17.* Копейка 1714; *18.* Копейка 1716; *19.* Копейка 1718; *21—22.* Алтыны.

ТАБЛИЦА 115

Россия (царство, с 1721 — империя). *Петр I* (1696—1725). *1.* Полполушки 1700; *2—15.* Полушки 1700, 1700, 1704, 1705, 1706, 1707, 1710, 1711, 1716, 1716, 1718, 1718, 1718, 1720.

ТАБЛИЦА 116

Россия (царство, с 1721 — империя). *Петр I* (1696—1725). *1—12.* Денги 1700, 1704, 1705, 1706, 1710, 1710, 1710, 1710, 1711, 1717, 1718, 1718.

ТАБЛИЦА 117

Россия (царство, с 1721 — империя). *Петр I* (1696—1725). *1—7.* Копейки 1704, 1705, 1707, 1710, 1711, 1718, 1724.

ТАБЛИЦА 118

Россия (царство, с 1721 — империя). *Петр I* (1696—1725). *1—5.* Копейки 1713, 1714, 1714, 1718, 1718; *6.* Грош 1724 (проба); 7, 8, 14, 15. Алтыны 1704, 1710, 1713, 1714; *9—13, 16.* Алтынники 1710, 1711, 1711, 1712, 1712, 1718.

ТАБЛИЦА 119

Россия (царство, с 1721 — империя). *Петр I* (1696—1725). *1—4.* Десеть денег 1701, 1701, 1702, 1704; *5—8.* Пять копеек 1713, 1713, 1714, 1723; *9—10.* Гривенники 1701, 1701.

ТАБЛИЦА 120

Россия (империя). *Петр I* (1696—1725). *1, 3, 5—12.* Гривенники 1702, 1704, 1705, 1706, 1707, 1710, 1713, 1718, 1720, 1720; *2, 4.* Гривны 1704, 1705.

ТАБЛИЦА 121

Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—7.* Полуполтинники 1701, 1701, 1702, 1704, 1705, 1705, 1707.

ТАБЛИЦА 122

Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—5.* Полуполтинники 1707, 1707, 1710, 1710, 1713; 6. Полтина 1702.

ТАБЛИЦА 123

Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—3.* Полтины 1704, 1705, 1706; *4.* Полтинник 1707.

ТАБЛИЦА 124

Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1.* Полтинник 1707; *2—4.* Полтины 1710, 1710, 1710.

ТАБЛИЦА 125

Россия (царство, с 1721 — империя). *Петр I* (1696—1725). *1—4.* Полтины 1712, 1718, 1718, 1721.

ТАБЛИЦА 126

Россия (царство, с 1721 — империя). *Петр I* (1696—1725). *1—4.* Полтины 1702, 1725, без даты, без даты.

ТАБЛИЦА 127

Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—3.* Рубли 1704, 1705, 1707.

ТАБЛИЦА 128

Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—3.* Рубли 1707, 1707, 1710.

ТАБЛИЦА 129
Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1.* Рублевик 1710; *2—3.* Рубли 1712, 1712.

ТАБЛИЦА 130
Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—3.* Рубли 1714, 1718, 1718.

ТАБЛИЦА 131
Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—3.* Рубли 1718, 1719, 1720.

ТАБЛИЦА 132
Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—3.* Рубли 1722, 1723, 1723.

ТАБЛИЦА 133
Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—3.* Рубли 1723, 1724, 1724.

ТАБЛИЦА 134
Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—3.* Рубли 1724, 1724, 1724.

ТАБЛИЦА 135
Россия (царство, с 1721 — империя). *Петр I* (1696—1725). *1.* Рубль 1725; *2—4.* Два рубли 1722 (проба), 1718, 1718.

ТАБЛИЦА 136
Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—8.* [Червонцы] 1703, 1706, 1707, 1710, 1711, 1712, 1712, 1712.

ТАБЛИЦА 137
Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—2.* [Червонцы] 1714, без даты; 3. [Червонец] с латинскими легендами (вероятно, для заграничных платежей) 1716; *4—6.* Червонцы двойные 1701, 1701, 1714.

ТАБЛИЦА 138
Россия (царство). *Петр I* (1696—1725). *1—2.* [Шестаки] (для заграничных платежей) 1707, 1707; *3—7.* [Тинфы] (для заграничных платежей) 1707, 1707, 1707, 1708, 1709.

ТАБЛИЦА 139
Россия (империя). *Екатерина I* (1725—1727). *1.* Полушка 1727 (проба); 2. Копейка 1726 (проба); *3.* 1 копейка 1727 (проба); *4.* 2 копейки 1727 (проба); *5—7.* Гроши 1727 (проба), 1727 (проба), 1727 (проба); *8.* Три копейки 1727 (проба).

ТАБЛИЦА 140
Россия (империя). *Екатерина I* (1725—1727). *1—2.* Пять копеек 1726, 1727; *3—7.* Гривны 1726, 1726, 1726, 1726, 1727.

ТАБЛИЦА 141
Россия (империя). *Екатерина I* (1725—1727). *1.* Полполтины 1726; *2—5.* Полтины 1726, 1726, 1726, 1726.

ТАБЛИЦА 142
Россия (империя). *Екатерина I* (1725—1727). *1—2* Полтины 1727, 1727; *3.* Рубль 1725.

ТАБЛИЦА 143
Россия (империя). *Екатерина I* (1725—1727). *1—3.* Рубли 1725, 1725, 1726.

ТАБЛИЦА 144
Россия (империя). *Екатерина I* (1725—1727). *1—3.* Рубли 1726, 1726, 1727.

ТАБЛИЦА 145
Россия (империя). *Екатерина I* (1725—1727). *1—2* Два рубли 1726 (новодел, отчеканенный подлинными штемпелями не сохранившейся пробной монеты), 1726. *Петр II* (1727—1730). *3—4.* Копейки 1728, 1728; *5.* Пять копеек 1729; *6.* Копейка 1729 (проба).

ТАБЛИЦА 146
Россия (империя). *Петр II* (1727—1730). *1—3.* Полтины 1727, 1728, 1729; *4.* Рубль 1727.

ТАБЛИЦА 147
Россия (империя). *Петр II* (1727—1730). *1—3.* Рубли 1727 (проба), 1727, 1729.

ТАБЛИЦА 148
Россия (империя). *Петр II* (1727—1730). *1.* Два рубли 1728; 2. [Червонец] 1729. *Анна Иоанновна* (1730—1740). *3.* Полушка 1739; *4.* Денга 1730; *5.* Пять копеек 1730; *6—7.* Гривенники 1735, 1739 (проба).

ТАБЛИЦА 149
Россия (империя). *Анна Иоанновна* (1730—1740). *1—2.* Полуполтинники 1730, 1740; *3—4.* Полтины 1732, 1737; *5.* Рубль 1730 (проба).

ТАБЛИЦА 150
Россия (империя). *Анна Иоанновна* (1730—1740). *1—3.* Рубли 1730, 1734, 1736

ТАБЛИЦА 151
Россия (империя). *Анна Иоанновна* (1730—1740). *1—3.* Рубли 1736, 1736, 1738.

ТАБЛИЦА 152
Россия (империя). *Анна Иоанновна* (1730—1740). *1—2* [Червонцы] 1730, 1738. *Иоанн Антонович* (1740—1741). *3.* Полушка 1741; *4.* Денга 1741; *5.* Гривенник 1741; *6.* Полуполтинник 1741; *7.* Полтина 1741; *8.* Рубль 1741.

ТАБЛИЦА 153
Россия (империя). *Елизавета Петровна* (1741—1761). *1—2.* Полушки 1748, 1757; *3—4.* Денги 1748, 1757; *5—6.* 1 копейка 1756, 1757; *7.* Копейка 1757.

ТАБЛИЦА 154

Россия (империя). *Елизавета Петровна* (1741—1761). *1—2.* Две копейки 1757, 1759; *3.* Пять копеек 1758; *4.* Пять копеек 1757 (реверс — герб Москвы; проба).

ТАБЛИЦА 155

Россия (империя). *Елизавета Петровна* (1741—1761). *1* Пять копеек 1757 (реверс — герб Санкт-Петербурга; проба); *2—3* 5 копеек 1756, 1757; *4.* Гривенник 1757; *5.* 15 [копеек] 1760 (проба); *6.* 20 [копеек] 1760 (проба); *7.* Полуполтинник 1757.

ТАБЛИЦА 156

Россия (империя). *Елизавета Петровна* (1741—1761). *1.* Полтина 1755; *2—3.* Рубли 1741, 1754.

ТАБЛИЦА 157

Россия (империя). *Елизавета Петровна* (1741—1761). *1—2* Рубли 1757, 1758; *3* Полтина (для дворцового обихода) 1756; *4—6.* Рубли (для дворцового обихода) 1756 (проба), 1756 (проба), 1757; *7.* Два рубля (для дворцового обихода) 1756.

ТАБЛИЦА 158

Россия (империя). *Елизавета Петровна* (1741—1761). *1—3.* [Червонцы] 1749, 1752 (в обрезе реверса — НО.ЯБ:[ря]3); 1751 (в легенде реверса — МАР:[та]13); *4—6.* [Червонцы двойные] 1749, 1751 (в обрезе реверса — МАР.[та]20), 1751 (в легенде реверса — АПРЕЛ[ь]).

ТАБЛИЦА 159

Россия (империя). *Елизавета Петровна* (1741—1761). *1.* Пять рублей 1755; *2—4.* Десять рублей 1755 (проба), 1757, 1757; *5.* Двадцать рублей 1755 (проба).

ТАБЛИЦА 160

Россия (империя). *Елизавета Петровна* (1741—1761). «Ливонезы» (для обращения в прибалтийских провинциях империи). *1.* 2 [копейки] 1756; *2.* 4 [копейки] 1757; *3.* 24 [копейки] 1757; *4.* 48 [копеек] 1756; *5.* 96 [копеек] 1757.

ТАБЛИЦА 161

Россия (империя). *Елизавета Петровна* (1741—1761). Монеты для Пруссии, оккупированной в ходе Семилетней войны российской армией. *1* Солид (шиллинг) 1760; *2* I грош 1760; 3. II гроша 1760; *4.* 3 [гроша] 1760; *5.* VI [грошей] 1760; *6.* 18 [грошей] 1760; *7.* 1/6 талера 1761; *8.* 1/3 талера 1761.

ТАБЛИЦА 162

Россия (империя). *Петр III* (1761—1762). *1* Денга 1762 (проба); *2* 1/Одна копейка 1762; *3.* 2/Две копейки 1762; *4.* 4/Четыре копейки 1762; *5.* 10/Десять копеек 1762.

ТАБЛИЦА 163

Россия (империя). *Петр III* (1761—1762). *1—3.* Пять копеек 1762 (проба), 1762 (проба), 1762 (проба); *4.* 15 [копеек] 1762 (проба); *5.* 20 [копеек] 1762 (проба); *6—7.* Полтины 1762, 1762; ***8.* Рубль 1762.**

ТАБЛИЦА 164

Россия (империя). *Петр III* (1761—1762). *1* Рубль 1762; *2* [Червонец] 1762; *3.* Пять рублей 1762; *4.* Десять рублей 1762.

ТАБЛИЦА 165

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). *1—3.* Полушки 1767, 1790, 1796; *4—7.* Денги 1770, 1790, 1790, 1796; *8—9.* Копейки 1767, 1790.

ТАБЛИЦА 166

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). *1* Копейка 1796; *2—4.* Две копейки 1763, 1790, 1796; *5.* Пять копеек 1767.

ТАБЛИЦА 167

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). *1—3.* Пять копеек 1790, 1790, 1796.

ТАБЛИЦА 168

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). *1* Деньга 1796; *2* 1 копейка 1796; *3.* 2/Две копейки 1796; *4.* 4/Четыре копейки 1796; *5* 5/Пять копеек 1796 (проба).

ТАБЛИЦА 169

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). *1—2* 10/Десять копеек 1796 (проба), 1796.

Швеция (королевство). *Густав III* (1771—1792). *3.* Пять копеек Авестского монетного двора с датой «1787».

ТАБЛИЦА 170

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). 1. Пять копеек 1763 (проба); *2—5.* Гривенники 1767, 1771, 1778, 1796; *6—8.* 15 [копеек] 1778, 1781, 1782; *9—10.* 20 [копеек] 1770, 1771.

ТАБЛИЦА 171

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). *1—2* 20 [копеек] 1773, 1781; *3—6.* Полуполтинники 1770, 1775, 1791, 1795; *7—9.* Полтины 1763, 1765, 1769.

ТАБЛИЦА 172

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). *1—3.* Полтины 1773, 1778, 1796; *4—5.* Рубли 1763, 1766.

ТАБЛИЦА 173

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). *1—4.* Рубли 1768, 1778, 1781, 1796.

ТАБЛИЦА 174

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). *1.* Полтина (для дворцового обихода) 1778; *2.* Рубль (для дворцового обихода) 1779; *3—4.* Два рубли (для дворцового обихода) 1766, 1785; *5—7.* [Червонцы] 1765, 1766, 1796.

ТАБЛИЦА 175

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). *1—3.* Пять рублей 1763, 1770, 1792; *4—6.* Десять рублей 1763, 1768, 1781.

ТАБЛИЦА 176

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). Монеты сибирские. *1.* Полушка 1777; *2.* Денга 1777; *3.* Копейка 1777; *4.* Две копейки 1777; *5.* Пять копеек 1777; *6.* Десять копеек 1777.

ТАБЛИЦА 177

Россия (империя). *Екатерина II* (1762—1796). Монеты таврические (крымские). *1.* 2 [копейки] 1787; *2.* 5 [копеек] 1787; *3.* 10 [копеек] 1787; *4.* 20 [копеек] 1787. *Павел I* (1796—1801). *5.* 1 полушка 1797; *6.* 1 деньга 1797; *7.* 1 копейка 1797; *8.* 2 копейки 1801.

ТАБЛИЦА 178

Россия (империя). *Павел I* (1796—1801). *1.* 5 копеек 1797; *2.* 10 копеек 1798; *3.* Полуполтинник 1797; *4.* Полтина 1798; *5.* Рубль 1796.

ТАБЛИЦА 179

Россия (империя). *Павел I* (1796—1801). *1—2.* Рубли 1797, 1800; *3—4.* [Червонцы] 1796, 1797; *5.* 5/Пять рублей 1798.

ТАБЛИЦА 180

Россия (империя). *Александр I* (1801—1825). *1.* 1 полушка 1803; *2.* 1 деньга 1805; *3.* 1 копейка 1805; *4.* 2 копейки 1802; *5.* 5 копеек 1802.

ТАБЛИЦА 181

Россия (империя). *Александр I* (1801—1825). *1—2.* 10 копеек 1803, 1809; *3—4.* Полуполтинники 1803, 1809; *5—6.* Полтины 1803, 1809; *7.* Рубль 1801.

ТАБЛИЦА 182

Россия (империя). *Александр I* (1801—1825). *1—4.* Рубли 1803, 1803, 1806 (проба), 1809.

ТАБЛИЦА 183

Россия (империя). *Александр I* (1801—1825). *1.* Пять рублей 1804; *2.* Десять рублей 1804; *3.* Деньга 1825; *4.* 1 копейка 1825; *5.* 2 копейки 1825; *6.* 5 копеек 1825; *7.* 10 копеек 1812; *8.* 20 копеек 1825.

ТАБЛИЦА 184

Россия (империя). *Александр I* (1801—1825). *1.* Полтина 1812; *2—3.* Рубли 1810, 1825; *4.* Пять рублей 1825; *5.* Подражание голландскому дукату («известная монета», «лобанчик») 1825.

ТАБЛИЦА 185

Королевство (царство) Польское (в составе Российской империи). *Александр I* (1815—1825). *1—2.* 1 грош 1816, 1822; *3.* 3 гроша 1817; *4.* 5 грошей 1819; *5.* 10 грошей 1822; *6.* 1 злотый 1819; *7.* 2 злотых 1816.

ТАБЛИЦА 186

Королевство (царство) Польское (в составе Российской империи). *Александр I* (1815—1825). *1.* 5 злотых 1818; *2.* 10 злотых 1821; *3.* 25 злотых 1822; *4.* 50 злотых 1817.

Россия (империя). *Николай I* (1825—1855). *5.* Деньга 1828; *6.* 1 копейка 1828; *7.* 2 копейки 1828.

ТАБЛИЦА 187

Россия (империя). *Николай I* (1825—1855). *1.* 5 копеек 1826; *2.* 10 копеек 1826; *3.* 20 копеек 1826; *4.* Полтина 1826; *5.* Рубль 1826.

ТАБЛИЦА 188

Россия (империя). *Николай I* (1825—1855). *1.* 1 копейка 1831; *2.* 2 копейки 1834; *3.* 5 копеек 1831; *4.* 10 копеек 1831.

ТАБЛИЦА 189

Россия (империя). *Николай I* (1825—1855). *1.* 5 копеек 1826; *2.* 10 копеек 1826; *3.* 20 копеек 1828; *4.* 25 копеек 1827; *5.* Полуполтинник 1827 (проба); *6.* Полтина 1827; *7.* Рубль 1826; *8.* Пять рублей 1826.

ТАБЛИЦА 190

Россия (империя). *Николай I* (1825—1855). *1.* 5 копеек 1833; *2.* 10 копеек 1833; *3.* 20 копеек 1833; *4.* 25 копеек 1833; *5.* Полтина 1834; *6.* Рубль 1832; *7.* 5 рублей 1832 (мемориальные — на начало использования в монетной чеканке золота Колывано-Вознесенских приисков).

ТАБЛИЦА 191

Россия (империя). *Николай I* (1825—1855). *1.* Полушка 1849; *2.* Денежка 1854; 3. Копейка 1850; 4. 2 копейки 1850; *5.* 3 копейки 1849; *6.* 5 копеек 1850.

ТАБЛИЦА 192

Россия (империя). *Николай I* (1825—1855). *1.* 5 копеек 1852; *2.* 10 копеек 1852; *3.* 20 копеек 1852; *4.* 25 копеек 1852; *5.* Полтина 1852; *6.* Рубль 1852; *7.* 5 рублей 1853.

ТАБЛИЦА 193

Россия (империя). *Николай I* (1825—1855). *1.* 3 рубли на серебро 1828; *2.* 6 рублей на серебро 1829; *3.* 12 рублей на серебро 1830; *4—5.* Подражания голландскому дукату («известные монеты», «лобанчики») 1831, 1849.

ТАБЛИЦА 194

Россия (империя). *Николай I* (1825—1855). 1. 1/4 копейки серебром 1844; *2.* 1/2 копейки серебром 1844; *3.* 1 копейка серебром 1844; *4.* 2 копейки серебром 1844; *5.* 3 копейки серебром 1844.

ТАБЛИЦА 195

Россия (империя). *Николай I* (1825—1855). Мемориальная чеканка. *1.* Рубль 1834 (на открытие Александровской колонны в Санкт-Петербурге); *2.* Рубль 1839 (на открытие памятника-часовни на Бородинском поле); *3.* 1 1/2 рубля 1839 (на открытие памятника-часовни на Бородинском поле); *4.* [Рубль] 1841 (на бракосочетание наследника престола Александра Николаевича с принцессой Гессен-Дармштадской Марией Александровной; небольшая часть тиража отчеканена в золоте).

ТАБЛИЦА 196

Королевство (царство) Польское (в составе Российской империи). *Николай I* (1825—1855). *1—3.* 1 грош 1832, 1838, 1840; *4.* Один грош 1840; *5—7.* 3 гроша 1826, 1830, 1839.

ТАБЛИЦА 197

Королевство (царство) Польское (в составе Российской империи). *Николай I* (1825—1855). *1—2.* 5 грошей 1827, 1839; *3—4.* 10 грошей 1828, 1839; *5.* 1 злотый 1832; *6.* 2 злотых 1830; *7.* 5 злотых 1832; *8.* 10 злотых 1827; *9.* 25 злотых 1829; *10.* 50 злотых 1827.

ТАБЛИЦА 198

Королевство (царство) Польское (в составе Российской империи). *Николай I* (1825—1855). Двуязычные российско-польские монеты. *1.* 5 копеек/10 грошей 1842 (проба); *2.* 10 копеек/20 грошей 1842 (проба); *3.* 15 копеек/1 злотый 1832; *4.* 20 копеек/40 грошей 1842; *5.* 25 копеек/50 грошей 1842; *6.* 30 копеек/2 злотых 1838; *7.* 3/4 рубля/5 злотых 1833.

ТАБЛИЦА 199

Королевство (царство) Польское (в составе Российской империи). *Николай I* (1825—1855). Двуязычные российско-польские монеты. *1.* 1 1/2 рубля/10 злотых 1840; *2.* 3 рубля/20 злотых 1838; *3—4.* «Фамильные» 1 1/2 рубля/10 злотых 1835 (проба), 1836 (донатива; известен экземпляр, отчеканенный в золоте).

ТАБЛИЦА 200

Россия (империя). *Александр II* (1855—1881). *1—3.* Полушки 1855, 1860, 1866; 4—5. Денежки 1860, 1863; *6—9.* Копейки 1855, 1856, 1860, 1867.

ТАБЛИЦА 201

Россия (империя). *Александр II* (1855—1881). *1*. 2 копейки 1859; *2—3.* 3 копейки 1856, 1867; *4—5.* 5 копеек 1856, 1867.

ТАБЛИЦА 202

Россия (империя). *Александр II* (1855—1881). *1.* 1/4 копейки 1871; *2.* 1/2 копейки 1867; *3.* 1 копейка 1867; *4.* 2 копейки 1875; *5.* 3 копейки 1870; *6.* 5 копеек 1867.

ТАБЛИЦА 203

Россия (империя). *Александр II* (1855—1881). *1—3.* 5 копеек 1856, 1861, 1874; *4—6.* 10 копеек 1856, 1861, 1874; *7—8.* 15 копеек 1861, 1874; *9—12.* 20 копеек 1856, 1859, 1861, 1874.

ТАБЛИЦА 204

Россия (империя). *Александр II* (1855—1881). *1—3.* 25 копеек 1858, 1859, 1870; *4—7.* Полтины 1858, 1858, 1860, 1867.

ТАБЛИЦА 205

Россия (империя). *Александр II* (1855—1881). *1—4.* Рубли 1858, 1859 (мемориальный — на открытие памятника Николаю I в Санкт-Петербурге), 1860, 1867.

ТАБЛИЦА 206

Россия (империя). *Александр II* (1855—1881). *1—2.* Рубли 1876, 1880; *3.* 3 рубля 1870; *4—7.* 5 рублей 1858, 1861, 1864, 1874; 8. 25 рублей 1876 (донатива).

ТАБЛИЦА 207

Россия (империя). *Александр III* (1881—1894). *1.* 1/4 копейки 1890; *2.* 1/2 копейки 1886; *3.* 1 копейка 1886; *4.* 2 копейки 1886; 5. 3 копейки 1881; *6.* 5 копеек 1881; *7.* 5 копеек 1890; *8.* 10 копеек 1886; 9. 15 копеек 1886; 10. 20 копеек 1881.

ТАБЛИЦА 208

Россия (империя). *Александр III* (1881—1894). 1. 25 копеек 1882; 2. Полтина 1881; *3—4.* Рубли 1882, 1883 (мемориальный — на коронацию Александра III); *5.* 3 рубля 1881; *6.* 5 рублей 1881.

ТАБЛИЦА 209

Россия (империя). *Александр III* (1881—1894). 1. 25 копеек 1886; 2. 50 копеек 1886; *3—4.* Рубли 1886, 1886; *5.* 5 рублей 1890; *6.* 10 рублей 1890.

ТАБЛИЦА 210

Россия (империя). *Николай II* (1894—1917). *1.* 1/4 копейки 1894; *2.* 1/2 копейки 1894; *3.* 1 копейка 1914; *4.* 2 копейки 1916; *5.* 3 копейки 1916; *6.* 5 копеек 1911; *7.* 5 копеек 1905; *8.* 10 копеек 1916; *9.* 15 копеек 1916; *10.* 20 копеек 1917.

ТАБЛИЦА 211

Россия (империя). *Николай II* (1894—1917). *1.* 25 копеек 1896; *2.* 50 копеек 1896; *3—5.* Рубли 1896 (мемориальный на коронацию Николая II), 1898, 1915 (в 1920-х гг. отчеканены новоделы, неотличимые от подлинных экземпляров).

ТАБЛИЦА 212

Россия (империя). *Николай II* (1894—1917). Рубли мемориальные. *1.* 1898 (на открытие памятника Александру II в Москве); *2.* 1912 (на открытие памятника Александру III в Москве); *3.* 1912 (к 100-летнему юбилею Отечественной войны 1812 г.); *4.* 1913 (к 300-летнему юбилею царствования дома Романовых; две разновидности: первый выпуск — с низким рельефом аверса, второй — с высоким); *5.* 1914 (к 200-летнему юбилею победы российского флота над шведским при мысе Гангут).

ТАБЛИЦА 213

Россия (империя). *Николай II* (1894—1917). *1.* Полуимпериал/5 рублей 1895; *2.* Империал/10 рублей 1896; *3.* 7 рублей 50 копеек 1897; *4.* 15 рублей 1897 (две разновидности — с большим и малым портретами Николая II);

5. 5 рублей 1907; 6. 10 рублей 1899; 7. 2 1/2 империала/25 рублей золотом 1908 (донатива); *8.* 37 рублей 50 копеек/100 франков 1902 (донатива).

ТАБЛИЦА 214

Оккупационные боны германского командования Северо-восточного фронта. 1916. *1.* 1 копейка; *2.* 2 копейки; *3.* 3 копейки.

РСФСР — *4.* 10 копеек 1923; *5.* 15 копеек 1923; *6.* 20 копеек 1923; *7.* 50/50копеек 1921; *8.* 1/Рубль 1921; *9.* Один червонец 1923.

ТАБЛИЦА 215

СССР. *1.* ПОЛ копейки 1925; *2.* 1 копейка 1924; *3.* 2 копейки 1924; *4.* 3 копейки 1924; *5.* 5 копеек 1924.

ТАБЛИЦА 216

СССР. *1.* 10 копеек 1924; *2.* 15 копеек 1924; *3.* 20 копеек 1924; *4.* Один полтинник 1924; *5.* Один рубль 1924; *6.* Один червонец 1925 (проба).

ТАБЛИЦА 217

СССР. *1.* 1 копейка 1934; *2.* 2 копейки 1931; *3.* 3 копейки 1926; *4.* 5 копеек 1930; *5.* 10 копеек 1931; *6.* 15 копеек 1931; *7.* 20 копеек 1934; *8.* 1 копейка 1939; *9.* 2 копейки 1937; *10.* 3 копейки 1943; *11.* 5 копеек 1946.

ТАБЛИЦА 218

СССР. *1.* 10 копеек 1957; *2.* 15 копеек 1957; *3.* 20 копеек 1957; Медно-цинковый сплав: *4.* 1 копейка 1961; *5.* 2 копейки 1961; *6.* 3 копейки 1961; *7.* 5 копеек 1979; Медно-никелевый сплав: *8.* 10 копеек 1970; *9.* 15 копеек 1961; *10.* 20 копеек 1961.

ТАБЛИЦА 219

СССР. Медно-никелевый сплав: *1.* 50 копеек 1965; *2.* 1 рубль 1979; *3.* Один рубль мемориальный 1965 (Победа над фашистской Германией. XX лет); *4—8.* Мемориальная серия 1967 (Пятьдесят лет Советской власти), 10 копеек, 15 копеек, 20 копеек, Пятьдесят копеек, Один рубль.

ТАБЛИЦА 220

СССР. *Мемориальные эмиссии* в медно-никелевом сплаве. *1.* Один рубль 1970 (Сто лет со дня рождения В. И. Ленина); *2.* 1 рубль 1975 (Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945); *3.* 1 рубль 1977 (1917—1977 — в ознаменование 60-летия Октябрьской революции); *4—9.* Серия «Игры XXII Олимпиады. Москва — 1980», 1 рубль — 1977 (Эмблема Олимпиады), 1978 (Московский Кремль), 1979 (Московский университет), 1979 (Монумент покорителям космоса на фоне космического корабля), 1980 (Памятник Юрию Долгорукову в Москве), 1980 (Олимпийский факел).

ТАБЛИЦА 221

СССР. *Мемориальные эмиссии* (Игры XXII Олимпиады. Москва. 1980). *1—8.* 5 рублей 1977 (Ленинград), 1977 (Минск), 1977 (Киев), 1977 (Таллин), 1978 (Плавание), 1978 (Преодоление барьера на лошади), 1978 (Бег), 1978 (Прыжок в высоту).

ТАБЛИЦА 222

СССР. ***Мемориальные эмиссии*** (Игры XXII Олимпиады. Москва. 1980). *1—6.* 5 рублей 1979 (Метание молота), 1979 (Тяжелая атлетика), 1980 (Стрельба из лука), 1980 (Спортивная гимнастика), 1980 (Городки), 1980 (Конно-спортивная игра).

ТАБЛИЦА 223

СССР. ***Мемориальные эмиссии*** (Игры XXII Олимпиады. Москва. 1980). *1—4.* 10 рублей 1977 (Эмблема Олимпиады на фоне карты СССР), 1977 (Москва), 1978 (Велосипедный спорт), 1978 (Каноэ).

ТАБЛИЦА 224

СССР. ***Мемориальные эмиссии*** (Игры XXII Олимпиады. Москва. 1980). *1—4.* 10 рублей 1978 (Конно-спортивная игра), 1978 (Прыжок с шестом), 1979 (Баскетбол), 1979 (Волейбол).

ТАБЛИЦА 225

СССР. ***Мемориальные эмиссии*** (Игры XXII Олимпиады. Москва. 1980). *1—4.* 10 рублей 1979 (Дзюдо), 1979 (Гиревой спорт), 1979 (Бокс), 1980 (Танец орла и хуреш).

ТАБЛИЦА 226

СССР. ***Мемориальные эмиссии*** (Игры XXII Олимпиады. Москва. 1980). *1—2* 10 рублей 1980 (Перетягивание каната), 1980 (Гонки на оленьих упряжках); *3—8.* 100 рублей 1977 (Эмблема Олимпиады на фоне лавровой ветви и земного шара), 1978 (Гребной канал в Крылатском), 1978 (Центральный стадион им. В. И. Ленина), 1979 (Велотрек), 1979 (Универсальный спортивный зал), 1980 (Олимпийский факел на фоне панорамы Москвы).

ТАБЛИЦА 227

СССР. ***Мемориальные эмиссии*** (Игры XXII Олимпиады. Москва. 1980). *1—5.* 150 рублей 1977 (Эмблема Олимпиады на фоне лаврового венка), 1978 (Античный дискобол), 1979 (Античные борцы), 1979 (Античные колесницы), 1980 (Античные бегуны). *6.* Один червонец 1981 (типологическая реплика червонца РСФСР 1923). Медно-никелевый сплав: *7—9.* 1 рубль 1981 (20 лет первого полета человека в космос. 1961—1981. Ю. А. Гагарин), 1981 (Дружба навеки; в честь советско-болгарской дружбы), 1982 (Союз Советских Социалистических Республик. 60 лет).

ТАБЛИЦА 228

СССР. ***Мемориальные эмиссии*** в медно-никелевом сплаве. *1—6.* 1 рубль 1983 (16—19.VI.1963 — в честь 20-летия полета в космос В. В. Терешковой), 1983 (Русский первопечатник Иван Федоров. 1510—1583), 1983 (Карл Маркс. 1818—1883), 1984 (А. С. Пушкин. 1799—1837), 1984 (А. С. Попов. 1859—1906), 1984 (Д. И. Менделеев. 1834—1907).

ТАБЛИЦА 229

СССР. ***Мемориальные эмиссии*** в медно-никелевом сплаве. *1—6.* 1 рубль 1985 (В. И. Ленин. 1870—1924), 1985 (1945—1985) — в ознаменование 40-летия победы в Великой Отечественной войне), 1985 (За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу. XII. Москва. 1985) — в связи с проведением в

Москве XII Всемирного фестиваля молодежи, 1985 (Фридрих Энгельс. 1820—1895), 1986 (Международный год мира), 1986 (М. В. Ломоносов. 1711—1765).

ТАБЛИЦА 230

СССР. *Мемориальная серия* (70 лет Великой Октябрьской Социалистической революции) 1987 в медно-никелевом сплаве. *1.* 1 рубль, *2.* 3 рубля, *3.* 5 рублей.

ТАБЛИЦА 231

СССР. *Мемориальные эмиссии* в медно-никелевом сплаве. *1—2.* 1 рубль 1987 (175 лет со дня Бородинского сражения 1812 г.); *3—5.* 1 рубль 1987 (К. Э. Циолковский. 1857—1935), 1988 (Л. Н. Толстой. 1828—1910), 1988 (А. М. Горький. 1868—1936).

ТАБЛИЦА 232

СССР. *Мемориальная серия* 1988 в медно-никелевом сплаве. *1—3.* *5* рублей (Софийский собор. XI век. Киев; Памятник Петру I. 1782. Ленинград; Памятник «Тысячелетие России». 1862. Новгород). Мемориальная монетовидная чеканка 1988 из металла боевой ракеты. *4.* 1 рубль/1 доллар.

ТАБЛИЦА 233

СССР. *Мемориальная серия* 1988. *1—2.* 3 рубля (1000-летие древнерусского зодчества. Софийский собор. Киев. 1037 г.; 1000-летие древнерусской монетной чеканки. Сребреник Владимира. 988 г.); *3.* 25 рублей (1000-летие крещения Руси. Памятник князю Владимиру Святославичу); *4.* 50 рублей (1000-летие древнерусского зодчества. Софийский собор. Новгород. 1045 г.); *5.* 100 рублей (1000-летие древнерусской монетной чеканки. Златник Владимира. 988 г.); *6.* 150 рублей (1000-летие древнерусской литературы. Слово о полку Игореве. 1185 г.).

ТАБЛИЦА 234

СССР. *Мемориальные эмиссии* 1989 в медно-никелевом сплаве. *1—5.* 1 рубль (Т. Г. Шевченко. 1814—1861; М. Мусоргский. 1839—1881; М. Ю. Лермонтов. 1814—1841; Хамза Хаким-заде Ниязи. 1889—1929; Михаил Эминеску. 1850—1889); *6.* 3 рубля (Зона землетрясения — милосердия — созидания. Армения. 7.12.1988).

ТАБЛИЦА 235

СССР. *Мемориальная серия* 1989 в медно-никелевом сплаве. *1—3.* 5 рублей (Собор Покрова на рву. Москва. 1561; Регистан. Самарканд. XV—XVII вв.; Благовещенский собор. Москва. 1489). Мемориальная эмиссия. *4.* 25 рублей 1989 (Русский балет).

ТАБЛИЦА 236

СССР. *Мемориальная серия* 1989 (500-летие единого Русского государства). *1—2.* 3 рубля (Московский Кремль. XV в.; Первые общерусские монеты. XVI в.); *3.* 25 рублей (Иван III — основатель единого государства); *4.* 50 рублей (Успенский собор. Москва. 1475 г.); *5.* 100 рублей (Государственная печать Ивана III. 1497 г.); *6.* 150 рублей (Стояние на реке Угре. 1480 г.).

ТАБЛИЦА 237

СССР. *Мемориальная серия* 1990 (500-летие единого Русского государства). *1—2.* 3 рубля (Петропавловская крепость. 1703 г.; Флот Петра Великого); *3.* 25 рублей (Петр I — преобразователь); *4.* 50 рублей (Церковь архангела Гавриила. 1707 г.); *5.* 100 рублей (памятник Петру I); *6.* 150 рублей (Полтавская битва. 1709 г.).

ТАБЛИЦА 238

СССР. *Мемориальные эмиссии* 1990 в медно-никелевом сплаве. *1—5.* 1 рубль (Франциск Скорина. 1490 — ок. 1551; Антон Чехов. 1860—1904; Маршал Г. К. Жуков. 1896—1974; Янис Райнис. 1865—1929; П. Чайковский. 1840—1893); *6.* 5 рублей (Успенский собор. Москва XV в.).

ТАБЛИЦА 239.

СССР. *Мемориальная серия* 1990 (250-лет открытия Русской Америки). *1.* 3 рубля (Экспедиция Д. Кука в Русскую Америку. 1778); *2—3.* 25 рублей (Пакетбот Св. Павел. 1741. Капитан командор В. Беринг; Пакетбот Св. Павел. Капитан А. Чириков. 1741); *4.* 150 рублей (Бот Св. Гавриил. М. Гвоздев. 1732).

ТАБЛИЦА 240

СССР. *Мемориальная эмиссия* 1990. *1.* 3 рубля (Всемирная встреча на высшем уровне в интересах детей. Нью-Йорк. 1990). *Мемориальная серия* 1990 в медно-никелевом сплаве: *2—3.* 5 рублей (Большой дворец. XVIII—XIX вв. Петродворец; Матенадаран. 1959. Ереван). *Мемориальная серия* 1990 (Русский балет). *4.* 10 рублей; *5.* 25 рублей.

ТАБЛИЦА 241

СССР. *Мемориальная эмиссия* 1991 в медно-никелевом сплаве. *1—6.* 1 рубль (П. Н. Лебедев. 1866—1912; Алишер Навои. 1441—1501; Сергей Прокофьев. 1891—1953; Махтумкули. 1733—1798; Низами Гянджеви. 850 лет; К.В. Иванов. 1890—1915).

ТАБЛИЦА 242

СССР. *Мемориальная серия* (XXV Олимпиада. Барселона. 1992) 1991 в медно-никелевом сплаве: *1—6.* 1 рубль (Метание копья; Велосипедный спорт; Борьба; Прыжок в длину; Тяжелая атлетика; Бег).

ТАБЛИЦА 243

СССР. *Мемориальная эмиссия* 1991 в медно-никелевом сплаве. *1.* 3 рубля (50 лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. 1941—1991). *Мемориальная серия* 1991 в медно-никелевом сплаве. *2—4.* 5 рублей (Архангельский собор. 1508. Москва; Памятник Давиду Сасунскому. 1959. Ереван; Государственный банкъ. XIX в. Москва). *Мемориальная серия* 1991 (Красная книга СССР), медно-никелевый диск с заштампованным в его центре диском марганцовистой латуни: *5—6.* 5 рублей (Винторогий козел; Рыбный филин).

ТАБЛИЦА 244

СССР. *Монетная серия* 1991 (Государственный банк СССР), не имеющая Государственного герба. Марганцовистая латунь: *1.* 10 копеек. Медно-никелевый сплав: *2—4.* 50 копеек, 1 рубль, 5 рублей. Медно-никелевый диск с заштампованным в его центре диском марганцовистой латуни. *5—6.* 10 рублей (на втором экземпляре — дата «1992»)[1]

---

[1] В каталоге отсутствуют следующие мемориальные монеты СССР, выпущенные в 1991 г.:
Серебро: 30 лет со дня первого полета человека в космос (3 рубля), Форт Росс (3 рубля), Кутузовские ворота (3 рубля), Большой театр (3 и 50 рублей).
Золото: Исаакиевский собор (50 рублей), Лев Толстой (100 рублей), Большой театр (10, 25, 50 и 100 рублей).
Платина: Иоанн Вениаминов (150 рублей), Отечественная война (150 рублей).
Палладий: Русский балет (5, 10 и 25 рублей), Новоархангельск (25 рублей), Гавань трех святителей (25 рублей), Крестьянская реформа 1861 г. (25 рублей).

ТАБЛИЦА 1

ТАБЛИЦА 2

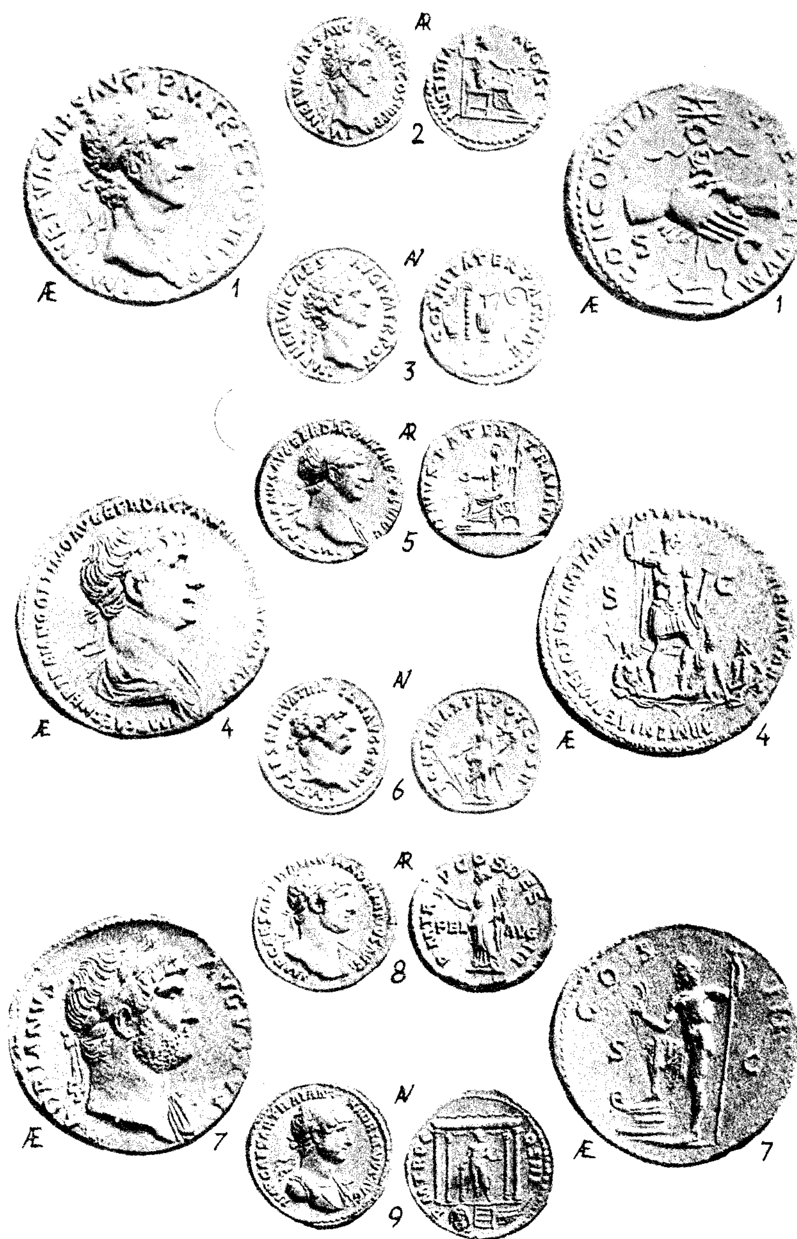

ТАБЛИЦА 3

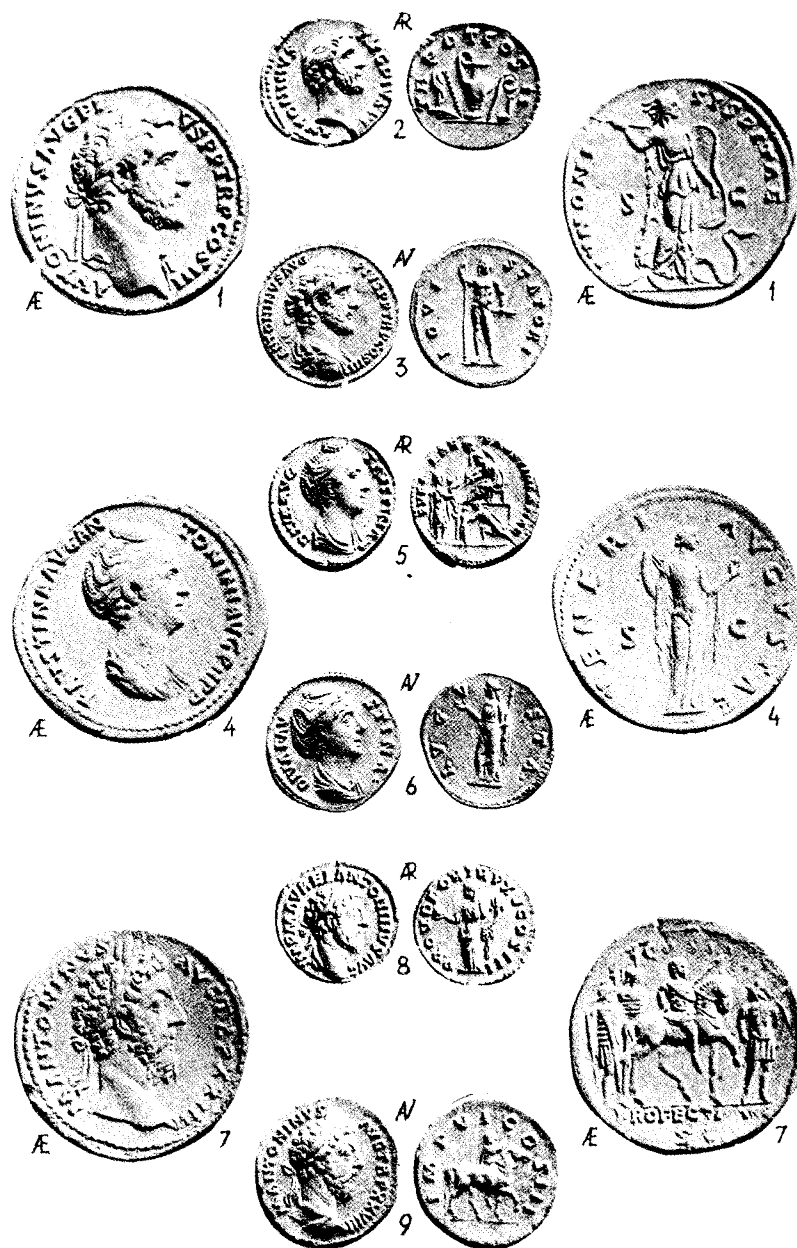

ТАБЛИЦА 4

ТАБЛИЦА 5

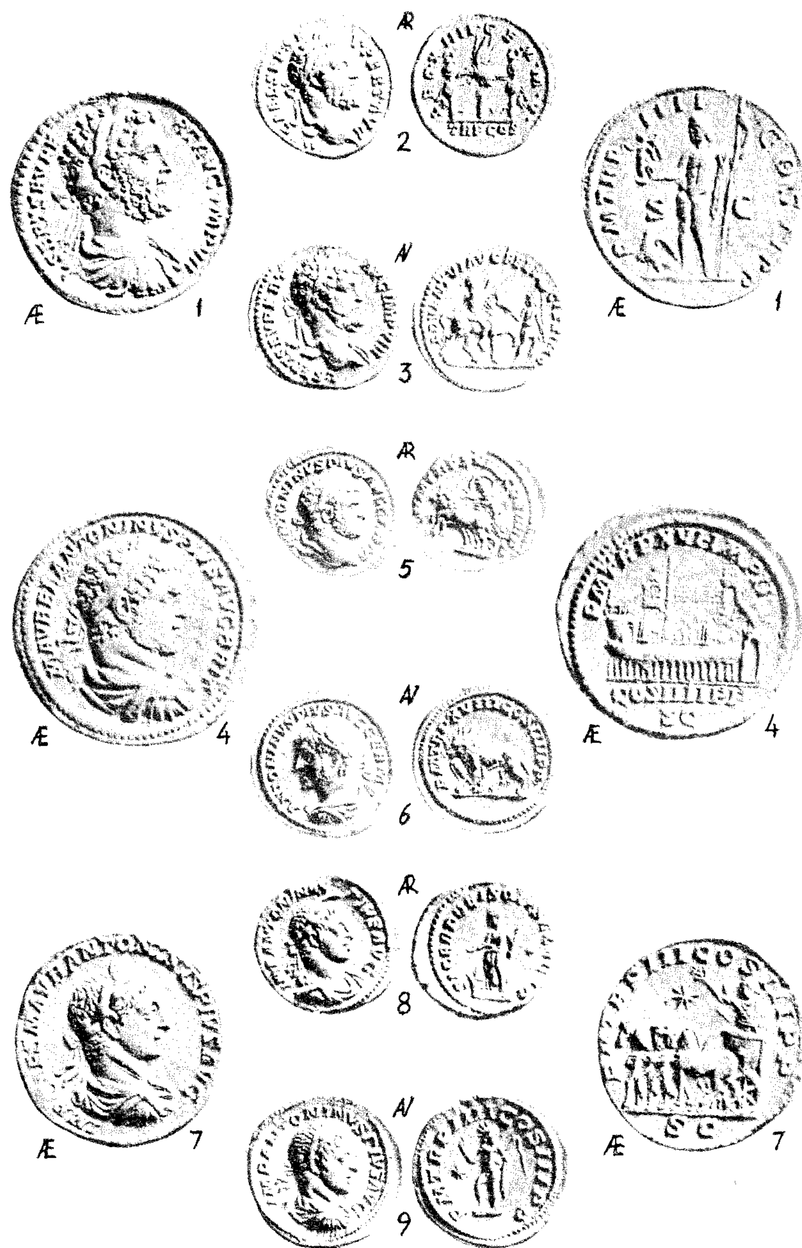

ТАБЛИЦА 6

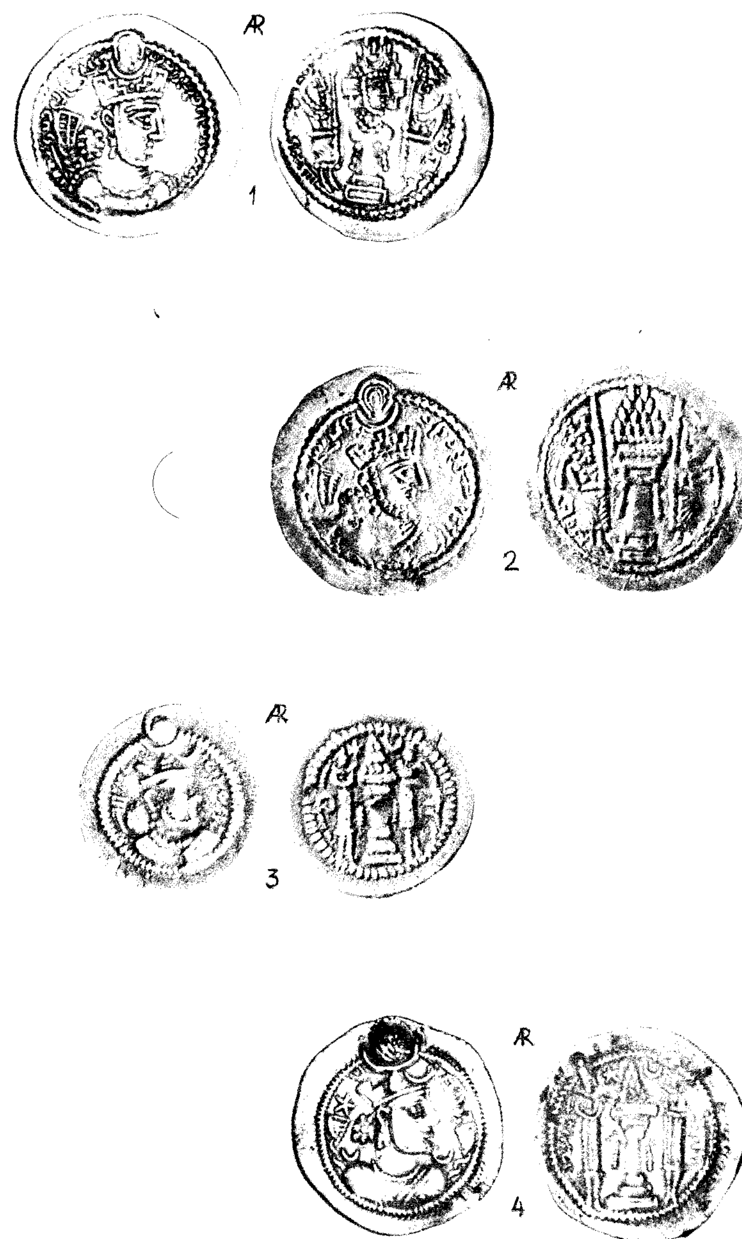

ТАБЛИЦА 7

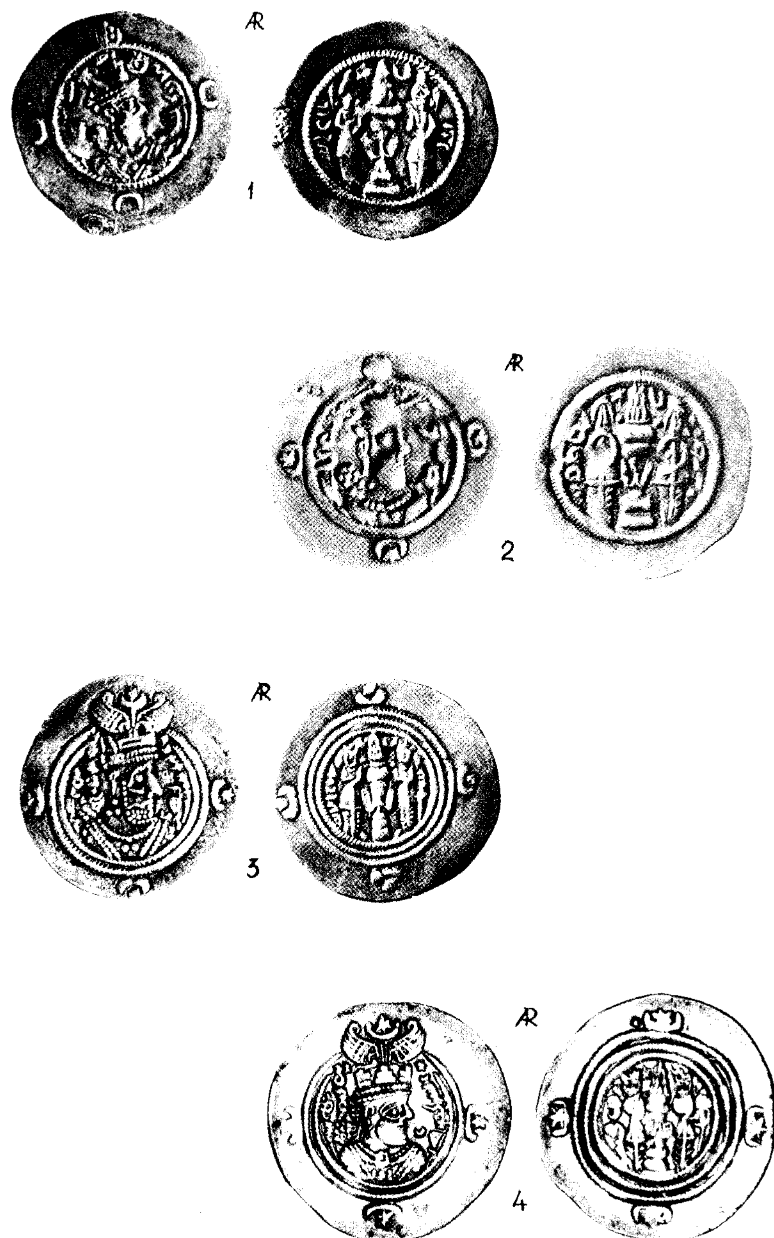

ТАБЛИЦА 8

ТАБЛИЦА 9

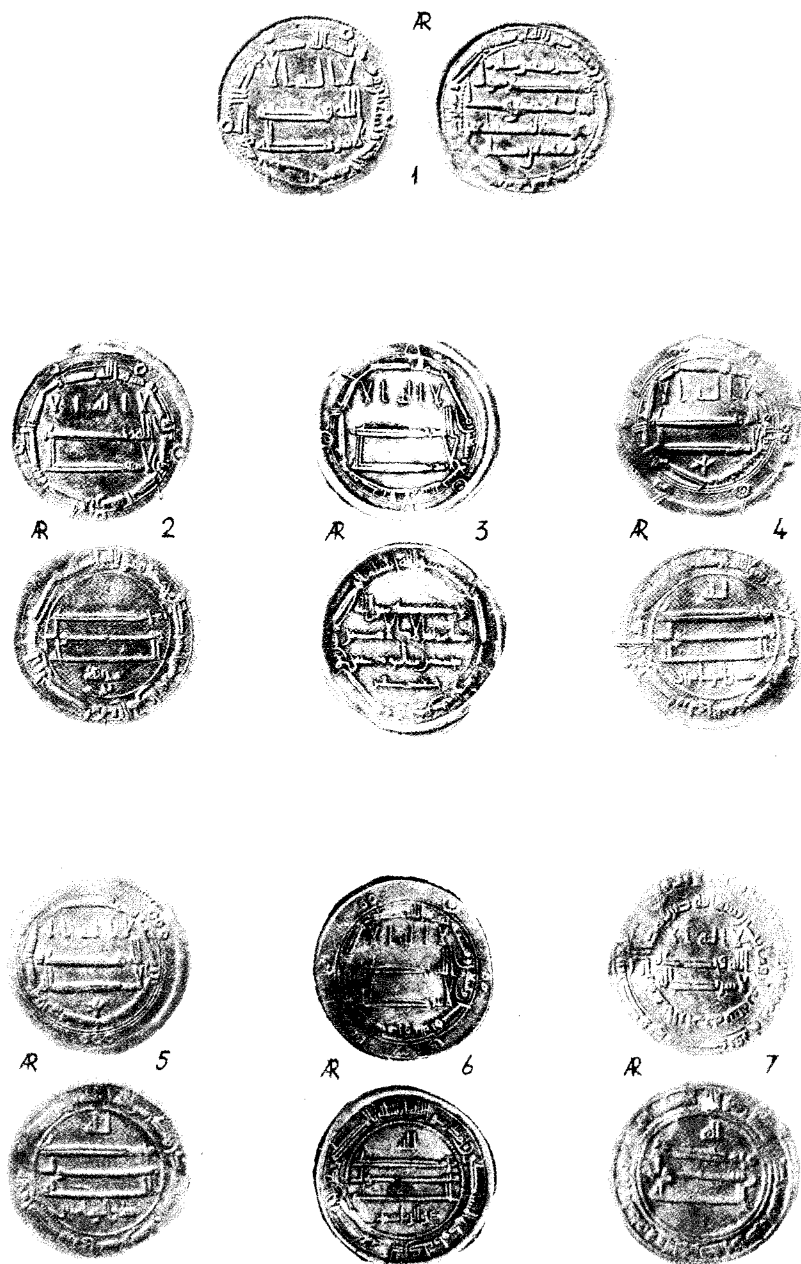

ТАБЛИЦА 10

ТАБЛИЦА 11

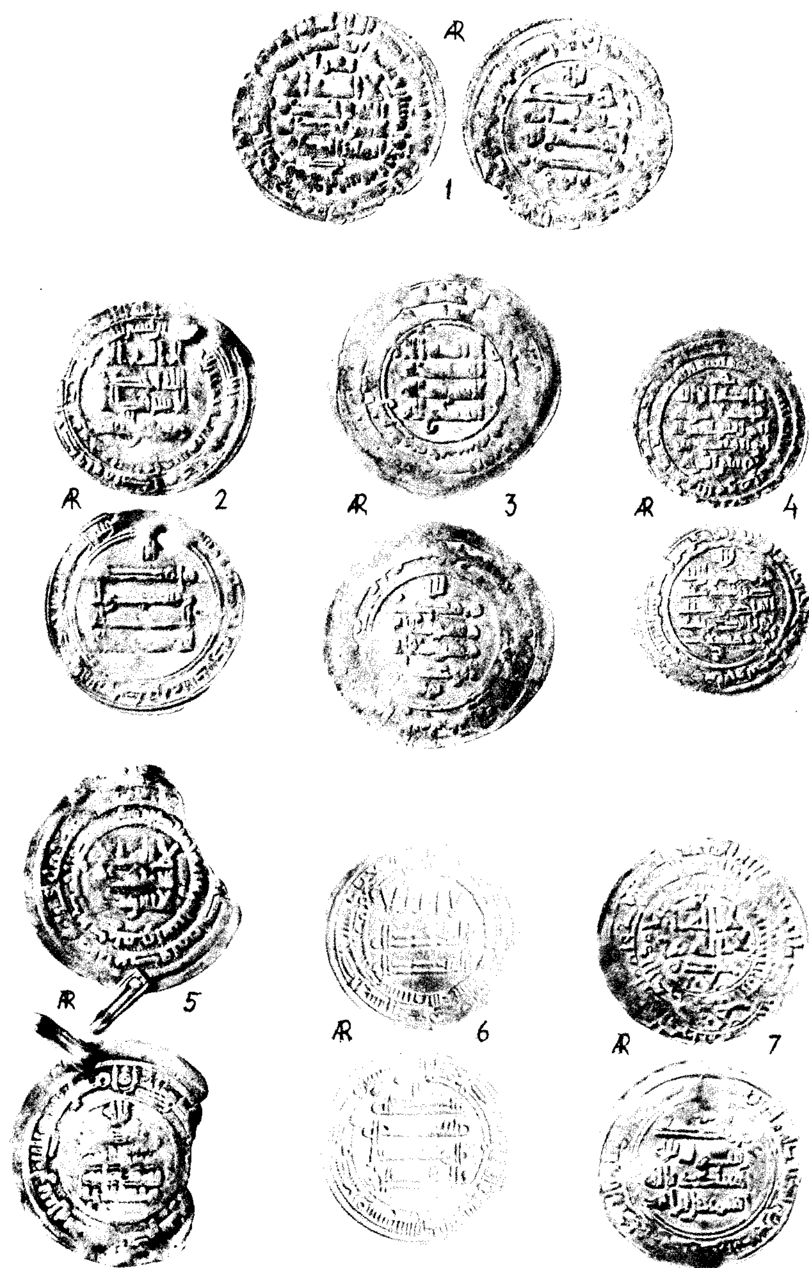

ТАБЛИЦА 12

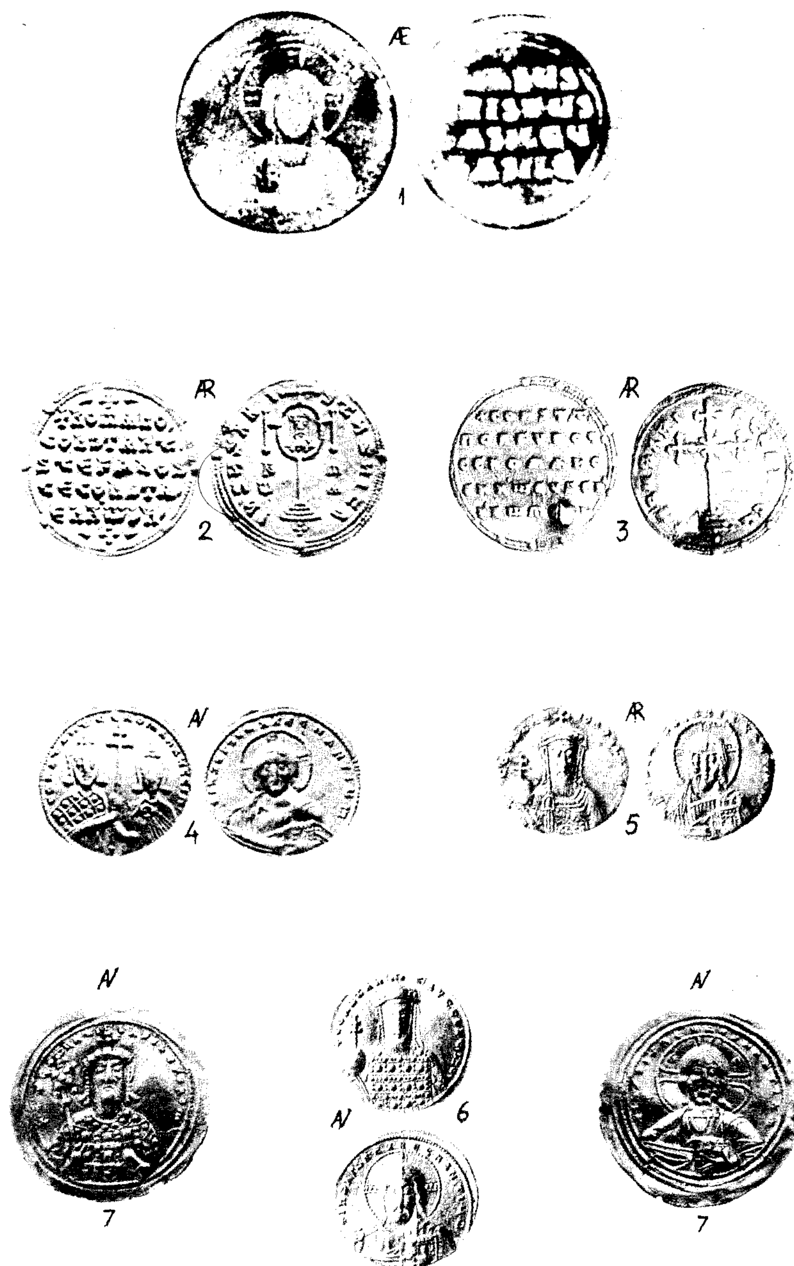

ТАБЛИЦА 13

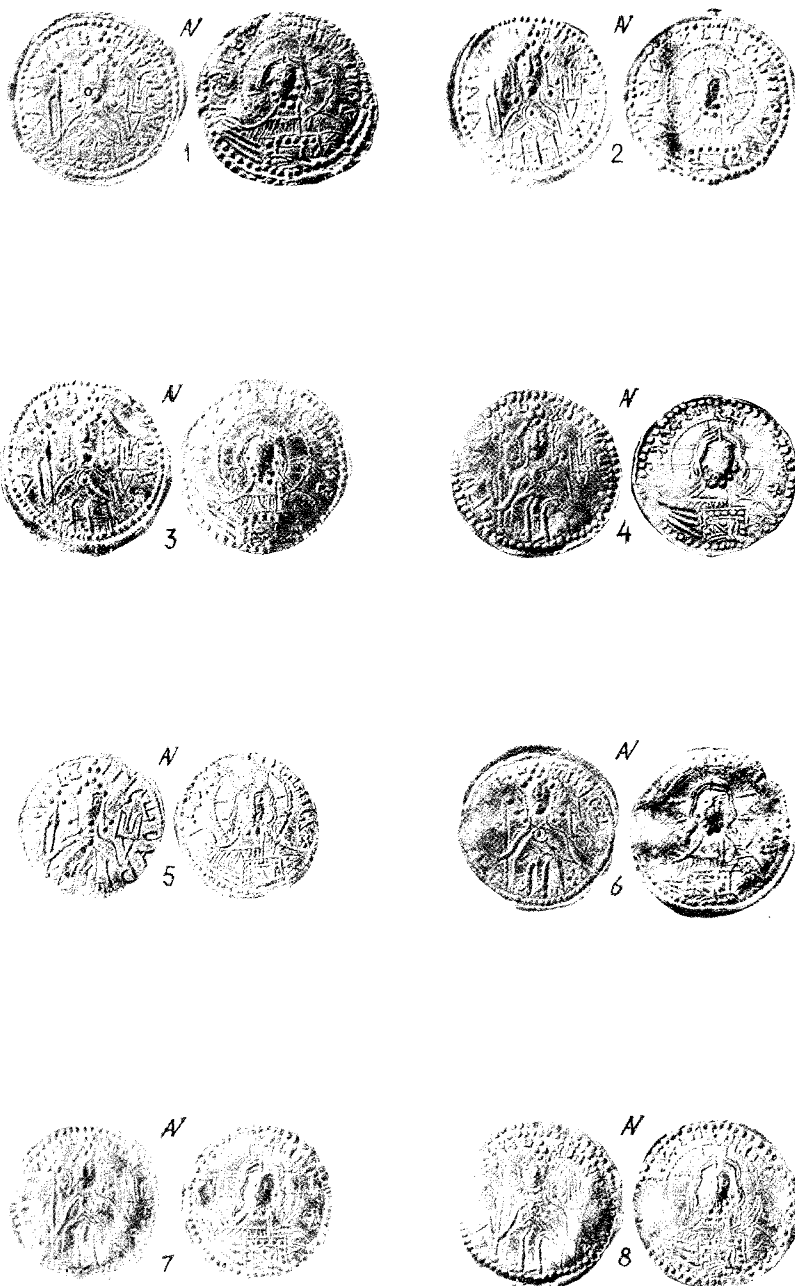

ТАБЛИЦА 14

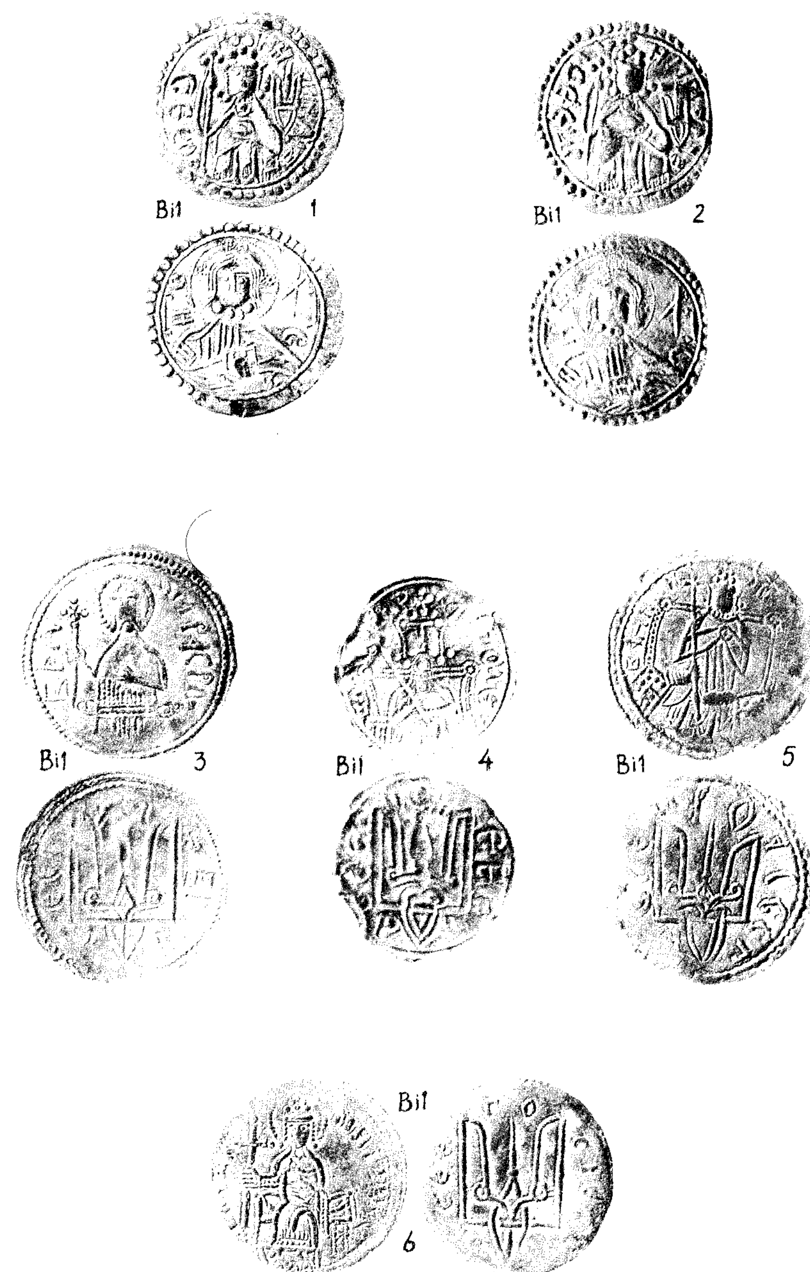

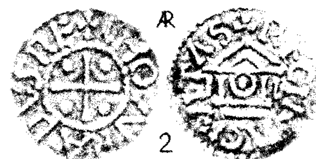
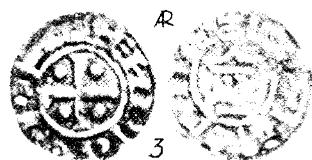
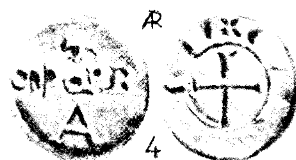
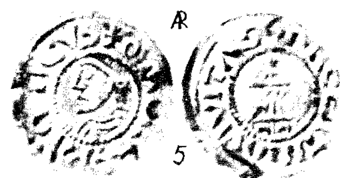
ТАБЛИЦА 15

ТАБЛИЦА 16

ТАБЛИЦА 17

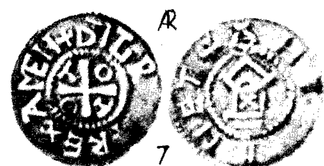
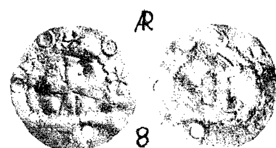
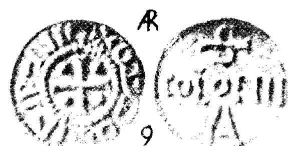
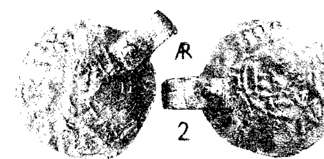
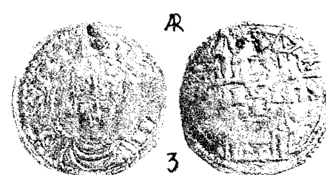
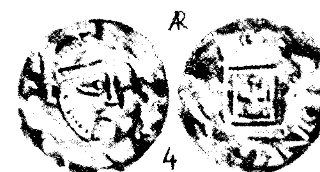
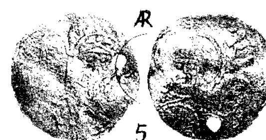
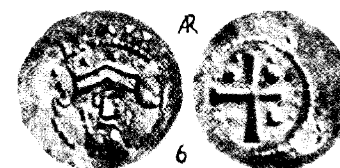
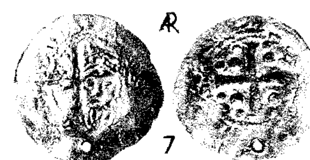

ТАБЛИЦА 18

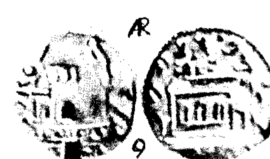
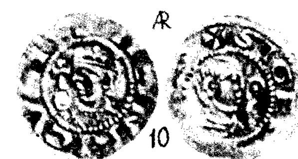

ТАБЛИЦА 19

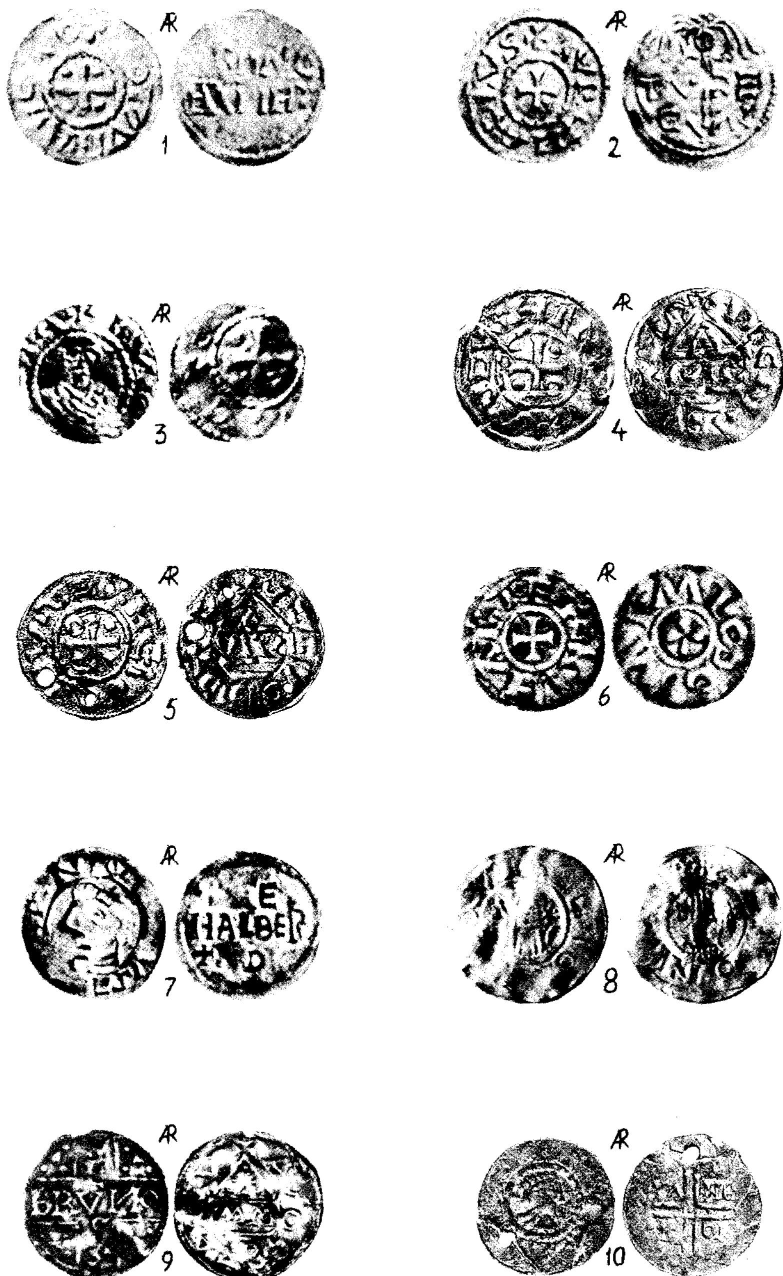

ТАБЛИЦА 20

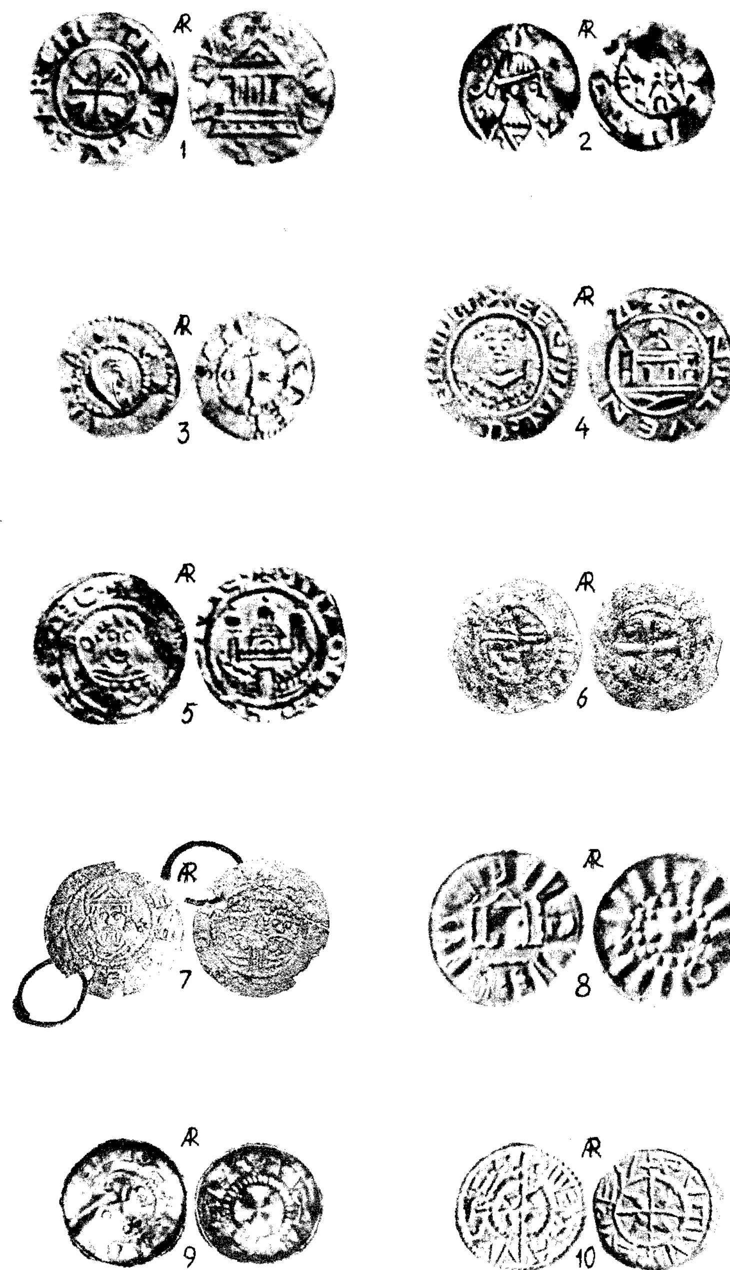

ТАБЛИЦА 21

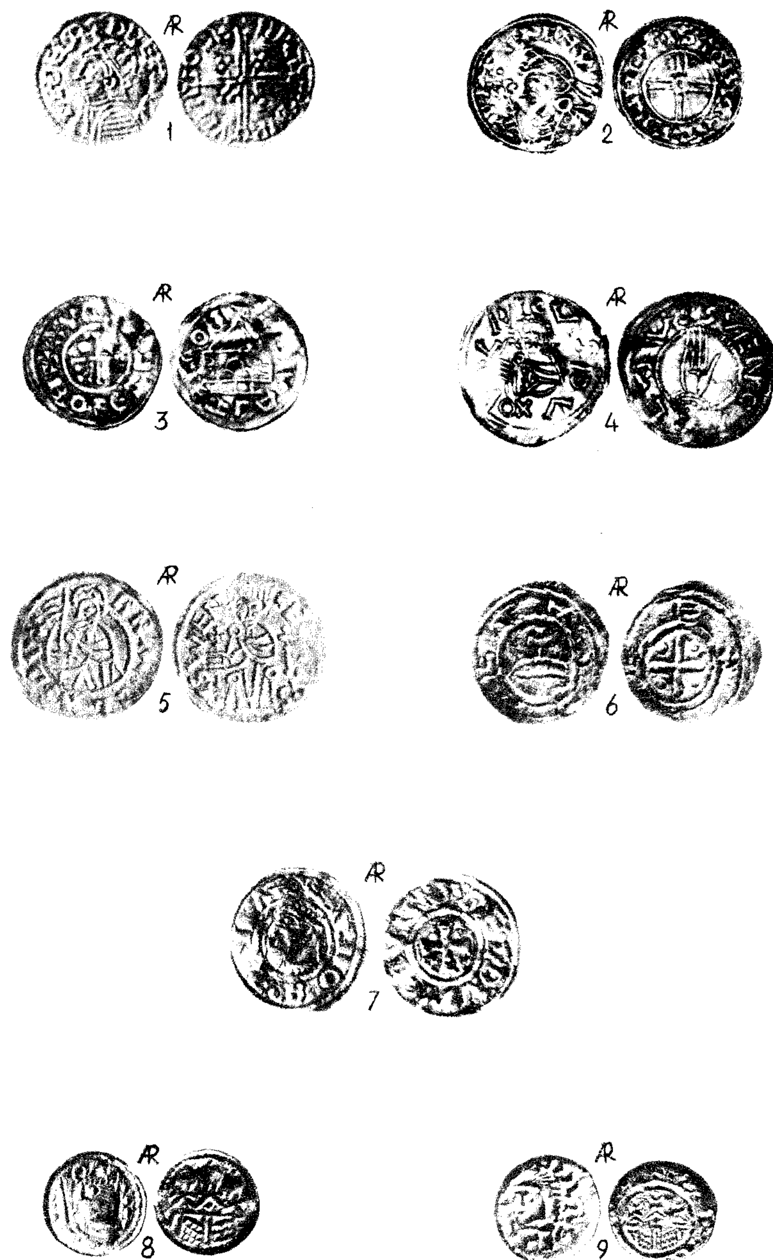

ТАБЛИЦА 22

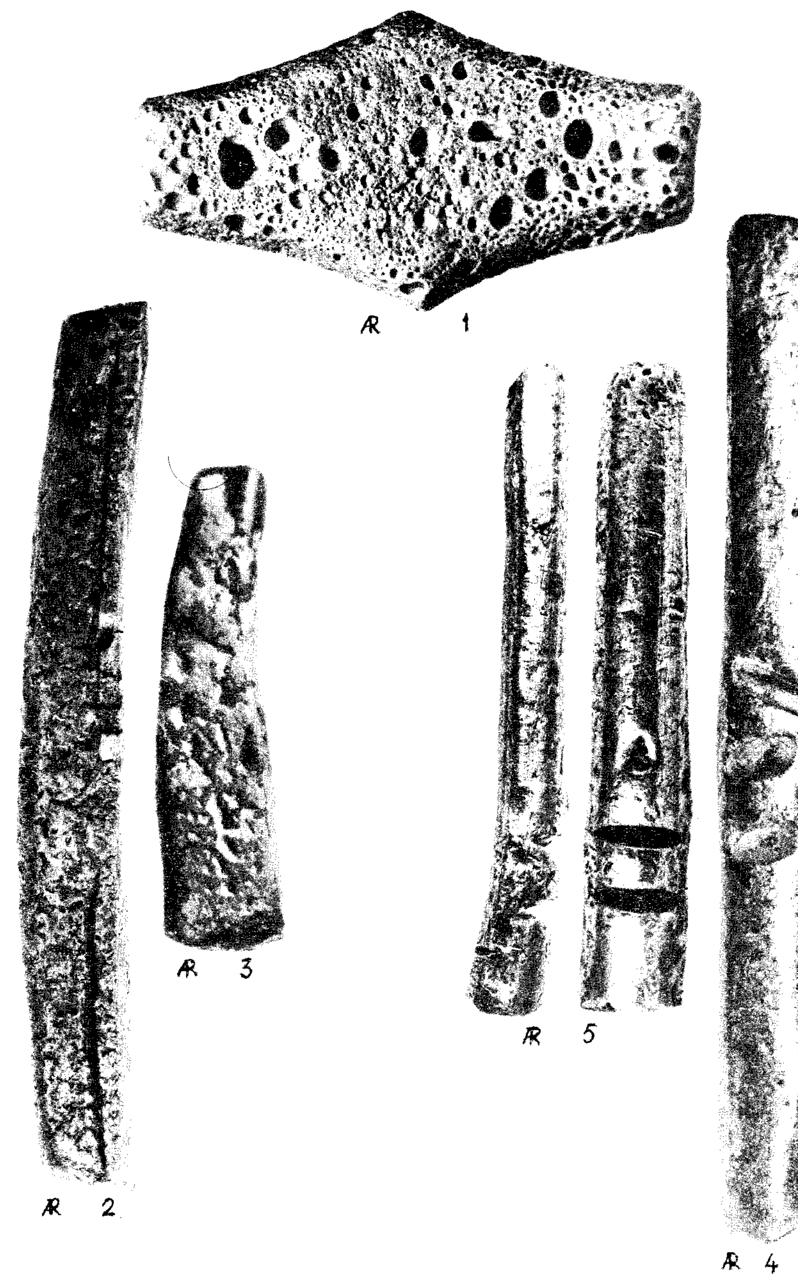

ТАБЛИЦА 23

ТАБЛИЦА 24

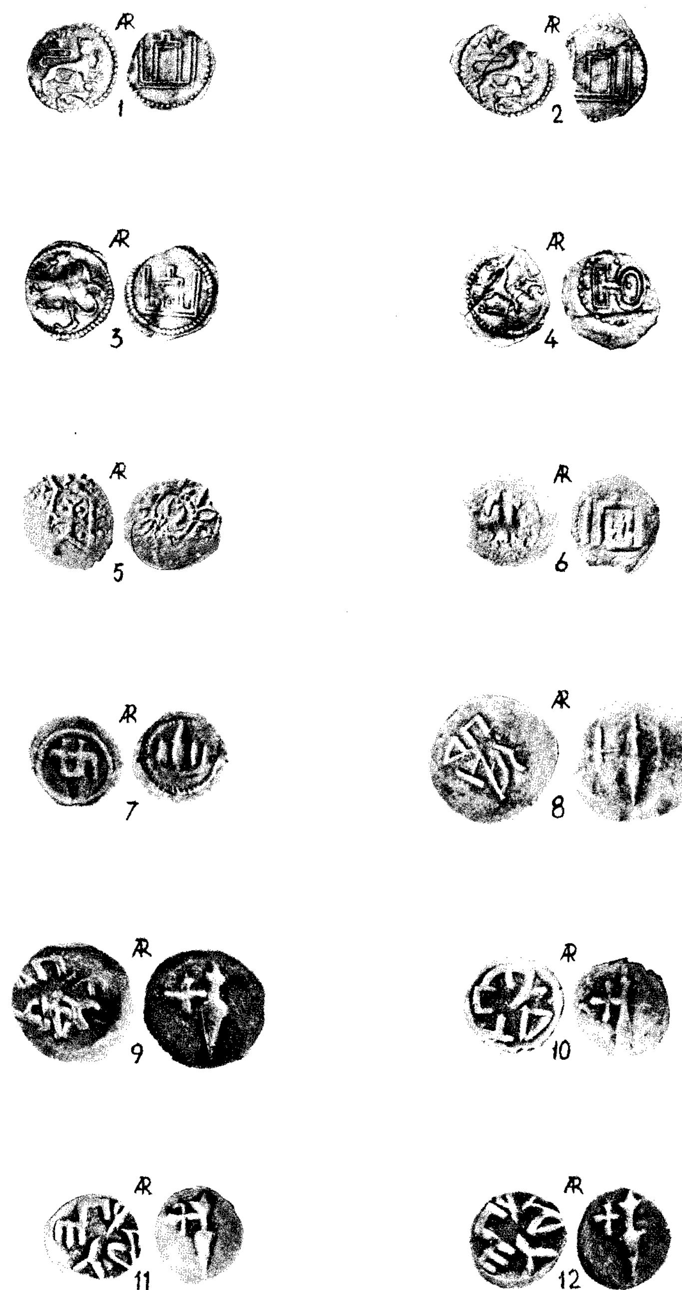

ТАБЛИЦА 25

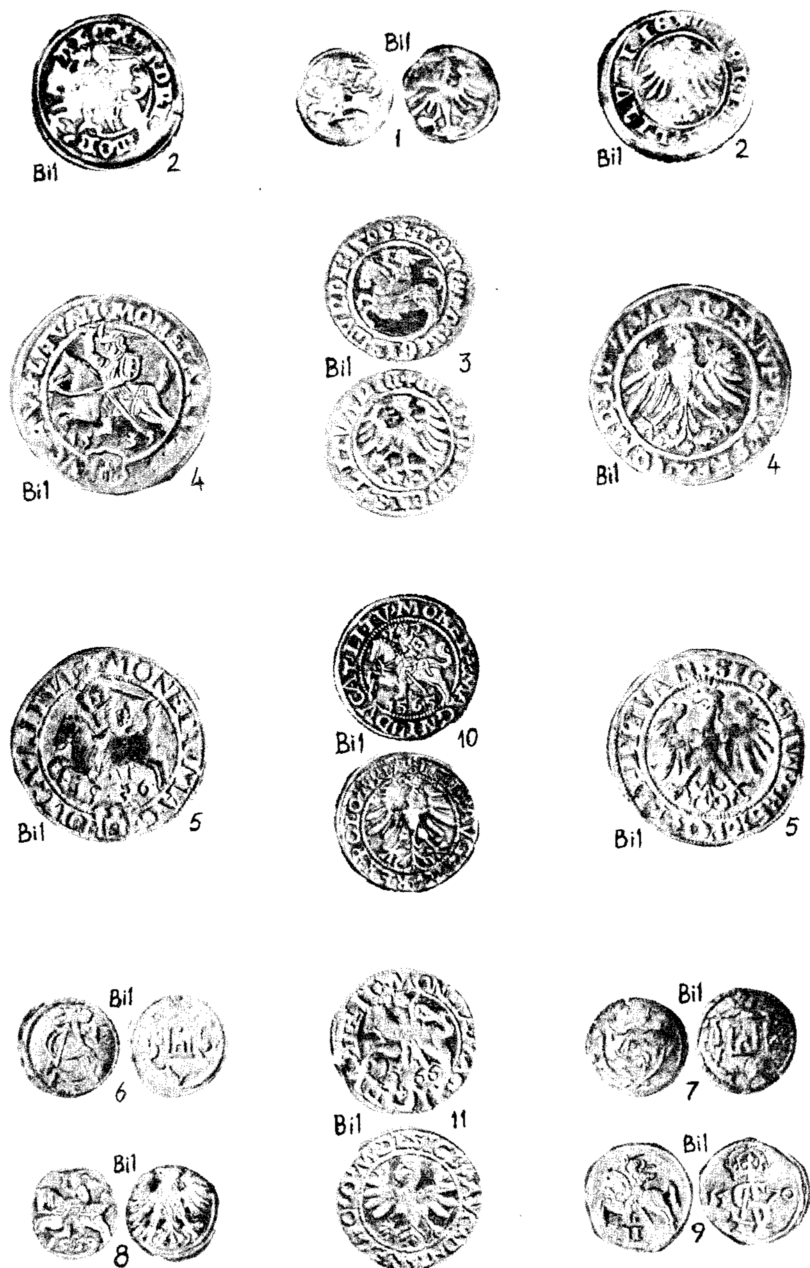

ТАБЛИЦА 26

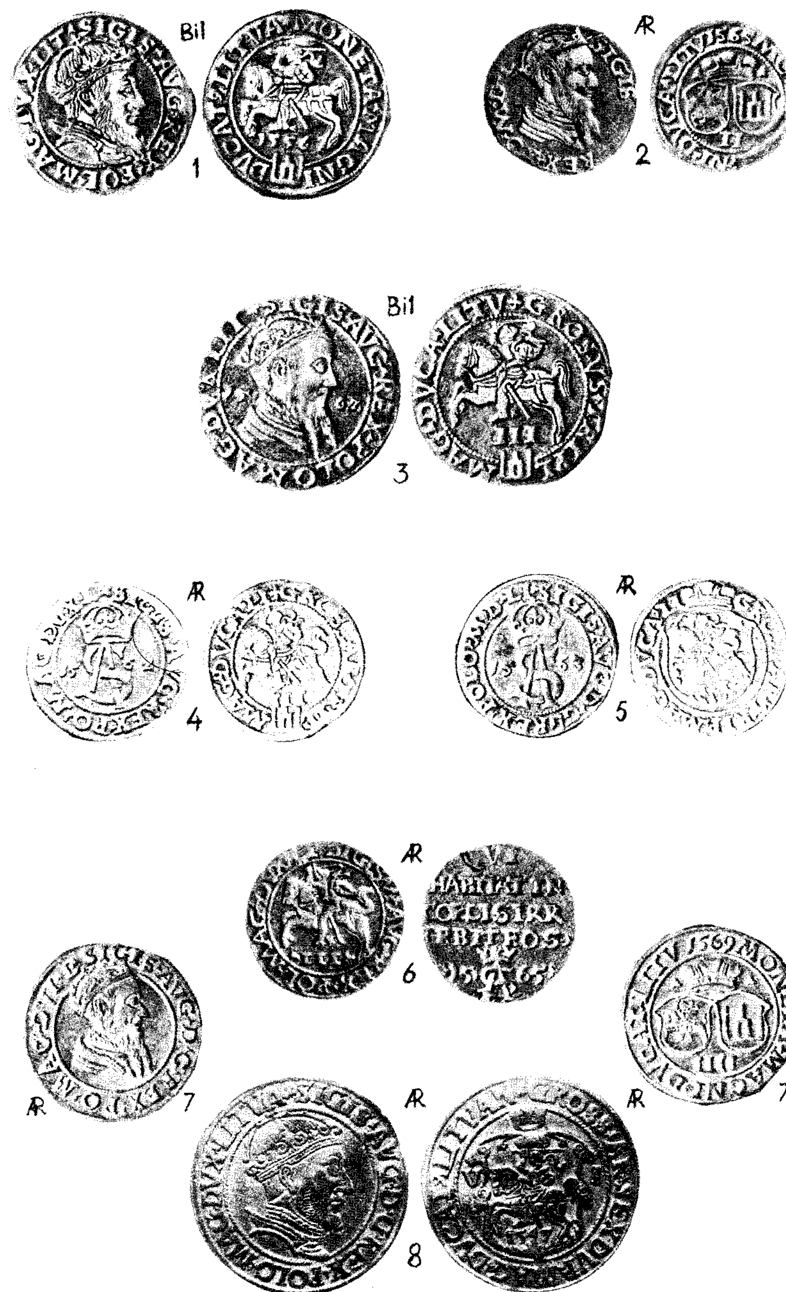

ТАБЛИЦА 27

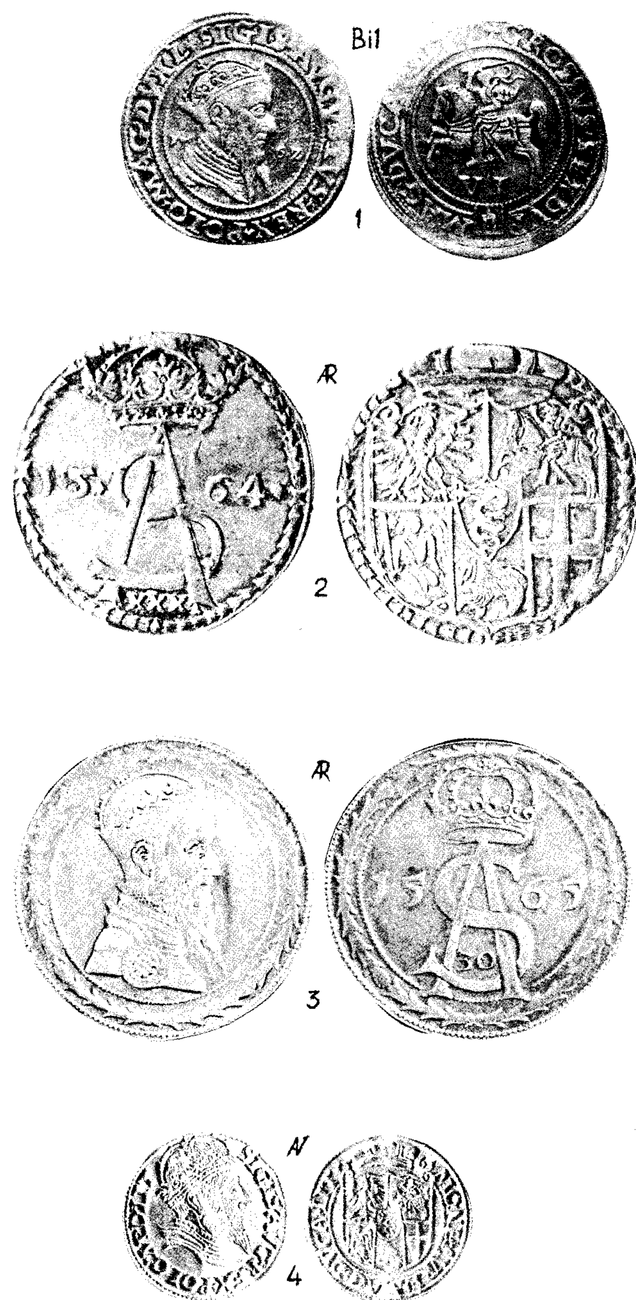

ТАБЛИЦА 28

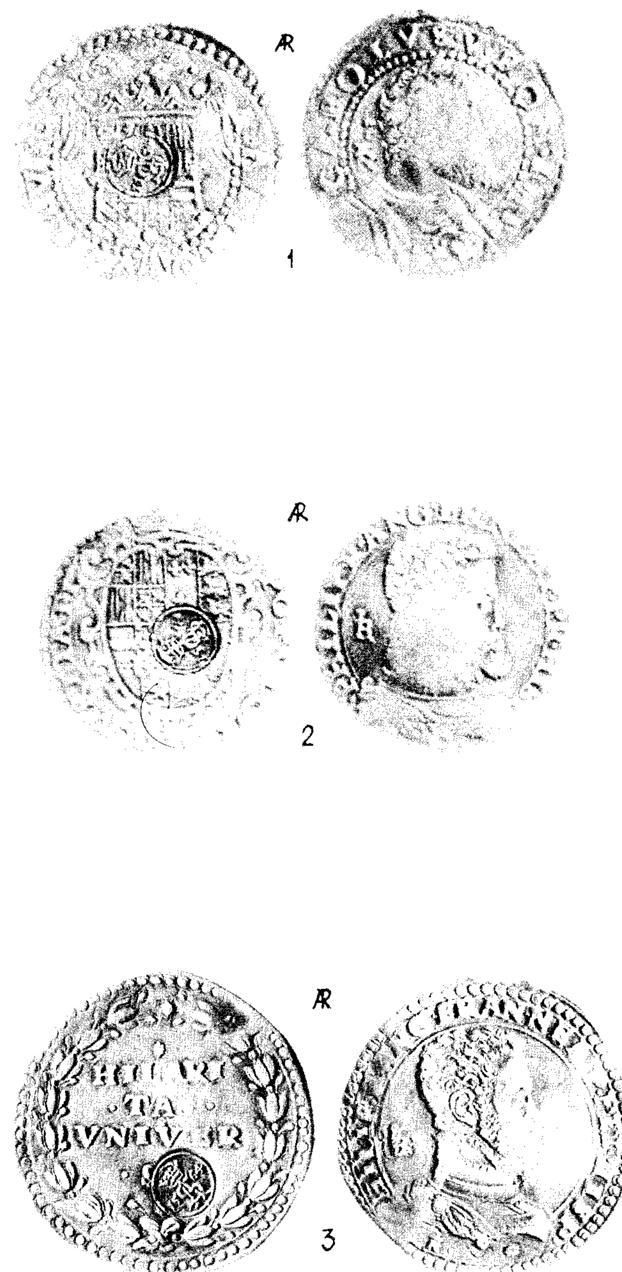

ТАБЛИЦА 29

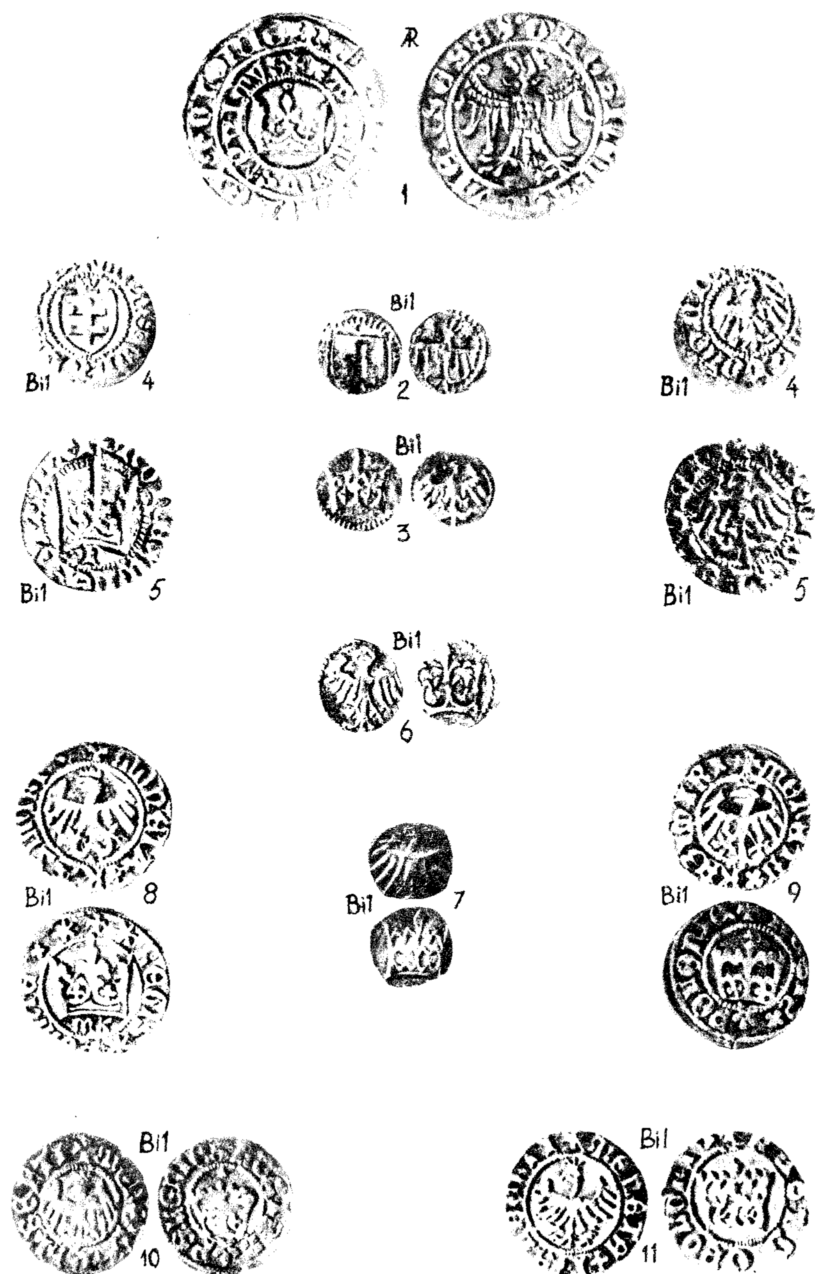

ТАБЛИЦА 30

ТАБЛИЦА 31

ТАБЛИЦА 32

ТАБЛИЦА 33

ТАБЛИЦА 34

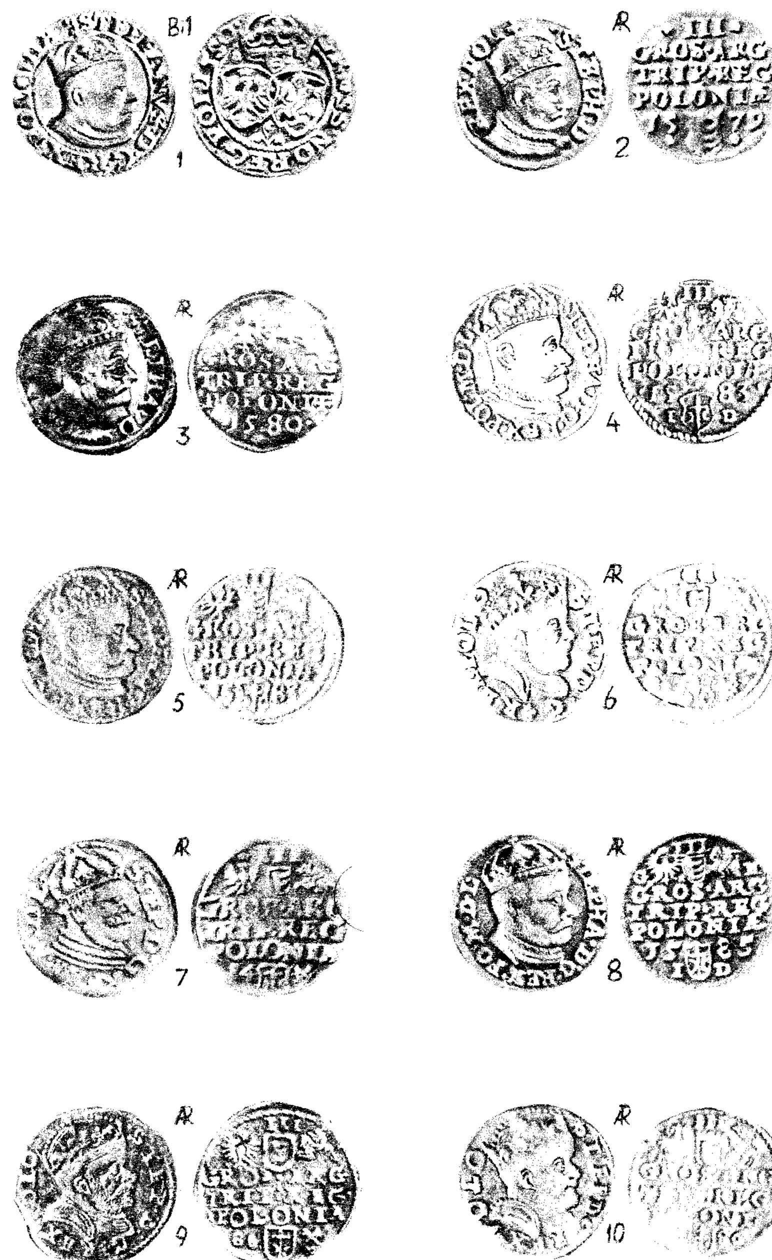

ТАБЛИЦА 35

ТАБЛИЦА 36

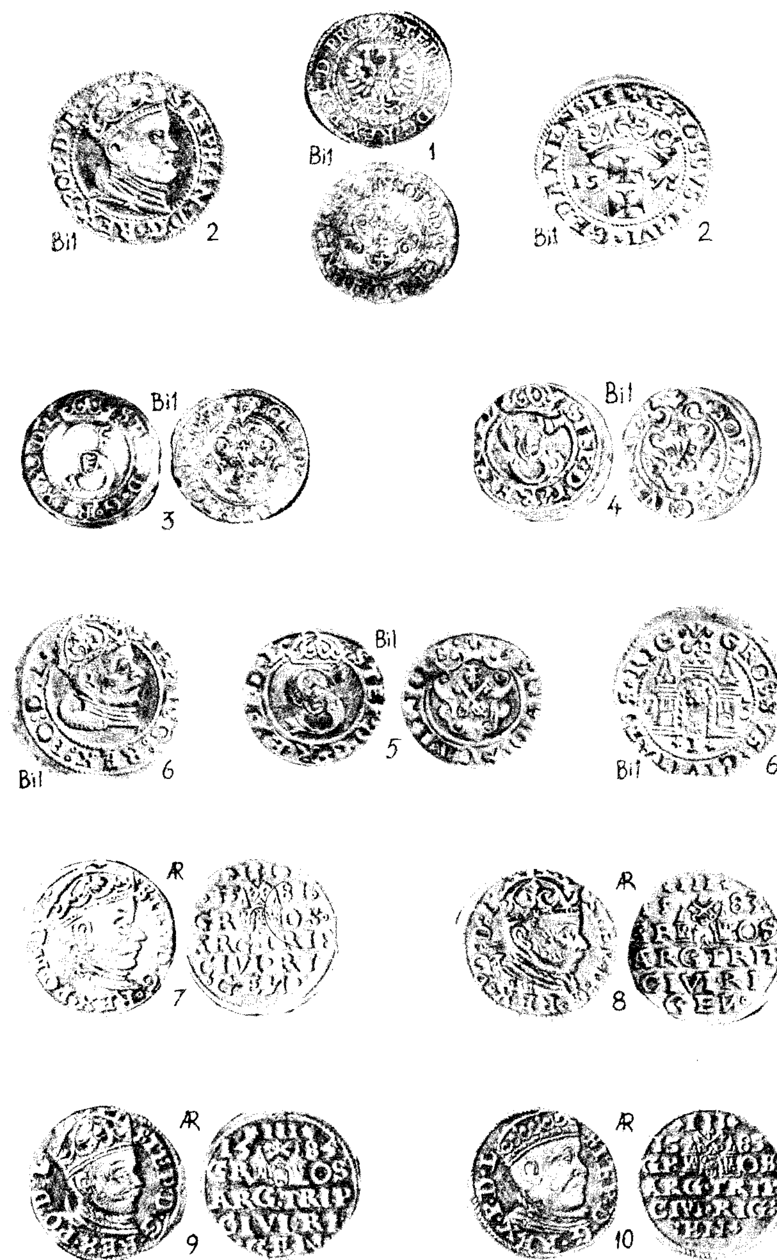

ТАБЛИЦА 37

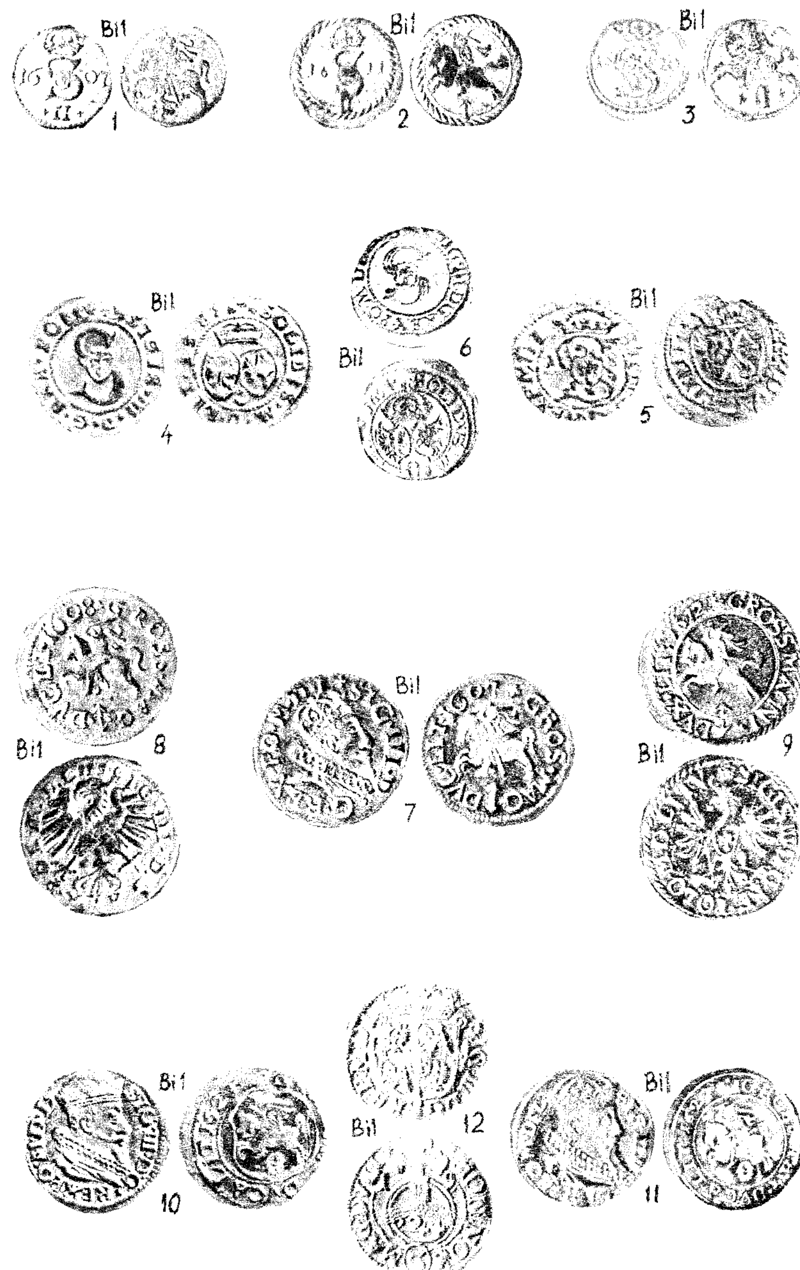

ТАБЛИЦА 38

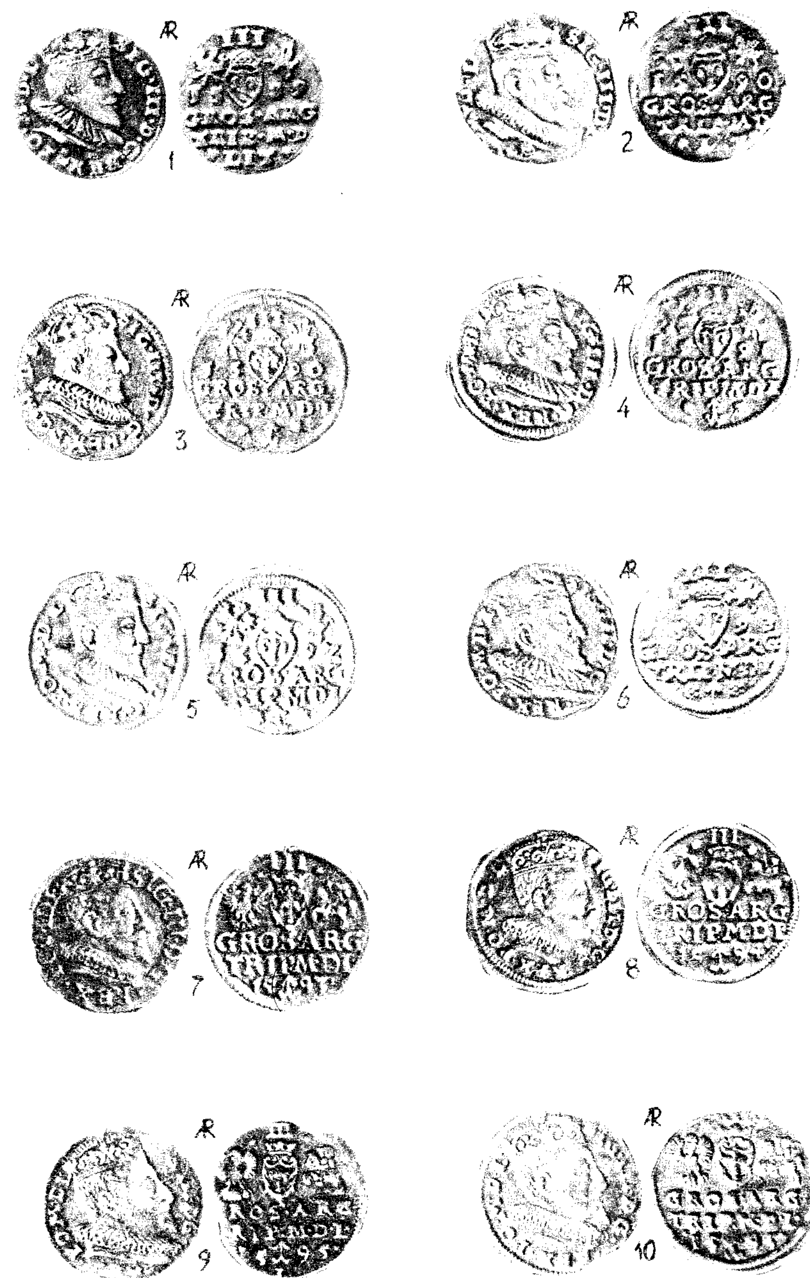

ТАБЛИЦА 39

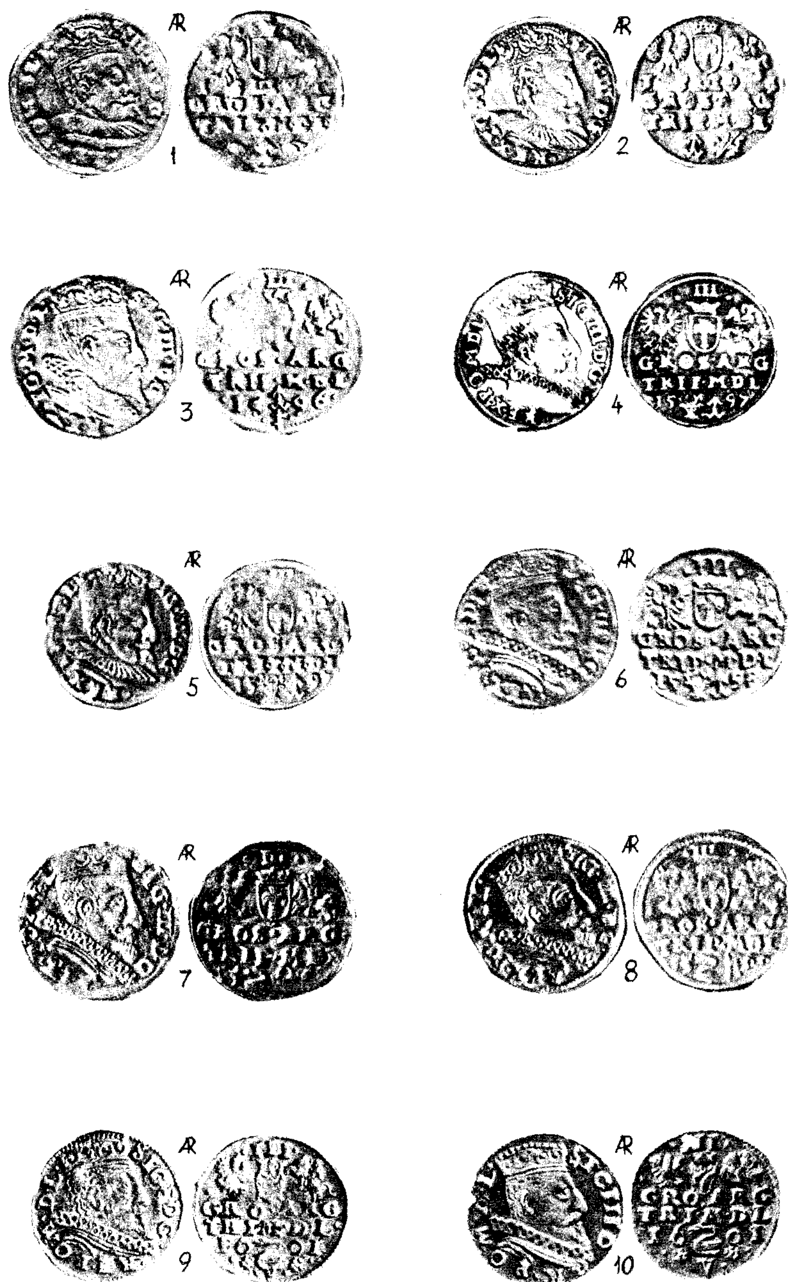

ТАБЛИЦА 40

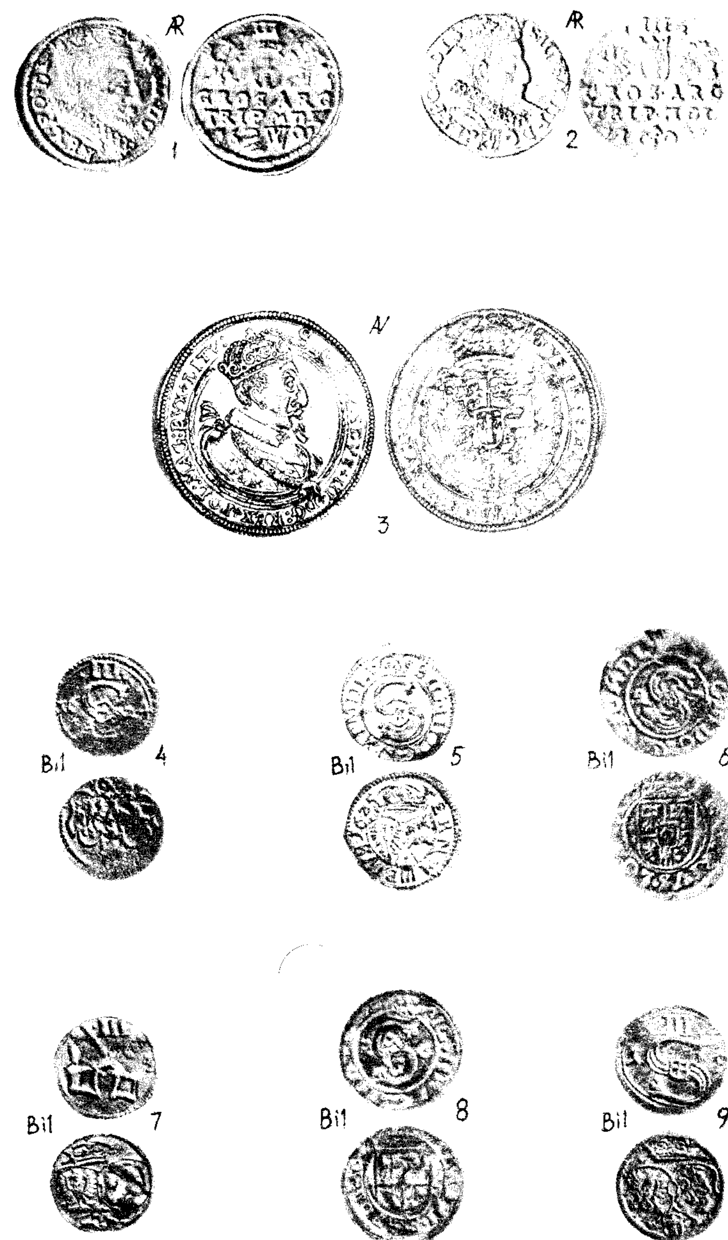

ТАБЛИЦА 41

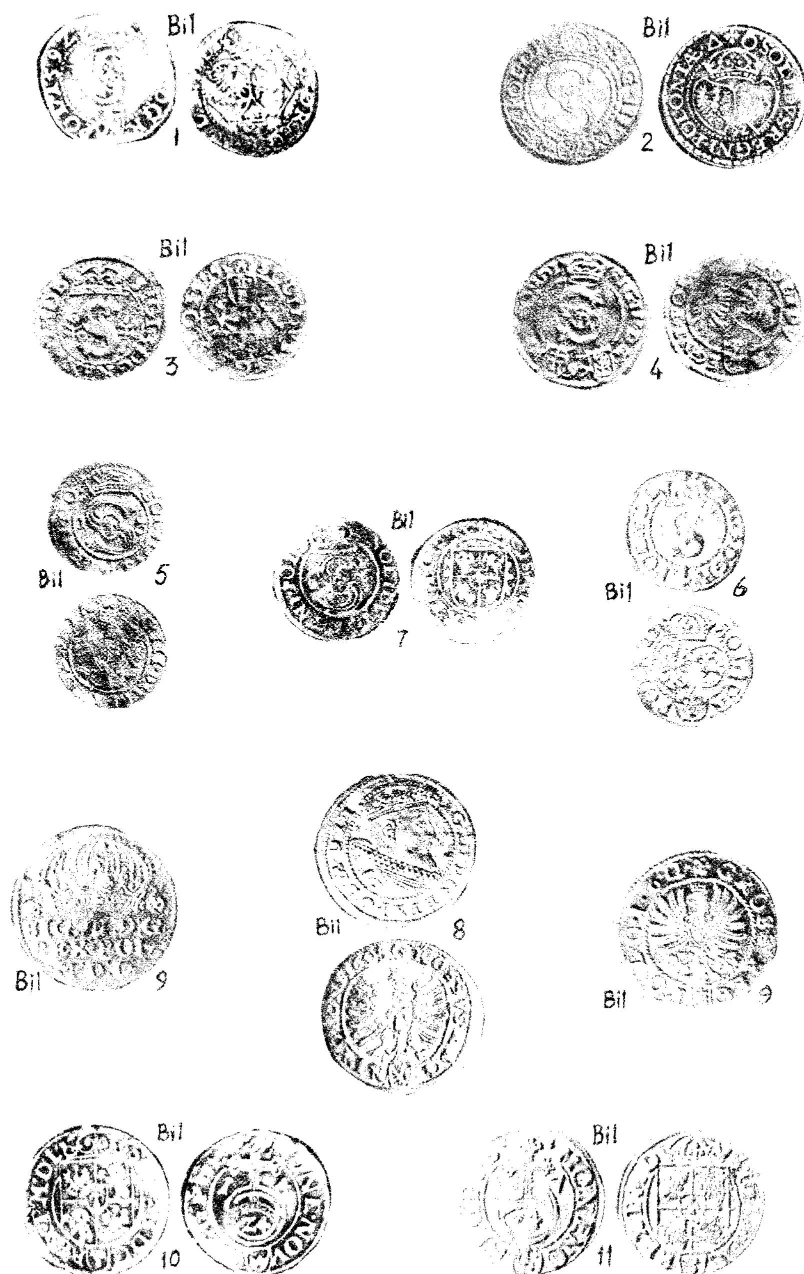

ТАБЛИЦА 42

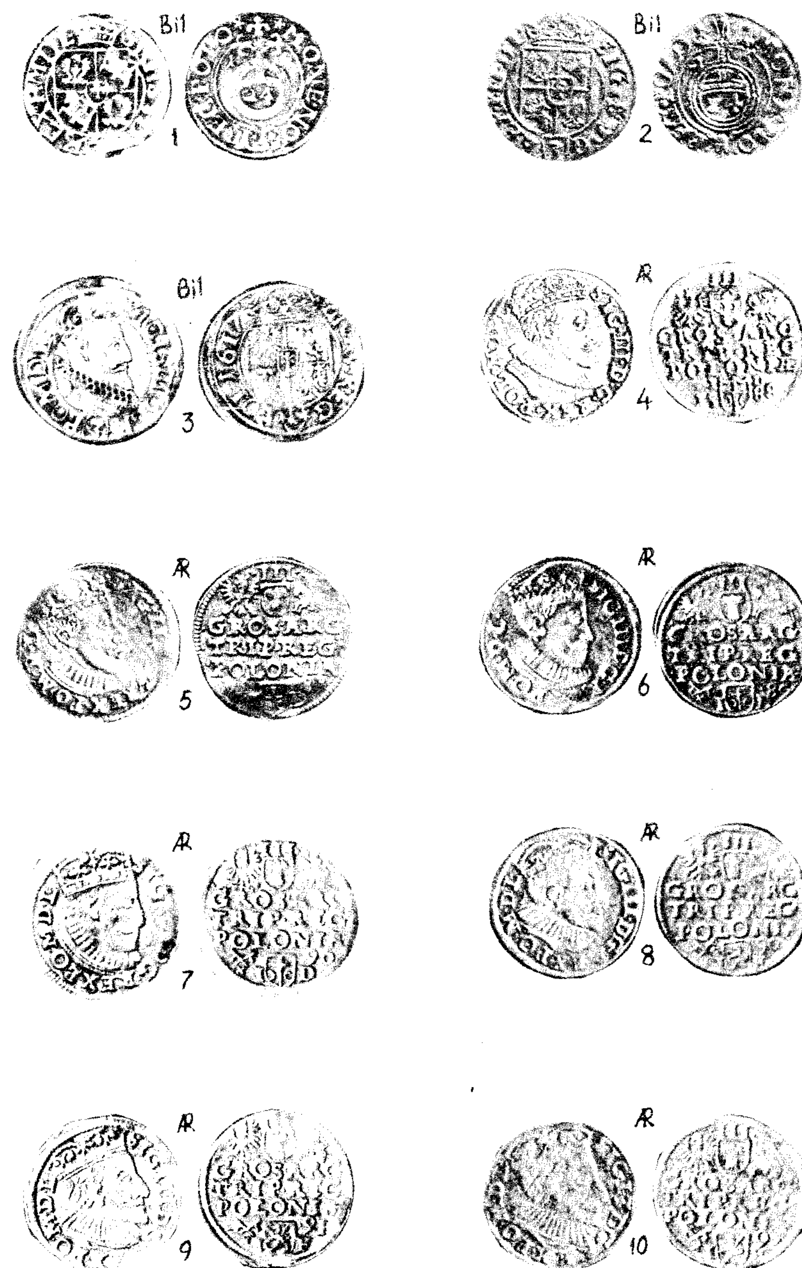

ТАБЛИЦА 43

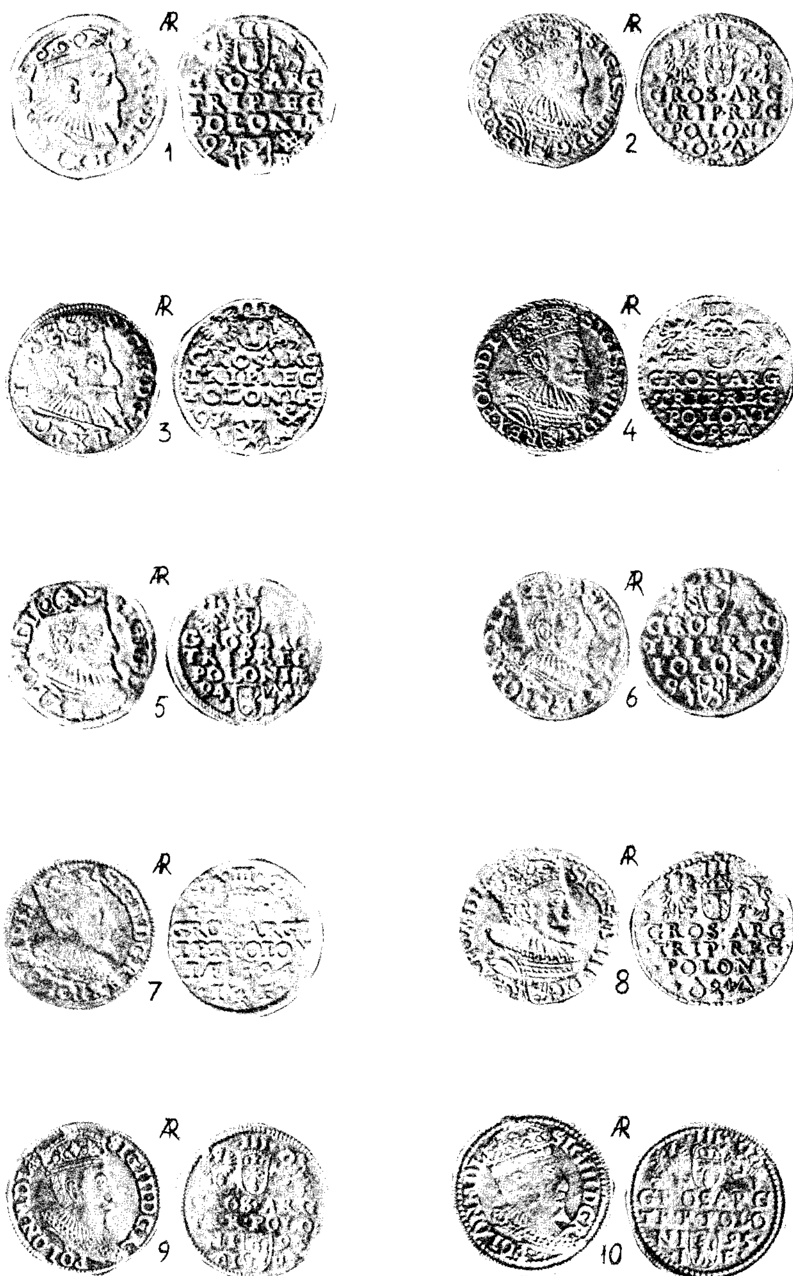

ТАБЛИЦА 44

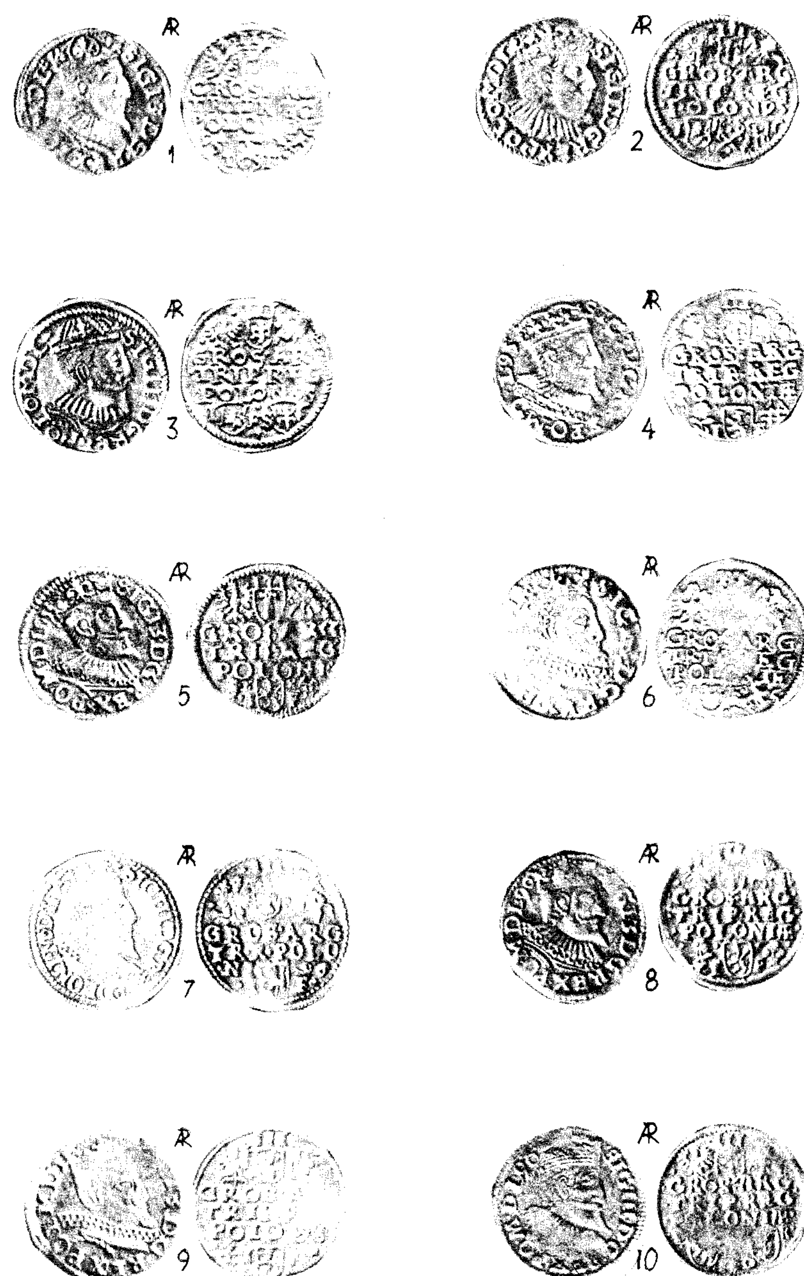

ТАБЛИЦА 45

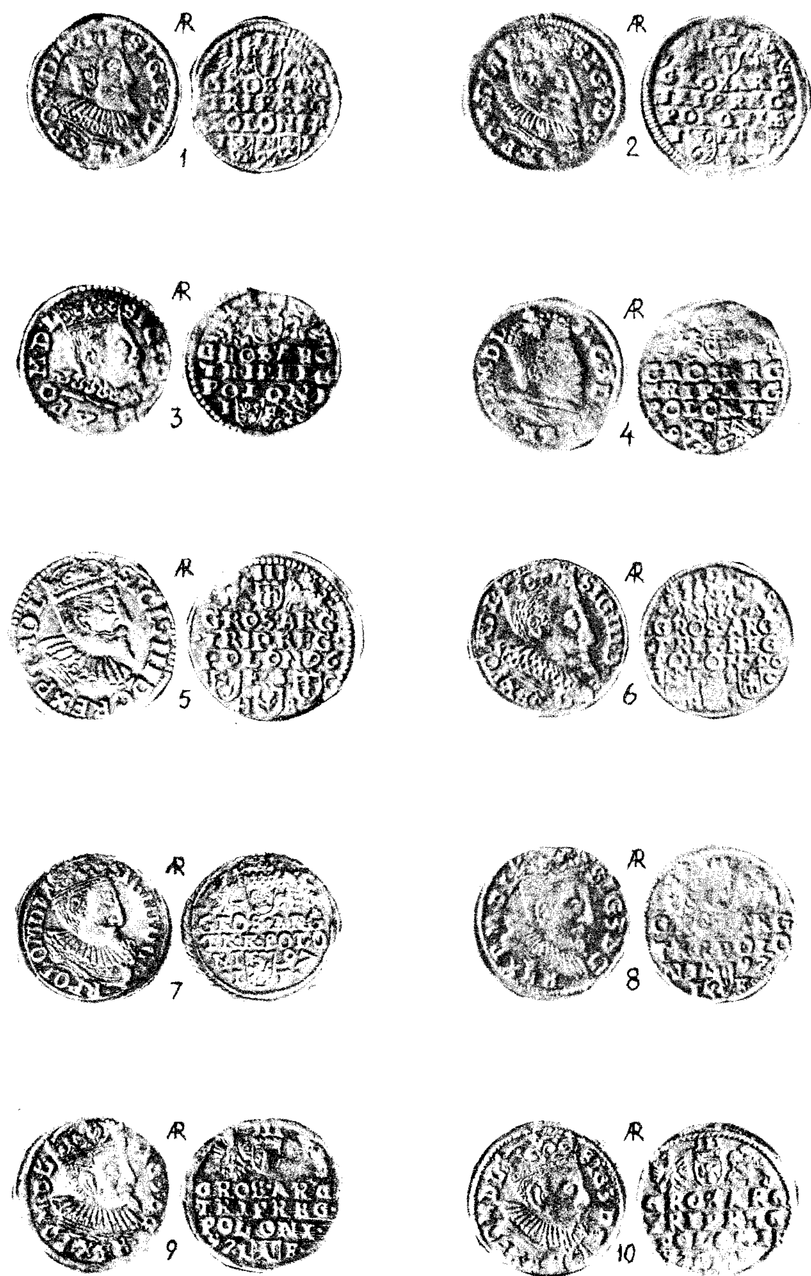

ТАБЛИЦА 46

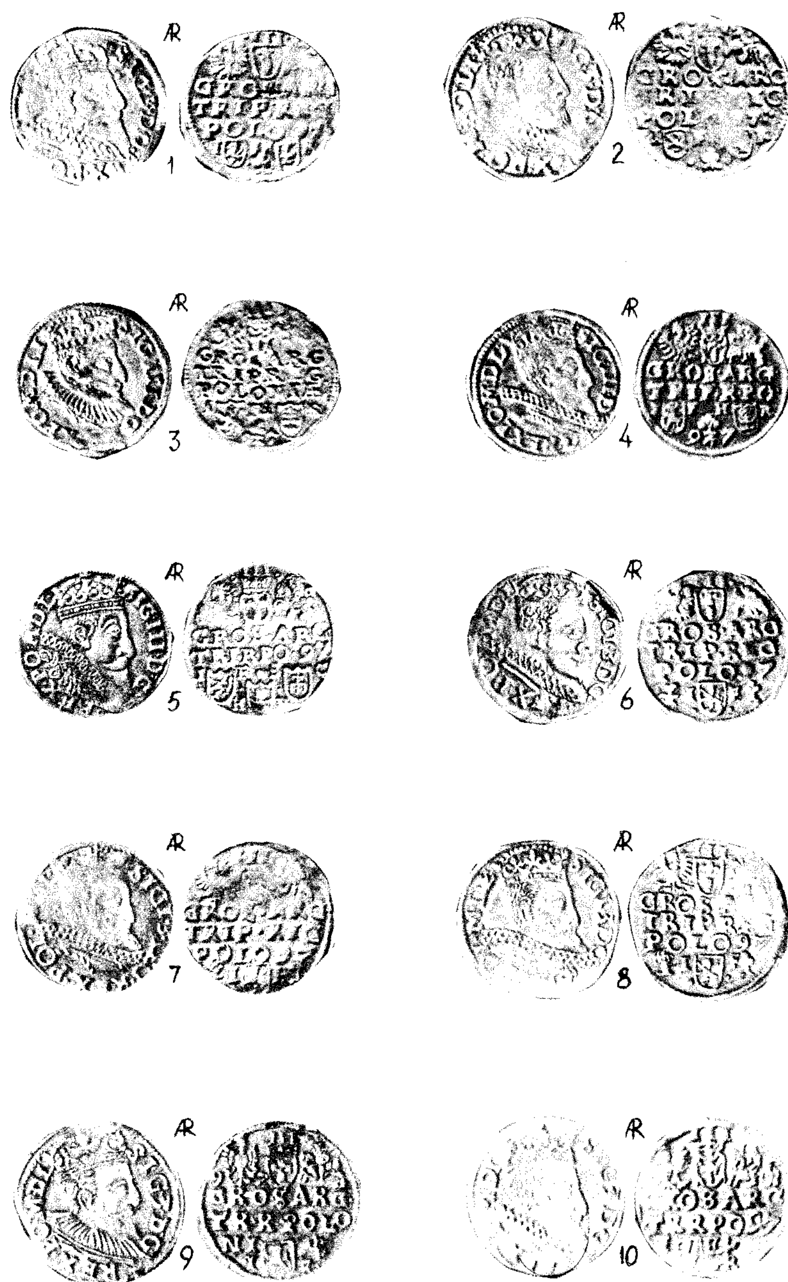
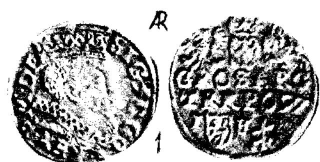
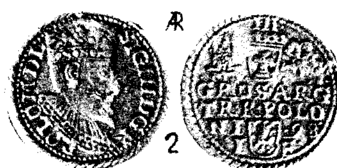
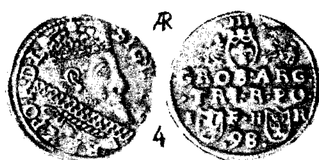

ТАБЛИЦА 47

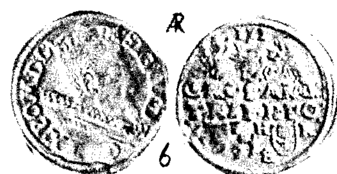

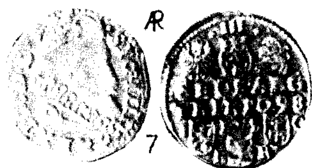

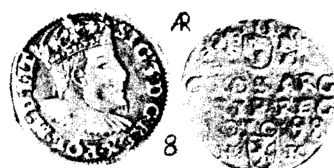

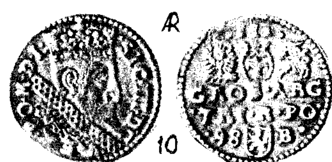
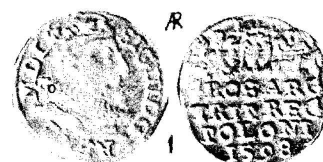
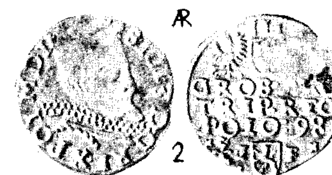
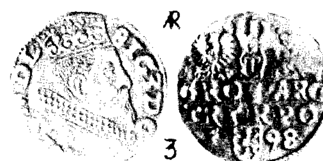
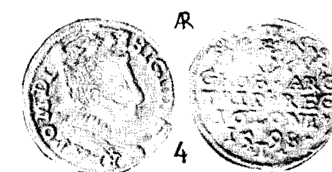

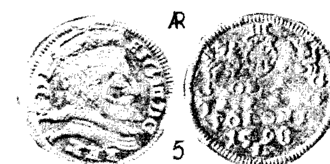
ТАБЛИЦА 48

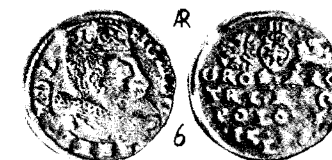

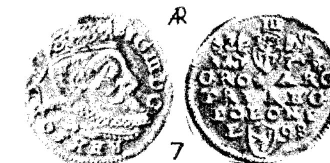

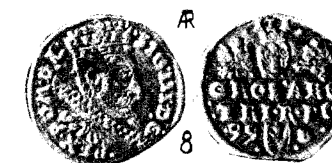

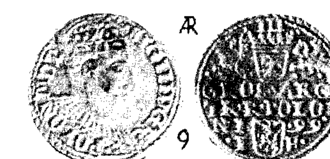

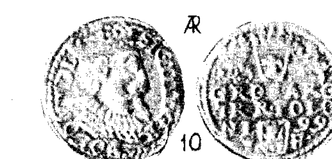

ТАБЛИЦА 49

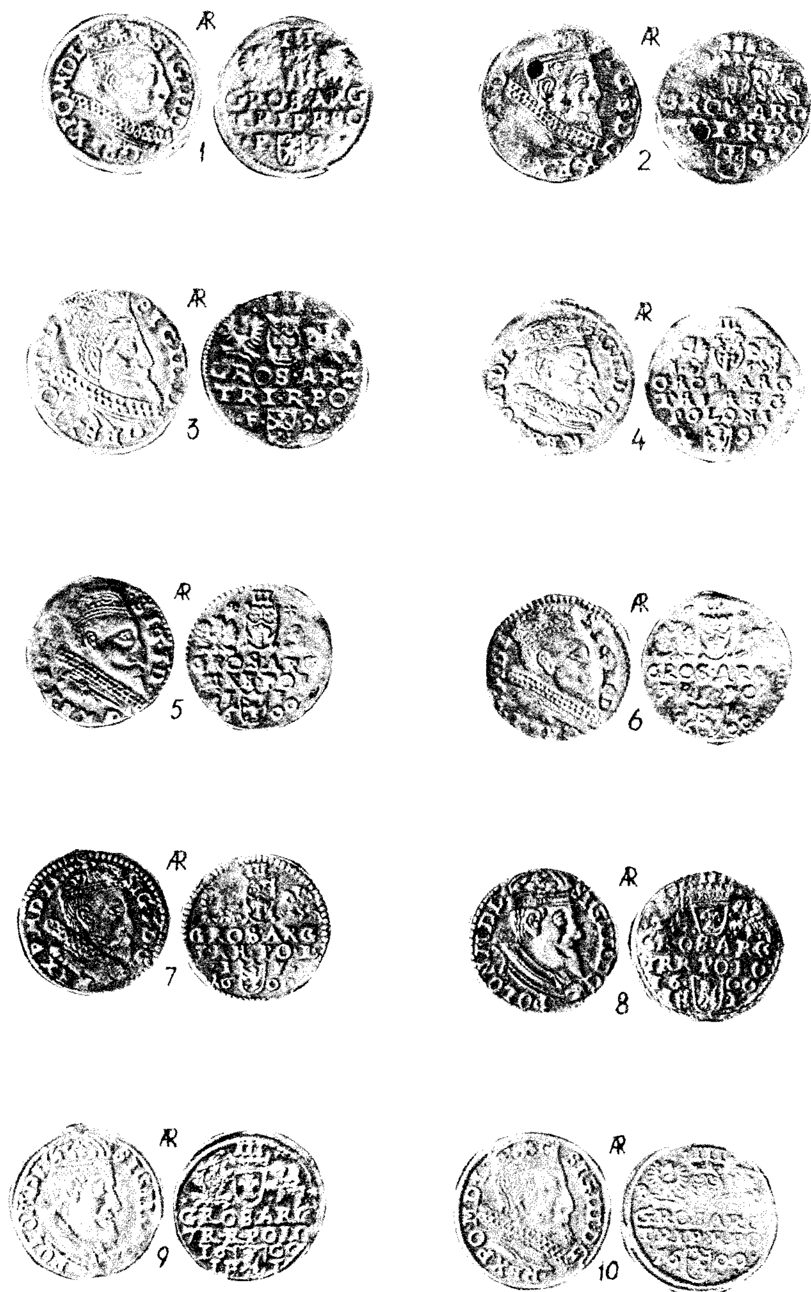

ТАБЛИЦА 50

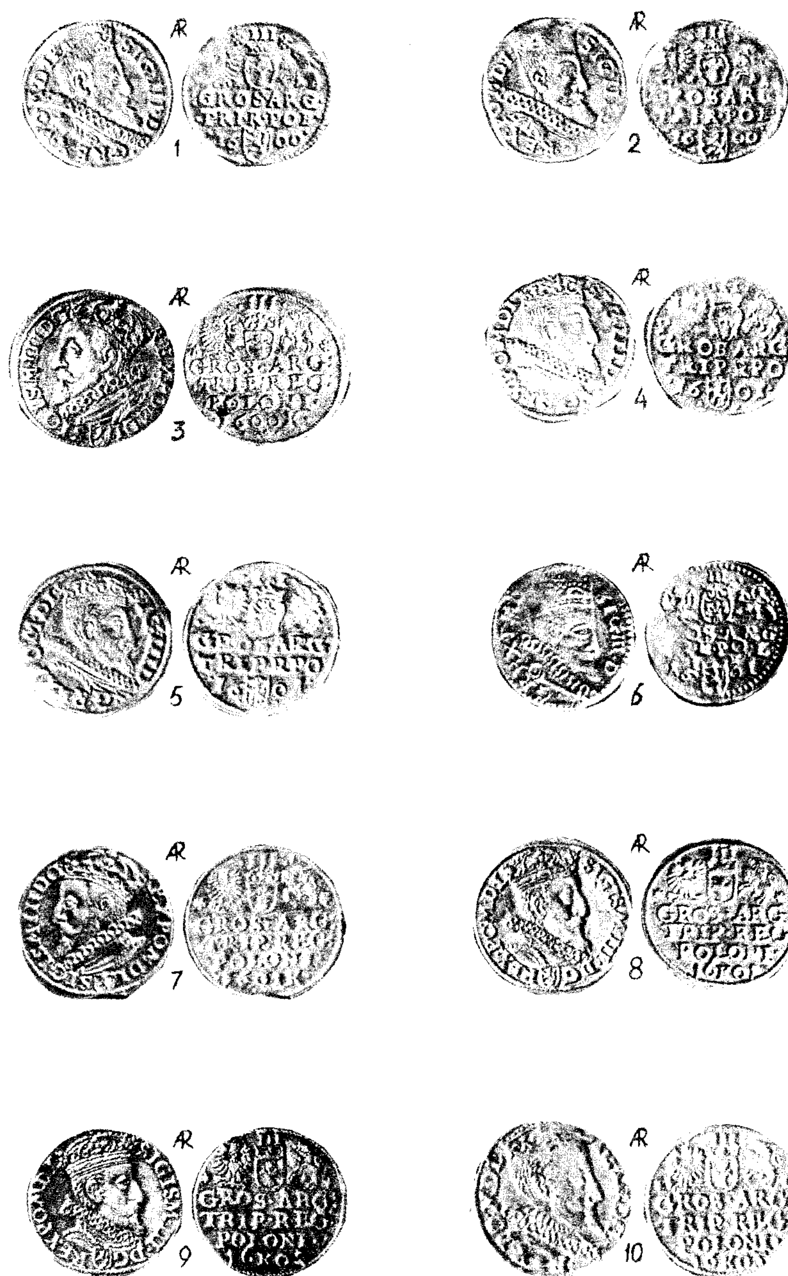

ТАБЛИЦА 51

ТАБЛИЦА 52

ТАБЛИЦА 53

ТАБЛИЦА 54

ТАБЛИЦА 55

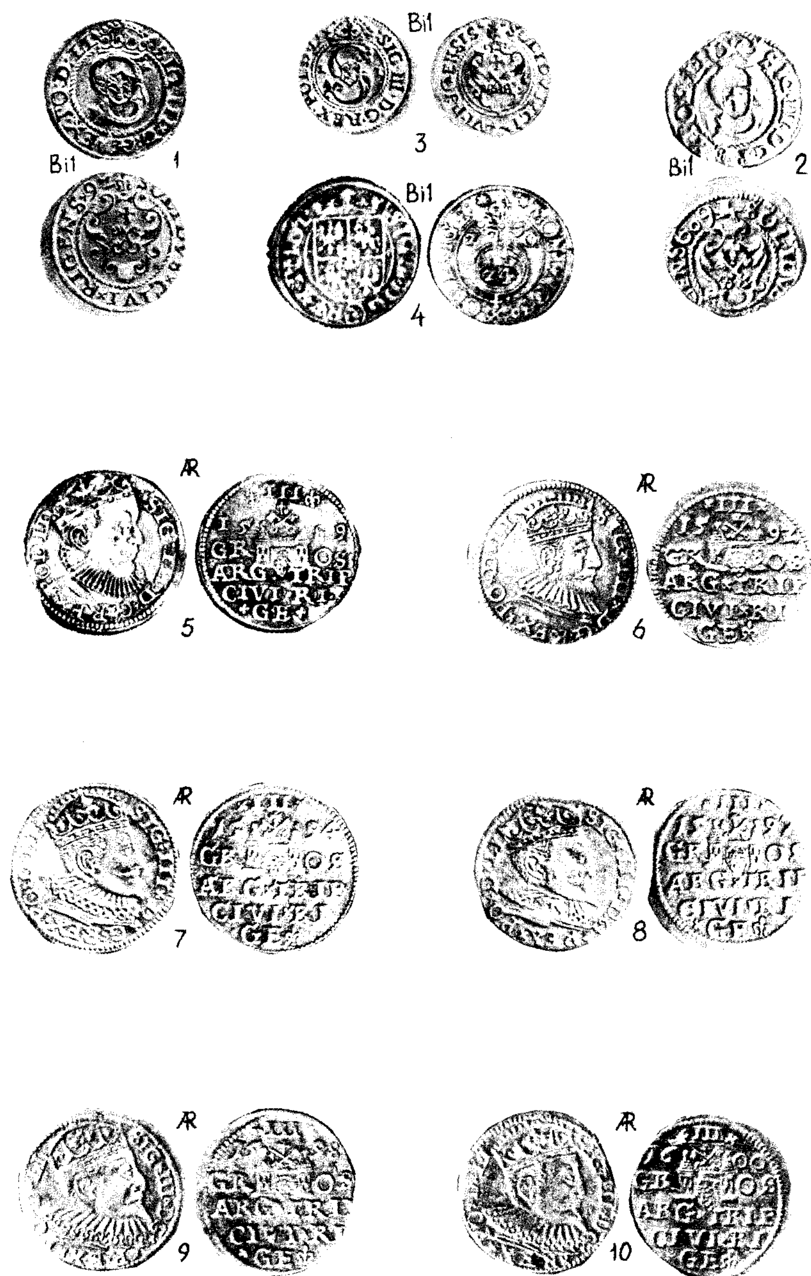

ТАБЛИЦА 56

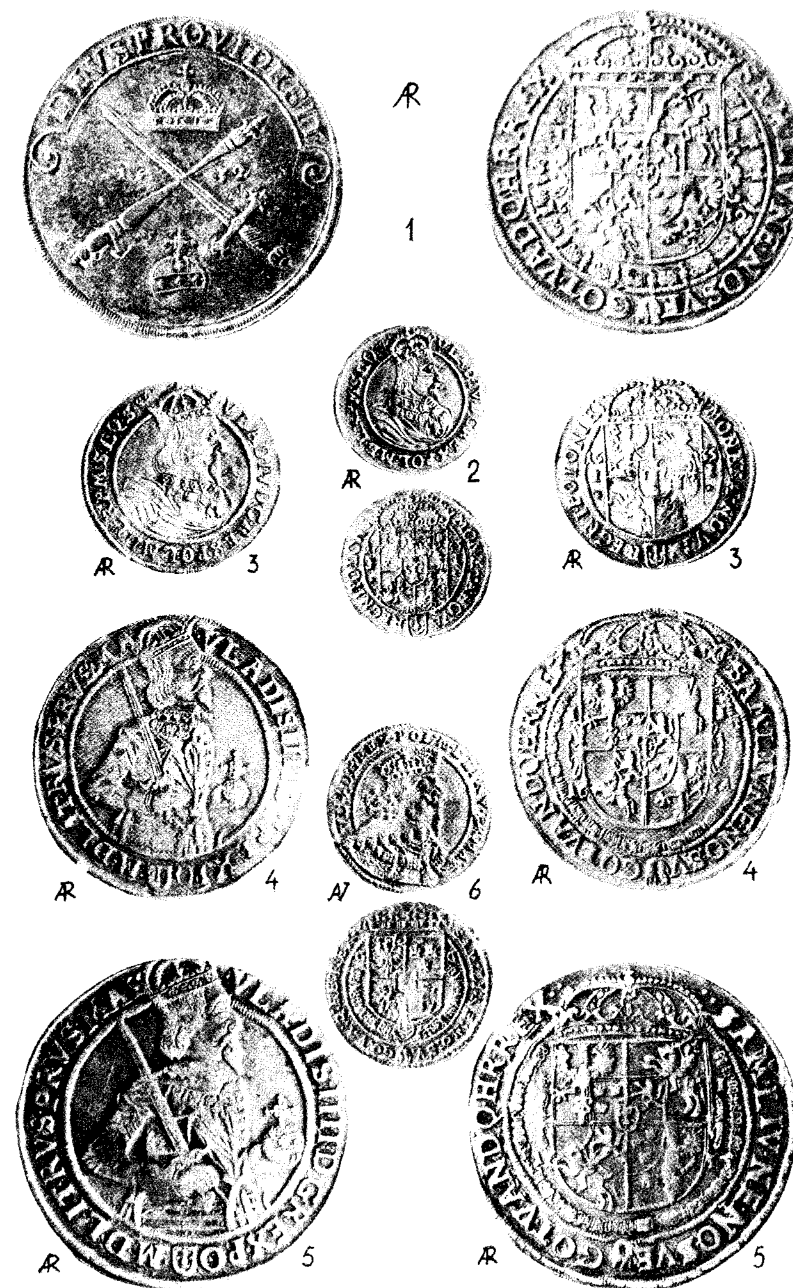

ТАБЛИЦА 57

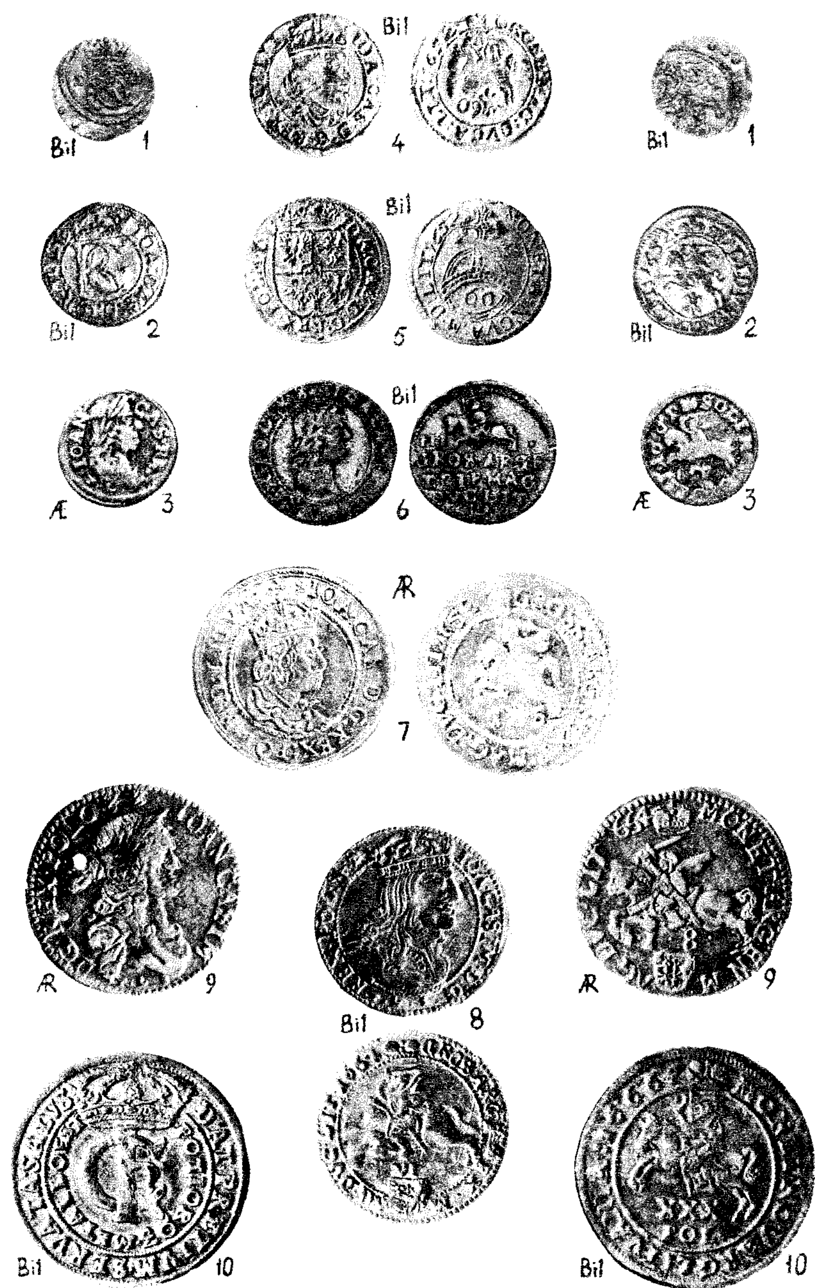

ТАБЛИЦА 58

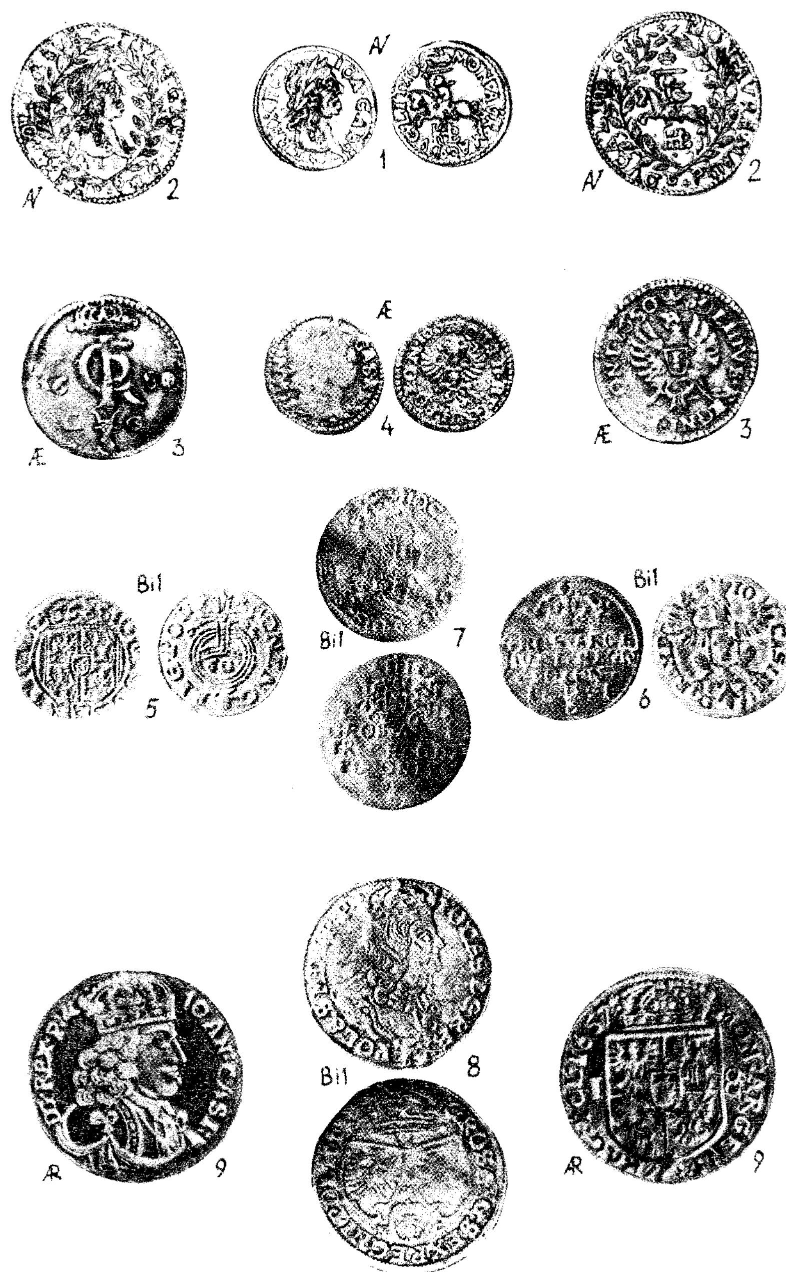

ТАБЛИЦА 59

ТАБЛИЦА 60

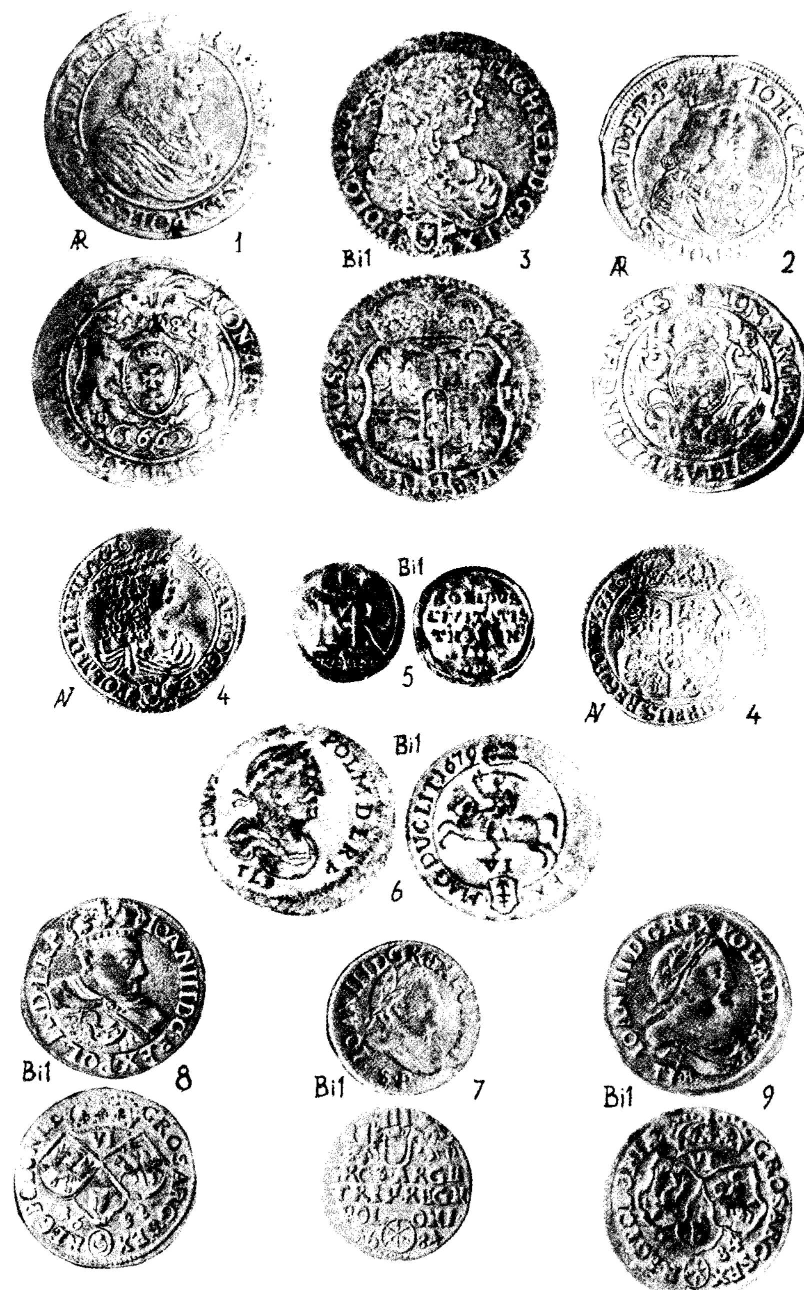

ТАБЛИЦА 61

ТАБЛИЦА 62

ТАБЛИЦА 63

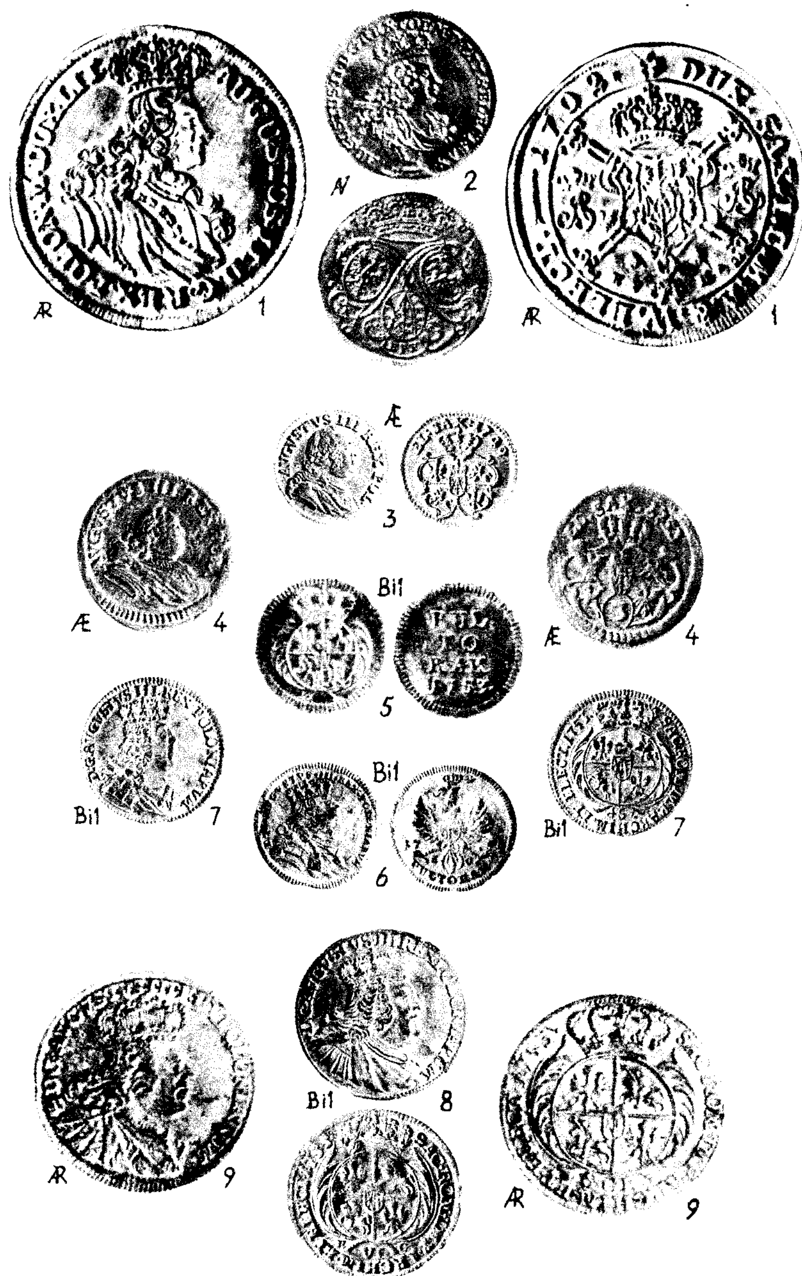

ТАБЛИЦА 64

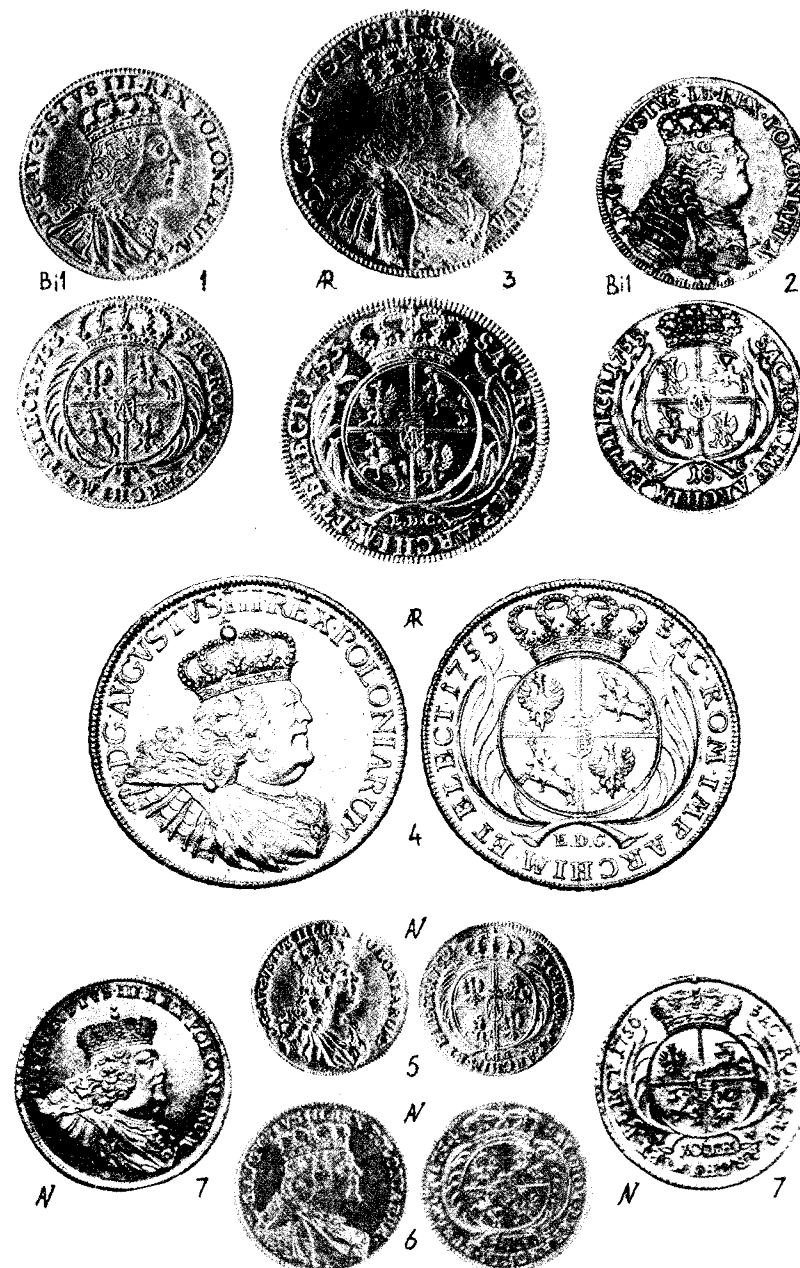

ТАБЛИЦА 65

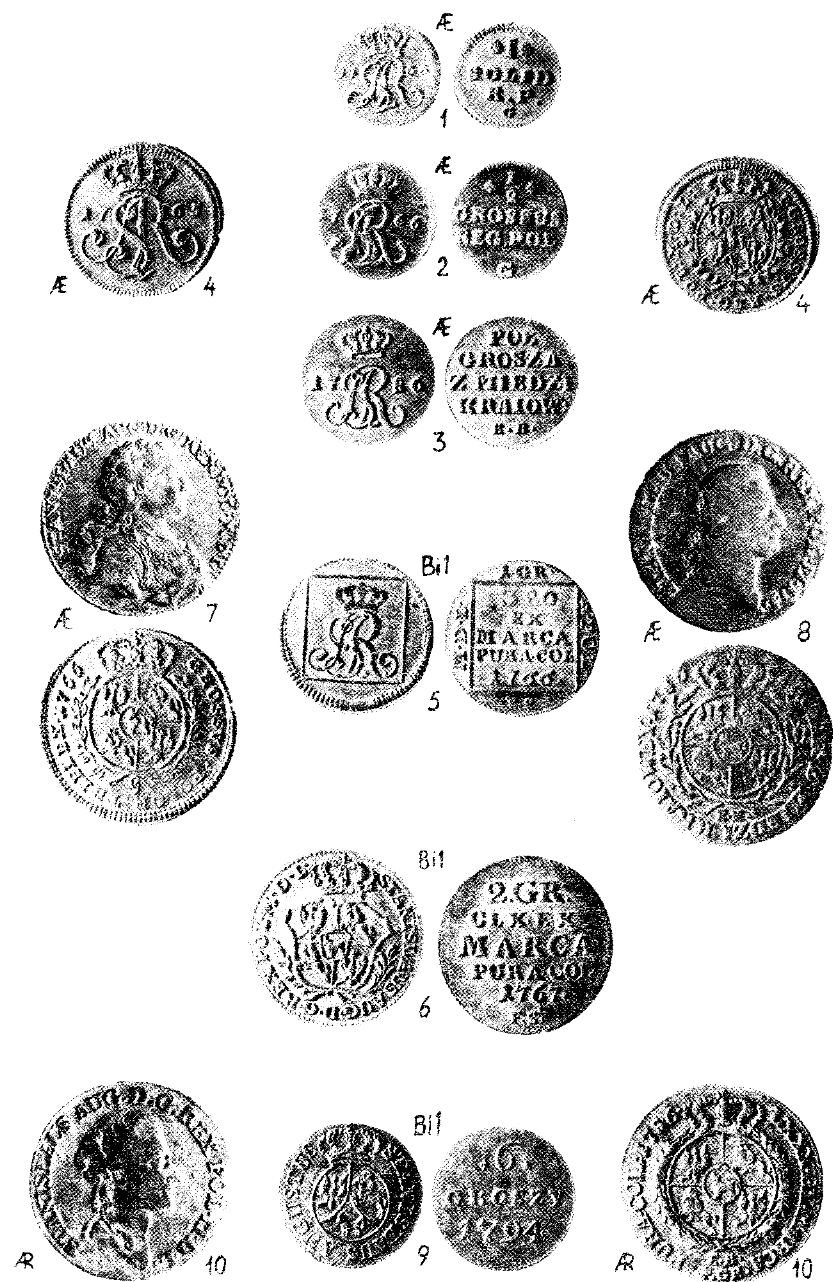

ТАБЛИЦА 66

ТАБЛИЦА 67

ТАБЛИЦА 68

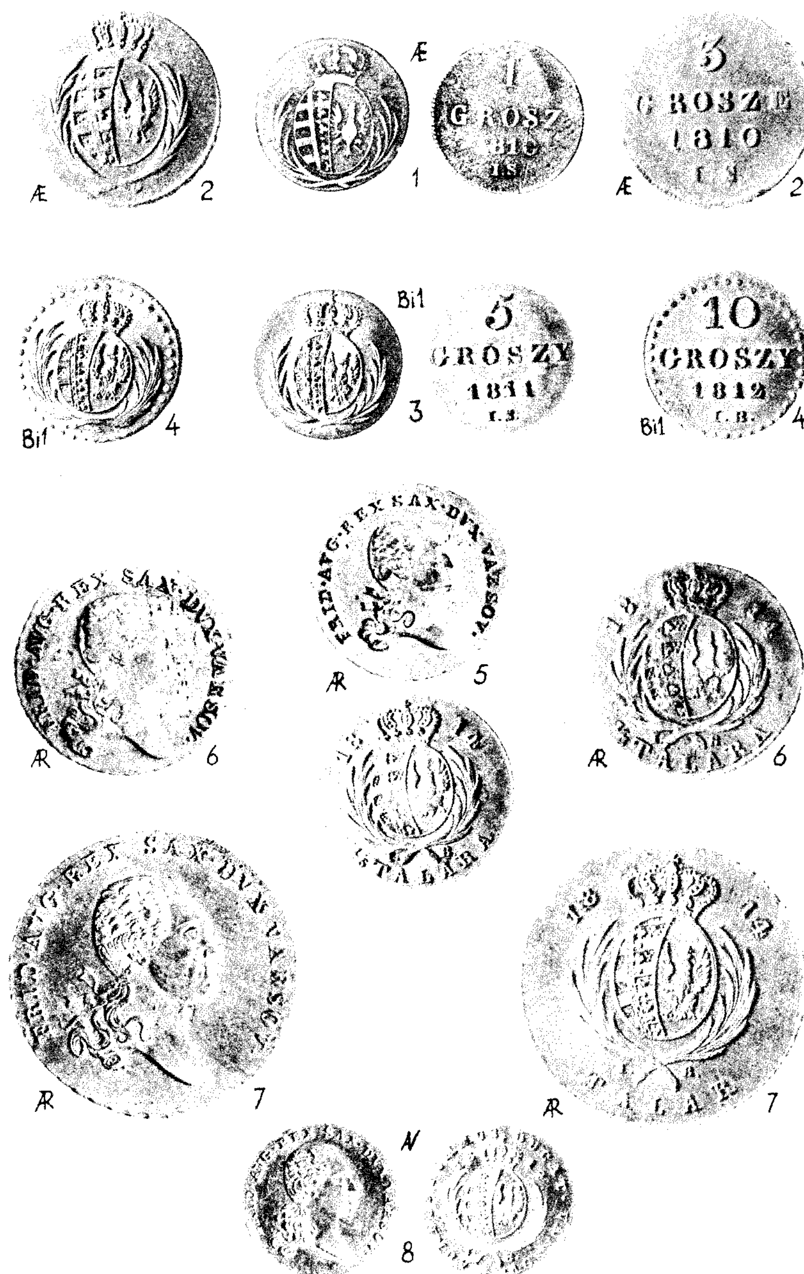

ТАБЛИЦА 69

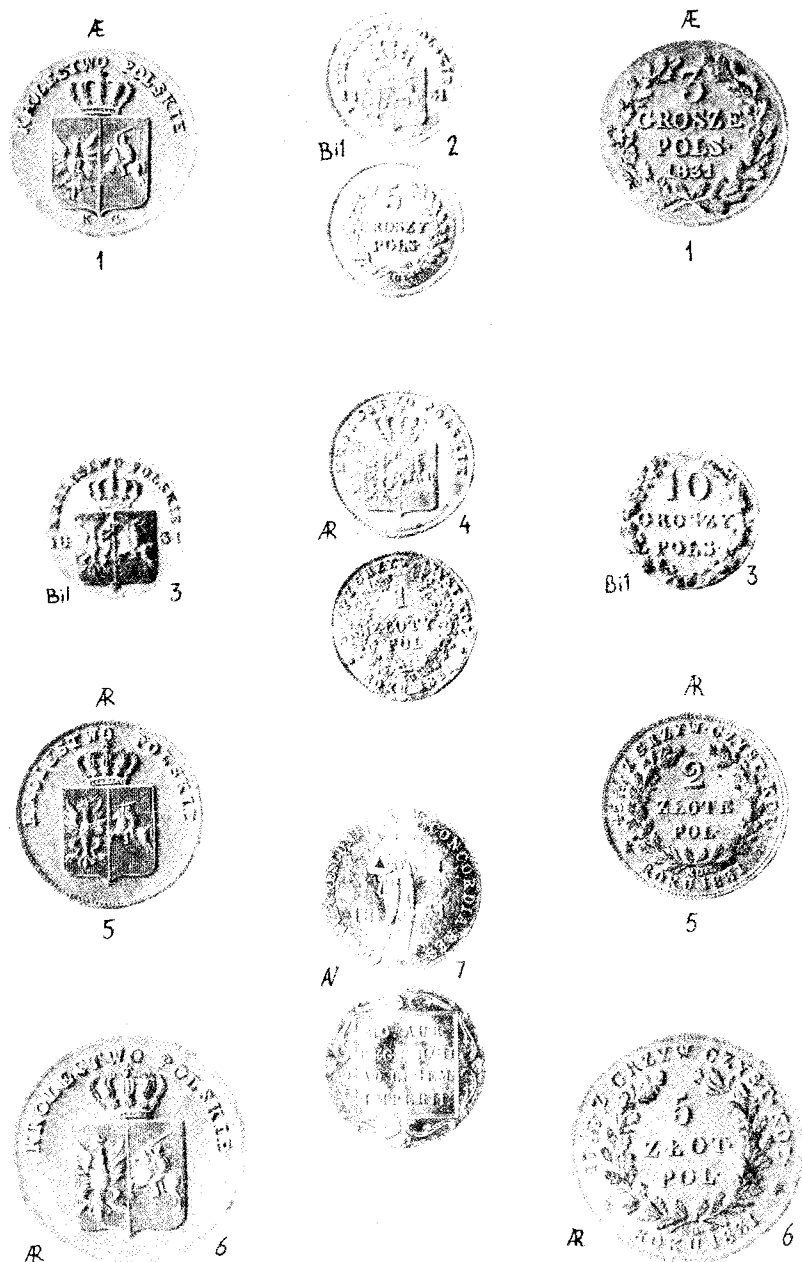

ТАБЛИЦА 70

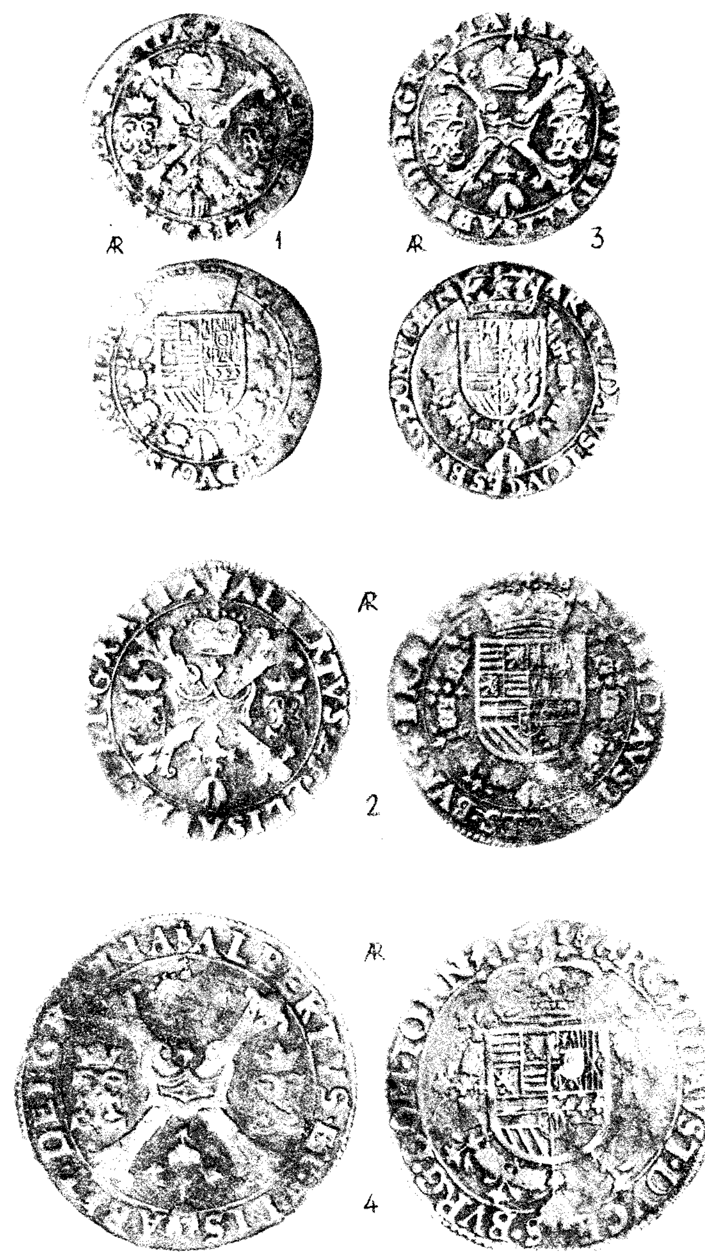

ТАБЛИЦА 71

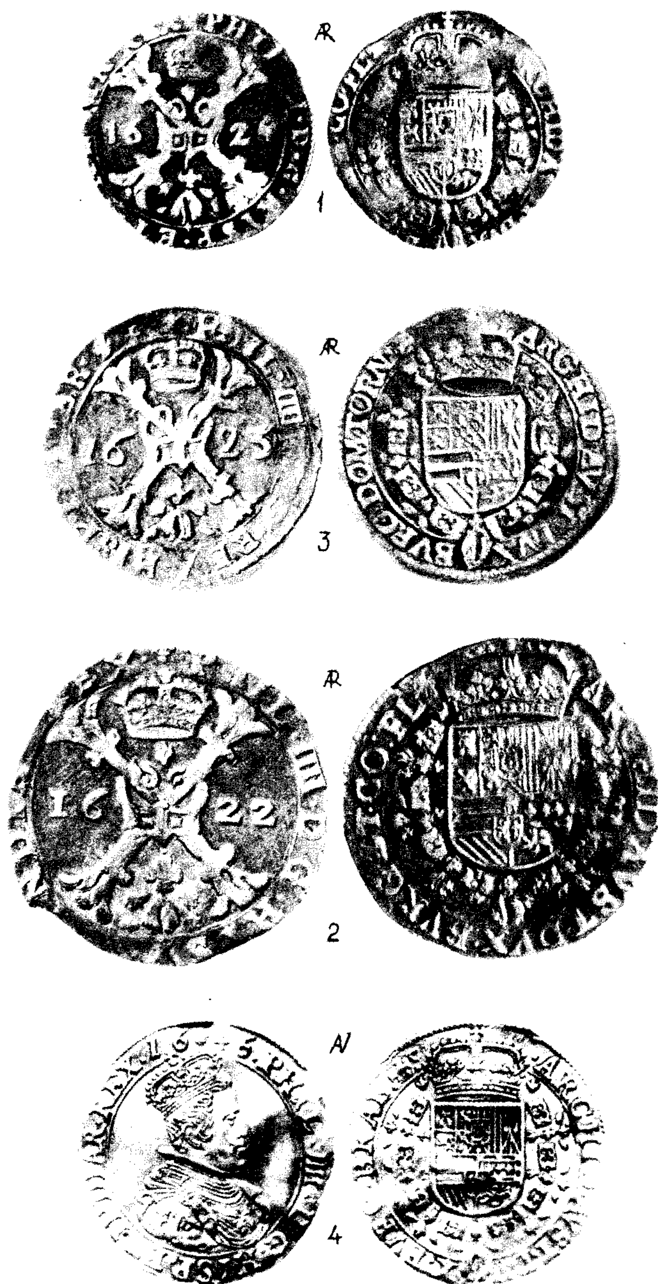

ТАБЛИЦА 72

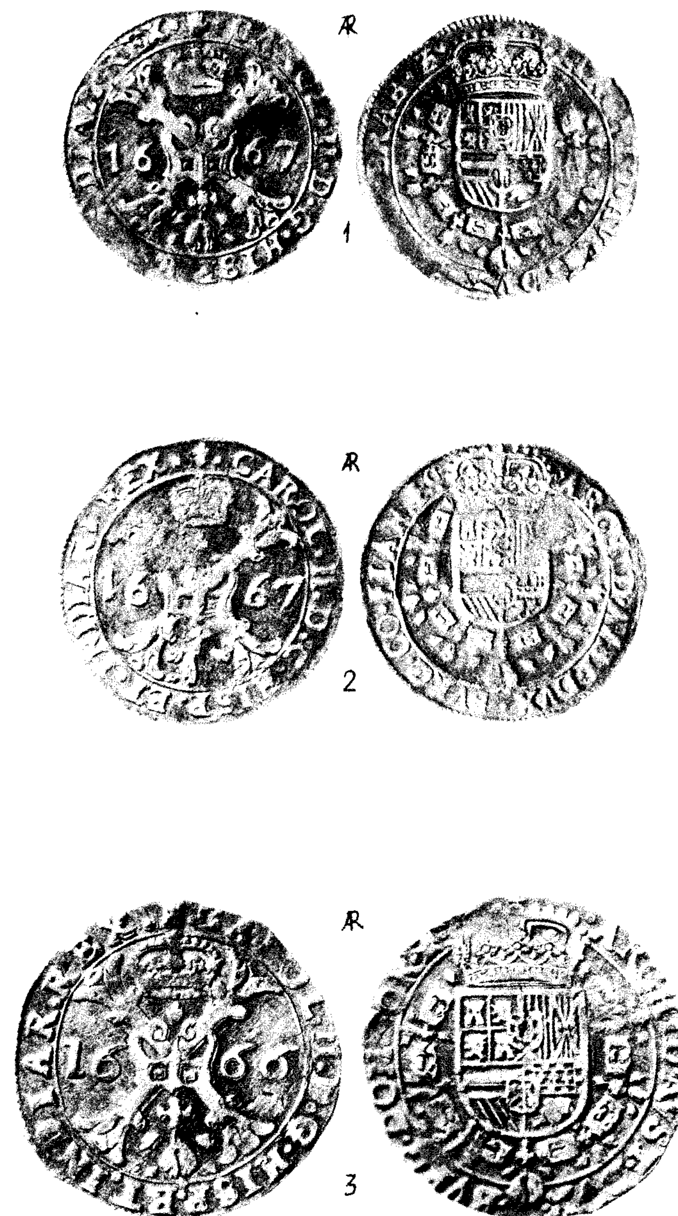

ТАБЛИЦА 73

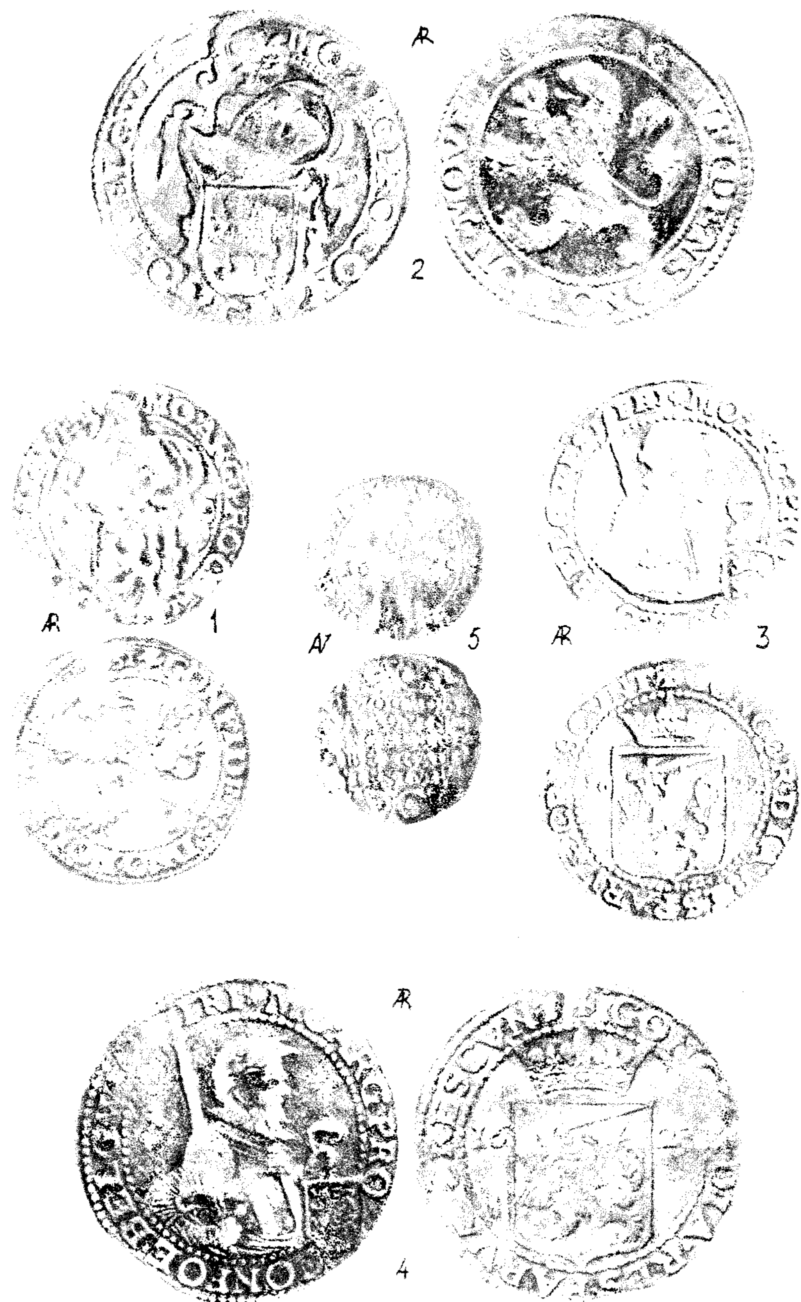

ТАБЛИЦА 74

ТАБЛИЦА 75

ТАБЛИЦА 76

ТАБЛИЦА 77

ТАБЛИЦА 78

ТАБЛИЦА 79

ТАБЛИЦА 80

ТАБЛИЦА 81

AR 1 AR 2

AV 4

AR 3

ТАБЛИЦА 82

AR 2

AR 1 AV 4 AR 1

AR 3

ТАБЛИЦА 83

ТАБЛИЦА 84

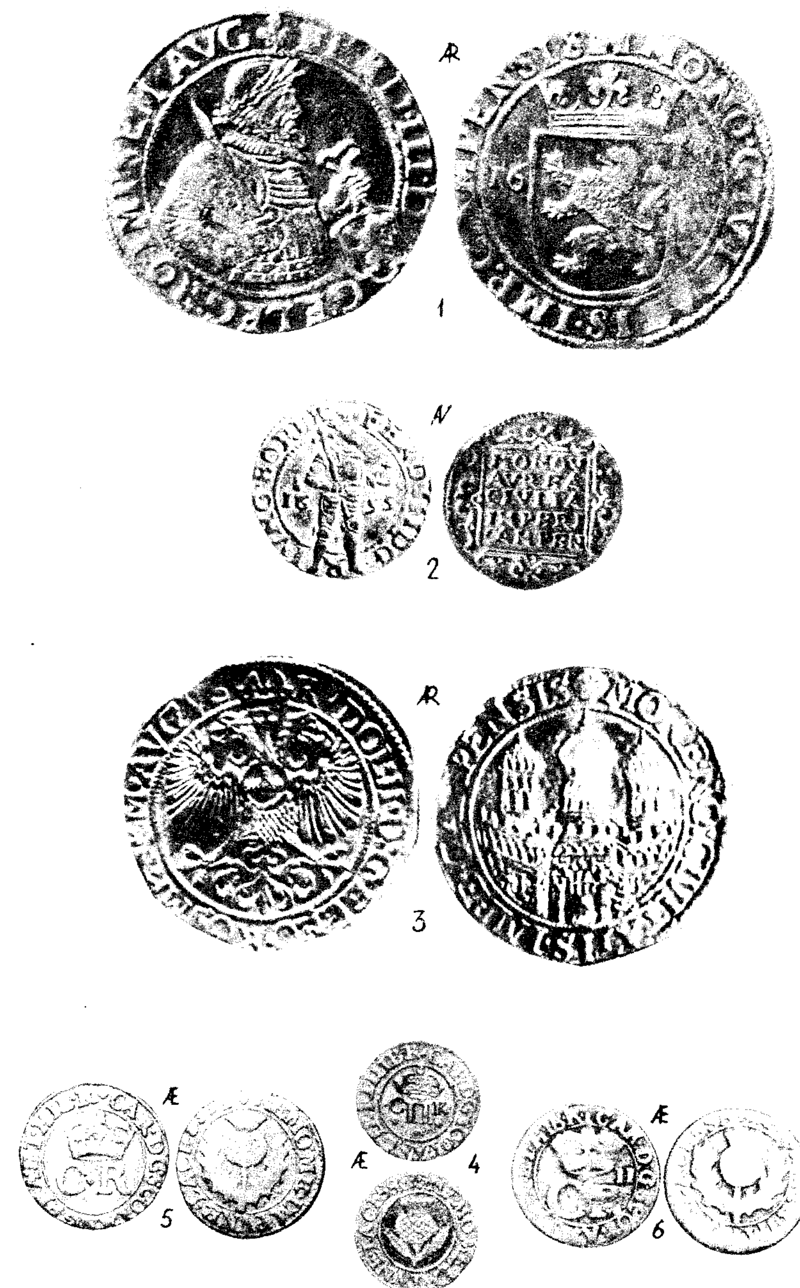
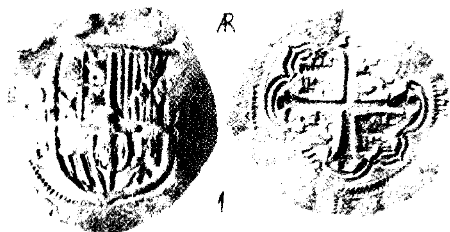
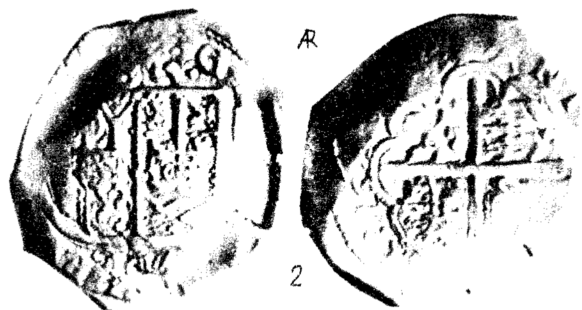

ТАБЛИЦА 85

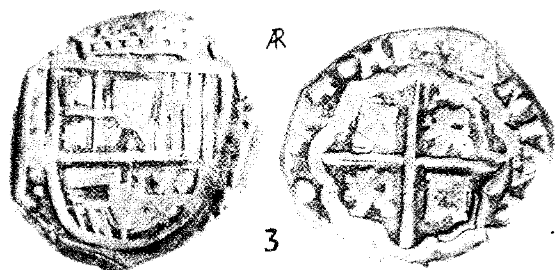
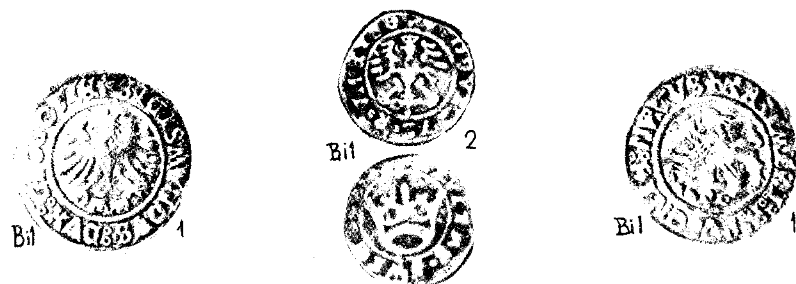

ТАБЛИЦА 86

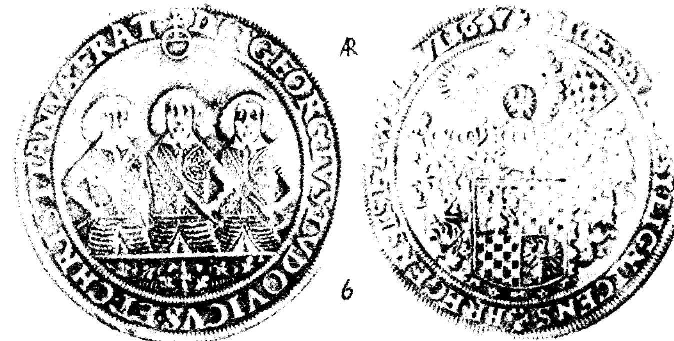

ТАБЛИЦА 87

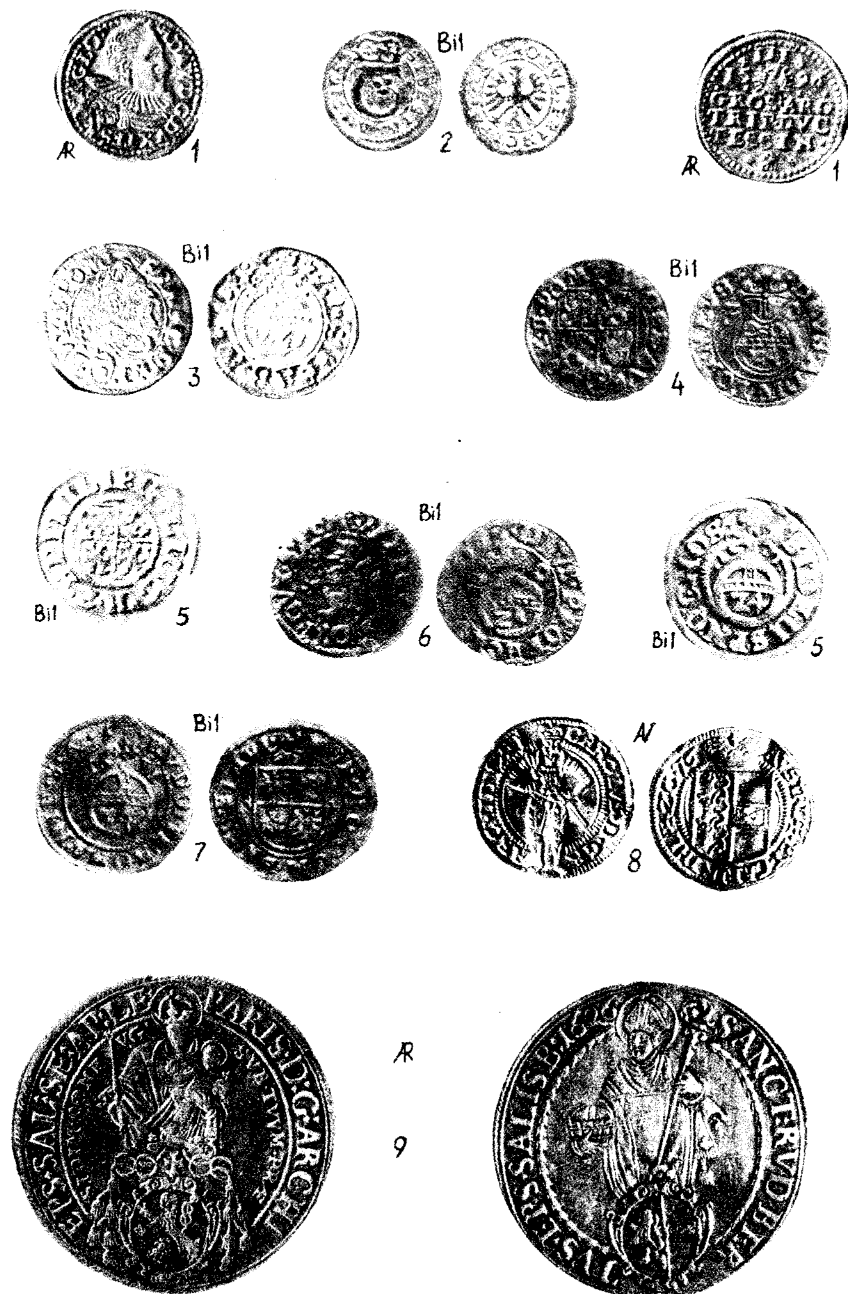

ТАБЛИЦА 88

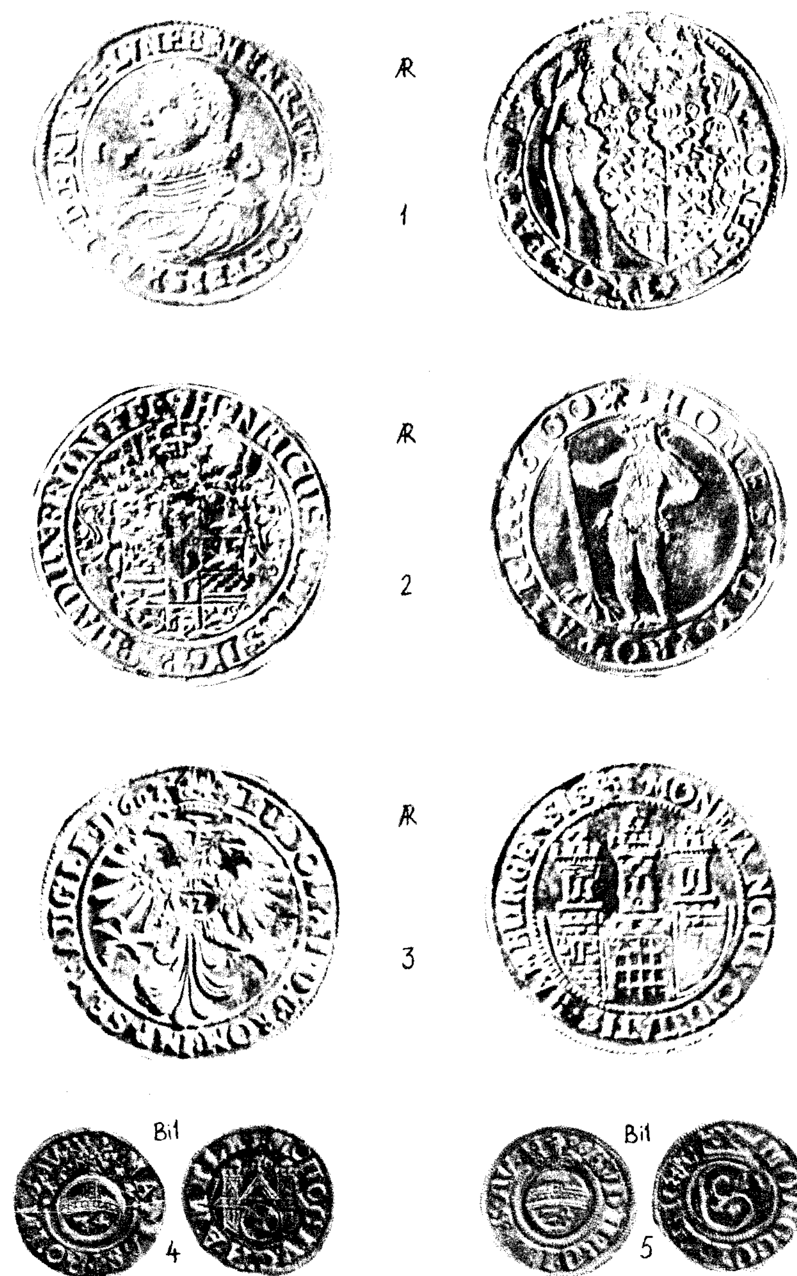

ТАБЛИЦА 89

ТАБЛИЦА 90

ТАБЛИЦА 91

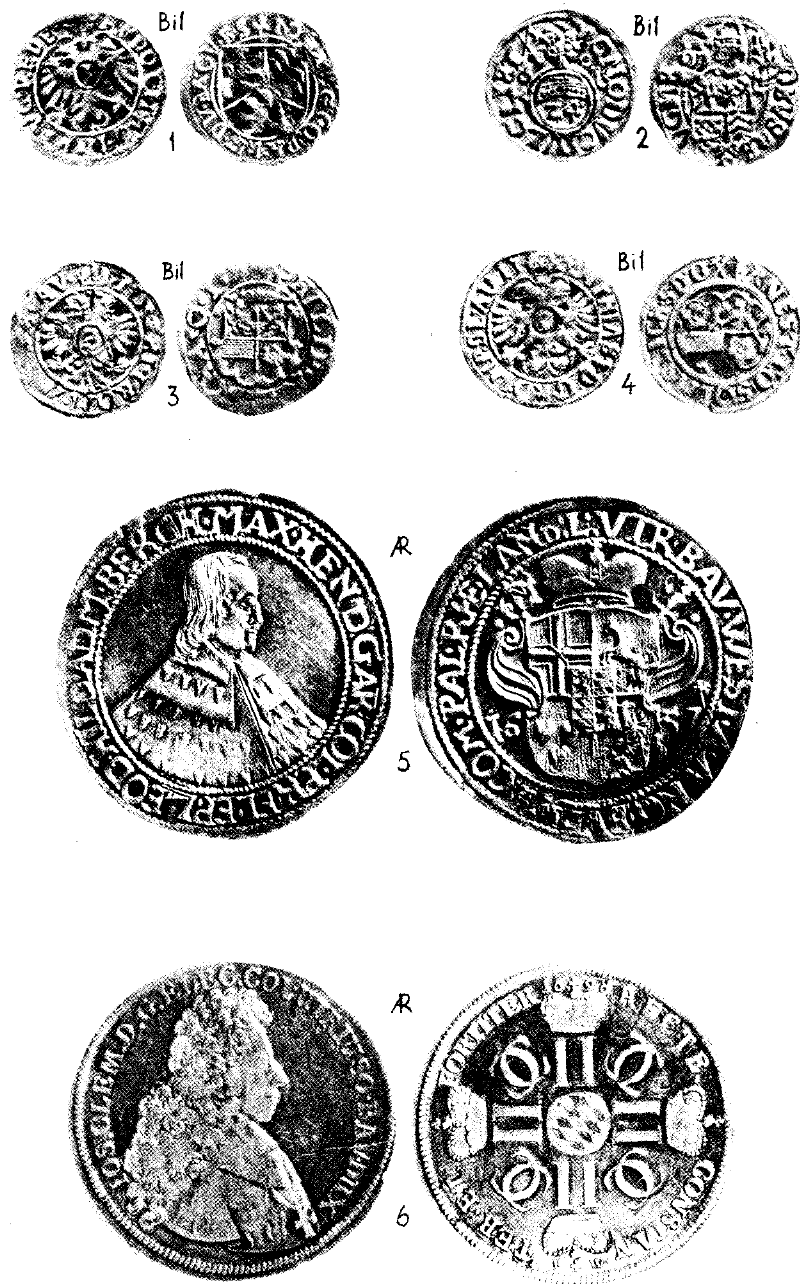

ТАБЛИЦА 92

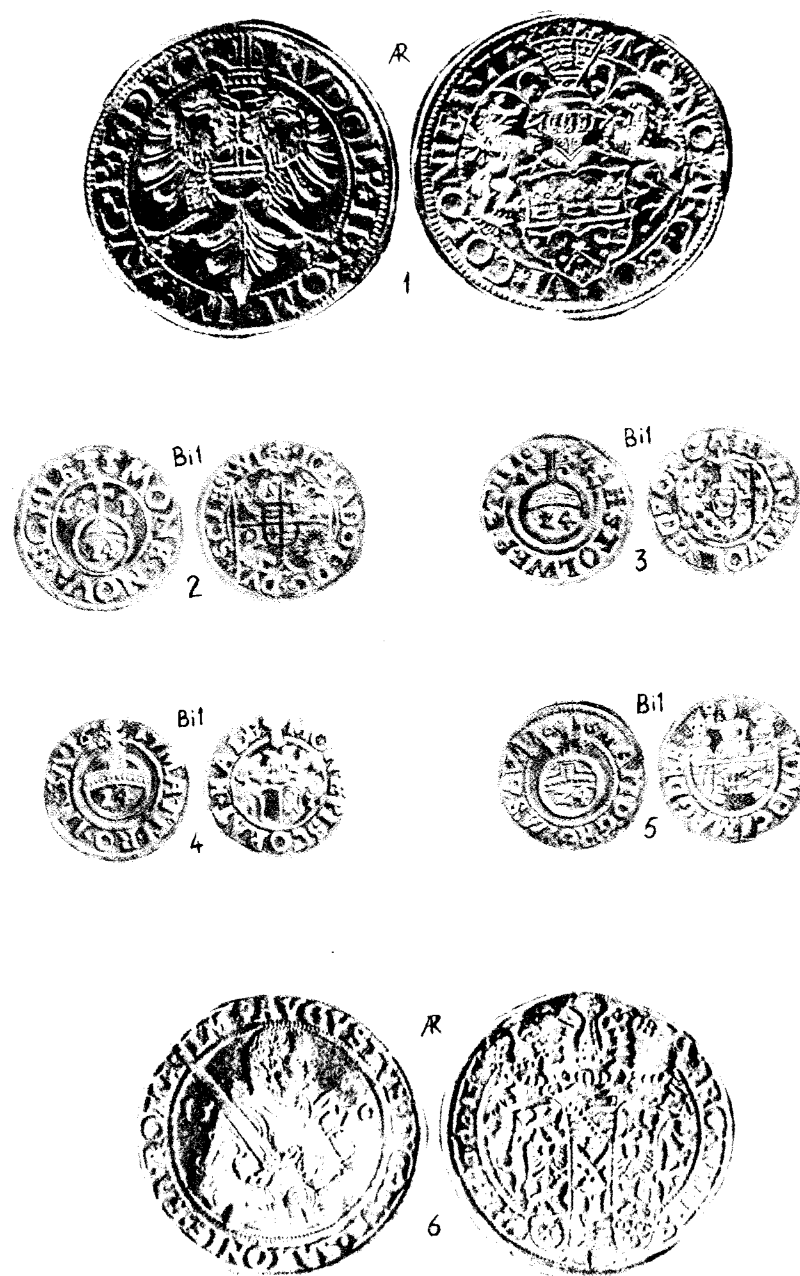

ТАБЛИЦА 93

AR 1

AR 2

AR 3

AR 4

ТАБЛИЦА 94

AR 1

AR 2

AR 3

ТАБЛИЦА 95

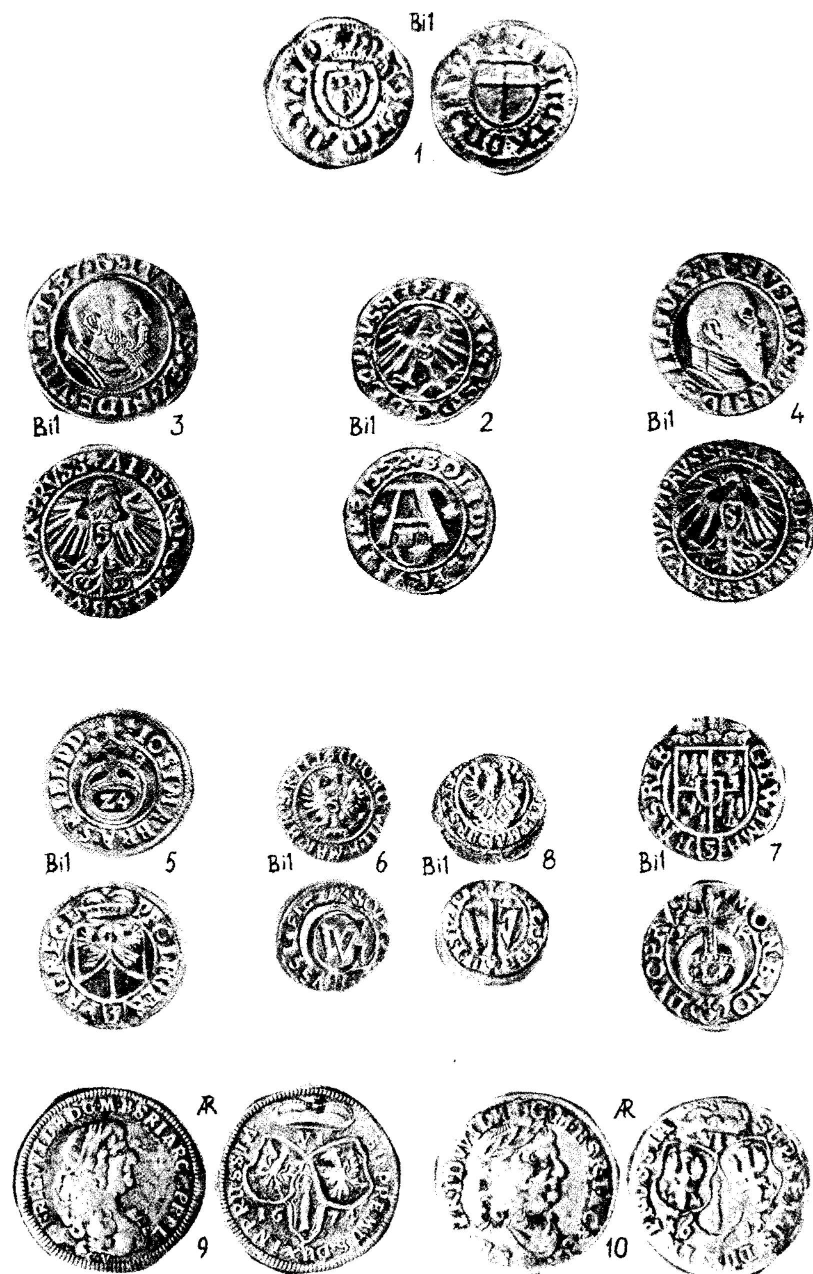

ТАБЛИЦА 96

ТАБЛИЦА 97

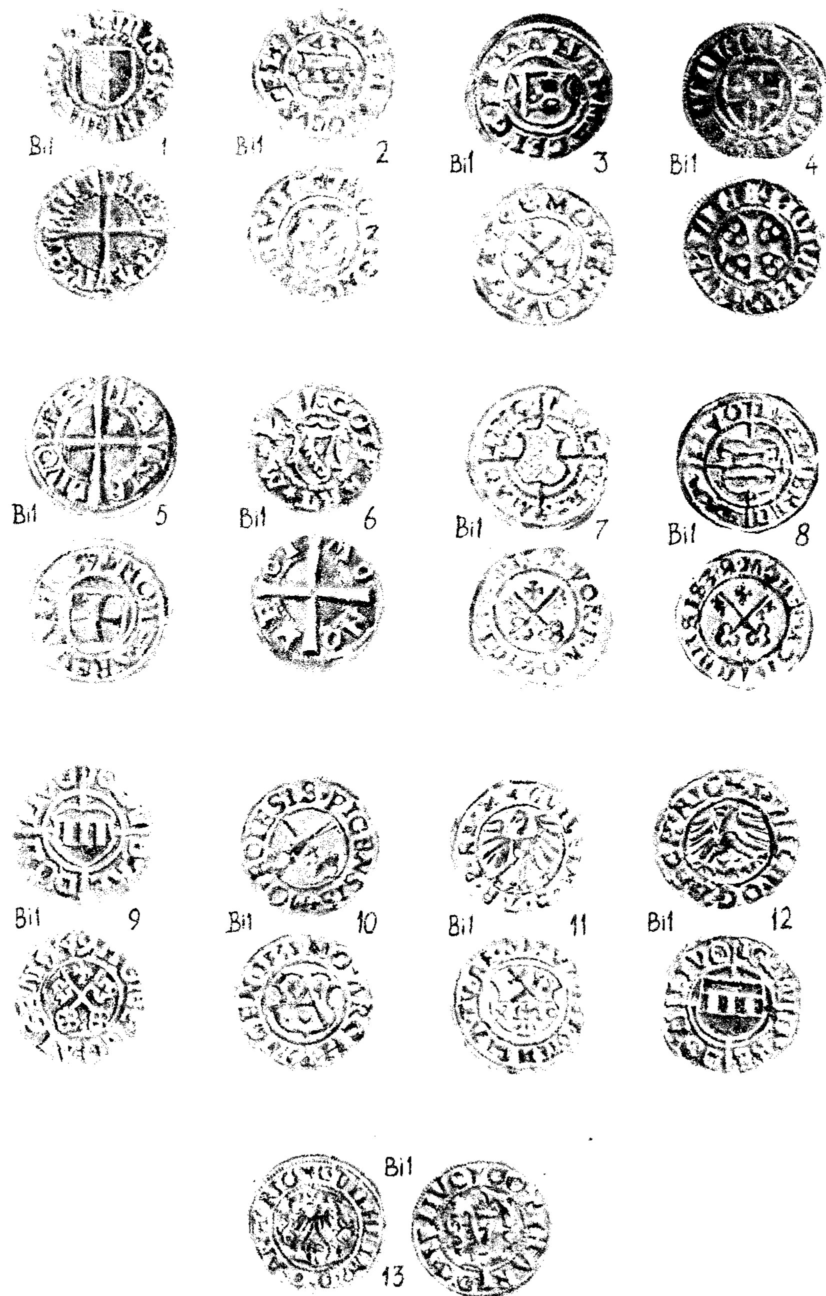

ТАБЛИЦА 98

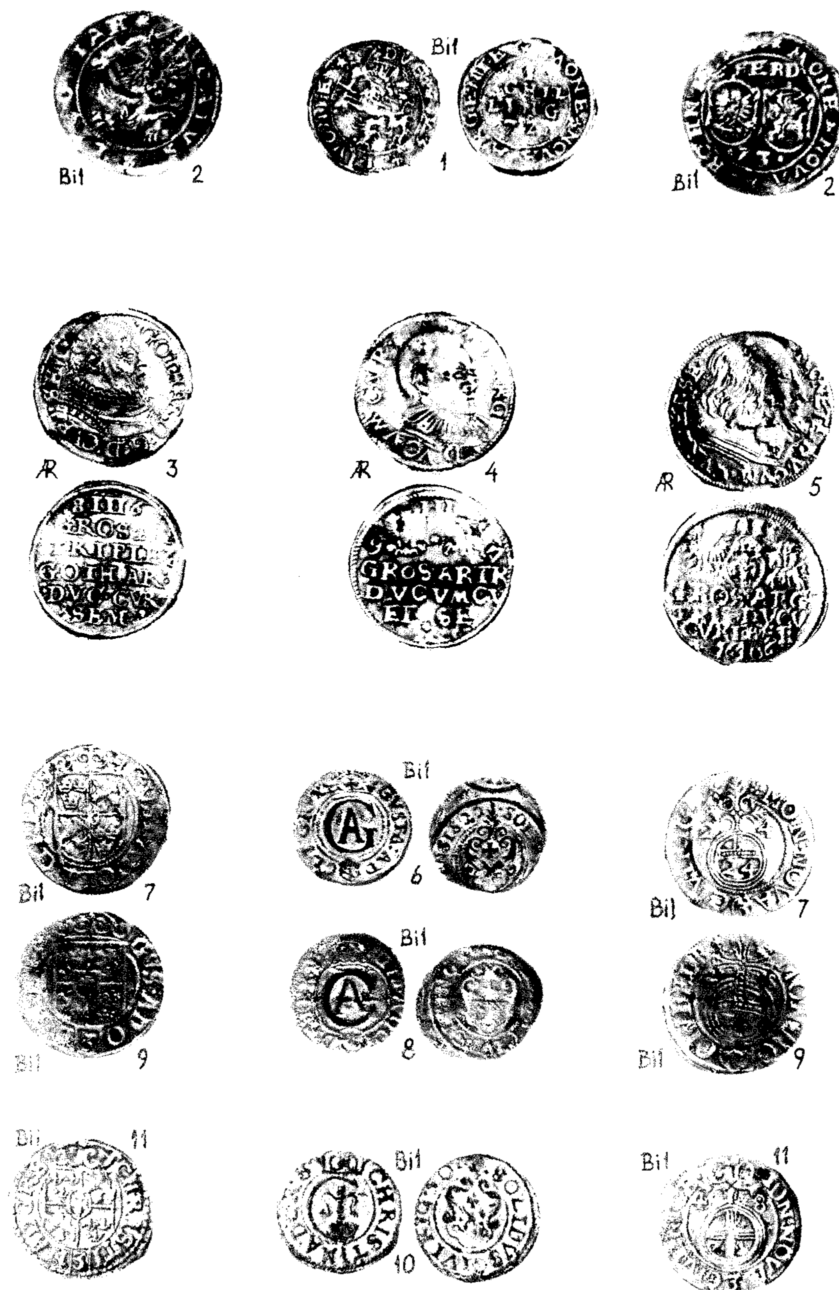

ТАБЛИЦА 99

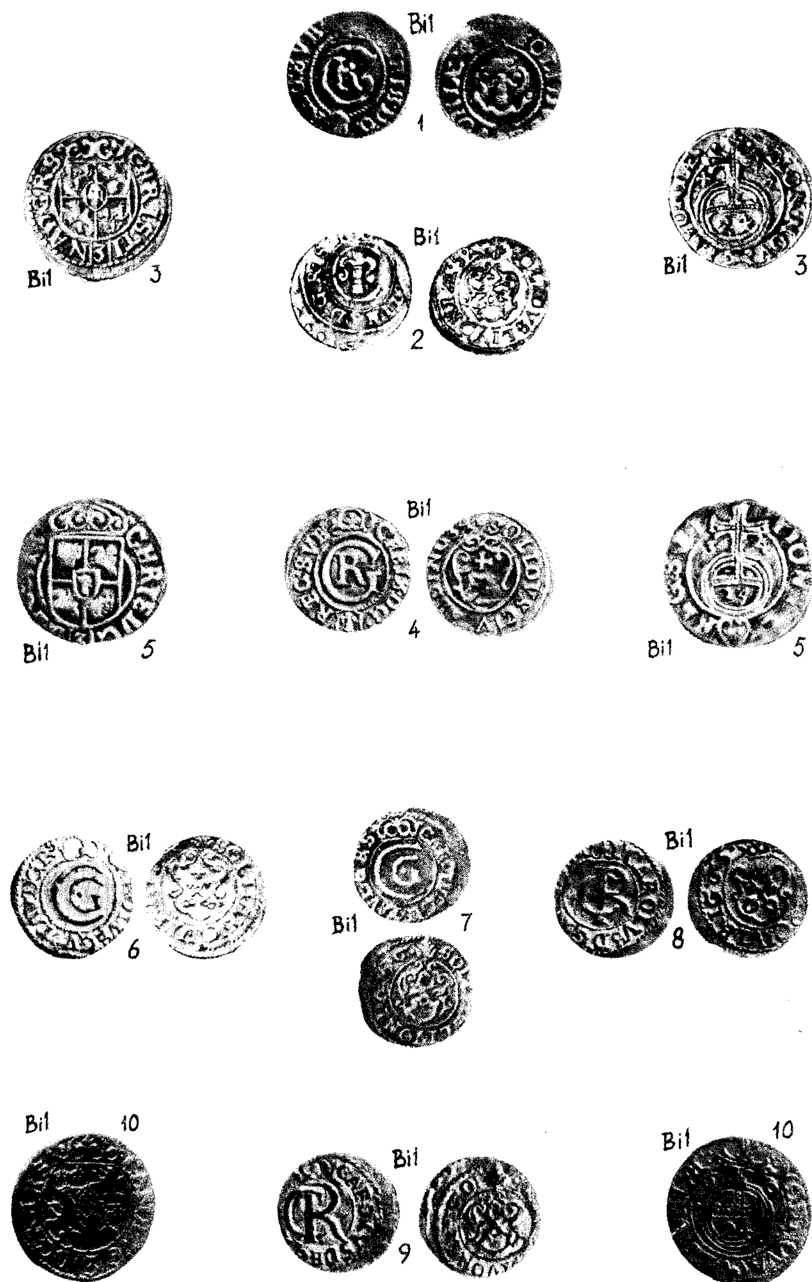

ТАБЛИЦА 100

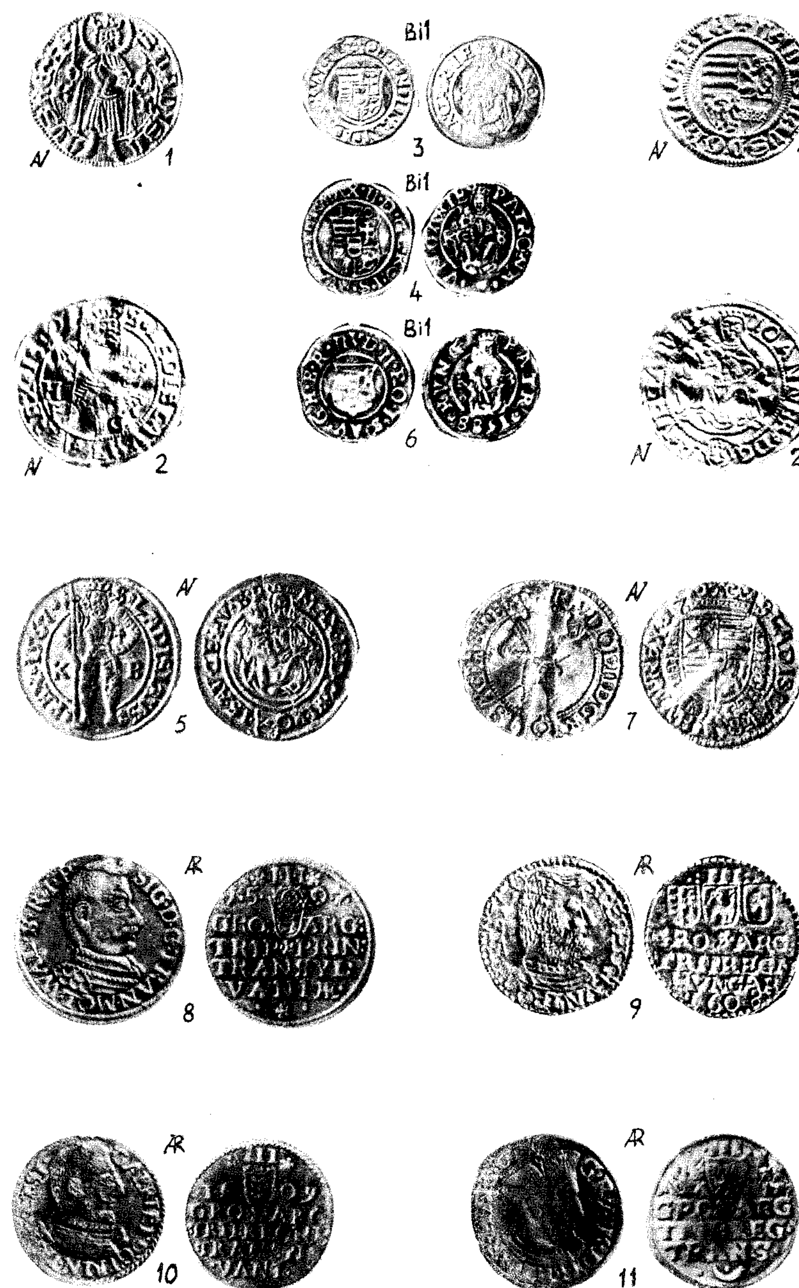
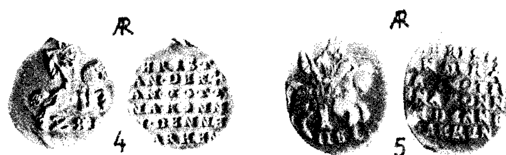
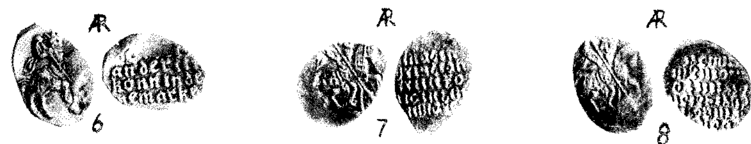

ТАБЛИЦА 101

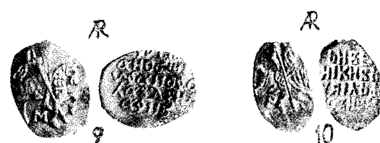

ТАБЛИЦА 102

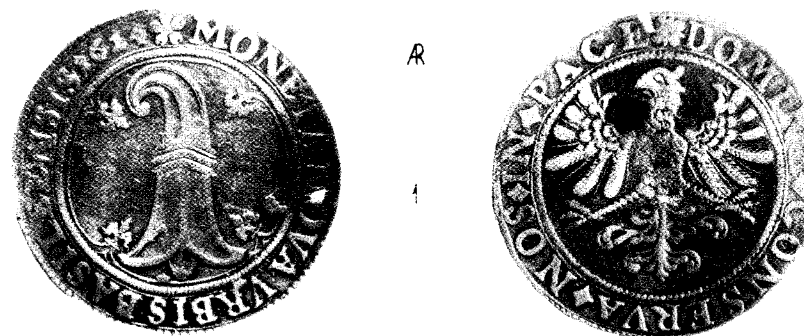

ТАБЛИЦА 103

AR 1

AR 2

AR 3

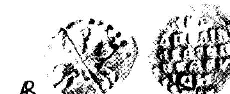
ТАБЛИЦА 104

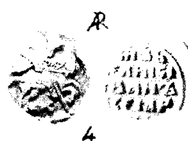
AR 1

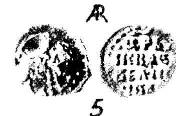
AR 2

AR 3

AR 4

AR 5

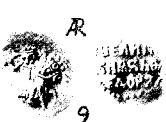
AV 6

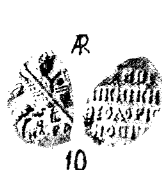
AR 7

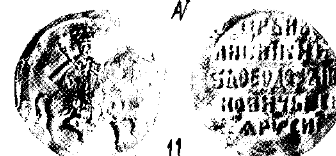
AV 8

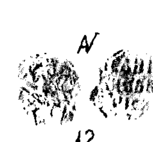
AR 9

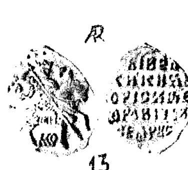
AR 10

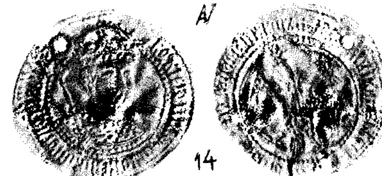
AV 11

AV 12

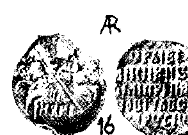
AR 13

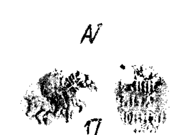
AV 14

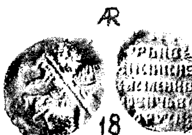
AR 15

AR 16

AV 17

AR 18

ТАБЛИЦА 105

ТАБЛИЦА 106

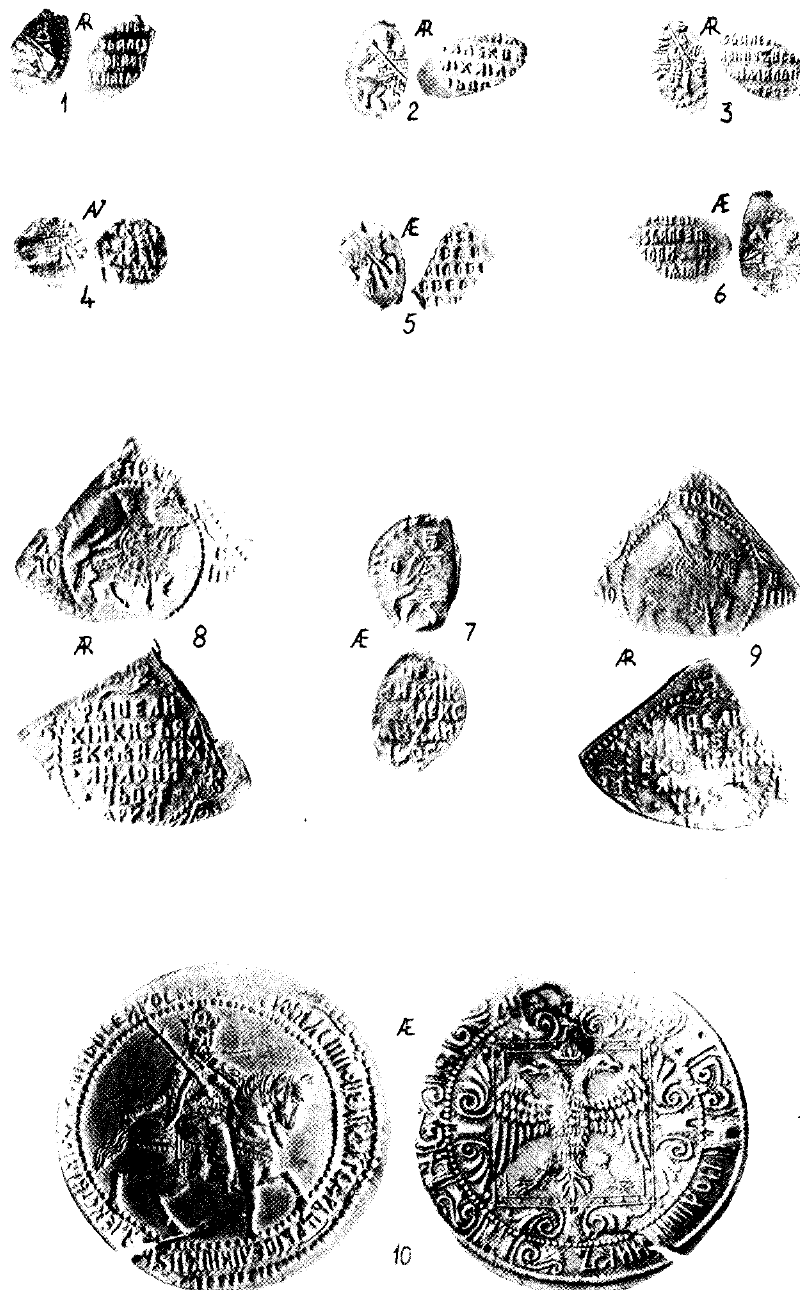
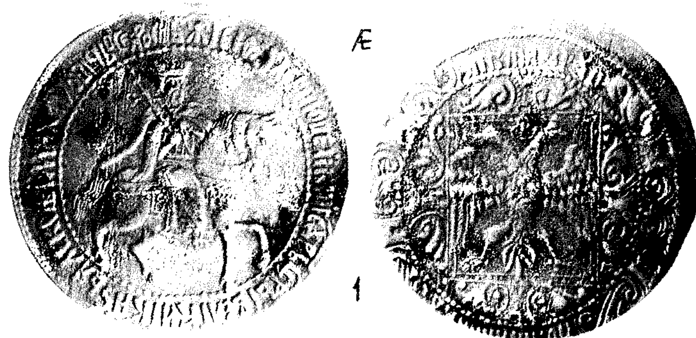
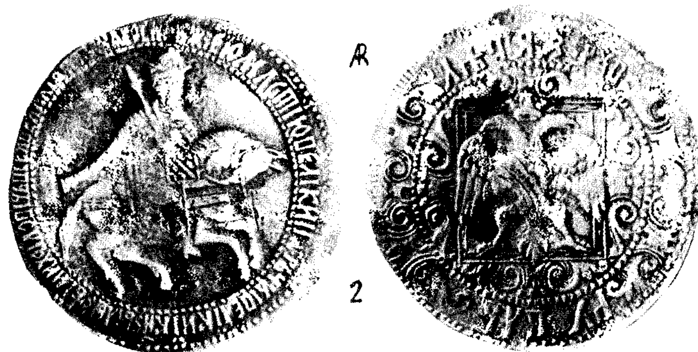

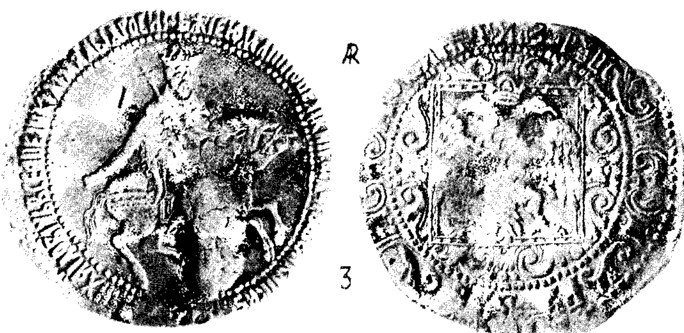
ТАБЛИЦА 107

Æ 1

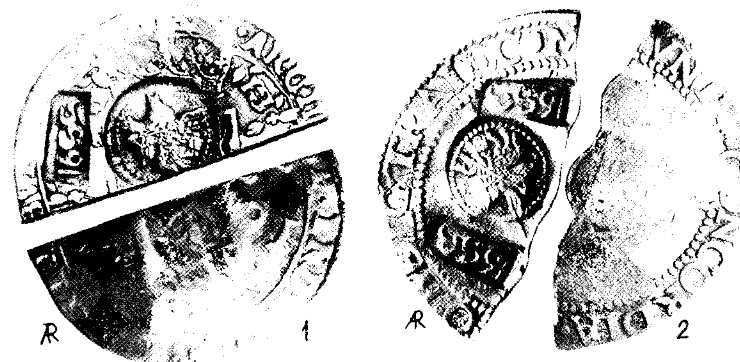

AR 2

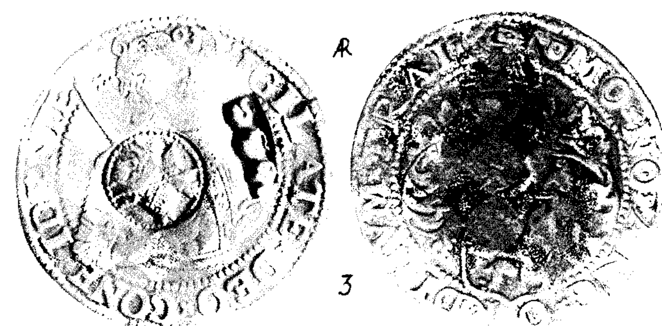

AR 3

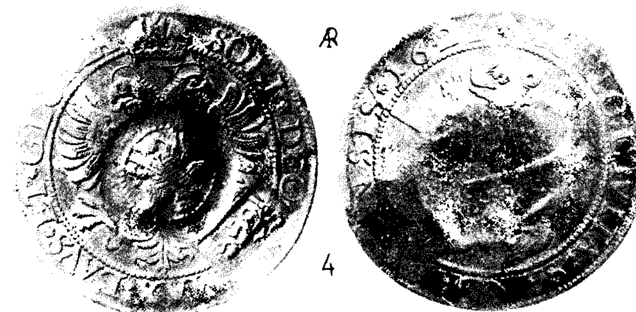
ТАБЛИЦА 108

AR 1 AR 2

AR 3

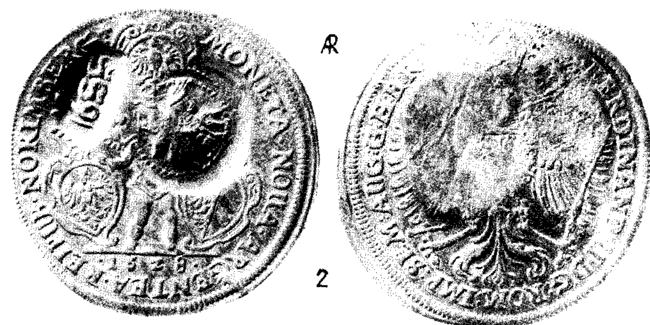

AR 4

ТАБЛИЦА 109

1

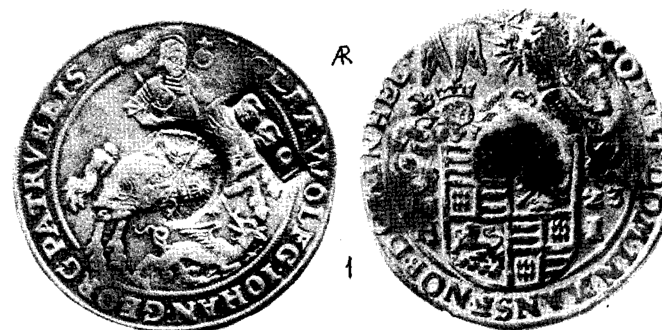

2

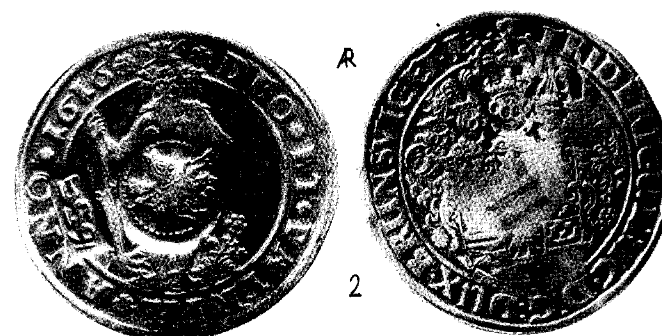

3

ТАБЛИЦА 110

1

2

3

ТАБЛИЦА 111

ТАБЛИЦА 112

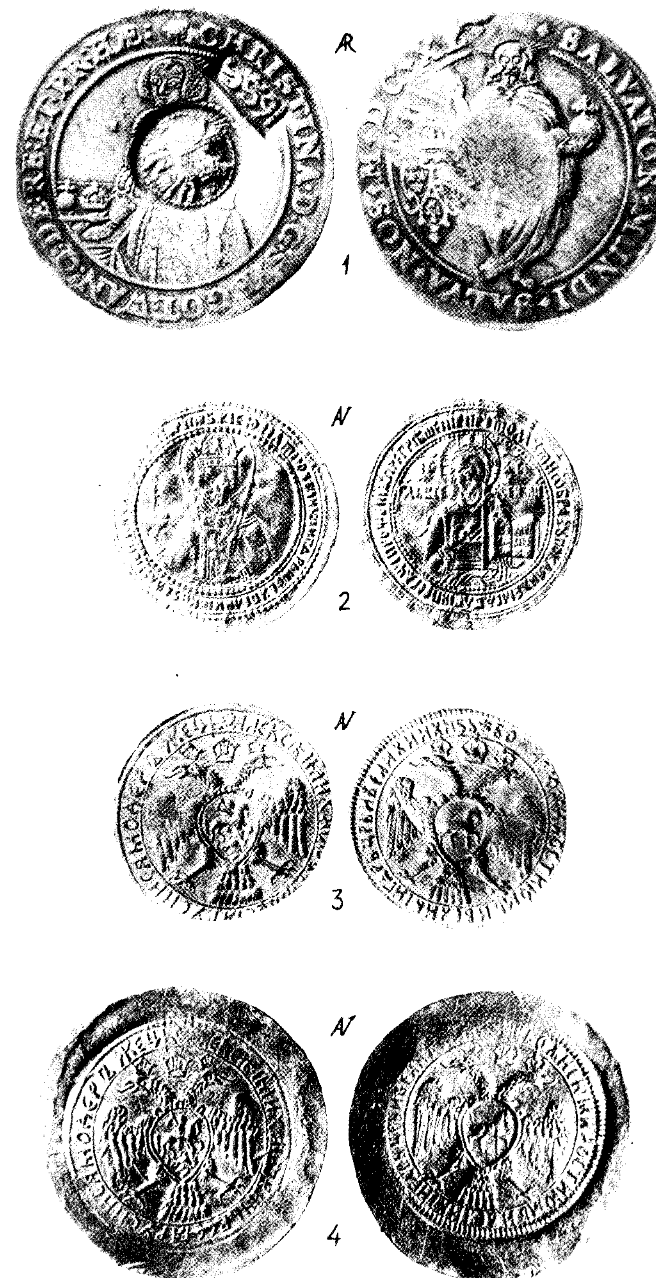

ТАБЛИЦА 113

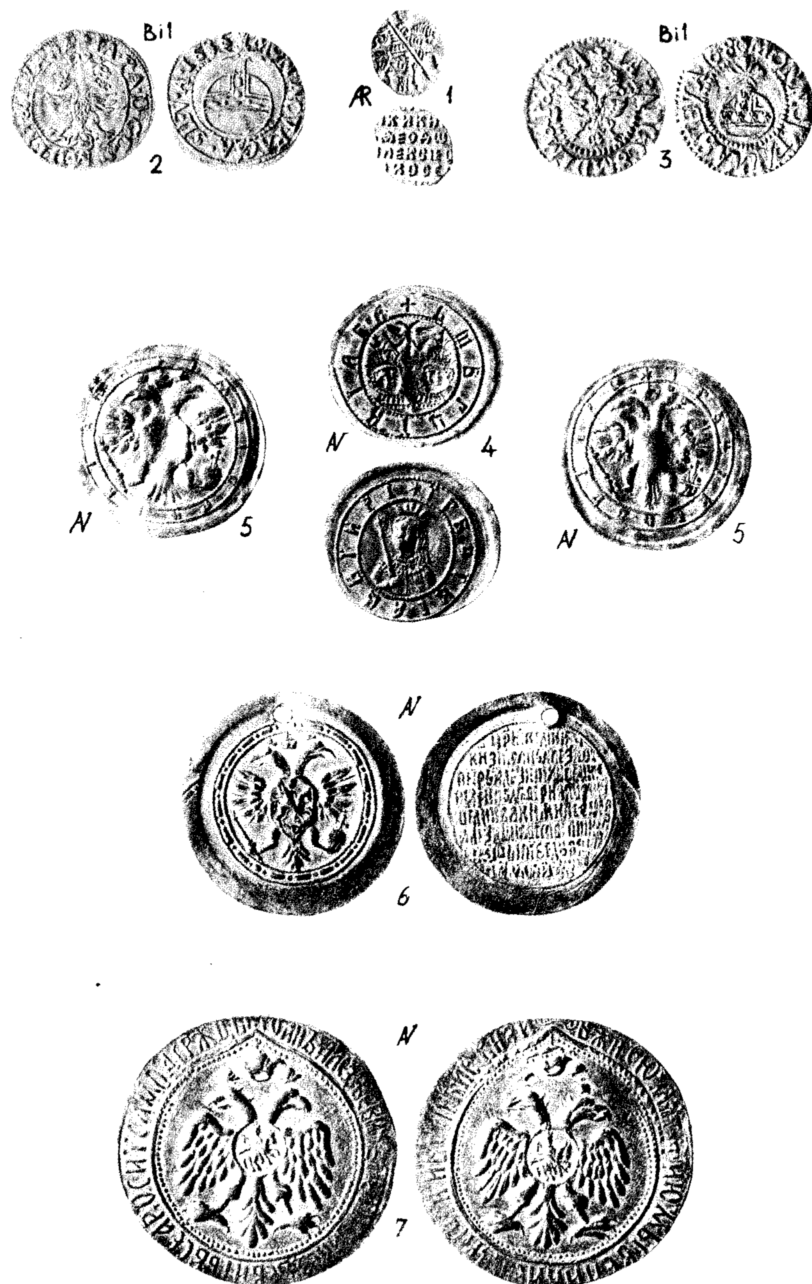

ТАБЛИЦА 114

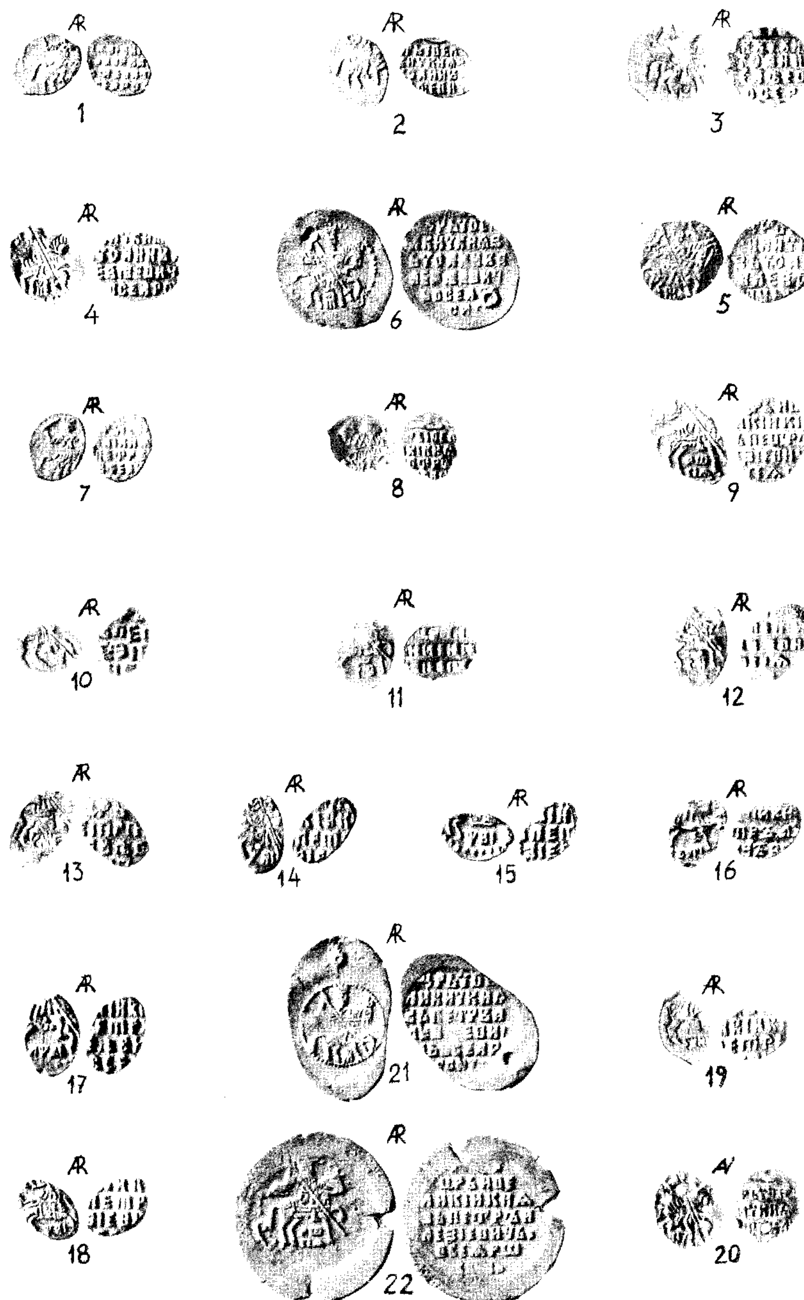

ТАБЛИЦА 115

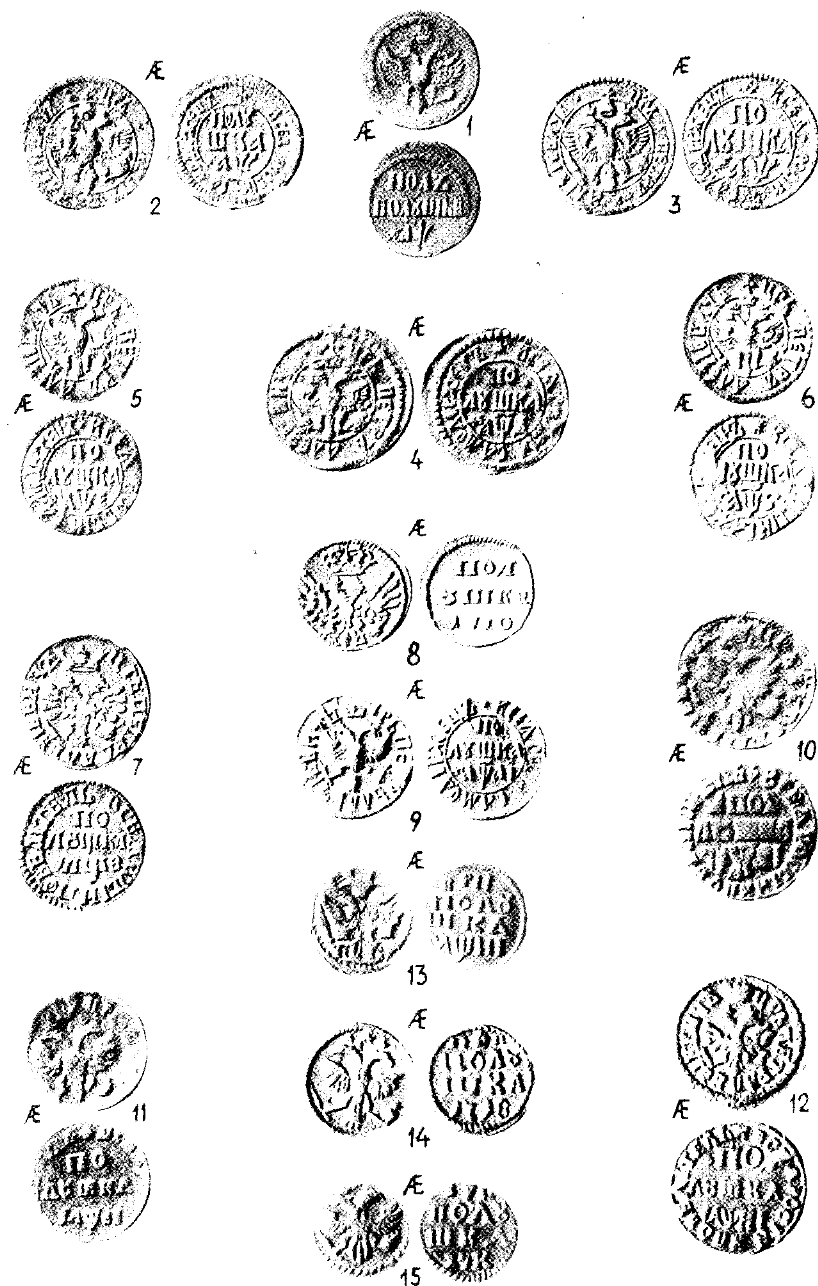

ТАБЛИЦА 116

ТАБЛИЦА 117

ТАБЛИЦА 118

ТАБЛИЦА 119

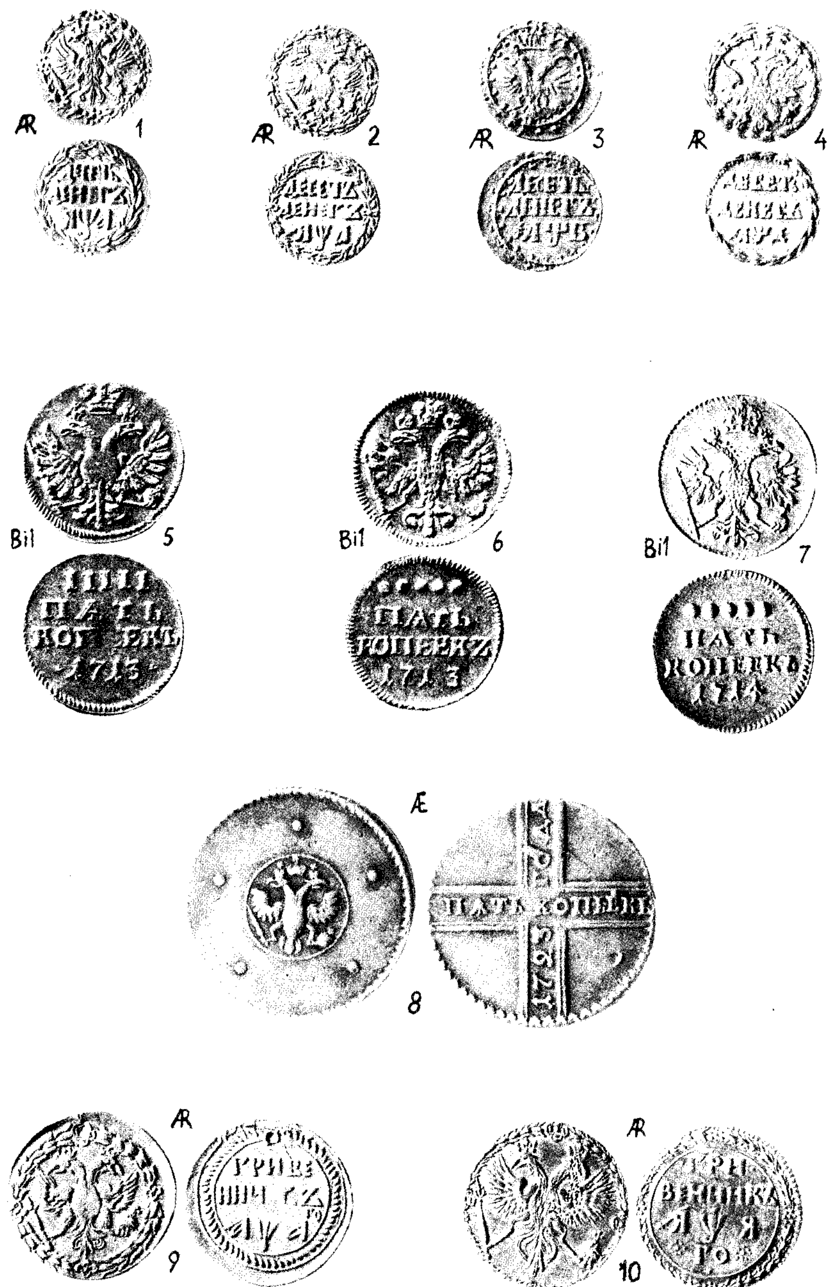

ТАБЛИЦА 120

ТАБЛИЦА 121

ТАБЛИЦА 122

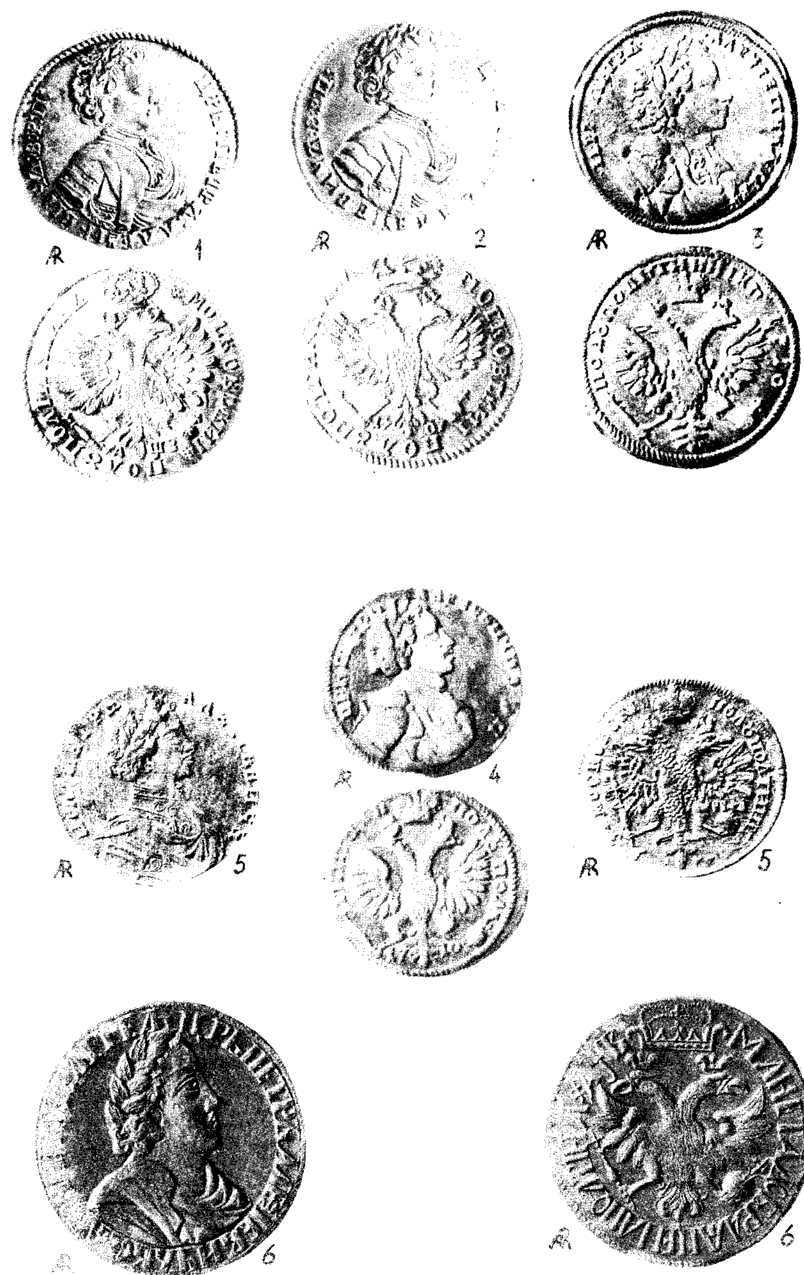

ТАБЛИЦА 123

AR 1

AR 2

AR 3

AR 4

ТАБЛИЦА 124

AR 1

AR 2

AR 3

AR 4

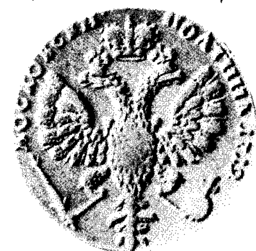
ТАБЛИЦА 125

AR 1

AR 2

AR 3

AR 4

ТАБЛИЦА 126

AR 1

AR 2

AR 3

AR 4

ТАБЛИЦА 127

ТАБЛИЦА 128

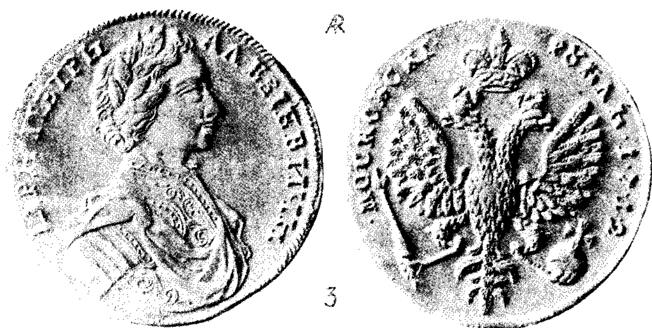
ТАБЛИЦА 129

АR 1

АR 2

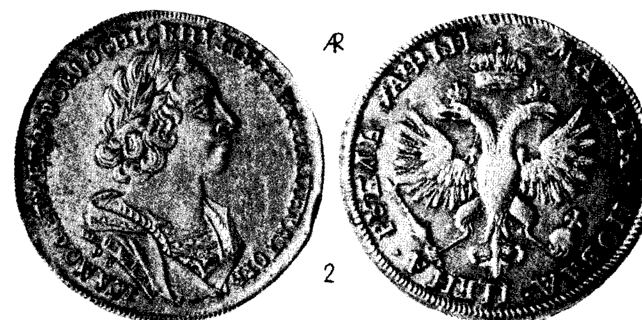

АR 3

ТАБЛИЦА 130

АR 1

АR 2

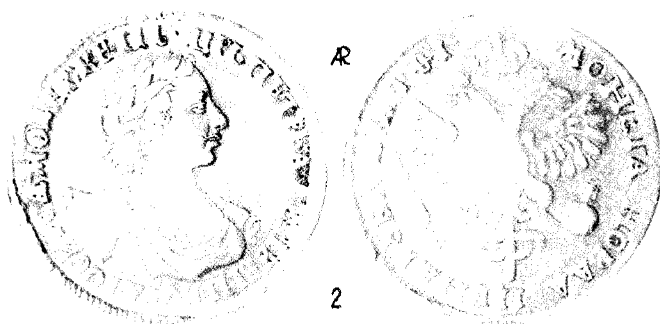
АR 3

17 Рябцевич В. Н.

ТАБЛИЦА 131

AR 1

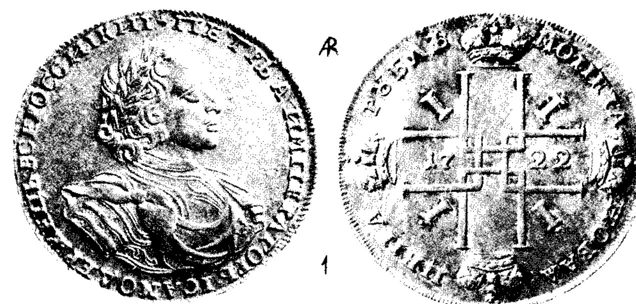

AR 2

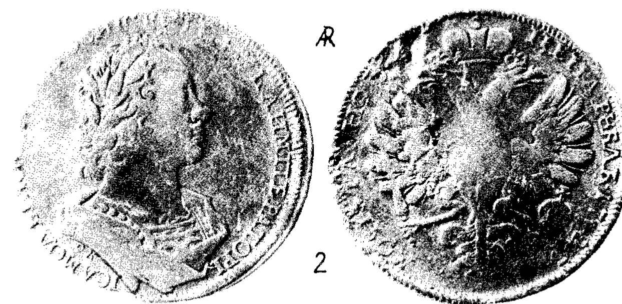

AR 3

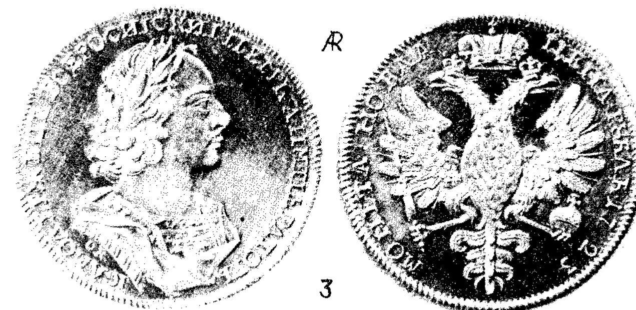
ТАБЛИЦА 132

AR 1

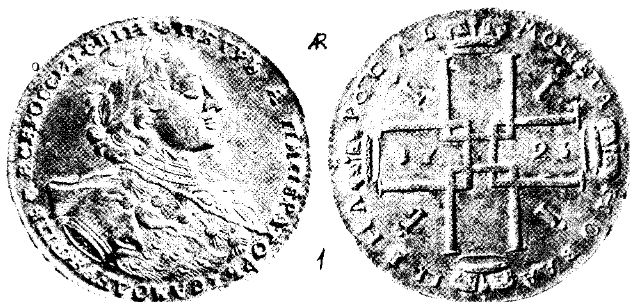

AR 2

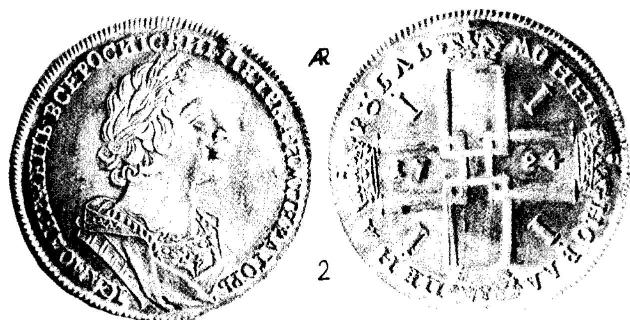

AR 3

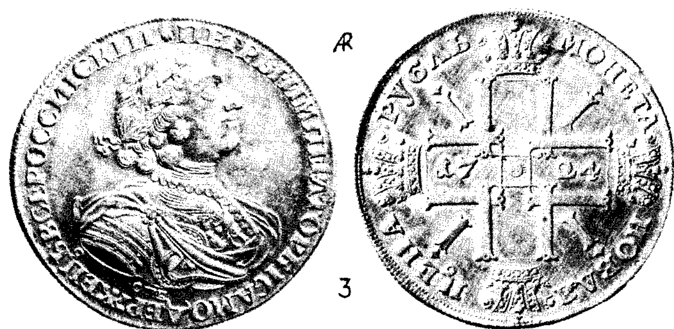
ТАБЛИЦА 133

AR 1

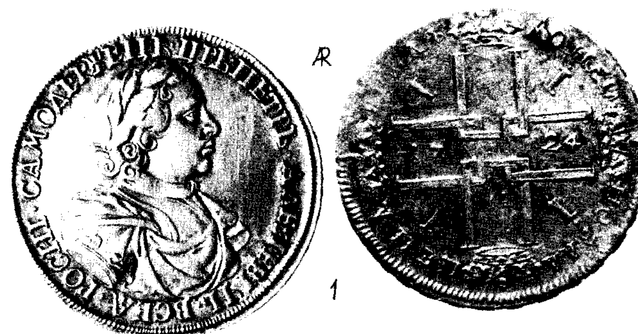

AR 2

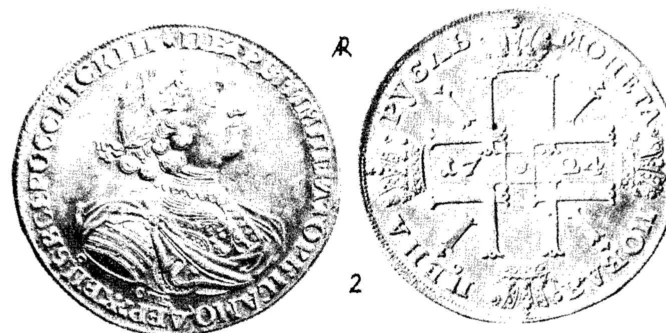

AR 3

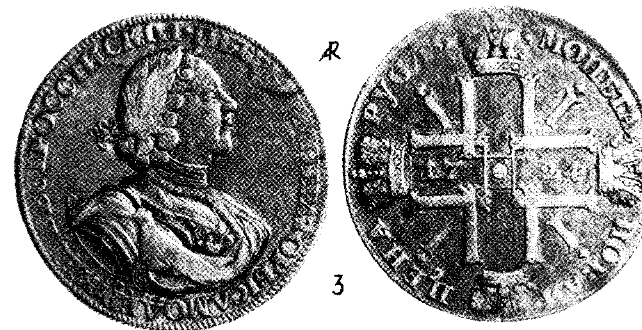
ТАБЛИЦА 134

AR 1

AR 2

AR 3

ТАБЛИЦА 135

ТАБЛИЦА 136

ТАБЛИЦА 137

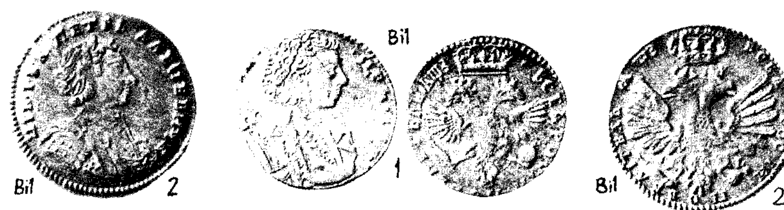

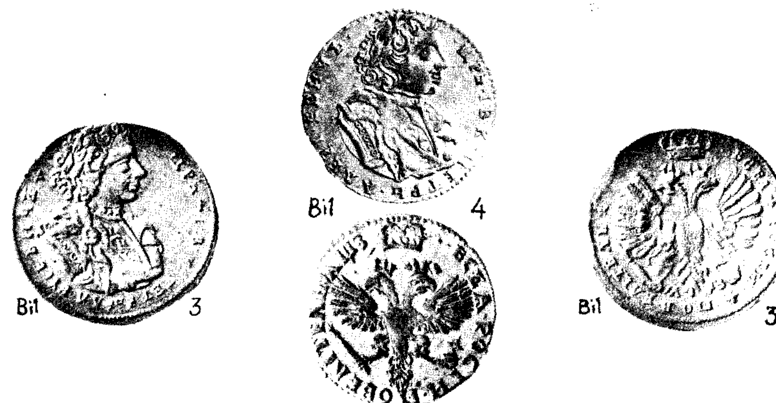

ТАБЛИЦА 138

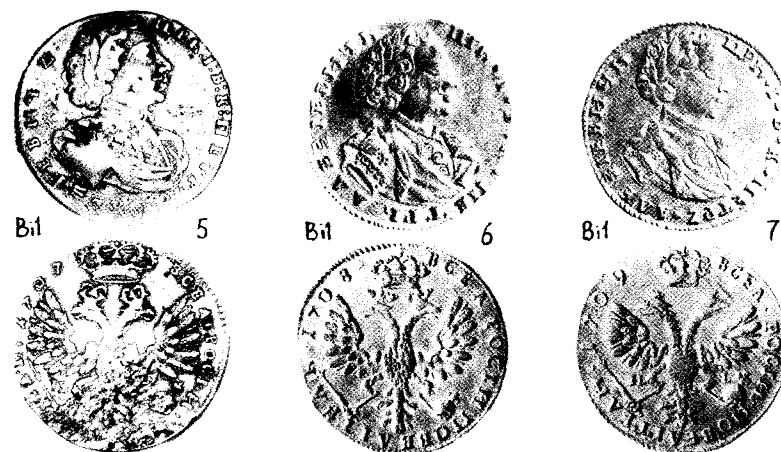

ТАБЛИЦА 139

ТАБЛИЦА 140

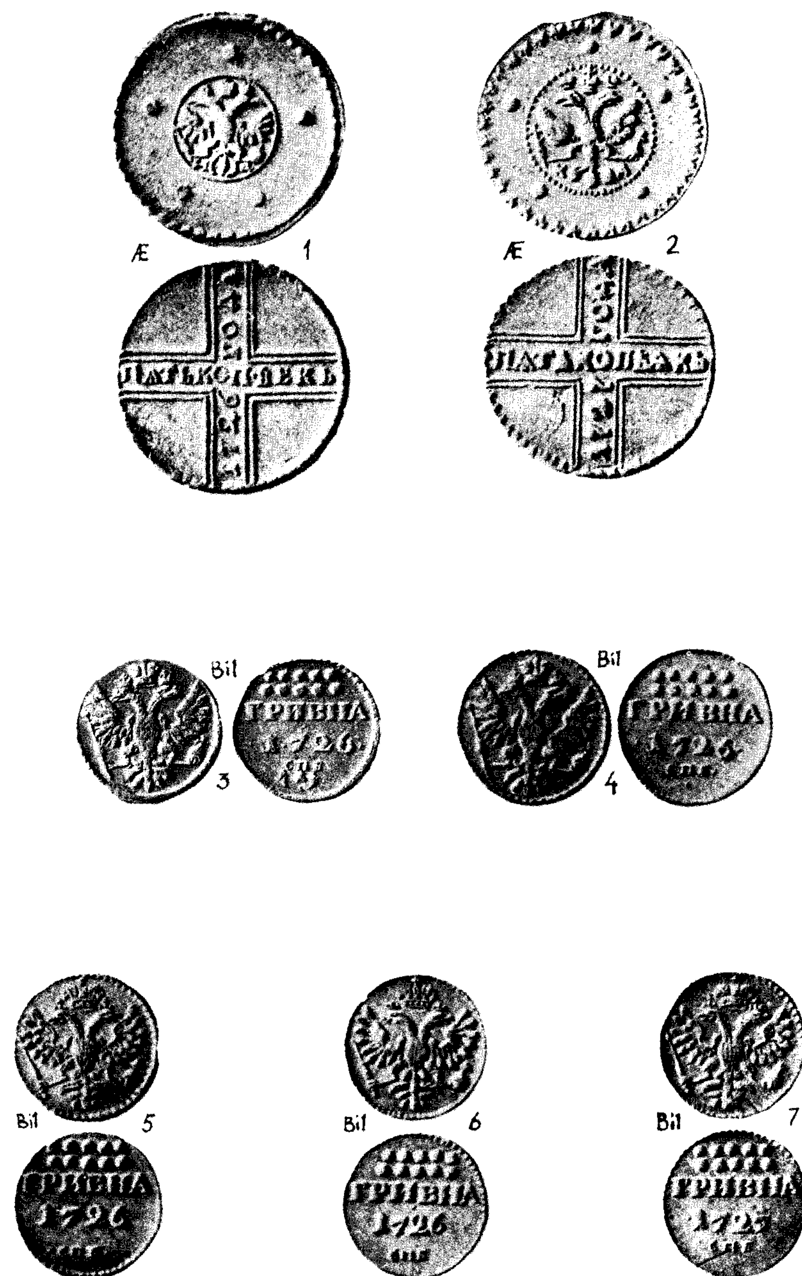

ТАБЛИЦА 141

ТАБЛИЦА 142

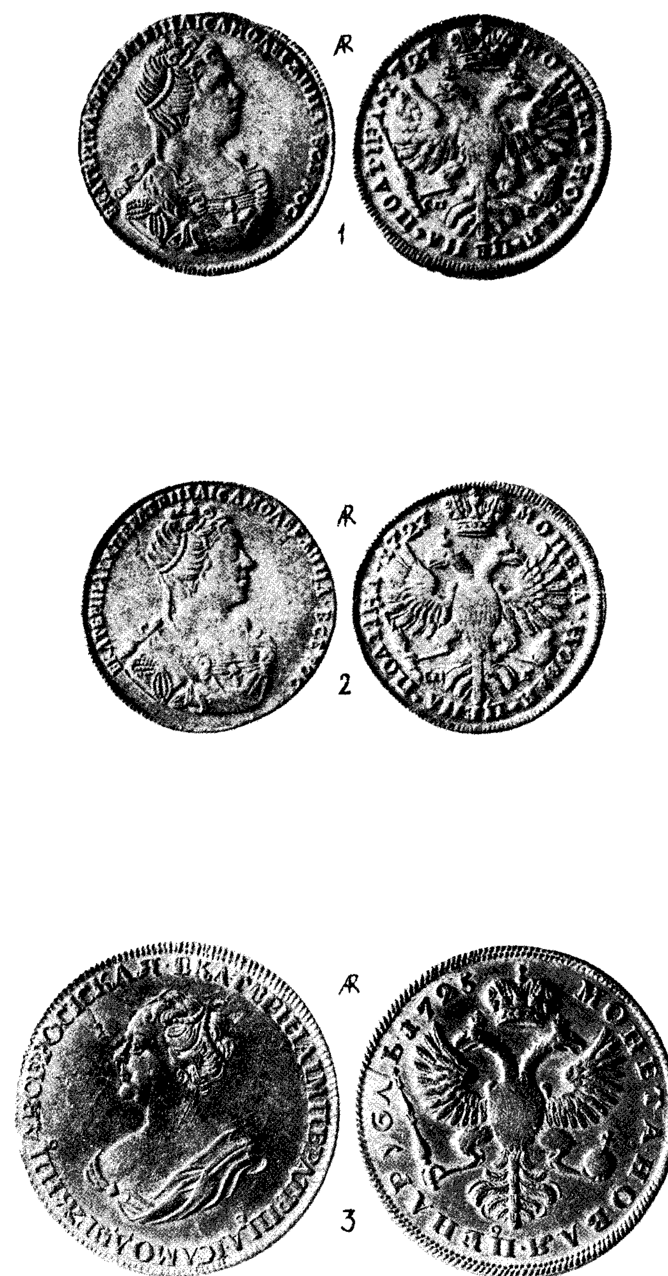

ТАБЛИЦА 143

AR 1

AR 2

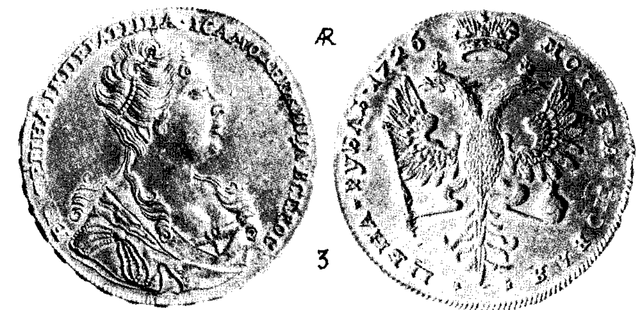

AR 3

ТАБЛИЦА 144

AR 1

AR 2

AR 3

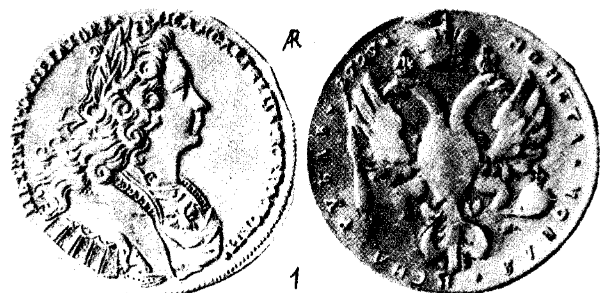
ТАБЛИЦА 145

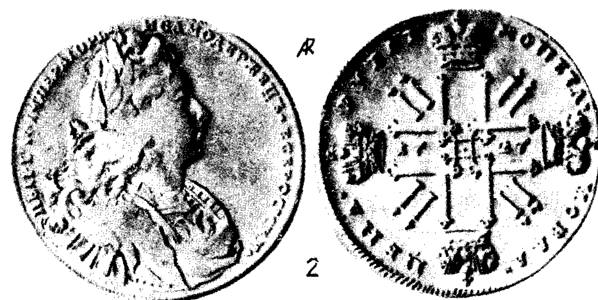

ТАБЛИЦА 146

ТАБЛИЦА 147

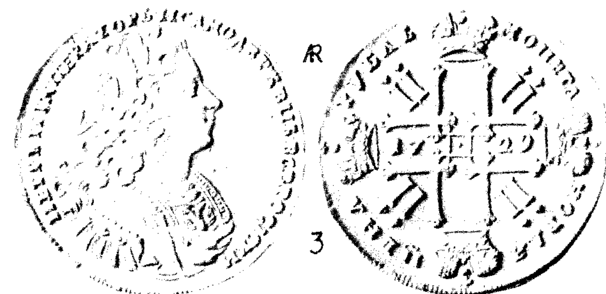
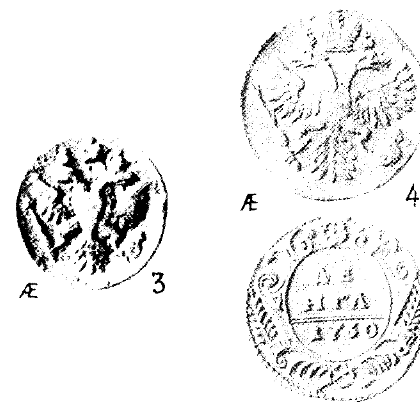
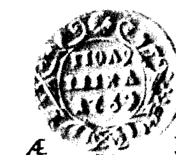

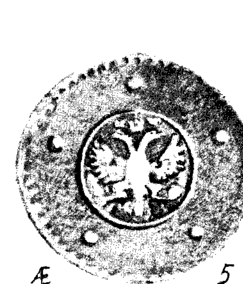
ТАБЛИЦА 148

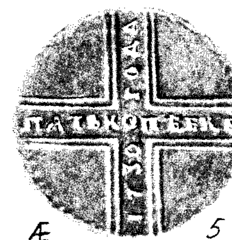

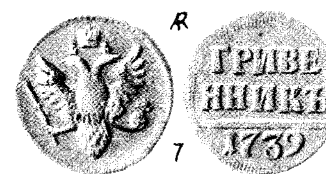

ТАБЛИЦА 149

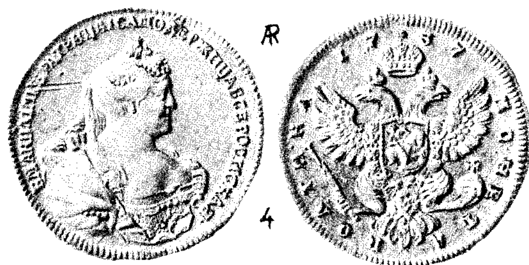

ТАБЛИЦА 150

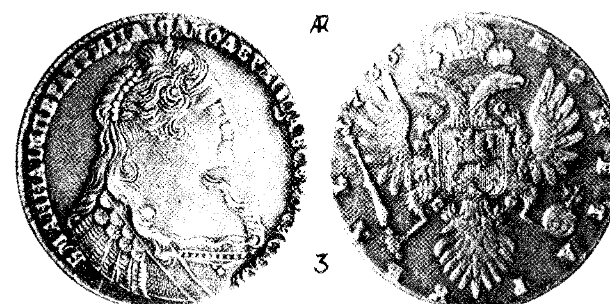

ТАБЛИЦА 151

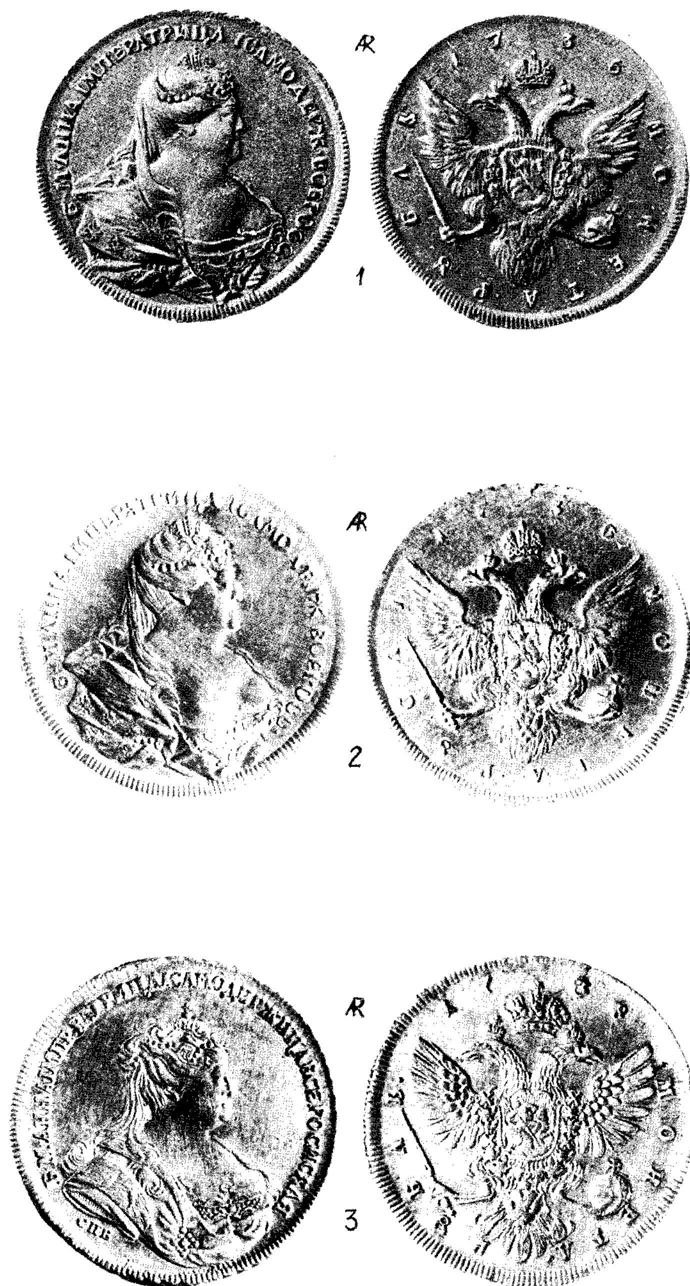

ТАБЛИЦА 152

ТАБЛИЦА 153

ТАБЛИЦА 154

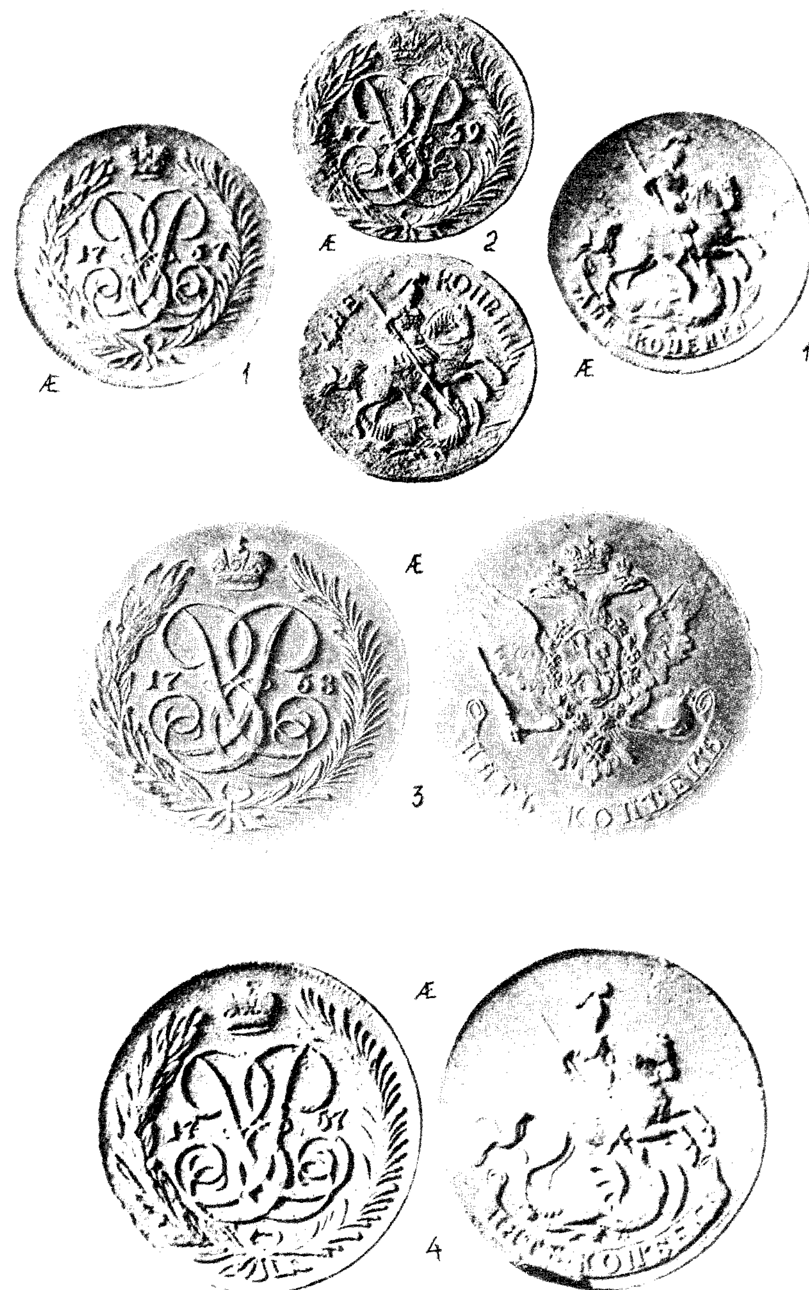

ТАБЛИЦА 155

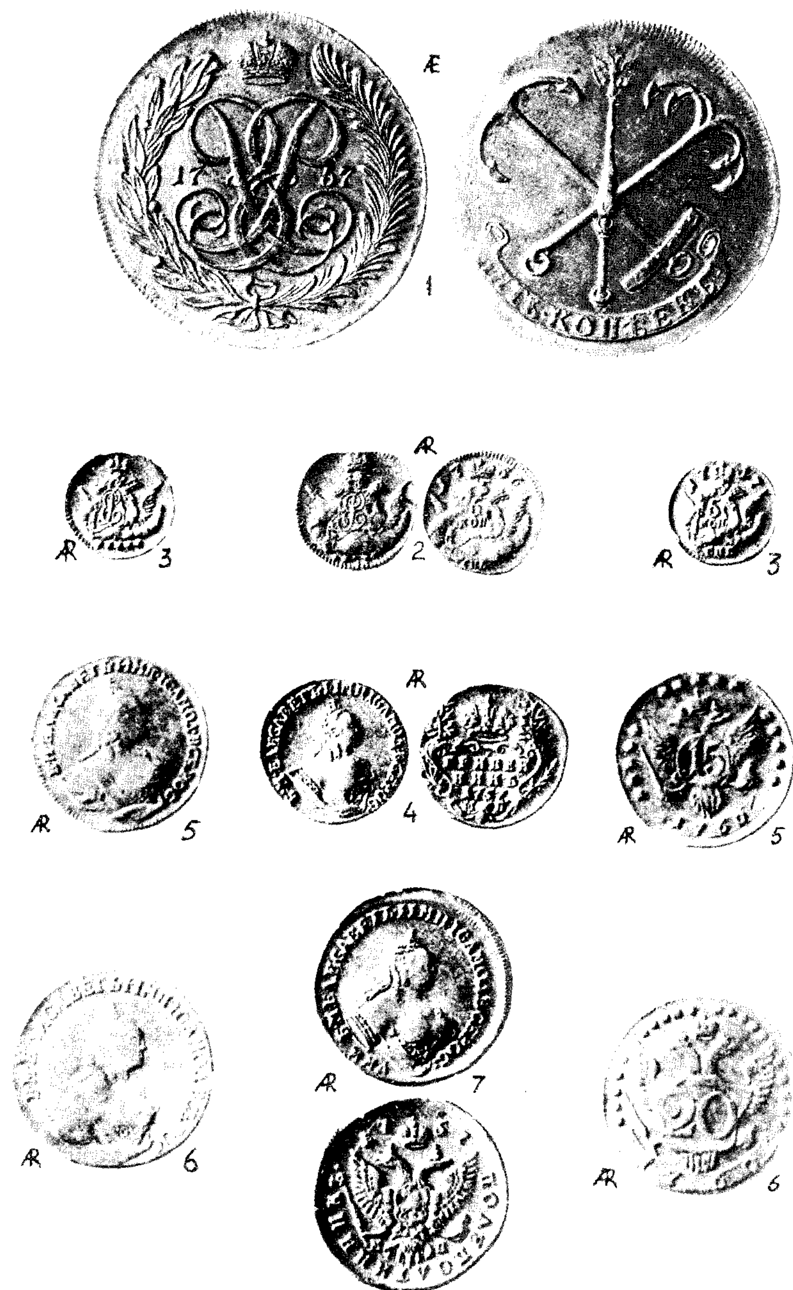

ТАБЛИЦА 156

ТАБЛИЦА 157

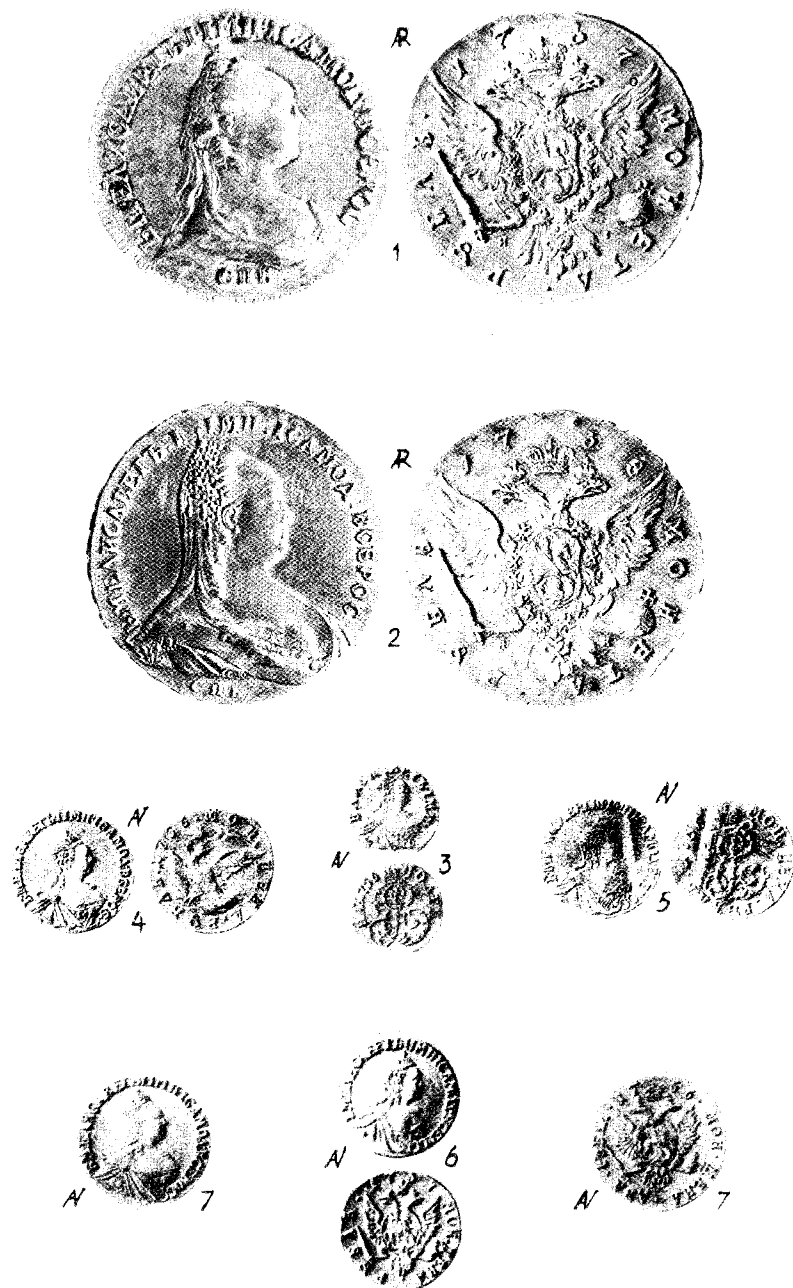

ТАБЛИЦА 158

ТАБЛИЦА 159

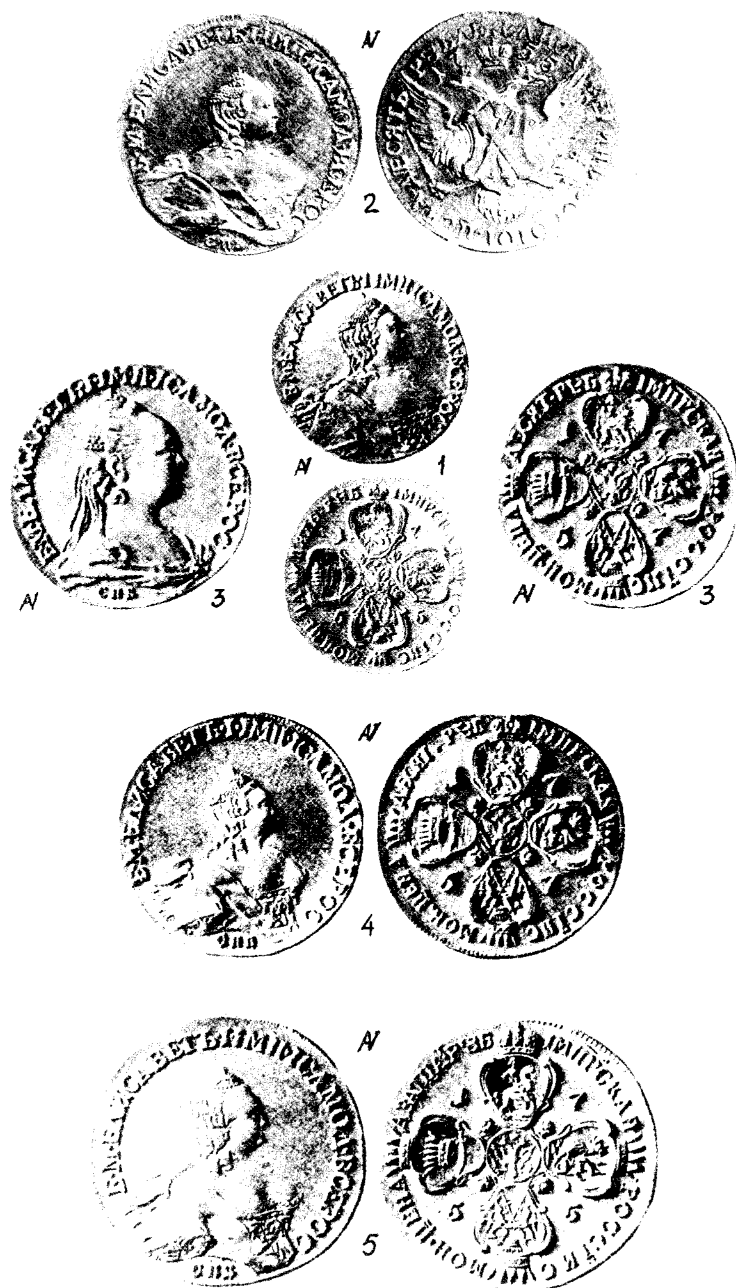

ТАБЛИЦА 160

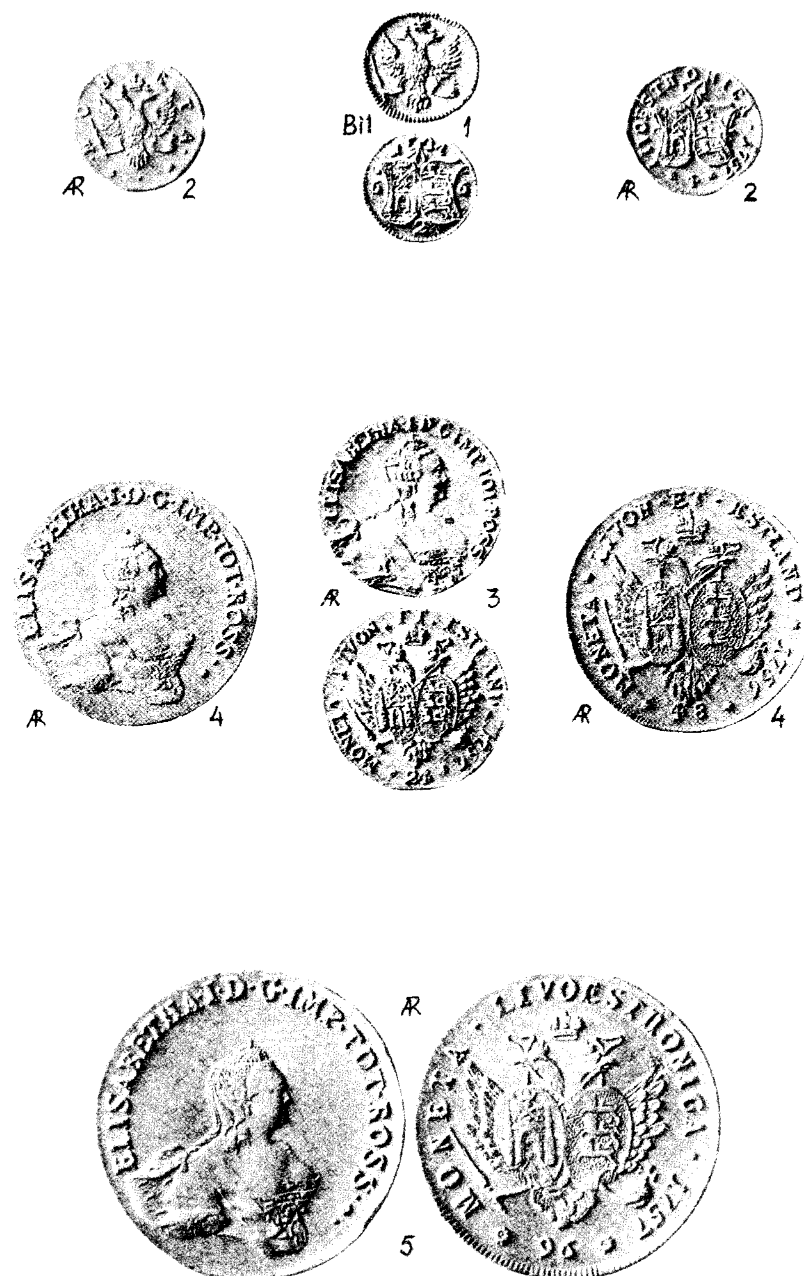

ТАБЛИЦА 161

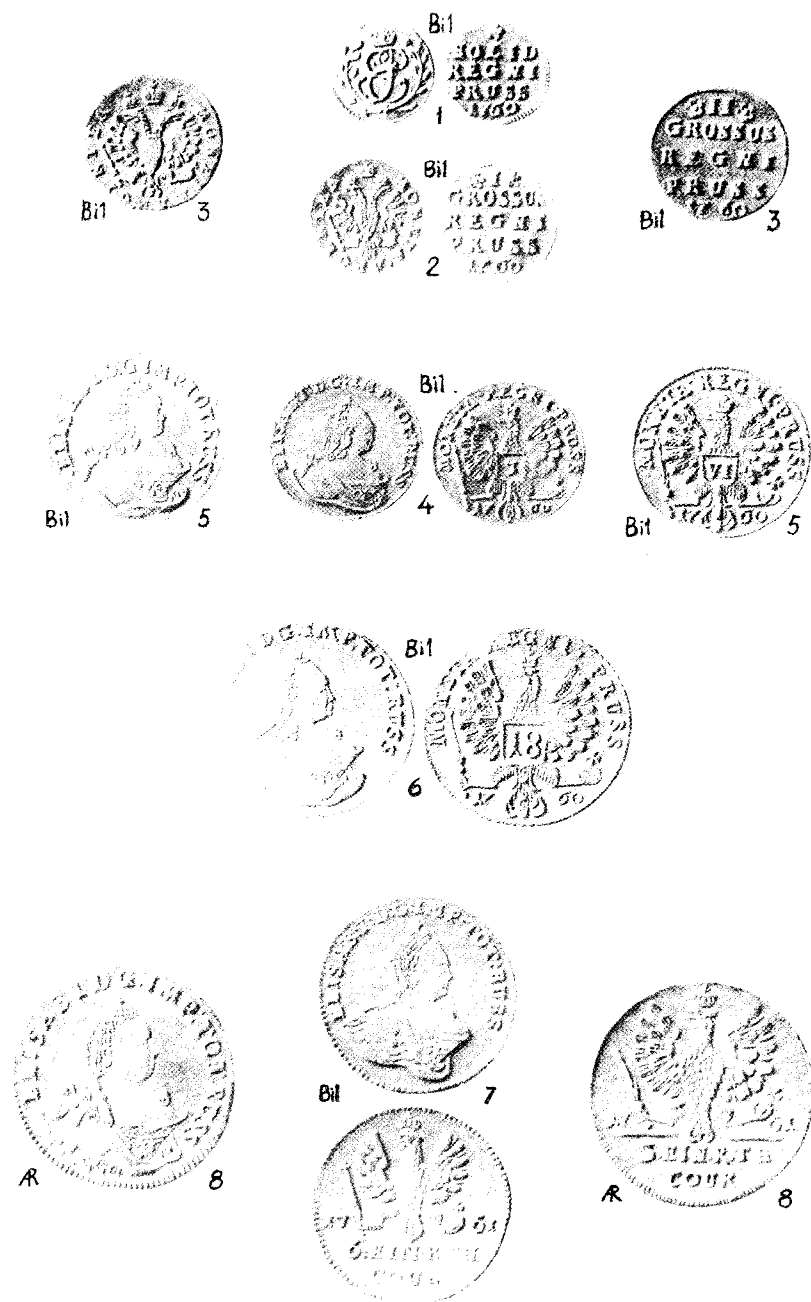
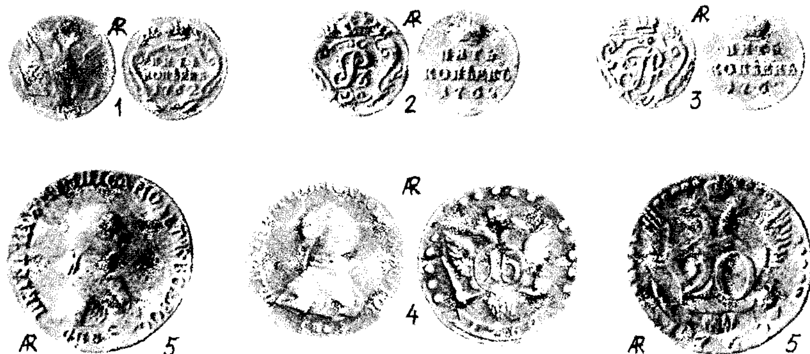
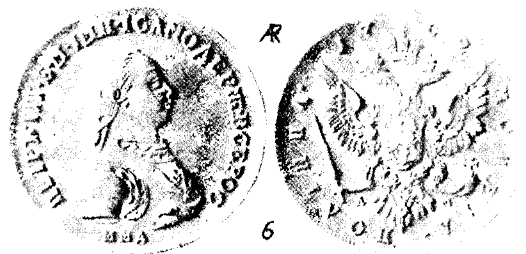

ТАБЛИЦА 162

ТАБЛИЦА 163

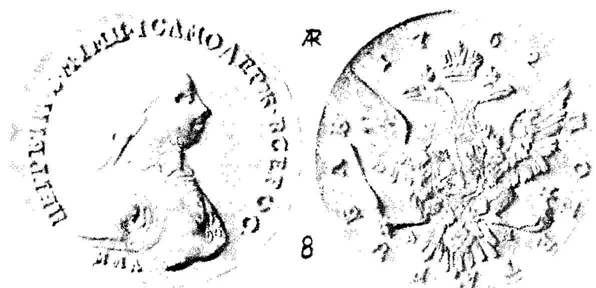
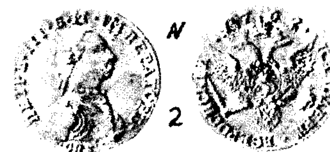

ТАБЛИЦА 164

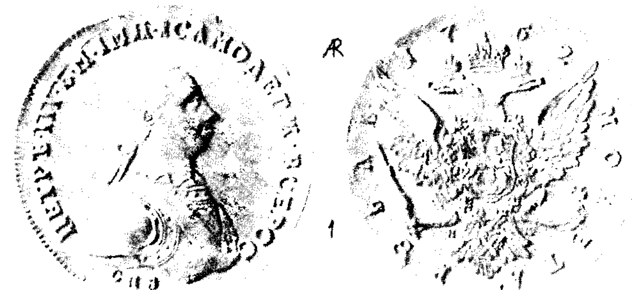

ТАБЛИЦА 165

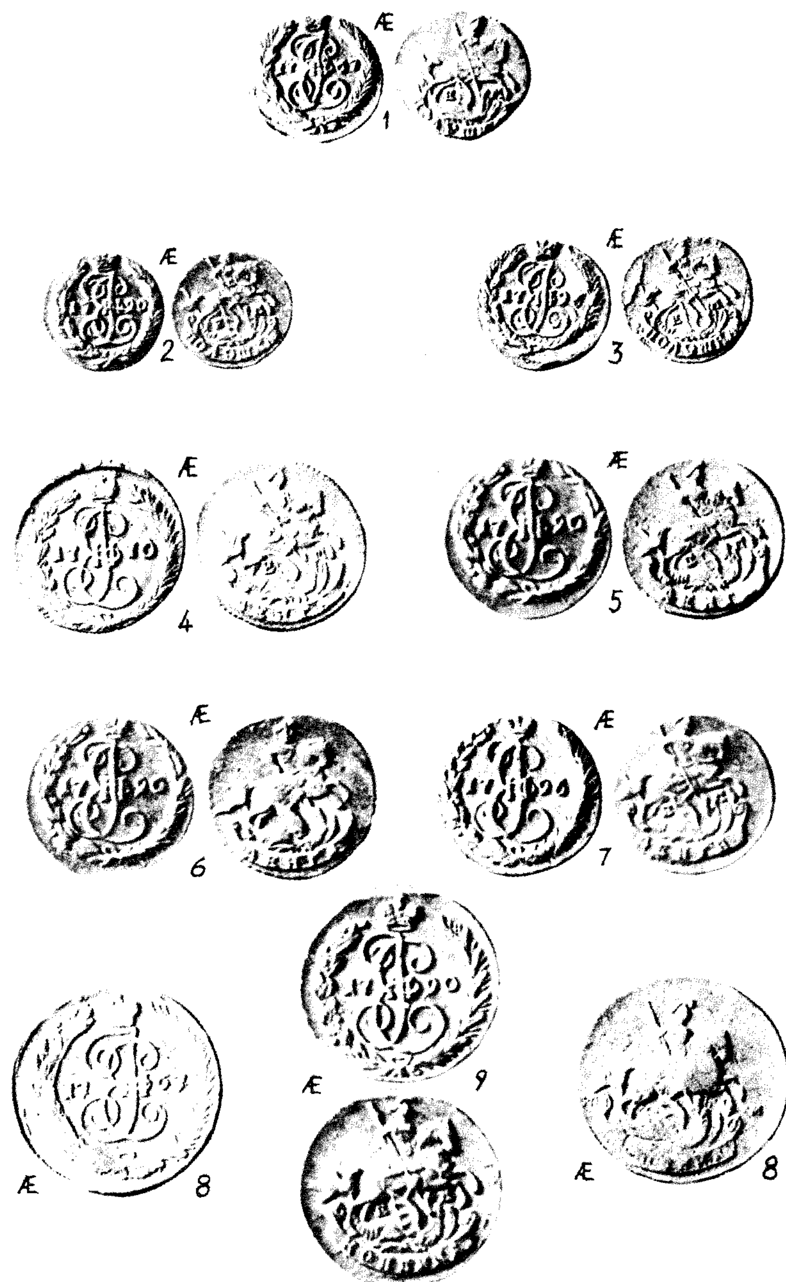

ТАБЛИЦА 166

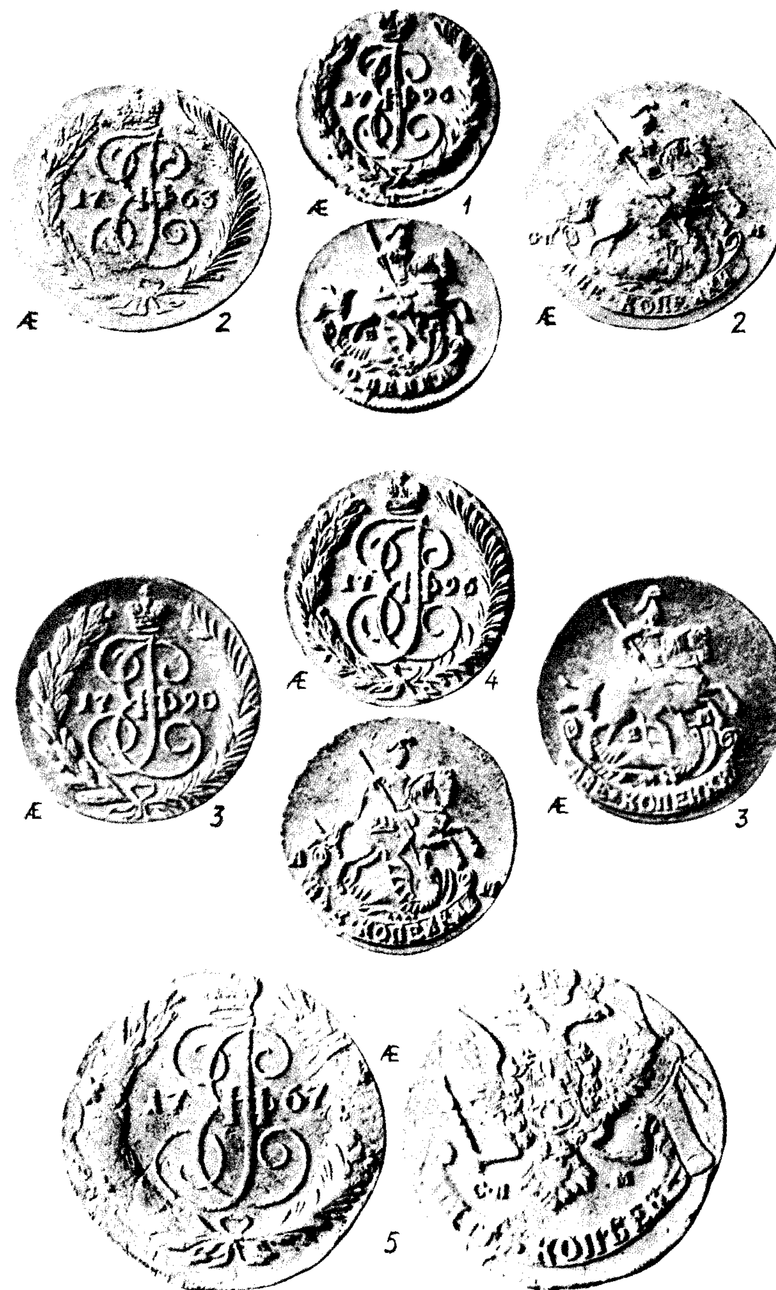

ТАБЛИЦА 167

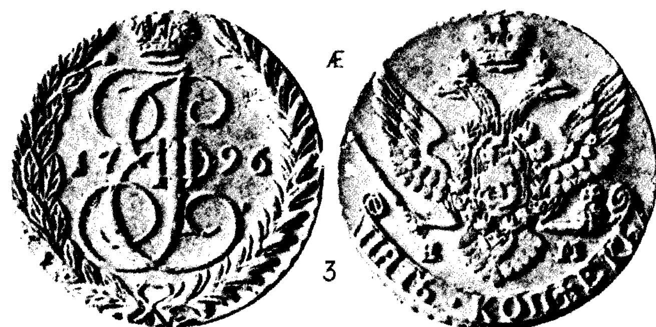
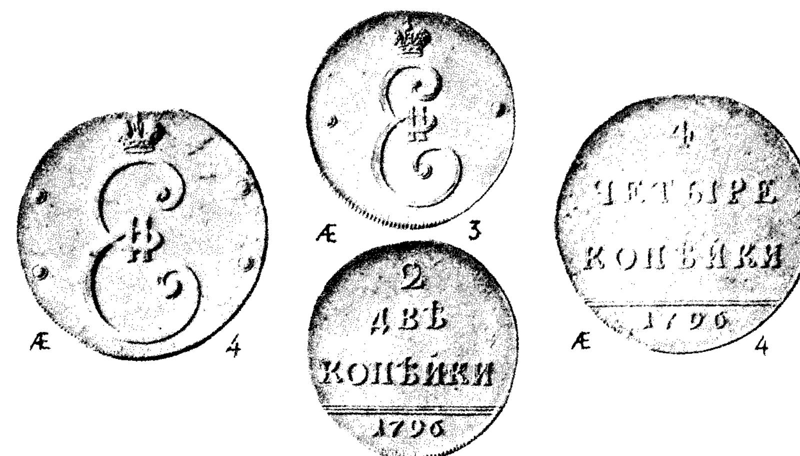

ТАБЛИЦА 168

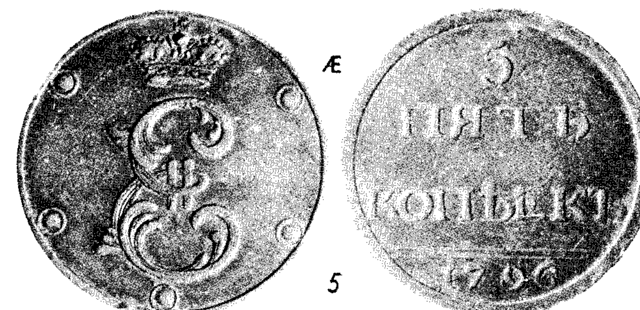

ТАБЛИЦА 169

ТАБЛИЦА 170

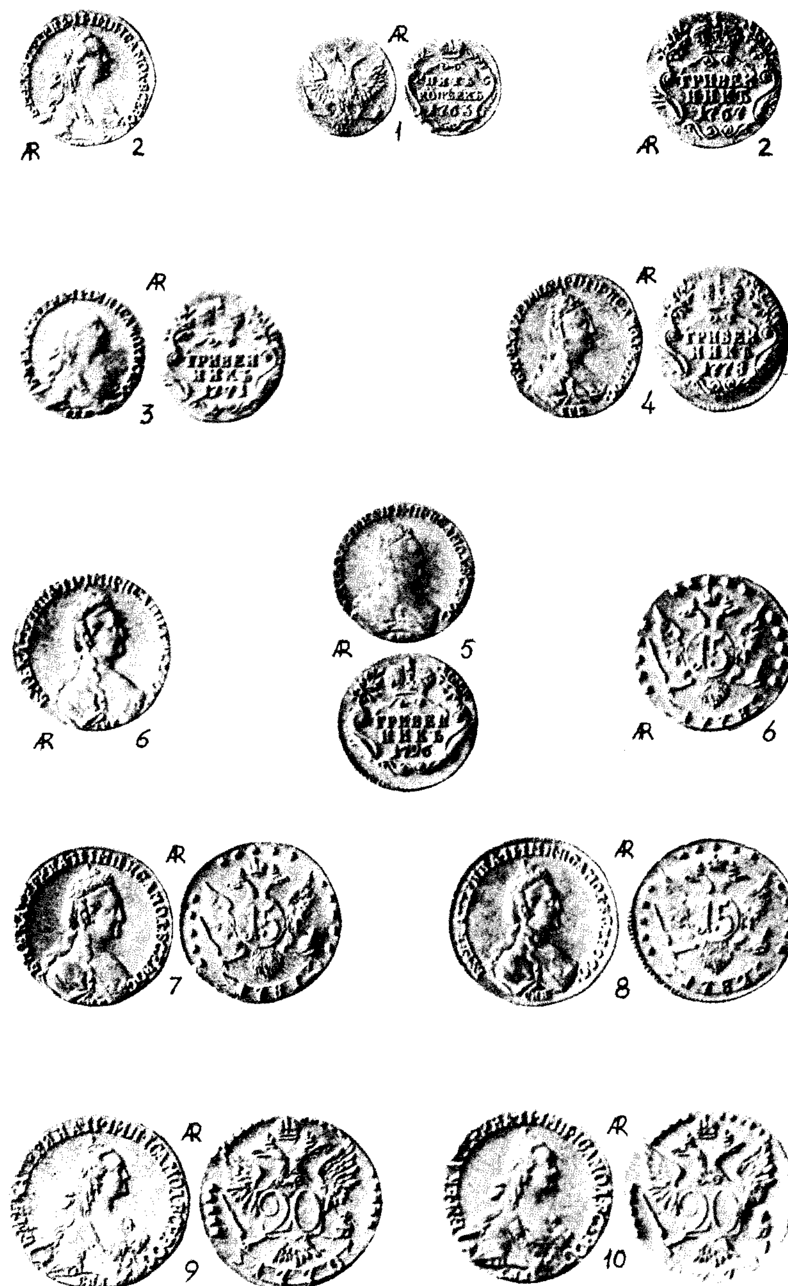

ТАБЛИЦА 171

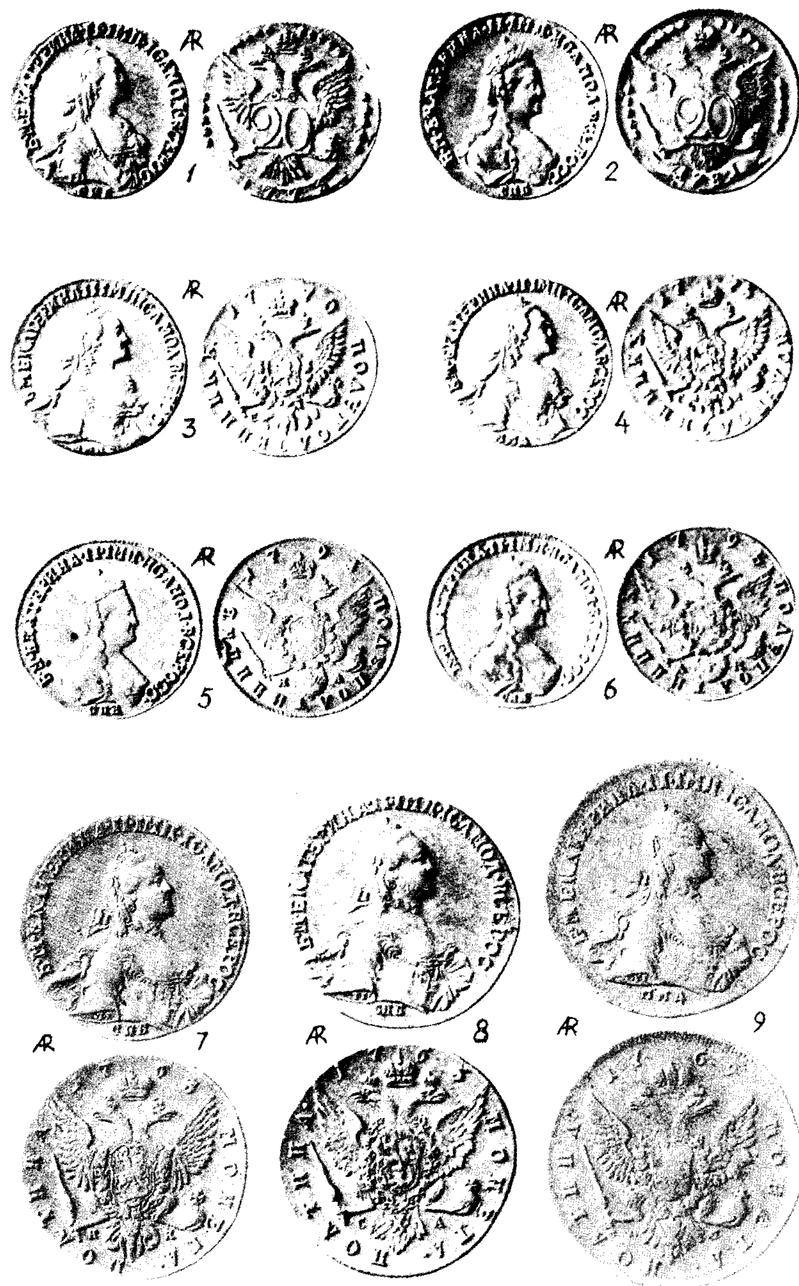

ТАБЛИЦА 172

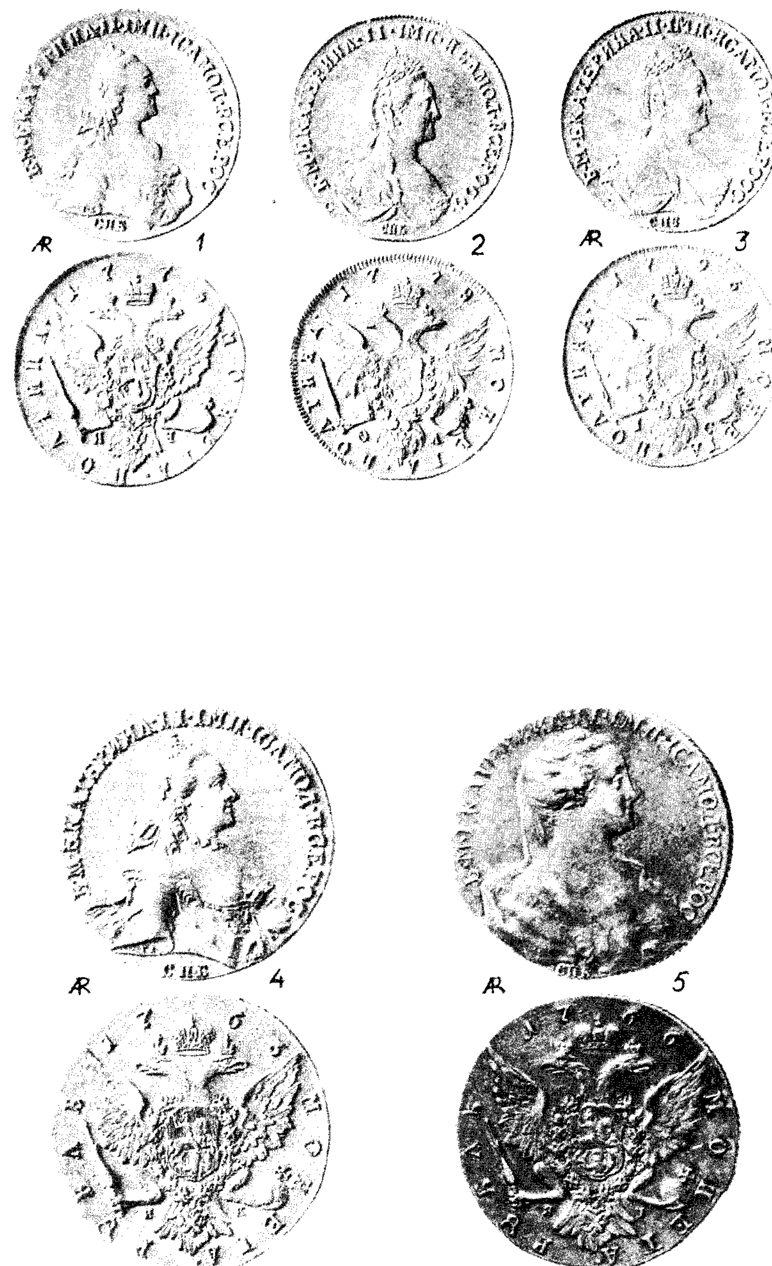

ТАБЛИЦА 173

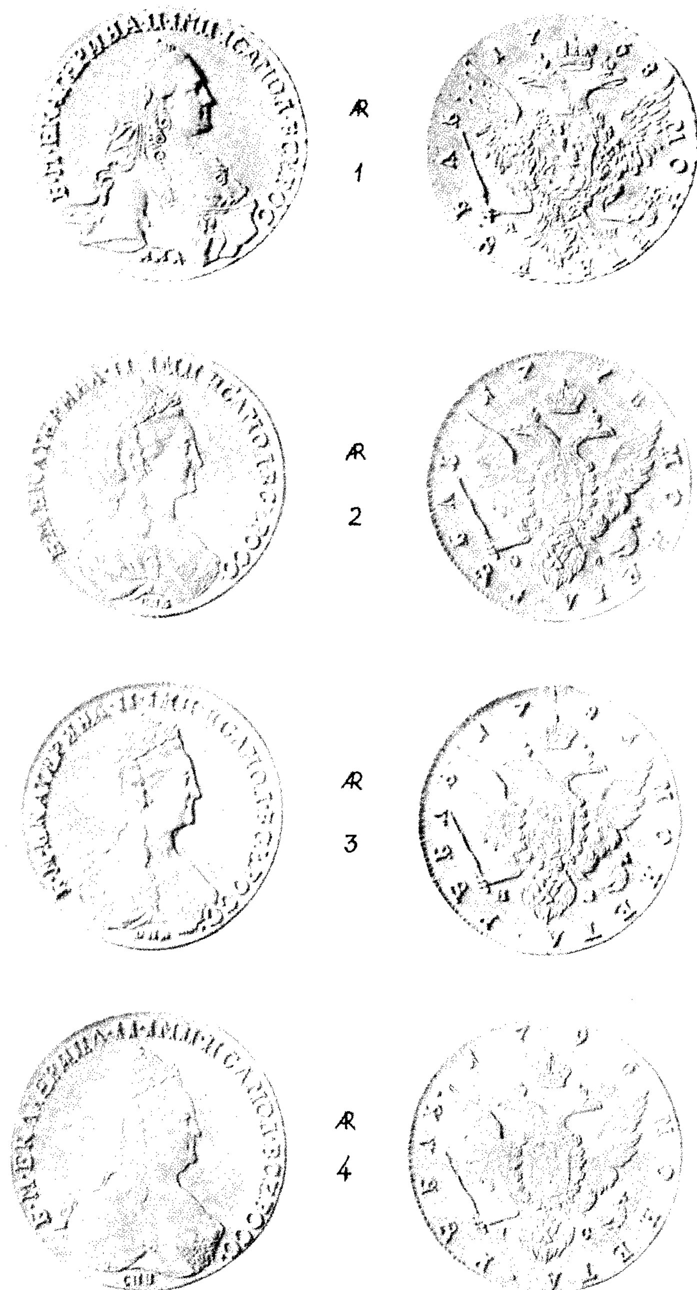

ТАБЛИЦА 174

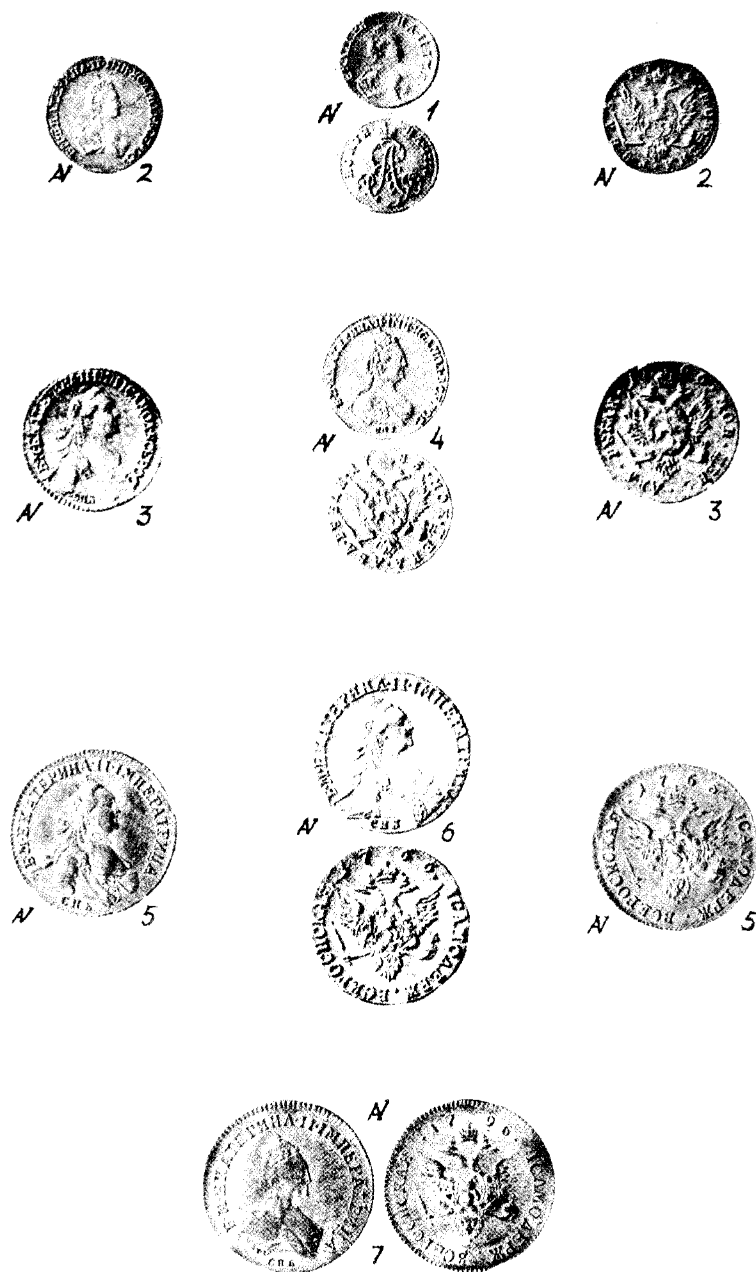
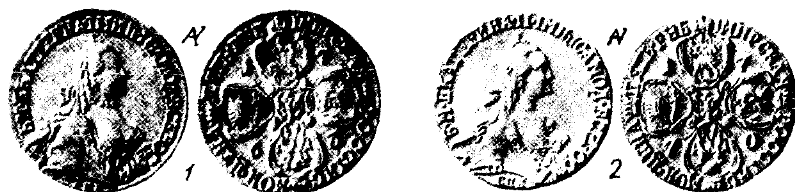

ТАБЛИЦА 175

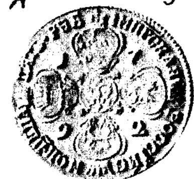

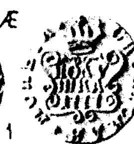

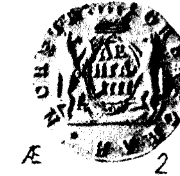

ТАБЛИЦА 176

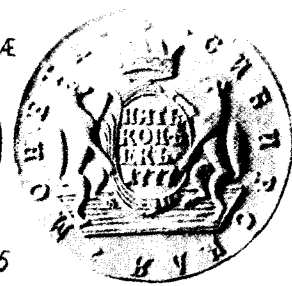

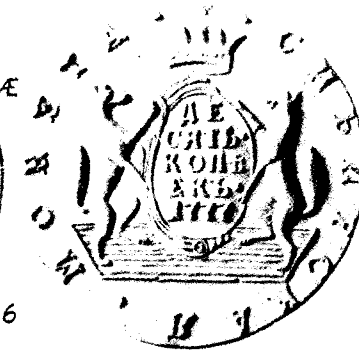

ТАБЛИЦА 177

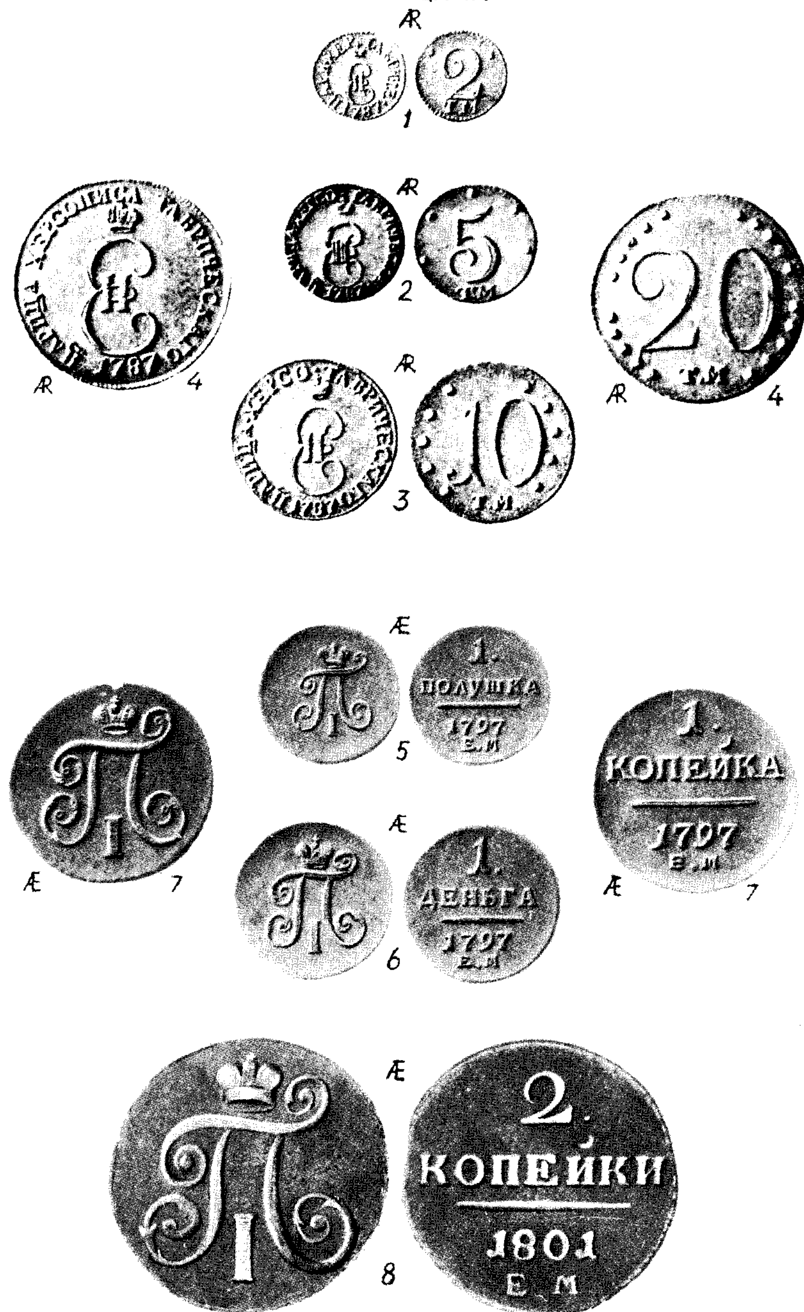

ТАБЛИЦА 178

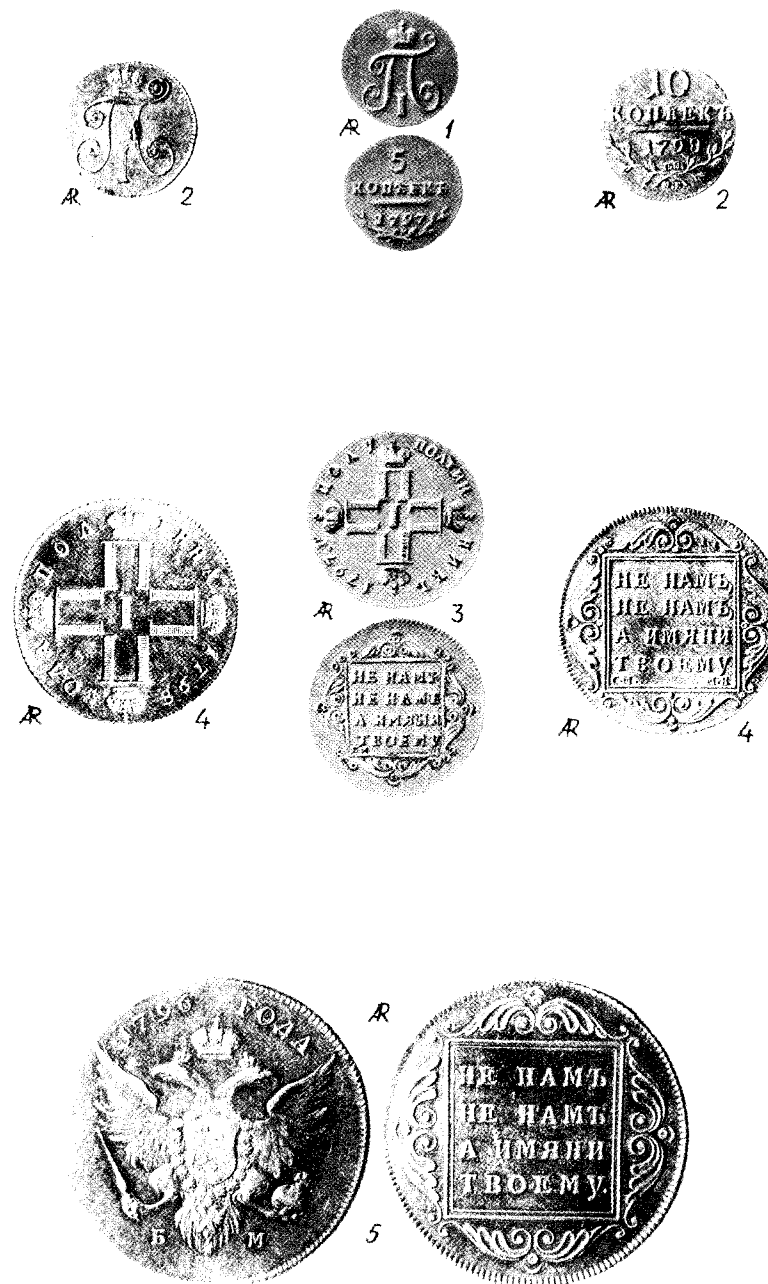
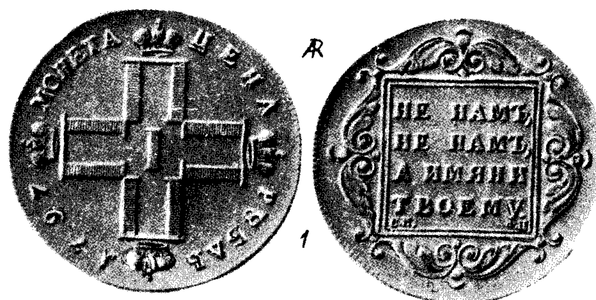
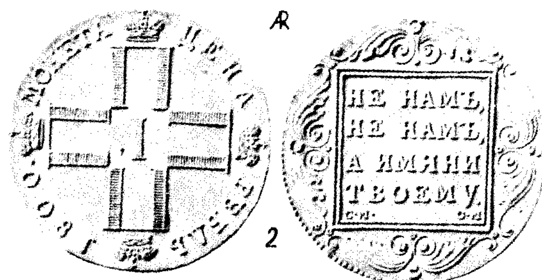

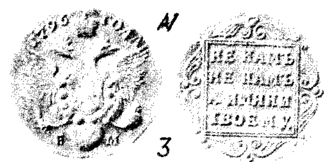
ТАБЛИЦА 179

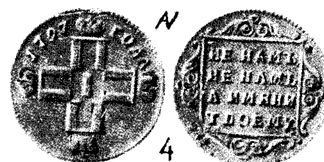
1

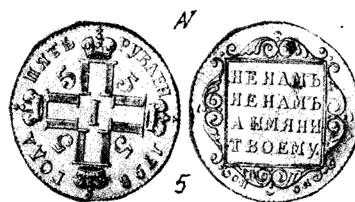
2

3

4

5

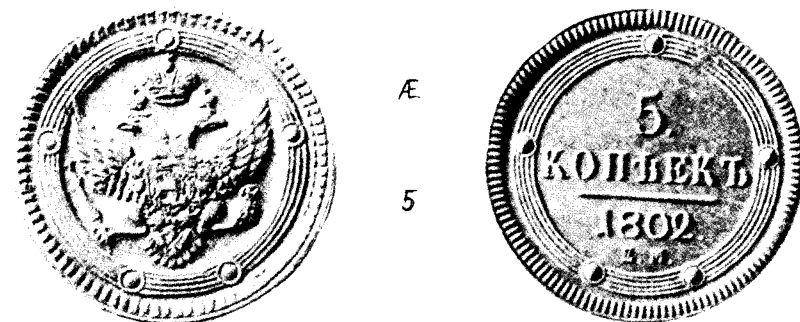
ТАБЛИЦА 180

2 1 2

4 3 4

5

ТАБЛИЦА 181

ТАБЛИЦА 182

ТАБЛИЦА 183

ТАБЛИЦА 184

ТАБЛИЦА 185

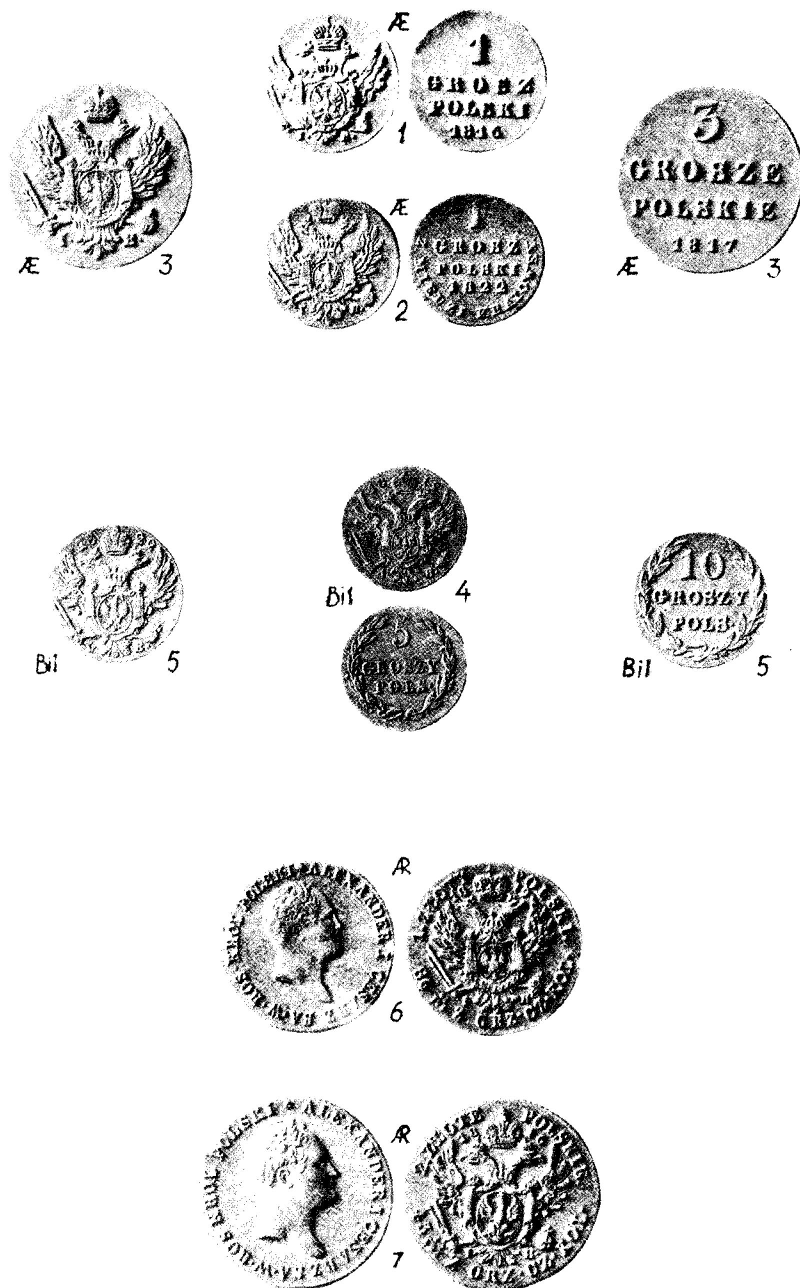

ТАБЛИЦА 186

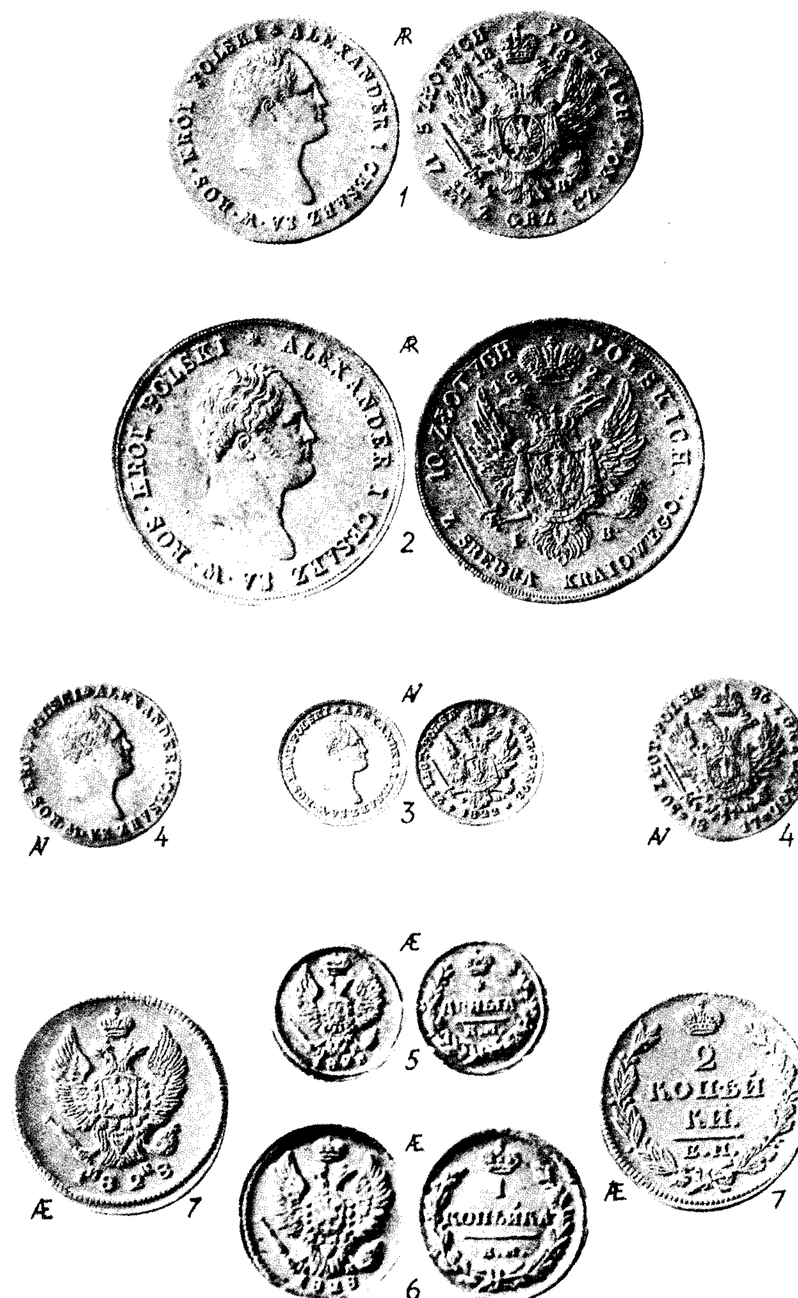

ТАБЛИЦА 187

ТАБЛИЦА 188

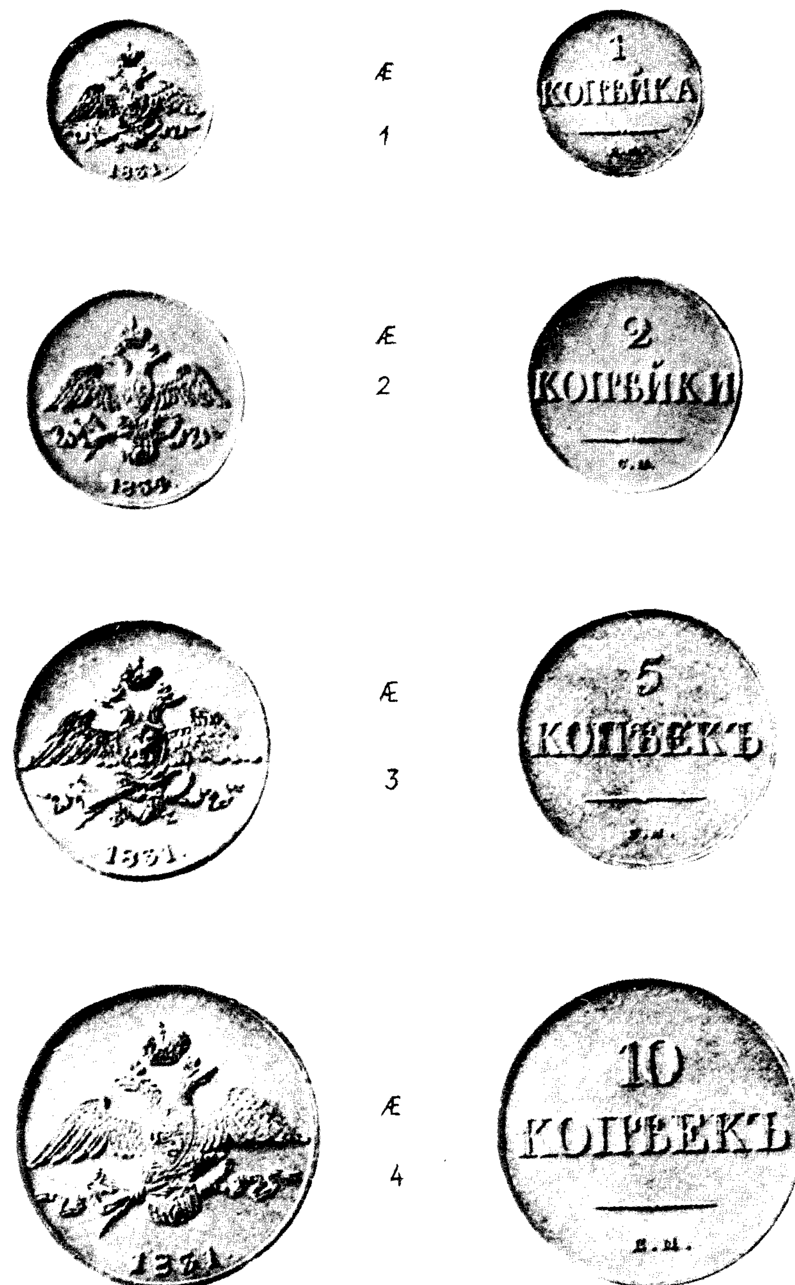

ТАБЛИЦА 189

ТАБЛИЦА 190

ТАБЛИЦА 191

ТАБЛИЦА 192

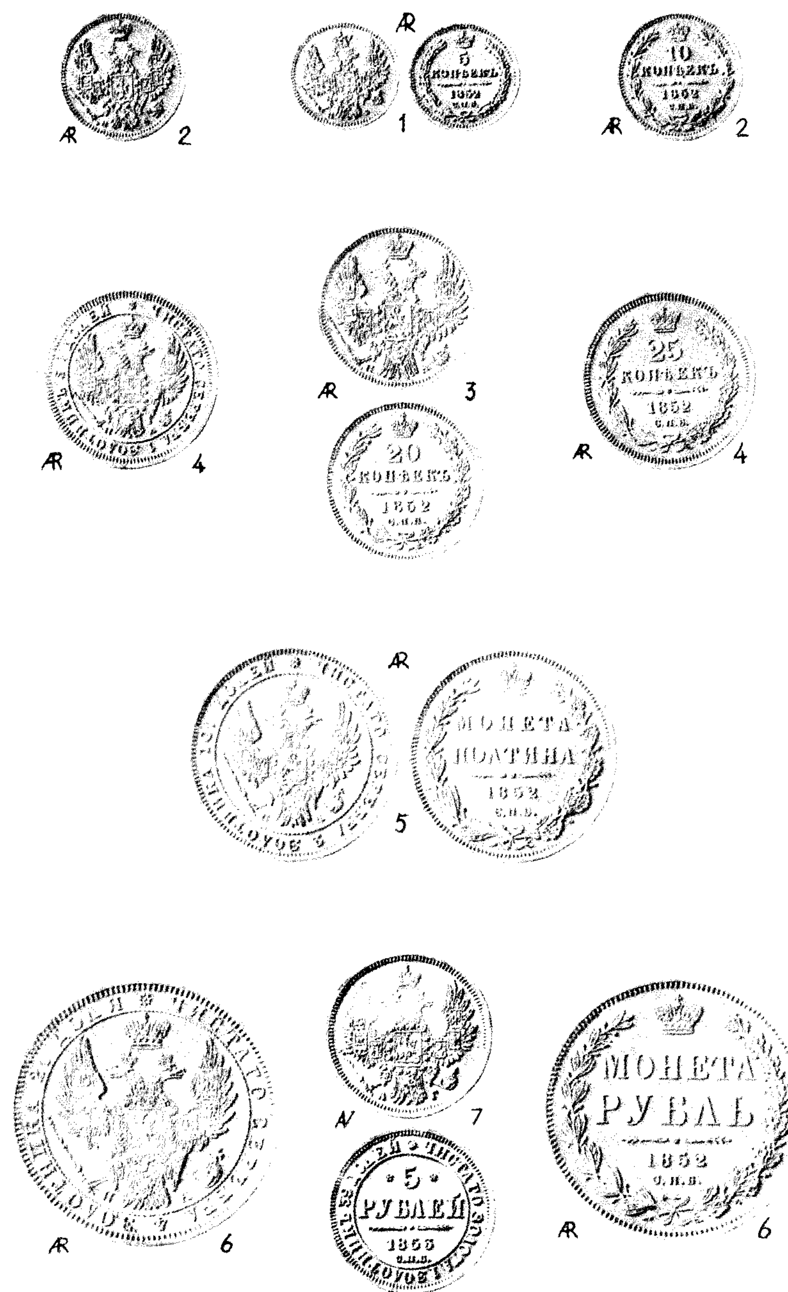

ТАБЛИЦА 193

ТАБЛИЦА 194

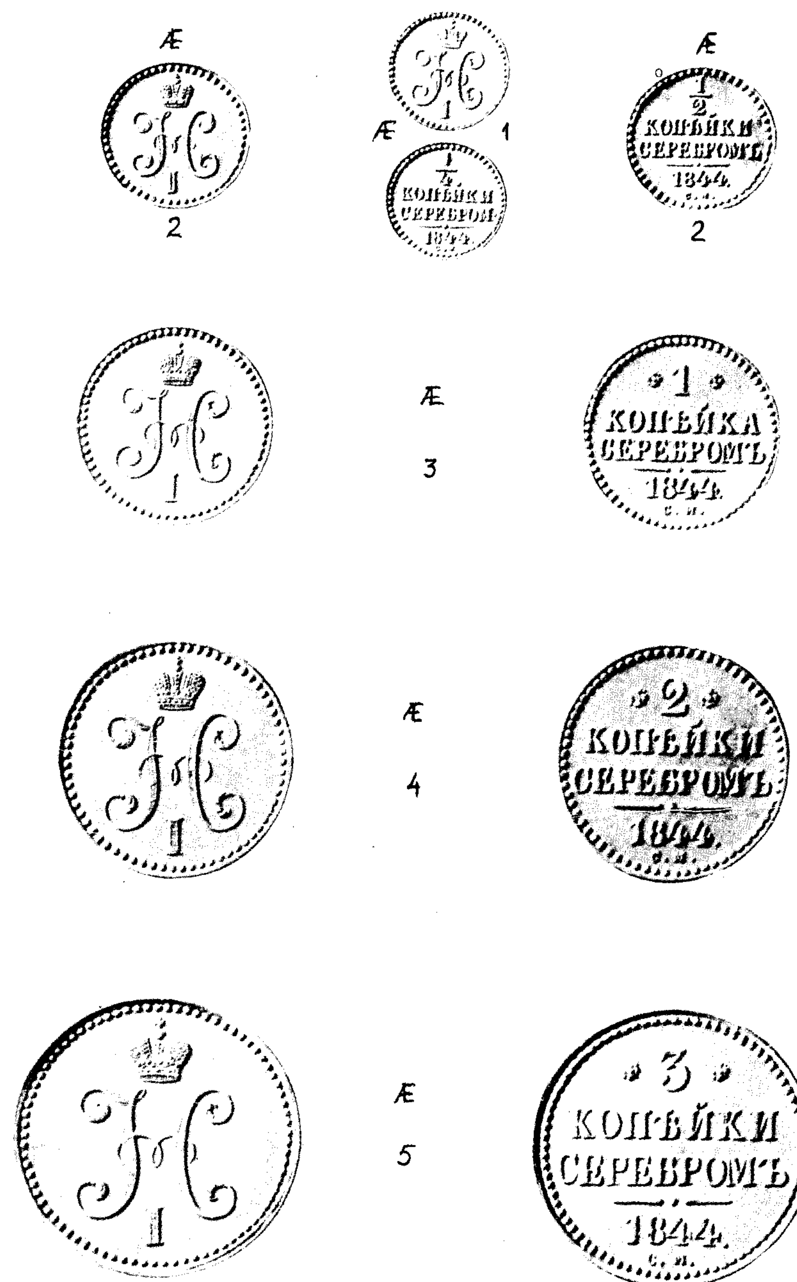
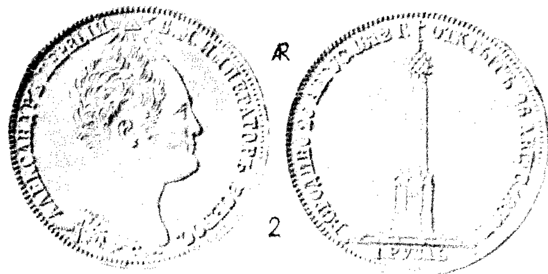

ТАБЛИЦА 195

AR 1

AR 2

AR 3

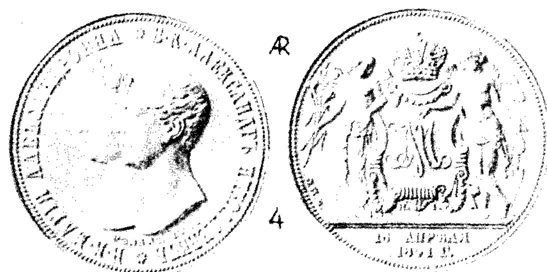
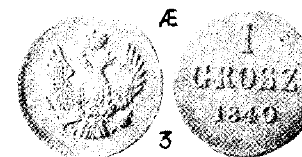

AR 4

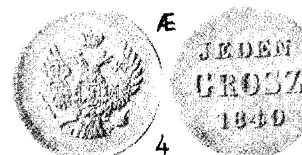
ТАБЛИЦА 196

Æ 1

Æ 2

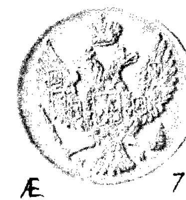
Æ 3

Æ 4

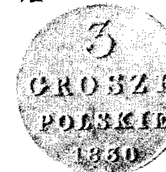

5

6

7

Æ

Æ

Æ

ТАБЛИЦА 197

ТАБЛИЦА 198

ТАБЛИЦА 199

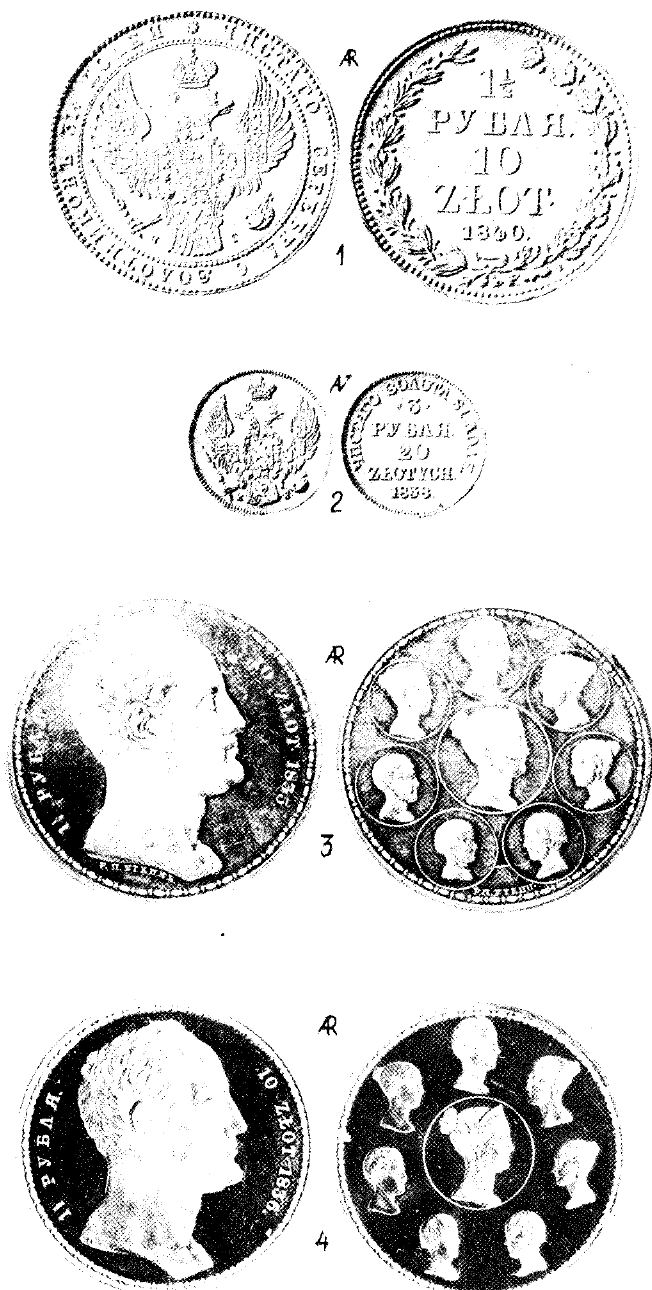

ТАБЛИЦА 200

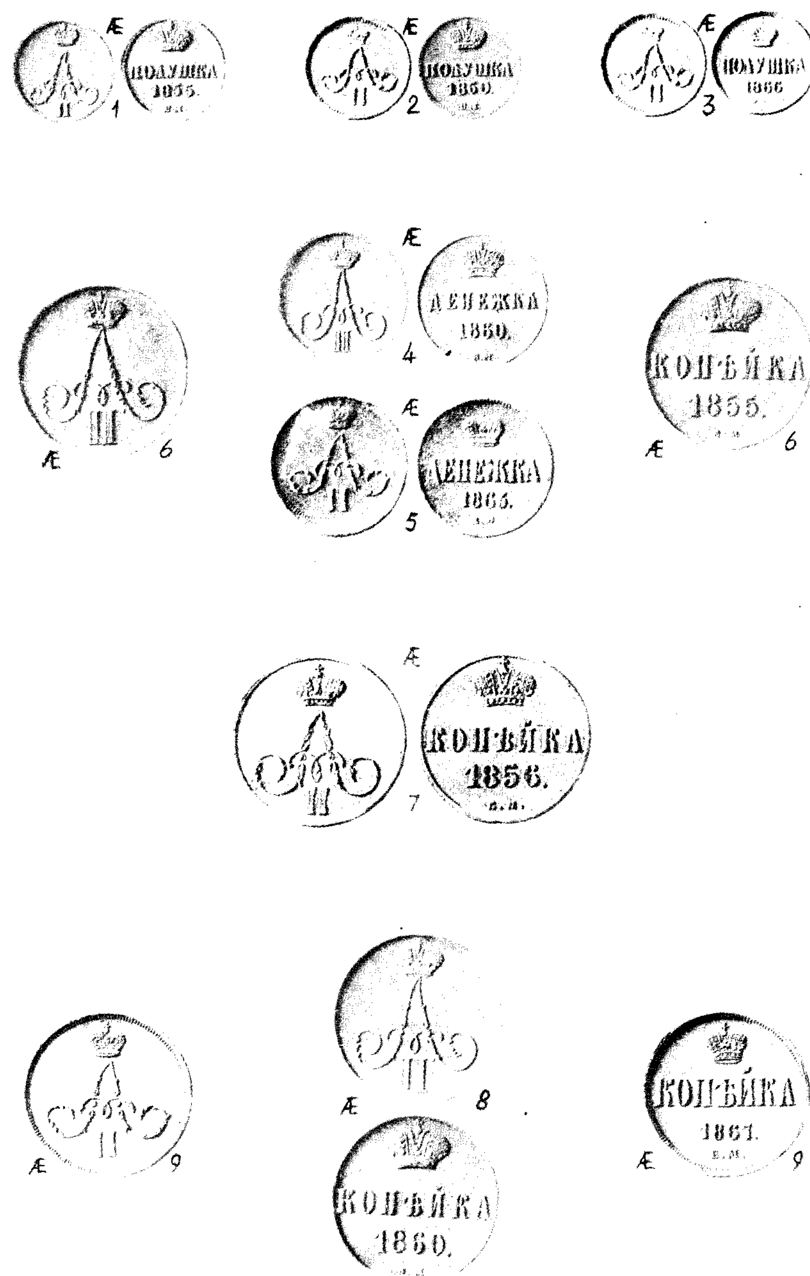

ТАБЛИЦА 201

ТАБЛИЦА 202

ТАБЛИЦА 203

ТАБЛИЦА 204

ТАБЛИЦА 205

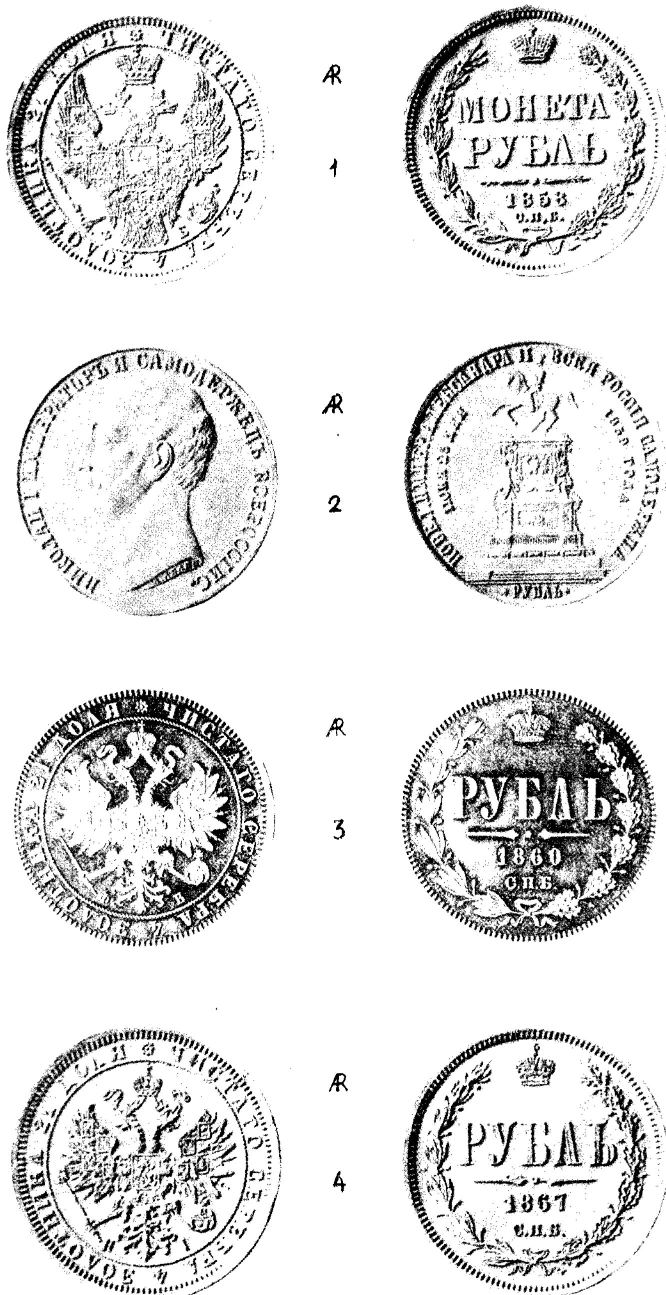

ТАБЛИЦА 206

ТАБЛИЦА 207

ТАБЛИЦА 208

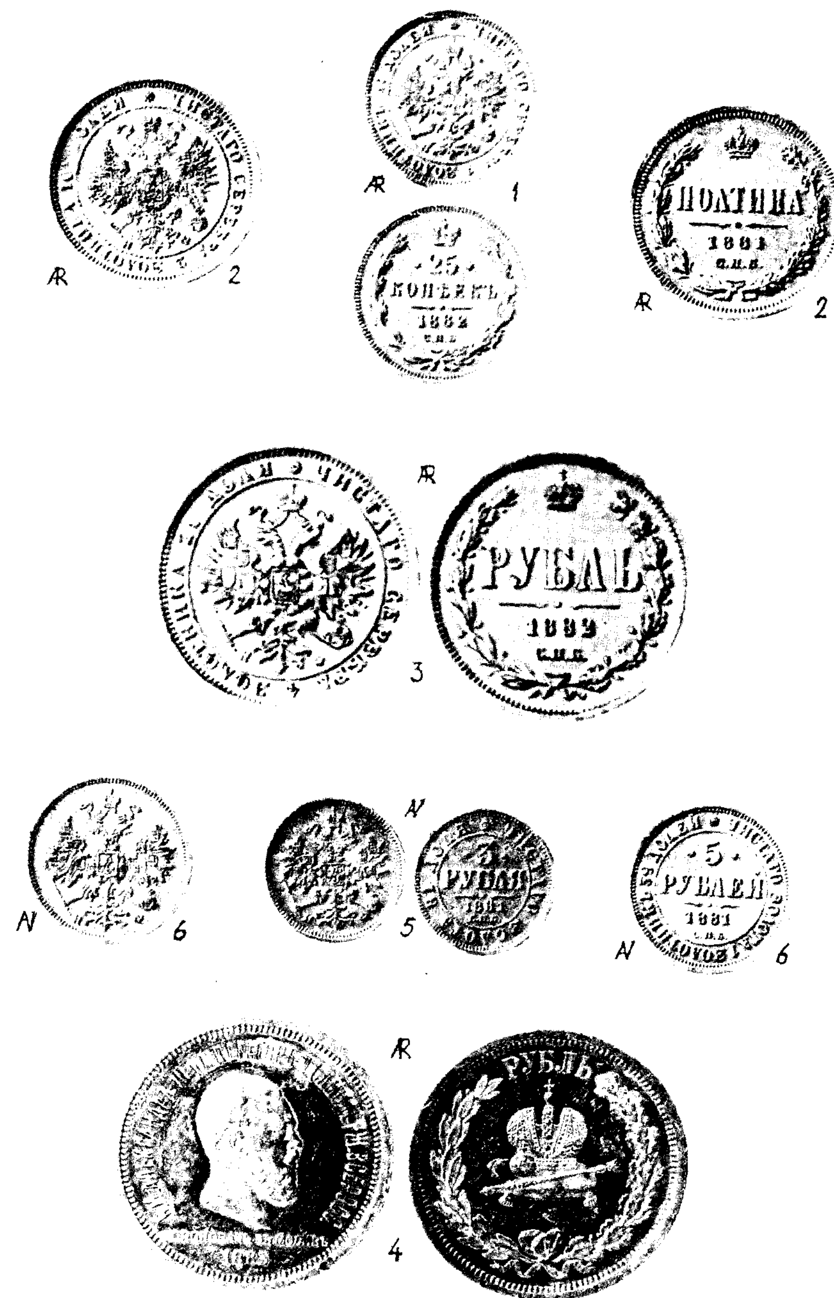

ТАБЛИЦА 209

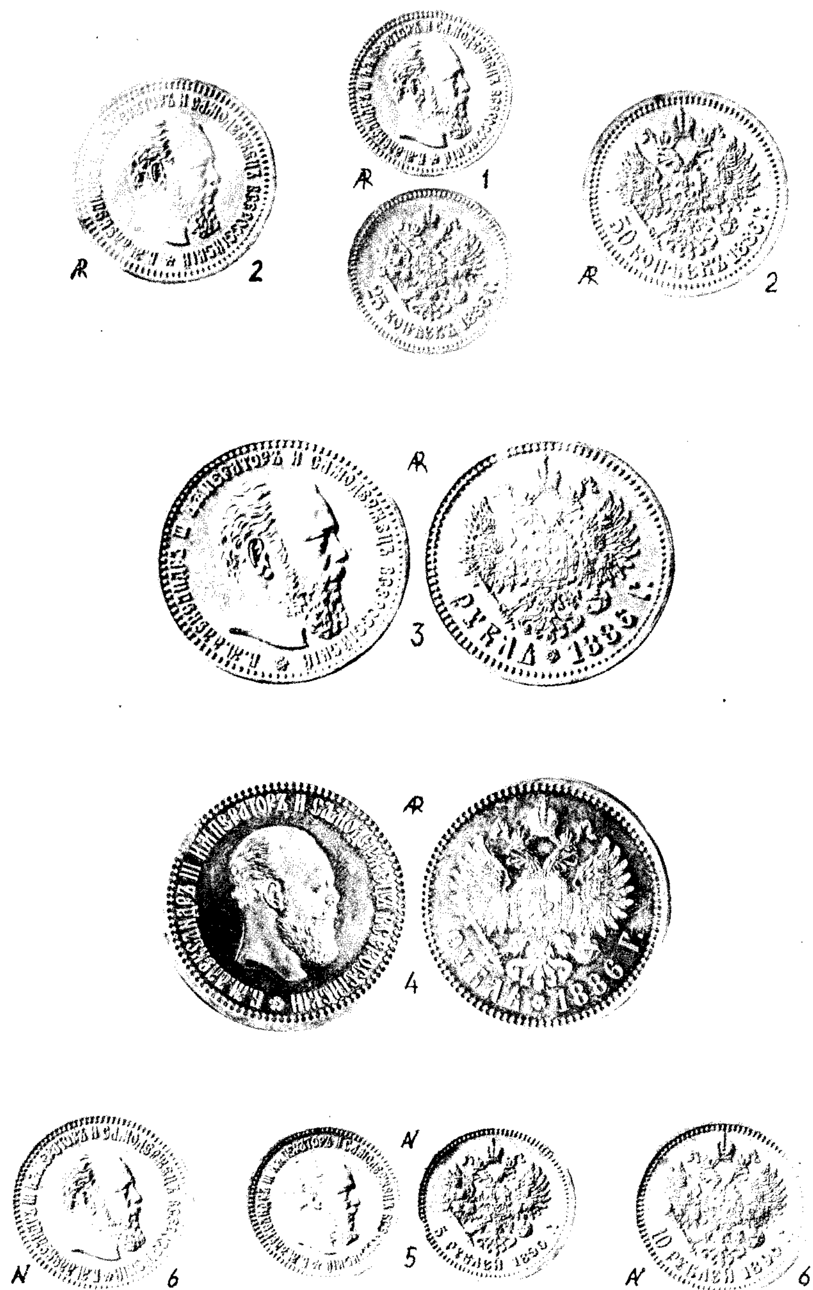

ТАБЛИЦА 210

ТАБЛИЦА 211

ТАБЛИЦА 212

ТАБЛИЦА 213

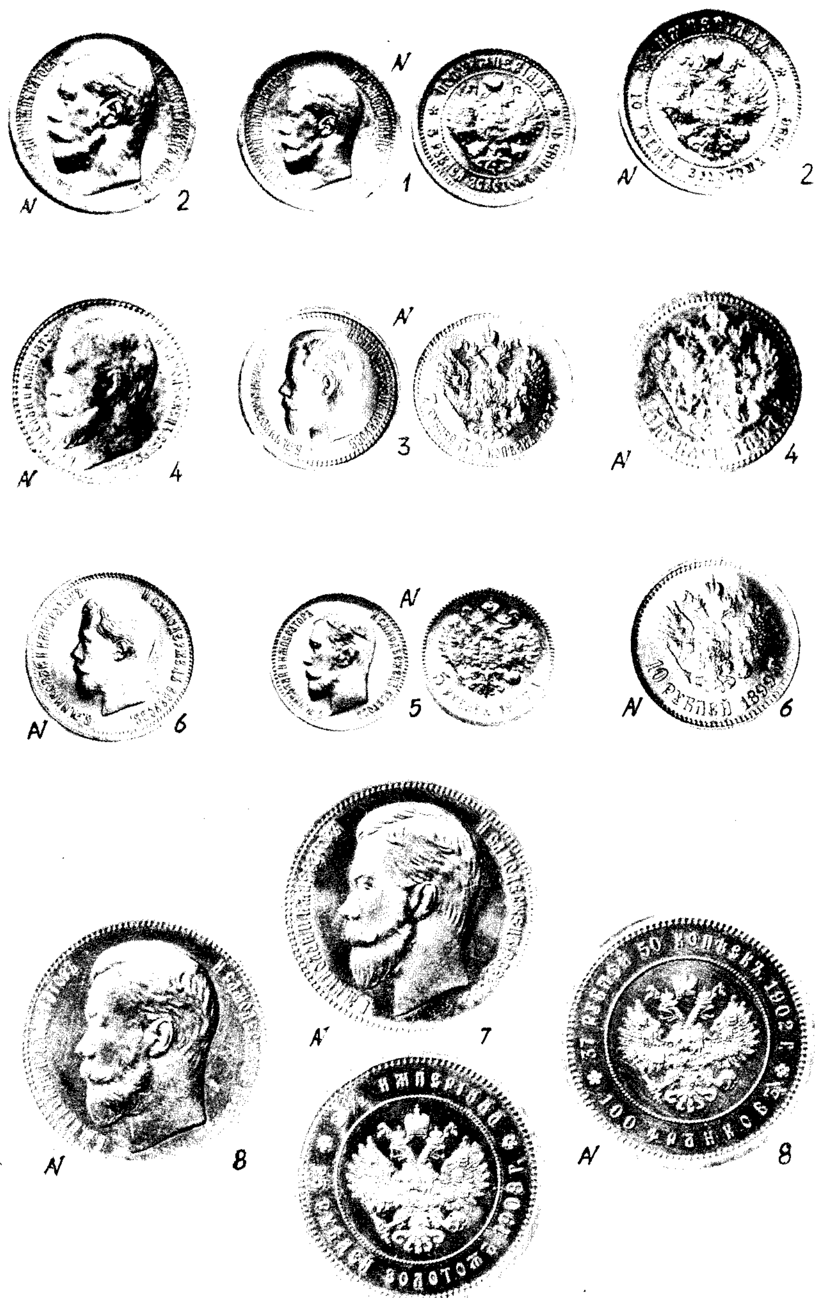

ТАБЛИЦА 214

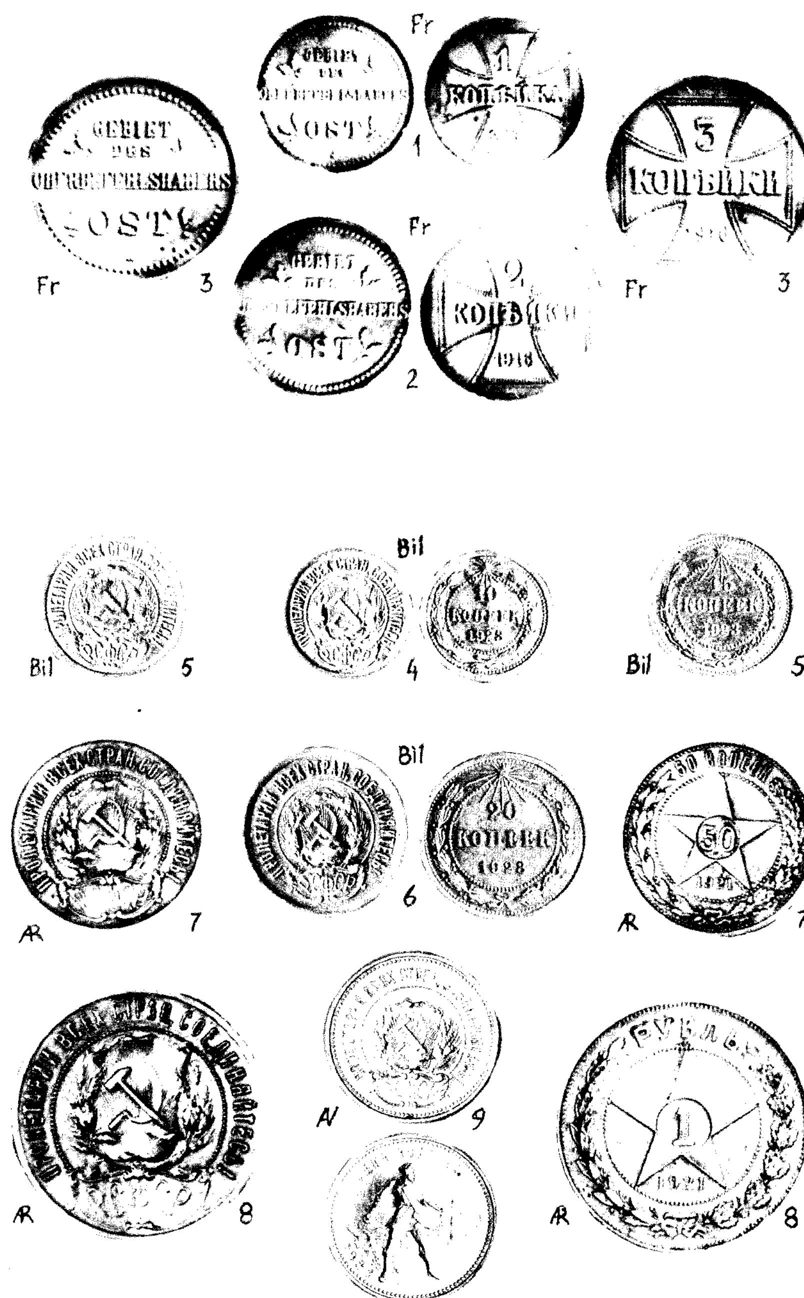

ТАБЛИЦА 215

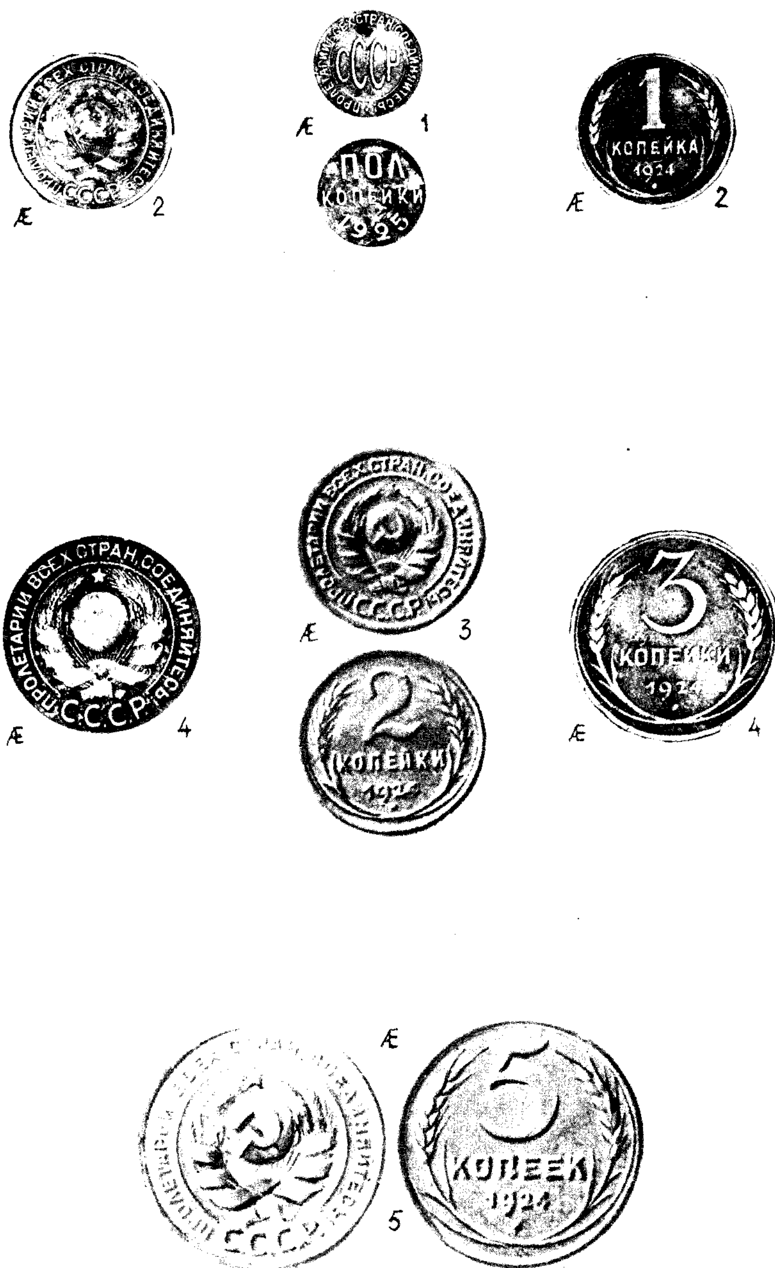

ТАБЛИЦА 216

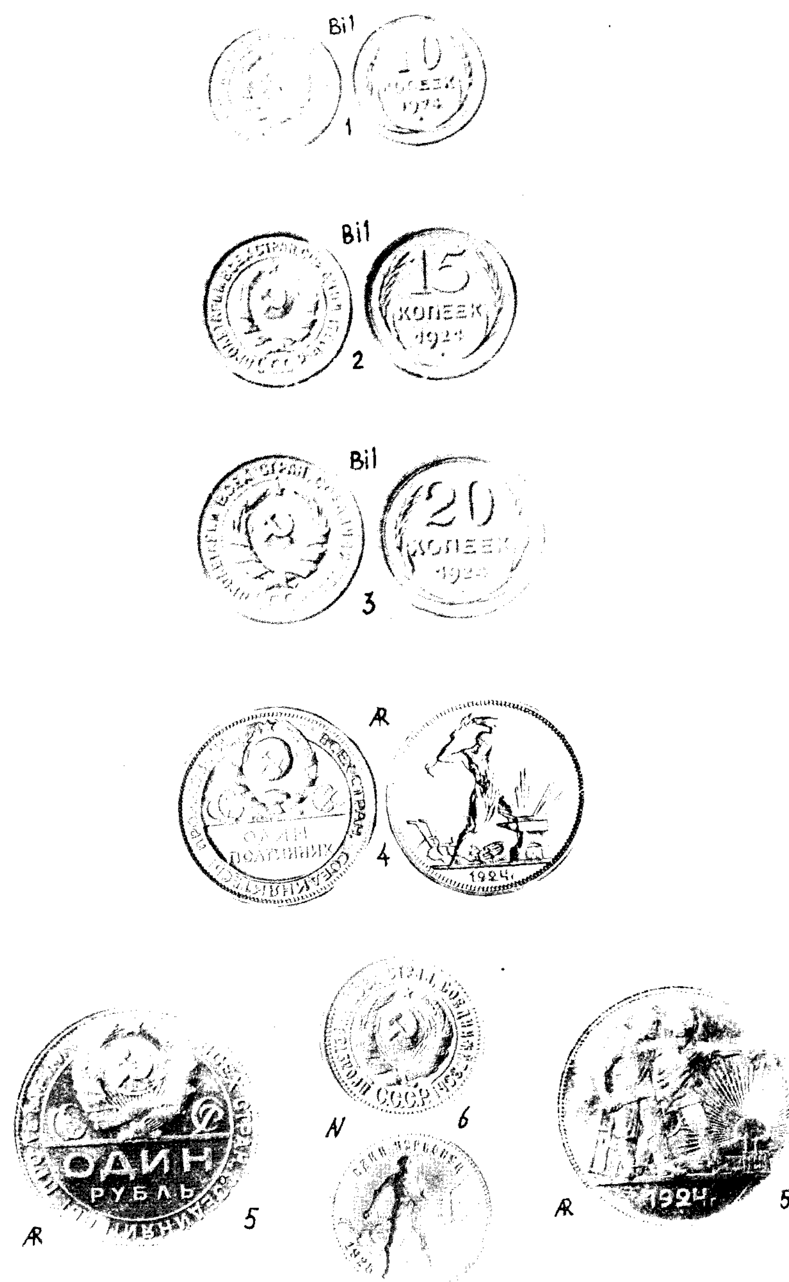

ТАБЛИЦА 217

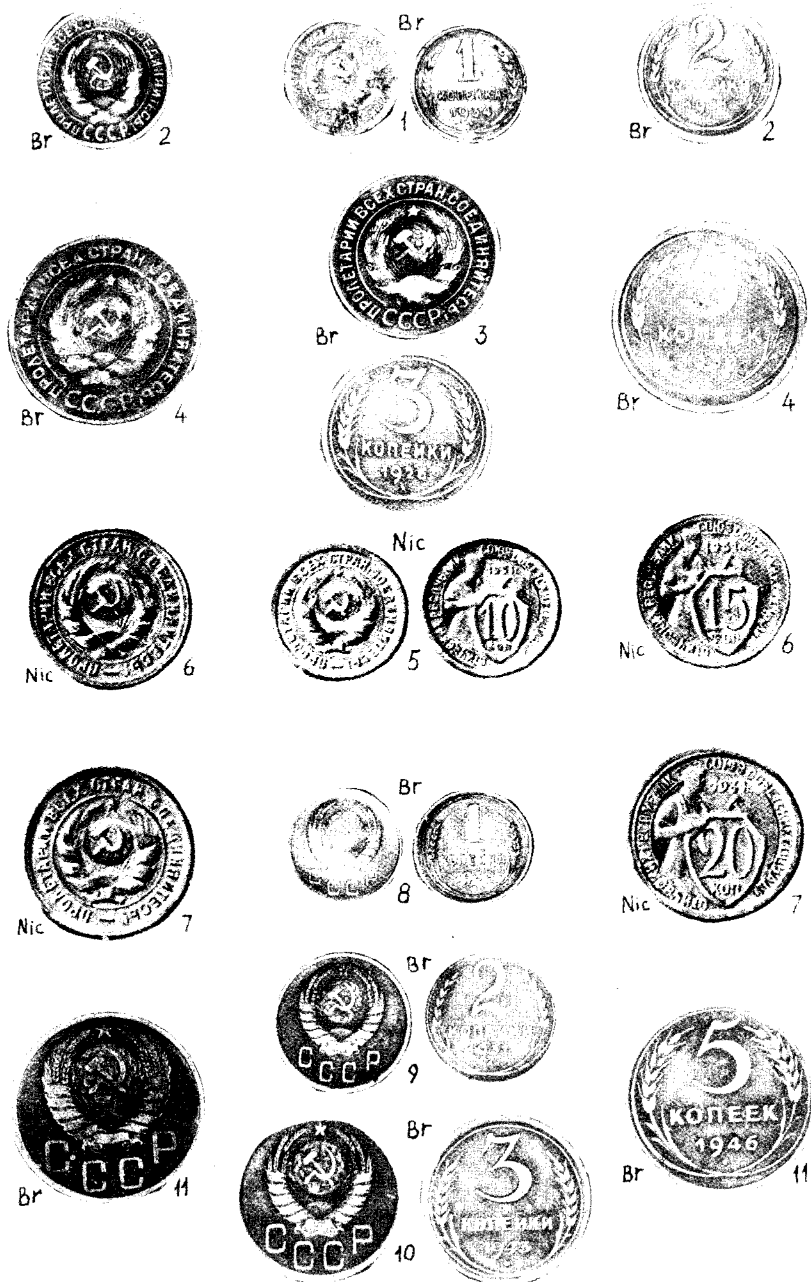

ТАБЛИЦА 218

ТАБЛИЦА 219

ТАБЛИЦА 220

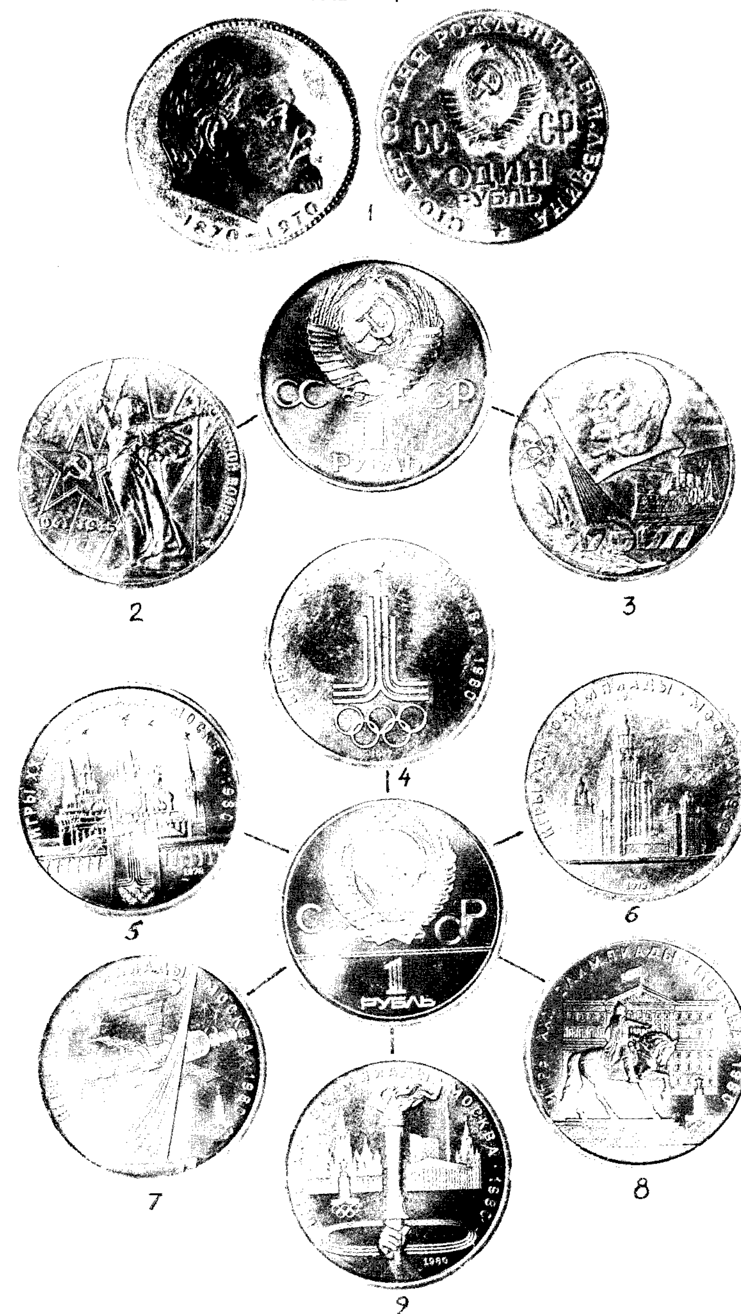

ТАБЛИЦА 221

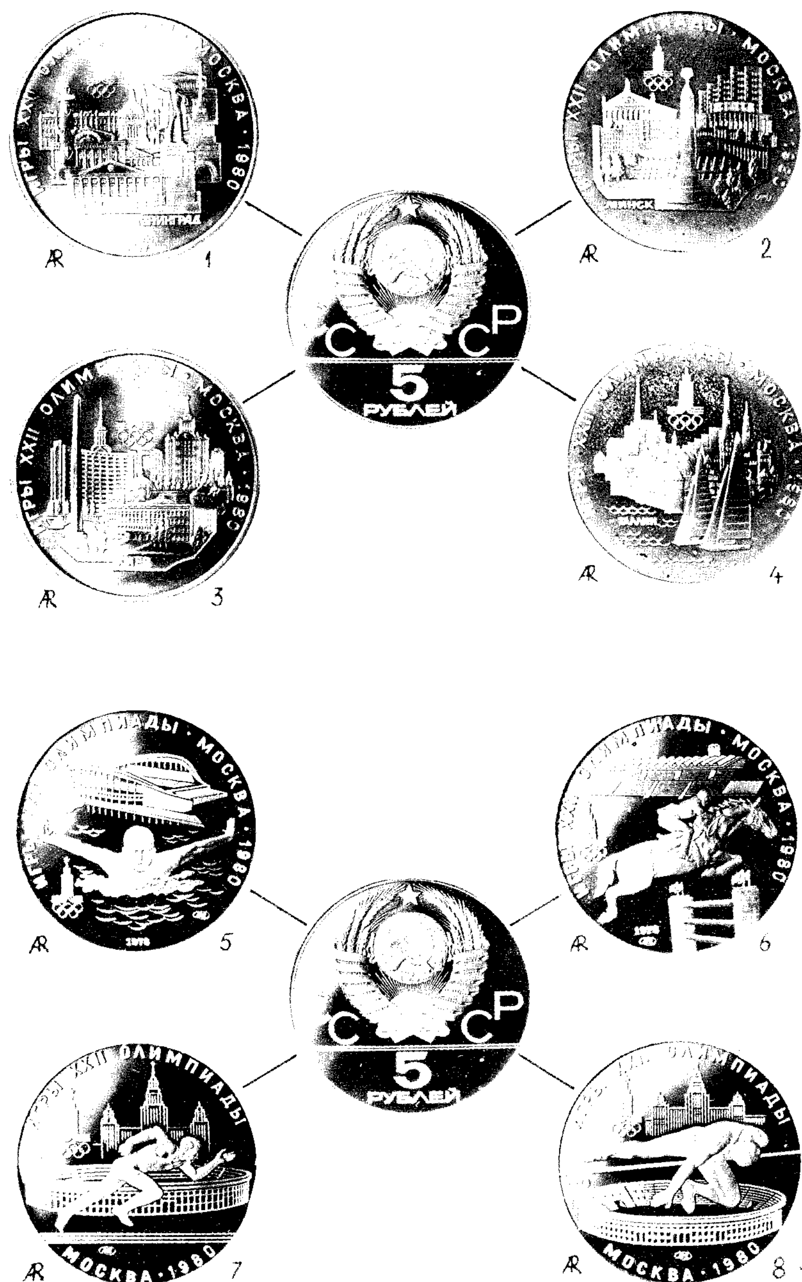

ТАБЛИЦА 222

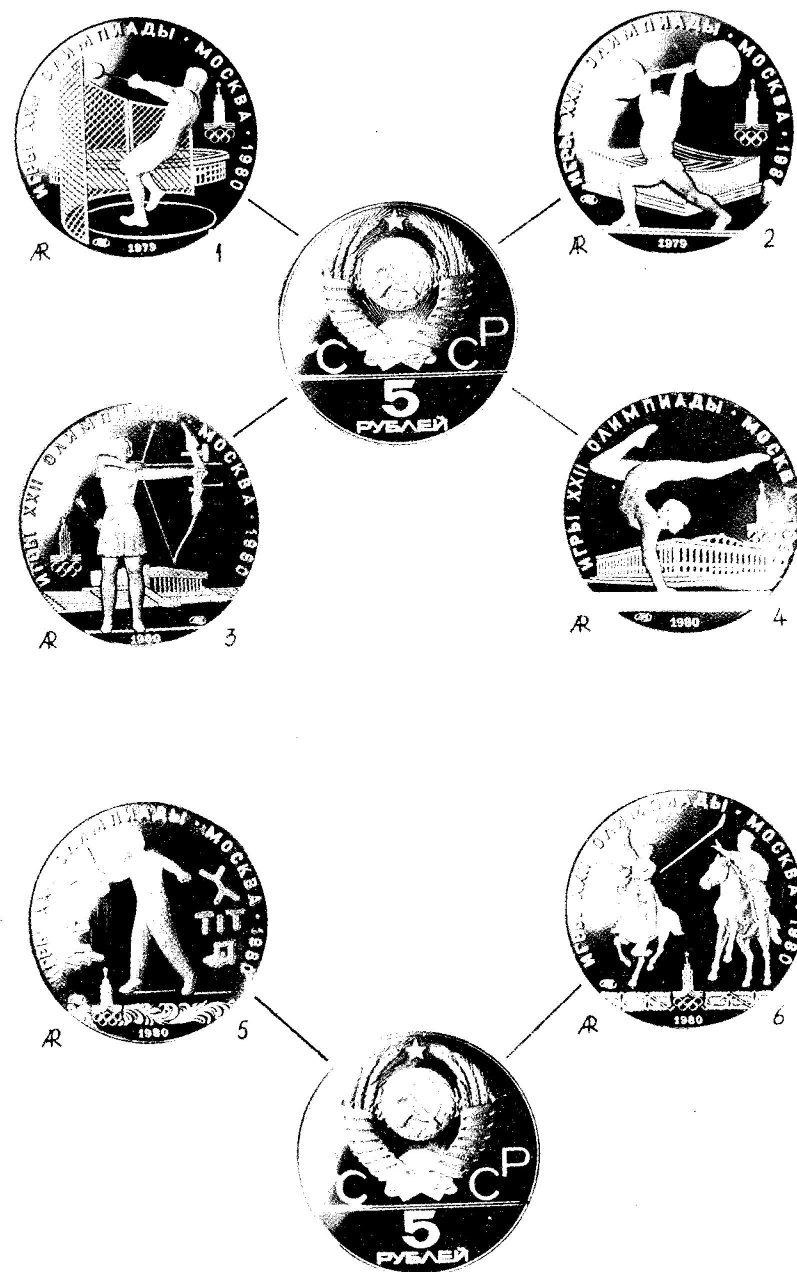

ТАБЛИЦА 223

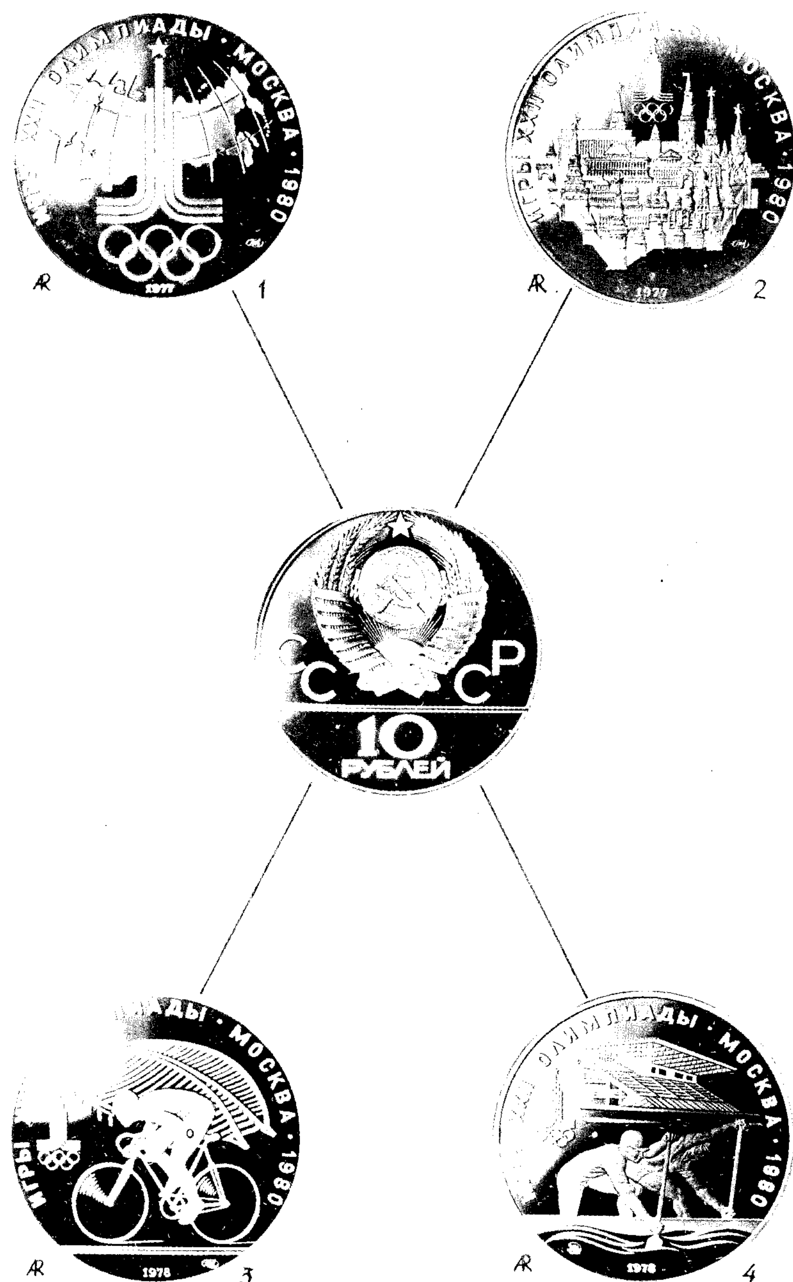

ТАБЛИЦА 224

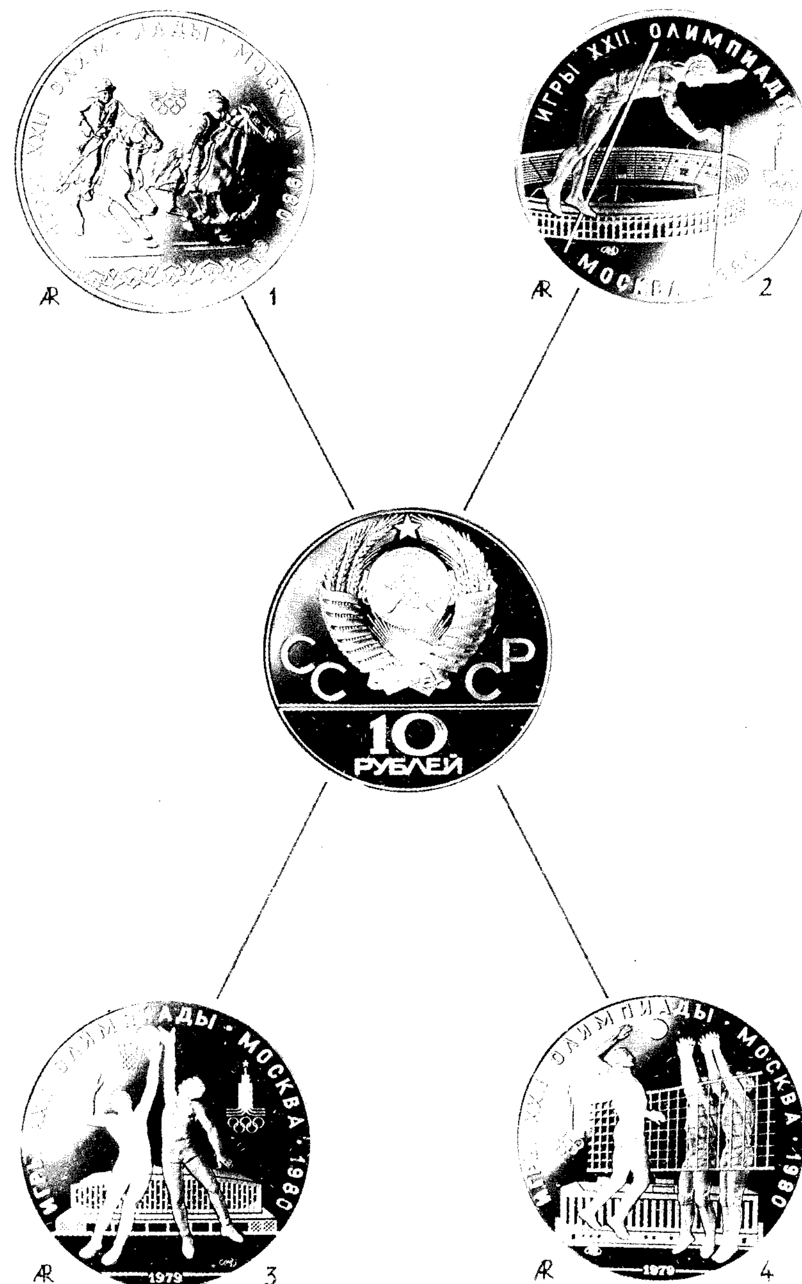

ТАБЛИЦА 225

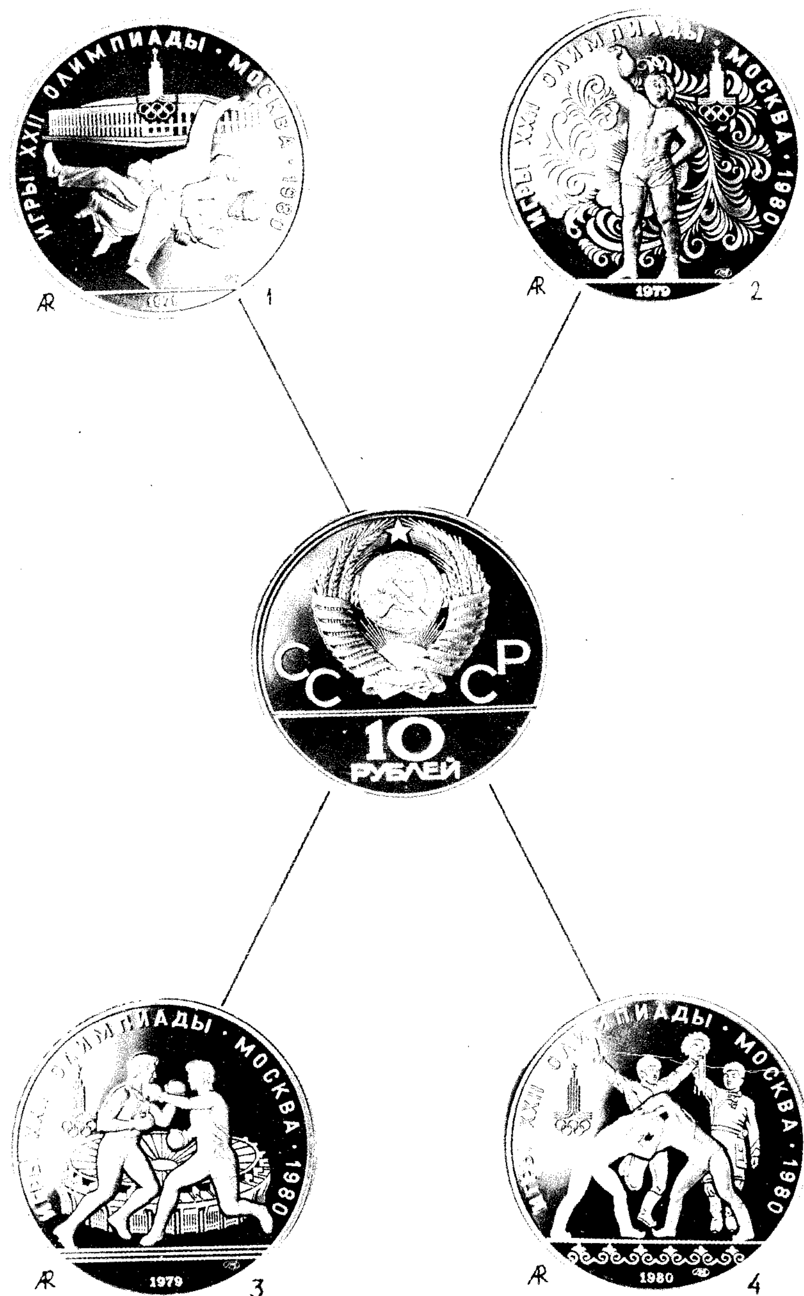

ТАБЛИЦА 226

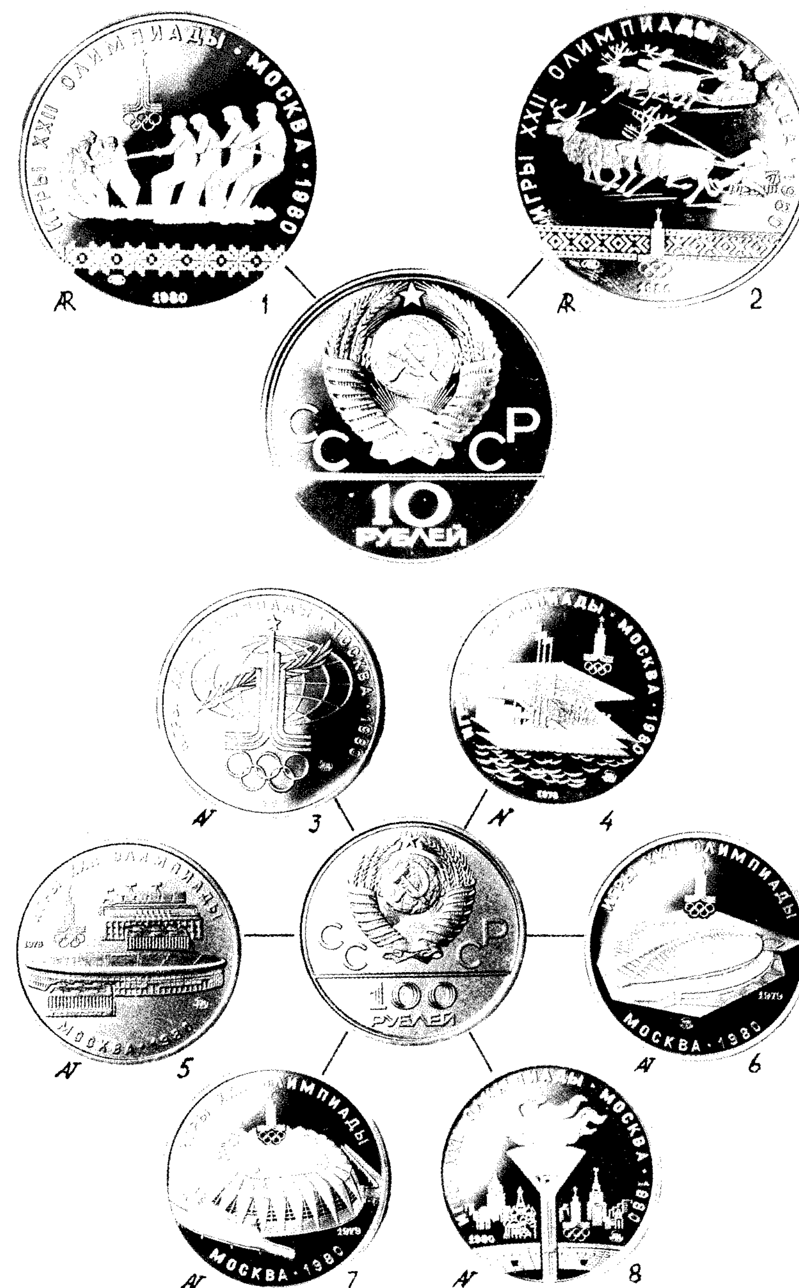

ТАБЛИЦА 227

ТАБЛИЦА 228

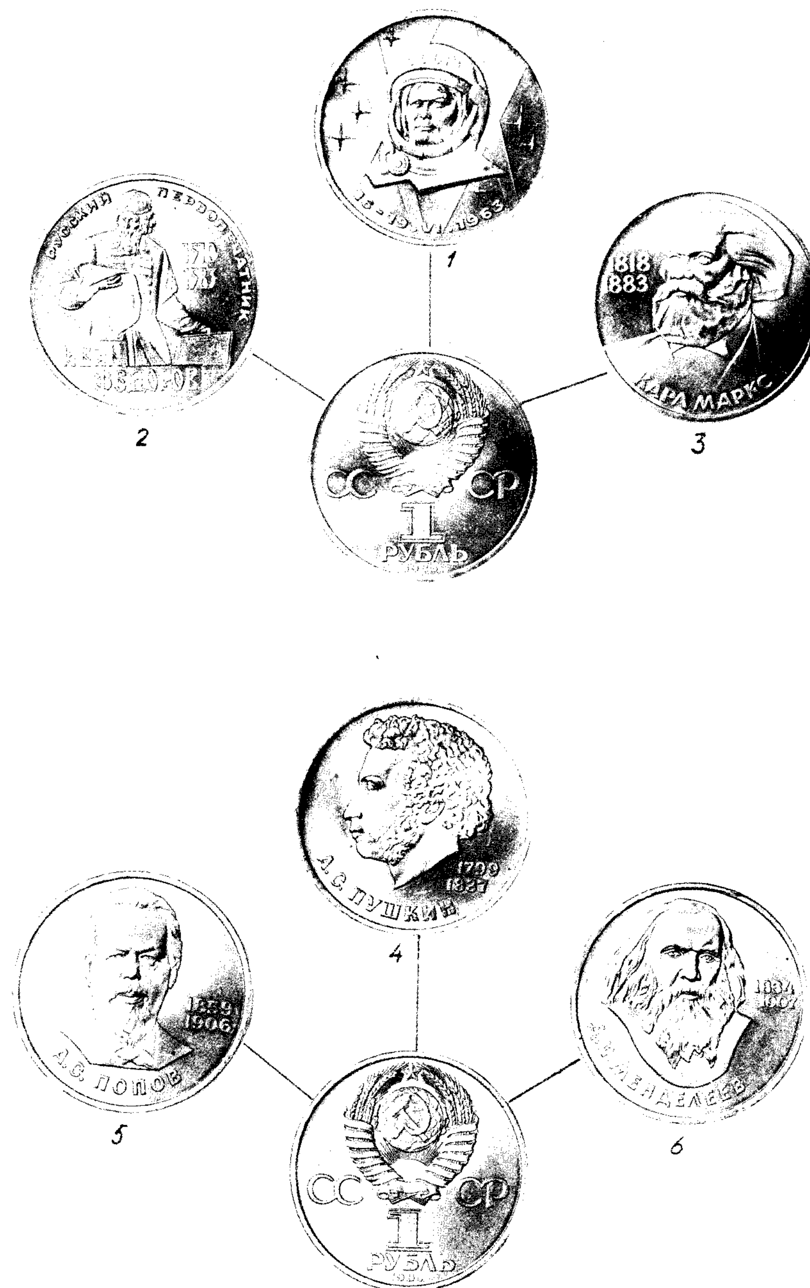

ТАБЛИЦА 229

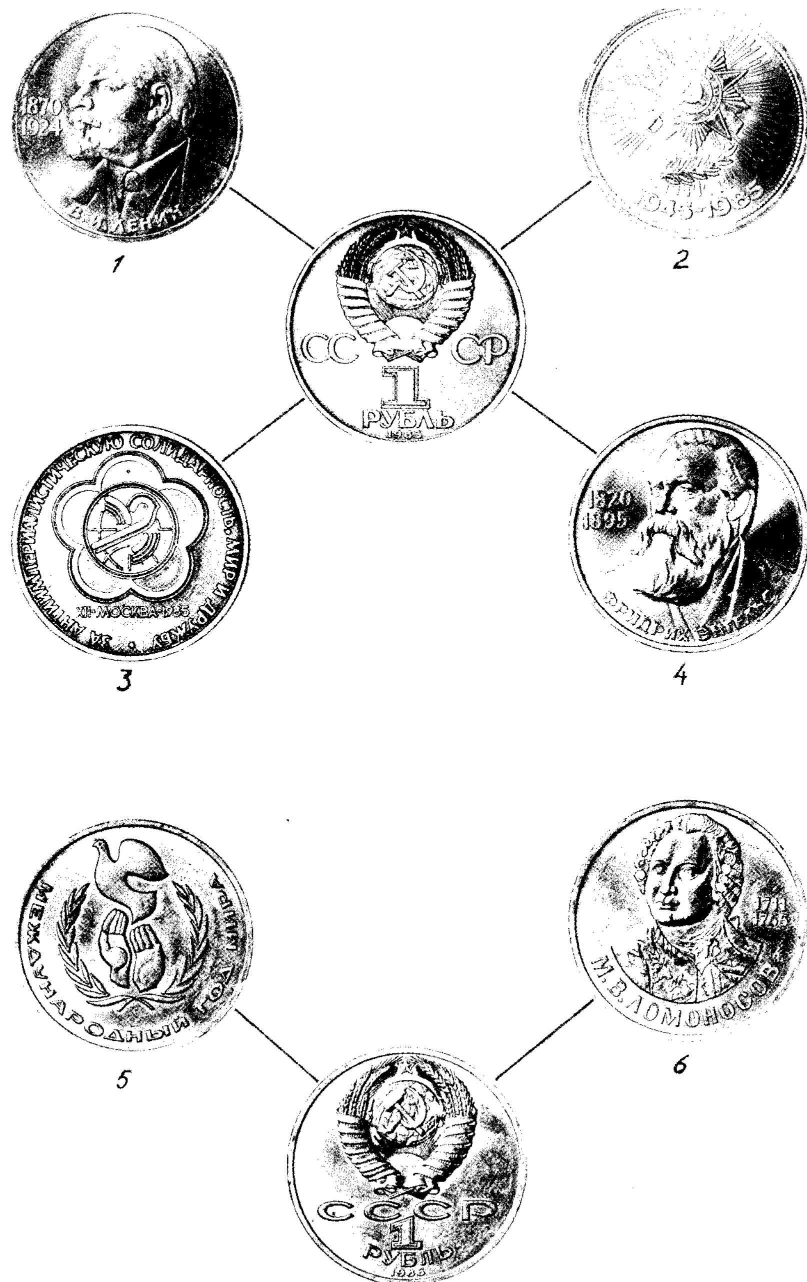

ТАБЛИЦА 230

ТАБЛИЦА 231

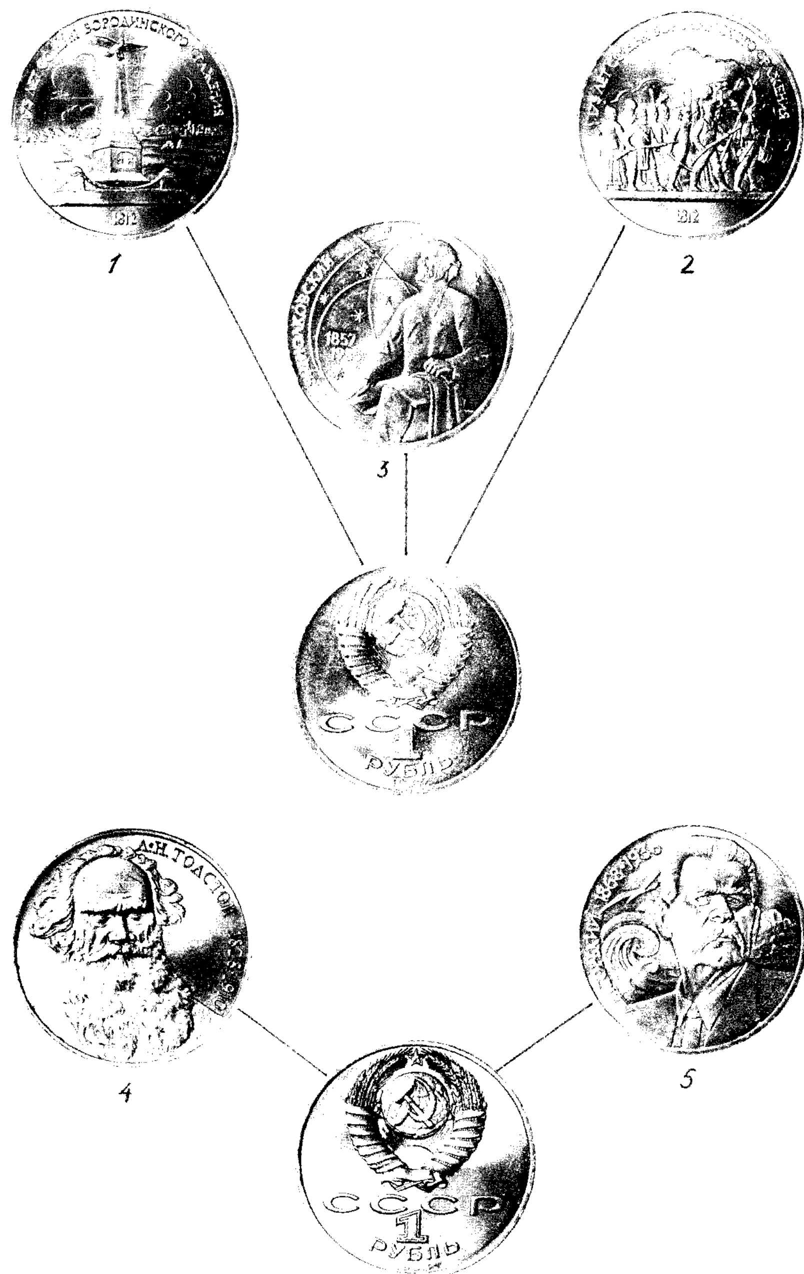

ТАБЛИЦА 232

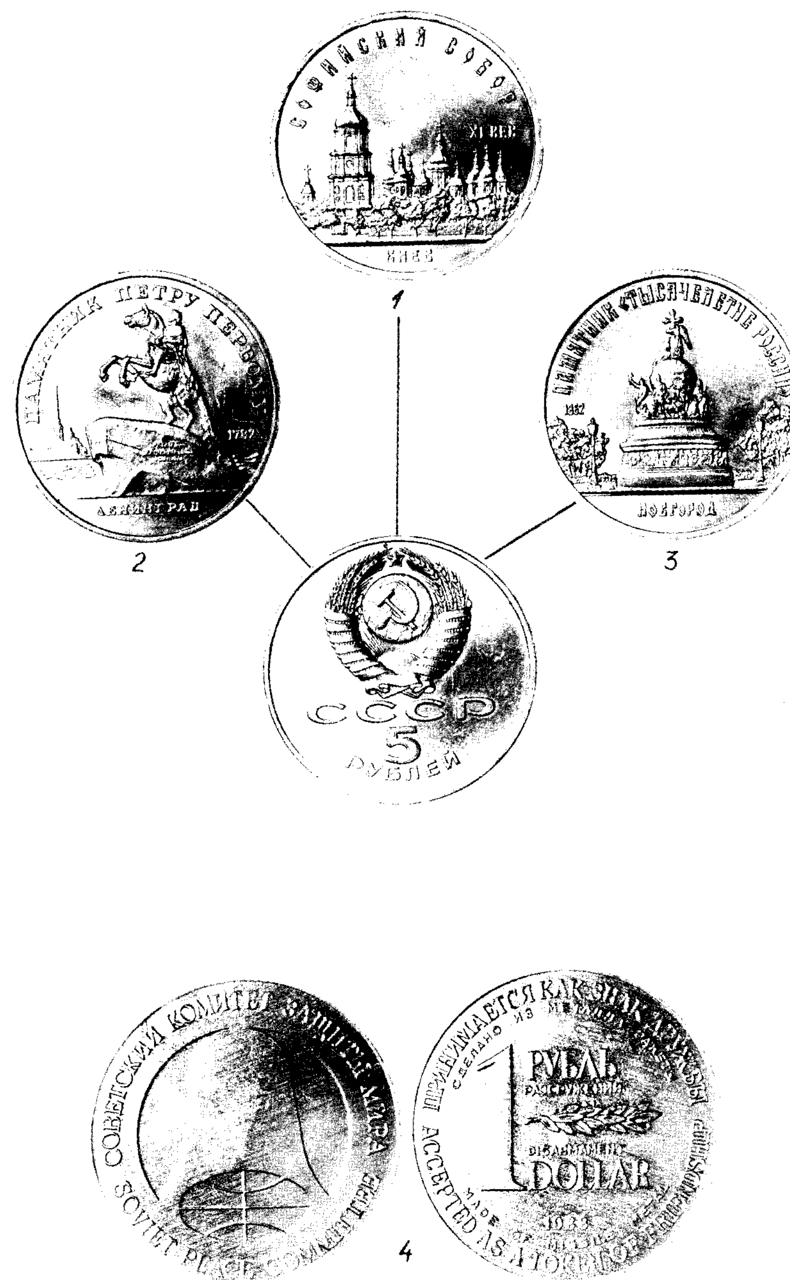

ТАБЛИЦА 233

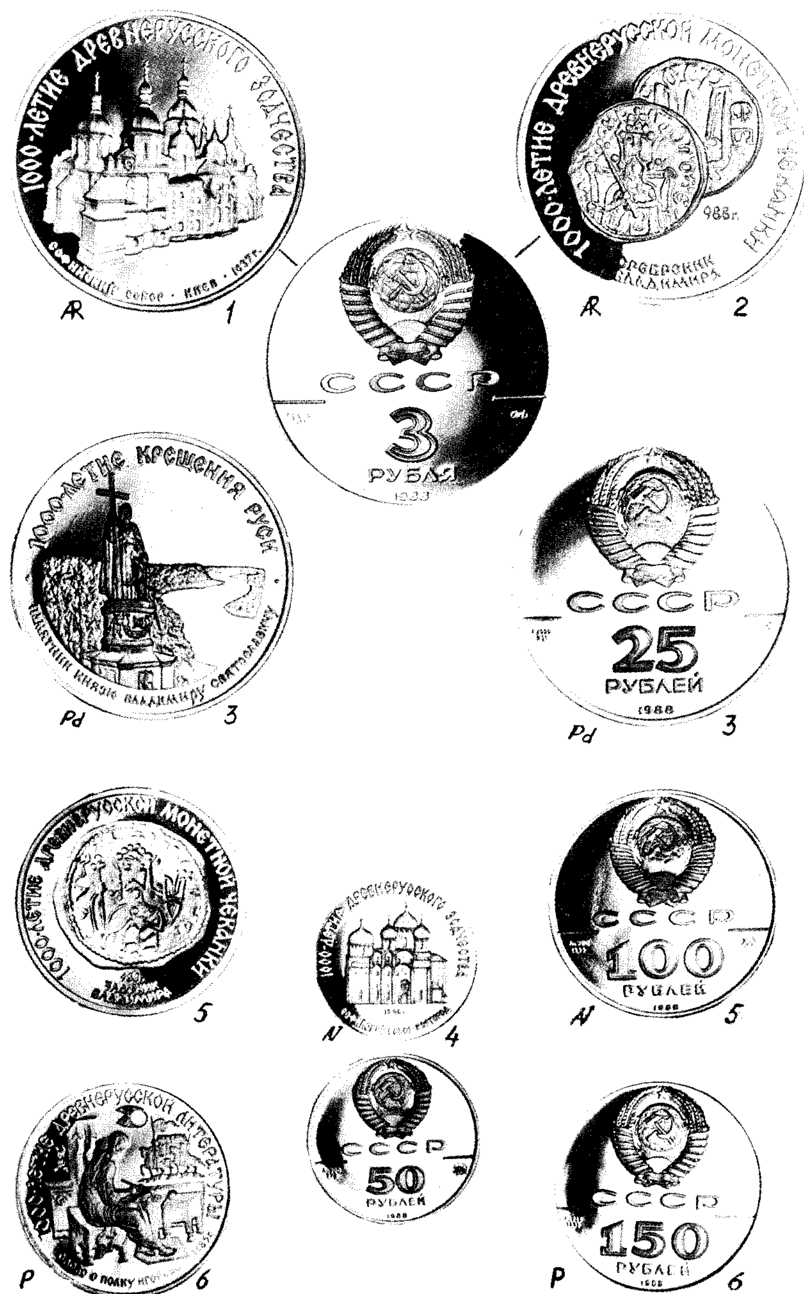

ТАБЛИЦА 234

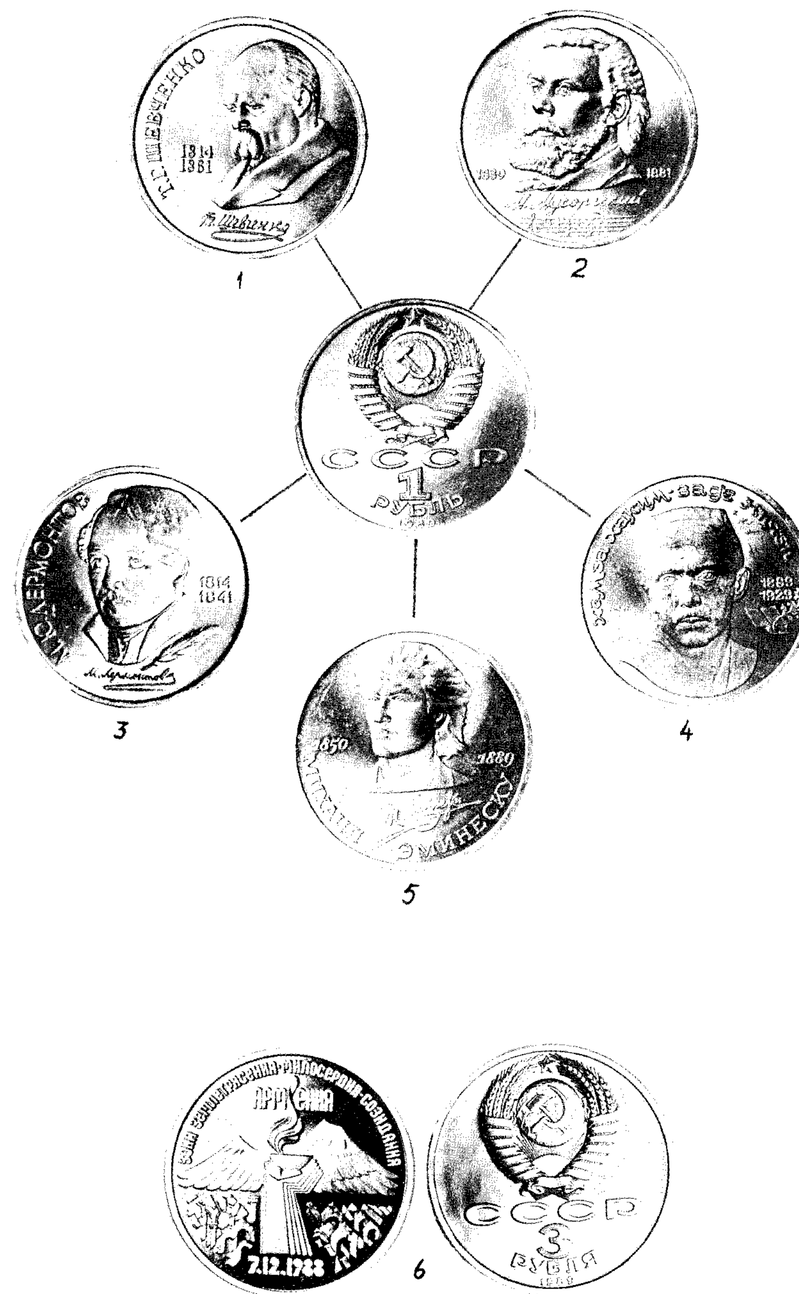
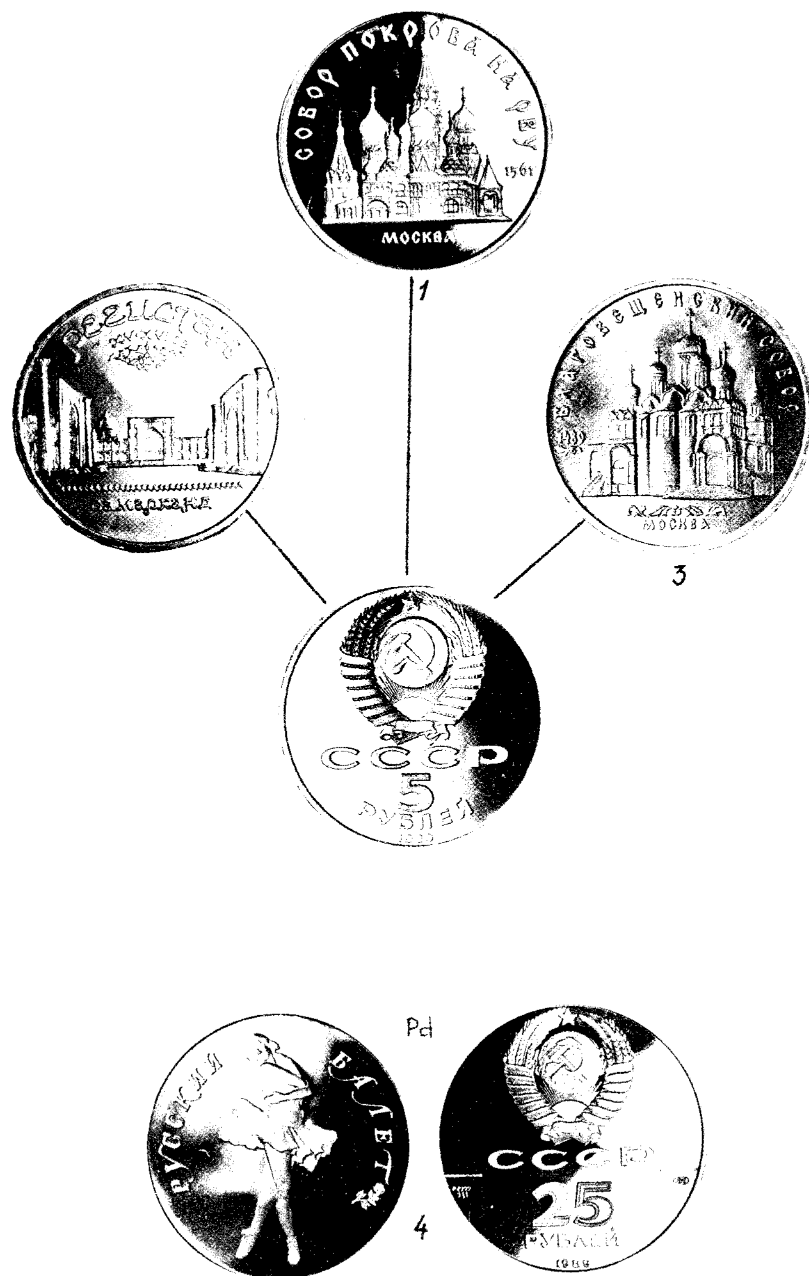

ТАБЛИЦА 235

1

3

Pd

4

ТАБЛИЦА 236

AR 1

AR 2

Pd

3

AV 5

AV 4

AV 5

P 6

P 6

ТАБЛИЦА 237

ТАБЛИЦА 238

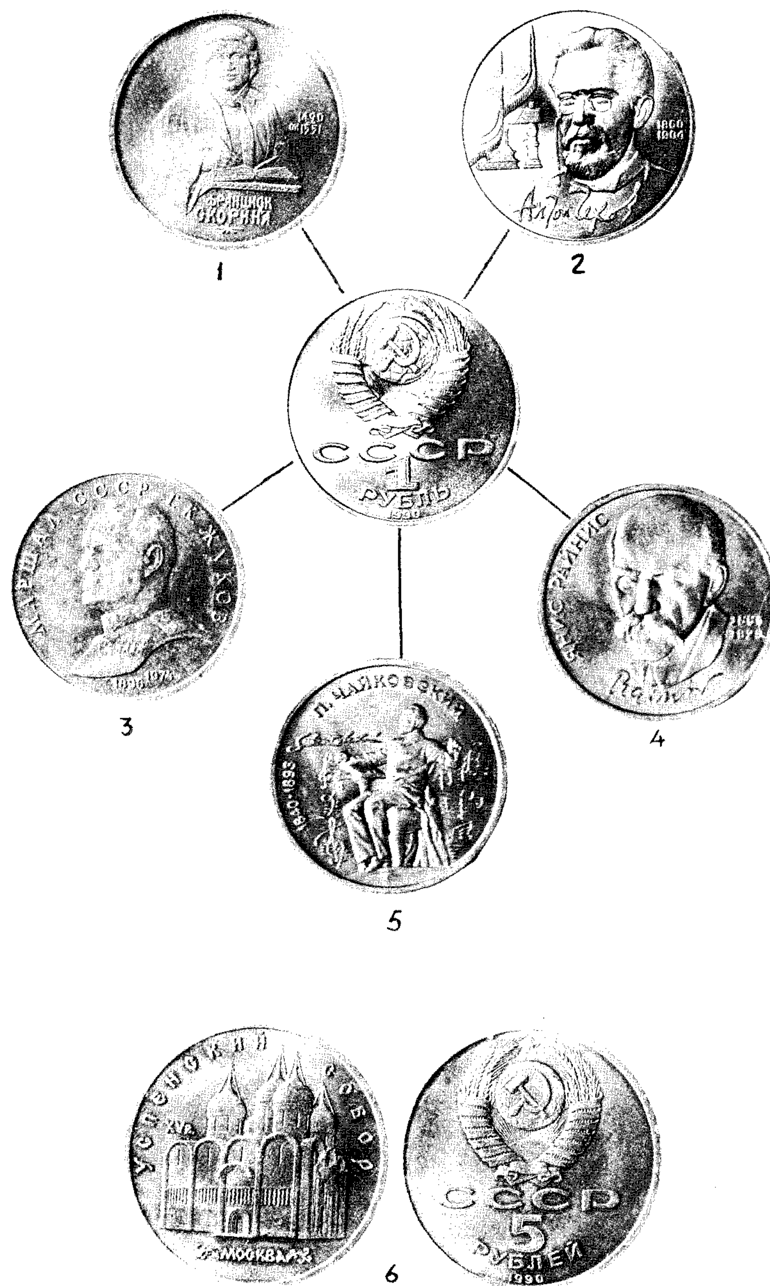

ТАБЛИЦА 239

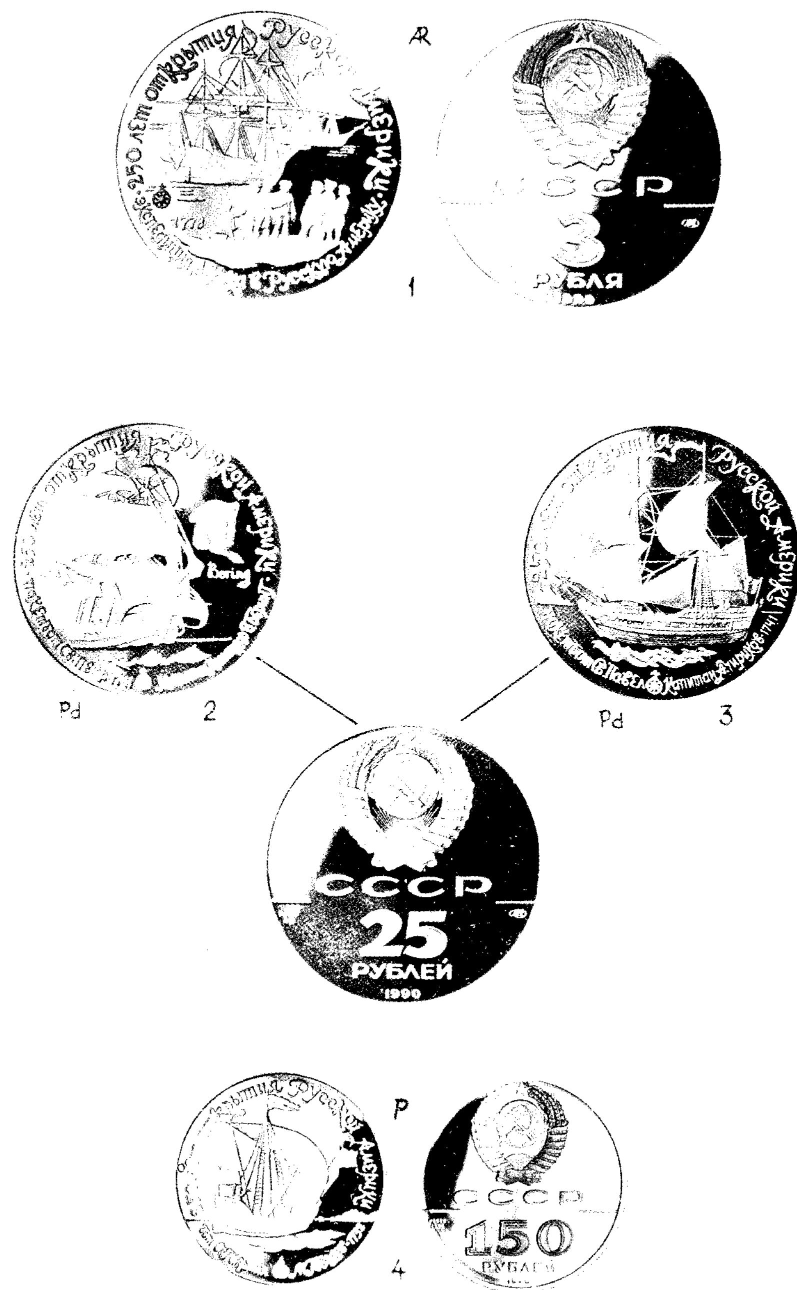

ТАБЛИЦА 240

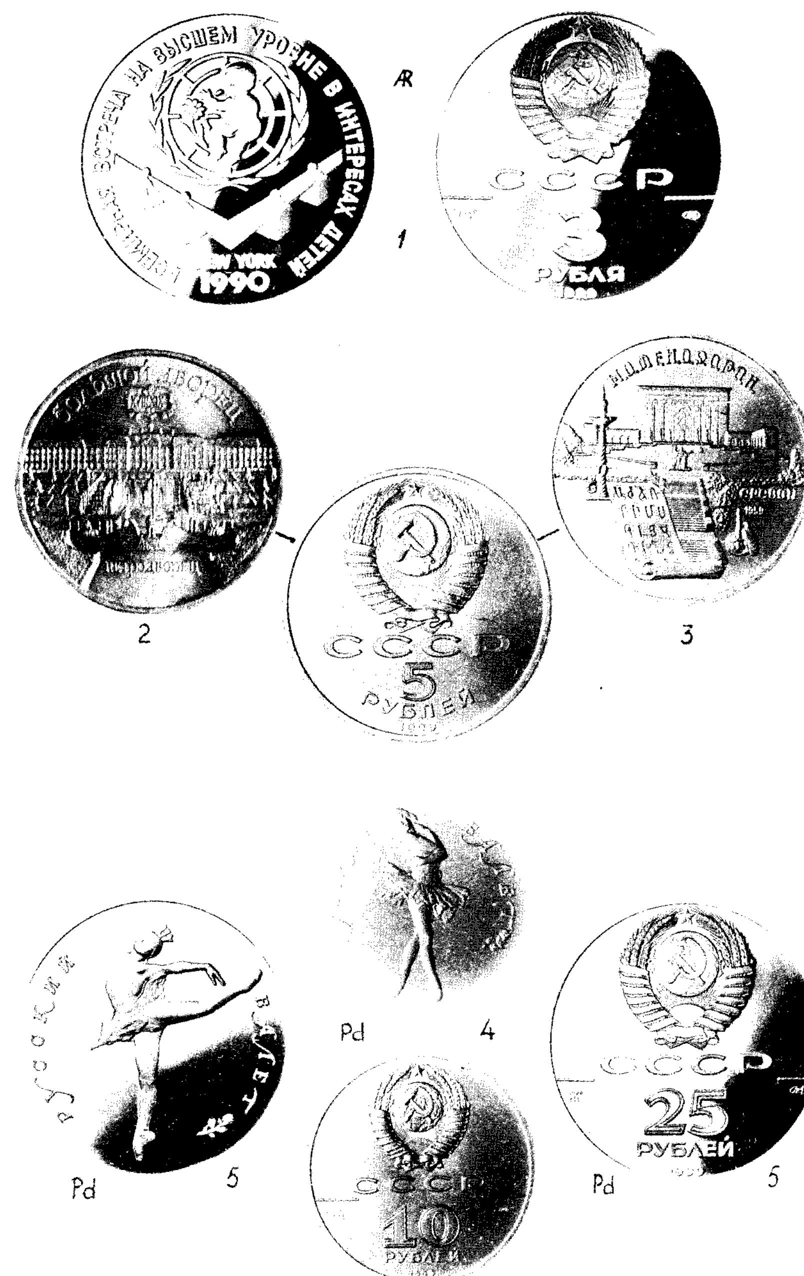

ТАБЛИЦА 241

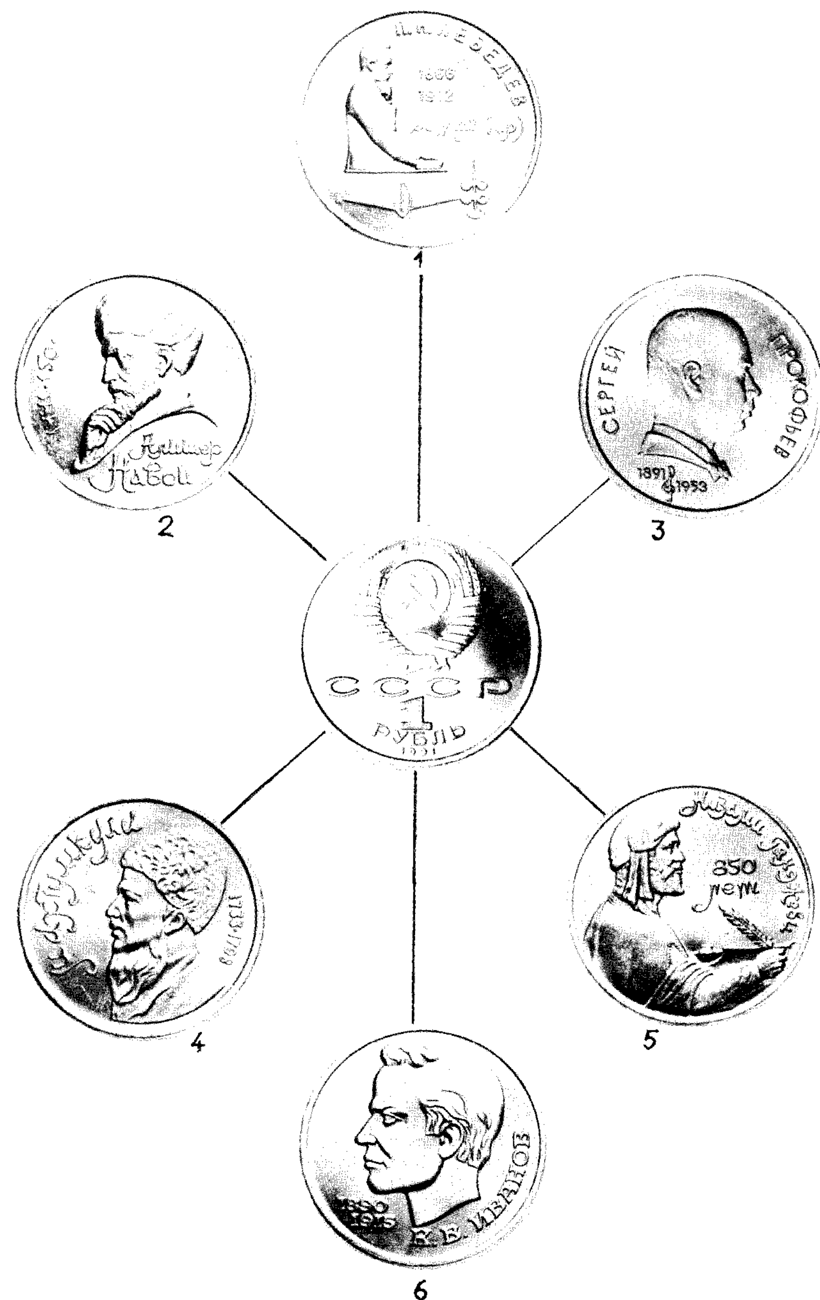

ТАБЛИЦА 242

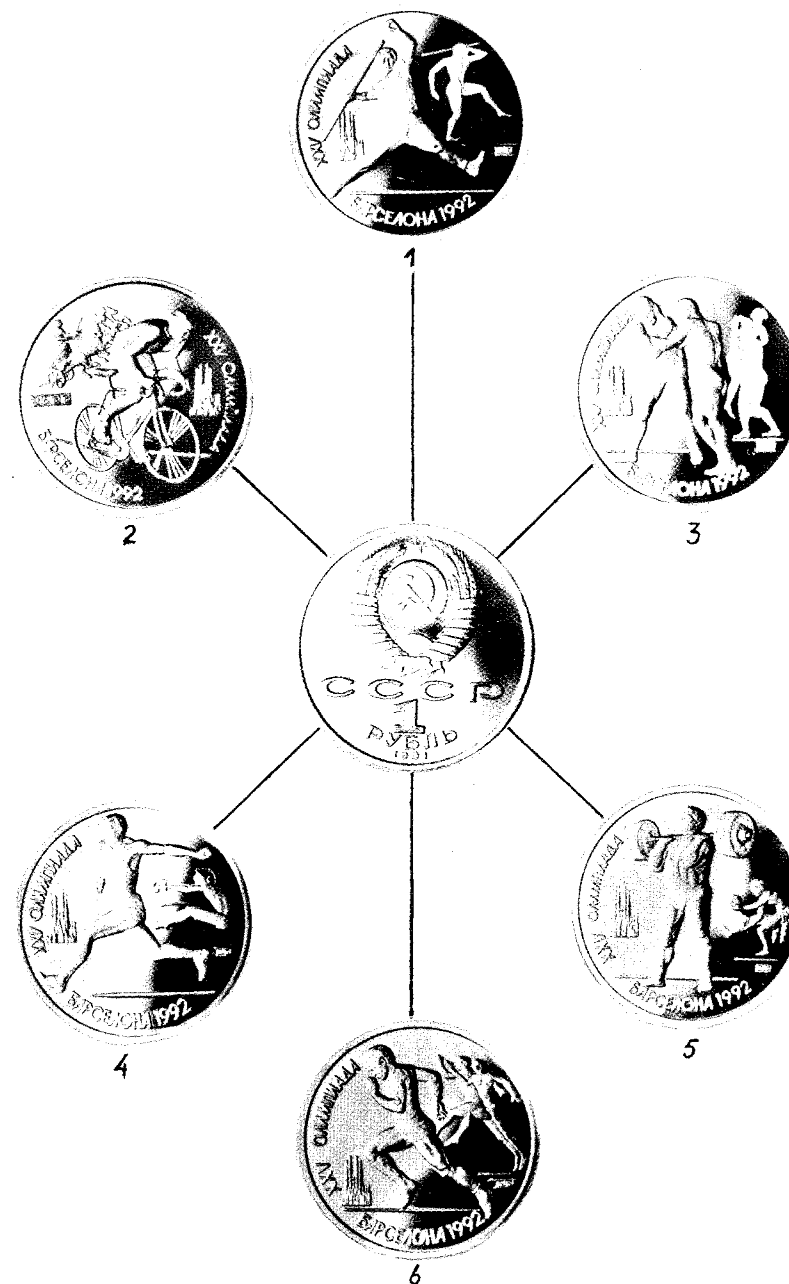

ТАБЛИЦА 243

1

3

2

4

5

6

ТАБЛИЦА 244

2

1

1

3

4

4

5

6

6

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ, ВЕНЗЕЛИ, МОНОГРАММЫ И ДРУГИЕ АББРЕВИАТУРЫ НА МОНЕТАХ

ТАБЛИЦА 1

Великое княжество Литовское. *1. «Колюмна»* — герб рода Ягеллонов. *2. Наконечник копья и крест* на денариях конца XIV — начала XV в. *3. Двойной (шестиконечный) крест* — с конца XIV в. самостоятельное геральдическое изображение, с 1545 г. — элемент *«Погони»*. *4—7.* «Погоня» — Государственный герб: *4.* Александр Ягеллончик (1492—1506); *5—6.* Сигизмунд I Старый (1506—1545); *7.* Сигизмунд II Август (1545—1572). *8.* Увенчанный великокняжеской шапкой шестидольный геральдический щит на полуталере 1564 г. и талерах 1564—1565 гг.: *«Белый орел»*, *«Погоня»*, *«Уж»* (герб рода Сфорца), *«Архангел Михаил»* (герб Киева), *«Медведь»* (герб Жемайтии), *«Волынский крест»*.

Польша (королевство). *«Белый орел»* — Государственный герб: *9.* Казимир IV Ягеллончик (1447—1492) и Ян Ольбрахт (1492—1501); *10.* Александр Ягеллончик (1501—1506); *11—12.* Сигизмунд I Старый (1506—1548); *13.* Сигизмунд III Ваза (1587—1632), Владислав IV Ваза (1632—1648), Ян II Казимир Ваза (1649—1668).

Речь Посполитая (королевство.). *Государственный герб: 14—15.* Стефан Баторий (1576—1586); *16.* Сигизмунд III Ваза (1587—1632).

ТАБЛИЦА 2

Речь Посполитая (королевство). *Государственный герб: 1—2.* Сигизмунд III Ваза (1587—1632); *3.* Владислав IV Ваза (1632—1648); *4—5.* Ян II Казимир Ваза (1649—1668; *5.* — на 30-грошовиках); *6.* Михаил Корибут Вишневецкий (1669—1673); *7.* Ян III Собесский (1676—1696); *8—9.* Август II Сильный (1697—1733); *10.* Август III (1733—1763); *11—12.* Станислав Август Понятовский (1764—1795).

Варшавское герцогство (княжество). *13.* Государственный герб 1807—1815.

Королевство (царство) Польское (в составе Российской империи). *14. «Российско-польский орел»* — Государственный герб 1815—1835.

Польша. *15.* Государственный герб восстания в ноябре 1830 — сентябре 1831.

ТАБЛИЦА 3

Речь Посполитая (королевство). Городские гербы: *1.* Всхов; *2.* Познань; *3—4.* Гданьск *(малый и большой гербы)*; *5—6.* Торунь (малый и большой гербы); *7—8.* Эльблёнг (малый и большой гербы); *9—10.* Рига (малый и большой гербы).

Родовые гербы королей: *11—12. «Волчья челюсть»* — Стефан Баторий (1576—1586); *13. «Снопок Вазов»* — Сигизмунд III Ваза (1587—1632), Владислав IV Ваза (1632—1648), Ян II Казимир Ваза (1649—1668); *14. «Корибут»* — Михаил Корибут Вишневецкий (1669—1673); *15. «Янина»* — Ян III Собесский (1676—1696); *16. «Телец»* — Станислав Август Понятовский (1764—1795).

Личные гербы должностных лиц: *17. «Леварт»* — Ян Фирлей, Вел. подскарбий коронный (1590—1609); *18. «Лев с крюком»* — Даниэль Косте, минцмейстер м. дв.[1] Люблин (1595—1600) и м. дв. Вильно (1596—1597).

ТАБЛИЦА 4

Речь Посполитая (королевство). *1. «Пулкозиц»* — Ермолай Лигенза, Вел. подскарбий коронный (1624—1632). *2. «Лев»* — Даниэль Лессе, управляющий м. дв. Гданьск (1657—1685). *3—4.* Иероним Крышпин Киршенштейн, Вел. подскарбий литовский (1662—1676). *5. «Венява»* — Рафаил Лещинский, надзиратель коронных м. дв. (1578—1580); Богуслав Лещинский, Вел. подскарбий коронный (1650—1659). *6.* Симон Лидман, минцмейстер м. дв. Вильно (1597—1598). *7—8. «Лисичка»* — Отто фон Меппен, держатель м. дв. Рига (1609—1621). *9. «Медвежья лапа»* — Даниэль Клювер, держатель м. дв. Гданьск (1608—1618). *10. «Голубь»* — Вальтер Таллеман, держатель м. дв. Гданьск (март—декабрь 1577 — время осады города войском Стефана Батория). *11. «Лебедь»* — Андрей Завиша, Вел. подскарбий литовский (1598—1603). *12. «Слеповрон»* — Ян Казимир Красиньский, Вел. подскарбий коронный (1659—1668). *13. «Корвин»* — Винсент Гонсевский, Вел. подскарбий литовский (1652—1662). *14. «Глаубич»* — Якуб Рокоссовский, Вел. подскарбий коронный (1580). *15. «Вадвич»* — Крыштоф Нарушевич, Вел. подскарбий литовский (1618—1631). *16. «Листик»* — м. дв. Вильно (1581, 1585). *17. «Листик»* — м. дв. Гданьск (1547); м. дв. Вильно (1582—1609, 1613). *18. «Двулистник»* — м. дв. Вильно (1583, 1584).

ТАБЛИЦА 5

Речь Посполитая (королевство). *1—2. «Трилистник»* — м. дв. Вильно (1580—1609, 1613). *3.* М. дв. Вильно (1614). *4.* М. дв. Вильно (1614—1617). *5.* М. дв. Краков (шведская оккупация 1656—1657). *6.* Ян Диттмар, держатель м. дв. Всхов и м. дв. Познань (1595—1598). *7—9.* Герман Рюдигер, управляющий м. дв. Познань (1595—1601), м. дв. Быдгощ и м. дв. Всхов (1596—1601). *10.* М. дв. Краков (1528—1529); Герман Рюдигер, управляющий м. дв. Познань (1595—1601). *11.* Матиас Шиллинг, минцмейстер *м. дв. Гданьск* (1535, 1539) и м. дв. Эльблёнг (1538—1540); м. дв. Вильно (1557). *12.* М.дв. Краков (1545—1546); м. дв. Эльблёнг (1761). *13.* М. дв. Эльблёнг (1761). *14.* М. дв. Гданьск (1530—1535, 1754, 1757, 1760); м. дв. Эльблёнг (1530, 1533—1535, 1760—1761); м. дв. Торунь (1760—1761); м. дв. Краков (1545—1546, 1656—1657, 1662). *15.* М. дв. Эльблёнг (1763). *16—17.* М. дв. Краков (недатированные денарии Сигизмунда I и чеканка 1655, 1657); м. дв. Гданьск (1531—1540, 1546—1548, 1557); м. дв. Эльблёнг (1536—1537, 1539—1540); м. дв. Вильно (1557, 1560).

Польша (королевство). *18. «Порай»* — Петр Курозвенцкий, подскарбий коронный (1479—1499).

ТАБЛИЦА 6

Речь Посполитая (королевство). *1—3. «Лилия»* — Герман Вульф, держатель м. дв. Рига (1582—1609); м. дв. Гданьск (*1—2* — время Казимира IV Ягеллончика и 1557—1558). *4. «Гоздава»* — Вел. подскарбии литовские

[1] М. дв. — монетный двор.

Стефан Пац (1635), Николай Тризна (1635—1639) и Михаил Гедеон Тризна (1648—1652). *5.* М. дв. Эльблёнг (1761); м. дв. Торунь (1762). *6. «Прус»* — неизвестный минцмейстер м. дв. Вильно (1595—1596). *7.* Андрей Чарныша, минцмейстер м. дв. Краков (1403—1412). *8. «Пилава»* — Балтазар Станиславский, Вел. подскарбий коронный (1609—1614). *9.* Знак меди — м. дв. Варшава (1767). *10.* Николай Фалькенберг, минцмейстер м. дв. Краков (1412—1414). *11—12.* М. дв. Вильно (1614—1617). *13. «Вага»* — Людвик Поцей, Вел. подскарбий литовский (1702—1709). *14. «Радван»* — Станислав Циковский, владелец м. дв. Быдгощ (1594—1597). *15. «Побуг»* — Станислав Конецпольский, гетман польный (1614). *16. «Ястжембец»* — Ян Лютомирский, управляющий м. дв. Вильно (1566); Петр Зборовский, держатель м. дв. Олькуш (1580); Станислав Мышковский, управляющий м. дв. Тыкоцин (1566). *17. «Елита»* — Мартин Замойский, Вел. подскарбий коронный (1683—1689). *18.* Андрей Ляуфферт, держатель и управляющий м. дв. Всхов (1594—1596).

ТАБЛИЦА 7

Речь Посполитая (королевство). *1—4.* Контрамарки м. дв. Гданьска на иноземных монетах (март—декабрь 1577 — время осады города войском Стефана Батория). *5.* М. дв. Люблин (1597). *6.* Гануш Штыпль, минцмейстер м. дв. Вильно (1612—1618). *7. «Сырокомля»* — Дмитрий Халецкий, Вел.подскарбий литовский (1590—1598). *8. «Сас»* — Николай Данилович, Вел. подскарбий коронный (1616—1624); Ян Данилович, Вел. подскарбий коронный (1632—1650). *9. «Лис»* — Лев Сапега, подканцлер литовский (1585—1589), Вел. канцлер литовский (1589—1623). *10. «Лис»* — Бенедикт Сапега, Вел. подскарбий литовский (1676—1702). *11.* М. дв. Олькуш (1593—1595). *12. «Одрованж»* — Николай Шидловецкий, Вел. подскарбий коронный (1516—1532). *13—14. «Богория»* — Иероним Воллович, Вел. подскарбий литовский (1603—1618). *14.* М. дв. Краков (1614—1618). *15. «Глаубич»* — Якуб Рокоссовский, Вел. подскарбий коронный (1580). *16. «Топор»* — Габриэль Тарло, управляющий м. дв. Вильно (1562—1565); Каспар Рыткер, управляющий м. дв. Олькуш (1592—1595) и м. дв. Люблин (1595—1601). *17—18.* М. дв. Олькуш (1588—1593).

ТАБЛИЦА 8

Речь Посполитая (королевство). *1.* М. дв. Познань (1595); м. дв. Вильно (1599). *2.* М. дв. Гданьск (1532, 1537—1540); Теодор Буш, держатель м. дв. Познань (1584—1587, 1590—1592); Валентин Янс, минцмейстер м. дв. Всхов (1592—1595) и м. дв. Быдгощ (1594—1595); Габриэль Герлёф, держатель м. дв. Быдгощ (1640—1644). *3.* М. дв. Познань (1584—1586); м. дв. Быдгощ (1642). *4—5.* М. дв. Познань (1592—1594). *6.* М. дв. Быдгощ (1614—1618). *7—8.* М. дв. Эльблёнг (1628 — шведская оккупация). *9.* Даниэль Клювер, минцмейстер м. дв. Гданьск (1608—1618); Марсилиус Филиппсон, минцмейстер м. дв. Эльблёнг (шведская оккупация 1628—1635). *10. «Серп»* — Ёст Дециус, управляющий коронными монетными дворами при Сигизмунде I. *11.* Филипп Клювер, управляющий м. дв. Гданьск (1582—1608).

Польша, Речь Посполитая. *12. «Лелива»* — Спытек Тарновский, Вел. подскарбий коронный (1532—1549); Ян Хлебович, Вел. подскарбий литовский (1580—1583); Теодор Скумин Тышкевич, Вел. подскарбий литовский (1585—1586, 1589—1590). *13.* Ян Анджей Морштын, Вел. подскарбий коронный (1668—1683). *14.* Ганс Якуб Ляуэр, заместитель управляющего м. дв. Торунь (1653—1655). *15—16.* Марсилиус Филиппсон, минцмейстер м. дв. Эльблёнг (шведская оккупация 1628—1635). *17.* М. дв. Эльблёнг (1761). *18. «Кувшинчик»* — м. дв. Олькуш (1593).

ТАБЛИЦА 9

Речь Посполитая (королевство). *1. «Перстень»* — Ян и Каспр Гэбли, держатели м. дв. Гданьск и м. дв. Мальборк при Стефане Батории и Сигизмунде III Вазе. *2.* Грациан Гонзало, минцмейстер м. дв. Мальборк при Стефане Батории и Сигизмунде III Вазе. *3. «Хабданк»* — Станислав Вавжиньский, Вел. подскарбий коронный (1614—1616). *4. «Корчак»* — Матвей Война, Вел. подскарбий коронный (1589). *5. «Бруг»* (*«Лещиц»*) — Кротоские, владельцы м. дв. Лобженица (1612—1630). *6.* М. дв. Олькуш (1592—1594). *7.* М. дв. Краков (1655).

Польша (королевство). *8. «Колечко»* — неизвестный минц-мейстер м. дв. Краков (1499—1501).

Великое княжество Литовское. *9—10.* Александр Ягеллончик (1492—1506). *11.* Сигизмунд II Август (1545—1572).

Речь Посполитая (королевство). *12—13.* Стефан Баторий (1576—1586). *14.* Сигизмунд III Ваза (1587—1632). *15—17.* Ян II Казимир Ваза (1649—1668). *18.* Михаил Корибут Вишневецкий (1669—1673).

ТАБЛИЦА 10

Речь Посполитая (королевство). *1.* Ян III Собесский (1676—1696). *2—3.* Август II Сильный (1697—1733). *4—8.* Август III (1733—1763). *9—13.* Станислав Август Понятовский (1764—1795). *14.* Иероним Крышпин Киршенштейн, Вел. подскарбий литовский (1662—1676). *15.* Мельхиор Райснер, держатель м. дв. Люблин (1597—1598). *16.* Филипп Клювер, управляющий м. дв. Гданьск (1582—1608).

Саксония (курфюршество). *17—19.* М. дв. Губин — литерные обозначения серий польских шелёнгов (1751—1753).

ТАБЛИЦА 11

Пруссия (под властью польского короля). *1—2.* Государственный герб (времени Сигизмунда I Старого).

Пруссия (герцогство; по 1569 — в ленной зависимости от Польши, с 1569 — от Речи Посполитой). *3.* Государственный герб (времени Сигизмунда I Старого и Сигизмунда II Августа). *4.* Герб династии Гогенцоллернов. *5.* Альберт II (1525—1568). *6.* Георг Вильгельм (1619—1640). *7—8.* Фридрих Вильгельм (1640—1657).

Пруссия (королевство). *9.* Фридрих Вильгельм II (1786—1797).

Пруссия (XVI—XVII вв.). *10.* Пауль Гульден, держатель м. дв. Кёнигсберг (1587—1595). *11—12.* Кристоф Ангер, держатель м. дв. Кёнигсберг (1593—1598). *13—15.* Эрнст Пфалер, вардейн м. дв. Кёнигсберг (1618—1646). *16—18.* М. дв. Кёнигсберг (XVII в.).

ТАБЛИЦА 12

Пруссия (XVII в.). *1—4.* М. дв. Берлин. *5.* М. дв. Ягерндорф.

Бранденбург (маркграфство; XVII в.). *6.* М. дв. Кёльн (на Шпрее).

Силезия. *7.* Лигниц и Бриг (герцогство) — Государственный герб (XVI в.). *8.* Тешен (герцогство) — Елизавета Лукреция (1625—1653).

Саксония (курфюршество). *9.* Государственный герб. *10.* Хенниг Ильдерс, минцмейстер м. дв. Баутцен (1666—1667); Ханс Якоб, минцмейстер м. дв. Дрезден (1624—1635) и Иоганн Кох, минцмейстер м. дв. Дрезден (1688—1698). *11.* Хенниг Ильдерс, минцмейстер м. дв. Баутцен (1666—1667); Иоганн Лоренц Холланд, минцмейстер м. дв. Дрезден (1698—1716). *12.* Маттеус Ротте, минцмейстер м. дв. Анnаберг (1545—1554) и Михаэль Ротте,

минцмейстер м. дв. Аннаберг (1621—1623); Константин Ротте, минцмейстер м. дв. Дрезден (1640—1678). *13.* Леопольд Хольцшухер, минцмейстер м. дв. Аннаберг (1554—1558) и м. дв. Лейпциг (1554—1558). *14—15.* Эрнст Петер Хехт, минцмейстер м. дв. Аннаберг (1693—1714) и м. дв. Лейпциг (1693—1714). *16.* Христофор Фишер, минцмейстер м. дв. Дрезден (1678—1686). *17.* Андреас Альнпек, минцмейстер м. дв. Фрайберг (1554—1556). *18.* Генрих Штайн, минцмейстер м. дв. Аннаберг (1502—1506) и Вольф Хюнеркопф, минцмейстер м. дв. Аннаберг (1542—1543, 1545); Пауль Либер Паус, минцмейстер м. дв. Гоммерн (1621—1622); Конрад Функе, минцмейстер м. дв. Лейпциг (1462—1475) и м. дв. Цвикау (1469—1477); Андреас Альнпек, минцмейстер м. дв. Фрайберг (1546—1555).

ТАБЛИЦА 13

Ливонский орден. *1.* Берндт фон дер Борх (1472—1483). *2.* Иоганн Фрайтаг фон Лорингхофен (1483—1494). *3.* Вольтер фон Плеттенберг (1494—1535). *4.* Герман фон Брюггеней-Газенкамп (1535—1549). *5.* Иоганн фон дер Рекке (1549—1551). *6.* Генрих фон Гален (1551—1557). *7.* Вильгельм фон Фюрстенберг (1557—1559). *8.* Готхард Кеттлер (Вел. магистр — 1559—1562; герцог Курляндии, ленник Польши и Речи Посполитой — 1562—1587).

Дерпт (епископство). *9—10.* Христиан Бомхофер (1514—1518). *11.* Иоганн V Бланкенфельд (1518—1527). *12.* Иоганн VI Бей (1528—1543). *13.* Иодокус фон дер Рекке (1543—1551). *14.* Герман II фон Везель (1552—1558).

Ливония (герцогство). *15.* Государственный герб (со 2 пол. XVI в.).

Шведская Прибалтика. *16.* Густав II Адольф Ваза (1621—1632). *17—18.* Кристина Августа Ваза (1632—1654).

ТАБЛИЦА 14

Шведская Прибалтика. *1.* Карл X Густав (1654—1660). *2.* Карл XI (1660—1697).

Дания (королевство). *3.* Государственный герб.

Чехия (королевство). *4.* Государственный герб.

Испанские Нидерланды. *5.* Альберт и Изабелла (1599—1621). *6.* Филипп IV (1621—1665) и Карл II (1665—1700).

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). *7.* Реверсное изображение лёвендаальдеров и полулёвендаальдеров. *8.* Аверсное изображение лёвендаальдеров и полулёвендаальдеров. *9.* Реверсное изображение риксдаальдеров и полуриксдаальдеров. *10—11.* Аверсные изображения риксдаальдеров и полуриксдаальдеров. *12.* Аверсное изображение дукатов. *13.* Аверсное изображение дукатов вольных имперских городов. *14.* Реверсное изображение флоринов (гульденов, 28-ми штюверов) вольных имперских городов. *15.* Зеландия (провинция).

ТАБЛИЦА 15

Испанские Нидерланды. *1—2.* М. дв. Антверпен (герцогство Брабант). *3.* М. дв. Брюссель (герцогство Брабант). *4.* М. дв. Аррас (графство Артуа). *5.* М. дв. Турнэ (графство Фландрия).

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). *6.* Городские м. дв. — Девентер, минцмейстер Иохан ван Харн (1662—1664); Кампен, минцмейстер Иохан ван Харн (1664—1675); Ниймеген, минцмейстер Геррит ван Харн (1685—1691). *7.* М. дв. Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстер Мартинус Хольтзей (1749—1752). *8.* Городской м. дв. Гронинген, минцмейстер Эгбертус Маринус (1690—1692). *9.* М. дв. Кампен (провинция Оверэйссел), минцмейстеры Мельхиор и Балтасар Вайнтгес (1582—1589), Хендрик Вайнтгес (1590—1611). *10.* М. дв. Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстер Паулюс Слюйскенс (1652—1687); м. дв. Гронинген (провинция Гронинген-Оммеланд), минцмейстер Ассуэрус Восдинк (1688?—1692); городской м. дв. Девентер, минцмейстеры Вильгельм Слюйскенс (1664—1670) и Питер Слюйскенс (1682—1711). *11.* М. дв. Цютфен (провинция Гельдерн), минцмейстер Хендрик Вайнтгес (1582—1583). *12.* М. дв. Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстер Иохан Хенсберген (1732—1748). *13.* М. дв. Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстер Иохан ван Бринен (1690—1694). *14.* М. дв. Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстер Ламберт Риддер (1695—1714); городской м. дв. Кампен, минцмейстер Якоб Риддер (1676—1695). *15.* М. дв. Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстер Якоб де Вос (1730—1731). *16.* Городской м. дв. Утрехт, минцмейстер Адриан ван дер Хайде (1674—1677). *17.* М. дв. Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстеры Конраад Хендрик Крамер (1715—1723) и Иохан Крамер (1753—1757); м. дв. Медемблик (провинция Вестфризия), минцмейстер Конраад Хендрик Крамер (1711—1714); м. дв. Кампен (провинция Оверэйссел), минцмейстеры Бернард Крамер (1717—1721) и Конраад Хендрик Крамер (1731—1754). *18.* М. дв. Горн и Медемблик (провинция Вестфризия), минцмейстер Тениус Кист (1741—1761).

ТАБЛИЦА 16

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). *1—2* дв. Кампен (провинция Оверэйссел), минцмейстер Николаас Воннеман (1763—1796). *3.* М. дв. Энкхюйзен (провинция Вестфризия), минцмейстеры Флорис ван Оттер (1625) и Ханс Свеерс (1626—1631); м. дв. Медемблик (провинция Вестфризия), минцмейстер Геррит Шуйрманс (1682—1692). *4.* Городской м. дв. Девентер, минцмейстер Николаас ван Эссен (1589—1594). *5.* М. дв. Кампен (провинция Оверэйссел), минцмейстеры Рудольф ван Сонсбеек (1659—1668) и Дирк ван Румунд (1675—1710); м. дв. Гронинген (провинция Гронинген-Оммеланд), минцмейстер Давид Хагенет (1681—1688); городской м. дв. Кампен, минцмейстер Каспар Вайнтгес (1589—?). *6.* М. дв. Утрехт (провинция Утрехт), минцмейстер Иохан Зеробулюс (1644—1662); м. дв. Гронинген (провинция Гронинген-Оммеланд), минцмейстер Каспар Оомс (1673? —1681). *7.* Городской м. дв. Утрехт, минцмейстеры Иохан ван Ромонд (1679—1709), Сибертус ван Ромонд (1710—1732), Иохан ван Ромонд (1734—1738). *8.* Городской м. дв. Цютфен, минцмейстер Херман ван Байен (1686—1692). *9.* М. дв. Кампен (провинция Оверэйссел), минцмейстер Дирк ван Ромондт (1675—1705). *10—11.* Городской м. дв. Девентер, минцмейстеры Балтасар Вайнтгес (1555—1589) и Клаас Майнертс (1617—1626). *12.* М. дв. Горн, Медемблик и Энкхюйзен (провинция Вестфризия), минцмейстер Ян Кноль (1715—1741). *13.* Городской м. дв. Утрехт, минцмейстер Хендрик Мауритс Эйк (1731—1734). *14—15.* М. дв. Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстер Мартин Хендрик Лёсе (1782—1803). *16.* М. дв. Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстер Карель Христиан Новисади (1758—1776). *17—18.* М. дв. Энкхюйзен и Горн (провинция Вестфризия), минцмейстер Каспар Вайнтгес (1603—1625); м. дв. Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстер Иохан Вайнтгес (1635—1651); м. дв. Аппингедам (провинция Гронинген), минцмейстер Хендрик Вельтхюйзен (1579—1580); м. дв. Кампен (провинция Оверэйссел), минцмейстер Петрус ван де Ветеринге (1721—1731);

городской м. дв. Девентер, минцмейстер Иохан Вайнтгес (1626—1645); городской м. дв. Кампен, минцмейстер Ян Елле (1647—1663).

ТАБЛИЦА 17

Республика Соединенных провинций (Голландская республика). *1—2 М. дв. Ниймеген и Хардервийк (провинция Гельдерн), минцмейстеры Иохан Гийсберт Младший (1586*—1591) и Иохан Алевийн (1606—1635); городской м. дв. Гронинген, минцмейстер Томас Бусше (1578—1622). *3.* М. дв. Горн (провинция Вестфризия), минцмейстеры Дидерик ван Руймунд (1649—1652) и Питер ван Ромонд (1695—1704); м. дв. Медемблик (провинция Вестфризия), минцмейстер Дидерик ван Руймунд (1649—1652); м. дв. Энкхюйзен (провинция Вестфризия), минцмейстеры Дидерик ван Руймунд (1649—1652), Питер ван Ромонд (1695—1704) и Дидерик ван Румунд (1704—1709); м. дв. Кампен (провинция Оверэйссел), минцмейстер Дирк ван Румунд (1675—1705). *4.* М. дв. Энкхюйзен (провинция Голландия), минцмейстер Хессель Слийпер (1796—1803); м. дв. Горн (провинция Голландия), минцмейстер В. Д. Фершуер (1803—1809). *5.* М. дв. Медемблик (провинция Вестфризия), минцмейстер Геррит Шуйрманс (1682—1692). *6.* Городской м. дв. Зволле, минцмейстеры Арент ван Румунд (1659—1673), Геррит Румунд (1674—1683) и Корнелис ван Кеппель Фокс (1684—1692). *7.* М. дв. Утрехт (провинция Утрехт), XVII—XVIII вв. *8.* М. дв. Кампен (провинция Оверэйссел), минцмейстеры Хендрик Вайнтгес (1590—1611) и Иохан Вайнтгес (1611—?); м. дв. Зволле (провинция Оверэйссел), минцмейстер Иохан Вайнтгес (1611—?); городской м. дв. Девентер, минцмейстер Иохан Вайнтгес (1626—1645). 9. М. дв. Миддельбург (провинция Зеландия), минцмейстеры Мартинус Хольтцей Старший (1753—1765; 1758—1765 — совместно с Мартинусом Хольтцеем Младшим), Мартинус Хольтцей Младший (1765—1788), Витве Петронелла Хольтцей-Слоб (1788—1796). 10. Городской м. дв. Девентер, минцмейстеры Иохан Вайнтгес (1555—1589) и Клаас Майнертс (1617—1626). 11. М. дв. Горн (провинция Вестфризия), минцмейстер Иохан Бруйскен (1693—1695); м. дв. Медемблик (провинция Вестфризия), минцмейстер Питер Бруйскен (1761—1782); м. дв. Энкхюйзен (провинция Вестфризия), минцмейстер Питер Бруйскен (1761—1782).

Нидерланды (королевство с 1815). *12.* М. дв. Утрехт и м. дв. Брюссель (до 1830). *13.* М. дв. Утрехт, минцмейстер В. Д. Ц. Суэрмонд (1817—1838).

Аббревиатурные написания названий графств (герцогств) Испанских Нидерландов (в окончаниях реверсных легенд) и провинций (городов) Республики Соединенных провинций (в окончаниях аверсных легенд). *14.* Артуа. *15.* Брабант. *16.* Бургундия. *17.* Турнэ. *18.* Фландрия. *19.* Вестфризия. *20.* Фризия. *21.* Гельдерн. *22.* Голландия. *23.* Девентер. *24.* Зволле. *25.* Зеландия. *26.* Кампен. *27—28.* Оверэйссел. *29—30.* Утрехт.

ТАБЛИЦА 18

Россия (царство, с 1721 — империя). *1.* Государственный герб времени Алексея Михайловича (1645—1676). *2.* Государственный герб времени Петра I (1682—1725) и Екатерины I (1725—1727). *3.* Государственный герб времени Анны Иоанновны (1730—1740). *4.* Государственный герб времени Елизаветы Петровны (1741—1761); Петра III (1761—1762), Екатерины II (1762—1796), Павла I (1796—1801) и Александра I (1801—1825). *5.* Государственный герб времени Александра I, Николая I (1825—1855). *6.* Государственный герб времени Николая I и Александра II (1855—1881). *7.* Государственный герб времени Александра II (с 1859), Александра III (1881—1894) и Николая II (1894—1917). *8.* Государственный герб времени Николая II. *9.* Птица — на полушках XVI—XVII вв. *10.* Двуглавая птица — на полушках XVI—XVII вв. *11.* Всадник с саблей — на денгах XVI—XVII вв. *12.* Конный царь с копьем — на копейках 2-й трети XVI в.—1718. *13.* Конный царь со скипетром — на рублях и полтинниках 1654. *14.* Георгий Победоносец, поражающий змия, — герб Москвы (с XVIII в.). *15—16.* Петр I. *17.* Екатерина I. *18.* Петр II (1727—1730).

ТАБЛИЦА 19

Россия (империя). *1.* Петр II (1727—1730). *2—6.* Елизавета Петровна (1741—1761). *7.* Петр III (1761—1762). *8—12.* Екатерина II (1762—1796). *13—14.* Павел I (1796—1801). 15—17. Александр I (1801—1825). *18.* Николай I (1825—1855).

ТАБЛИЦА 20

Россия (империя). *1.* Николай I (1825—1855). *2—3.* Александр II (1855—1881). *4—5.* Александр III (1881—1894). *6.* Николай II (1894—1917). *7.* Парижский монетный двор (на гурте монет, чеканенных по заказу российского правительства). *8.* Брюссельский м. дв. (на гурте монет, чеканенных по заказу российского правительства).

СССР. *9.* Ленинградский м. дв. (1977—1991 — на реверсе монет, чеканенных в благородных металлах; 1991 — на реверсе монет, чеканенных в неблагородных металлах). *10.* Московский м. дв. (1977—1991 — на реверсе монет, чеканенных в благородных металлах). *11.* Ленинградский м. дв. (1991 — на реверсе монет, чеканенных в неблагородных металлах). *12.* Московский м. дв. (1991 — на реверсе монет, чеканенных в неблагородных металлах)[1]

Россия (по 1547 — Великое княжество Московское; с 1547 — царство). Буквенные обозначения денежных дворов XVI—XVII вв. Иван IV (1533—1584) — *13.* Тверь; *14.* Псков; *15—16.* Новгород. *17.* Москва. Федор Иванович (1584—1598) — *18.* Новгород; *19.* Москва; *20.* Псков. Борис Федорович (Годунов; 1598—1605) — *21.* Москва; *22.* Псков; *23—24.* Новгород.

ТАБЛИЦА 21

Россия (царство). Буквенные обозначения денежных дворов XVII в. Дмитрий Иванович (Лжедмитрий I; 1605—1606) — *1.* Москва; *2.* Псков; *3.* Новгород. Василий Иванович (Шуйский; 1606—1610) — *4.* Москва; *5.* Псков; *6.* Новгород. Владислав Жигимонтович (Сигизмундович; 1610—1612) — *7.* Москва; *8.* Псков; *9.* Новгород. Второе (Нижегородское) земское ополчение (1612—1617) — *10.* Ярославль; *11.* Москва. Шведская оккупация Новгорода (1611—1617) — *12.* Новгород. Михаил Федорович (Романов; 1613—1645) — *13.* Новгород; *14.* Москва; *15.* Псков. Алексей Михайлович (Романов; 1645—1676) и Федор Алексеевич (Романов; 1676—1682) — *16.* Москва.

ТАБЛИЦА 22

Славянская (кириллическая) нумерация, использовавшаяся для обозначения дат на монетах Петра I.

---

[1] Обозначения м. дв. СССР (9—12) на мемориальных монетах, чеканенных в медно-никелевом сплаве, отсутствуют.

ТАБЛИЦА 1

1

7

12

2

8

13

3

4

9

14

5

10

15

6

11

16

ТАБЛИЦА 2

1

6

11

2

7

12

3

8

13

4

9

14

5

10

15

ТАБЛИЦА 3

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

ТАБЛИЦА 4

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

ТАБЛИЦА 5

1

2

3

4

5

6

7

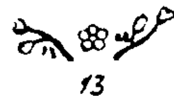

8

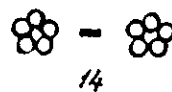

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

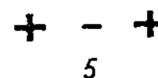
ТАБЛИЦА 6

1

2

3

4

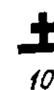

5

6

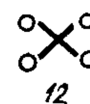

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

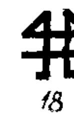

18

ТАБЛИЦА 7

1

2

3

4

5

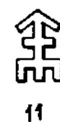

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

ТАБЛИЦА 8

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

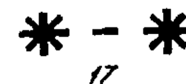

12

13

14

15

16

17

18

ТАБЛИЦА 9

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

ТАБЛИЦА 10

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

A, B, C, Ↄ, D, E.
17

F, Ⅎ, G, I, L, N.
18

O, R, S, T, ⊥, V.
19

ТАБЛИЦА 11

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

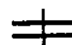

16

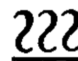

17

18

ТАБЛИЦА 12

1

2

3

4

5

6

7

8

9

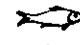

10

11

12

13

14

15

16

17

18

ТАБЛИЦА 13

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

ТАБЛИЦА 14

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

ТАБЛИЦА 15

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

ТАБЛИЦА 16

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

ТАБЛИЦА 17

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14 ART.
15 BRAB.
16 BVRG.
17 TORN.
18 FLAN(DR).
19 WESTF(R).
20 FRIS.
21 GEL.
22 HOL.
23 DAVENT.
24 ZWOL.
25 ZEL.
26 CAMP.
27 TRAN(S).
28 TRS·ISSVL.
29 TRA.
30 TRAIEC.

ТАБЛИЦА 18

1

2

3

4

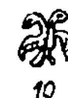

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

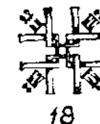

18

ТАБЛИЦА 19

1

7

13

2

8

14

3

9

15

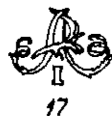

4

10

16

5

11

17

6

12

18

ТАБЛИЦА 20

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13 ω

14 А IВЯ ГС М^С^И М IВ Θ

15 ФС ПС АЛ ^Ю^Р ГА ^А^ДМ ВАН В^К^А

16 ^К^МНХ ^К^АN

17 ДЄ ^ДЕ^ТП

18 НЄ Н°О.РА Н°ОРЄ Н°ОРЅ ПРЅ

19 НС ПЄ НЄ М°

20 ПГ ПС ТГ

21 М° М МО

22 ПСРЗ ТГ ГС ПС

23 Н°О.РЗ Н°ОIРИ Н°ОРΘ Н°ОРI

24 Н°ОРАI ^ТЕ^НРАI ^Н^РВI

ТАБЛИЦА 21

1 М̑ МО
2 ПС ПС
3 НРГІ РАІ
4 М̑ МО
5 ПС ПСР
6 НРГІ РАІ РЅІ НРА РІН
7 МО
8 ПС ПС
9 НРД
10 АР АР М МОС КВА М
11 М М
12 РІН НРГІ ПС
13 РКС НГД ГДО НГ
14 МО МОС КВА МОСК ВА МО СКВА МО М
15 ПС ПС
16 М М М

ТАБЛИЦА 22

СЗ	1699.	҂аѱаі	1711.
҂аѱ	1700.	҂аѱві	1712.
҂аѱа	1701.	҂аѱгі	1713.
҂аѱв	1702.	҂аѱді	1714.
҂аѱг	1703.	҂аѱєі	1715.
҂аѱд	1704.	҂аѱѕі	1716.
҂аѱє	1705.	҂аѱзі	1717.
҂аѱѕ	1706.	҂аѱиі	1718.
҂аѱз	1707.	҂аѱѳі	1719.
҂аѱи	1708.	҂аѱк	1720.
҂аѱѳ	1709.	҂аѱка	1721.
҂аѱі	1710.	҂аѱкв	1722.

ИНИЦИАЛЫ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, ПОЛЬШИ И САКСОНИИ

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

GFH — Георг фон Горн, минцпробирер; Ковенский м. дв. (1665—1666).

H — Иероним Воллович, Великий подскарбий литовский (1603—1618); Виленский м. дв.—1607—1615.

HT — Ганс Трыльнер, минцмейстер и медальер; Виленский м. дв. (1618—1639).

HW — см. **H.**

IT — Иоганн Трыльнер, минцмейстер и медальер; Виленский м. дв. (1639).

LP — Людвик Поцей, Великий подскарбий литовский (1702—1709); Гродненский м. дв. (1706—1707).

TLB — Тит Ливий Боратини, держатель монетных дворов; Брестский м. дв. (1665—1666), Виленский м. дв. (1660—1666), Ковенский м. дв. (1665—1666).

ПОЛЬША (КОРОНА)

𝔄𝔠 — Андрей Чарныша, монетчик; Краковский м. дв. (1401—1402).

ACPT — см. **AT.**

AK — Андрей Кротоский, владелец Лобженицкого м. дв. (1612—1630).

AP — Антоний Партенштейн, генеральный минцпробирер; Варшавский м. дв. (1772—1774).

𝔄𝔠𝔖 — Андрей Чарныша и Симон де Талентис, управляющие; Краковский м. дв. (между 1386 и 1434).

AT — Андрей Тымф, держатель; Быдгощский м. дв. (1663—1667), Всховский м. дв. (1650—1659), Краковский м. дв. (1661—1667), Львовский м. дв. (1663), Познаньский м. дв. (1650—1659).

B — Барч, держатель; Краковский м. дв. (1684—1685).

BGA — Батиста Джованни Амуретти, держатель; Львовский м. дв. (1660—1662).

BL — Неизвестный резчик штемпелей или медальер; Быдгощский м. дв. (1644—1645), Краковский м. дв. (1647—1648).

BS — Неизвестный резчик штемпелей или медальер; Быдгощский м. дв. (1640—1647), Краковский м. дв. (1647—1648).

CDC — Клавдий де Канотти, надзиратель; Краковский м. дв. (1644—1647).

CG — Христофор Гутманн, держатель; Быдгощский м. дв. (1650—1652).

C(G?)H — Неизвестный минцмейстер; Олькушский м. дв. (1585—1586).

CHS — Конрад Генрих Швердтнер, управляющий; Гданьский м. дв. (1759—1760); Эльблёнгский м. дв. (1760—1761).

CI — Константин Яблоновский, надзиратель; Краковский м. дв. (1765—1768).

CLM — Неизвестный минцмейстер; Гданьский м. дв. (1793).

CR — Каспар Рыткер, управляющий; Люблинский м. дв.(1595—1601); Олькушский м. дв. (1592—1595).

CS — Христиан Ширмер старший, минцпробирер; Гданьский м. дв. (1636—1664). Христиан Ширмер младший, минцпробирер; Гданьский м. дв. (1664—1688). Христофор Шульц, управляющий; Эльблёнгский м. дв. (1671—1673).

DAL — Неизвестный резчик штемпелей; Быдгощский м. дв. (1650).

DB — Даниэль Бёттшер, управляющий; Торуньский м. дв. (1760—1763).

DG — Неизвестный монетчик или резчик штемпелей; Гданьский м. дв. (1623).

DL — Даниэль Лессе, управляющий; Гданьский м. дв. (1657—1685).

DS — Даниэль Сайлер, медальер; Быдгощский м. дв. (1622).

EB — Эфраим Бренн, минцмейстер; Варшавский м. дв. (1774—1792).

EK — Эрнст Кнорр, минцмейстер; Быдгощский м. дв. (1601), Всховский м. дв.—1597—1600, Познаньский м. дв. (1597—1600).

F — Фалькинберг, минцмейстер; Краковский м. дв. (1412—1413). Фоллисфессиль, минцмейстер; Краковский м. дв. (1407).

FB — Неизвестный резчик штемпелей или медальер; Краковский м. дв. (1610).

FI — Фирлей Ян, Великий подскарбий коронный (1590—1609). Быдгощский м. дв. (1594—1598); Всховский м. дв. (1591, 1594—1601); Люблинский м. дв. (1595—1601); Мальборкский м. дв. (1594); Олькушский м. дв. (1590—1601); Познаньский м. дв. (1590—1601).

FLS — Фридрих Людвиг Штюбер, минцмейстер и управляющий. Гданьский м. дв.(1766—1767); Эльблёнгский м. дв. (1763).

FS — Фридрих Сыльм, минцмейстер; Варшавский м. дв. (1765—1767).

G или **𝔊** — Гартенберг (Петр Николай Гартенберг фон Садогурский), администратор. Варшавский м. дв. (1765—1772); Краковский м. дв. (1765—1772).

GBA — см. BGA.

GFH — Георг фон Горн, управляющий; Мальборкский м. дв. — 1663—1664, Оливский м. дв. (1663).

GG — Габриэль Герлёф, держатель; Быдгощский м. дв. (1640—1644).

GH — Неизвестный минцмейстер; Олькушский м. дв. (1585—1586).

GP — Герхардт Пирами, управляющий; Краковский м. дв. (1647—1650).

GR — Герхардт Рогге, управляющий и держатель; Гданьский м. дв. (1639—1657), Торуньский м. дв. (1643—1649).

HDL — Ганс Давид Ляуэр, минцмейстер и минцпробирер; Торуньский м. дв. (1649—1668).

HH — Генрих Хема, минцпробирер; Торуньский м. дв. (1629—1631).

HIL — Ганс Якоб Ляуэр, заместитель управляющего; Торуньский м. дв. (1653—1655).

HL — Ганс Липпе, держатель; Торуньский м. дв. (1629—1630). Ганс Ляуэр (см. HIL).

HR — Герман Рюдигер, управляющий. Познаньский м. дв. (1595—1601); Быдгошский м. дв. (1596—1601); Всховский м. дв. (1596—1601).

HS — Генрих Северт, управляющий; Торуньский м. дв. (1668—1671).

HT — Ганс Трыльнер, надзиратель; Краковский м. дв. (1598).

HWS — Генрих Вильгельм Селиус, управляющий; Эльблёнгский м. дв. (1761).

IC — Якоб Чамер, надзиратель; Краковский м. дв. (1656).

ICS — Юст Карл Шрёдер, управляющий; Эльблёнгский м. дв. (1762—1763).

ID — Ян Дульский, Великий подскарбий коронный (1581—1590). Олькушский м. дв. (1581—1590); Познаньский м. дв. (1581—1590). Ян Дитмар, держатель: Всховский м. дв. (1595—1598); Познаньский м. дв. (1595—1598).

IDV — Неизвестный резчик штемпелей; Краковский м. дв. (1656).

IF — см. FI.

IH — Ян Хен, медальер; Быдгощский м. дв. (1635—1636).

II — Якоб Якобсон ван Эмден, управляющий. Быдгощский м. дв. (1617—1639); Гданьский м. дв. (1623—1639); Торуньский м. дв. (1629—1639); Эльблёнгский м. дв. (1636—1639).

III — Иоганн Юст Ястер, управляющий; Гданьский м. дв. (1755).

IIVE — см. II.

IP — Иоганн Паульссон, минцмейстер; Эльблёнгский м. дв. (1665—1667).

IPH — Иоганн Филипп Хольцхауссер, медальер и резчик штемпелей; Варшавский м. дв. (1764—1792).

IR — Якуб Рокоссовский, Великий подскарбий коронный (1580); Олькушский м. дв. (1580).

IS — Ян Северт, управляющий; Гданьский м. дв. (1753). Юст Шрёдер, минцмейстер; Варшавский м. дв. (1772—1774).

IT — Ян Тамм, минцмейстер: Краковский м. дв. (1655—1657).

K — Эрнст Кнорр (см. EK). Кратценбергер, медальер и резчик штемпелей; Гданьский м. дв. (1759).

KG — Карл Гронау, управляющий; Варшавский м. дв. (восстание 29.XI.1830—5.X.1831).

KM — Кернхен и Морштын, управляющие; Краковский м. дв. (между 1468 и 1479).

M — Неизвестный медальер и резчик штемпелей; Варшавский м. дв. (1765).

MH — Михаил Хадерманн, управляющий; Быдгощский м. дв. (1671—1685).

MK — Морштын и Керхен, управляющие; Краковский м. дв. (между 1468 и 1479).

MP — Мональд и Петр Борк, минцмейстеры; Краковский м. дв. (1391, 1393).

MRVM — Матвей Рипперс фон Майнинг, управляющий; Быдгощский м. дв. (1639).

MS — Мельхиор Ширмер, управляющий; Торуньский м. дв. (1640—1643).

MT — Морштын и неизвестный «Т», управляющие; Краковский м. дв. (между 1456 и 1468).

N — Николай, минцмейстер; Краковский м. дв. (между 1386 и 1434).

NG — Николай Джилли, управляющий; Познаньский м. дв. (1660—1662).

NH — Николай Хенниг, управляющий; Эльблёнгский м. дв. (1652—1665).

NH — Николай Хёвель де Кольпино, минцмейстер; Олькушский м. дв. (1585—1587). Николай Хенниг, управляющий (см. NH).

NP — Николай и Петр Борк, минцмейстеры; Краковский м. дв. (между 1386 и 1434).

P — Петр Борк, минцмейстер; Краковский м. дв. (1393). Петр Глеч, минцмейстер; Краковский м. дв. (1400). Петр Галликус, минцмейстер; Краковский м. дв. (1406).

PA — см. AP.

PZ — Петр Зборовский, надзиратель; Олькушский м. дв. (1580).

RC — см. CR.

RECE — Рудольф Эрнст Эккерман, минцмейстер; Гданьский м. дв. (1754—1767).

RL — Рафаил Лещинский, надзиратель коронных монетных дворов (1578—1580); Олькушский м. дв. (1580).

S — Симон де Талентис, управляющий; Краковский м. дв. (между 1386 и 1434).

ST — Спытек Тарновский, подскарбий коронный (1532—1549); Краковский м. дв. (1546—1548).

Sπ — см. πS

SA — Самуил Аммон, медальер и резчик штемпелей; Гданьский м. дв. (1613—1621).

SB — Штенцель Берман, минцмейстер; Гданьский м. дв. (1618—1635). Санти де Урбанис Бани, управляющий; Быдгощский м. дв. (1677—1678). Симон Фридерик Брюккман, управляющий; Торуньский м. дв. (1763—1765).

SC — Станислав Циковский, владелец Быдгощского м. дв. (1594—1597).

SCH — Станислав Хжонстовский, управляющий; Краковский м. дв. (1655—1658).

SP — Самуил фон Пляхтер, минцмейстер; Быдгощский м. дв. (1684—1685).

ST — см. S.

SVP — см. SP.

TA — Томас Альтенбергер, держатель; Краковский м. дв. (1614—1624).

TBL — см. TLB.

TLB — Тит Ливий Боратини, держатель; Быдгощский м. дв. (1667—1682; TLB на монетах — по 1687); Краковский м. дв. (1658—1661, 1667—1668, 1678—1682; TLB на монетах — по 1683); Уяздовский м. дв.(1659—1665).

TM — см. MT.

TT — Томас Тымф, держатель. Быдгощский м. дв. (1660—1662), Краковский м. дв. (1661—1667).

VG — см. G.

W — Венке, минцмейстер; Краковский м. дв. (1406—1412).

WR — Вильгельм Ратс, управляющий; Гданьский м. дв. (1753—1754).

WVE — Вильгельм фон Экк, управляющий; Эльблёнгский м. дв. (1650—1652).

САКСОНИЯ, ЛЕЙПЦИГСКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР

EC — Эрнст Дитрих Кролль, управляющий (1753—1763).

EDC — см. EC.

EPH — Эрнст Петр Хехт, минцмейстер (1693—1715).

IGG — Иоганн Георг Годекке, управляющий (1752).

L — Леопольд, резчик штемпелей и медальер (1753—1770).

Œ — Иоганн Леонард Эксляйн, резчик штемпелей (1753—1754).

S — Неизвестный резчик штемпелей (1753).

МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, ПОЛЬШИ И САКСОНИИ

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

Штатные (общегосударственные) монетные дворы

Брестский монетный двор, 1665—1666. Медные солиды («боратинки»).

Виленский монетный двор. Вильно — 1494—1506, 1508—1529, 1535—1536, 1545—1571, 1578—1586, 1589—1603, 1606—1627, 1650, 1652—1654, 1664—1666. Номиналы в меди, биллоне, серебре и золоте (от обола до португала). 1546—1548, 1566—1568 — чеканка для Польши грошей литовского типа по польской монетной стопе. Буквенные обозначения двора: W (Wilno) — *на гроше тройном* 1601; V (Vilno) — *на грошах тройных* 1601—1603.

Гродненский монетный двор. Грош тройной 1706 (проба), шесть грошей 1706—1707, талер 1793.

Ковенский монетный двор. 1665—1666. Медные *солиды («боратинки»).*

Тыкоцинский монетный двор. Полугрош и грош 1566.

ПОЛЬША (КОРОНА)

Штатные (общегосударственные) монетные дворы

Быдгощский монетный двор. Быдгощ — 1608—1648, 1650—1652, 1660—1668, 1671, 1677—1686. Номиналы в меди, биллоне, серебре и золоте (от солида до 100 дукатов).

Варшавский монетный двор. Варшава — 1765—1795. Номиналы в меди, биллоне, серебре и золоте (от солида до станиславдора). Буквенные обозначения двора: **MV** (Monetaria Varsoviensis) — на полугроше 1792, грошах 1791—1795, грошах тройных 1792—1794, 4 грошах 1792—1795, 8 грошах 1792—1795, 10 грошах 1792, полуталере 1792, талере 1792, дукатах 1792—1795; **MW** (Mennica Warszawska) — на гроше тройном 1792, 10 грошах 1792—1795; **WM** (Warszawska Mennica) — на гроше тройном 1792.

Всховский монетный двор. 1588—1604, 1608—1610, 1612, 1616—1619, 1650—1655, 1658. Номиналы в меди, биллоне, серебре и золоте (от денария до полупортугала). Буквенные обозначения двора: **CWF** (Civitas Wschowa Fecit) — на денарии без даты (времени Сигизмунда III), тройном гроше 1603; **F** (Fraustadt) — на солидах 1598, 1599, 1601 и без даты, грошах тройных 1598—1601, шести грошах 1599; **MW** (Moneta Wschowska) — на ортах

1651, 1652, 1653, 1655, полуталерах 1652 и без даты (времени Яна Казимира), талере 1652, полудукатах 1653, 1654 и без даты, дукатах 1651—1655, дукатах двойных 1651, 1652 и 1654, полупортугалах 1651, 1652; **MW** (Moneta Wschowska) — на ортах 1652—1655; **WM** (Wshowska Moneta) — на гроше двойном 1654.

Краковский монетный двор. 1526—1535, 1540, 1546—1548, 1598—1627, 1649—1650, 1655—1668, 1677, 1679—1687, 1765—1768. Номиналы в меди, биллоне, серебре и золоте (от денария до полупортугала). 1679 — чеканка пробного шестигрошовика для Вел. кн. Литовского. Буквенные обозначения двора: **C** (Cracovia) — на грошах 1603 и 1604, гроше тройном 1606, шести грошах 1680—1685, дукатах 1528—1535, дукате двойном 1533; **K** (Krakow) — на тернарии 1601, солиде 1601, гроше 1605, грошах тройных 1598, 1600—1605 и 1614 (проба), шести грошах 1680; **CR** (Cracoviensis) — на грошах тройных «исторических» 1767 (в честь дня рождения короля и учреждения ордена Святого Станислава).

Львовский монетный двор. 1656—1658, 1660—1663. Номиналы в биллоне, серебре и золоте (от полутора грошей до дуката двойного).

Люблинский монетный двор. 1595—1601. Номиналы в биллоне и серебре (от гроша до шести грошей). Буквенное обозначение двора: **L** (Lublin) — на грошах тройных 1598—1601.

Мальборкский монетный двор. 1584—1585, 1592—1601. Номиналы в меди, биллоне, серебре и золоте (от тернария до португала). Буквенное обозначение двора: **M** (Malbork) — на солиде 1601, шести грошах 1600—1601.

Оливский монетный двор. Медные солиды («боратынчики») 1663, 1665—1666 для Вел. кн. Литовского.

Олькушский монетный двор. 1578—1601. Номиналы в биллоне, серебре и золоте (от солида до португала). Буквенное обозначение двора: **I** (Ilcusia) — на гроше 1600, грошах тройных 1600—1601.

Познаньский монетный двор. 1584—1603, 1650—1662. Номиналы в биллоне, серебре и золоте (от тернария до португала). Буквенные обозначения двора: **P** (Posnaniae) — на тернарии 1603, солиде 1599, грошах тройных 1599—1601; **P—P** (Posnaniae — Posnaniae) — на гроше тройном 1601; **PO** (Posnaniae) — на гроше тройном 1600; **POS** (Posnaniae) — на гроше тройном 1654; **POSNAN** (Posnaniae) — на ортах 1651 и 1652, талере 1652.

Уяздовский монетный двор. Медные польские солиды («боратынчики») 1659—1666. 1660—1661 — чеканка медных солидов для Вел. кн. Литовского.

Городские монетные дворы.

Всховский монетный двор. 1550—1562, 1588—1612. Денарии в биллоне (по 1562) и меди (с 1588). Буквенные обозначения двора: **CWF** (Civitas Wshowa Fecit) — 1550—1551, 1559, 1561—1562 и без даты (времени Сигизмунда III), 1588—1593, 1595—1596, 1599—1600, 1602—1604 и без даты; **W** (Wschowa) — 1562, 1608—1610 и без даты (времени Сигизмунда II Августа).

Гданьский монетный двор. 1524—1526, 1530—1552, 1554—1558, 1565, 1567, 1573, 1577—1599, 1608—1673, 1676—1677, 1682—1683, 1685, 1688, 1692, 1698—1699, 1715, 1734, 1753—1755, 1757—1767, 1793. Номиналы в меди, биллоне, серебре и золоте (от денария до португала). Буквенные обозначения двора: **GED., GEDAN., GEDANEN., GEDANENS., GEDANENSIS.**

Познаньский монетный двор. 1601—1627. Денарии и тернарии в меди. Буквенное обозначение: **P** (Posnaniae) — на тернариях 1605—1609, 1624.

Рижский монетный двор. 1581—1621. Номиналы в биллоне, серебре и золоте (от солида до португала). Буквенные обозначения двора: **RI., RIGE., RIGEN., RIGENS., RIGENSIS.**

Торуньский монетный двор. 1528—1536, 1538—1539, 1629—1655, 1659—1668, 1671, 1702, 1760—1765. Номиналы в меди, биллоне, серебре и золоте (от денария до полупортугала). Буквенные обозначения двора: **THORV., THORVN., THORVNEN., THORVNENS., THORVNENSIS.**

Эльблёнгский монетный двор. 1530—1540, 1552—1557, 1614, 1627, 1658, 1660—1663, 1665—1667, 1671—1673, 1713, 1760—1763. Номиналы в меди, биллоне, серебре и золоте (от денария до дуката двойного). Буквенные обозначения двора: **ELBIN., ELBING., ELBINGEN., ELBINGENS., ELBINGENSIS.**

Частные монетные дворы

Быдгощский монетный двор (владелец — С. Циковский). 1594—1601. Номиналы в биллоне и серебре (от солида до шести грошей). Буквенные обозначения двора: **B** (Bidgostiae) — на солидах 1599—1601, грошах 1598—1599, грошах тройных 1598—1601; **B—B** (Bidgostiae — Bidgostiae) — на солидах 1600—1601.

Лобженицкий монетный двор (владелец — А. Кротоский). 1612—1630[1]. Денарии и тернарии в биллоне. Буквенные обозначения двора: **L** (Lobsanensis) — на денариях 1613, 1615 и без даты (времени Сигизмунда III), тернариях 1625—1627 и без даты (времени Сигизмунда III). **LOB**. Буквенные обозначения двора: (Lobsanensis) — на тернариях 1626, 1627, 1630; **LOBZ** (Łobżenica) — на тернариях 1628, 1630.

САКСОНИЯ (ЧЕКАНКА ДЛЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ)

Грюнтальский монетный двор. Медные солиды 1650, 1651.

Губинский монетный двор. Медные солиды 1751—1755 и гроши 1752—1755, 1758.

Дрезденский монетный двор. Медные солид 1749 и грош тройной 1754 (проба).

Лейпцигский монетный двор. Номиналы в биллоне, серебре и золоте. Полтора гроша 1753, 1755, 1756; гроши тройные 1753, 1754, 1756; шесть грошей 1698, 1702, 1704, 1706, 1753—1756; орты-тымфы (18 грошей) 1698, 1704, 1752—1756; 30 грошей (злотый) 1762 (проба); 8 грошей (злотый двойной) 1753, 1756, 1761, 1762; полуталеры 1753—1755; талеры 1753—1756, 1762; полудукаты 1703, без даты (времени Августа III); дукаты 1702, 1703, 1752—1754, 1756; дукаты двойные 1753, 1754; 2 1/2 талера (полуавгустдор) 1753; 5 талеров (августдор) 1753—1756, 1758; 10 талеров (августдор двойной) 1753, 1754, 1756.

---

[1] Имеются данные, позволяющие предполагать, что Лобженицкий двор функционировал и ранее, выпуская общегосударственные монеты низких (от денария до гроша) номиналов.

ИНИЦИАЛЫ И ИМЕНА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ РОССИИ (по 1721 – царства, 1721–1917 – империи)[1]

МИНЦМЕЙСТЕРЫ (начальники монетных отделений)

Московские монетные дворы

А	— Степан Афанасьев(?). 1751.
АШ	— *Алексей Шнезе. 1766, 1768.*
ДМ	— Данила Мочалкин. 1762, 1770.
Е, ЕI	— Егор Иванов. 1752—1770.
I	— см. **Е, ЕI.**
IП	— Иван Плавильщиков. 1753—1754.
IШ	— Илья Шагин. 1752—1753.
МБ	— Михаил Бобровщиков. 1754—1757.
СА	— Степан Афанасьев. 1774—1775.
DL	— Dietrich Loeffken (Дитрих Леффкен; в русской интерпретации — Иван Левкин). 1711—1713.
IL, ILL	— Iohann Luvis Lang (Иоганн Лювис Ланг; в русской интерпретации — Иван Ланг). 1707—1711.
L, LL	— см. **IL, ILL**

Петербургский монетный двор

АБ	— Александр Белозеров. 1863.
АГ	— Авраам Гоциус. 1781.
АГ	— Александр Гертов, 1846—1857. Аполлон Грасгоф. 1883—1899.
АI, АИ	— Александр Иванов. 1801—1803.
АИ	— Алексей Иванов. 1799—1800.
АК	— Андрей Коцберг. 1793—1795.
АР	— Александр Редько. 1901—1905.
АС	— Аггей Свечин. 1864—1865.
АЧ	— Алексей Чадов. 1839—1843.
АШ	— Алексей Шнезе. 1766—1772.
ВС	— Виктор Смирнов. 1912—1917.
ГЛ	— Григорий Львов. 1797.
ДС	— Дмитрий Сабанеев. 1882—1883.
ЕГ	— Егор Иванов. 1767—1768.
IМ	— Иван Марков. 1751—1757.
IС	— Иван Сабельников. 1795—1796.

[1] Помещались на поле монет.

ИЗ	— Иван Зайцев. 1780—1783.
КБ	— Константин Бутенев. 1844—1845.
МБ	— Михаил Бобровщиков. 1798—1800.
МИ	— Михаил Иванов. 1861—1863.
МК	— Михаил Клейнер. 1808—1811.
ММ	— Михаил Михайлов. 1783—1784.
МФ	— Михаил Федоров. 1812—1822.
НГ	— Николай Грачев. 1825—1841.
НI	— Николай Иосса. 1848, 1852—1855, 1866—1878.
НК	— Назар Кутузов. 1758—1763.
НФ	— Николай Фоллендорф. 1864—1866, 1877—1882.
ОМ	— Осип Мейджер. 1798—1801.
ПА	— Павел Алексеев. 1846—1852.
ПД	— Павел Данилов. 1820—1838.
ПС	— Павел Ступицын. 1810—1825.
ПФ	— Павел Фоллендорф. 1858—1862.
СА	— Степан Афанасьев. 1764—1770.
СП	— см. **ПС.**
СШ	— Сергей Шостак. 1865—1866.
ФБ	— Федор Блюм. 1856—1861.
ФГ	— Федор Гельман. 1803—1817.
ФЗ	— Феликс Залеман. 1899—1901.
ФЦ	— Федор Цетреус. 1797—1801.
ѲЛ	— Федор Лесников. 1773—1779.
ХЛ	— Христофор Лео. 1803—1805.
ЭБ	— Эликум Бабаянц. 1899, 1906—1913.
ЯА	— Яков Афанасьев. 1785—1793.
ЯI, ЯИ	— Яков Иванов. 1752—1761, 1763—1766.
ЯЧ	— Яков Чернышов. 1770—1776.

Екатеринбургский монетный двор

ИК	— Иван Колобов. 1825—1830.
ИФ	— Иван Фелькнер. 1811.
ИШ	— Иван Шевкунов. 1825.
КТ	— Константин Томсон. 1837.
НА	— Николай Алексеев. 1837—1839.
НМ	— Николай Мундт. 1810—1821.
ПГ	— Петр Грамматчиков. 1823—1825.
ФГ	— Франц Герман. 1818—1823.
ФХ	— Федор Хвощинский. 1830—1837.

Сузунский монетный двор[1]

АД	— Алексей Дейхман. 1818—1821.
АМ	— Алексей Малеев. 1812—1817.
АМ	— Андрей Мевиус. 1821—1830.
ДБ	— Дмитрий Бихтов. 1817—1818.
ПБ	— Петр Березовский. 1810—1811.

[1] На монетах с обозначением монетного двора **КМ**.

Коппинский монетный двор[1]

МК — Михаил Клейнер. 1810—1811.
ПС — Павел Ступицын. 1811—1814.
СП — см. **ПС**.
ФГ — Федор Гельман. 1810.
ЯВ — Яков Вильсон. 1820—1821.

Варшавский монетный двор

FH — Friderik Hunger (Фридерик Хунгер). 1827—1832.
IB — Jakob Benik (Якуб Беник). 1816—1827.
IP — Jerzy Pusz (Ежи Пуш). 1834—1835.
KG — Karol Grunau (Кароль Грунау). 1830—1834.

Тифлисский монетный двор

АК — Алексей Карпинский. 1806—1809, 1822—1824.
АТ — Алексей Трифонов. 1810—1822, 1826—1831.
ВК — Василий Клейменов. 1831—1833.
ПЗ — Петр Зайцев. 1804—1806.

ДИРЕКТОРА

Гельсингфорский монетный двор

L — Lihr (Конрад Лир). 1889—1911.
S — Soldan (Август Фридрих Сольдан). 1864—1882.
S — Sundel (Исаак Сундель). 1912—1917.

ГРАВЕРЫ И МЕДАЛЬЕРЫ

АГ — Авенир Грилихес. 5 рублей 1887—1889, 1892; мемориальные рубли 1898 (с памятником Александру II) и 1912 (с памятником Александру III).
А. ЛЯЛИН — Александр Лялин. Аверс мемориального рубля 1859 (с памятником Николаю I).
В —Иван Васильев(?). Рубль 1734.
ВА — Василий Алексеев. Реверс мемориального рубля 1859 (с памятником Николаю I).
ВК — Василий Климентов(?). Рубль 1775.
З — Неизвестный гравер. Червонец 1714.
К — Неизвестный гравер. Рубли 1720, 1721.
КО — Неизвестный гравер. Полтина 1720; Рубли 1718—1720.
ЛШ — Леопольд Штейнеман. Мемориальный (коронационный) рубль 1883.
М — Неизвестный гравер. Полтина 1718.
ОК — Неизвестный гравер. Полтины 1718, 1719; Рубли 1718—1720, 1723—1725.
ПУ — Павел Уткин. Донативные 1 1/2 рубля/10 злотых 1835, 1836.

[1] На монетах с обозначением монетного двора **ИМ**; Инициалы **МК** – на 2 копейках 1810 с обозначением монетного двора **КМ**.

РЕЗАЛЬ ГУБЕ — Генрих Губе. Мемориальный рубль 1841 (на бракосочетание наследника престола).
Р. П. УТКИНЪ — Резал Павел Уткин. Донативные 1 1/2 рубля/10 злотых 1835, 1836.
СЮ — Самойло Юдин. Рубли пробные 1758 (с портретом Елизаветы Петровны), 1762 (с портретом Петра III).
TI — Тимофей Иванов. Гривенники 1766—1776; 20 копеек 1764—1776; Полуполтинники 1764, 1765; Полтины 1762—1767, 1769, 1771—1776, 1785, 1791, 1794, 1795; Рубли 1757—1776, 1783—1796; Червонец 1756; Пять рублей 1765—1776; Десять рублей 1762—1776, 1783, 1785, 1786, 1795, 1796.
Ю — Самойла Юдин. Червонец 1757.
BS — Benjamin Scott (Бенджамин Скотт). Полтины 1754—1756, 1758—1761; Рубли 1755—1757; Пять рублей 1756—1759; Десять рублей 1755—1759; Двадцать рублей 1755.
CLF — Carl Leberecht Fecit (Карл Леберехт резал). Рубль 1796 (проба).
G — Gouin (Соломон Гуэн). Полуполтинники 1701, 1713; Червонцы 1710, 1712, 1713.
GF — Gouin Fecit (Гуэн резал). Полтина 1701.
GUBE F. — Gube Fecit (Губэ резал). Мемориальный рубль 1834 (с Александровской колонной).
H. GUBE F. — Heinrich Gube Fecit (Генрих Губэ резал). Мемориальные рубль и 1 1/2 рубля 1839 (с памятником на Бородинском поле).
LEBERECHT — Карл Леберехт. Рубль 1801.
LEBERECHT F. — Leberecht Fecit (Леберехт резал). Рубли 1806, 1807.

МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН, ЧЕКАНИВШИХ РОССИЙСКИЕ МОНЕТЫ

РОССИЯ

Английский (Новый) денежный двор. Москва, здания бывш. Английского подворья, 1654—1663. Выпуская традиционные «проволочные» номиналы, в 1654 отчеканил первые монеты — серебряные рубли и полполтины, медные гроши, алтыны, полтинники и, возможно, гривенники и полполтины. Обозначение двора[1] отсутствует.

Аннинский монетный двор. Село Аннинское Пермской губернии, 1789—1798. Медные монеты. 1796 — перечеканка медных номиналов в связи с двукратным увеличением их монетной стопы. Обозначение двора — **АМ** (Аннинская Монета).

Банковский монетный двор. Санкт-Петербург, здание Ассигнационнго банка, 1799—1805. Серебряные и золотые монеты. Заменил Санкт-Петербургский монетный двор на время реконструкции последнего, и поэтому использовал его обозначения — **СМ** (1799—1801), **СП** (1800), **СПБ** (1801—1805).

Варшавский монетный двор. Варшава, 1816—1864 (официально закрыт 1 января 1868): Монеты польские (медь — 1816—1841, биллон — 1816—1832, 1835—1841, серебро — 1816—1834, золото — 1817—1825, 1827—1829, 1832—1833); двуязычные российско-польские (серебро — 1834—1848, 1850, золото — 1834—1840); общероссийского образца (медь — 1848, 1850—1864, серебро — 1842—1847, 1854—1855, 1857, золото — 1842, 1846, 1848, 1849). Обозначения монетного двора — **MW** (*Mennica Warszawska*) на польских монетах (медь — 1835—1841, биллон — 1836—1841), двуязычных российско-польских и общероссийского образца монетах (медь — 1848); **WM** (Warszawska Mennica) на монетах польских (1 грош 1837); **WW** (Warzsawska Warzsawska) — на монетах польских (3 гроша 1840, 10 грошей 1840); **ВМ** (Варшавская Монета) на монетах общероссийского образца (медь — 1850—1864).

Гельсингфоргский монетный двор. Гельсингфорс, 1863—1917. Медные (1, 5 и 10 пенни), серебряные (25 и 50 пенни, 1 и 2 марки), золотые (10 и 20 марок) монеты Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Обозначение двора отсутствует.

[1] Как правило, помещались на поле монеты, в отдельных (оговариваемых) случаях — на гурте.

Екатеринбургский монетный двор. Екатеринбург, 1727—1876. Создан на базе Екатеринбургских казенных горных заводов, выпустивших медные платы-клиппы (1725—1726 — Полполтины и Рубль, 1725—1727 — Гривна, 1726 — Копейка, Пять копеек и Полтина). 1727—1734 — заготовка монетных кружков для московских монетных дворов; с 1735 — выпуск медных монет; 1762 и 1796 — перечеканка медных номиналов в связи с двукратным увеличением их монетной стопы, затем — обратная перечеканка этих монет для приведения их к первоначальной стопе. Обозначения двора — **ЕКАТЕРИНБУРГ**[1] на платах), **ЕМ** (Екатеринбургская Монета); в легендах гурта — **ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА** (копейки 1755—1757, 2 копейки 1757—1793, 4 копейки 1762 и 1796; гуртовые легенды на двухкопеечниках и четырехкопеечниках принадлежат копейкам 1755—1757, прошедшим перечеканку без перегурчивания).

Завод Розенкранца. Санкт-Петербург, 1899—1901. Медные монеты 1/2, 1, 2, 3 копейки с обозначением Санкт-Петербургского монетного двора (**СПБ**).

Кадашевский (Адмиралтейский, Военно-морской, Замоскворецкий, Хамовный) монетный двор. Москва, Кадашевская слобода, 1701—1736. Общегосударственные монеты в меди (с 1704), серебре и золоте; шестаки (1707, возможно и 1708) и тинфы (1707—1709). Обозначения двора — **М** (Москва), **МД** (Монетный Двор), **МДД** (Монетный Денежный Двор), **МДЗ** (*Монетного Двора Завод*), **ММ** (Московская Монета — на медных пятикопеечниках 1730), **МОНЕТНОГО ДЕНЕЖНОГО ДВОРА, МОСКВА**; в легендах гурта — **ДЕНЕЖНОГО ДВОРА, ДЕНЕЖНОГО МОНЕТНОГО ДВОРА, МОНЕТНОГО ДВОРА, МОНЕТНОГО ДЕНЕЖНОГО ДВОРА, МОСКОВСКОГО ДВОРА.**

Колпинский (Ижорский) монетный двор. Поселок Ижора Петербургский губ, 1810—1821, 1840—1844. Медные монеты. Обозначения двора — **ИМ** (Ижорская Монета — 1810—1814, 1820—1821), **КМ** (Колпинская Монета — на 2 копейках 1810 с минцмейстерскими инициалами **МК**); **СПМ** (Санкт-Петербургская Монета — 1840—1844).

Колыванский (Нижне-Сузунский, Барнаульский) монетный двор. Поселок Сузун Колывано-Воскресенской губ., 1763—1801. По 1781 — серия медных монет для обращения в Сибири; с 1781 — общегосударственные медные монеты; 1796 — перечеканка медных номиналов в связи с двукратным увеличением их монетной стопы, затем — обратная перечеканка этих монет для приведения их к первоначальной стопе. Обозначения двора — **КМ** (Колыванская Монета — 1767—1801); в легендах гурта — **КОЛЫВАНСКАЯ МЕДЬ** (на сибирских 2, 5 и 10 копейках 1763—1767).

Красный (Китайский, Старый) монетный двор. Москва, у Китайгородской стены, 1697—1797. Общегосударственные монеты в меди, серебре и золоте; шестаки (1707, возможно 1708) и тинфы (1707—1708); «ливонезы» (1756—1757) и монеты для Пруссии (1759—1762); 1762 и 1796 — перечеканка медных номиналов в связи с двукратным увеличением их монетной стопы, затем — обратная перечеканка этих монет для приведения их к первоначальной стопе. Обозначения двора — **КД**

[1] Здесь и ниже «развернутые» обозначения монетных дворов даны в современной орфографии.

(Красный Двор), **ММ** (Московская Монета — на медных номиналах 1758—1795), **ММД** (Московский Монетный Двор), **ЕМ** (Екатеринбургская Монета — на номиналах, подвергшихся перечеканке в 1796); в легендах гурта — **КРАСНОГО ДЕНЕЖНОГО ДВОРА, МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА.**

Набережный медный монетный двор. Москва, Кремль, 1699—1727. Медные монеты (с 1700). Обозначения двора — **БК** (Большая Казна — копейки 1704—1711), **НД** (Набережный Двор), **НДД** (Набережный Денежный Двор), **НДЗ** (Набережного Двора Завод).

Набережный серебряный монетный двор. Москва, Кремль, 1701—1718(?). По сути являлся Денежным двором, т. к. чеканил только «проволочные» серебряные копейки. Обозначение двора отсутствует.

Новый монетный двор. Москва, Красная площадь, 1700—1718(?). По сути являлся Денежным двором, т.к. чеканил только «проволочные» серебряные копейки. Обозначение двора отсутствует.

Плащильная мельница. Москва, берег р. Яузы, 1727—1730, 1734—1736. Медные монеты. Собственное обозначение двора отсутствует.

Санкт-Петербургский (с августа 1914 — Петроградский) монетный двор. Санкт-Петербург (с августа 1914 — Петроград), Петропавловская крепость, 1724—1728, 1738—1799, 1805—1917.

Общегосударственные монеты в меди, серебре, золоте и платине; 1762 и 1796 — перечеканка медных номиналов в связи с двукратным увеличением их монетной стопы, затем — обратная перечеканка этих монет для приведения их к первоначальной стопе; пробные монетные серии — эталоны для Колыванского, Таврического и Тифлисского монетных дворов; 1768—1868 — подражания нидерландскому дукату («известные монеты», «лобанчики»); 1808—1809 — подражания серебряным пиастрам Турции 1807—1809 (для нужд российской армии, находившейся в Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806—1812); двуязычные российско-польские монеты; 1911 — пробные монеты в никеле (5, 10, 20, и 25 копеек).

Обозначения двора — **СМ** (Санкт-Петербургская Монета — 1797—1799), **СП** (Санкт-Петербург — 1724—1796, 1805—1914), **СПМ** (Санкт-Петербургская Монета — 1763—1767, 1788, 1840—1843, 1849 — только на медных номиналах), **ЕМ** (Екатеринбургская Монета — на монетах, подвергнувшихся обратной перечеканке в 1796); в легендах гурта — **ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА, С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА.**

Севский монетный двор (в современных ему документах — Денежный двор). Севск, 1686—1687.

Севский чех — типологическое подражание польскому полуторагрошовику (первая, пробная партия отчеканена 19 сентября 1686). Закрыт 16 сентября 1687. Обозначение двора — SIEV[sk].

Сузунский монетный двор. Поселок Сузун Колывано-Воскресенской губ., 1802—1847. Медные монеты. Обозначения двора — **КМ** (Колыванская Монета — по 1830), **СМ** (Сузунская Монета — с 1831).

Сестрорецкий монетный двор. Поселок Сестрорецк Петербургской губ., Оружейные заводы, 1757—1778. По 1767 — медные 5 копеек; 1770—1771 — пробные медные рубли, в последующие годы — безуспешные попытки наладить систематическое производство этих рублевиков; 1762 — перечеканка медных номиналов в связи с двукратным увеличением их монетной стопы, затем — обратная перечеканка этих монет для приведения их к первоначальной стопе. Обозначения двора — **СМ** (Сестрорецкая Монета — на 5 копейках 1763—1767); в легендах гурта — **СЕСТРОРЕЦКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА** (на рублевиках).

Таврический монетный двор. Феодосия Таврической губ. 1787—1788. Общегосударственные медные монеты (преимущественно 2 и 5 копеек), а также, вероятнее всего, «таврическая» монетная серия 1787 в серебре (2, 5, 10 и 20 копеек). Обозначение двора — **ТМ** (Таврическая Монета).

Тифлисский монетный двор. Тифлис — 1804—1824, 1826—1833. Медные (пули, полубисти, бисти) и серебряные (полуабаз, абаз, двойной абаз) монеты для Грузии в составе Российской империи. Обозначение двора — ტფილისი (Тифлис).

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
(чеканка по заказу российского правительства)

Частный монетный двор (бывшая Фирма «Ралф Хитен и сыновья»). Бирмингем, 1896—1898. Медные 1/2, 1, 2, 3 копейки с обозначением Санкт-Петербургского монетного двора **(СПБ)**.

ГЕРМАНИЯ
(чеканка для оккупированных в ходе первой мировой войны территорий Российской империи)

Берлинский монетный двор. Берлин, 1916. Монетовидные железные боны в 1, 2 и 3 копейки. Обозначение двора — **А**.

Гамбургский монетный двор. Гамбург, 1916. Монетовидные железные боны в 1, 2 и 3 копейки. Обозначение двора — **J**.

БЕЛЬГИЯ
(чеканка по заказам Российского правительства)

Брюссельский монетный двор. Брюссель, 1871. Пробные медные и никелевые 10 копеек, 1897—1899 — рубли. Обозначение двора: в легендах гурта — две пятилучевые звездочки (на рублевиках). На 10 копейках обозначение двора отсутствует. Не исключено, что в 1863 отчеканены в никеле и меди пробные 2 копейки с обозначением на поле Екатеринбургского двора **(ЕМ)**.

ПРУССИЯ
(чеканка, организованная Российским правительством для оккупированной в ходе Семилетней войны Пруссии)

Кёнигсбергский монетный двор. Кёнигсберг. Большая часть монет российских для Пруссии 1759—1762. Обозначение двора отсутствует.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
(чеканка, организованная Российским правительством для оккупированных в ходе русско-турецкой войны Молдавии и Валахии)

Частный Садогурский монетный двор. Имение Садогура (ныне — в Румынии), 1771—1774. Медь: 1771 — 5 копеек, 3 денги, Пара/3 денги; 1772 — Пара/3 денги, 2 пара/3 копейки; 1773 — Пара/3 денги, 2 пара/3 копейки; 1774 — 2 пара/3 копейки. Бронза: 1772 — Пара/3 денги, 2 пара/3 копейки; 1773 — 2 пара/3 копейки; 1774 — 2 пара/3 копейки. Серебро (пробы): 1772 — Пара/3 денги, 2 пара/3 копейки. Обозначение двора — S (Sadogura; на выпусках 1771 — Пара/3 денги, 5 копеек).

ФРАНЦИЯ
(чеканка по заказам Российского правительства)

Парижский монетный двор. Париж. 1861 — 10, 15 и 20 копеек, 1896 — 25 копеек, 1896, 1897 и 1899 — рубли, 1896 и 1908 — донативные 25 рублей, 1902 — донативные 37 рублей 50 копеек/100 франков. Обозначения двора — **СПБ**; в легендах гурта — одна пятилучевая звездочка (1896—1899, 1902 и 1908). На 25 копейках обозначения двора отсутствуют.

Страссбургский монетный двор. Страссбург. 1861 — 10, 15 и 20 копеек. Обозначения двора — **СПБ**. Различить российские монеты 1861, выпущенные Страссбургским и Парижским дворами, невозможно.

ШВЕЦИЯ
(подражательная чеканка для российских территорий, которые предполагалось оккупировать в ходе русско-шведской войны)

Авестский монетный двор. Гор. Авеста. 1788 — медные 5 копеек с датами 1764, 1778 и 1787 (для платежей шведских войск на территории России в войну 1788—1790). Основные признаки, позволяющие отличить авестскую чеканку от российской, — королевские ( ) вместо императорских ( ) короны на аверсе и реверсе; особое начертание цифр дат; на экземплярах 1787 орел реверса имеет рисунок, не соответствующий российским монетам этого года. Большинство этих монет имеет обозначение Екатеринбургского монетного двора **(ЕМ)**.

ЯПОНИЯ
(чеканка по заказу Российского правительства)

Осакский монетный двор. Осака. 1916 — 10 и 15 копеек; возможно, пробные никелевые 10, 15, 10 и 25 копеек. Обозначение двора и инициалы минцмейстера отсутствуют.

МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ РСФСР, СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(чеканка по заказам Советского правительства)

РСФСР

Петроградский монетный двор. Петроград, январь 1918 — декабрь 1922. В феврале 1918 чеканка монет царской России — медных 1/4, 1/2, 1, 2, 3 и 5 копеек (по-видимому, штемпелями 1916), биллонных 5, 10, 15, 20 копеек, серебряных 50 копеек и Рубля (по-видимому, штемпелями 1914). Выпуск памятных жетонов и медалей, первого советского ордена — боевого Красного Знамени (сентябрь 1918). С августа 1921 чеканка биллонных 20 копеек, серебряных 50 копеек и 1 рубля, с октября — биллонных 10 и 15 копеек.

СССР

Завод «Красная заря». Ленинград, 1924—1925. Чеканка медных 1, 2, 3 и 5 копеек в 1924, 1925 (все номиналы, кроме 1 копейки, биты штемпелями 1924).

Краснокамский монетный двор. Краснокамск Пермской области (здания бумажной фабрики Гознака), ноябрь 1941 — июнь 1946. Создан на базе эвакуированного из Ленинграда оборудования монетного двора. Специализировался, главным образом, на выпуске наградных медалей и орденов. С 1942 изготавливал для Московского монетного двора, а с 1943 — и для Ленинградского заготовки для орденов и штамповочные инструменты. Чеканка монет: бронзовые 1 копейка 1945—1946; 2 копейки — 1942 (проба), 1945—1946, 3 и 5 копеек 1943, 1945—1946), никелевые 10, 15 и 20 копеек 1942—1946).

Московский монетный двор. Москва, апрель 1942 — декабрь 1991. Создан на базе артели «Художник-металлист» Мосгорметремсоюза для обеспечения производственной помощи Краснокамскому монетному двору. В годы Великой Отечественной войны выпускал наградные медали, в послевоенные годы — наградные и памятные медали, различные государственные металлические знаки; медно-никелевые монеты регулярных выпусков (от 10 копеек до 1 рубля) в 1981—1991; мемориальные монеты в медно-никелевом сплаве в 1981—1991, серебре и золоте в 1977—1980, 1988—1991.

Санкт-Петербургский монетный двор (1 января 1923 — 25 января 1924 — Петроградский монетный двор, 26 января 1924 — 5 сентяб-

ря 1991 — Ленинградский, 6 сентября 1991 — 21 декабря 1991 — Санкт-Петербургский). Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург.

Чеканка монет РСФСР: 1923 — *биллонные* 10, 15, 20 копеек, 1923 и 1924 (штемпелями 1923) — *золотой* Один червонец. Выпуск значков, жетонов, памятных и наградных медалей (первая наградная — XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии — в январе 1938), орденов (первый — боевого Красного Знамени — в августе 1924).

Чеканка монет: *медные* Полкопейки 1925, 1926 (штемпелями 1925), 1927—1928, 1 и 2 копейки 1924—1925, 3 и 5 копеек 1924, 1925 (штемпелями 1924); *биллонные* 10, 15 и 20 копеек 1924—1925, 1927—1931; *серебряные* Один полтинник 1924—1927 и Один рубль 1924; *золотой* Один червонец 1925 (проба); *бронзовые* 1 и 2 копейки 1926—1941, 1945—1946, 1948—1957, 1958—1960 (штемпелями 1957), 3 и 5 копеек 1926—1941, 1943, 1945—1946, 1948—1957, 1958—1960 (штемпелями 1957); *никелевые* 10, 15 и 20 копеек 1931—1941, 1945—1946, 1948—1957, 1958—1960 (штемпелями 1957); *медно-цинковые* 1 и 2 копейки 1961—1991, 3 и 5 копеек 1961—1962, 1965—1991; *медно-никелевые* 10, 15 и 20 копеек 1961—1962, 1965—1991, 50 копеек и 1 рубль 1961, 1964—1991; *биметаллические* (медно-никелевый диск с заштампованным в него диском марганцовистой латуни) 10 рублей 1991. Платежные боны для советской угольной концессии на о. Шпицберген: 10 и 15 копеек *желтого сплава*, 20 и 50 копеек *белого сплава* в 1946.

Мемориальные монеты: *медно-никелевый сплав* в 1965, 1967, 1970, 1975, 1977—1991; *биметалл* (медно-никелевый сплав и марганцовистая латунь) в 1991; *серебро, золото* и *платина* в 1977—1980, 1988—1991; *палладий* в 1988—1991.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Бирмингемский монетный двор (совместно с фирмой «Кингс Нортон Металл Корпорейшн Лимитед»). Бирмингем, вторая половина 1924 — начало 1925. Чеканка *медных пятикопеечников* в 1924 и 1925 (штемпелями 1924).

Лондонский монетный двор. Лондон, июнь—октябрь 1924. Чеканка серебряных полтинников.

УХОД ЗА СТАРИННЫМИ МОНЕТАМИ
(чистка и консервация)

Многие монеты в большей или меньшей степени покрыты слоями различных окисей, нередко препятствующих чтению легенд и рассмотрению изображений.

Монету, нуждающуюся в чистке, следует вначале подвергнуть двух-, трехдневному увлажнению. Для этого следует поместить ее в наполненный водой стеклянный, фарфоровый или фаянсовый сосуд, что приведет к «проявлению» наиболее пораженных коррозией или патиной участков и их разрыхлению.

Нередко монеты клада оказываются склеенными коррозийной массой. Для рассоединения следут опустить их в нагретый до 30—50° раствор (5—10 %) едкого натрия.

Химическая чистка применяется обычно в сочетании с механической. Последняя выражается в предельно осторожном удалении при помощи щеточки из щетины, латуни или стеклянного волокна особенно заметных наростов патины, коррозии, земли и т. п.

Прежде чем приступить к обработке медной или бронзовой монеты, необходимо обратить внимание на цвет покрывающих ее окисей. Он может оказаться вишнево-красным (закись меди), темно-зеленым (углекислая медь) или бледно-желтым (углекислый свинец). В первом случае рекомендуется раствор (5—15 %) углекислого аммония, во втором — раствор (5—10 %) лимонной кислоты; в третьем — раствор (10 %) уксусной кислоты.

Нередко в результате чистки медные и *бронзовые монеты приобретают* уродливо яркий блеск. Чтобы вернуть им первоначальный древний облик, достаточно *выдержать их в подогретом до 80° растворе* из 50 г медного купороса и 5 г марганцовокислого калия на 1 литр воды (желательно — дистилированной).

Серебряные монеты, как правило, обладают более стойким, чем медные и бронзовые, иммунитетом против окисления. Чаще всего они покрыты окислами меди зеленого цвета различных оттенков. Для их ликвидации наиболее действенными оказываются раствор серной (5 %) или муравьиной

(5—10 %) кислот. Иногда приходится сталкиваться с налетом рогового серебра фиолетово-серого цвета. Он лучше всего снимается раствором (5—10 %) аммиака или хлористого аммония.

Чистка золотых, платиновых и слабо патинированных монет из других металлов наименее трудоемка. Вначале их следует промыть в ацетоне, спирте или бензине, а затем выдержать в растворе (5—10 %) серной, муравьиной или лимонной кислот.

По окончании чистки монеты следует тщательно промыть ее несколько раз в кипящей (лучше всего — дистилированной) воде, а затем просушить, окунув в ацетон, спирт или же выдержав небольшое время при температуре не выше 100°.

Консервация очищенных монет осуществляется путем покрытия их тонким слоем парафина или синтетической смолы.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Атлас М. С. Социалистическая денежная система. М., 1969.

Беляков А. С. Нумизматика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990.

Быков А. А. Восточные монеты Дегтянского клада // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. IV; Нумизматика, Вып. 2. Л., 1961.

Глейзер М. М. К истории чеканки первых советских монет // Вопр. истории. 1977. № 1.

Глейзер М. М. Первые бронзовые монеты СССР // История СССР, 3. М., 1974.

Глейзер М. М. Советские монеты. Аннотированная библиография (1918—1971 гг.) // Нумизматика и эпиграфика, XI. М., 1974.

Глейзер М. М. Советские монеты 1921—1968 годов // Филателия СССР. 7. М., 1969.

Глейзер М .М. Советские полукопеечные монеты // Нумизматика, бонистика, фалеристика. М., 1992.

Даунене З. Названия денег и денежных единиц в белорусской деловой письменности XV — начала XVII в. // Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Языкознание. Вильнюс, 1967.

Добровольский И. Г., Рябцевич В. Н. Козьянковский клад куфических монет // Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщений. Вологда, 1993.

Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Л., 1991.

Драгун Ю. И. Нумизматические находки на территории города Орши // Древности Белоруссии. Мн., 1969.

Дьячков А. Н., Узденикoв В. В. Монеты России и СССР. М., 1978.

Зварич В. В. Нумизматический словарь. Изд. 3. Львов, 1979.

Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода // Труды Нумизматической комиссии. Вып. V. Л., 1924.

Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков //Труды Нумизматической комиссии. Вып. I. Петроград, 1921.

Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969.

Колобова И. Н. Варшавский монетный двор в 1816—1831 гг. // Всероссийская нумизматическая конференция, посвященная 90-летию И. Г. Спасского и 270-летию Петербургского монетного двора. СПб., 1994.

Колобова И. Н. К вопросу о денежной терминологии белорусского рынка XVI—XVIII вв. // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Эрмитажа). Л., 1987.

Колобова И. Н. Монетные клады на территории Брестской области // Брест: Энцикл. справ. Мн., 1987.

Колобова И. Н. Монетные клады на территории Витебской области // Витебск: Энцикл. справ. Мн., 1988.

Колобова И. Н. Монетные клады на территории Гомельской области // Гомель: Энцикл. справ. Мн., 1991.

Колобова И. Н. Монетные клады на территории Гродненской области // Гродно: Энцикл. справ. Мн., 1989.

Колобова И. Н. Монетные клады на территории Могилевской области // Могилев: Энцикл. справ. Мн., 1990.

Колобова И. Н. О денежной терминологии белорусского рынка XVI—XVIII вв. // Славяне: адзінства і мнагастайнасць. Міжнародная канферэнцыя 24—27 мая 1990. 1 секция (Кірыла-мяфодзіеўскія традыцыі і развіццё нацыянальных моў славян). Мн., 1990.

Колабава І. Н. Раменнікаўскі манетны скарб // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1975, № 3.

Колобова И. Н. Рогачевский монетный клад 1971 г. // Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщений. Вологда, 1993.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.-Л., 1954.

Космылев В. С. Дело И. Ю. Цейзика (к вопросу о подделке российских ассигнаций в Белоруссии начала XIX в.) // Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщений. Вологда, 1993.

Касмылёў В. Манетныя двары на тэрыторыі Беларусі // Полацак, № 9(19). Кліўленд—Агаё, 1992.

Космылев В. С. К вопросу о фальсификации средств денежного обращения на территории Беларуси в конце XVIII—XIX вв // Всероссийская нумизматическая конференция, посвященная 90-летию И. Г. Спасского и 270-летию Петербургского монетного двора. СПб., 1994.

Космылев В. С. «Русская куренция» — региональная система белорусского денежного счета XVIII в. // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Эрмитажа). Л., 1987.

Космылев В. С., Рябцевич В. Н. «Тынфы» Петра I // Весн. Бел. дзярж. ун-та. Сер. III, № 3. Мн., 1984.

Котляр Н. Ф. Кладоискательство и нумизматика. Киев, 1974.

Котляр Н. Ф. О так называемых черниговских монетных гривнах // Государственный Эрмитаж. Краткие тез. докл. нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской деятельности за 1991 г.». СПб., 1992.

Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 4—4. М., 1962.

Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г 4— 4. М., 1961.

Кузнецов К. В. Соболевский клад // Известия Академии наук БССР. № 6. Мн., 1949.

Малышев А. И., Таранков В. И., Смиренный И. Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991.

Маркова А. А. Могилевский клад дукатов XVI—XVII вв. // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. IV; Нумизматика. Вып. 2. Л., 1961.

Маршак М. Б. Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XXVI; Нумизматика. Вып. 6. Л., 1989.

Маршак М. Б. Первые русские ассигнации в системе денежного обращения 1769—1810 гг. // Государственный Эрмитаж. Краткие тез. докл. нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской работы и хранительской деятельности за 1991 г.» СПб., 1992.

Масько И. Ф. К вопросу о фальсификации средств денежного обращения на территории Белоруссии в XV в. // Гомельщина: Археология, история, памятники: Тезисы второй Гомельской обл. конф. по ист. краеведению. Гомель, 1991 г.

Масько И. Ф. Монетное золото в денежном обращении Великого княжества Литовского в XIV — 60-х гг. XVI в. // Всероссийская нумизматическая конференция, посвященная 90-летию И. Г. Спасского и 270-летию Петербургского монетного двора. СПб., 1994.

Масько І. Ф. Фальшываманетчыкі старажытнага Полацка (да пытання аб фальсіфікацыі сродкаў грашовага абарачэння Полаччыны ў канцы XV ст.) // Полацк, 3 (1). Кліўленд—Агаё, 1991.

Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989.

Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 годах / Под ред. проф. Л. Н. Юровского. М., 1926.

Потин В. М. Введение в нумизматику // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XXVI; Нумизматика. Вып. 6. Л., 1989.

Потин В. М. Дегтянский клад денариев середины XI в. // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. IV; Нумизматика. Вып. 2. Л., 1961.

Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

Потин В. М. Монета в быту, обычаях и верованиях Руси X—XVII вв. // Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л., 1982.

Потин В. М. Монеты, клады, коллекции. СПб., 1993.

Потин В. М. Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси и древнерусских поселений // Нумизматика и эпиграфика. Т. III. М., 1962.

Потин В. М. Особенности притока западноевропейских денариев X—XI вв. и их распространение на территории Древней Руси // Записки Одесского археологического общества. Вып. I (34). Одесса, 1960.

Потин В. М. Причины прекращения притока западноевропейских денариев на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII вв. М., 1961.

Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. IX; Нумизматика. Вып. 3. Л., 1967.

Рабцевіч В. Н., Стуканаў А. А. Манеты Арабскага халіфата на тэрыторыі Беларусі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. М., 1973. № 4.

Розанов С. А. Золотые «лобанчики» (голландские червонцы русского чекана) // Тр. Отд. нумизматики Гос. Эрмитажа. Т. I Л., 1945.

Рябцевич В. Н. «Бумаги Деммени» как источник по истории монетного производства Петровской эпохи // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Л., 1987.

Рябцевич В. Н. Два монетно-вещевых клада из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. М., 1965.

Рябцевич В. Н. Дело Лариона Уваровича (к вопросу об обращении севских чехов в Белоруссии) / Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщений. Вологда, 1993.

Рябцевич В. Н., Штыхов Г. В. Денежное обращение Белоруссии в IX—XIII вв. // Очерки по археологии Белоруссии, II. Мн., 1972.

Рябцевич В. Н. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии в XVI в. // Нумизматика и сфрагистика. 1968. № 3. Киев.

Рябцевич В. Н. Денежный счет на рынках Великого княжества Литовского в XVI в. // Всероссийская нумизматическая конференция, посвященная 90-летию И. Г. Спасского и 270-летию Петербургского монетного двора. СПб., 1994.

Рябцевич В. Н. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV—XV вв. // Нумизматика и сфрагистика , 2. Киев 1965.

Рябцевич В. Н. Козьянковский клад // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.

Рябцевич В. Н. Козьянковский клад (предварительные итоги исследования) // Беларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мн., 1993.

Рябцевич В. Н. Куфические дирхемы на территории Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966.

Рябцевич В. Н. Мароськовский клад XVII в. // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Мн., 1974.

Рябцевич В. Н. Монетные клады второй четверти XVIII в. — первой половины XIX в. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии // Нумизматика и сфрагистика, № 5. Киев, 1974.

Рябцевич В. Н. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии // Нумизматика и сфрагистика, № 1. Киев, 1963.

Рябцевич В. Н. Находки античных монет на территории Белоруссии // Вопросы истории. Сборник статей молодых ученых и аспирантов. Мн., 1968.

Рябцевич Валентин. Некоторые вопросы обращения медной монеты в Польше (параллельн. тексты на русск. и французск. яз.) // I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa 14—18 IX 1965. T. VI. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.

Рябцевич В. Н. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средниу веков. Мн., 1970.

Рябцевич В. Н. Новые монеты Дегтянского клада // Беларускія старажытнасці. Мн., 1972.

Рябцевич В. Н. Нумизматика // Историческое краеведение Белоруссии. Мн., 1980.

Рябцевич В. Н. Обращение пражского гроша на западно-русских землях // Государственный Эрмитаж. 1764—1964: Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Л., 1964.

Рябцевич В. Н. Основные итоги нумизматических исследований в БССР // Белорусские древности. Мн., 1967.

Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Изд. 2. Мн., 1977.

Рябцевич В. Н. Про складання нумізматичної карти // Українськиий історичный журнал, 1966. № 2. Київ.

Рябцевич В. Н. Раковецкий клад // Тезисы докладов научной сессии, посвященной памяти проф. Д. Г. Капанадзе. 16—17 марта 1972 г. Тбилиси, 1972.

Рябцевич В. Н. Российско-«польские» монетные эмиссии эпохи Петра I // Славяне: адзінства і мнагастайнасць. Міжнародная канферэнцыя 24—27 мая 1990, 4 секцыя (Гістарычнае адзінства і мнагастайнасць культурнага развіцця славянскіх народаў). Мн., 1990.

Рябцевич В. Н., Титок В. А. Русская монетная медь XVII в. в кладах Белоруссии и Украины // Древности Белоруссии. Мн., 1969.

Рябцевич В. Н. Севский чех (к истории атрибуции) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л., 1990.

Рябцевич В. Н. Тинф Петра I (в поисках прототипа) // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны: XI Всесоюзная конференция историков-славистов. Мн., 1988.

Рябцевич В. Н. Чому і як утворились скарби // Україньский історичний журнал. 1967. № 1. Київ.

Рябцевич В. Н. Шотландские монеты первой половины XVII в. в кладах Белоруссии и соседних районов // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М., 1963.

Северова М. Б. Советская нумизматика. Библиографический указатель 1966—1972 гг. Дополнение к указателю за 1917—1958, 1959—1960, 1961—1965 гг. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XII. М. 1978.

Северова М. Б. Советская нумизматика. Библиографический указатель. 1961—1965 гг. Дополнения к указателю за 1917—1958 и 1959—1960 гг. // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX. М., 1971.

Сиверс А. А. Топография кладов с пражскими грошами // Труды Нумизматической комиссии. Т. II. Петроград, 1922.

Сінчук І. І. Дошніцкі скарб // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1988. № 3. Мінск.

Синчук И. И. Клады монет из городского поселка Мир Гродненской обл. (Белоруссия) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1991.

Сінчук І. І. Лікаўскі скарб: вопыт рэстаўрацыі складу комплекса медных солідаў Рэчы Паспалітай 17 стагоддзя // Матэрыялы рэспубліканскай наву-

кова-практычнай канферэнцыі «Музей і развіцце гістарычнага краязнаўства», прысвечанай 70-годдзю Гродненскага Дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея. Гродна, 1990.

Сінчук І. І. Медныя манеты Рэчы Паспалітай і Маскоўскай дзяржавы XVII ст. эканамічныя аспекты вытворчасці // Славяне: адзінства і мнагастайнасць. Міжнародная канферэнцыя 24—27 мая 1990. 4 секцыя (Гістарычнае адзінства і мнагастайнасць культурнага развіцця славянскіх народаў). Мн., 1990.

Синчук И. И. Медные солиды Речи Посполитой 1664—1666 гг. с гербом Великого княжества Литовского // Новое в советской нумизматике и нумизматическом *музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Л.,* 1987.

Синчук И. И. Метрология медных солидов Речи Посполитой 1659—1666 гг. // Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 1987.

Синчук И. И. Нумизматика и математическая статистика: пять тезисов об оценке доли признаков // Государственный Эрмитаж. Краткие тезисы докладов нумизматической конференции «Итоги научно-практической и хранительской деятельности за 1991 г.» СПб., 1992.

Смирнов М. И. Русская революция 1917 года и нумизматика // Миниатюра. Газета для коллекционеров. 1992. Вып. № 11. СПб.;

Соболева Н. А. Клады пражских грошей как источник по экономической истории Великого княжества Литовского в XIV—XV вв. // Тезисы докладов и сообщений конференции по источниковедническим проблемам истории народов Прибалтики. Рига, 1968.

Сотникова М. П. Палеографический обзор легенд древнейших русских монет // Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л., 1982.

Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI вв. // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. IV; Нумизматика. Вып. 2. Л., 1983.

Сотникова М. П. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. IV; Нумизматика. Вып. 2. Л., 1961.

Спасский И. Г. Анализ технических данных в нумизматике // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXIX. М., 1951.

Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. Историко-нумизматическое исследование // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 44. М., 1955.

Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960.

Спасский И. Г. Золото Владимира Святославича // Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л., 1982.

Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 62. М., 1956.

Спасский И. Г. Когда и для чего чеканились впервые голландские дукаты в Петербурге? // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. Л., 1978.

Спасский И. Г. Насущные вопросы изучения русских монет X—XI веков // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXI. Л., 1961.

Спасский И. Г. Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914—1917 гг. // Нумизматика и сфрагистика,. 1968. № 3. Киев.

Спасский И. Г. Новоделы // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977.

Спасский И. Г. Нумизматические исследования (Россия, Украина, Белоруссия) в 1917—1967 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. II Л., 1969.

Спасский И. Г. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX в. К двухсотдвадцатипятилетию Монетного двора. Л., 1948.

Спасский И. Г. Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк. Изд. 4. Л., 1970.

Спасский И. Г. Русские ефимки. Исследование и каталог. Новосибирск, 1988.

Спасский И. Г., Янин В. Л. Советская нумизматика. Библиографический указатель. *1917—1958 гг.* // Нумизматика и эпиграфика. Т. II. М., 1960.

Спасский И. Г., Янин В. Л. Советская нумизматика. Библиогр. указатель. 1959—1960 гг. Дополнения к указателю за 1917—1958 гг. // Нумизматика и эпиграфика. Т. III. М., 1962.

Узденников В. В. Монеты России. 1700—1917. М., 1985.

Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. Изд. 2. М., 1993

Федоров Д. Я. Монеты Прибалтики XIII—XVIII столетий: Определитель монет. Таллин, 1966.

Фортинский С. П. Описание советских монет за период с 1921 по 1952 год. // Труды Государственного Исторического музея, XXV. Нумизматический сборник. Ч. 1. М., 1955.

Харламповіч П. В. Манэтныя скарбы, знойдзеныя у Беларусі, у зборах Беларускага Дзяржаўнага музэю // Гістарычна-археолёгічны зборнік. № 1. Мн., 1927.

Харламповіч П. В. Праскія грошы ў беларускіх манэтных скарбах // Гістарычна-археолёгічны зборнік. № 1. Мн., 1927.

Штыхаў Г. В. Полацкі скарб 1910 г. // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. № 3. Мн., 1962.

Щелоков А. А. Монеты СССР. М., 1986.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

Янин В. Л. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // Вопр. истории. 8. М., 1955.

ОГЛАВЛЕНИЕ

На вклейке — Дукат Великого княжества Литовского. 1666 г. (увелич.)

Научно-популярное издание

РЯБЦЕВИЧ ВАЛЕНТИН НАУМОВИЧ

НУМИЗМАТИКА БЕЛАРУСИ

Зав. редакцией Л. И. Круглова
Редактор Т. Л. Шумейко
Художественный редактор В. Н. Якунин
Фотографии И. Д. Флотского
Технический редактор Т. А. Тарасенко
Корректоры А. В. Алешко, Л. К. Семенова

Набор и верстка выполнены на компьютерной технике издательства "Полымя" Подп. в печать с ориг.-макета 19.04.95. Формат 60X90 1/16. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура "Гельветика". Офсетная печать. Усл. печ. л. 43,0. Усл. кр.-отт. 54,00. Уч.-изд. л. 46,62. Тираж 5000 экз. Изд. № 9183. Зак. 1204

Издательство «Полымя» Министерства культуры и печати Республики Беларусь Лицензия ЛВ № 432. 220600, Минск, пр. Машерова, 11

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО имени Я. Коласа. 220005 Минск, Красная, 23

На втором форзаце: топография монетных кладов Беларуси.

- ✳ — клады и единичные находки античных монет
- ⌖ — клады и единичные находки монет VI – начала XI в.
- △ — клады и единичные находки монет XI в.
- ◇ — клады и единичные находки платежных слитков XII – XV вв.
- ⊡ — клады и единичные находки монет XIV – XV вв.
- ▲ — клады XVI в.
- ▮ — клады XVII в.
- ⧫ — клады XVIII в.
- ⊖ — клады 1-й половины XIX в.
- V — недатируемые клады неизвестного состава

